E 19
813

~~Инородческое~~ Фирсовъ, Н.

8. / 2608

E19 / 813

E19—813 Фирсов, Н.А.

ИНОРОДЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ

ПРЕЖНЯГО КАЗАНСКАГО ЦАРСТВА ВЪ НОВОЙ РОССІИ ДО 1762 ГОДА

И КОЛОНИЗАЦІЯ ЗАКАМСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Татаръ, Мордву, Черемисъ, Вотяковъ, Чувашъ и Башкирцевъ, входившихъ нѣкогда въ составъ Казанскаго царства, или тянувшихъ къ нему, старая Россія передала новой не одинаковыми по образу жизни: инородческое населеніе, сидѣвшее на земляхъ области средней Волги и заключавшее въ себѣ Татаръ, Черемисъ, Вотяковъ, Мордву и Чувашъ, занималось преимущественно земледѣліемъ, между тѣмъ какъ у Башкирцевъ главнымъ занятіемъ было скотоводство. И по отношенію къ государству эти два, далеко не равные по численности, отдѣла инородческаго населенія находились не на одинаковой степени подчиненности, хотя въ Москвѣ и называли всѣхъ этихъ инородцевъ одинаково вѣчными данниками Великаго Государя: первый, допустивъ на своихъ земляхъ прочно утвердиться русскому элементу, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ безусловно подчиниться авторитету русской государственной власти; въ обширномъ же краѣ, который былъ занятъ Башкирцами, русское поселеніе въ теченіе московскаго періода нашей исторіи успѣло сдѣлать лишь незначительныя водворенія, и тамошнее инородческое населе-

15431 68 М

ніе потому повиновалось русской власти, когда хотѣло, и на условіяхъ, какія находило для себя выгодными. Вслѣдствіе этой разницы въ бытѣ и положеніи относительно государства между поименованными отдѣлами инородческаго населенія прежняго Казанскаго царства произошло то, что и новая Россія должна была неодинаково относиться къ нимъ, и что съ другой стороны жизнь каждаго изъ этихъ отдѣловъ представляла различныя явленія и направленія, хотя исторія Башкирцевъ въ новое время находилась въ близкой связи съ измѣненіями, совершавшимися во внутреннемъ бытѣ поволжскаго инородческаго населенія, въ извѣстной степени опредѣляясь ими.

Поэтому, намѣреваясь въ настоящемъ трудѣ говорить о положеніи инородческаго населенія прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи, почитаю необходимымъ разбить изложеніе этого предмета на два отдѣла: въ первомъ изложены будутъ тѣ свѣдѣнія, которыя касаются положенія въ новой Россіи инородцевъ, живших въ области средней Волги; во второмъ будутъ представлены извѣстія объ отношеніи Русскихъ къ Башкирцамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о колонизаціи Закамскихъ земель, такъ какъ русское колонизаціонное движеніе туда было тѣсно связано съ Башкирскимъ вопросомъ.

Свѣдѣнія эти почти всѣ заимствованы мною изъ печатныхъ источниковъ, изъ которыхъ Полное Собраніе Законовъ было для меня въ настоящемъ случаѣ главнѣйшимъ. Что же касается до неизданныхъ матеріаловъ, хранящихся въ провинціальныхъ и столичныхъ

архивахъ, то по обстоятельствамъ, о которыхъ здѣсь излишне распространяться, я имѣлъ возможность на то лишь только, чтобы года два тому назадъ, въ бытность мою въ Москвѣ, пріобрѣсти общее понятіе о богатствѣ историческаго матеріала, находящагося въ тамошнихъ архивахъ, М. И. Д. и М. Ю., да просмотрѣть въ первомъ изъ нихъ Башкирскія дѣла, которыя впрочемъ немного прибавляютъ къ тому, что извѣстно объ отношеніи Русскихъ къ этому народу въ періодъ времени съ начала XVIII столѣтія до вступленія на престолъ Екатерины II изъ П. С. З., изъ сочиненій Рычкова и жизнеописанія Неплюева, имъ самимъ написаннаго. Весьма бы немало могло послужить мнѣ при выясненіи взятаго для изслѣдованія вопроса посѣщеніе тѣхъ мѣстностей въ области Волги и Камы, гдѣ съ наибольшею силою и вліяніемъ проявлялась дѣятельность Русскихъ въ тогдашнее время въ этомъ краѣ и въ особенности въ отношеніи къ инородцамъ: время это не слишкомъ удалено отъ насъ; слѣды этой дѣятельности новаго государства и русскаго общества, прошедшаго школу Петра Великаго, уцѣлѣли безъ сомнѣнія, во многихъ мѣстахъ: очень вѣроятно и то, что среди населенія какъ русскаго, такъ и инородческаго происхожденія сохранились преданія о тогдашнихъ временахъ. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось воспользоваться и этого рода источникомъ.

Не теряя надежды когда нибудь получить возможность къ тому, равно какъ къ ближайшему ознакомленію съ архивными матеріалами, я теперь, какъ и въ первомъ своемъ трудѣ объ инородцахъ (Положеніе ино-

родцевъ сѣверовосточной Россіи въ московскомъ государствѣ. Казань. 1866 г.), продолженіемъ котораго можно считать настоящее мое сочиненіе, поставилъ себѣ задачу: *собрать печатныя свѣдѣнія насчетъ того, въ какія условія жизнь инородцевъ, входившихъ въ составъ прежняго Казанскаго царства или тянувшихъ къ нему, старалась поставить и поставила новая Россія,—съ указаніемъ, гдѣ возможно, результатовъ отъ возникавшихъ вслѣдствіе того отношеній для жизни какъ русскихъ, такъ и инородцевъ.*

Н. Ѳ.

23 мая 1869 г.

А.

ИНОРОДЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ ОБЛАСТИ СРЕДНЕЙ ВОЛГИ (ТАТАРЫ, ЧЕРЕМИСЫ, МОРДВА, ЧУВАШИ И ВОТЯКИ) ВЪ НОВОЙ РОССІИ ДО 1762 ГОДА.

ГЛАВА I.

Общественно-экономическое его полсженіе въ новой Россіи до 1762 года.

Вотчинныя права служилыхъ иновѣрцевъ. Ограниченія владѣльческихъ ихъ правъ, постановленныя при Петрѣ Великомъ, и результаты этихъ ограниченій для ихъ быта. Послѣдующее законодательство относительно владѣльческихъ правъ служилыхъ инородцевъ, переходившихъ въ христіанство, и тѣхъ инородцевъ служилыхъ, которые оставались въ вѣрѣ отцовъ. Усиленіе русскаго землевладѣнія въ области средней Волги на счетъ земель, принадлежавшихъ послѣднимъ.—

Обязанности и повинности инородцевъ по отношенію къ государству по законамъ Петра Великаго. Пожертвованія ихъ государству до первой ревизіи. Ревизія по отношенію къ инородческому населенію; причины, ее вызвавшія, и значеніе этой государственной мѣры для быта инородцевъ. Подушная подать и рекрутская повинность по отношенію къ нимъ. Происхожденіе и состояніе по закону при Петрѣ Великомъ разряда иновѣрцевъ, приписанныхъ къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ. Характеръ противодѣйствія инород-

цевъ новымъ узаконеніямъ относительно общественно-экономическаго ихъ быта.

Положеніе приписанныхъ къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ въ періодъ времени отъ кончины Петра Великаго до воцаренія Екатерины II. Усиленіе требовательности правительства по отношенію къ нимъ; жалобы ихъ на тяжесть возложенныхъ на нихъ работъ, отправляя которыя, они должны были нести еще подати и повинности, падавшія и на остальныхъ инородцевъ и податныхъ русскаго происхожденія.

Условія общественно-экономическаго быта податнаго населенія имперіи, общія податнымъ и русскаго и инородческаго происхожденія, въ періодъ времени отъ 1725 до 1762 г. Правительственный взглядъ на значеніе податнаго населенія въ государствѣ. Условія, опредѣлявшіяся прямыми податями и повинностями и косвенными налогами, разсмотрѣніе ихъ размѣра и свойства. Условія, вытекавшія изъ направленія общественнаго развитія тогдашней Россіи: общественный строй по идеямъ Петра Великаго, и отношеніе къ нему общества; увеличеніе привилегій служилаго класса и превращеніе его въ сословіе, и вліяніе этого явленія на положеніе податныхъ; расширеніе крѣпостнаго права и положеніе крѣпостныхъ по закону и на практикѣ; правительственныя опредѣленія относительно промысловъ, промышленности обрабатывающей и передаточной, и дѣйствіе ихъ на бытъ податныхъ; состояніе государственнаго управленія при преемникахъ Петра Великаго по закону и на практикѣ и отношеніе служилаго класса къ податнымъ; мятежи крѣпостныхъ противъ помѣщичьей власти, побѣги податныхъ, разбои, какъ результаты крайне стѣсненнаго положенія податнаго населенія, и дѣйствіе этихъ явленій на его бытъ.

Московская Россія не придавала большаго значенія племеннымъ отличіямъ подданныхъ. Разноязычное инородческое населеніе области средней Волги, доставшееся ей въ силу завоеванія отъ Казанскаго царства, она подвела подъ тѣ общественныя дѣленія, на которыя распадалось и русское населеніе. Изъ инородческой массы выдѣлился такимъ образомъ классъ служилыхъ иновѣрцевъ, называвшійся на

оффиціальномъ языкѣ того времени именемъ князей, мурзъ и татаръ. Этотъ классъ по отношенію къ государству обязанъ былъ личною службою въ Московскомъ войскѣ, въ которомъ эти князья, мурзы и татары составляли особый отдѣлъ, употреблявшійся преимущественно тамъ, гдѣ нужнымъ считалось произвести наибольшее опустошеніе. Этого рода служилые, какъ и служилые русскаго происхожденія, владѣли помѣстьями и вотчинами и вообще по своему общественному положенію приравнивались къ служилымъ людямъ русской крови и православно-христіанской вѣры. Остальная масса инородческаго населенія занимающаго насъ теперь края отнесена была къ разряду людей тяглыхъ въ государствѣ, отличаясь отъ людей тяглыхъ русскаго происхожденія только тѣмъ, что прямая и постоянная подать, которую они доставляли казнѣ, называлась ясакомъ, почему и сами они назывались ясачными.

Въ царствованіе Петра Великаго въ положеніи того и другаго класса инородцевъ произведены были весьма важныя измѣненія противъ прежняго.

Что касается до служилыхъ иновѣрцевъ, то владѣльческія права ихъ, кромѣ общихъ, относившихся ко всѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія, узаконеній (1), ограничены были слѣдую-

---

(1) Вотчинникъ и помѣщикъ могъ владѣть вотчиной и помѣстьемъ подъ условіемъ, на которое настаивали и московскіе государи,—вѣрной и усердной службы Великому Государю; кромѣ того въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ, находившихся на разстояніи отъ большихъ рѣкъ менѣе 100, а отъ малыхъ менѣе 50 верстъ (впослѣдствіи это разстояніе было уменьшено на половину), преимущественно рѣкъ системы Волги, не имѣли права рубить въ лѣсныхъ дачахъ дуба, вяза, ясени и сосны толще 12 вершковъ въ комелѣ (см. Обозрѣніе законовъ относительно лѣсовъ въ сочиненіи барона Врангеля «Исторія лѣснаго законодательства Россійской имперіи» Спб. 1841 г. стр. 20 и далѣе); по отношенію къ крестьянамъ, жившимъ на вотчинной землѣ, владѣльческія права были ограничены: закономъ, повелѣвшимъ лишать права непосредственнаго владѣнія (?) помѣстьемъ и вотчиной помѣщиковъ и вотчинниковъ, которые явятся разорителями крестьянъ, налагаютъ на нихъ несносныя подати, бьютъ ихъ въ томъ и мучаютъ (П.

щими распоряженіями Преобразователя. Въ ноябрѣ 1713 года послѣдовалъ указъ Великаго Государя. «Великій Государь указалъ въ Казанской и Азовской губерніи бусурманамъ магометанской вѣры, за которыми есть помѣстья и вотчины, и въ тѣхъ ихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ за ними крестьяне, и дворовые, и дѣловые люди православной христіанской вѣры, сказать свой Великаго Государя указъ, чтобы они бусурмане крестились конечно въ полгода, а какъ воспріимутъ святое крещеніе, и тѣми помѣстьями и вотчинами и людьми и крестьянами владѣть имъ по прежнему; а ежели они въ полгода не крестятся, то тѣ ихъ помѣстья и вотчины съ людьми и крестьянами взять и отписать на него Великаго Государя и безъ указу никому не отдавать» (1). Въ томъ же мѣсяцѣ Государь подтвердилъ этотъ указъ: «Деревни, писалъ онъ между прочимъ 27 ноября въ указѣ Сенату,—которыя за бусурманами, сказать, что ежели не крестятся всѣ, отнять, и чтобъ въ томъ долгаго сроку не давать» (2). Какъ видно, исполнители закона поняли его въ буквальномъ смыслѣ, т. е. что магометанинъ не можетъ отселѣ владѣть поземельною собственностію; по крайней мѣрѣ Государь въ 1715 году нашелъ нужнымъ разъяснить, что «которые мурзы и татары и другіе магометанской вѣры креститься не похотятъ, и у тѣхъ русскихъ крестьянъ съ пашнею и со всѣми угодьями, чѣмъ они крестьяне владѣли», слѣдуетъ «отписать на Великаго Государя, а мурзамъ и татарамъ жить въ домахъ своихъ, и земель ихъ и всякаго угодья и мельницъ, которыми владѣли, кромѣ крестьянскихъ земель, не отписывать, а владѣть имъ» (3). Хотя такимъ образомъ помѣщики и вотчинники изъ инородцевъ

С. З. № 3,294), постановленіемъ 1721 года (Тамже № 3,770), въ силу котораго запрещено было продавать крестьянъ по одиночкѣ, запрещеніемъ принуждать крестьянъ вступать противъ ихъ воли въ бракъ, и наконецъ правами, которыя были предоставлены господскимъ крестьянамъ и о которыхъ будетъ сказано ниже.

(1) П. С. З. № 2734.

(2) Тамже № 2741.

(3) Тамже № 2920.

удержали за собою часть прежнихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ правъ, тѣмъ не менѣе приведенныя узаконенія Петра Великаго, которыми въ сущности возстановлялась сила такой же мѣры, принятой въ царствованіе царя Ѳеодора Алексѣевича относительно этого класса и за тѣмъ въ правленіе царевны Софіи отмѣненной (1), — наносили имъ, какъ особому, привиллегированному классу въ средѣ инородческой массы, смертельный ударъ. Правда они не лишались, владѣя землею, права имѣть крѣпостныхъ изъ иновѣрцевъ, права, составлявшаго одно изъ существенныхъ ихъ отличій отъ остальной инородческой массы; у нѣкоторыхъ изъ нихъ крѣпостными были дѣйствительно иновѣрцы; другіе, лишившись теперь крѣпостныхъ русскихъ, могли разными путями пріобрѣтать себѣ людей въ средѣ иновѣрческаго населенія. Но при существованіи закона, запрещавшаго помѣщикамъ-нехристіанамъ владѣть христіанами, это право, оставленное за ними, очевидно, было крайне шатко. Тѣ служилые люди изъ иновѣрцевъ, на земляхъ которыхъ сидѣли иновѣрцы же, должны были находиться въ постоянномъ страхѣ лишиться и этой крѣпостной силы и съ тѣмъ вмѣстѣ извѣстнаго количества земли: потому что основательно было думать, что крѣпостные ихъ, чтобы избавиться крѣпостной зависимости, не откажутся промѣнять свою вѣру на вѣру христіанскую, которая доставляла имъ свободу отъ помѣщичьей власти и дѣлала ихъ владѣльцами занятыхъ ими земель. Оттого служилымъ инородцамъ, помѣщикамъ и вотчинникамъ оставалось или креститься и чрезъ то слиться съ массою помѣщиковъ и вотчинниковъ русскаго происхожденія, или же приравняться къ податнымъ. Такъ и было: классъ служилыхъ мурзъ и татаръ, владѣвшихъ населенными землями, имѣвшихъ дотолѣ особыя права и обязанности, быстро изчезаетъ вслѣдствіе ограниченій ихъ владѣльческихъ правъ, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ и не отмѣненныхъ его преемниками, — поглощенный частію русскимъ дворянствомъ, частію податнымъ классомъ инородческаго населенія. При настоящемъ запасѣ обнародованнаго матеріала мы не можемъ въ точности показать, сколько иновѣрцевъ помѣщи-

(1) См. мое сочиненіе: «Положеніе инородцевъ въ московскомъ государствѣ». Казань. 1866. стр. 113—115.

ковъ перешло къ христіанству и чрезъ то, удержавъ за собою прежнія владѣльческія права, увеличило собою численность русскаго дворянства. Но несомнѣнно то, что не смотря на довольно сложныя формальности, которыя нужно было выполнить помѣщикамъ иновѣрцамъ при переходѣ къ христіанству (1), эти переходы ихъ были не рѣдки. Если отцы предпочитали скорѣе, оставаясь крѣпкими въ прежней своей вѣрѣ, лишиться деревень, чѣмъ, обратившись къ христіанству, удержать за собою выгоды, соединявшіяся съ владѣніемъ населенною землею, или медлили рѣшиться на этотъ шагъ, выжидая, можетъ быть, отмѣны законовъ, ограничивавшихъ ихъ владѣльческія права; то дѣти и внуки ихъ, убѣдившись, что на этотъ разъ правительство не расположено возвращаться къ старинѣ, посмотрѣли на дѣло иначе: стали креститься и вмѣстѣ съ тѣмъ просить у правительства, чтобы возвращены были имъ отобранныя у ихъ отцовъ и дѣдовъ за некрещеніе деревни. Это обстоятельство послужило поводомъ къ слѣдующимъ узаконеніямъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ свидѣтельствомъ того, что обращеніе иновѣрцевъ помѣщиковъ или дѣтей и внуковъ ихъ съ цѣлію удержать за собой, или возвратить себѣ владѣльческія пра-

---

(1) Чтобы перейти мурзѣ въ христіанство, требовалось съ его стороны исполнить слѣдующія формальности: съ начала нужно было подать о томъ прошеніе на Высочайшее имя; послѣ того въ Синодѣ съ него снималось показаніе: сущею ли правдою желаетъ онъ воспринять св. крещеніе, и кто это подтвердитъ. За тѣмъ слѣдовалъ допросъ свидѣтелей, которыхъ выставлялъ желающій креститься въ доказательство, что это его желаніе искренне; далѣе его обучало христіанскому закону какое либо духовное лицо, которое должно было доносить Синоду, дѣйствительно ли новообращенный искренно желаетъ креститься. Послѣ этого уже слѣдовало опредѣленіе Синода о совершеніи надъ нимъ таинства крещенія. Такъ было, какъ видно изъ дѣла о крещеніи города Кадома мурзы Шигъ-Алея Иванишева сына князя Алешева (Описан. Синод. Арх. Спб 1868 г. стр. 728), принято по отношенію къ переходящимъ изъ невѣрія въ православную вѣру помѣщикамъ-инородцамъ въ первое время послѣ отобранія у нихъ деревень. По всей вѣроятности послѣ переходъ имъ ко крещенію упрощенъ.

ва было въ средѣ класса прежнихъ служилыхъ иновѣрцевъ явленіемъ весьма замѣтнымъ. «У которыхъ, читаемъ въ указѣ 30 сентября 1726 года, мурзъ и татаръ магометанской вѣры деревни по указу 1713 года за некрещеніе и ослушаніе указовъ отписаны, а послѣ того дѣти ихъ и внуки крестились и приняли вѣру греческаго исповѣданія и нынѣ бьютъ челомъ, чтобы за то крещеніе отписныя деревни отцовъ и дѣдовъ ихъ пожаловать имъ, и такимъ новокрещеннымъ деревни отцовъ и дѣдовъ ихъ отдавать тѣ, которыя никому прежде не отданы, къ дворцовымъ вотчинамъ не приписаны, а которыя деревни розданы или къ дворцовымъ вотчинамъ приписаны, и вмѣсто тѣхъ ихъ деревень такою же препорціею отдавать имъ изъ другихъ отписныхъ или выморочныхъ деревень, а далѣе сыновей и внучатъ не отдавать и того смотрѣть, чтобы подъ видомъ тѣхъ новокрещенныхъ такія деревни во владѣніи у иновѣрцевъ не были» (1). Въ 1730 году указано опредѣлительно назначеніе отписныхъ у татаръ и мурзъ за некрещеніемъ деревень. Именный указъ того года 6 марта говоритъ насчетъ этого: «Мурзинскія и татарскія деревни, которыя отписаны за некрещеніе въ греческую вѣру по прежде посланному указу изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта марта 10 дня, въ раздачу не отдавать, а давать изъ нихъ, по силѣ указа 1726 года октября 10 дня, новокрещеннымъ мурзамъ и татарамъ, которые крестились и впредь крестятся сами или послѣ нихъ сыновья ихъ и внучата, также и родственникамъ ихъ крещенымъ, по усмотрѣнію и каждому по препорціи. А буде у которыхъ мурзъ и татаръ родственниковъ не будетъ, то давать чужеродцамъ, которые крестятся, каждому по разсмотрѣнію же и по препорціи, дабы другіе имѣли ревность къ познанію истинной вѣры греческаго закона и крещенію. А которыя деревни розданы уже, или къ дворцовымъ приписаны, и вмѣсто такихъ ихъ деревень давать такою же препорціею изъ другихъ отписныхъ и выморочныхъ мурзинскихъ же и татарскихъ деревень» (2). Этого правила относительно вотчинныхъ правъ приходившихъ по крещенію правительство держалось, какъ основнаго, во все царство-

(1) П. С. З. № 4962.
(2) Тамже № 5512.

ваніе императрицъ Анны и Елизаветы. Оно было принято за основаніе, когда въ царствованіе послѣдней правительство рѣшилось приступить къ общей повѣркѣ владѣльческихъ правъ частныхъ лицъ, владѣвшихъ землями, какъ населенными, такъ и ненаселенными. Въ инструкціи межевщикамъ праву мурзъ и татаръ, обращенныхъ къ христіанству, на помѣстья, имъ прежде принадлежавшія и потомъ за некрещеніе отобранныя у нихъ, дается еще большее развитіе. «У которыхъ мурзъ и татаръ, говорится въ этой инструкціи, крестьяне и земли были отписаны и послѣ того тѣ мурзы и татары или ихъ дѣти и внучата крестились и тѣми отписными у нихъ деревнями тѣ новокрещеные изъ мурзъ и татаръ сами, или дѣти и внучача ихъ, или другіе посторонніе новокрещенные же, не бивъ челомъ о дачѣ имъ за крещеніе тѣхъ деревень и не получа дачи, собою владѣютъ, такія отмежевывать особо, а отъ владѣнія тѣхъ владѣльцевъ не отрѣшать» (1).

Но было не мало между прежними служилыми людьми изъ иновѣрцевъ, которые оставались некрещеными, одни по нежеланію измѣнять вѣрѣ отцовъ, а другіе потому, что, владѣя одною землею и не имѣя крѣпостныхъ, не имѣли матеріальныхъ побужденій къ тому. Всѣмъ мурзамъ и татарамъ, на земляхъ которыхъ не было водворено крестьянъ христіанскаго исповѣданія, оставлено было право владѣнія этими землями. Равно тѣ мурзы и татары, у которыхъ за некрещеніе отписаны были деревни, удержали право собственности на земельные участки, оставшіеся за выдѣломъ прежнихъ ихъ крестьянъ. Это ихъ право утверждено и инструкціей межевой (2). Но оно было ограничено постановленіемъ, перешедшимъ изъ московской Россіи въ новую (3), по которому владѣльцы эти могли продавать свои земли только лишь иновѣрцамъ. Побужденіе, которое заставляло правительство поддерживать это ограниченіе, состояло въ убѣжденіи его, что этимъ путемъ скорѣе и удобнѣе можно

---

(1) Межевая инструкція 12 мая 1754 г. въ П. С. З. № 10237. Гл. XXII. пунктъ 6.

(2) Тамже пунктъ 1.

(3) Уложеніе гл. XVI, пунктъ 43.

добиться того, что некрещеные мурзы и татары будутъ исправно отправлять возложенныя на нихъ повинности и платить подати. А такъ какъ послѣднее у правительства было на первомъ планѣ, то оно грозило строгимъ наказаніемъ нарушителямъ этого закона и употребляло всѣ зависящія отъ него средства, чтобы воспрепятствовать переходу земель мурзъ и татаръ въ руки русскихъ помѣщиковъ. Указъ 21 октября 1737 года, подтверждая прежнее постановленіе, чтобы некрещеные татары русскимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ земель своихъ ни подъ какимъ предлогомъ не продавали, также чтобы и русскіе помѣщики земель у некрещеныхъ татаръ отнюдь не покупали, въ тоже время сдѣлалъ распоряженіе, по которому подлежащимъ мѣстамъ запрещалось, подъ страхомъ немалаго штрафа, писать купчія и закладныя на иновѣрческія земли (1). Инструкція межевщикамъ 1754 года предписываетъ смотрѣть на всякія сдѣлки по куплѣ и продажѣ земель, совершенныя между русскими помѣщиками и некрещеными мурзами и татарами, какъ на недѣйствительныя, «отставливать ихъ, а земли, которыми кто владѣетъ по такимъ документамъ, измѣря, какъ казенныя, продать смежнымъ помѣщикамъ по числу душъ» (2).

Не смотря однакожъ на такое строгое запрещеніе и преслѣдованіе продажи прежними служилыми инородцами русскимъ помѣщикамъ земель, русское землевладѣніе въ занимающій насъ періодъ времени чрезвычайно успѣшно развивалось въ области Волги насчетъ земель некрещеныхъ владѣльцевъ. Русскіе помѣщики умѣли обходить запретительные законы этого рода, умѣли сдѣлать и то, что тогдашніе суды писали нужные документы, дававшіе имъ формальное право владѣть пріобрѣтаемою у иновѣрцевъ землею. А послѣ Петра Великаго все болѣе и болѣе усиливавшееся крѣпостное право служило главнымъ побужденіемъ къ запрещенному закономъ пріобрѣтенію земель, такъ какъ, при разширеніи господскихъ правъ и при увеличеніи числа крѣпостныхъ, они могли навѣрное расчитывать, что земля, какимъ бы способомъ ни была пріобрѣтена, безъ пользы не пролежитъ. Съ своей стороны прежніе служилые иновѣрцы,

---

(1) П. С. З. № 7409.

(2) Межевая инстр. гл. XXII. п. 11.

владѣвшіе землями и въ тоже время урѣзанные во владѣльческихъ правахъ, не видѣли достаточнаго основанія дорожить поземельною собственностію, тѣмъ болѣе, что съ владѣніемъ этимъ соединялось исполненіе извѣстныхъ повинностей, отъ которыхъ они могли надѣяться отбыть съ продажею земли. Вотъ свидѣтельства, говорящія о томъ, что земли некрещеныхъ мурзъ и татаръ, вопреки закону, переходили къ русскимъ помѣщикамъ. Въ 1737 году Казанской губерніи прокуроръ доносилъ въ Сенатъ, что «въ той губерніи являются въ покупкѣ и въ закладѣ земли отъ однодворцевъ и иновѣрцевъ шляхетству, которые, купя и не справя за собою, поселили на тѣхъ земляхъ деревни, а на тѣхъ земляхъ продавцы положены въ подушный окладъ, отъ чего въ подушномъ окладѣ чинится доимка» (1). Въ концѣ царствованія императрицы Елизаветы Петровны въ С. П.Б-гѣ узнали, что переходъ земель прежнихъ служилыхъ иновѣрцевъ въ руки русскихъ помѣщиковъ продолжалъ совершаться разными путями въ большихъ размѣрахъ, и узнали по слѣдующему случаю: лейбъ-гвардіи капитанъ Петръ и ассесоръ Михаилъ Приклонскіе въ 1750 году купили у служилыхъ Казанской и Нижегородской губерній мурзъ и татаръ земли. Черезъ десять лѣтъ послѣ того они вошли въ Сенатъ съ просьбою, въ которой изложивъ свое желаніе, чтобы сенатъ утвердилъ за ними эти земли, въ тоже время жаловались, что сосѣдніе татары свезли посѣянный ими на этихъ земляхъ хлѣбъ, смертно били ихъ крестьянъ, прося произвести о томъ изслѣдованіе по формѣ. Татары съ своей стороны показали на живущихъ около нихъ помѣщиковъ и въ томъ числѣ на капитана Приклонскаго, что тѣ на ихъ татарскихъ жалованыхъ земляхъ самовольно поселили крестьянъ, свезли посѣянный татарскій хлѣбъ и сѣно, отнимаютъ лошадей у нихъ и прочіе пожитки, вымучили у нѣкоторыхъ изъ нихъ на тѣ земли записи; къ этому въ своемъ прошеніи татары присовокупили, что нѣкоторые изъ ихъ братьи изъ той помѣстной земли продали немалое число тѣмъ русскимъ помѣщикамъ подложно чрезъ постороннихъ новокрещенъ, отъ чего не только имъ въ платежъ

---

(1) П. С. З. № 7409.

подушныхъ денегъ и на исправленіе работы корабельныхъ лѣсовъ хлѣбъ употреблять въ продажу, но и на пропитаніе самимъ не достаетъ, и для сѣва хлѣба пашенную землю и на пропитаніе скота сѣнные покосы они татары съ 1753 года нанимаютъ у посторонннихъ обывателей дорогою цѣною.» Казанская адмиралтейская контора, вѣдавшая корабельные лѣса, къ работамъ которыхъ приписаны были прежніе служилые иноземцы, по поводу этого столкновенія получившая предложеніе доставить въ Сенатъ свѣдѣнія о положеніи иновѣрцевъ-землевладѣльцевъ по отношенію къ русскимъ помѣщикамъ, вполнѣ подтвердила тотъ фактъ, что земли первыхъ переходятъ въ руки послѣднихъ въ большомъ размѣрѣ, только объяснила его нѣсколько иначе, чѣмъ татары. Разсказавъ о повинностяхъ, которыя несутъ прежніе служилые татары, она затѣмъ говоритъ: «оные татары отъ многолѣтней, повсягодной работы и отъ прочихъ положенныхъ на нихъ тягостей придя въ крайнюю нищету и скудость, помѣстныя свои пашенныя татарскія земли и достальныя, на которыхъ они написаны по генеролитетской переписи, продаютъ, въ противность уложенія и указовъ, умысля подлогомъ и переводомъ чрезъ имена новокрещенскія русскимъ помѣщикамъ, а эти помѣщики, покупя тѣ ихъ земли, населяютъ на тѣхъ земляхъ въ тѣхъ же ихъ татарскихъ деревняхъ съ ними татары вообще русскихъ своихъ крестьянъ, которые крестьяне, по общему жительству съ ними, чинятъ имъ татарамъ, какъ бѣднымъ и безгласнымъ людямъ, несносныя обиды и разоренія, и достальныя ихъ татарскія земли безъ остатку насиліемъ отнимаютъ». Для соблюденія положеннаго на татаръ немалаго интереса контора считала необходимымъ такія продажи иновѣрческихъ земель, по силѣ Указа 1737 года запретить, а тѣмъ татарамъ, кои плутовствомъ своимъ подложно продаютъ такія земли и отъ платежа податей укрываются, на страхъ прочимъ, чинить наказаніе. «Ежели, присовокупляетъ эта контора, не будетъ запрещено впредь писать на такія татарскія земли купчія, то многіе мурзы и татары цѣлыми деревнями отъ всеконечной своей скудости и бѣдности, отъ обидъ русскихъ помѣщиковъ и достальныя пашенныя земли распродавъ, всѣ безъ остатку могутъ разбѣжаться и деревни запустошить; и

безъ того за обидами отъ русскихъ помѣщиковъ осталась на нихъ на 756 годъ въ доимкѣ немалая сумма» (1).

Изъ приведеннаго документа видно, что одной изъ причинъ перехода земель прежнихъ служилыхъ иновѣрцевъ въ руки русскихъ помѣщиковъ было обѣднѣніе ихъ, которое условливалось тяжестію наложенныхъ на нихъ государствомъ податей и повинностей. Въ чемъ же состояли эти подати и повинности? Какія новое русское государство предъявляло требованія относительно труда инородцевъ? И въ какія, вообще, условія въ новой Россіи былъ поставленъ трудъ ихъ? До 1718 года служилые иновѣрцы относительно повинностей государству, равно какъ и относительно общественныхъ и имущественныхъ правъ, составляли, какъ было и въ старой Россіи, особый классъ въ массѣ инородческаго населенія края, приравненный къ служилому люду русскаго происхожденія. Они по прежнему наряжались, по очереди, въ походы; несли станичную службу; наряжались также на работы въ крѣпостяхъ, вмѣсто которой впрочемъ имъ позволялось вносить деньги до 1712 года въ размѣрѣ 5 р. съ 5000 человѣкъ, а съ 1712 по 10 р. съ этого же числа (2). Но ревизія уничтожила различіе между служилыми иновѣрцами и остальной инородческой массой и подвели ихъ подъ одинъ разрядъ съ послѣдней, устранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ различіе въ положеніи, по отношенію къ государству, между инородческимъ ясачнымъ и русскимъ тяглымъ населеніемъ, выражавшееся ясакомъ. До ревизіи правительство Петра Великаго относилось къ труду инородческой массы по московскому обычаю, т. е., брало съ иновѣрцевъ опредѣленный ясакъ и, по мѣрѣ нужды, налагало на нихъ другіе поборы, или требовало отъ нихъ пожертвованія на пользу государства личною работою. Существенная разница однакожъ между Россіей московской и Россіею времени преобразованія въ этомъ отношеніи заключалась въ томъ, что у послѣдней явилось несравненно болѣе нуждъ и потребностей, чѣмъ какія сознавала первая, и что вслѣдствіе этого правительство Петра Великаго отнеслось съ гораздо большею требовательностію по отношенію къ подданнымъ и въ

(1) П. С. З. № 11,232.

(2) Тамже № 2467.

томъ же числѣ къ инородцамъ, чѣмъ какъ это было при государяхъ, управлявшихъ Россіею изъ Москвы. Русское движеніе на сѣверо-западъ къ морю, вызвавшее, кромѣ трудной и продолжительной войны, какъ неизбѣжнаго результата этого движенія, необходимость преобразованія войска, устройства флота, основаніе, строеніе и заселеніе С. Петербурга, осушеніе болотъ, проведеніе дорогъ, каналовъ, которые бы связывали новую русскую колонію съ другими частями государства,—все это заставляло правительство тогдашнее требовать усиленныхъ пожертвованій со стороны народа какъ непосредственнымъ трудомъ по указанію власти, такъ и деньгами и другимъ имуществомъ. Инородцы области средней Волги должны были принять волею-неволею участіе въ этой великой работѣ: они давали рекрутъ; они должны были, какъ и русскіе, посылать на работы въ С. Петербургъ цѣлыя артели своей братьи, которыя отъ трудностей работы, отъ непривольнаго и нездороваго климата, отъ недостатка содержанія большею частію не возвращались домой, погибали на берегахъ Невы (1), или оставались тамъ на житье (2); они должны были нести усиленныя налоги, прямые и косвенные; угодья, за которыя они дотолѣ платили лишь малые оброки или вовсе не платили ихъ, были обложены возвышенными оброками (3). Всѣ эти пожертвованія, которыя инородцы должны были нести на ряду съ русскими на пользу государства и тягость которыхъ долженъ былъ признать самъ Петръ Великій, были бы менѣе обременительны, если бы равномѣрно падали на всѣхъ. Но дѣло въ томъ, что какъ въ средѣ служилаго класса тогдашней Россіи находилось много охотниковъ отбывать службы государству, такъ и въ тягломъ населеніи ея было не мало людей, бѣгавшихъ государственнаго тягла. Въ 1714 году Сенатъ доносилъ Государю, что по переписнымъ книгамъ 710 года значилось въ государствѣ 602,935 дворовъ, и противъ переписныхъ книгъ 186 года (1678) убыло 184,416 дворовъ; да съ 710 года по вѣдомости въ одной Казанской губерніи убыло 35215 дворовъ, что съ прежнею убылью составитъ общую цифру убыли въ 219,631 дворъ, а за тѣмъ на лицо въ губерніяхъ 567,720

---

(1) Weber. Das Veränderte Russland. 447.

(2) Тамже. 448.

(3) П. С. З. № 1965.

дворовъ (1). Слишкомъ четверть населенія такимъ образомъ уклонялась отъ государственнаго тягла, кто побѣгами, кто закладничествомъ и закабаленіемъ за частными лицами, кто переходомъ изъ крестьянъ въ дворовые и дѣловые люди, кто вслѣдствіе незанесенія въ переписныя книги. Тяжесть государственныхъ повинностей, приходившаяся на эти убылые дворы, должны были выносить на себѣ оказавшіеся на лицо дворы. Для государства, кромѣ того, прежняя подворная система раскладки податей и повинностей на тяглое населеніе представляла еще то неудобство, что дворъ далеко не всегда заключалъ въ себѣ одно семейство, а часто прикрывалъ нѣсколько семействъ (2) точно такъ же, какъ между инородцами казанскаго царства ясакъ, бывшій въ началѣ податью, падавшею на каждое лицо, сталъ выражать собою понятіе о дани, которая падала на извѣстную мѣстность и которую несли съобща по нѣскольку дворовъ (3). Въ области средней

---

(1) П. С. З. № 2798.

(2) «Императоръ Петръ Великій,— свидѣтельствуетъ Татищевъ,— въ 1710 году повелѣлъ дворы и число мужеска пола вновь переписать, которое 1711 года окончалось, но весьма неисправно: 1) какъ холопи и дворовые люди въ платежъ не писались, то многіе владѣльцы, цѣлыя деревни огородя заборомъ, всѣхъ крестьянъ писали дворовыми; 2) нѣкоторые по три и по четыре двора вмѣстѣ сводили, избы посломали и однимъ дворомъ писали; 3) иные наличныхъ крестьянъ писали въ бѣгахъ». Разсужденіе о ревизіи поголовной. См. XVI прибавл. къ книгѣ Н. А. Попова «Татищевъ и его время. М. 1861 г.»

(3) Переписныя книги 1710 года показали такое количество и распредѣленіе дворовъ по уѣздамъ въ области средней Волги (П С. З. № 3380) крестьянскихъ и ясачныхъ:

НАЗВАНІЕ МѢСТНОСТЕЙ.	Число двор. *крестьянскихъ.*	Число дворовъ *ясачныхъ.*	Въ нихъ *ясаковъ.*
Казань съ пригородами . .	8,713	37,580	16,472
Уржумъ	198	1,921	846
Свіяжскъ	3,207	17,059	4,997
Кокшанскъ	229	—	—

Волги правительство должно было встрѣтить еще болѣе затрудненій, чѣмъ гдѣ либо, при раскладкѣ податей и повинностей. Здѣсь едва ли не болѣе, чѣмъ гдѣ либо, въ тогдашнюю пору народонаселеніе передвигалось съ мѣста на мѣсто. Переписныя книги 1710 года открыли, что въ Нижегородской губерніи явились противъ старыхъ переписныхъ книгъ 186 года немалая пустота, но что въ замѣнъ того въ Казанской губерніи явилась прибыль сверхъ переписныхъ книгъ 186 года 8568 дворовъ, да кромѣ того явилось ясачныхъ русскихъ 4938 ясаковъ, изъ которыхъ въ каждомъ слѣдовало считать безъ малаго два двора, а въ доли эти прибылые дворы, также и русскіе ясаки не были положены (1). Прошло четыре года, и въ Казанской губерніи противъ переписныхъ книгъ 1710 года уже находили убылыхъ 35212 дворовъ. При такомъ передвиженіи населенія, въ которомъ принимали одинаковое участіе и русскіе и инородцы и которое потомъ долго не останавливалось (2), тяжесть поборовъ приходилось вы-

Цивильскъ	74	—	—
Царевококшайскъ	327	1,436	1,031
Чебоксары	245	5,612	2,619
Яранскъ	477	880	629
Царево-санчурскъ	564	1,135	626
Козмодемьянскъ	485	4,514	2,279
Пенза	316	5,604	2,196
Симбирскъ	933	6,863	2,486
Самара	210	—	107
Нижній-Новгородъ	26,868	—	—
Балахна	8,123	—	—
Юрьевъ Повольскій	5,396	—	—
Арзамасъ	13,905	1,464	—
Алатырь	7,698	1,544	—
Курмышъ	3,265	1,529	1,345
Ядринъ	30	920	920
Итого	81,263	88,061	36,553

(1) П. С. З. № 3106.

(2) Генералъ Салтыковъ въ 1723 году доносилъ Государю: «въ Нижегородской губерніи въ лѣсахъ поселились раскольники и явились скиты раскольничьи; въ Алаторской провинціи въ двухъ

носить на своихъ плечахъ тѣмъ, которые не сходили съ занятыхъ мѣстъ, между тѣмъ какъ передвигавшіеся съ мѣста на мѣсто были часто свободны отъ всякихъ повинностей государству, или отдѣлывались малою платою. Петръ Великій, какъ видно, считалъ наиболѣе уклоняющимся разными пу-

---

селахъ на Можаровской пильвальной мельницѣ явилось пришлыхъ людей и крестьянъ многое число, которые работаютъ при той мельницѣ корабельные лѣса въ адмиралтейство, и живутъ собственными своими дворами; «въ ясачныхъ и другихъ волостяхъ дворцовыхъ явились пришлые, изъ которыхъ не только половину, но и цѣлое село разослать надлежитъ по разнымъ губерніямъ (№ 4162)». Бригадиръ Фамендинъ, бывшій «у свидѣтельства душъ въ Казанскомъ уѣздѣ», доносилъ: «въ Казанскомъ уѣздѣ явилось сходцевъ изъ разныхъ городовъ и уѣздовъ, посадскихъ и дворцовыхъ, и синодскаго владѣнія и помѣщиковыхъ крестьянъ и бобылей изъ гуляющихъ 954 двора, которые платятъ 341 ясакъ». «Въ дворцовыхъ и ясачныхъ волостяхъ при переписи явились и пришлые изъ другихъ уѣздовъ дворцовые же и ясачные, а въ прежнихъ своихъ жилищахъ тягла не платили, а которые платили, и то малое число бобыльское тягло; а нынѣ де гдѣ живутъ, платятъ немалое съ полуясака и больше; и ежели де ихъ выслать на прежнія жилища, то отъ нихъ тамъ прибыли никакой не будетъ, а нынѣшніе ихъ ясаки опустѣютъ» (№ 4886). Въ 1724 г правительство узнало, что бѣглые ясачные крестьяне и другіе изъ Пензенскаго уѣзда образовали на рѣчкѣ Карамышѣ новыя слободы, что «принималъ ихъ и селилъ солдатъ Осипъ Кляповъ, называясь атаманомъ, да сходецъ подъячій Иванъ Петровъ, а по переписи ихъ насчитали 600 человѣкъ, которые выѣзжали на коняхъ вооруженными, и сдѣланъ у нихъ городокъ и огороженъ заметомъ, и выходятъ они къ станичной избѣ въ праздничные дни съ ружьемъ и стрѣляютъ,—да сверхъ переписи есть еще 400 человѣкъ, которые называются казаками,—а другіе отставными драгунами, а прочіе Пензенскаго уѣзда крестьяне» (№ 4609). Кромѣ вольнаго передвиженія населенія съ мѣста на мѣсто въ описываемомъ краѣ, совершалось передвиженіе и съ разрѣшенія властей. Такъ нѣсколько татаръ Свіяжскато уѣзда, согласно ихъ просьбѣ, переведены были за Каму рѣку, на рѣчку Ахтолу, на порожнія земли (Акты историч. и юридич. собр. Ст. Мельниковымъ К. 1859 г. стр 190). Прежде заняв-

тями отъ платежа податей и отправленія повинностей инородческое населеніе въ этомъ краю. По крайней мѣрѣ еще прежде, чѣмъ вышелъ указъ о всеобщей поголовной переписи въ государствѣ, онъ въ 1715 году приказалъ «приготовить вѣдѣніе въ губерніяхъ Нижегородской, Казанской и Азовской, сколько есть Татаръ, Черемисовъ и прочихъ нехристіанской вѣры» (1). Но невидно, чтобы исполнено было это его приказаніе, чтобы была произведена спеціальная перепись инородцевъ области средней Волги. По крайней мѣрѣ когда объявлена была общая перепись въ государствѣ ради расположенія полковъ армейскихъ на крестьянъ всего государства, то вмѣстѣ съ тѣмъ Государь повелѣлъ переписывать на ряду съ крестьянами дворцовыми и прочими государевыми, патріаршими, монастырскими, архіерейскими, церковными, помѣщичьими, вотчинниковыми и однодворцами Татаръ и ясачныхъ (кромѣ Астраханскихъ и Уфимскихъ Татаръ, и Башкирцевъ, и Сибирскихъ иноземцевъ, о которыхъ обѣщано было особое опредѣленіе), не взирая ни на какія старыя и новыя о дворовомъ числѣ и поголовныя переписи, но учиня переписи правдивыя, по именамъ, не обходя отъ стараго до послѣдняго младенца съ лѣтами ихъ, съ такою отмѣною для Татаръ относительно способа составленія ревизскихъ сказокъ: «у Татаръ и ясачныхъ принимать отъ каждой волости или деревни ихъ за знаменами старостъ и выборныхъ ихъ людей» и съ такимъ предупрежденіемъ: «буде кто изъ нихъ въ душахъ утаитъ, и за то бы чинить имъ жестокое наказаніе, бить ихъ кнутомъ нещадно, да сверхъ того за всякую утаенную душу взять лучшаго человѣка въ солдаты не въ зачетъ положенныхъ съ нихъ рекрутъ». Срокъ для составленія и подачи

шіе порожнія земли потомъ принимали къ себѣ въ свой участокъ другихъ переселенцевъ на основаніи полюбовныхъ условій, утверждавшихся властями (тамже, стр. 194). Иновѣрцы, получавшіе земли за крещеніе, могли поступаться и поступались ими русскимъ крестьянамъ (тамже, стр. 154). «Черемисы и Вотяки,—говоритъ Миллеръ,—имѣютъ сіе обыкновеніе, что ежели имъ прежнее мѣсто къ жилью не покажется, то они иногда цѣлыя деревни сламываютъ и на другія мѣста переносятъ (Описаніе языческихъ народовъ, Ежемѣс. соч. 1756 г. стр. 39).

(1) П. С. З. № 2957.

ксазокъ назначился, какъ и для прочихъ подлежавшихъ переписи, годичный, — «понеже сіе главное дѣло и къ оному армейскихъ полковъ расположенію весьма нужное» (1).

Списки ревизіи такимъ образомъ должны были служить основаніемъ при раскладкѣ повинностей, необходимыхъ для комплектованія и содержанія войска въ государствѣ. Ревизія дала такіе результаты для областей, гдѣ жили инородцы, подлежавшіе переписи (2).

Казан. Астр. Сибир. губ.	Казанская провинція	169,716	душъ муж.
	Свіяжская —	180,804	
	Пензенская —	120,537	
	Симбирская —	109,453	
	Вятская —	139,848	
Нижегор.	Нижегородская	301,340	
	Арзамасская —	60,288	
	Алаторская —	60,268	
	Тамбовская —	361,612	
	Шацкая —	241,075	
		1,744,941	душъ.

Но трудно опредѣлить на основаніи имѣющихся свѣдѣній, сколько въ этомъ числѣ душъ заключалось инородческихъ. Еще труднѣе доискаться цифръ, которыя показывали бы численность инородцевъ по племенамъ. Въ Полномъ Собраніи Законовъ находимъ только для одной тогдашней Казанской губерніи (исключая Уфимской провинціи, которая въ это время уже входила въ составъ Оренбургской) общую цифру инородческаго населенія, которая опредѣлена въ 254660 душъ мужескаго пола (№ 9379). Кромѣ того въ немъ есть указаніе на количество ревизскихъ душъ, — сосчитанныхъ, неизвѣстно впрочемъ, первою или второю ревизіею,—принадлежащихъ къ татарскому племени, жившему въ губерніяхъ Казанской, Нижегородской и Воронежской, а именно: въ Казан-

(1) Тамже № 3287.

(2) Эти данныя взяты изъ книги: «Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства и проч.» Ив. Кирилова. М. 1831 г.

ской провинціи ясачныхъ татаръ 37621; состоявшихъ у карабельныхъ работъ 65674; да въ Симбирской провинціи 880 всего: 103175 душъ, въ числѣ которыхъ насчитали въ 1756 г.—3670 крещеныхъ (№ 10597). Что касается до численности инородческаго населенія въ другихъ губерніяхъ, кромѣ Казанской, и до количества инородцевъ другихъ племенъ, кромѣ татарскаго, то относительно этого въ Полномъ Собраніи Законовъ мы не нашли данныхъ. Впослѣдствіи Фалькъ, во время своего путешествія по Россіи тщательно собиравшій статистическія свѣдѣнія о населеніи областей, чрезъ которыя проѣзжалъ, и въ томъ числѣ провинцій Пензенской, Симбирской, Казанской, Свіяжской и Вятской и имѣвшій въ рукахъ списки ревизіи 1763 года, а также епархіальныя вѣдомости о населеніи, не могъ дознаться, какъ велико число Вотяковъ, Черемисъ, Мордвы и проч.; потому что за исключеніемъ Казанской губерніи, въ ревизіонныхъ спискахъ которой представлены цифры населенія ея по племенамъ, во всѣхъ другихъ инородческихъ мѣстностяхъ исчисляли инородческое населеніе гуртомъ. Принимая въ соображеніе данныя, помѣщенныя въ П. С. З., взявъ въ расчетъ тѣ свѣдѣнія, которыя собралъ Фалькъ относительно численности населенія въ провинціяхъ Пензенской, Симбирской и Вятской (1), присоединивъ къ тому нѣкоторыя, имѣющіяся цифры объ инородцахъ губерній Нижегороской и Воронежской (2), можно только предположительно сказать, что инородческое населеніе въ эпоху первой ревизіи въ тогдашнихъ губерніяхъ Казанской, Нижегородской и Воронежской, въ провинціяхъ Симбирской, Вятской составляло около 500 тысячъ въ общей цифрѣ сосчитанныхъ тутъ тогда душъ.

---

(1) Въ Пензенскомъ уѣздѣ по Фальку было въ 1763 г.—33258 ревизскихъ душъ, въ Саранскомъ 6611 новообращенныхъ (Beiträge zur topographischen Kenntnisz des Russ. Reichs. B. I, 64—66), въ Симбирской провинціи 28650 (тамже 104); въ Вятской новообращенныхъ 54397 об. п. (1770 г.) (томъ III, 458).

(2) Въ Нижегородской епархіи въ 1746 году считалось новокрещенныхъ 50430 чел. (Исторія нижегородской іерархіи. Соч. арх. Макарія. Спб. 1857 г. стр. 118). Въ Воронежской губерніи считали инородцевъ, приписанныхъ къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ, 10551 душу (П. С. З. № 5380).

Болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія имѣемъ о томъ, какія требованія предъявило правительство Петра Великаго къ труду внесенныхъ въ перепись инородцевъ. Наибольшая часть инородческаго населенія, какъ и русскаго, должна была отселѣ доставлять съ каждой ревизской души опредѣленную подать на содержаніе войска. Всякій татаринъ и ясачный долженъ былъ каждогодно вносить въ казну 74 копѣйки, а буде кто изъ нихъ не былъ за помѣщикомъ, то сверхъ того, вмѣсто помѣщичьяго доходу, еще по 40 копѣекъ. А такъ какъ татары и ясачные въ большинствѣ случаевъ были свободны отъ помѣщичьей власти, что видно и изъ Плаката (1), которымъ Петръ Великій окончательно опредѣлилъ эту подать, то и выходитъ, что имъ приходилось платить съ каждой души по 1 р. 14 копѣекъ. А такъ какъ казна оцѣнивала трудъ всякаго податнаго въ теченіи сутокъ въ лѣтнюю пору по 5 к., въ зимнюю по 4 к. (2), то слѣдуетъ, что каждый инородецъ, обложенный податью, долженъ былъ жертвовать въ пользу государства 11-ю лѣтними и 16-ю зимними рабочими днями; или, такъ какъ цѣна въ тогдашнее время на хлѣбъ не превышала 10 коп. за пудъ (3) ржаной муки, то податному приходилось удѣлять казнѣ изъ собраннаго съ поля хлѣба отъ 10 до 11 пудовъ. Въ поименованныхъ выше губерніяхъ и провинціяхъ только инородцы Кунгурскаго уѣзда, причи-

---

(1) П. С. З. № 1533.

(2) Тамже, пунктъ 7-й.

(3) Цѣны на предметы необходимости на случай дорогаго времени Плакатъ опредѣляетъ такія: за муку по 1 р. 50 к., за крупу 2 р., за овесъ 50 к. за четверть, за сѣно по 6 денегъ за пудъ (пунктъ 5-й). Въ обыкновенное время цѣны на эти предметы до семидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія были почти въ двое ниже этой таксы. См. П. С. З. № 8422. «Цѣны на хлѣбъ и другіе припасы въ 1751 и 1752 годахъ» во Временникѣ кн. 6-я.—Щербатова, «Разсужденіе объ повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи въ 1787 году» въ Чт. Моск. общ. ист. и древност. 1860 г. кн. 1-я.—Въ Казани отъ 1763—1773 г. среднія цѣны были такія: 1 пудъ ржаной муки отъ 12 до 13 к., пшеничной отъ 30 до 32 к., овса отъ 9 до 10 к., говядины отъ 30 до 40 к., баранины отъ 40 до 50 к., бѣлужины 1 р., осетрины 1 р. 60 к.— Falk. Beiträge zur topogr. Kenntn. des Russ. Reichs. I, 154.

слявшагося къ Вятской провинціи, Татары и Черемисы, которыхъ числилось до 800 человѣкъ, продолжали по прежнему платить ясакъ въ 711 куницъ, замѣненный въ царствованіе императрицы Екатерины I денежнымъ взносомъ по 50 к. за каждую куницу (¹). Кромѣ подати подушной и повинности рекрутской, которую также должны были отправлять занесенные въ списки ревизіи, ничего они больше не обязаны давать казнѣ: «а больше того никакихъ денежныхъ и хлѣбныхъ податей, говорится въ Плакатѣ, и подводъ не имать, и платить неповинны, развѣ то за деньги» и то вслѣдствіе указовъ за рукою Императорскаго Величества, или за руками всего Сената (²). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ назначено опредѣленное вознагражденіе отъ казны за трудъ податныхъ, а именно: въ лѣтнее время мужику съ лошадью по 10, а безъ лошади по 5-ти, а въ зимнее съ лошадью по 6-ти, а безъ лошади по 4-ре копѣйки на день; за подводы подъ денежную казну, которая будетъ отъ полковъ отправляться въ указныя мѣста, подъ колодниковъ,—которыя обязаны были также давать податные въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было ямовъ, назначено плата на каждую лошадь зимою по одной денькѣ, а въ лѣтнее по копѣйкѣ за версту, а за простой сверхъ того, какъ опредѣлено о работникахъ (³). Сборъ положенныхъ на народъ податей возложенъ въ селеніяхъ, не подвластныхъ помѣщикамъ, на мѣстныя сельскія и волостныя выборныя власти. Эти послѣднія у инородцевъ выбирались, какъ и у русскихъ. «Имъ дозволено было изъ своей братьи выбирать сотниковъ, выборныхъ и десятниковъ для суда и расправы въ ихъ деревняхъ въ небольшихъ дѣлахъ и ссорахъ и для сбора положенныхъ податей. Мелкія деревни состояли подъ вѣдѣніемъ одного сотника» (⁴). Для обезпеченія исправнаго взноса по-

---

(¹) П. С. З. 4793.

(²) Плакатъ пункты 1-й и 7-й.

(³) Путешественники XVIII вѣка по Россіи учрежденіе между инородцами выборныхъ сельскихъ и волостныхъ начальниковъ по образцу русскому находили прочно утвердившимся. Миллеръ. Опис. языч народовъ. стр. 40. Ежем. сочин. 1759 г.—Лепехинъ. Дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ Росс. государства въ 1768 и 1769 г. ч. 1. стр, 140, Изд. 2-е. Спб. 1795 г.

датей и отправленія повинностей позволено было податнымъ ходить на заработки не иначе, какъ съ установленными паспортами. Опредѣляя такимъ образомъ наряду съ русскими повинности инородцевъ по отношенію къ государству, Петръ Великій, какъ и его предшественники, явился защитникомъ ихъ противъ всякой попытки частныхъ лицъ къ закрѣпленію ихъ за собою. Однимъ сенатскимъ указомъ 1720 года сдѣлано было рсспоряженіе объ освобожденіи всѣхъ Татаръ и Татарокъ, иновѣрцевъ ясачныхъ людей отъ власти тѣхъ, кто держалъ ихъ у себя подъ неволею, исключая только тѣхъ Татаръ, которые во время башкирскаго бунта приставали къ мятежникамъ и во время усмиренія его взяты Казанскими же Татарами и прочими людьми и проданы разнмхъ чиновъ людямъ, и купчія даны: таковымъ быть по явпымъ свидѣтельствамъ по тѣмъ купчимъ въ работѣ попрежнему; потому что тогда указомъ объявлено, что ежели кто такихъ возметъ, то они у него отняты не будутъ (1). Въ особенности въ этомъ отношеніи пользовались покровительствомъ правительства инородцы, принимавшіе крещеніе. «Которые изъ иновѣрцевъ ясачныхъ людей крестились, и таковыхъ разныхъ чиновъ люди, крѣпя себѣ, поженили на крѣпостныхъ своихъ дѣвкахъ; и тѣхъ отъ нихъ освободить» (2). Приходившіе ко крещенію, кромѣ того, пользовались льготами относительно податей и повинностей: они на три года освобождались отъ всякихъ сборовъ и податей (3). Въ 1722 году Императоръ писалъ казанскому губернатору: «Писалъ ты, что по указамъ берутся нынѣ въ рекруты изъ иновѣрцевъ, въ томъ числѣ и новокрещеные, и приверстываются въ гарнизонные полки; и по полученіи сего такихъ, которые изъ бусурмановъ крестились, въ службу не бери; а которые взяты и нынѣ обрѣтаются еще въ Казанскомъ гарнизонѣ, и оныхъ отпусти въ домы ихъ; а кои отосланы въ военную коллегію, или въ другіе полки, и тѣмъ уже тамъ быть. А которые креститься не хотятъ, и такихъ бери въ службу по прежнему указу» (4). А прежній указъ

---

(1) П. С. З. № 3697.

(2) Тамже.

(3) Тамже № 3637.

(4) Тамже № 4123.

19 января 1722 года былъ таковъ: «съ Мордвы, Черемисъ рекрутъ брать, какъ съ русскихъ; а Татаръ брать малолѣтнихъ, а именно въ гарнизоны отъ 10 до 12 лѣтъ, изъ которыхъ употреблять въ деньщики генераламъ и штабу третью долю, также и въ матросы нѣкоторую часть» (1).

Но изъ массы инородческаго населенія области средней Волги Преобразователь выдѣлилъ довольно значительную часть, труду которой въ пользу государства назначилъ особое направленіе. Въ то время какъ большинство инородцевъ въ своихъ обязанностяхъ по отношенію къ государству ограничено было рекрутскою повинностію и подушною податью, деньги для уплаты которой могло добывать, какими способами хотѣло: другіе изъ нихъ должны были отбывать эту подать извѣстнымъ, указаннымъ властію, родомъ работы. Явился такимъ образомъ разрядъ инородцевъ, приписанныхъ къ опредѣленнымъ занятіямъ, которыми замѣнена для нихъ была подушная подать, падавшая на все тяглое населеніе государства. Такъ 508 татарскихъ семействъ были приписаны къ работамъ на Сергіевскихъ сѣрныхъ водахъ (2). Со времени введенія подушной подати принято за правило правительствомъ Петра Великаго регулировать трудъ такихъ приписныхъ сообразно расчету, сдѣланному въ Плакатѣ, т. е., они даромъ должны были работать казнѣ столько дней, сколько потребовалось бы имъ проработать, получая вознагражденіе по Плакату, чтобы составить сумму, необходимую для уплаты причитающихся на нихъ податей; за всѣ остальные дни рабочіе получали они вознагражденіе въ размѣрѣ, указанномъ въ Плакатѣ.

Въ ряду такихъ приписныхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ приписные къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ, сколько потому, что число ихъ было весьма значительно, столько и потому, что приписные этого рода состояли исключительно изъ инородцевъ, и если впослѣдствіи между ними найдены и русскіе, то это признано было отступленіемъ отъ намѣреній Петра Великаго, которое затѣмъ немедленно было устранено. Еще до объявленія указа о ревизіи со-

---

(1) Тамже № 3884.

(2) Голиковъ. Дополн. къ Дѣяніямъ Петра Великаго. т. XVIII, стр. 274.

стоялся 31 января 1718 года, вслѣдствіе доклада Казанскаго вице-губернатора Кудрявцева, Высочайшій указъ, которымъ повелѣвалось: «къ рубкѣ, тескѣ и возкѣ корабельныхъ лѣсовъ и для другихъ къ тому принадлежащихъ работъ брать на работу Казанской, Нижегородской и Воронежской губерній, также и изъ Симбирскаго уѣзда служилыхъ мурзъ и Татаръ, Мордву и Чувашъ, безъ заплаты, вмѣсто тѣхъ, которые высылались съ нихъ на работу въ Петергофъ, съ наличнаго числа, которые явятся въ этихъ мѣстахъ по новымъ переписнымъ книгамъ. А если въ Воронежской губерніи, за дальностію, брать работниковъ будетъ не возможно, то вмѣсто того за каждаго человѣка брать деньгами по разсмотрѣнію, чтобы можно было за тѣ деньги нанять другихъ работниковъ со стороны» (1). Во исполненіе этого указа опредѣлено было къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ 56113 душъ, въ томъ числѣ 10551 душа изъ Воронежской губерніи. Главнымъ образомъ прежніе служилые иновѣрцы, мурзы и татары должны были теперь взять на себя эту работу; для пополненія необходимаго количества работниковъ къ нимъ присоединены и ясачные. Размѣръ работы опредѣленъ былъ такъ. Каждый изъ приписанныхъ къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ отъ 15 до 60-лѣтняго возраста долженъ былъ участвовать въ этихъ работахъ, по складкѣ; съ каждыхъ 9-ти человѣкъ на осеннее и зимнее время, на 6-ть мѣсяцовъ, брались на работы двое, одинъ конный, другой пѣшій; если требовались годовые работники, то брались съ 25 человѣкъ одинъ конный и двое пѣшихъ. Мурзы и татары Воронежской губерніи освобождены были отъ личной работы, но взамѣнъ ея обложены были денежнымъ взносомъ по 2 р. 30 к. на человѣка (2). Поставленные въ особое положеніе по отношенію къ государству, эти приписанные къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ мурзы и татары, Мордва и Чуваши подчинены были тогда же особому управленію. Петръ Великій приказалъ въ 1718 году вѣдать ихъ судами и розысками вице-губернатору Казанскому Кудрявцеву, а губернаторамъ и воеводамъ повелѣлъ ни въ чемъ ихъ не вѣдать. Когда начата была общая перепись народа, то возникъ во-

(1) П. С. З. № 8785 9861.

(2) Тамже.

просъ, класть ли на приписанныхъ къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ подушную подать. На это въ 1719 году Государь далъ такой отвѣтъ: «съ нихъ генеральныхъ сборовъ быть въ равномъ положеніи съ губерніями, токмо до предбудущаго 1720 года по тѣмъ расположеніямъ денегъ и ничего съ нихъ не имать; а въ предбудущемъ году объ оныхъ къ расположенію разсмотрѣть въ камеръ-коллегіи, а что чего съ нихъ въ нынѣшнемъ году по раскладкамъ взять доведется, о томъ выписать въ докладъ» (1). Подобнаго же содержанія относительно приписанныхъ къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ былъ указъ сенатскій, состоявшійся въ 1722 году, которымъ, вслѣдствіе представленія вице-губернатора Кудрявцева, велѣно было «иновѣрцевъ мурзъ и татаръ, Мордву и Чувашъ»,—покамѣстъ «по переписи генералитета и штабъ-офицеровъ распредѣленіе полковъ учинено будетъ,—вѣдать по прежнему вице губернатору Кудрявцеву, и всякія дѣла отправлять и положенные съ нихъ сборы сбирать»; а какъ, продолжаетъ указъ,—генералитетъ и штабъ-офицеры прибудутъ туда для освидѣтельствованія ихъ и распотоженія на полки, то ихъ имъ освидѣтельствовать, переписать и расположить съ прочими въ подушную подать въ равенствѣ, только по расположеніи ихъ на полки, тѣхъ денегъ до указа съ нихъ не брать, а представить въ сенатъ извѣстіе, сколько съ нихъ такихъ денегъ взять надлежитъ (2). Но эта полумѣра по отношенію къ инородцамъ, приписаннымъ къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ, какъ и слѣдовало ожидать, поставила въ затрудненіе, кто сводилъ ревизскія сказки и счеты подушныхъ денегъ: тѣ не знали, куда ихъ причислить (3). Недоумѣніе это разрѣшилъ Императоръ: 16 апрѣля 1724 г., будучи въ Сенатѣ, онъ указалъ: «служилыхъ татаръ, которые опредѣлены къ вице-губернатору Кудрявцеву для работъ корабельныхъ лѣсовъ и отправленія лѣсовъ въ Астрахань и въ низовый походъ, въ расположеніе на

---

(1) П. С. З. № 3326.
(2) Тамже № 4065.
(3) Тамже № 4485.

полки и въ подушный сборъ не писать, а быть имъ у тѣхъ работъ и у отправленія лѣсовъ по прежнему» (1).

На такихъ основаніяхъ учрежденъ былъ въ инородческомъ населеніи области средней Волги отдѣлъ приписныхъ къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ.

Но ни эти послѣдніе, ни остальная масса инородческаго населенія края не удовлетворились новыми опредѣленіями относительно общественно-экономическаго быта. Тѣ и другіе имѣли на то основаніе. Мурза, который дотолѣ былъ человѣкомъ сравнительно высокаго положенія въ обществѣ, и теперь приравненъ сталъ простому ясачному, понятно, не могъ сочувственно относиться къ новымъ порядкамъ, обрекавшимъ его на черный трудъ, хотя въ сущности трудъ этотъ, какъ опредѣлялся онъ Преобразователемъ, былъ не особенно значителенъ: потому что каждому приписанному къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ приходилось служить, работать по назначенію власти въ 8-мь лѣтъ одинъ годъ. Еще менѣе могли мириться съ новыми порядками ясачные, положенные въ подушный окладъ. Ясакъ и другіе прямые налоги, которые прежде платили казнѣ ясачные приволжскіе, были ничтожны въ сравненіи съ введенною теперь подушною податью; до сихъ поръ, напримѣръ, въ Казанскомъ уѣздѣ 15 т. слишкомъ ясаковъ, заключавшихъ въ себѣ болѣе 35 т. дворовъ, платили лишь 21593 р. съ небольшимъ (2); теперь имъ приходилось давать казнѣ по меньшей мѣрѣ въ пятеро болѣе противъ прежняго. И вотъ, вслѣдствіе недовольства инородцевъ новыми условіями, назначенными для ихъ труда, среди нихъ обозначаться стали такія явленія: «Прошу милосердія, писалъ Государю въ февралѣ 1721 года Кудрявцевъ (3), на сумазброднаго стараго Молоствова: ѣздилъ по деревнямъ татарскимъ и, сбирая татаръ, сказываетъ имъ, что онъ присланъ отъ вашего царскаго величества съ полнымъ указомъ уставить въ мірѣ правду и волю имѣетъ казнить и вѣшать, какъ и прежде вѣшалъ, такъ и нынѣ мо-

---

(1) П. С. З. № 4495.

(2) Тамже № 1579.

(3) Документъ этотъ приведенъ въ «Исторіи Россіи» С. Соловьева. т. XVI, стр. 300.

жетъ дѣлать самовластно, никого не боясь, и внушаетъ имъ, что отъ податей государство все разорилось, разсказываетъ, какъ древнія государства разорялись и пропали, и наше также разорилось и пропадаетъ. Также сказываетъ имъ, что ваше царское величество не указалъ нынѣ корабельнаго лѣса готовить и велѣлъ всѣмъ повольно дубъ рубить, и я работою корабельныхъ лѣсовъ будто мучу напрасно людей. Стакался съ Гаврилою Норовымъ, велитъ имъ дубовые лѣса всякому на свои нужды рубить и письма давалъ, чтобы рубили. Во свидѣтельство правды словъ своихъ говорилъ, что въ 1717 году многихъ людей перевѣшалъ, за что похвальбу себѣ принялъ, и обѣщался татарамъ, что до смерти своей будетъ имъ помощникомъ и предводителемъ всякому дѣлу; что хотѣлъ было постричься, но теперь для нихъ до смерти не пострижется, и нынѣ же имъ татарамъ сказалъ, что поѣдетъ въ С. Петербургъ и привезетъ указъ, чтобы меня предъ ними татарами казнить». Ясачные татары и другіе иновѣрцы, подобно русскимъ, выказали противодѣйствіе успѣшному ходу ревизіи тѣмъ между прочимъ, что показывали въ ревизскихъ сказкахъ не то количество душъ, какое было на самомъ дѣлѣ въ ихъ волостяхъ: въ ясачныхъ волостяхъ одного Казанскаго уѣзда, при повѣркѣ ревизскихъ сказокъ, оказалось прописныхъ 2114 человѣкъ. Такая уловка, сдѣланная съ цѣлію скрыть отъ правительства подлинное число плательщиковъ, не удалась имъ, и пришлось имъ даже дорого за нее поплатиться: съ обществъ виновныхъ въ укрывательствѣ душъ, подлежащихъ новой подати, взято въ солдаты 219 человѣкъ. Черемисы Казанскаго уѣзда Алацкой дороги, Выжмаринской и Черемисской волостей отъ подобнаго взысканія спаслись лишь тѣмъ, что изъявили въ числѣ 545 душъ креститься съ женами и дѣтьми (1). Но у положенныхъ въ подушныхъ окладъ иновѣрцевъ было другое, уже извѣданное средство уклоняться отъ исполненія требованій правительства, если они эти требованія считали для себя обременительными, — это бѣгство. Начальникъ драгунскаго Вологодскаго полка, расположеннаго на Казанскую губернію, Доригній вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго доносилъ Сенату: «въ опредѣленныхъ на его полкъ по Ар-

(1) П. С. З. № 4254.

ской дорогѣ квартирахъ при сборѣ подушныхъ денегъ явилось убылыхъ душъ умершихъ 8698, бѣглыхъ 3892, вдвое написанныхъ 178, взятыхъ въ солдаты 340, высланныхъ на старыя жилища 95, итого 13203 души, и при сборѣ подушныхъ денегъ многіе изъ татаръ хотѣли бѣжать въ Башкирцы за скудостію и пустотою отъ платежа, которыхъ онъ удержалъ обнадѣяніемъ, что будетъ онъ о той пустотѣ стараніе имѣть. Сверхъ того пріѣхавшій съ рубежа башкирскаго драгунъ, который былъ посланъ для высылки подушныхъ денегъ, рапортовалъ ему, что многіе тагары мурзинскіе съ 4-хъ деревень бѣжали въ Башкирцы, а другіе хотѣли его убить и подушныхъ денегъ не платятъ». Донося объ этомъ, полковникъ Доригній представлялъ правительству о необходимости принудить Башкирцевъ къ выдачѣ этихъ бѣглецовъ и запретить впредь имъ принимать бѣглыхъ и для предотвращенія дальнѣйшихъ побѣговъ иновѣрцевъ въ Башкирію и для устраненія Башкирцевъ поставить на рубежѣ башкирскомъ полкъ, увѣряя, что ежели это не будетъ сдѣлано, то многіе другіе татары побѣгутъ также. Получивъ это донесеніе, Сенатъ приказалъ Казанскому губернатору Фамендину вмѣстѣ съ полковникомъ Доригніемъ произвести на мѣстѣ изслѣдованіе о выбылыхъ душахъ, подлинно ли вышеозначенное число душъ изъ положеннаго числа на тотъ полкъ выбыло, и въ которыхъ годахъ, прежде ли подачи о душахъ мужескаго пола сказокъ и свидѣтельства ихъ, произведеннаго бригадиромъ Фамендинымъ, или послѣ, и, ежели потому изслѣдованію явятся выбылые, выбывшіе до подачи ревизскихъ сказокъ, то ихъ а также вдвое написанныхъ изъ подушнаго оклада выключить; равно выключить умершихъ и бѣжавшихъ, а вмѣсто ихъ въ тотъ полкъ приложить тѣхъ, которые въ той губерніи имѣются за расположеніемъ полковъ въ остаткѣ, а равно прибылыхъ изъ другихъ губерній, бѣглыхъ людей и привезенныхъ крестьянъ, или собою явившихся изъ другихъ губерній послѣ указнаго о вывозѣ бѣглыхъ сроку и въ подушный окладъ въ той губерніи еще не положенныхъ, а на остающихся на мѣстѣ татаръ за тѣхъ выбылыхъ до указу подушныхъ денегъ не править, для того, что, хотя такихъ убылыхъ, выбывшихъ послѣ подачи ревизскихъ сказокъ, по указамъ изъ подушнаго оклада выключать и не надлежало, но только эти выбылые явились между ясачными татарами и подушныхъ де-

негъ съ нихъ платить некому; а ежели спрашивать за такое малое число убылыхъ на остающихся, то и остальные отъ тягости побѣжать могутъ; и для удержанія впредь ихъ отъ побѣгу тотъ Вологодскій полкъ поставить къ Башкирскому рубежу и накрѣпко смотрѣть полковнику и офицерамъ, чтобы отнюдь никто въ Башкирцы пропущенъ не былъ; къ Башкирцамъ послать изъ Сената грамоту съ требованіемъ выдачи бѣглецовъ, съ объявленіемъ гнѣва Е. И. В. за пріемъ ихъ вопреки обѣщанію, которое дали Башкирцы, когда получили прощеніе за свой мятежъ, и угрозы настоящимъ гнѣвомъ Е. И. В. и разоренiемъ въ случаѣ, если они не выдадутъ бѣглыхъ, ослушаются указа; относительно сопротивленія татаръ платить подушную подать и выраженнаго ими намѣренія убить посланнаго за этими деньгами драгуна велѣно было розыскать (1).

Такимъ образомъ своимъ противодѣйствіемъ новымъ, введеннымъ Преобразователемъ, порядкамъ въ ихъ жизнь инородцы области средней Волги не могли поколебать этихъ порядковъ, возвратить себѣ возможность жить въ прежнихъ отношеніяхъ къ государству: подушная подать, также обязательная работа корабельныхъ лѣсовъ не были уничтожены. Напротивъ эти нововведенія, внесенныя въ бытъ инородцевъ въ эпоху преобразованія, и связанныя съ ними остальныя общественныя и экономическія отношенія, послѣ смерти ихъ виновника, въ періодъ времени до 1762 года, окрѣпли, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ развитіи приняли направленіе, которое сдѣлало общественно-экономическое положеніе иновѣрцевъ еще болѣе тяжелымъ и которое, надо сказать, далеко не входило въ планы Преобразователя. Сами инородцы принуждены были потомъ сознаться, что время Петра Великаго сравнительно съ послѣдующимъ временемъ было для нихъ временемъ льготнымъ, и указывать на законы его относительно ихъ, какъ на болѣе для нихъ выгодные, чѣмъ тѣ, которые изданы были послѣ.

Что касается до приписанныхъ къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ, то въ положеніи ихъ тотчасъ послѣ смерти Петра Великаго произведена была перемѣна въ томъ отношеніи, что они, кромѣ возложенныхъ на нихъ работъ по

(1) П. С. З. № 4733.

карабельнымъ лѣсамъ, должны были платить подати и нести повинности, падавшія и на остальную податную массу. Въ 1725 году Сенатъ, основываясь на томъ, что въ изданномъ 26 іюня 1724 г. Плакатѣ ничего не сказано относительно того, чтобы съ приписанныхъ къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ не брать подушныхъ денегъ, и произвольно толкуя это умолчаніе законодателя, какъ отмѣну не задолго предъ тѣмъ (16 апрѣля 1724 г.) изданнаго имъ закона, которымъ не велѣно было ихъ писать въ расположеніе на полки и въ подушный сборъ,—опредѣлилъ собирать съ нихъ положенныя на другихъ податныхъ подушныя деньги, также брать съ нихъ рекруть и прочіе поборы (¹). Такимъ образомъ прежніе служилые мурзы и татары и присоединенные къ нимъ нѣкоторые ясачные принуждены были вдвойнѣ противъ прочихъ податныхъ работать на казну. Въ царствованіе Петра II правительство по видимому нѣсколько облегчило положеніе приписанныхъ къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ. Указомъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 12 марта 1729 года велѣно было имъ по прежнему быть у тѣхъ адмиралтейскихъ лѣсовъ, но работу при нихъ зачитать имъ въ платежъ подушныхъ денегъ по Плакату; «а буде, гласитъ далѣе этотъ указъ, когда они переработаютъ сверхъ положеннаго на нихъ числа денегъ, то выдавать имъ изъ адмиралтейской суммы на пристаняхъ, не удерживая ни малаго времени». А такъ какъ къ тѣмъ же работамъ опредѣлены иновѣрцы Воронежской губерніи въ числѣ 10551 души, которые за дальностію въ ту работу не употребляются, а платятъ вмѣсто того положенныя на нихъ деньги и потому предъ такими же иновѣрцами Казанской и прочихъ губерній имѣютъ облегченіе; то въ видахъ облегченія послѣднихъ положено вмѣсто первыхъ съ 1730 года приписать къ корабельнымъ работамъ такое же число Казанской губерніи ясачныхъ Татаръ, Мордвы, Чувашей, Черемисъ и Вотяковъ,

---

(¹) П. С. З. № 9861. **Этотъ документъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи отношенія правительства къ приписаннымъ къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ. Въ немъ помѣщенъ сводъ, въ экономическомъ порядкѣ, всѣхъ предшествовавшихъ (до 1751 г.) узаконеній относительно этого отдѣла податной инородческой массы.**

которые живутъ по близости къ тѣмъ корабельнымъ лѣсамъ, а съ иновѣрцевъ Воронежской губерніи подушныя сборныя деньги положить на полки, на которые тѣ ясачники были положены. Въ такихъ же видахъ этимъ же указомъ не велѣно брать съ иновѣрцевъ Казанской и Воронежской губерніи, приписанныхъ къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ, деньги, которыя прежде брались съ нихъ за малолѣтнихъ по 20-ти и за престарѣлыхъ по 50-ти копѣекъ съ души, да хлѣба по полуосминѣ или вмѣсто того деньги,—налогъ, тоже сдѣланный произвольно вопреки узаконеніямъ Петра Великаго; также не велѣно болѣе у нихъ брать работниковъ, которые въ количествѣ 300 душъ прежде съ нихъ были браны (въ 1727 и 1728 годахъ), и посылались на работы въ Астрахань, а вмѣсто нихъ приказано было употреблять на тамошнія работы вольныхъ людей по найму отъ адмиралтейства. Давая такія имъ облегченія, правительство тогдашнее вмѣстѣ съ тѣмъ постановило: «работниковъ съ нихъ брать, когда сколько будетъ потребно, къ той работѣ годныхъ, по складкѣ съ числа душъ, не выключая малолѣтнихъ, престарѣлыхъ и умершихъ, кромѣ тѣхъ, которые въ 1723 году въ числѣ 5000 человѣкъ выселены въ Баку; а изъ подушнаго оклада тѣхъ выселенныхъ въ Баку не выключать» (1). Этою послѣднею статьею указа въ значительной степени ослаблялось дѣйствіе предъидущихъ милостивыхъ статей, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалась конституція, данная приписнымъ къ корабельнымъ лѣсамъ иновѣрцамъ Петромъ Великимъ. Послѣдній законъ отдавалъ трудъ ихъ въ полное, безусловное распоряженіе вѣдомства, завѣдывавшаго работами корабельныхъ лѣсовъ. Это вѣдомство, до сихъ поръ имѣвшее право брать для работъ извѣстный только процентъ взрослыхъ, теперь могло гнать ихъ на работы, сколько хотѣло. Тѣмъ тяжелѣе стало ихъ положеніе, что обѣщаніе правительства Петра II приписать къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ вмѣсто Воронежскихъ иновѣрцевъ такое же число дѣйствительныхъ работниковъ оставлено было правителями Россіи въ царствованіе Анны безъ вниманія, хотя сдѣланы были всѣ необходимыя приготовленія къ этой

(1) П. С. З. № 5380.

перемѣнѣ (¹), и что и другихъ облегченій, которыя предписано было имъ сдѣлать указомъ 12 марта 1729 года, не думали давать тогда: напротивъ всѣ повинности и поборы, которые лежали на другихъ податныхъ, прежніе мурзы и служилые татары и присоединенные къ нимъ ясачные должны были нести заурядъ съ тѣми, не освобождаясь въ тоже время отъ работъ корабельныхъ лѣсовъ, назначавшихся

(¹) Капитанъ-командоръ Козловъ, который послѣ Кудрявцева завѣдывалъ работами корабельныхъ лѣсовъ и былъ начальникомъ приписанныхъ къ этимъ работамъ иновѣрцевъ и на котораго возложено было заняться этимъ дѣломъ, т. е. составить общую вѣдомость о числѣ иновѣрцевъ, жившихъ по близости къ корабельнымъ лѣсамъ и выбрать изъ нихъ тѣхъ, кого онъ считалъ удобнѣе приписать вмѣсто Воронежскихъ мурзъ и татаръ къ корабельнымъ работамъ, въ февралѣ 1730 года представилъ въ Петербургъ докладъ, въ которомъ объяснено: «вблизи корабельныхъ лѣсовъ жительство имѣютъ ясачные въ Казанскомъ уѣздѣ по пяти дорогамъ — Арской, Алацкой, Галицкой, Зюрейской и Ногайской (по этимъ дорогамъ, изъ которыхъ первая шла чрезъ рѣку Вятку и въ срединѣ имѣла городъ Арскъ, вторая была смежна съ Вятскимъ уѣздомъ и имѣла городъ Алатъ, третья, Галицкая, тянулась по направленію къ Галицкому уѣзду, четвертая, Зюрейская, шла вверхъ по Камѣ и пятая, Ногайская, находилась влѣво отъ Закамской линіи,—назывались инородческія волости. Кириловъ. Цвѣтущее состояніе Всероссійск. Госуд. ч. 2-я стр. 14) 73653 души, въ Свіяжской провинціи 95561, въ Симбирской провинціи въ Валу 15598, итого 184,212 душъ». Капитанъ-командоръ полагалъ, что изъ числа этого можно приписать вмѣсто Воронежскихъ мурзъ и татаръ къ корабельнымъ лѣсамъ съ Алацкой дороги въ 11-ти деревняхъ 2888 татаръ, съ Галицкой въ 2-хъ деревняхъ 347, съ Арской въ 10 деревняхъ 1774, съ Ногайской въ 5-ти деревняхъ татаръ и чувашъ 596 и съ Зюрейской въ 4-хъ деревняхъ татаръ 231, итого въ Казанскомъ уѣздѣ 5836 душъ; въ Свіяжской провинціи, въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ 23-хъ, въ Цивильскомъ въ 2-хъ и Козьмодемьянскомъ въ одной деревнѣ, итого въ 26 деревняхъ 3655 душъ татаръ и чувашъ; въ Симбирской провинціи, въ Симбирскомъ уѣздѣ, что въ Валу, въ 15 деревняхъ, чувашъ и мордвы 2596 душъ, всего 12087 душъ (П. С. З. № 9861).

Казанскою адмиралтейскою конторою, по усмотрѣнію завѣдывавшаго и судомъ и расправою между ними начальника ея. Тяжесть вліянія послѣдняго прежде всего ими почувствовалась. Злоупотребленіямъ съ его стороны они приписали въ началѣ увеличеніе тяготы своего положенія. Вслѣдствіе этого въ 1731 году отъ лица всѣхъ приписанныхъ къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ иновѣрцевъ подана была въ Сенатъ челобитная, въ которой челобитчики жаловались на своего начальника, капитанъ-командора Козлова, обвиняя его въ неправомъ рѣшеніи судныхъ и розыскныхъ дѣлъ, въ томъ, что онъ чинитъ подчиненнымъ обиды, береть взятки и разоряетъ ихъ, и просили, чтобы тѣ дѣла взять въ вѣдѣніе Сената или Казанскаго губернатора. Просьба эта была уважена: Сенатъ положилъ мнѣніемъ, которое утвердила и императрица: «оныхъ служилыхъ татаръ судомъ и расправою вѣдать губернаторамъ и воеводамъ; такоже буде опредѣленный отъ адмиралтейства командоръ въ работахъ ихъ станетъ имъ чинить какія излишнія тягости, то въ томъ на него бить челомъ губернатору же, а тому опредѣленному отъ адмиралтейства вѣдать только одною корабельныхъ лѣсовъ работою» (1). Но оказалось потомъ, что эта перемѣна въ управленіи приписанными къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ мало принесла имъ добра. Въ 1742 году Казанской губерніи служилые мурзы и татары и прочіе иновѣрцы и русскіе крестьяне, приписанные къ адмиралтейскимъ работамъ, поданными въ Сенатъ прошеніями били челомъ о небытіи имъ въ вѣдомствѣ губернаторовъ и воеводъ, понеже когда они бываютъ у работы корабельныхъ лѣсовъ, въ то время безъ нихъ домашнимъ отъ посланныхъ изъ воеводскихъ канцелярій чинятся обиды, а чтобы ихъ вѣдать какъ работою корабельныхъ лѣсовъ, такъ и платежемъ подушныхъ денегъ и судомъ и расправою въ Казанской адмиралтейской конторѣ, какъ было при жизни императора Петра Великаго». Сенатъ не нашелъ возможнымъ ходатайствовать предъ императрицей объ исполненіи этой просьбы на томъ основаніи, что приписные къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ имѣются не въ одной, а въ трехъ губерніяхъ и одной провинціи и что для всякаго челобитья изъ всѣхъ мѣстъ

(1) П. С. З. № 5772.

за дальностію имъ будетъ ѣздить въ Казань не безъ великаго убытка, и потому сказано было челобитчикамъ, что законъ 1731 г. 10 апрѣля долженъ оставаться во всей своей силѣ (¹). Въ 1750 году просьба о томъ же была ими подана самой императрицѣ. Въ ней между прочимъ объяснялось, что правительство императрицы Анны въ 1731 году отдало ихъ въ вѣдомство воеводъ и губернаторовъ по недоразумѣнію; что прошеніе, вслѣдствіе котораго сдѣлано имъ это распоряженіе, нельзя было считать выраженіемъ желанія всѣхъ приписанныхъ къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ; что подали это тогда прежніе двое татаръ, замѣченные въ воровствахъ, сочиня его собою, не бывъ къ тому никѣмъ уполномочены и не имѣя на то мірскаго приговору, а «Сенатъ, не зная ихъ того плутовства, но уповая, что то ихъ прошеніе справедливое, подано вслѣдствіе мірскаго приговора», представилъ императрицѣ о необходимости освободить приписанныхъ къ корабельнымъ лѣсамъ отъ суда и расправы Казанской адмиралтейской конторы и подчинить вѣдомству губернаторовъ и воеводъ. «Лишась единаго мѣста правосудія, говорится далѣе въ этой челобитной, они какъ отъ всѣхъ имѣющихся въ Казани разныхъ канцелярій, такъ и отъ посылаемыхъ изъ тѣхъ мѣстъ командъ прежестоко изнуряются, такъ то: сбираніемъ безпрогонно подводъ съ провожатыми, провіанта и фуража и всякихъ съѣстныхъ припасовъ и живности, да притомъ по необстоятельнымъ (доносамъ) иновѣрцевъ, воспріявшихъ св. крещеніе, утѣсняются отъ епархіальнаго архіерея, каковыхъ отягощеній по тѣмъ отъ новокрещеныхъ доносамъ и описать всѣхъ не могутъ, но только, какъ малоязычные, они все это изнуреніе донынѣ претерпѣвали, почему едва не всѣ пришли въ такое совершенное разореніе, что не только не могутъ отправлять корабельную работу, но и находятся не въ состояніи платить положенныя подушныя деньги, давать рекрутъ и лошадей; потому что отъ означенныхъ несносныхъ отягощеній нынѣ ихъ защищать, какъ подверженныхъ по указу 1731 г. въ разныя, а не одной командѣ, мѣста, некому, ибо отъ тѣхъ командъ всеконечно во всемъ крайне изнуряются». Въ заключеніе своей просьбы челобитчики обращаютъ вниманіе импера-

---

(¹) П. С. З. № 8785.

рицы и на то, что ихъ желаніе быть въ защищеніи въ судныхъ, розыскныхъ и прочихъ дѣлахъ въ одномъ только мѣстѣ, а не во всѣхъ командахъ, т. е. быть въ вѣдѣніи адмиралтейскомъ, должно быть уважено уже и потому, что чрезъ то возстановлялась бы сила узаконенія о нихъ Петра Великаго, законы котораго сама императрица указомъ 1741 года повелѣла исполнять неотмѣнно. Сенатъ, которому императрица передала эту просьбу на разсмотрѣніе, обративъ вниманіе на то, что челобитчики, называя прошеніе, вслѣдствіе котораго приписанные къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ въ 1731 году переданы въ вѣдомство губернаторовъ, подложнымъ, сами не представили доказательствъ, что ихъ челобитная выражаетъ общее желаніе всѣхъ служилыхъ татаръ, приказалъ предварительно всякаго отвѣта на нее сдѣлать Казанской губернской канцеляріи дознаніе, на сколько вѣрны показанія просителей о прошеніи служилыхъ татаръ 1731 года, и дѣйствительно ли они сами выбраны всѣми приписанными къ корабельнымъ лѣсамъ, чтобы подать эту челобитную(1). Начались обычныя справки. Между тѣмъ Сенату поданы были и другаго рода просьбы отъ этихъ же иновѣрцевъ. Въ 1749 году они возобновили прошеніе о приписке къ работамъ корабельныхъ лѣсовъ, вмѣсто Воронежскихъ мурзъ и татаръ, ясачныхъ иновѣрцевъ, живущихъ по близости этихъ лѣсовъ. Сенатъ медлилъ отвѣтомъ и на это прошеніе, такъ какъ считалъ нужнымъ и по этому предмету собрать изъ разныхъ мѣстъ справки. Наскучивъ дожидаться рѣшенія сенатскаго по этому дѣлу, приписанные къ корабельнымъ лѣсамъ чрезъ своихъ выборныхъ, сотника Ибрая Андреева съ товарищами, вошли съ новой челобитной, въ которой они въ рѣзкихъ выраженіяхъ указывали, что правительство, оставляя ихъ долгое время въ тяжолой работѣ и въ тоже время налагая на нихъ другія разныя повинности, поступаетъ вопреки постановленіямъ Петра Великаго. «Петръ Великій, говорили они, — указомъ 16 апрѣля 1724 года запретилъ опредѣленныхъ къ корабельной работѣ писать въ расположеніе на полки и въ подушный окладъ и вовсе не думалъ ихъ только однихъ обязать (такъ они объясняли 7-й пунктъ Плаката) корабельною работою, но указалъ наряжать и всѣхъ

(1) П. С. З. № 9814.

другихъ положенныхъ въ подушный окладъ крестьянъ государственныхъ, монастырскихъ, архіерейскихъ и помѣщиковыхъ. А между тѣмъ «они съ начала 1718 года, чему уже минуло болѣе 30 лѣтъ, корабельную работу и заготовленіе лѣсовъ къ адмиралтейству не только отъ 15 до 60 лѣтъ, какъ указомъ повелѣно, по и не по очереди и ежегодно какъ за себя, такъ и за умершихъ, престарѣлыхъ и малолѣтнихъ отправляютъ, за пустоту подушныя деньги, рекруть и лошадей и прочіе поборы платятъ, и за тѣхъ же корабельную работу отправляютъ, и отъ того они противъ прочихъ, которые положены въ подушный окладъ, отягощеніе и многіе убытки и разореніе претерпѣваютъ; за отдаленіемъ лѣсовъ для вывозки ихъ каждый работникъ долженъ имѣть по двѣ лошади, да и тѣми лошадьми обработывать не могутъ, и многіе помираютъ, отъ чего въ такое разореніе и крайнюю гибель приходятъ, что часъ отъ часу могутъ всѣ безъ остатку пропасть; ибо уже и такъ многіе отъ того безвѣстно распропали. Къ тому же когда кто изъ этихъ работниковъ окажется не въ состояніи продолжать работу и возвратится въ домъ свой, то на такихъ накладываютъ двойную работу, за день два дня, а за мѣсяцъ два мѣсяца». За тѣмъ просители, упомянувъ, что на неоднократныя мольбы ихъ объ облегченіи ихъ положенія правительство не обращало вниманія, просили объ освобожденіи ихъ отъ корабельныхъ работъ «за ихъ всекрайнѣйшею бѣдностію, за 30 лѣтнею всегдашнею денною и ночною работою, и о приписке вмѣсто ихъ къ этимъ работамъ по очереди ясачныхъ Татаръ, Мордвы, Чувашъ, Черемисъ и Вотяковъ и прочихъ тамошнихъ по близости къ пристанямъ, гдѣ заготовляются лѣса,— государственныхъ, монастырскихъ и помѣщиковыхъ крестьянъ». Ибо де хотя, — представляли челобитчики еще аргументъ въ подкрѣпленіе своей просьбы,— «тогда они опредѣлены были къ той казенной работѣ, но въ такомъ разсужденіи, что тогда корабельные лѣса были отъ нихъ не въ такомъ дальнемъ разстояніи, какъ нынѣ, когда они отъ ихъ жилищъ находятся въ верстахъ 300 и 400, а отъ ясачныхъ только не болѣе 20 верстъ, и то въ самыхъ ихъ дачахъ; и для того по близости тѣхъ лѣсовъ къ нимъ ясачнымъ и по способности къ пристанямъ тѣмъ ясачнымъ за наилучшій способъ быть вмѣсто нихъ у тѣхъ казенныхъ работъ. Ежели же по силѣ состоявшихся въ 1718 и 1719 годахъ указовъ соизволено будетъ имъ отправлять ту работу по прежнему, то

по силѣ этихъ же указовъ быть имъ безъ платежа подушныхъ денегъ, безъ взятья рекрутъ и прочихъ поборовъ и вмѣсто Воронежскихъ мурзъ и татаръ опредѣлить по близости къ нимъ въ помощь ясачныхъ татаръ». Въ заключеніе своего челобитья приписанные къ корабельной работѣ просили, чтобы на ихъ просьбу дано было въ наискорѣйшемъ времени удовлетворительное рѣшеніе, «понеже де въ томъ не яко челобитчиково дѣло состоитъ, но болѣе зависитъ немалый интересъ Е. И. В., ибо впредь въ потребномъ случаѣ за самымъ ихъ неимуществомъ и разореніемъ на ту работу въ нарядѣ работниковъ совершенная учинится остановка и отъ того можетъ послѣдовать интересу Е. И. В. упущеніе». Но Сенатъ не считалъ возможнымъ безъ тщательнаго изслѣдованія дѣла удовлетворить просителей или дать какой либо отвѣтъ на ихъ челобитную, составленную очевидно весьма искусной рукой, тѣмъ болѣе, что въ это же время онъ получилъ прошеніе отъ ясачныхъ татаръ Казанскаго уѣзда, въ которомъ тѣ требовали именно внимательнаго разсмотрѣнія обстоятельствъ, касавшихся какъ приписанныхъ къ корабельнымъ работамъ татаръ, такъ и ихъ ясачныхъ. Дѣло въ томъ: ясачные татары Казанскаго уѣзда, провѣдавъ, вѣроятно, содержаніе челобитной, съ которой обратились къ правительству приписанные къ корабельнымъ работамъ и, естественно, не желая стать въ ихъ положеніе, т. е. быть вмѣсто нихъ приписанными къ этимъ работамъ, съ своей стороны отправили въ С. Петербургъ выборныхъ съ челобитной, въ которой просили Сенатъ, чтобы прошеніе повѣренныхъ служилыхъ мурзъ и татаръ, Ибрая Андреева и Якуба Бибѣтева въ дѣйство не производить, пока Сенатъ не получитъ свѣдѣній, необходимыхъ для правильной оцѣнки той и другой просьбы, отъ адмиралтейской коллегіи и главнаго коммиссаріата; ибо де на основаніи только этихъ свѣдѣній онъ можетъ судить о степени изнеможенія какъ служилыхъ татаръ, такъ и ясачныхъ. Начались надлежащія справки относительно положенія какъ приписанныхъ къ корабельнымъ работамъ, такъ и прочихъ иновѣрцевъ, по которымъ между прочимъ оказалось: по второй ревизіи значилось приписанныхъ къ корабельнымъ работамъ въ Воронежской губерніи 10,770, въ Казанской 45,941, въ томъ числѣ крещеныхъ 1057, въ Нижегородской 8638, въ томъ числѣ русскихъ 1088, въ Оренбургской 716, итого 66,065 душъ; ясачныхъ иновѣрцевъ по второй ревизіи въ

Казанской губерніи показано: Татаръ 75,037, Бесерменъ 836, Мордвы 18,388, Чувашъ 97,528, Черемисъ 26,790, всего 234,887 душъ. Хотя, собственно говоря, наведенныя справки подтвердили большую часть показаній, представленныхъ въ челобитной приписанныхъ къ корабельнымъ работамъ, однако Сенатъ не нашелъ возможнымъ ни уволить ихъ отъ корабельныхъ лѣсовъ, замѣнивъ другими иновѣрцами, ни освободить отъ подушныхъ податей, рекрутской и другихъ повинностей, а сдѣлалъ лишь то согласно ихъ просьбѣ, что вмѣсто Воронежскихъ мурзъ и татаръ велѣлъ въ непродолжительное время приписать къ корабельнымъ работамъ 10770 душъ изъ ближнихъ ясачныхъ иновѣрцевъ. Уволены отъ корабельныхъ работъ лишь крестившіеся инородцы, да русскіе, которыхъ неизвѣстно какъ и когда приписали къ нимъ, при чемъ постановлено и на будущее время всѣхъ, кто крестится, отъ адмиралтейской работы выключать, замѣняя ихъ некрещеными инородцами, а также русскихъ не приписывать (1). Въ 1752 году приписанные къ корабельнымъ работамъ татары получили отказъ и на ту челобитную, въ которой они просили изъять ихъ изъ-подъ вѣдомства губернаторовъ и подчинить во всемъ особому управленію, хотя Сенатъ и убѣдился, что податчики этой челобитной были дѣйствительно выборными отъ всѣхъ приписанныхъ къ корабельнымъ работамъ; при этомъ имъ дано вразумленіе, чтобы впредь не дерзали подавать такихъ прошеній (2). Чтобы яснѣе себѣ представить положеніе этой части инородческаго населенія, нужно припомнить, что земли, которыми владѣли прежніе служилые иновѣрцы, уходили изъ ихъ рукъ разными путями къ русскимъ.

Но вполнѣ тяжесть положенія этихъ несчастныхъ, составлявшихъ, надо сказать, наиболѣе цивилизованный элементъ въ инородческомъ населеніи имперіи, уяснится лишь тогда, когда будетъ извѣстно положеніе въ государствѣ остальныхъ податныхъ инородцевъ, такъ какъ кромѣ тяжолой работы корабельныхъ лѣсовъ имъ приходилось нести подати и повинности, наложенныя и на послѣднихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиниться и другимъ условіямъ, опредѣлявшимъ ихъ об-

(1) П. С. З. 9861.

(2) Также № 10052.

щественный и экономическій бытъ. Но матеріальный бытъ остальнаго инородческаго населенія, со времени первой ревизіи, въ свою очередь опредѣлялся большею частію тѣми же условіями, подъ которыми шла жизнь и русскихъ, записанныхъ въ подушный окладъ; стало быть говорить о положеніи податныхъ инородцевъ въ періодъ времени отъ Петра Великаго до Екатерины II значило бы разсказывать о судьбахъ вообще податнаго населенія въ это время. Это вопросъ весьма сложный, для подробнаго изложенія котораго даже по изданнымъ источникамъ потребовалось бы написать цѣлую книгу. Для уясненія дѣла, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ случаѣ, думаю, достаточно обозначить въ общихъ чертахъ условія, въ которыя была поставлена въ новой Россіи жизнь людей податныхъ, указавъ въ надлежащей полнотѣ только тѣ историческія свидѣтельства, которыя относятся спеціально къ податнымъ людямъ инородческаго происхожденія, или касаются края занятаго ими.

Правительство со времени Петра Великаго постоянно высказываетъ тотъ взглядъ на податной классъ имперіи, что податные составляютъ главную силу и опору государства, и что потому правительство обязано всячески заботиться о благосостояніи ихъ. Вскорѣ послѣ смерти Преобразователя, давшаго правительству завѣтъ въ требованіяхъ по отношенію къ податнымъ быть справедливымъ, чтобы «никто отъ надлежащаго болѣе другаго уволенъ или отягченъ не былъ», и угрожавшаго за неисполненіе этого правила гнѣвомъ Божіимъ на все государство и въ особенности на учинителей неправдъ народу и строгимъ взысканіемъ съ послѣднихъ со стороны Государя (1),—вопросъ о благосостояніи податнаго народа, о приведеніи его въ лучшее положеніе послужилъ главнѣйшимъ предметомъ внутренней дѣятельности правительства Екатерины I (2). Правительство императрицы Анны также не скупилось на заявленіе своей ревности улучшать состояніе простаго народа. Въ царствованіе императрицы Елизаветы графъ П. И. Шуваловъ, имѣвшій великое вліяніе на управленіе внутренними дѣлами государства, любилъ говорить, что «главная государственная сила состоитъ въ народѣ, положенномъ въ подушный окладъ», и что это обязываетъ правительство

(1) П. С. З. № 3466, стр. 765.

(2) Тамже № 4650. Чт. М. Общ. Ист. 1860 г. кн. IV.

«оной народъ на планъ разсужденія себѣ представить и прилежно смотрѣть, чтобы чрезъ что либо не пришелъ въ крайнюю слабость» (1); онъ же увѣряетъ, что этотъ его взглядъ раздѣляли и Сенатъ и сама императрица.

Но податному народу отъ того было не легче: напротивъ, по показанію разныхъ свидѣтелей, положеніе его было крайне тяжолое, и чѣмъ рѣшительнѣе и яснѣе возвѣщается ученіе о великомъ значеніи податныхъ въ государствѣ, тѣмъ имъ становится все хуже и хуже; можно сказать болѣе: XVIII вѣкъ былъ для податныхъ временемъ глубочайшаго убожества.

Ближайшіе преемники власти перваго императора объясняли это печальное явленіе тяжестью наложенныхъ на податныхъ податей и повинностей, и по преимуществу подушной подати. Дѣйствительно какъ прямые, такъ и косвенные налоги, которые приходилось нести податнымъ, были таковы, что никакъ нельзя было не почесть ихъ однимъ изъ неблагопріятнѣйшихъ условій для матеріальнаго благосостоянія народа. Что касается до прямыхъ налоговъ, то обременительность ихъ условливалась прежде всего самымъ свойствомъ ихъ. Подушная подать въ 70 к. для помѣщиковыхъ, дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ, и въ 1 р. 10 к. для государственныхъ, принимая во вниманіе цѣнность денегъ тогдашнихъ, была значительна. Въ царствованіе Елизаветы Петровны вздумали было уменьшить эту подать, а взамѣнъ того возвысили цѣну на соль и вино, и дѣйствительно нѣкоторое время податные платили менѣе противъ прежняго 6-ю копѣйками, но потомъ опять съ нихъ стали брать по прежнему, и кромѣ того съ положенныхъ въ сорокоалтынный окладъ, въ видахъ сравненія ихъ съ помѣщичьими, дворцовыми, синодальными, которые кромѣ семигривеннаго оклада платили еще владѣльцамъ по меньшей мѣрѣ по 1 р. съ души, постановлено было брать впредь сверхъ семи гривенъ не по 4-ре гривны, какъ было прежде, а по 1 р. съ души, всего, стало быть, по 1 р. 70 к. (2). Но этимъ правительство не довольствовалось. Вопреки Плакату Петра Великаго, которымъ съ положенныхъ въ подушный окладъ кромѣ по-

(1) П. С. З. № 10164. 10370.

(2) Тамже № 11120.

душныхъ денегъ никакихъ другихъ денежныхъ и хлѣбныхъ податей брать не велѣно, послѣдующія за нимъ правительства установляли иногда особые сборы хлѣбные и денежные. Такъ именнымъ указомъ 10 мая 1737 года велѣно было съ 1738 г. съ русскихъ ясачныхъ и черносошныхъ крестьянъ брать, сверхъ подушныхъ денегъ, хлѣба по одному четверику рожью или мукою, а съ татаръ и прочихъ пашенныхъ иновѣрцевъ вдвое противъ того (1). Въ 1741 году относительно этого новаго сбора сдѣлано такое измѣненіе: съ иновѣрцевъ велѣно сбирать впредь повсягодно по 6-ти четвериковъ съ души, а съ черносошныхъ и ясачныхъ русскихъ крестьянъ сверхъ прежде опредѣленнаго провіанта собрать только на одинъ годъ овса по 2 да ячменя по 3 четверика съ души. Распоряженіе, по которому иновѣрцы принуждены были несравненно болѣе противъ русскихъ податныхъ давать казнѣ хлѣба, правительство оправдывало тѣмъ, что де «иновѣрцы жительство имѣютъ въ весьма хорошихъ и хлѣбородныхъ и удобныхъ мѣстахъ, и такое положенное на нихъ количество хлѣба безтягостно снести могутъ», — забывая, что многіе и русскіе жили также въ этихъ удобныхъ мѣстахъ. Однакожъ оказалось, что иновѣрцамъ нести этотъ новый сборъ было не безтягостно. Отъ нихъ, а также и отъ податныхъ русскаго происхожденія стали поступать челобитныя, въ которыхъ они просили, чтобы того положеннаго на нихъ четвериковаго провіанта и фуража не брать съ нихъ, ради крайняго ихъ изнеможенія и отягощенія (2). Что дѣйствительно этотъ новый налогъ былъ обременителенъ для плательщиковъ и въ особенности для иновѣрцевъ, видно изъ того между прочимъ, что въ Алатырскихъ крѣпостныхъ книгахъ 1737—1744 (3), стало быть относящихся ко времени, когда существовалъ этотъ налогъ, находимъ постоянно случаи, когда иновѣрцы обязываются долгами для уплаты податей. Они отдавали своихъ дѣтей въ заживъ взятыхъ взаймы денегъ (4); отдавали угодья

---

(1) П. С. З. № 7480.

(2) Тамже № 8638.

(3) Лѣтопись занят. Археогр. Коммис. 1864 г., вып. 3-й.

(4) Напримѣръ: «Ядринскаго уѣзда, Сорминской волости, деревни Чурашевы Чувашенинъ Баландай Танчитевъ далъ жилую запись канцеляристу Ядринской канцеляріи Демешеву въ

свои другимъ, большею частію русскимъ, за ничтожную цѣну, или съ тѣмъ, чтобы тѣ платили только положенный на угодья оброкъ (1), поступались пахотными землями на значительное время за незначительную ссуду (2). Обязывались долгами, сдѣланными для уплаты податей цѣлыми деревнями и волостями (3). Наконецъ въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны правительство увидѣло надобность освободить податное населеніе имперіи и въ томъ числѣ иновѣрцевъ отъ новаго налога, ставившаго податныхъ въ затрудненіе, а иногда въ невозможность, неся его, уплачивать прежде положенныя подати. Принявъ это послѣднее обстоятельство во вниманіе и взявъ въ расчетъ то, что этотъ новый налогъ противорѣчитъ узаконеніямъ Петра Великаго, опредѣлительно сказавшаго, что кромѣ подушныхъ податей никакихъ другихъ сборовъ не будутъ платить податные, Сенатъ представилъ императрицѣ объ освобожденіи какъ русскихъ ясачныхъ и черносошныхъ крестьянъ, такъ и татаръ и другихъ иновѣрцевъ отъ платежа провіанта и овса, положеннаго на нихъ сверхъ подушныхъ денегъ. Елизавета Петровна ут-

---

томъ, что занялъ у него на платежъ подушныхъ 7 р. и отдалъ въ работу сына своего Бурманчу на 10 лѣтъ, чтобы онъ работалъ нелѣностно и не сбѣжалъ» (стр. 136).

(1) Тамже.

(2) «Ядринскаго уѣзда Сорминской волости ясачный Чувашенинъ Терендѣевъ, по согласію съ Чувашами своей деревни, далъ запись купеческому человѣку Засыпкину въ томъ, что взялъ у него 3 р. на платежъ подушныхъ, а ему уступилъ пахотной земли на 3 четверти ржи, на 6 четвертей яроваго на 10 лѣтъ» (стр. 137).

(3) Алатырскіе служилые Татары д. Чимбалей: Багильдинъ, Кулаевъ, Мюсаевъ, Арзамаметевъ, мурза Ишикаевъ съ товарищи, по согласію всей деревни взяли на всеконечныя нужды и для платы податей у прапорщика Сущова 30 р., да хлѣба пшеницы 3 осмины, овса 25 четвертей до слѣдующаго года (стр. 146). Курмышскаго уѣзда деревни Четаевы ясачный Чувашъ Петръ Ивановъ и рядовые деревни Суры Токмамышъ староста Тимяковъ, сотникъ Ерымкинъ, да деревни Суры Шумшевинъ рядовые заняли у поручика Дружинина 100 руб., чтобы заплатить повинности (стр. 146).

вердила это мнѣніе Сената. Впрочемъ и правительство этой государыни, по своемъ вступленіи на престолъ объявившей о своемъ намѣреніи неуклонно слѣдовать въ дѣлахъ управленія узаконеніямъ отца ея, не всегда принимало во вниманіе тотъ пунктъ Плаката, которымъ запрещалось брать что либо съ податныхъ сверхъ подушныхъ. Такъ въ 1745 году велѣно было собрать съ состоящихъ въ семигривенномъ окладѣ по 10 копѣекъ, а съ положенныхъ въ сорокоалтынный окладъ по 15 к. съ души (1).

О степени тяжести рекрутской повинности, падавшей на податныхъ, можно судить потому, что въ теченіе 17 лѣтъ съ 1719 по 1735 высчитано въ 1736 году взятыми въ военную службу 201,346 душъ. Предполагая, что инородческое населеніе приволжья составляло 12-ю часть въ общемъ количествѣ податныхъ (по 1-й ревизіи, кромѣ купечества, коего считалось 188,694 человѣка — 5,472,516, по второй 6,614,229 душъ), мы должны принять, что оно въ этотъ періодъ пожертвовало казнѣ болѣе чѣмъ 17 т. работниковъ, болѣе чѣмъ по 1000 человѣкъ каждый годъ, не считая денежныхъ издержекъ, которыя соединялись съ сдачею рекрутъ. А такъ какъ съ 1736 г. собиралось несравненно болѣе, чѣмъ до этого времени, рекрутъ, потому что до 1741 года въ теченіи 6-ти лѣтъ взято въ военную службу 206,485 душъ, то выходитъ, что инородцы съ своей стороны должны были лишиться въ то время также до 17 т. слишкомъ душъ, отдавая каждый годъ казнѣ безъ малаго по 3 т. рекрутъ. Эти всѣ отданные въ военную службу иновѣрцы почти навсегда пропадали для ихъ братьи. Указомъ 1736 года взятыхъ въ службу иновѣрцевъ велѣно было отправлять въ Остзейскіе гарнизоны (2). Даже при отставкѣ солдатъ иновѣрецъ рѣдко попадалъ домой: его гнали на солдатское поселеніе; только увѣчье давало ему право возвратиться на прежнее жилище (3). Обременительность прямыхъ податей и повинностей для податнаго населенія имперіи увеличивалась вслѣдствіе того, что собирали подушныя деньги, брали рекрутъ и выправляли прочіе сборы съ показаннаго въ ревизскихъ

---

(1) П. С. З. № 8745.

(2) Тамже № 6913.

(3) Тамже № 10936.

сказкахъ числа душъ, не принимая въ расчетъ убыли въ народонаселеніи. Между тѣмъ эта убыль была весьма значительна, и нарождающееся поколѣніе не могло восполнить эту убыль рабочихъ силъ. Учрежденная въ царствованіе императрицы Екатерины I для устраненія этого неудобства коммиссія въ 1736 году представила правительству докладъ, въ которомъ значилось, что въ теченіи 17 лѣтъ, съ 1719 по 1735 годъ изъ числа всѣхъ переписныхъ и обложенныхъ податью умерло, взято въ солдаты и матросы, сослано въ каторту, бѣжало и выбыло разными другими случаями 2,100,469 душъ муж. пола. Вмѣстѣ съ тѣмъ представлялось правительству императрицы Анны, что «съ наличныхъ, за выбылью, подушныя деньги взыскиваются съ крайнимъ принужденіемъ и что остающіеся на лицо податные, платя за выбылыхъ, пришли въ крайнее изнеможеніе, и доимку не только за умершихъ и бѣглыхъ, но и за себя платить не въ состояніи, и отъ того, также и отъ недорода хлѣбнаго и за другими припадками, подушныхъ денегъ собрать не можно». Единственнымъ средствомъ къ облегченію податныхъ и къ сохраненію интересовъ казны коммиссія почитала производство новой генеральной ревизіи, которою надѣялась привлечь къ платежу податей и отправленію повинностей, кромѣ народившагося послѣ первой переписи поколѣнія, и всѣхъ, разными путями уклонявшихся отъ государственнаго тягла. Но на этотъ докладъ не послѣдовало никакой резолюціи. Правительство напротивъ болѣе, чѣмъ когда либо, настойчиво взыскивало накопившуюся на народѣ доимку. Только въ царствованіе Елизаветы Петровны, къ началу котораго оказалось выбылыхъ изъ общаго количества сосчитанныхъ первою ревизіею плательщиковъ болѣе 2,877,767 душъ, рѣшились произвести новую генеральную перепись (1). Однако и послѣ этого податный народъ по прежнему затруднялся уплачивать казнѣ наложенныя на него подати. Правительство Елизаветы находилось вынужденнымъ не разъ прощать недоимки, числившіяся на податныхъ; такъ въ 1752 году прощена была недоимка по подушному сбору, прости-

(1) П. С. З. № 8619.—О народныхъ переписяхъ. Артемьева. Русскій Вѣстн. за 1857 г.

равшаяся до 2,500,000 рублей (1). Въ 1756 съ 1747 накопилось недоимокъ 3,268,297 р., и изъ нихъ еще въ 1763 году велѣно было исключить свыше милліона (2).

Не менѣе была обременительна для податныхъ и неблагопріятна для ихъ благосостоянія система, которой держалось правительство описываемой эпохи относительно косвенныхъ налоговъ. До 1753 года тяготѣли надъ трудомъ рабочаго, земледѣльческаго и промышленнаго класса государства внутреннія таможенныя пошлины и разные мелкіе сборы. Въ этомъ году по предложенію графу П. И. Шувалова, обстоятельно и ясно изобразившаго весь вредъ, который происходилъ для хозяйства людей податныхъ отъ существованія этихъ пошлинъ и сборовъ (3), они были уничтожены, «дабы, какъ сказано между прочимъ въ именномъ указѣ, состоявшемся по этому случаю,—народъ, положенный въ подушный окладъ, въ лучшее состояніе и силу предъ нынѣшнимъ привести, равно какъ и всякаго званія людей, подверженныхъ этимъ сборамъ. Но не отъ однихъ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ терпѣлъ народъ. Онъ долженъ былъ платить чрез-

---

(1) П. С. З. № 10061.

(2) Тамже № 10674.

(3) Независимо отъ разнаго рода злоупотребленій, которыя связаны были съ существованіемъ этихъ пошлинъ и сборовъ и которыя приходилось переносить простымъ людямъ, вредъ отъ нихъ, по объясненію Шувалова, состоялъ въ томъ, что при нихъ задерживалось обращеніе товаровъ, особенно тѣхъ, которые привозили на рынки крестьяне; «ибо завсегда, говоритъ онъ, въ пріѣздѣ ихъ бываетъ многое число, и становятся по крестцамъ и рынкамъ во многихъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ таможни, въ которой всѣмъ умѣститься нельзя»; а всѣ товары между тѣмъ надлежало осматривать и продавцовъ въ книгу записывать, отъ чего происходило великое затрудненіе для чиновниковъ, а «крестьянству и прочимъ положеннымъ въ подушный окладъ тягость, купцамъ же волокиты и казнѣ ущербъ». Кромѣ того: «когда крестьяне ѣдутъ на рынокъ, то съ нихъ на каждомъ мостѣ и гати берутъ пошлину, въ иныхъ мѣстахъ раза по четыре и больше, такъ что изъ того, что крестьянинъ выручитъ продажею, напримѣръ хоть дровъ, онъ привезетъ домой не болѣе половины». П. С. З. № 10164.

вычайно дорого за соль и вино. Уже при Петрѣ Великомъ соль продавалась гораздо дороже, чѣмъ она стоила, по 12 и 16 алтынъ, а при неудовлетворительной организаціи управленія соляною ревизіею, по свидѣтельству Посошкова, потребители въ иныхъ мѣстахъ покупали ее и выше рубля пудъ, да и то не всегда. Въ 1756 году цѣна на соль еще болѣе увеличена, «чтобы, какъ сказано въ указѣ объ этомъ,—какъ по нужнымъ обстоятельствамъ прежде въ такихъ случаяхъ накладки чинены были прежде на подушный сборъ, оныхъ избѣжать, а дабы въ такихъ государственныхъ надобностяхъ не одинъ токмо народъ положенный въ подушный окладъ сему платежу подвергнутъ былъ, но всякъ, находящійся въ государствѣ». Отселѣ за пудъ соли каждый долженъ былъ платить по 50 к. (кромѣ Астрахани и Краснаго Яра, гдѣ цѣна пуду соли назначена въ 25 к.) или что тоже по 5 пудовъ муки (1). Точно также вино еще при Петрѣ Великомъ продавалось вдвое дороже его поставки или приготовленія. Въ царствованіе Петра II цѣну на него рѣшили возвысить не смотря на представленіе Коммиссіи о Коммерціи, что возвышеніе цѣны на вино неминуемо повлечетъ за собою усиленіе корчемства. Въ царствованіе Елизаветы въ 1750 году положили продавать его 50 копѣйками дороже противъ прежняго, такъ что теперь стали его продавать въ крупныхъ мѣрахъ за ведро по 1 р 88½ к., а въ кружкахъ по 1 р. 98½ коп., а въ 1755 году казенная продажа его замѣнена откупною (2). Необходимымъ результатомъ этого произвольнаго возвышенія цѣны на предметы всеобщаго потребленія было то, что изъ оффиціальныхъ складовъ стало ихъ продаваться несравненно менѣе, чѣмъ прежде. Уже, напримѣръ, въ мартѣ 1750 года, какъ видно изъ одного сенатскаго указа, въ одной Москвѣ продано было меньше противъ того же мѣсяца предыдущаго года на 22 т. ведръ: нижегородскіе откупщики показали, что въ этомъ же мѣсяцѣ они успѣли продать только 686 ведръ, тогда какъ въ прошлыхъ годахъ въ томъ же мѣсяцѣ было въ продажѣ свыше 4000 ведръ; изъ Тамбовской провинціи изъ города Инсары доносили: «простаго вина, за

---

(1) Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи, соч. графа Д. Толстаго. Спб. 1848 г. стр. 176—180.

(2) Тамже, стр. 148 и далѣе. П. С. З. № 9711.

повышеніемъ цѣны, за неимѣніемъ питуховъ, въ продажѣ ничего не имѣлось (1). Таже судьба постигла и предметъ первой необходимости—соль. Въ 1743 году казна продала соли болѣе 3,800,000 пудовъ, въ 1750 году продано меньше на 1,298,988 пудовъ. Въ особенности въ Казанскомъ краѣ явилась сравнительно малая продажа соли». Въ Казани и Казанской губерніи въ городахъ и мѣстахъ, да въ городахъ же въ Астрахани, въ Красномъ Яру и въ Бахмутѣ въ половинѣ года въ продажѣ соли имѣлось,—высчитала соляная контора,—въ 1742 году 1,093,585 пудъ, въ 1743 г. 1,305,136 пудъ; въ 1750 г. 442,569 пудъ; и въ томъ 1750 году въ половинѣ года въ Казанской губерніи и въ вышеобъявленныхъ городахъ въ продажѣ меньше противъ 1742 г. 651,016 пудъ, противъ 1743 г. 862,566 пудъ» (2). Но съ сущности вино и соль потреблялись народомъ въ гораздо большемъ количествѣ, съ тою только разницею, что продажа ихъ шла помимо казны и откупщиковъ—корчемная. Что касается до соли, то ее доставляли, минуя казенные магазины и склады, окольными путями изъ Сибири, гдѣ лежали неистощимые запасы этого продукта въ Ямышевскомъ и другихъ озерахъ, притомъ добывавшагося весьма легко, изъ Башкиріи, гдѣ также соляного богатства было неисчерпаемое количество и гдѣ мѣстное населеніе еще не подлежало правиламъ о соли, дѣйствовавшимъ во внутреннихъ областяхъ Россіи, и также изъ за границы (3). Въ Казанскомъ краѣ воровская соль была въ такомъ сильномъ ходу, что соляная контора этому наиболѣе обстоятельству приписываетъ уменьшеніе продажи казенной соли: «это, говоритъ она, произошло не отъ чего другаго, но отъ ввоза Казанской губерніи въ города и мѣста, въ которыхъ продажа соли изъ казны происходитъ, воровской неуказной соли»; ибо несомнѣннымъ оказалось, что «Казанскаго и другихъ уѣздовъ разныхъ селъ и деревень иновѣрцы, повокрещены и Русскіе, покупая въ Уфимскомъ уѣздѣ на деньги, а иные мѣняя на хлѣбъ у Башкирцевъ илецкую, а нѣкоторые въ казачьихъ городкахъ у Черкасъ Манутской и Яицкій бузунъ, дешевою цѣною, и ввозя въ свое жилище, сами тою

(1) П. С. З. № 9750.

(2) Тамже № 9835.

(3) П. С. З. 10063. 10367.

неуказною солью довольствуются, а нѣкоторые ту соль воровски продаютъ тѣхъ же мѣстъ обывателямъ» (¹). Воровская торговля виномъ находила себѣ поддержку въ Малороссіи и Остзейскихъ провинціяхъ, гдѣ по правамъ этихъ областей товаръ этотъ былъ очень дешевъ, въ правѣ дворянства курить вино для собственнаго потребленія, въ довольно распространенномъ среди простаго народа искусствѣ домашняго куренія вина или приготовленія напитковъ, могущихъ замѣнить водку. Воровская продажа соли и вина развилась съ возвышеніемъ цѣнъ на нихъ до громадныхъ размѣровъ. Въ царствованіе Елизаветы Петровны правительство, можно сказать, открыло формальную войну противъ этого явленія, коренившагося впрочемъ въ его собственныхъ финансовыхъ распоряженіяхъ. И всего болѣе въ этомъ безплодномъ для казны правительственномъ ополченіи противъ корчемниковъ доставалось податнымъ. Мѣры принятыя правительствомъ, чтобы искоренить корчемство и воровскую продажу соли, не достигая цѣли, были дѣйствительно крайне обременительны для народа. Чтобы не было подрыву соляной продажѣ отъ казны, строжайше запрещено было жителямъ Симбирскаго уѣзда, Усольской волости употреблять соленую воду изъ соленыхъ колодцевъ, которые тамъ найдены. Потребовалось организовать особое вѣдомство для преслѣдованія продажи воровской соли и выемки корчемнаго вина. Откупщики получили право держать команды съ офицерами для этой цѣли. Всячески поощряемы были доносы на этотъ родъ запретной торговли. Обвиняемыхъ въ тайномъ провозѣ соли и корчемствѣ подвергали допросамъ съ пристрастіемъ, т. е. подъ батожьями и кошками. Это новое воинство откупщиковъ и ихъ агентовъ, корчемныхъ канцелярій и конторъ начало дѣйствовать какъ бы въ завоеванной странѣ. Не было проѣзду отъ объѣзщиковъ, посылаемыхъ корчемными канцеляріями и конторами; достаточно было самаго даже неосновательнаго доноса, чтобы въ домъ частнаго человѣка нагрянула команда для производства обысковъ и допросовъ. Дѣло наконецъ дошло до того, что въ 1752 году корчемная команда вторглась въ домъ, занимаемый однимъ посланни-

(¹) П. С. З. № 9835.

комъ (1). Расплодилось множество ложныхъ доносчиковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ умножились слѣдствія по корчемнымъ дѣламъ, сопровождавшіяся пытками (2). Цѣлыя партіи ссыльныхъ, предварительно наказанныхъ кнутомъ, шла по направленію въ Оренбургъ на поселеніе въ Башкиріи: это были обвиненные въ продажѣ или куплѣ корчемнаго вина. «По присланнымъ въ Сенатъ,—читаемъ въ одномъ указѣ,—изъ разныхъ мѣстъ донесеніямъ оказывается, что обрѣтающимся въ военной службѣ драгунамъ и солдатамъ, кои не изъ дворянъ, однимъ за продажу корчемныхъ питій, другимъ за покупку въ неуказныхъ мѣстахъ вина чинятъ наказаніе кнутомъ и опредѣляютъ въ ссылку въ Оренбургъ, также помѣщиковымъ и вотчинниковымъ людямъ, дворцовымъ, синодальнымъ, монастырскимъ, государственнымъ крестьянамъ и прочимъ тому подобнымъ, положеннымъ въ подушный окладъ, кои въ корчемствахъ приличились, и цѣловальникамъ, обрѣтающимся при продажѣ питій, за обмѣръ, хотя бы того обмѣра было только на $^1/_4$ копѣйки, чинятъ наказаніе кнутомъ и ссылаютъ въ Оренбургъ». Въ 1751 году эти строгости были ослаблены, вслѣдствіе того, что императрица, узнавъ о бѣдствіяхъ, которымъ подвергались ея подданные отъ корчемныхъ конторъ, выразила въ особомъ манифестѣ (25 декабря) сильное негодованіе на дѣйствія корчемныхъ начальствъ и командъ (3); тогда же велѣно было всѣхъ обвиненныхъ въ тайномъ провозѣ соли и продажѣ или куплѣ корчемнаго вина простить, имѣнія имъ возвратить, изъ ссылки и изъ заключенія освободить; начатыя слѣдствія по такимъ дѣламъ прекратить; впредь доносовъ на корчемства, которыя до этого указа производимы были, не принимать, и на будущее время пытки по корчемнымъ дѣламъ не чинить, а добираться истины путемъ обысковъ, чрезъ свидѣтелей и другія доказательства. Ложнымъ доносчикамъ при этомъ сказано, что если чей доносъ не подтвердится слѣдствіемъ, то тотъ подвергается тому же наказанію, какое присуждено за вины по корчемству, т. е. кнуту, ссылкѣ на поселеніе и конфискаціи имущества, или де-

(1) П. С. З. № 9975.
(1) Тамже № 9914.
(2) Тамже № 9920.

нежному штрафу, если виновный въ ложномъ доносѣ былъ изъ дворянъ. Но это продолжалось не долго; такъ какъ милостивый манифестъ не въ состояніи былъ искоренить корчемства, то сенатъ въ 1753 г. нашелъ нужнымъ своею собственною властію возстановить пытку по корчемнымъ дѣламъ (1); въ слѣдующемъ году мѣры строгости противъ корчемства были усилены: на губернаторовъ и воеводъ возложена была отвѣтственность за усиленіе этого зла; указъ сенатскій угрожалъ имъ за то конфискаціями ихъ имущества; они снабжены были особыми офицерами, которые должны были помогать имъ въ искорененіи корчемства. Усилено поощреніе донощиковъ: къ должности шпіоновъ приглашались лица всѣхъ состояній; 500 рублей награды назначалось за первый правый доносъ (2). Ни что не помогало: гибельныя слѣдствія непомѣрнаго возвышенія цѣны на соль и вино продолжали дѣйствовать неослабно: съ одной стороны правительство постоянно жалуется, что корчемная продажа вина и тайный провозъ соли не искореняются, и что отъ этого большіе недоборы въ казнѣ, съ другой общество не перестаетъ представлять правительству, что отъ корчемныхъ конторъ и заставъ нѣтъ житья, что даже, напримѣръ, на заставахъ около С. Петербурга чинятся проѣзжающимъ всякаго чина людямъ прицѣпки и зацѣпки единственно для ненасытнаго лакомства (3). Монетная система, дѣйствовавшая въ Россіи того времени, также была не маловажною причиною бѣдности простаго народа. Тогдашнее правительство смотрѣло на монетное дѣло, какъ исключительно на источникъ обогащенія казны и въ этихъ видахъ произвольно возвышало и понижало цѣну монеты, мало принимая во вниманіе внутреннюю ея цѣнность. Еще при Петрѣ Великомъ правительство, сильно нуждаясь, по случаю войны, въ деньгахъ, прибѣгло къ чеканкѣ мѣдныхъ денегъ съ усвоеніемъ имъ номинальной цѣнности несравненно большей, чѣмъ какую онѣ имѣли въ дѣйствительности: изъ пуда стоившаго тогда отъ 4 до 6 рублей стали выдѣлывать 12, 14 и даже 40 рублей.

---

(1) П. С. З. № 10158.

(2) Также № 11298.

(3) Также № 11213.

Петръ Великій понялъ всю ненормальность такого порядка вещей: «о деньгахъ мѣдныхъ, писалъ онъ въ 1722 году изъ Астрахани сенату, я многократно говорилъ, чтобы способъ изыскать... провозныхъ много денегъ, о чемъ гораздо думать и способъ сыскивать надлежитъ, дабы послѣ не тужить о невозвратномъ убыткѣ» (1). Бергъ-коллегія тогдашняя также указывала на вредъ какъ для казны, такъ и для коммерціи отъ чеканки въ обиліи мѣдныхъ денегъ съ возвышенной номинальной цѣнностію (2). Послѣдующія правительства не обратили должнаго вниманія на эти предостереженія; напротивъ усилили выпускъ мѣдныхъ денегъ съ нарицательной цѣной, далеко превосходившей дѣйствительную ихъ стоимость. Это повлекло за собою ввозъ иностранной мѣдной монеты такого же достоинства въ такихъ размѣрахъ, что къ концу царствованія императрицы Анны насчитывали привозныхъ мѣдныхъ до 25 милліоновъ рублей (3), появленіе въ обиліи воровскихъ денегъ домашняго производства и изчезновеніе золотой и серебряной монеты надлежащаго достоинства. Въ народѣ стала ходить одна мѣдь, которая по нарицательной цѣнѣ не принималась не только за границей, но и дома; купцы не давали товаровъ за мѣдныя деньги, и нужно было силою поддерживать ихъ курсъ; правительство, получая съ подданныхъ большею частію мѣдяки, въ дѣйствительности получало очень мало. Серебряная монета, обращавшаяся въ народѣ, была также пизкаго достоинства; потому что правительство чеканкою и серебряной монеты хотѣло нажиться. Уже въ 1710 году серебряныя деньги упали въ цѣнѣ сравнительно съ старыми на 10% и попижались все болѣе до 1723 г., когда Петръ Великій далъ серебрянымъ деньгамъ должный видъ. Преемники этого государя не слѣдовали его примѣру, и желая доставить прибыль казнѣ, выпускали низкопробную серебряную монету, которая конечно не могла удержать усвоенную ей высокую цѣну. Въ царствованіе императрицы

---

(1) П. С. З. № 10370. — Исторія финансов. учрежд. гр. Толстаго, стр. 196.

(2) Тамже № 3748.

(3) Маркизъ де Шетарди; изд. П. Пекарскаго. Спб. 1862. стр. 21.

Елизаветы Петровны мелкихъ серебряныхъ денегъ, потерявшихъ назначенную для нихъ цѣну, было въ обращеніи до 31 милл. рублей. Одна только золотая монета, въ видѣ червонцевъ, для которыхъ Петромъ Великимъ установлена проба въ 93, и двухъ-рублевиковъ 75 пробы, удерживала номинальную цѣну. Но этой монеты было вычеканено несравненно менѣе, чѣмъ мѣдной и серебряной, именно съ 1700 до Екатерины II всего на 18,566,573 р., и еще менѣе было въ обращеніи, такъ какъ золото уходило за границу, будучи скупаемо на деньги серебряныя и мѣдныя низкаго внутренняго достоинства. Такое положеніе монетнаго дѣла, угрожавшее великою опасностію государству, не могло не озабочивать государственныхъ людей того времени. Особенно мѣдныя деньги безпокоили правительство: ими уплачивалась большая часть податей; онѣ были въ обращеніи преимущественно предъ другими деньгами среди податнаго народа; сбылось то, что предсказывалъ Петръ Великій относительно такихъ денегъ; обременяя податныхъ разными налогами, правительство въ тоже время и само получило въ сущности немного. Много было проектовъ (1) относительно способовъ устранить зло, которое условливалось такимъ положеніемъ вещей. Но изъ нихъ сенатъ въ 1744 году остановился на такихъ, которые были наиболѣе невыгодны для обладателей мѣдныхъ денегъ, т. е., простонародья, именно проектахъ Демидова и Ягужинскаго, предлагавшихъ уменьшить нарицательную цѣну пятикопѣечниковъ. Демидовъ предлагалъ вдругъ придать пятикопѣечникамъ цѣнность одной копѣйки; Ягужинскій совѣтовалъ убавлять цѣну имъ постепенно, по копѣйкѣ въ годъ, такимъ образомъ, чтобы въ теченіи четырехъ лѣтъ обратить ихъ въ копѣйки, и затѣмъ въ послѣдующее время мѣднымъ деньгамъ назначить цѣну, подходящую къ внутренней ихъ стоимости. Очевидно, тотъ и другой проектъ выходятъ изъ одного основанія, тотъ и другой стремились поправить разстроенное положеніе финансовъ на счетъ подданныхъ: обладатели мѣдныхъ денегъ должны были лишиться $^{4}/_{5}$ состоянія, заключавшагося въ этомъ капиталѣ. Но проэктъ Демидова слишкомъ открыто залѣзалъ въ карманы обладателей мѣдяковъ: нужно было опасаться народныхъ волненій при приведеніи

(1) Объ этихъ проэктахъ см. въ П. С. З. № 8940. 8948.

его въ исполненіе, и потому положено было принять проектъ Ягужинскаго, какъ болѣе осторожный и безопасный, и онъ не замедлилъ вступить въ дѣйствіе. Впрочемъ эта операція длилась до 1755 года. Въ это время прежніе пятикопѣечники ходили уже по двѣ только копѣйки. Оставалось сдѣлать ихъ копѣйками, чего они собственно стоили. Но этому воспротивился графъ П. Шуваловъ, достойнымъ образомъ оцѣнившій это финансовое предпріятіе. «И уже теперь, представлялъ онъ, всякъ кто имѣлъ у себя мѣдную монету, потерялъ по 60 к. изъ рубля, и ежели бы у прежнихъ пятикопѣечниковъ убавить еще цѣны, то народъ принужденъ бы былъ потерять 80 к. изъ рубля, и притомъ народъ, преимущественно податный, который по признанію Сената и императрицы составляетъ главную силу въ государствѣ». Въ отвращеніе этой несправедливости онъ предложилъ надѣлать мѣдныхъ денегъ изъ пуда, стоившаго отъ 5 до 6 рублей, по 8-ми рублей потребное количество и на нихъ вымѣнять прежніе пятикопѣечники. Предложеніе было принято. Но установившаяся вслѣдствіе того уравнительность цѣны мѣдныхъ денегъ съ ихъ внутреннимъ достоинствомъ существовала не долго. Въ 1757 году по предложенію тогоже Шувалова императрица, въ видахъ полученія немалой прибыли для казны, повелѣла вновь дѣлать мѣдныя деньги изъ пуда по 16 рублей.

Такимъ образомъ податные люди Россійской имперіи и въ томъ числѣ иновѣрцы должны были жертвовать казнѣ значительною частію своихъ прибытковъ. Но описанная требовательность правительства по отношенію къ нимъ составляетъ не единственную и не главную причину той матеріальной скудости, въ которой они влачили свое существованіе въ новой Россіи. Безспорно, жертвы, которыя правительство преемниковъ Петра Великаго брало разными способами съ податнаго народа, была велика; но онѣ были велики относительно только средствъ, которыми располагали податные относительно того прибытка, который могъ добывать въ тогдашнее время податный своею работою. Могло быть, что эта тягость, наложенная правительствомъ на народъ, явилась бы для него нестолько ощутительною: для этого необходимо было лишь только то, чтобы трудъ податнаго человѣка поставленъ былъ въ благопріятныя для него условія. «Никакого государства въ свѣтѣ нѣтъ, говоритъ Петръ Великій въ Регламентѣ государственной камеръ-коллегіи,—

которое бы наложенную тягость снесть не могло, ежели правда и равенство (въ немъ будутъ)» (¹). Но этой правды въ общественныхъ отношеніяхъ Россіи тогдашней, этого равенства и не было, и въ этомъ нужно искать основную причину матеріальной скудости податной массы. Этою неправильностію склада общественныхъ отношеній нужно объяснить и то, что и правительство въ своей требовательности по отношенію къ податному народу допускало несправедливость. Различные общественные разряды, которые силою историческихъ обстоятельствъ образовались въ московской Россіи и изъ которыхъ каждый стремился къ обособленію, замкнутости и сословной исключительности, Петръ Великій старался подвести подъ дѣленія, соотвѣтствовавшія главнымъ потребностямъ государства. Существенное основаніе, изъ котораго онъ выходилъ, издавая табель о рангахъ, узаконенія о ревизіи и Плакатъ, Духовный Регламентъ и Регламентъ Главнаго Магистрата, эти великіе акты времени преобразованія, въ которыхъ напрасно хотятъ видѣть источникъ сословныхъ дроблений въ новой Россіи, состояло въ стремленіи учредить такой общественный порядокъ, при которомъ не было бы дармоѣдовъ, при которомъ каждый подданный трудился на общую пользу по мѣрѣ силъ и средствъ и по указанію государственной власти. Всѣ разряды, образованные поименованными узаконеніями, имѣли не сословный, а служебный характеръ. Кто служитъ усердно государству, тотъ больше получаетъ отъ него содержанія и почета въ обществѣ, тотъ дворянинъ. Кто уклоняется отъ труда на государственную пользу, тотъ лишается правъ, соединенныхъ съ его званіемъ, и подвергается карѣ со стороны власти: сегодня дворянинъ, богатый помѣщикъ, а завтра мѣсто его занимаетъ болѣе достойный. Учреждая дворянское званіе, Петръ Великій не обставилъ его никакими исключительными правами, которыя образуютъ сословность права. Владѣніе населенною землей или просто людьми безъ земли, которое потомъ составляло главный фундаментъ дворянства, въ Петровское время принадлежало не исключительно дворянамъ: всякій могъ владѣть землею, всякій могъ записать за собою людей; государство Петра Великаго наблюдало лишь то, чтобы люди, записанные за кѣмъ

(¹) П. С. З. № 3466. стр. 765. пунктъ 8.

нибудь, и земля, владѣемая, были управляемы владѣльцемъ сообразно съ установленными на этотъ предметъ законами и соотвѣтственно государственнымъ цѣлямъ; въ противномъ случаѣ государство отбирало и землю и людей и давало другому, или же, оставляя за владѣльцемъ право владѣнія, лишало его права непосредственнаго распоряженія этою собственностію. Равно исключительное право на то, что зовутъ теперь государственной службой, которое также потомъ усвоено дворянству, не было дано Петромъ Великимъ этому классу: кромѣ дворянъ допускались къ ней и люди другихъ состояній, способные и добросовѣстные, и на оборотъ дворянину сказано было, что онъ можетъ быть священникомъ, купцомъ, фабрикантомъ. Съ точки зрѣнія Петра Великаго всѣ подданные, чѣмъ бы ни занимался кто, служилъ ли въ войскѣ, былъ ли священникомъ или монахомъ, торговалъ ли,—были слуги государства, и каждый долженъ былъ такъ или иначе служить государству. Относясь къ каждому разряду населенія съ одинаково настойчивымъ требованіемъ службы этой, смотря на дворянъ, духовныхъ, городскихъ и сельскихъ обывателей, какъ на слугъ государства, онъ, послѣдовательно развивая это ученіе, наслѣдованное имъ, надо сказать, отъ его предковъ, не могъ допустить рѣзкихъ общественныхъ различій между этими классами, не могъ допустить, чтобы одинъ какой либо изъ нихъ неограниченно господствовалъ надъ другимъ. Разные виды холопства, образовавшіеся въ старой Россіи, не могли имѣть мѣста въ государствѣ Петра Великаго, гдѣ каждый призывался на службу и гдѣ, вслѣдствіе того, каждый долженъ былъ пользоваться соотвѣтственными этому высокому призванію правами. Первая ревизія, говоритъ писатель, почитающій эту государственную мѣру главнымъ источникомъ крѣпостнаго права (¹), объявила доселѣ небывалое на Руси отрицаніе всякаго исключительнаго права собственности на людей, и всѣхъ людей живущихъ въ Россіи (разумѣется за исключеніемъ иностранцевъ) признала государевыми людьми, отъ стараго до послѣдняго младенца по первой ревизіи, и рабъ, полный холопъ по закону, пересталъ быть, въ высшихъ соображеніяхъ правительства, исключительною собственностію

(¹) Бѣляевъ, крестьяне на Руси. Русская Бесѣда. 1859 г. стр. 98.

своего господина, ревизія и его помѣстила въ число людей, служащихъ государству; слѣдовательно и рабъ, прежняя безгласная собственность господина, получилъ нѣкоторымъ образомъ значеніе лица, члена того общества, которое составляетъ русское государство: онъ сдѣлался слугой того государства, которому служилъ и его господинъ». Соотвѣтственно этому всѣ внесенные въ списки ревизіи, кто бы прежде какого состоянія и происхожденія ни былъ, получили извѣстныя права, обезпечивавшія для нихъ возможность исправно нести положенную службу государству, быть дѣйствительными членами общества. По роду занятій они распались на два отдѣла: городскихъ и сельскихъ обывателей, или купцовъ и крестьянъ. Извѣстно, съ какою великою заботливостію Петръ Великій старался поднять или вѣрнѣе создать классъ торговыхъ и промышленныхъ людей, съ какимъ довѣріемъ отнесся къ горожанамъ, предоставивъ имъ широкое самоуправленіе. Но и на классъ крестьянъ онъ смотрѣлъ, какъ полноправныхъ членовъ общества: онъ желаетъ, чтобы они имѣли свои права и обязанности; крестьяне, сидѣвшіе на государственныхъ земляхъ, пользуются самоуправленіемъ; отношеніе къ нимъ чиновнаго элемента опредѣлено ясными и точными законами; они не безгласныя личности предъ губернаторами, воеводами и другими властями; имъ дано право не слушаться ихъ, когда тѣ потребуютъ чего либо отъ нихъ, несогласнаго съ закономъ. И помѣщичьи крестьяне при Петрѣ были не рабами. Владѣльцу запрещено продавать ихъ въ розницу, какъ скотовъ; жестокое обращеніе его съ людьми лишало его права распоряжаться имѣніемъ; помѣщикъ не имѣлъ права вступаться въ семейственныя дѣла крестьянина, послѣдній могъ приносить жалобу на своего господина правительству въ случаѣ злоупотребленія господской власти надъ нимъ; онъ имѣлъ законную возможность освободиться совершенно отъ власти помѣщика: указомъ 7 марта 1721 года предоставлена была свобода поступать въ военную службу всѣмъ крѣпостнымъ людямъ, исключая тѣхъ, которые господами своими выучены были матросскому дѣлу для плаванія въ С. Петербургѣ, да дѣловыхъ людей, которые въ подушную перепись написаны въ деревняхъ, которыхъ указомъ 7 мая тоже не велѣно принимать въ вольницу; крестьянинъ господскій могъ записаться въ купцы и вся зависимость его тогда отъ владѣльца ограничивалась платежемъ ему обыкно-

венной крестьянской подати, а не по богатству; онъ могъ вступать въ разные подряды съ казною и частными лицами отъ своего имени, не испрашивая на то позволенія помѣщика, и заручаясь только свидѣтельствомъ его относительно своей состоятельности; крестьяне считались владѣльцами земель, которыя обработывали, наконецъ не видно, чтобы помѣщики имѣли по закону право суда надъ своими крестьянами. Такимъ образомъ податные въ царствованіе Петра Великаго признавались членами общества на ряду съ людьми служилыми. Они не были замкнутою кастою, обреченною навсегда на извѣстный только родъ занятій и на одно и тоже общественное положеніе: законъ открывалъ имъ разнообразные пути къ выходу въ другіе классы; законъ ихъ разсматривалъ какъ государевыхъ людей, обязанныхъ по отношенію къ государству опредѣлительною службою, свыше которой никто не имѣлъ права ничего съ нихъ требовать въ свою пользу.

По такой общественный порядокъ шелъ въ рѣшительное противорѣчіе съ тѣмъ направленіемъ, которое утвердилось въ средѣ класса людей служилыхъ и которое мѣтко обозначалось словомъ: кормленіе. Люди служилые въ московскомъ государствѣ научились смотрѣть на службу съ точки зрѣнія этого кормленія, т. е. стремились, не служа государству, или служа ему кое какъ, получать какъ можно болѣе корму, кормились отъ дѣлъ, кормились отъ помѣстій и вотчинъ, не зная мѣры, кормились, стараясь не допустить до такого корма людей не ихъ круга. Петръ Великій, всю жизнь свою боровшійся съ этимъ направленіемъ, не могъ его сломить. Оно при немъ пріобрѣло весьма сильное подкрѣпленіе. Въ составъ прежняго служилаго класса вошли новые люди, выдвинутые впередъ изъ низшихъ слоевъ народонаселенія преобразовательнымъ движеніемъ эпохи, которые, увеличивъ этотъ классъ въ количественномъ отношеніи, усилили его внутреннюю энергію. Большая часть этихъ старинныхъ служилыхъ и присоединенныхъ къ нимъ людей новыхъ, по обстоятельствамъ времени, должны были служить въ войскѣ. Вслѣдствіе того служилый классъ, названный теперь дворянствомъ, представлялъ вооруженную корпорацію среди остальныхъ безоружныхъ классовъ народонаселенія. Составляя по отношенію къ остальному населенію несравненное меньшинство, этотъ классъ имѣлъ предъ нимъ рѣшительное преимущество именно въ томъ, что онъ былъ вооруженъ, связанъ въ своихъ частяхъ крѣп-

кою военною организаціею, съ которою конечно не могло итти въ сравненіе московское военное устройство, и стоялъ какъ бы лагеремъ въ странѣ, въ случаѣ надобности имѣя возможность дѣйствовать дружно противъ остальнаго населенія, разбросаннаго на громадномъ пространствѣ. Кромѣ того на его сторонѣ были всѣ выгоды знанія, переведеннаго Петромъ Великимъ въ Россію съ Запада и неуспѣвшаго еще проникнуть въ среду народной массы. Наконецъ будучи воинами по преимуществу, служилые люди новой Россіи вѣдали, какъ было и прежде, гражданскія дѣла, что давало имъ возможность вліять на разнообразныя внутреннія отношенія народной жизни: отдѣльный самостоятельный классъ гражданскихъ чиновниковъ, который бы могъ составлять противовѣсъ имъ, былъ еще въ зародышѣ. Такимъ образомъ этотъ классъ населенія не видѣлъ подлѣ себя ни одного другаго элемента, который бы могъ спорить съ нимъ силою, могъ противопоставить въ случаѣ борьбы равныя средства. Онъ заключалъ въ себѣ всѣ матеріальныя условія для господства надъ другими. Какъ онъ воспользуется своею страшною силою по отношенію къ остальному въ большинствѣ податному населенію? Удержится ли онъ въ предѣлахъ умѣренности и справедливости? Сумѣетъ ли сохранить за собою высокое, указанное ему Преобразователемъ, значеніе первыхъ слугъ государства и народа? Или же обратится въ немилостивыхъ господъ податнаго народа, ищущихъ только себѣ прибыли и не думающихъ объ интересахъ подначальныхъ, будетъ дѣйствовать по отношенію къ нимъ, какъ было прежде при московскихъ государяхъ? Все теперь зависѣло отъ степени нравственнаго развитія преобразованнаго служилаго класса, отъ того, насколько въ средѣ его усвоены великія идеи преобразованія о ревностномъ и честномъ служеніи общему благу, о подчиненіи ему личныхъ и сословныхъ интересовъ. Дѣйствительно въ этомъ классѣ были люди, глубоко проникнутые этими идеями и стремленіями. Они составляютъ величайшее пріобрѣтеніе, сдѣланное для Россіи временемъ преобразованія: они сохранили среди глубокаго мрака, охватившаго нашу общественную жизнь послѣ Петра Великаго, великія преданія и стремленія его и, постепенно усиливаясь новыми, свѣжими дѣятелями, группа этихъ людей привела государство къ общественнымъ реформамъ XIX вѣка. Но въ первой половинѣ XVIII столѣтія группа эта далеко не была настолько значительною,

чтобы въ состояніи сдѣлать направленіе, которому слѣдовало, не говорю, господствующимъ, по крайней мѣрѣ равносильнымъ старинному духу кормленія. Большинство служилыхъ было проникнуто насквозь послѣднимъ. Еще при жизни Петра Великаго постоянно обнаруживалось, что многіе служилые люди постоянно уклонялись отъ службы и въ тоже время любили всякими средствами собирать сытный кормъ съ податнаго народа, обкрадывая также и казну. Но при Петрѣ Великомъ такой способъ отношеній къ государству и податнымъ былъ весьма не безопасенъ для тѣхъ, кто ему слѣдовалъ. Онъ почиталъ его хуже измѣны и не останавливался ни предъ какими мѣрами къ искорененію такого зла. Убѣдившись, что оно крѣпко въ обществѣ, онъ открылъ противъ него безпощадное преслѣдованіе. Въ своихъ указахъ онъ выставлялъ на всеобщій позоръ пѣтчиковъ и народныхъ грабителей; онъ ни мало не колебался объявлять во всеобщее свѣдѣніе, что между его ближайшими слугами много воровъ, притѣснителей крестьянъ, казнокрадовъ. Обличеніе плохо дѣйствовало: онъ тогда повелѣваетъ каждому безбоязненно доносить ему самому на неправедныхъ судей, павѣточниковъ, похитителей государственнаго интереса и обѣщаетъ за правый доносъ доносителю все имѣніе преступника, а самимъ такимъ преступникамъ, равно тѣмъ, кто сталъ прикрывать ихъ, угрожаетъ смертною казнію безъ пощады. Не совсѣмъ помогаетъ и это. Дѣло князя Гагарина, которое кончилось казнію этого сановника, раскрываетъ предъ государемъ, что злоупотребленія глубоко въѣлись въ администрацію, и что испытанныя доселѣ противъ нихъ мѣры не дѣйствительны. Онъ рѣшается подвергнуть слѣдствію весь служилый классъ государства. Въ этихъ видахъ онъ въ то время, когда праздновалъ Ульштадтскій миръ, издалъ повелѣніе, которымъ всѣ отставные, или которые, какъ говорилось тогда, были не у дѣлъ, и половина служащихъ призывались на генеральный смотръ въ Москву. Призываемые, какъ видно, поняли цѣль этого смотра, и многіе, зная за собою грѣхи, всячески уклонялись отъ исполненія государевой воли. Это было причиною повторенія указа и наконецъ вызвало страшную мѣру со стороны Государя. «Ежели кто изъ оныхъ до того срока и на тотъ срокъ (31 Генваря), писалъ онъ въ своемъ указѣ, пріѣзда своего не запишетъ и на смотръ не явится, и таковые будутъ шельмованы, и съ добрыми людьми ни въ какое дѣло причтены

быть не могутъ, и ежели кто ограбитъ, ранитъ, или что у нихъ отниметъ, а ежели и до смерти убьетъ, о такихъ челобитья не принимать и суда имъ не давать, а движимое и недвижимое имѣніе будутъ отписаны на насъ безповоротно... и по прошествіи сроковъ всѣхъ нѣтчиковъ имена особо будутъ напечатаны, и для публики прибиты къ висѣлицамъ на площади, дабы о нихъ всякъ зналъ, яко преслушателей указамъ и равныхъ измѣнникамъ» (1). Указъ этотъ подѣйствовалъ. Съѣхавшіеся въ Москву служилые были подвергнуты допросамъ въ особой по этому случаю назначенной коммиссіи. По прочтеніи имъ увѣщанія говорить истину и избѣгать лжи, которая бы усилила заслуженное наказаніе, они между прочимъ должны были отвѣчать на слѣдующіе вопросы: «кѣмъ поручены занимаемыя ими должности, или какимъ образомъ достигли ихъ? Не расхищали ли казны государевой? Не были ли публично наказаны и за какія вины? Страшное множество злоупотребленій открылось по протоколу этой коммиссіи. Самая великость зла побудила императора ограничиться простымъ только дознаніемъ и отложить производство по этому случаю формальнаго слѣдствія, для котораго по случаю предстоявшей Персидской экспедиціи не было ни времени ни средствъ» (2). Изъ похода императоръ воротился съ рѣшимостію искоренить зло, и началъ это дѣло съ высшихъ сановниковъ: первые сановники въ государствѣ подпали подъ судъ, начались казни за злоупотребленія по службѣ. Гибель готовилась первому лицу послѣ царя въ имперіи. Казалось, что возвращается время разгрома стрѣльцовъ. Но грозный блюститель интересовъ государства и податнаго народа среди разгара борьбы съ порѣшителями этихъ интересовъ скончался.

Въ теченіе какихъ нибудь 35 лѣтъ послѣ кончины Петра Великаго общественный строй, который онъ старался установить въ Россіи, подорванъ былъ въ самыхъ его основаніяхъ. Началось съ того, что престоломъ великаго императора, отъ котораго выходила могущественная охрана общаго

(1) П. С. З. № 3874.

(2) Записки гр. Боссевича. Русскій Арх. за 1865 г. стр. 572.

блага и защита слабыхъ противъ сильныхъ, овладѣваетъ служилый вооруженный классъ, явившій себя наиболѣе причастнымъ наклонностямъ кормленія; по имени этотъ престолъ остается, какъ было и прежде, самодержавнымъ, стоитъ крѣпко на одинаковой для всѣхъ разрядовъ населенія высотѣ, одинаково для всѣхъ милостивый, справедливый, дѣятельный и грозный, на дѣлѣ явилось не то: имъ располагаетъ по своему произволу одинъ вооруженный классъ русскаго населенія; дѣлается попытка низвести его формально съ той высоты, на которую онъ былъ вознесенъ всѣмъ ходомъ предшествовавшей русской жизни, и сдѣлать его орудіемъ стремленій исключительнаго меньшинства; начинается позорная, оскорбительная для національнаго чувства, игра первыхъ слугъ государства тѣмъ, что было въ убѣжденіи народной массы святыней. Въ средѣ этого класса, захватившаго въ свои руки это великое наслѣдство, для котораго работали многія поколѣнія, открываются изъ за него раздоры: являются разныя партіи, изъ которыхъ каждая стремится овладѣть имъ исключительно для себя, посадивъ на тронъ сподручное для себя лицо, чтобы чрезъ то безраздѣльно властвовать надъ Россіей. Но какъ ни ожесточенна была борьба въ дворянскомъ классѣ, проистекавшая изъ этого источника, какъ ни кровожадно противныя партіи преслѣдовали другъ друга, онѣ однако дѣйствовали въ одномъ направленіи въ вопросѣ о положеніи въ государствѣ различныхъ разрядовъ населенія, о правахъ каждаго изъ нихъ и обязанностяхъ и взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, и въ Россіи получаютъ силу такіе общественные порядки, и такія явленія, живучія впрочемъ и прежде, укрѣпляются въ нашей тогдашней государственной и общественной жизни, при которыхъ честный и правильный трудъ, промышленный и земледѣльческій, на каждомъ шагу долженъ былъ встрѣчать великія преграды, при которыхъ бѣдность податнаго населенія была неизбѣжна.

Дворянство воспользовалось своими средствами въ періодъ времени отъ смерти Петра Великаго до Екатерины II, чтобы стать совершенно въ иное положеніе въ государствѣ, чѣмъ какое ему указано Петровскими опредѣленіями. Существенное измѣненіе въ этомъ отношеніи состояло въ томъ, что дворянство изъ служилаго класса государства дѣлается сословнымъ, снабженнымъ обширными, въ ущербъ другимъ классамъ и преимущественно податному, правами и преимуще-

ствами. Прежнія обязательныя его отношенія къ государству мало по малу ослабляются не только на дѣлѣ (1), но и по закону. Въ 1733 году недоросли, за которыми состояло не болѣе 20 душъ, освобождены отъ обязанности являться на смотръ въ Петербургъ и получили позволеніе опредѣляться въ армейскіе полки, расположенные по близости ихъ имѣній (2). Манифестомъ 1736 г. 31 декабря, подтвержденнымъ потомъ въ 1740 году, предоставлено было отцу дворянину, имѣвшему двоихъ или болѣе сыновей, оставлять одного дома, а для поступившихъ въ службу назначенъ опредѣленный, въ 25 лѣтъ, срокъ (3). Манифестомъ императора Петра III, 18 февраля 1762 года, пожалована впредь на вѣчныя времена и въ потомственные роды россійскому благородному дворянству вольность и свобода служить или не служить государству (4). Получивъ такую свободу, дворяне чрезъ то не лишились правъ, соединявшихся съ службою и служившихъ дотолѣ наградою за эту службу. Напротивъ въ занимающій насъ теперь періодъ времени права ихъ все болѣе и болѣе расширялись, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались принадлежностію исключительно дворянства. Въ 1731 положительнымъ закономъ уничтожено различіе между помѣстьями и вотчинами, и повелѣно какъ помѣстья, такъ и вотчины именовать недвижимымъ имѣніемъ вотчиной (5). Въ 1751 году велѣно считать пожалованныя деревни дарованными въ вѣчное потомственное владѣніе, хотя бы въ именномъ указѣ и не было того сказано (6). Вмѣстѣ съ тѣмъ право владѣнія крѣпостными людьми и землями объявляется исключительно принадлежащимъ дворянству. Указъ 14 марта 1746 года гласитъ: «впредь купечеству, архіерейскимъ и монастырскимъ слугамъ и боярскимъ людямъ и крестьянамъ, и написаннымъ къ купечеству

---

(1) На дѣлѣ разными путями отбывали службы и прежде Петра III, какъ свидѣтельствуютъ Посошковъ, Даниловъ и многочисленные оффиціальные документы.

(2) П. С. З. № 6468.

(3) Тамже № 7142.

(4) Тамже № 11,444.

(5) Тамже № 3717.

(6) Тамже № 9910.

и въ цехъ, также козакамъ и ямщикамъ и прочимъ разночинцамъ, состоящимъ въ подушномъ окладѣ, людей и крестьянъ безъ земель и съ землями покупать во всемъ государствѣ запретить и крѣпостей онымъ не давать (1). Инструкція межевщикамъ, изданная въ 1754 году, вполнѣ подтверждаетъ эту привиллегію дворянства, и всѣмъ недворянамъ, владѣвшимъ землями и людьми, «повелѣвалось какъ свои собственныя, такъ и приданыя недвижимыя въ полгода продать, кому по указамъ надлежитъ», съ объясненіемъ, что «ежели они въ этотъ срокъ не продадутъ этихъ имѣній, и по наѣзду межевщиковъ объявятся за ними во владѣніи, то они будутъ отписаны на Е И. Величество» (2). Только принявъ во вниманіе прежнія жалованныя грамоты, правительство оставило владѣльческія права, съ значительными впрочемъ ограниченіями, за прежними служилыми татарами, о вотчинныхъ правахъ которыхъ говорено выше, за Смоленскими мѣщанами, купцами и посадскими Устюжской провинціи, однодворцами и людьми прежнихъ службъ (3), да за чернымъ духовенствомъ, которое подъ конецъ періода также положено лишить владѣльческихъ правъ. Относительно владѣльческихъ правъ податныхъ инородцевъ инструкціей межевщикамъ постановлено вообще тоже, что опредѣлено относительно тѣхъ же правъ черносошныхъ государственныхъ крестьянъ. Имъ предоставлялось право общиннаго владѣнія землями, которыя значились за ними по писцовымъ книгамъ (гл. XXII, п. 7-й). Ежели бы оказалось, что они сидѣли на земляхъ, на которыхъ прежде сидѣли русскіе и которыя потомъ, бывъ ими оставлены, многіе годы лежали пустыми, то межевщики должны были отмежевать имъ земли согласно жалованнымъ грамотамъ, а еслибы послѣднихъ не нашлось, то по числу душъ, на каждыя четыре души по 30 десятинъ, отмежевать къ слободамъ, селамъ и деревнямъ въ одну окружную межу, съ запрещеніемъ владѣльцамъ продавать, закладывать и въ наемъ отдавать эти земли. (Гл. XXII. п. 9; Гл. XXIII. п. 1-й). Всѣ земли, оставленныя инород-

(1) П. С. З. № 9267.

(2) Тамже № 10,796.

(3) Тамже № 9874.

цами и занятыя русскими помѣщиками, обращались въ полную собственность послѣднихъ. Такимъ образомъ право полной собственности на недвижимыя имущества, а также владѣнія людьми присвоено было одному дворянству. Кромѣ того дворяне получили и другія привиллегіи: такъ, когда еще не были уничтожены внутреннія пошлины, состоялся указъ, по которому велѣно было отпускать отъ С. Петербургскаго порта въ Москву и прочія мѣста, по требованію знатныхъ персонъ, купленные или выписанные ими иностранные товары безъ взятья внутренней пошлины (1); такъ имъ исключительно предоставлено право являться къ подрядамъ на поставку вина, съ запрещеніемъ имѣть винокуренные заводы лицамъ другихъ состояній (2). Этими привиллегіями дворянства опредѣляется само собою положеніе податнаго населенія имперіи. Устраненные отъ владѣнія поземельнаго собственностію, они должны были трудиться для своего пропитанія и для выполненія возложенныхъ на нихъ повинностей подъ тѣми условіями, которыя угодно было назначить собственникамъ, владѣльцамъ поземельнаго богатства. Этими собственниками были только дворянскій классъ да казна, или государство; стало быть, податные попадали въ зависимость или отъ помѣщиковъ, или отъ тѣхъ, кто завѣдывалъ управленіемъ государства; но право на то, что нынѣ называютъ государственною службою, мало по малу стало усвояться исключительно дворянству: въ 1739 году состоялся указъ, которымъ подъ тѣмъ предлогомъ, что лица другихъ состояній, опредѣленныя на воеводскія мѣста, заботятся не о томъ, чтобы трудъ и радѣніе къ службѣ показать, а чтобы самимъ только обогатиться, повелѣвалось впредь на такія мѣста опредѣлять только дворянъ (3). Въ слѣдующемъ году запрещено опредѣлять разночинцевъ въ прикащики и управители дворцовыхъ волостей (4). Даже канцелярскія должности правительство стремилось поручить исключительно

(1) П. С. З. № 9843.
(2) Тамже № 10 261. 10,384.
(3) Тамже № 7736.
(4) Тамже № 8205.

дворянамъ (1), и только благодаря отвращенію шляхетства къ приказному званію удерживались на канцелярскихъ мѣстахъ люди другихъ состояній (2). Такимъ образомъ и тѣ податные, которые сидѣли и не на помѣщичьихъ земляхъ,

(1) Съ 1737 года по случаю того, что число секретарей и другихъ канцелярскихъ чиновниковъ не изъ шляхетства чрезвычайно умножилось, и подъ тѣмъ предлогомъ, что между ними оказалось много плутовъ и грабителей народныхъ, указомъ повелѣно произвести переборку приказныхъ и негодныхъ исключить (II С. З. № 7410). Еще прежде состоялось повелѣніе не производить изъ секретарей въ ассесоры безъ Высочайшаго утвержденія (№ 7262); приняты тогда же мѣры къ замѣщенію канцелярскихъ должностей недорослями изъ дворянъ и велѣно, набравъ ихъ 84 человѣка, готовить ихъ въ Петербургѣ къ гражданской службѣ, въ тамошнихъ учрежденіяхъ, подъ руководствомъ секретарей и подъ наблюденіемъ князя Юсупова (№ 7248). Стараніе правительства наполнить канцелярскія мѣста дворянами и очистить ихъ отъ разночинцевъ мы видимъ и въ царствованіе Елизаветы Петровны. Въ 1746 году сенатъ употребилъ грозу конфискаціей домовъ и деревень, чтобы заставить недорослей итти въ приказные (№ 9279). Въ 1745 году сенатъ приказалъ выслать на прежнія жилища обрѣтающихся у приказныхъ дѣлъ крестьянскихъ дѣтей и впредь ихъ не принимать, что подтверждено въ 1750 г. (№ 9233 9715).

(2) Въ 1755 году правительство вздумало было всѣхъ приказныхъ нешляхетской породы, которые опредѣлены на службу послѣ 17 2 года, а также и дѣтей завербовать въ солдаты. Но получивъ отовсюду донесенія, что эта мѣра приведетъ къ тому, что вездѣ явится крайній недостатокъ въ приказныхъ людяхъ и въ теченіи дѣлъ послѣдуетъ остановка, Сенатъ приказалъ сочинить штаты приказнымъ служителямъ, полагая самое умѣренное число безъ всякаго излишества, а до того времени оставить въ губернскихъ канцеляріяхъ по 30, въ провинціальныхъ по 15, въ воеводскихъ по 10 наиболѣе годныхъ; дѣтей секретарскихъ и прочихъ канцелярскихъ служителей, до будущаго разсмотрѣнія, кромѣ приказной службы, отнюдь никуда не опредѣлять; чтобы лучше приготовить ихъ къ ней, завести для нихъ, на основаніи указа 20 ноября 1721 года, школу для обученія ихъ ариѳметикѣ, чистописанію и канцелярскимъ формамъ (П. С. З. № 10,473).

не могли уйти отъ вліянія на ихъ трудъ и быть служилаго класса, имѣвшаго къ тому всѣ средства, благодаря своему исключительному праву на службу въ государственныхъ установленіяхъ, центральныхъ и областныхъ.

Что касается до положенія податныхъ людей, сидѣвшихъ на помѣщичьихъ земляхъ, то прежде всего мы видимъ, что правительство въ періодъ времени, насъ занимающій теперь, стремится увеличить число этого разряда податнаго населенія. Это внѣшнее расширеніе крѣпостнаго права шло, постепенно усиливаясь насчетъ разнаго рода элементовъ населенія. Въ 1729 году всѣ кабальные люди записаны въ подушный окладъ за тѣми помѣщиками, у которыхъ они въ сказкахъ показаны, или къ кому въ услуженіе приняты; дѣтей ихъ, которые отданы до возраста, всѣхъ, въ возрастъ пришедшихъ, и малолѣтнихъ также велѣно записать за тѣми помѣщиками, у которыхъ въ сказкахъ показаны (1). Въ томъ же году такая же судьба постигла и классъ такъ называвшихся прежде, вольныхъ государевыхъ людей, потерявшихъ свое прежнее значеніе еще при Петрѣ Великомъ, но не приведенныхъ въ положеніе, назначенное первою ревизіею: по силѣ указа 16 іюня 1729 года они должны были поступить или въ военную службу, или за негодностію къ ней, записываться за кого либо въ подушный окладъ, или итти въ Сибирь на поселеніе (2). Но болѣе всего число крѣпостныхъ увеличено въ царствованіе Елизаветы Петровны. Вторая ревизія произведена была при ней не въ однихъ видахъ казны, но и въ интересахъ владѣльческаго класса, который воспользовался этою государственною мѣрою, чтобы сильнѣе завязать узелъ крѣпостнаго права. Въ инструкціи ревизорамъ, вышедшей 16 декабря 1743 г., въ особенности въ многочисленныхъ указахъ, изданныхъ въ истолкованіе и пополненіе правилъ, изложенныхъ въ этой инструкціи, съ очевидностію выражается стремленіе прикрѣпить податнаго человѣка къ лицу, расширить предѣлы господскаго права какъ со стороны внѣшней, т. е., увеличить число крѣпостныхъ, такъ и съ внутренней, т. е., усилить право господина надъ крѣпостнымъ. Сенатъ, изъ котораго исключительно выходили такія

(1) П. С. З. № 5392.

(2) Тамже № 5444.

узаконенія, обнаружилъ ими вполнѣ рабовладѣльческій взглядъ на общественныя отношенія, явился поборникомъ интересовъ одного сословія, въ жертву которому хотѣли теперь принести не только уже бывшихъ крѣпостныхъ, но и такихъ людей, которые до того были свободными отъ всякой личной зависимости. Такъ старались распространить крѣпостное право насчетъ бѣлаго духовенства, впрочемъ не совсѣмъ успѣшно, такъ какъ остававшіеся за опредѣленіемъ на мѣста, недѣйствительно служащіе, протопопскія, поповскія и дьяконовскія дѣти, излишніе причетники и ихъ дѣти, которые и подлежали переписи, находили способы уклоняться отъ исполненія указовъ, требовавшихъ избранія какого либо рода податной жизни (1). За то всѣ остальные, не записанные ни за кѣмъ, должны были теперь быть приписанными куда либо, такъ чтобы ни одинъ безъ написанія не остался; правда всякому предоставлялось приписаться къ торговому классу и чрезъ то быть независимымъ отъ помѣщичьей власти: но такъ какъ для этого требовались деньги, то этимъ правомъ многіе не могли воспользоваться, и большинство должно было выбирать себѣ помѣщиковъ. Такимъ образомъ вольноотпущенные должны были пріискивать себѣ новыхъ помѣщиковъ; помѣщичьи люди, получившіе свободу за доносъ на владѣльца, должны были также въ теченіе года найти себѣ помѣщика, въ противномъ случаѣ возвращались къ прежнимъ господамъ. Случалось даже, люди торговаго класса, поступившіе на фабрики на основаніи договоровъ,—были закрѣпощаемы за фабрикантомъ; многимъ изъ отставныхъ солдатъ пришлось опять возвратиться къ крѣпостной зависимости. По крайней мѣрѣ солдаты при отставкѣ могли часто итти на мѣста прежняго своего жительства, откуда были взяты въ рекруты; поселяясь снова у прежняго помѣщика на прежнемъ жеребьи, или согласившись на домашнюю работу у него, солдатъ вступалъ въ прежнюю крѣпостную отъ него зависимость. Кромѣ того, по случаю 2-й ревизіи, указомъ 36 ноября 1745 г. было по-

---

(1) См. подробности насчетъ усиленія крѣпостнаго права въ сочиненіяхъ: Бѣляева «Крестьяне на Руси. Русская Бесѣда. 1859. VI, стр. 125—154. Артемьева «о народныхъ переписяхъ». Р. В. 1857. Іюль. стр. 305—316. Побѣдоносцева. «Утвержденіе крѣпостнаго права въ Россіи XVIII стол.» Р. В. 1858 г.

становлено, чтобы солдаты, которые, будучи отданы въ рекруты до первой ревизіи, находились въ бѣгахъ, по отставкѣ отъ службы за старостію, были записываемы въ подушный окладъ за тѣмъ селеніемъ, откуда взяты были въ рекруты; законныхъ и незаконныхъ дѣтей солдатскихъ, если они остались сиротами, велѣно отдавать для воспитанія и въ вѣчное крѣпостное владѣніе всякаго чина людямъ, имѣющимъ деревни; плѣнные Шведы и Поляки, которые, живя въ услуженіи у помѣщиковъ, женились на ихъ крѣпостныхъ женкахъ или дѣвкахъ, должны были остаться за ними вѣчно. Но болѣе всего крѣпостное право развивалось насчетъ огромной массы уклонявшихся отъ всякой личной зависимости и исполненія общественныхъ обязательствъ. Указъ о ревизіи заключаетъ между прочимъ въ себѣ свидѣтельство, что число такихъ бѣгуновъ, изъ коихъ многіе называли себя непомнящими родства, простиралось до 200,000 человѣкъ. Большая часть этихъ бѣглыхъ принадлежали къ помѣщичьимъ крестьянамъ. Погоня, которая всегда дѣятельно производилась за этими людьми, теперь была усилена. Многіе изъ такихъ бѣглецовъ на новыхъ мѣстахъ поселились, обзавелись хозяйствомъ, жили смирно, обработывая землю на основаніи договора съ помѣщиками, извѣстны были въ этомъ состояніи и первой ревизіи, которая, положивъ ихъ въ семигривенный окладъ, затѣмъ предоставила имъ жить, какъ хотятъ. Теперь они должны были или возвратиться на прежнія мѣста, или быть закрѣпощенными за владѣльцами тѣхъ земель, на которыхъ сидѣли (1). Другіе изъ бѣглыхъ, когда, поймавъ ихъ, объявляли имъ, что ихъ слѣдуетъ возвратить на мѣста ихъ прежняго жительства, называли себя или поляками, такъ какъ поляковъ не велѣно было насильно удерживать въ неволѣ, или малороссіянами, такъ какъ этихъ запрещено было подъ смертною казнію закрѣпощать, третьи же называли себя непомнящими ни господъ своихъ, ни родителей. Но эти уловки не спасали пойманныхъ бѣглецовъ отъ крѣпостной зависимости. Приходилось доказывать принадлежность свою къ польской или малороссійской національности или письменными документами, или же подвергаясь допросамъ съ пристрастіемъ. Относительно вообще непомнящихъ родства постановлено то-

(1) П. С. З. № 8973.

же допрашивать съ пристрастіемъ батоги, и, если кто не выдержитъ, скажетъ, чей человѣкъ, то возвращать тому помѣщику; объ остальныхъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній опредѣлено: записать ихъ въ подушный окладъ за тѣми помѣщиками, за кѣмъ нынѣ живутъ (1). Только тѣ непомнящіе родства спаслись отъ помѣщичьей власти, которые объявились въ губерніяхъ Астраханской, Оренбургской и въ Сибири: тѣхъ всѣхъ велѣно было указомъ 1746 г. распредѣлить въ тѣхъ мѣстахъ на поселеніе (2). Мы не имѣемъ возможности опредѣлить, были ли между этими непомнящими родства и инородцы и, если были, то какъ много ихъ было въ этомъ разрядѣ людей, а потому не можемъ здѣсь сказать съ большею или меньшею вѣроятностію, насколько этимъ путемъ крѣпостное право развивалось насчетъ инородческаго населенія приволжскихъ земель. Но что эти инородцы (3) должны были

---

(1) П. С. З. № 9015. 9061. 9131. 9136.

(2) Тамже № 9250.

(3) Что касается до другаго рода иноземцевъ (сюда причислилъ законъ выходцевъ: Калмыковъ Персіянъ, также Башкирцевъ, Киргизъ-Кайсаковъ), то на ихъ счетъ крѣпостное право, можно сказать, развивалось систематически. Манифестомъ 16 ноября 1737 года дозволено было всякому покупать ихъ, крестить и у себя держать безъ записки въ подушный окладъ и даже безъ платежа подушныхъ пошлинъ, съ одною только записною въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ. Сила этого указа была распространена и на такихъ людей, которыхъ по старинному правилу Сибирскихъ наказовъ запрещалось крѣстить. Такъ запрещеніе служилымъ людямъ покупать для себя и вывозить изъ Сибири даже калмыцкихъ полонныхъ ясырей, привозимыхъ калмыцкими тайшами для торга, было отмѣнено. Въ 1749 дозволено было военнымъ людямъ вывозить съ собою изъ Сибири людей, купленныхъ у Калмыковъ, кромѣ россійскихъ подданныхъ. Въ 1745 г. велѣно Башкирцевъ, которые крещены разными людьми, по отдачамъ отъ Оренбургской коммиссіи оставлять у нихъ во владѣніи, а которые крестились сами собою, тѣмъ давать свободу и предоставлять записываться, куда пожелаютъ. Кромѣ того по распоряженію правительства инородцы раздавались частнымъ лицамъ въ видѣ наказанія за вины; такъ въ 1743 году 2809

также увеличивать собою число крѣпостныхъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Законъ поставлялъ только одно опредѣленіе относительно инородцевъ, которое до нѣкоторой степени могло задерживать развитіе крѣпостнаго права въ ихъ средѣ, это именно: «новокрещеннымъ изъ магометанскаго закона за воспріятіе святаго крещенія изъ холопства и крестьянства отъ помѣщиковъ иновѣрныхъ быть свободными вѣчно, и тѣмъ прежнимъ помѣщикамъ мурзамъ во владѣнія ихъ новокрещеныхъ никакого дѣла не имѣть, развѣ что оные помѣщики сами по желанію своему воспріимутъ святое крещеніе, тогда оные имѣютъ имъ же быть отданы во владѣніе по прежнему» (1). Этою послѣднею прибавкою значительно ослаблялась задержка, которая ставилась приведеннымъ закономъ для крѣпостнаго права въ средѣ инородческаго населенія. Далѣе мы будемъ имѣть случай видѣть, что если крещеніе освобождало иновѣрца отъ крѣпостной зависимости помѣщика изъ иновѣрцевъ же, то не защищало его отъ закрѣпощенія русскими. Какъ и насчетъ податныхъ русскаго происхожденія, распространялся насчетъ и инородцевъ особый видъ этого состоянія, образовавшійся въ Россіи со времени Петра Великаго,—приписанныхъ къ заводамъ. Такъ съ 1732 г. велѣно было приписать къ поташнымъ заводамъ въ Нижегородскомъ, Арзамасскомъ и прочихъ уѣздахъ изъ ясачныхъ селъ и деревень до 10000 душъ (2); такъ когда въ царствованіе

Солтаульскихъ Ногайцевъ роздано было калмыцкимъ владѣльцамъ за самовольное откочеваніе за границу Россіи, а потомъ когда правительство сочло нужнымъ перевести ихъ съ Кубани и изъ Астрахани въ Казанскую губернію, многіе изъ нихъ были розданы по деревнямъ тамошнимъ татарскимъ мурзамъ въ вѣчное услуженіе. Въ 1756 году сенатомъ дозволено русскимъ подданнымъ купцамъ, Бухарцамъ, и вообще разночинцамъ покупать и вымѣнивать на товары разныхъ азіатскихъ плѣнниковъ, привозимыхъ на крѣпостную линію Киргизъ-Кайсаками, съ тѣмъ однакоже, что покупатели изъ разночинцевъ въ правѣ владѣть ими только по смерть свою, если въ теченіи жизни своей не продадутъ ихъ имѣющимъ право владѣть дворовыми людьми. Побѣдоносцевъ. Утвержд. крѣп. права въ Россіи XVIII ст. Р. В. 1858 г. стр. 237—238.

(1) П. С. З. № 8792.

(2) Тамже № 6244.

Елизаветы Петровны правительство вздумало ограничить заводчиковъ и фабрикантовъ относительно обязанныхъ рабочихъ извѣстною нормою, свыше которой нельзя было имѣть приписныхъ къ извѣстной силы заводу крестьянъ, то между прочимъ оказалось, что на заводѣ Семена Иноземцева находилось между другими приписными и татаръ 126 душъ (1). Получивъ такимъ образомъ содѣйствіе со стороны правительства въ укрѣпленіи за собою какъ можно большаго количества людей, дворянскій классъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе господскихъ правъ надъ крѣпостными, а эти послѣдніе вслѣдствіе того мало по малу утратили тѣ права, которыя были имъ предоставлены первою ревизіей и послѣдующими Петровскими узаконеніями. Уже въ 1727 году состоялся указъ, по которому не велѣно было принимать боярскихъ людей и крестьянъ по ихъ желанію въ солдаты, матросы и въ другія казенныя службы. Когда вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Елизаветы Петровны между крѣпостными помѣщичьими людьми началось движеніе, когда многіе, въ видахъ освободиться отъ помѣщичьей власти, стали бить челомъ о запискѣ ихъ въ военную службу, а другіе бѣжали отъ помѣщиковъ, въ надеждѣ, что воспослѣдуетъ скоро дозволеніе каждому господскому человѣку итти въ солдаты, то правительство опредѣлило жестокое наказаніе такимъ охотникамъ до военной службы, а именно: которые подавали челобитныя не маломъ собраніемъ, тѣ биты кнутомъ, и изъ нихъ пущіе къ тому заводчики сосланы въ Сибирь на казенные заводы въ работу вѣчно; а которые челобитныя подавали порознь, тѣ вмѣсто кнута биты плетьми, а прочіе батоги, и по наказаніи, кромѣ тѣхъ, которые сосланы въ ссылку, отданы помѣщикамъ ихъ въ услуженіе по прежнему; чтобы впредь подобныхъ требованій со стороны господскихъ крестьянъ не было, имъ велѣно было отъ имени императрицы объявить, чтобы впредь помѣщиковы люди, отбывая отъ помѣщиковъ своихъ, отнюдь не бѣгали и о запискѣ въ военную службу не просили подъ опасеніемъ за такія продерзости жестокаго наказанія кнутомъ и ссылки въ вѣчную каторжную работу (2). Позднѣе и выходъ помѣщичьихъ крестьянъ и въ

(1) П. С. З. № 10131.

(2) Тамже № 8577.

купечество, бывшій правомъ каждаго зажиточнаго крестьянина, занимавшагося торговлею или промыслами, былъ существенно измѣненъ: помѣщичій крестьянинъ не иначе могъ сдѣлаться купцомъ, какъ получивъ на то формальный увольнительный актъ отъ помѣщика (1). Такимъ образомъ этотъ классъ становился замкнутою кастою, притомъ лишенною всѣхъ правъ личности. Крестьяне исключены были изъ присяги на вѣрноподданство (2); слѣдовательно правительство не считало ихъ членами русскаго общества; имъ запрещено было ранѣе, чѣмъ усвоено дворянству исключительно право владѣнія недвижимою собственностію, — покупать недвижимыя имѣнія въ городахъ и уѣздахъ (въ 1730 г.) (3); вслѣдъ за тѣмъ, въ 1731 году у нихъ отнято право вступать въ подряды и въ откупа (4), далѣе имъ запрещено было покупать людей даже для поставки вмѣсто себя въ рекруты (5); въ 1734 году имъ запрещено было заводить суконныя фабрики (6); по указу 14 февраля 1761 года они не могли обязываться векселями и вступать въ поручительство безъ позволенія помѣщика (7). Всѣ эти ограниченія общественныхъ и имущественныхъ правъ были примѣнены во многомъ и къ крестьянамъ государственнымъ, монастырскимъ и дворцовымъ. Но надъ помѣщичьими крестьянами тяготѣлъ кромѣ того господскій произволъ, пріобрѣтавшій все болѣе и болѣе и по закону прочности. Мало того, что и по закону крѣпостный крестьянинъ не могъ купить на свое имя недвижимую собственность, безъ позволенія и ручательства помѣщика не могъ вступать въ гражданскія сдѣлки, не могъ безъ его позволенія отлучиться изъ своего уѣзда; помѣщику принадлежала полицейская власть въ крѣпостной деревнѣ (8): онъ имѣлъ право слѣдить за поведеніемъ крестьянина, сообразуя эту

(1) П. С. З. 11426.
(2) Тамже № 8473
(3) Тамже № 5633.
(4) Тамже № 5789.
(5) Тамже № 7937.
(6) Тамже № 6551.
(7) Тамже № 11204.
(8) Тамже № 10832.

свою дѣятельность исключительно съ собственными своими взглядами на то, что хорошо и что дурно; онъ могъ требовать отъ труда крестьянскаго прибыли, какой хотѣлъ; онъ могъ давать направленіе труду своего человѣка, какое находилъ для себя только пригоднымъ, не будучи обязанъ спрашивать своего крестьянина, пріятно ли ему то; онъ могъ заставить его обработывать землю, записать его въ дворовые, сдѣлать псаремъ, трубачемъ, ремесленникомъ; онъ имѣлъ право заставить его жить, гдѣ ему было угодно, переводить его съ мѣста на мѣсто, разлучить съ дѣтьми, продать его, какъ обыкновенную движимость, и наконецъ могъ сослать въ Сибирь за «дурное поведеніе, также за непослушаніе и противности», какъ гласитъ указъ 1761 года, усвоившій помѣщику такое право и не объяснившій, что нужно разумѣть подъ дурнымъ поведеніемъ, непослушаніемъ и противностями (1). Уже этого одного правительственнаго опредѣленія касательно положенія крѣпостныхъ въ государствѣ и отношенія ихъ къ господамъ было достаточно, чтобы убить всякую энергію въ трудѣ крѣпостной массы, уничтожить всякую возможность улучшенія матеріальнаго быта, вмѣстѣ съ тѣмъ нравственнаго совершенствованія и умственнаго развитія. Уже и въ тогдашнее время понимали, хотя конечно не многіе, весь вредъ для народнаго развитія отъ такихъ помѣщичьихъ правъ, равно какъ и ту несправедливость, которую допускало государство, унижая многочисленный классъ рабочаго населенія и снабжая господъ такими правами господства надъ крѣпостными, что не было даже указано предѣла, за который не могъ переходить господскій произволъ. «Ни что,—писалъ между прочимъ въ шестидесятыхъ годахъ XVIII ст. Полѣновъ въ отвѣтъ на вопросъ, предложенный Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, *что полезнѣе для государства, чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или только движимое имѣніе, и сколь далеко на то и другое его право простирается?*—«ничто человѣка въ большее уныніе привести не можетъ, какъ лишеніе соединенныхъ съ человѣчествомъ правъ. Чрезъ сіе мы приходимъ мало помалу въ лѣность, которыя, понижая насъ, нечувствительно отнимаетъ всѣ силы и препятствуетъ нашему разуму возвыситься до

(1) П. С. З. № 11216.

надлежащей степени совершенства». «Мы, говоритъ тотъ же Полѣновъ, ежели искренне признаться, позабывъ, сколько одолжены крестьянамъ, что они, готовые всегда на защищеніе отечества, проливаютъ за него кровь, избавляютъ другихъ отъ тяжолыхъ трудовъ и безпокойствъ; питаютъ ихъ изобильно, что, не имѣя сами почти ничего, снабдѣваютъ другихъ такъ щедро, — позабывъ все это, вмѣсто почтенія платимъ имъ презрѣніемъ, вмѣсто благодаренія воздаемъ обиды, вмѣсто попеченія ничего кромѣ разоренія не приносимъ Не дѣлая нималой разности между неодушевленными вещами и человѣкомъ, продаемъ нашихъ ближнихъ, какъ кусокъ дерева, и больше жалѣемъ нашъ скотъ, нежели людей .. Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малѣйшей отъ закона защиты, подвержены всевозможнымъ не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни обидамъ и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства; отчего неотмѣнно должны они опуститься въ преисполненное бѣдствій какъ для нихъ самихъ, такъ и для всего общества состояніе, въ которомъ ихъ мы теперь дѣйствительно видимъ» (1). Это общее сужденіе подтверждается многочисленными частными фактами, которые можно найти какъ въ оффиціальныхъ, такъ и въ неоффиціальныхъ бумагахъ того времени. Изъ нихъ узнаемъ, что помѣщики истязали своихъ людей даже для развлеченія (2), что засѣкали ихъ на смерть (3); что производили пытки и разныя тиранства (4). Дѣло извѣстной Салтычихи показываетъ, что

---

(1) Русскій Архивъ, изд. Бартеневымъ, за 1865 г. стр. 296—298.

(2) Записки артиллеріи маіора Данилова. М. 1842 г. стр. 42—43.

(3) Такъ въ 1761 году назначено церковное покаяніе отставному маіору Лазыреву за то, что онъ велѣлъ бить своего человѣка сначала тростью, а потомъ березовою палкою, отъ чего тотъ умеръ. По медицинскому осмотру убитаго оказалось, на головѣ кожа пробита, на лядвіяхъ и по стегнамъ синева, спина вся избита и черна, а подлѣ уха на правой сторонѣ оцарапано (П. С. З. № 11291).

(4) Въ 1762 году поручикъ Нестеровъ сосланъ на поселеніе за то, что десять лѣтъ тому назадъ своего человѣка, по по-

несчастнымъ крѣпостнымъ нельзя нигдѣ было найти защиты даже противъ бѣшеной кровожадности, безцѣльно проливающей человѣческую кровь, что власти свѣтскія и духовныя прикрывали вопіющія злодѣйства, совершавшіяся помѣщиками надъ ихъ крестьянами (¹).

Впрочемъ и тѣ податные люди, которые ушли отъ помѣщичьей власти, не могли найти доброй поддержки, при устроеніи своего благосостоянія, въ людяхъ, завѣдывавшихъ администраціею и судомъ въ государствѣ и принимавшихъ участіе въ законодательной дѣятельности государственной власти. Для податныхъ, какъ класса рабочаго, всего важнѣе въ этомъ отношеніи было стать въ такое положеніе, чтобы трудъ ихъ встрѣчалъ какъ можно менѣе стѣсненій, чтобы изъ ко-

---

имкѣ его изъ бѣговъ, за многія продерзости и за побѣгъ и кражу самъ и по приказу его человѣкъ били его и жгли огнемъ и потомъ связавъ, ночью посадили подъ полъ, чуть отъ тѣхъ побой онъ тою же ночью и умеръ (Тамже № 11450). Въ томъ же году велѣно было постричь въ монахини вдову генералъ-экипажмейстера Зотову за принятіе подъ именемъ сына постороннаго младенца и за тяжкія истязанія пытками людей, которые не хотѣли утвердить ее подлогъ (Тамже № 11,436).

(¹) Въ теченіе 10 или 11 лѣтъ Салтыкова погубила своихъ людей болѣе 100 душъ, преимущественно женскаго пола; въ томъ числѣ были дѣвочки лѣтъ 11 и 12. Она сама являлась палачомъ: наносила побои людямъ скалками, вальками и полѣньями; затѣмъ по ея приказанію конюхи и гайдуки наказывали розгами, батожьями, плетьми и кнутомъ. Иныя наказанія производились съ особеннымъ звѣрствомъ: она опаливала волосы на головѣ навлекшихъ на себя ея гнѣвъ; била головою объ стѣну, обливала голову кипяткомъ, дергала за уши раскаленными щипцами и проч. Священники погребали замученныхъ и завѣдомо убитыхъ Салтыковою, не донося объ этомъ никому; да и было безполезно то: полицейскія власти мирволили Салтыковой. Выгребованныя въ ц. Екатерины II дѣла, начатыя по доносамъ о жестокостяхъ Салтыковой, всѣ оказались рѣшенными въ ея пользу, или оставлены вовсе безъ рѣшенія; доносщики всегда были наказываемы кнутомъ; нѣкоторые изъ нихъ были сосланы въ Сибирь, а другіе опять отданы были Салтыковой по ея просьбѣ (извлеченіе изъ дѣла Салтыковой въ Русскомъ Архивѣ за 1865).

лоссальныхъ природныхъ богатствъ, принадлежавшихъ государству, они могли изыскать какъ можно удобнѣе и болѣе прибыли. Это достигается прежде всего тогда, когда, при достаточномъ развитіи знаній въ народѣ, страна обладаетъ разумными законами относительно разныхъ видовъ промышленности. Извѣстно, что главнѣйшее стремленіе Петра Великаго направлено было къ тому, чтобы русскій народъ имѣлъ возможность извлекать какъ можно болѣе выгодъ изъ тѣхъ даровъ, которыми природа надѣлила территорію русскаго государства. Всѣ его дѣянія, планы, всѣ помыслы его направлены были къ осуществленію этого стремленія Главнѣйшія мѣры, относящіяся непосредственно къ промышленной жизни страны, которыя онъ считалъ необходимыми для достиженія этой цѣли, состояли въ проведеніи въ Россіи положительныхъ знаній и въ разумномъ покровительствѣ государственной власти промышленному труду. Въ этихъ видахъ, что касается до земледѣльческой промышленности и тѣхъ простыхъ безъискусственныхъ, состоящихъ въ добываніи большею частію сырыхъ произведеній, промысловъ, которые въ Московскую эпоху составляли основный источникъ государственнаго и народнаго богатства, то онъ старался ввести новыя, улучшенныя, орудія земледѣлія, вводилъ новыя породы скота, вызывалъ изъ за границы людей, знакомыхъ съ раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ, и вообще хотѣлъ утвердить въ Россіи раціональное земледѣліе, основанное на началахъ науки, изученіи свойствъ русской природы и опытѣ, заботился о сохраненіи и разведеніи лѣсовъ, садовъ, для размноженія рыбныхъ промысловъ, учреждалъ компаніи и проч. (1). Послѣ Петра Великаго мы не видимъ, чтобы правительство поддерживало лучшія изъ этихъ мѣръ, если не считать рвенія, которое имъ обнаружено было въ царствованіе Анны (2), къ разомноженію конскихъ заводовъ, стоившихъ многихъ сотенъ тысячъ и потомъ въ царствованіе Елизаветы уничтоженныхъ, до старанія, въ видахъ удовлетворенія склонности императрицы къ охотѣ, разводить около С. Петербурга разнаго рода звѣрей,

---

(1) Аѳанасьевъ, государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ. Соврем. за 1847 годъ. Майская книжка стр. 87 и далѣе.

(2) П. С. З. № 5765. 5767. 5773. 6071. 8352. 6963. 7889. 7954. 8168.

привозившихся для того изъ далекихъ мѣстъ (1). Такъ въ 1729 г. гетманъ малороссійскій доносилъ, что раціональное овцеводство, которому начало въ Малороссіи положилъ Петръ Великій, прекращено, и вывезенныя изъ за границы породы овецъ перевелись, вслѣдствіе того, что иностранная коллегія не присылала обученныхъ овцеводовъ. Указъ, которымъ повелѣвалось въ безлѣсныхъ мѣстахъ разводить лѣса, остался также безъ исполненія (2). Учрежденные при Петрѣ Великомъ кирпичные и черепичные заводы послѣ него существовали болѣе для формы: кирпичи и черепицы, которые на нихъ выдѣлывались, расползались отъ дождя (3). Селитряные заводы, заведенные въ Астрахани, не думали также поддержать (4). Также не поддержали Петровскихъ мѣръ къ развитію льняного и пеньковаго промысла, не смотря на то, что на ленъ и пеньку былъ сильный запросъ со стороны иностранныхъ купцовъ (5). За то преемники власти Петра развили до послѣдней крайности то начало, которому и слѣдовалъ Петръ Великій и которое состоитъ въ томъ, что казенные промыслы,—а казнѣ принадлежали самые прибыльные,—и казенныя промысловыя заведенія въ частныхъ рукахъ въ состояніи итти лучше, чѣмъ въ казенномъ управленіи. Въ примѣненіи его къ дѣлу поступили такъ, что это повело къ образованію монополій, сколько убыточныхъ для казны, столько же обременительныхъ для народа. Люди сильные за ничтожную плату казнѣ забрали богатые промыслы въ свои руки, а дѣйствительные промышленники обратились въ ихъ батраковъ. Такъ Астраханскіе, Саратовскіе и прочіе рыбные промыслы были отданы на откупъ; такъ случилось съ звѣроловнымъ промысломъ на Камчаткѣ и на прилегающихъ къ ней островахъ: мѣстное начальство въ 1745 году доносило, что русскіе промышленные люди къ работѣ ѣхать желаютъ и обязываются тамъ промышлять, ежели имъ въ тамошнемъ морѣ указомъ Е. И. В. позволено будетъ ѣхать туда промышлять; что за провіантъ

---

(1) П. С. З. № 7145. 7147.

(2) Тамже № 6826.

(3) Тамже № 8746.

(4) Тамже № 7870.

(5) Тамже № 11244.

казенный, привезенный туда, безъ котораго имъ обойтись нельзя, они будутъ платить за всякую четверть вдвое и болѣе противъ того, во что казнѣ стать можетъ, а бобровъ, сколько ни вывезутъ, въ казну отдавать будутъ половину. Въ Петербургѣ назначили особаго чиновника для изслѣдованія на мѣстѣ, на сколько казнѣ выгодно это предложеніе; но тотъ и изъ Петербурга не выѣзжалъ, потому что ему дано иное назначеніе. Дѣло затянулось. Между тѣмъ Иркутскій купецъ Югов вошелъ въ Сенатъ съ просьбою объ отдачѣ ему и его компаніи Камчатскихъ острововъ для ловли всякаго рода звѣрей на четыре года, съ тѣмъ, чтобы другимъ промышленникамъ позволенія на промыселъ этотъ не давать, за что онъ обязывался доставлять въ казну третью часть добычи. Сенатъ нашелъ это предложеніе болѣе выгоднымъ, допустилъ такимъ образомъ монополію и, чтобы обойти прежніе указы, запрещавшіе такія монополіи, прибавилъ только, что онъ не можетъ позволить Югову промышлять въ теченіе 4 лѣтъ, а позволяетъ ему совершить на такихъ кондиціяхъ одну только поѣздку, между тѣмъ какъ эта одна поѣздка въ отдаленный край могла быть продолжена и болѣе, чѣмъ на 4 года (1). Въ 1748 году состоялся указъ, по которому имѣвшіеся у города Архангельска и въ Колѣ сальные промыслы, находившіеся прежде въ рукахъ компаніи, учрежденной при Петрѣ В., затѣмъ предоставленные баронамъ Шафирову и Шембергу, отъ нихъ перешедшіе въ казенное содержаніе, отданы были графу Петру Шувалову и женѣ его и наслѣдникамъ на 20 лѣтъ съ пособіемъ, кромѣ того, изъ казны въ 6000 р. (2). Бѣломорская компанія гр. Шувалова, образовавшаяся такимъ образомъ, чтобы устранить возможность какой либо съ нею конкурренціи, успѣла добиться разныхъ льготъ, которыхъ другіе промышленники не имѣли, и распространить предѣлы самой монополіи. Со всѣхъ получаемыхъ для нея товаровъ, соли, кожъ и проч., указомъ 1750 года велѣно брать только пятикопѣечную пошлину (3). Въ томъ же году для соленія рыбы трески потребное количество соли она получила позволеніе покупать за границей, тогда какъ другіе промышлен-

---

(1) П. С. З. № 9481.

(2) Тамже № 9515.

(3) Тамже № 9701.

ники должны были ее пріобрѣтать дома гораздо болѣе дорогою цѣною (1). Ладожское озеро также отошло къ этой компаніи: промышленники тюленье сало, добываемое ими на этомъ озерѣ, никому не могли продать кромѣ прикащиковъ гр. Шувалова (2). Стараясь болѣе расширить свою монополію, гр. Шуваловъ находилъ къ тому препятствія въ древнихъ узаконеніяхъ относительно промысловъ въ Ледовитомъ морѣ; такъ въ Мезенскомъ и Пустозерскомъ уѣздахъ рыбныя ловли и звѣриные промыслы по рѣкамъ еще въ царствованіе Ивана Грознаго отданы были изъ извѣстнаго оброка въ вѣчное владаніе Самоѣдамъ, и права послѣднихъ на эти промыслы постоянно были подтверждаемы и въ послѣдующія царствованія. Въ обходъ этихъ правъ компанія Шувалова получила разрѣшеніе въ этихъ уѣздахъ выходить на берега и въ оброчныхъ угодьяхъ Самоѣдовъ строить избы изъ наноснаго лѣсу (3). Кромѣ того существовало узаконеніе, по которому, чтобы не было недобору въ казнѣ въ пошлинахъ, водяной путь въ Сибирь былъ запрещенъ, а велѣно было купцамъ и промышленникамъ ѣздить въ Сибирь и изъ Сибири чрезъ Верхотурье; Шуваловъ настоялъ на томъ, чтобы въ пользу его компаніи сдѣлано было исключеніе, чтобы позволено было ей посылать изъ Архангельской конторы кормщиковъ и промышленниковъ на сальные и звѣриные, лѣтніе и зимніе, промыслы въ Карское море, въ Обскій и Тазовскій заливы, а также углубляться имъ для этихъ же промысловъ по рѣкамъ и заливамъ Сѣвернаго Океана въ глубь страны на 25 верстъ, устроивать тутъ магазины со всякими припасами, въ которыхъ нуждаются инородцы, и покупать въ странѣ всякіе снаряды съ правомъ требовать всякаго содѣйствія во всѣхъ этихъ дѣлахъ со стороны мѣстной администраціи (4). Такимъ образомъ одинъ человѣкъ явился обладателемъ великихъ сѣверныхъ водъ; всѣ естественныя богатства, заключавшіяся въ нихъ, должны были итти въ его контору; настоящіе промышленники принуждены были волею неволею быть только ра-

---

(1) П. С. З. № 9796.
(2) Тамже № 9804.
(3) Тамже № 10,012.
(4) Тамже № 10,083.

ботниками этого монополиста, который вознаграждалъ ихъ трудъ по своему усмотрѣнію: къ этому обязывалъ ихъ положительный законъ, предписывавшій всю добычу отдавать прикащикамъ Шувалова и угрожавшій за неисполненіе этого, за продажу добычи помимо Шуваловскихъ конторъ конфискаціею ея; къ этому приводили ихъ и тѣ привиллегіи, которыми снабжена была эта компанія и которыя не допускала возможности вести безъ убытка промыселъ помимо ея конторъ. Наконецъ на цѣломъ Сѣверѣ не осталось ни одного мѣста, гдѣ бы можно было промышлять внѣ зависимости отъ этой компаніи. Но Шуваловъ не ограничилъ своей монополіи однимъ Сѣверомъ: въ 1751 году ему отданъ въ содержаніе на такихъ же основаніяхъ, какъ и промыслы на Сѣверѣ, тюленій промыселъ на Каспійскомъ морѣ, за что съ своей стороны откупщикъ обязался доставлять казнѣ ежегодно по 264 рубля 70¾ копѣекъ (¹). Смоляной промыселъ на Сѣверѣ тоже не ушелъ отъ вліянія монополіи. Съ 1712 года смола продавана была изъ казны, а въ 1719 году Петръ В. указалъ быть казеннымъ товарамъ только двумъ, поташу и смольчугу, а прочіе товары, которые продаваны были изъ казны, уволить торговлею въ народъ, только съ прибавкою пошлины. Однако смоляный торгъ продолжался быть казеннымъ до 1726 года, потому что былъ законтрактованъ; съ 1726 по 1740 г. онъ былъ въ вольной продажѣ; въ этомъ году велѣно быть ему казеннымъ. Въ 1760 году смоляный торгъ у Архангельска отданъ былъ на 20 лѣтъ на откупъ оберъ-егермейстеру Нарышкину, обязавшемуся за эту монополію платить казнѣ по 5850 р. и 50½ к. каждогодно (²). Такимъ образомъ отъ свободнаго занятія старинными промыслами податный народъ былъ устраненъ монополіями; земледѣліе не давало большаго прибытку по дешевизнѣ хлѣба. Законъ, по которому право винокуренія объявлено было принадлежностію однихъ дворянъ, привелъ къ тому, что хлѣбъ во многихъ мѣстахъ, не превращаемый въ спиртъ, за неимѣніемъ помѣщиковъ съ капиталомъ, которые бы могли учредить винокуренные заводы, и не имѣя сбыта въ чистомъ своемъ видѣ по причинѣ отдаленности этихъ мѣстъ отъ тор-

---

(¹) П. С. З. № 9837.

(²) Тамже № 11,098.

говыхъ центровъ и по причинѣ неудовлетворительнаго состоянія путей сообщенія,—гнилъ безполезно въ скирдахъ. Такъ было между прочимъ въ Сибири и Вятской провинціи.

Но оставалась еще промышленность обработывающая и передаточная или торговля, къ которымъ податной человѣкъ могъ приложить свой трудъ. Фабричная и заводская промышленность, какъ еще дѣло новое въ Россіи, естественно нуждалась въ покровительствѣ государства. Отсюда Петръ Великій, который, можно сказать, призвалъ къ жизни эту промышленность, заводилъ казенныя фабрики и заводы, которые по мысли его долженствовали быть разсадниками частныхъ такого же рода заведеній; оттого не скупился, когда нужно было пріобрѣсти за границей знающаго механика; оттого онъ самъ прилежно изучалъ разнообразныя фабричныя и заводскія производства. Отсюда же Петръ Великій снабжалъ фабрикантовъ и заводчиковъ такими великими привиллегіями и охранительными законами. Но онъ смотрѣлъ на это широкое покровительство государства классу фабрикантовъ и заводчиковъ, какъ на мѣру временную, вызывавшуюся крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ этой промышленности. Въ Регламентѣ мануфактуръ-коллегіи онъ писалъ между прочимъ: «надлежитъ коллегіи осторожность имѣть, когда кому дается привиллегія для утвержденія какой либо фабрики, то другихъ, которые такія же современемъ учредить похотятъ, не надлежитъ выключать, чтобы ихъ до того не допускать, ибо изъ ревности между заводчиками не токмо размноженіе можетъ происходить, но и достоинство оныхъ, и дѣланные товары будутъ продаваться посредственною цѣною, и симъ образомъ подданнымъ Е. В. не безъ пользы быти можетъ» (1). На этотъ послѣдній завѣтъ Преобразователя преемники его власти не обратили должнаго вниманія и не оцѣнили его по достоинству, а исключительно держались относительно фабричной и заводской промышленности системы самаго щедраго покровительства, преимущественно системы привиллегій. Казенныя фабрики и заводы были или отданы въ содержаніе, или проданы за безцѣнокъ частнымъ лицамъ (2). Владѣльцы фабрикъ и заводовъ находились въ исключительномъ поло-

---

(1) П. С. З. № 4378. стр. 169.

(2) Тамже № 5119. 5120. 5168.

женіи относительно остальнаго населенія; они свободны были отъ обязательныхъ общественныхъ службъ; они могли покупать къ фабрикамъ людей, и только въ 1752 опредѣлена была норма, сколько какая фабрика или заводъ могли имѣть приписныхъ душъ (1), и случалось часто, само правительство приписывало къ фабрикамъ государственныхъ крестьянъ; они не подлежали общему суду, судясь въ коллегіяхъ, которыя вѣдали фабрики и заводы; всѣ подлежащія власти обязаны были оказывать имъ всякое содѣйствіе. И въ отношеніи своего производства фабрикантъ былъ обезпеченъ: онъ могъ надѣяться на вѣрный сбытъ товара, потому что при открытіи фабрики онъ снабжался часто привиллегіею, въ силу которой въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ никто другой не могъ заводить такой же фабрики. Только немногія фабрики, да заводы горные оставались свободными отъ такихъ привиллегій. Уничтожая возможность внутренней конкурренціи, уничтожили и внѣшнюю, потому что запрещался ввозъ въ Россію товаровъ, которые приготовлялись дома, или же они обкладывались высокой пошлиной. Необходимымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей было, кромѣ того, что привиллегированныя фабрики вели не всегда свое производство добросовѣстно (2), было еще образованіе особаго класса бога-

---

(1) П. С. З. № 9954.

(2) Въ 1741 году обратили вниманіе на то, что суконные фабриканты поставляютъ чрезвычайно дурныя сукна на армію. Назначенная для изслѣдованія этого комиссія донесла, что дѣйствительно содержатели суконныхъ фабрикъ ведутъ дѣло плохо, что, напримѣръ, фабрикантъ Полуярославцевъ не только не выполнилъ кондицій, на которыхъ отдана ему бывшая казенная фабрика, но и самую фабрику и потребныхъ къ оной людей и крестьянъ обижалъ и разорялъ, и дѣлалъ на россійскую армію худыя сукна, и получилъ проискомъ своимъ изъ казны не мало денегъ и во всемъ интересу казенному чинилъ противность; что и на другія фабрики издержана не малая сумма денегъ, и не смотря на то, онѣ ведутъ дѣла плохо, исключая фабриканта Болотина въ Москвѣ, котораго фабрика лучше другихъ признается. Фабрики бумажныя и шелковыя были не въ лучшемъ состояніи: чрезмѣрно нажившійся фабрикантъ Затрапезный достав-

тыхъ фабрикантовъ, которые, отдѣливъ свои интересы отъ интересовъ остальнаго промышленнаго люда и тяготѣя къ дворянству, стремились подчинить свободный трудъ производителей своему капиталу. Дѣйствительно изъ узаконеній относительно рабочихъ на фабрикахъ, изъ отношеній между ними и хозяевами видно, что послѣдніе первыхъ старались, и небезъуспѣшно, сдѣлать своими крѣпостными и внѣ зависимости отъ себя не хотѣли допустить производства. Такъ въ 1759 году Ярославскій магистратъ жаловался, что извѣстный содержатель полотняной фабрики и другихъ мануфактуръ Затрапезный привлекъ къ себѣ на фабрики и связалъ разными обязательствами многихъ Ярославскихъ купцовъ и ремесленныхъ людей, такъ что некого уже Ярославскому городовому обществу поставить въ рекруты (1). Фабриканты съ такими наклонностями употребляли всѣ усилія, чтобы не дать развиться дѣятельности и мастерству такихъ рабочихъ, которые не имѣли достаточно средствъ завести фабрику, но которые желали вести свое производство, не закабаляясь за фабрикантами. Такъ въ 1751 году, когда привиллегированные фабриканты узнали, что разныхъ чиновъ люди занимаются тѣмъ же производствомъ, которое ведется на ихъ фабрикахъ, не имѣя дозволенныхъ правительствомъ фабрикъ, то не замѣдлили обратиться къ властямъ съ прошеніемъ о запрещеніи такого производства. Когда въ 1758 году обнаружилось, что многіе, не взирая на запрещеніе, продолжаютъ заниматься производствомъ золотыхъ, серебряныхъ и проч. издѣлій, которое предоставлено было закономъ исключительно нѣкоторымъ компанейщикамъ и фабрикантамъ, то эти послѣдніе выхлопатали указъ, которымъ за первое нарушеніе ихъ привиллегій назначалась конфискація матеріаловъ производства, за второе и третье плети, за четвертое кнутъ съ вырѣзаніемъ ноздрей, каторга и конфискація всего имущества (2). Впрочемъ въ этомъ же году состоялось и ограниченіе направленія, по которому только званіе фабриканта, извѣстнымъ способомъ пріобрѣтенное, давало

лялъ товаръ плохой и за дорогую цѣну. Московскій фабрикантъ Евреиновъ самъ признавался, что его производство въ достоинствѣ уступаетъ заграничному (П. С. З. № 8440).

(1) П. С. З. № 10590.

(2) Тамже № 10,811.

право на извѣстное производство. «Усмотрѣно, представлялъ сенату генералъ-прокуроръ его, князь Трубецкій, что какъ въ С. Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ отъ мануфактуръ-коллегіи и отъ мануфактуръ-конторы даются разнымъ людямъ позволеніе и привиллегіи заводить шляпныя и нестрядныя фабрики подъ запрещеніемъ такого производства для другихъ, которые отъ него имѣли пропитаніе: того ради не соблаговолено ли будетъ какъ набойки, такъ и шляпы всякому, кто пожелаетъ дѣлать ихъ, не запрещать, а въ заведеніи для того фабрикъ дозволенія не давать, дабы у мастеровыхъ людей пропитанія отнято не было». Сенатъ, согласившись съ предложеніемъ генералъ-прокурора, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ признать, что до сихъ поръ всякія мастерства почитались по большей части за фабрики и потому были запрещаемы, если мастеровые не открывали узаконенныхъ фабрикъ, чрезъ что у мастеровыхъ, какъ крестьянъ, такъ и прочихъ промышляющихъ людей могло быть пропитаніе отнимаемо (¹). Къ такому результату для рабочаго класса приводила система чрезмѣрнаго правительственнаго покровительства фабрикантамъ и заводчикамъ и раздача привиллегій. Но былъ еще другой результатъ отъ того, не менѣе тяжолый какъ для податныхъ, такъ и для государства вообще. Вслѣдствіе, вѣроятно, усилившейся въ высшемъ классѣ населенія подражательности Европейскому образу жизни и, при малой образованности его, распространившейся отъ того страсти къ роскоши и мотовству дворъ, увлеченный этимъ потокомъ и подававшій примѣръ въ такомъ родѣ жизни, оказывалъ наибольшее покровительство такимъ производствамъ, которыя удовлетворяли болѣе роскоши и модѣ, чѣмъ дѣйствительнымъ нуждамъ общества и государства. Это, надо полагать, и было причиною того, что классъ ремесленниковъ пришелъ въ совершенный упадокъ. Привиллегированныя фабрики оттянули къ себѣ цѣховыхъ, развитіе фабричной промышленности, удовлетворявшей роскоши, дѣйствительно весьма замѣтное въ это время, шло, какъ оказалось, на счетъ производствъ, полезныхъ и необходимыхъ въ жизни. Еще въ 1732 году правительство заявляло о крайнемъ недостаткѣ въ С. Петербургѣ разнаго рода ремесленни-

(¹) П. С. З. № 10910.

ковъ и мастеровыхъ (1). Но особенно сильный недостатокъ этотъ оказался въ царствованіе Елизаветы Петровны. Во время Семилѣтней войны правительство, принявшее въ ней участіе, естественно, нуждалось въ разнаго рода мастерахъ и ремесленникахъ, и не находило ихъ. «Ни одинъ цехъ, поставляла на видъ сенату придворная конференція, не приведенъ въ удовлетворительное состояніе. Великое, напримѣръ, есть здѣсь число портныхъ для вредной государству роскоши, но искусство (оныхъ) показало, что едва только нужда потребовала построить въ скорости мундиры, то въ цѣлой Москвѣ нашлось записныхъ такъ мало, что о томъ и упоминать не можно. Лучшимъ государство изобилуетъ желѣзомъ, но къ большей еще безполезности признаться надобно, что когда чрезвычайныя для арміи случились подѣлки, то лучшимъ желѣзомъ окованныя повозки только рѣдко доходили до мѣста, умалчивая о томъ, коль много теряетъ государство выписываніемъ почти невольнымъ изъ другихъ мѣстъ каретъ и колясокъ» (2). Въ 1761 году понадобились для строившагося зимняго дворца столяры, стали искать; результатъ вышелъ такой, что «изъ столярныхъ россійскихъ мастеровъ за взятьемъ въ контору строенія села царскаго и въ прочія команды для казенныхъ работъ, никого изъ нихъ мастеровъ для платежа подушныхъ денегъ и понынѣ не отыскано и въ цеху наличными ни одного не значится, а въ нѣмецкомъ столярномъ цеху имѣются ли мастера, о томъ гильдянскому дому неизвѣстно, ибо оные мастера упрямствомъ своимъ по здѣшнему купечеству на гражданскіе расходы податей и понынѣ никакихъ не платятъ и въ вѣдомствѣ гильдянскомъ не состоятъ» (3).

По законамъ Петра Великаго право наживаться торговлею предоставлено было каждому живущему въ Россіи съ тѣмъ только, чтобы всякій, желавшій вести торгъ, записанъ былъ въ купечество, «а которые, сказано въ указѣ 13 апрѣля 1722 года, живутъ въ деревняхъ, тѣмъ товары продавать градскимъ посадскимъ, а самимъ въ городахъ и слободахъ не торговать, также такихъ въ пристани морскія не допус-

---

(1) П. С. З. 5995.

(2) Тамже № 11,158

(3) Тамже № 11308.

кать торговать, ежели не запишутся въ посадъ». Только служилые люди, проживавшіе въ городахъ, не могли записываться въ посадахъ и заниматься какою бы то ни было торговою промышленностію (1). При преемникахъ Петра Великаго эта свобода подъ сказаннымъ условіемъ заниматься торговлею была, кромѣ опредѣленій относительно крѣпостныхъ крестьянъ, еще ограничена слѣдующими узаконеніями. Въ 1736 году запрещено было записывать въ купечество недорослей изъ дворянъ, которымъ Петръ Великій въ 1713 г. позволилъ поступать въ купеческое званіе, или заниматься знатными художествами(1). Въ 1747 г. состоялся указъ, по которому крестьяне могли записываться въ купечество лишь тогда, когда они дѣйстительно имѣли свои торги и промыслы, заводы и лавки, торговали на собственныя свои деньги и могли доказать по таможенымъ запискамъ величину оборота отъ 500 до 300 рублей, но не меньше (2). Относительно права крестьянъ вести торгъ въ селахъ и деревняхъ до 1745 года не было точныхъ опредѣленій; въ этомъ году 12 Августа состоялся указъ камеръ-коллегіи, которымъ дозволялось крестьянамъ въ знатныхъ селахъ и деревняхъ, состоящихъ по большимъ дорогамъ и не въ ближнемъ отъ городовъ разстояніи, ради проѣзжающаго народа и ихъ крестьянскихъ необходимыхъ нуждъ» торговать предметами первыхъ потребностей жизни, напримѣръ, посудою, земледѣльческими орудіями, одеждою, обувью, матеріалами для нихъ и проч. и для этой мелочной продажи тѣ товары, кои въ деревняхъ не дѣлаются, покупать тѣмъ крестьянамъ въ городахъ и на ярмаркахъ изъ лавокъ, при чемъ запрещалось другими товарами, кромѣ тѣхъ, которые поименованы въ особомъ реэстрѣ, приложенномъ къ указу, «также въ городахъ и слободахъ городскихъ и кои слободы и селы въ ближнемъ отъ городовъ разстояніи, торговать подъ конфискованіемъ тѣхъ неуказныхъ товаровъ въ казну безворотно, дабы купечеству обиды и въ торгахъ ихъ умаленія не было: а хлѣбными и

---

(1) Тамже № 4373. Муллов, Историческое обозрѣніе правительственныхъ мѣръ по устройству городскаго общ. управленія. Спб. 1863. стр. 69.

(2) П. С. З. № 2789. 6945.

(3) Тамже № 9372.

съѣстными всякими припасами по прежнему торговать имъ не запрещать» (1). Такимъ образомъ полное право заниматься торговлею принадлежало одному классу, который вслѣдствіе показанныхъ выше и изданныхъ послѣ Петра Великаго узаконеній и также вслѣдствіе стѣснительныхъ постановленій относительно перехода гражданъ въ другія состоянія, началъ принимать сословный характеръ. Казалось бы купеческій классъ воспользуется этимъ празомъ, чтобы расширить торговую дѣятельность въ Россіи и чрезъ то пріобрѣсти болѣе средствъ для своего благосостоянія. На дѣлѣ выходило далеко не такъ. Къ концу царствованія императрицы Елизаветы правительство должно было убѣдиться, что торговля въ Россіи въ крайнемъ застоѣ, купеческій классъ, за немногими исключеніями, бѣденъ. Учредили особую коммиссію для изслѣдованія причинъ этого явленія; для лучшаго свѣденія всѣхъ помѣшательствъ и недостатковъ, которые комерціи, макуфактурамъ и купечеству препятствовали приходить въ цвѣтущее состояніе, Сенатъ указомъ 23 Ноября 1760 года (2) приказалъ объявить во всеобщее свѣденіе, что «если какой городъ или кто партикулярно въ купечествѣ имѣетъ какое недовольство, или въ чемъ признаваетъ тягость, или сами усмотрятъ, какія мѣры могутъ служить къ распространенію и умноженію купечества, то объ этомъ бы объявляли безъ всякаго сомнѣнія и опасенія, въ С. Петербургѣ, коммиссіи о комерціи, а въ губерніяхъ и провинціяхъ губернаторамъ и воеводамъ, которые должны были полученныя такія свѣдѣнія, не удерживая, отсылать въ коммиссію о комерціи». Сенатъ обѣщалъ внимательно и безпристрастно разсмотрѣть каждое основательное мнѣніе. Позволялось эти мнѣнія присылать на имя директора коммиссіи о комерціи, графа И. Т. Чернышева партикулярно, въ запечатанныхъ письмахъ даже безъ подписи именъ и фамилій составителей ихъ. Не извѣстно, какой дало отвѣтъ купечество на этотъ запросъ правительства. Причины неудовлетворительнаго состоянія торговли и купечества впрочемъ были на лицо. Не говоря теперь о злоупотребленіяхъ администраціи по отношенію къ податнымъ и въ томъ числѣ по отношенію къ купеческому классу,

---

(1) П. С. З. № 9201.

(2) Тамже № 11,146.

чрезмѣрно стѣснявшихъ торговую, какъ и всякую другую, дѣятельность, о не достаткахъ общественной жизни, условливавшихъ собою разныя невзгоды для всякаго работящаго человѣка,—о чемъ будетъ сказано далѣе,—укажемъ на слѣдующія обстоятельства, которыя, проистекая изъ дѣйствій правительства по отношенію къ торговому классу и къ торговой промышленности въ странѣ, приводили къ такому результату. Правительство, собиравшее съ податныхъ подати, послѣ Петра Великаго ни мало не заботилось объ ихъ умственномъ образованіи. Торговый или городскій вообще классъ не былъ счастливѣе въ этомъ отношеніи. Показавъ довольное усердіе къ учрежденію школъ спеціальныхъ, правительство доступъ къ нимъ вмѣстѣ съ тѣмъ открывало лишь дѣтямъ дворянъ, такъ что выходило, что оно заботилось наиболѣе объ образованіи, притомъ даровомъ, насчетъ денегъ, собиравшихся съ податныхъ,—объ образованіи дворянъ. Городскія школы, учрежденныя при Петрѣ Великомъ, послѣ него нимало не были поддержанны: онѣ частію уничтожены совсѣмъ, частію же слиты съ спеціальными школами. Указомъ 1726 года изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта эти школы отданы подъ вѣденіе Св. Синода. Но Синодъ не принялъ ихъ въ свое вѣденіе, для того, какъ онъ отозвался, что тѣ школы до духовнаго правительства не подлежатъ, и потому онѣ остались по прежнему подъ вѣденіемъ адмиралтейской коллегіи и пришли въ такой упадокъ, что по цѣлымъ годамъ въ нихъ не было учениковъ. Вслѣдствіе этого одпѣ изъ нихъ закрылись, а другія въ 1744 году присоединены были къ гарнизоннымъ школамъ (1), гдѣ писаря учили дѣтей словесной и письменной наукѣ (читать и писать), унтеръ-офицеры солдатской экзерціи, а офицеры—ариѳметикѣ, артиллеріи и инженерной наукѣ, и куда ни одинъ горожанинъ не отваживался отдать сына своего на такое ученіе. Университетъ, основанный при Академіи наукъ и долженствовавшій по мысли его основателя сдѣлаться разсадникомъ общаго образованія, ни сколько не выполнилъ этого назначенія. Московскій университетъ, на котораго возложена эта задача, находился въ такомъ положеніи, что долженъ былъ на первыхъ порахъ своего существованія болѣе заботиться о себѣ. Только подъ конецъ цар-

(1) П. С. З. № 9054.

ствованія Елизаветы Петровны правительствомъ былъ принятъ проэктъ учрежденія по главнымъ городамъ гимназій для обученія дѣтей всякаго званія и въ томъ числѣ купеческихъ первымъ основаніямъ наукъ и нужнымъ европейскимъ языкамъ, а по меньшимъ—школъ для обученія русской грамотѣ и ариѳметикѣ. Но проэктъ надолго остался проэктомъ. Но не одно то обстоятельство, что преемники власти Петра Великаго не заботились о доставленіи торговому классу способовъ образованія, къ которому, надо замѣтить, тотъ и не имѣлъ влеченія, замѣдляло успѣхи русской торговли и препятствовало улучшенію быта этого класса. Правительство, почитавшее своею обязанностію охранять русскихъ купцовъ отъ невыгодныхъ для нихъ торговыхъ пріемовъ, которымъ слѣдовали все болѣе и болѣе прибывавшіе въ Россію иностранцы (1), само наиболѣе подрывало ихъ тѣмъ, что допускало въ

---

(1) Наплывъ иностранцевъ послѣ Петра Великаго все болѣе и болѣе увеличивался въ С. Петербургѣ, откуда они потомъ распространялись и въ другіе русскіе города. Они прибывали въ Россію въ видахъ на скорое обогащеніе въ этой странѣ, которую почитали варварскою. Въ то время, какъ одни втирались въ службу, другіе дѣлались учителями дворянскихъ дѣтей, третьи, и ихъ большая часть, пріѣзжали къ намъ вести разные промыслы. При усилившейся въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ страсти къ подражанію внѣшней обстановкѣ жизни, принятой въ Западной Европѣ, торговля предметами роскоши была чрезвычайно выгодна. Русское правительство, слѣдуя узаконеніямъ Петра Великаго, охотно позволяло иностранцамъ торговать въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ, но подъ такими условіями, что желающіе пользоваться полными торговыми правами, должны были приписаться къ городскому обществу, нести за урядъ съ русскими купцами всѣ повинности и службы; въ противномъ же случаѣ они могли вести только оптовую торговлю, продавать свой товаръ только русскимъ купцамъ, а въ розницу не могли продавать никому. Но иностранцы предпочитали вести въ Россіи торговлю, не подчиняясь этимъ условіямъ. Въ обходъ закона они торговали тайно въ домахъ, скрывая свою профессію подъ званіемъ гувернеровъ, парикмахеровъ и проч. Неоднократно издавались противъ этого указы, но иностранные торгаши, покровительствуемые сильными людьми, не обращали на нихъ вниманіе. Наконецъ въ

широкихъ размѣрахъ въ Россіи торговыя монополіи и давало неразборчиво отдѣльнымъ лицамъ и компаніямъ привиллегіи на безпошлинный вывозъ извѣстныхъ товаровъ. Стало быть, тоже самое направленіе, какое мы видѣли въ правительственной дѣятельности по отношенію промысловъ и фабричной и заводской промышленности, охватило и торговый трудъ. «Множество есть,—говорится въ указѣ Петра III, состоявшемся 28 марта 1762 года и заключающемъ въ себѣ рѣзкую, но справедливую оцѣнку мѣръ и узаконеній предшествовавшихъ ему правительствъ относительно торговли и промышленности,—такихъ товаровъ, кои натянутымъ истолкованіемъ прежнихъ указовъ совсѣмъ безпошлинными стали; напримѣръ, позволено на заводимыя здѣсь вновь фабрики провозить сюда инструменты безпошлино, но сіе позволеніе распространено гораздо далѣе своихъ предѣловъ, и привозятся на фабрики безпошлино не инструменты уже, но и самые матеріалы къ великому замѣшанію въ торгѣ и купечествѣ» (1). «Торговыя или купеческія компаніи, — продолжаетъ императоръ, превеликою бываютъ какъ для самой коммерціи, такъ и для тѣхъ государствъ пользою, гдѣ оныя учреждены на прочномъ основаніи и съ добрымъ разсмотрѣніемъ заведены» (2). И Петръ Великій точно также смотрѣлъ на торговыя компаніи; заботясь объ образованіи ихъ въ Россіи, онъ имѣлъ преимущест-

---

ноябрѣ 1760 года правительство прибѣгло къ рѣшительной мѣрѣ. «Къ нашему крайнему гнѣву и неудовольствію, гласилъ именный указъ, слышимъ Мы, что не смотря на столь часто подтвержденное строгое наблюденіе законовъ, къ явному оныхъ пренебреженію, нѣкоторые иностранные купцы, да и другихъ званій люди, не бывъ здѣшніе подданные, а еще меньше мѣщане, пользуются однакоже мѣщанскими преимуществами, и не нося никакихъ гражданскихъ тягостей и не содержа лавокъ, сдѣлали оныя изъ своихъ домовъ и всякіе товары продаютъ въ розницу къ предосужденію здѣшняго мѣщанства». Сдѣлавъ строгій выговоръ магистрату за несмотрѣніе за этимъ, императрица приказала немедленно непозволенные торги пресѣчь, всѣ незаконныя лавки, въ чьемъ онѣ домѣ ни были, и самихъ продавцевъ, кому бы ни принадлежали, арестовать. П. С. З. № 11,145.

(1) Тамже № 11,145.

(2) Тамже № 11489; п. 8. стр. 961,

венно въ виду развить въ русскомъ торговомъ классѣ духъ дружнаго товарищества, ассоціаціи и чрезъ то поставить его въ возможность соперничать съ иностранными купцами, которые сильны были именно этимъ духомъ, слабымъ въ русскомъ купечествѣ. Но послѣ него при учрежденіи компаній торговыхъ, на необходимость которыхъ для успѣха русской торговли и въ интересахъ торговаго класса настаивалъ еще Ордынъ-Нащокинъ, далеко не всегда руководились этими соображеніями, далеко не всегда имѣли государственную пользу и выгоды класса людей, занимавшихся торговлею. По крайней мѣрѣ изъ привиллегій, которыми были снабжены извѣстныя торговыя компаніи, видно, что правительство не задумывалось отдавать обширные и уже знакомые русскимъ торговые пути въ исключительное распоряженіе немногихъ лицъ, снабжая ихъ при этомъ и другими льготами и правами, которыхъ остальное купечество не имѣло, и устраняя чрезъ то отъ торговой дѣятельности на такихъ путяхъ большинство людей, живущихъ торговымъ трудомъ, или подчиняя ихъ произволу этихъ привиллегированныхъ лицъ. Такова была, учрежденная въ 1757 году московскимъ фабрикантомъ Хостаковымъ, калужскимъ купцомъ Шемякинымъ и ярославскимъ купцомъ Ярославцевымъ, Темерниковская, или Россійская въ Константинополѣ торгующая компанія, уставъ которой (1)

---

(1) Привиллегіи ея были таковы: она имѣетъ право Черными моремъ и сухимъ путемъ отъ Темерниковскаго порта отпускать всѣ незапрещенные товары въ Константинополь, въ Италію и прочія тамошнія мѣста; никто не имѣетъ права торговать чѣмъ бы ни было въ этомъ направленіи, не записавшись въ компанію и не имѣя ея акцій. Число всѣхъ акцій 200, каждая въ 500 рублей, и изъ нихъ половина только предоставляется желающимъ участвовать въ компаніи, а другая половина разбирается исключительно учредителями этой компаніи. Число акцій не можетъ быть увеличено; но если бы обстоятельства потребовали большаго капитала, то владѣльцы акцій дѣлаютъ новый взносъ денегъ, соразмѣрно такимъ образомъ увеличивая цѣнность каждой акціи. Компанія имѣетъ главную контору въ Москвѣ, а другую въ Темерниковскомъ портѣ, или въ Черкасскѣ, гдѣ должны быть отведены удобныя мѣста подъ ея строенія и магазины. Всякіе контракты, заключенные компаніей въ ея конторахъ съ

послужилъ образцомъ и для другихъ торговыхъ компаній. Въ 1758 году армянинъ Иссанаховъ, «незнаемый пришлецъ», какъ называетъ его императоръ Петръ III въ своемъ указѣ, вмѣстѣ съ ассесоромъ Матвѣевымъ и московскимъ купцомъ фабрикантомъ Земскимъ составилъ торговую компанію, которая получила исключительное право на торговлю съ Персіей. Еще нѣсколько прежде генералъ-поручикъ Воронцовъ пріобрѣлъ право только для своей компаніи на отпускъ въ эту страну изъ Россіи соли на 15 лѣтъ, и теперь просилъ сенатъ о доставленіи ему исключительнаго права на вывозъ изъ Персіи нефти и марены; князь Репнинъ также изъявилъ желаніе воспользоваться исключительнымъ правомъ торговли съ Персіей нѣкоторыми товарами и просилъ сенатъ о дарованіи ему этого права; но сенатъ отказалъ просителямъ, посовѣтавъ имъ, если они хотятъ воспользоваться просимыми привиллегіями, примкнуть къ Персидской компаніи (1). Не знаемъ, послѣдовалъ ли этому совѣту князь Репнинъ; но

прикащиками, извощиками и проч., считаются дѣйствительными и безъ утвержденія въ присутственныхъ мѣстахъ. Компанія имѣетъ право нанимать отставныхъ солдатъ для караула имущества, и какъ надъ ними, такъ и надъ прочими служителями своими имѣетъ право собственнаго суда во всѣхъ случаяхъ, кромѣ уголовныхъ преступленій. Компанія имѣетъ право отъ мѣстной администраціи требовать конвоя изъ воинскихъ людей для охраны въ пути ея товаровъ и денегъ. Капиталъ компаніи и конторъ ея, книги и письма, также и акціи ея ни по какимъ причинамъ, претекстамъ, доносамъ не только конфискаціи, аресту или слѣдствіямъ, но и никакимъ ревизіямъ ни на малѣйшее время не могутъ быть подвергнуты. По своимъ дѣламъ компанія находится въ вѣдомствѣ непосредственно Сената; зданія ея свободны отъ постою; конторы ея сами даютъ паспорты ея служителямъ для проѣзду, для чего она имѣетъ свою печать. Наконецъ «дабы компаніи въ произвожденіи въ толь отдаленномъ и пограничномъ мѣстѣ торговъ отъ Азіатскихъ и Европейскихъ народовъ какого презрѣнія быть не могло, а чтобы она была предпочтена» учредители ея, которые названы директорами, выговорили еще себѣ право носить шпаги. П. С. З. № 10,694.

(1) П. С. З. № 10,848.

извѣстно, что Воронцовъ предпочелъ тому устроить самостоятельную торговую компанію, снабженную всѣми правами монополіи. Въ 1760 году онъ въ союзѣ съ другимъ придворнымъ, княземъ Куракинымъ успѣлъ выхлопотать сенатское согласіе на учрежденіе такой торговой компаніи. Этой компаніи, названной коммерчествующею въ Бухары и Хиву, предоставлено было въ теченіе 30 лѣтъ исключительное право торговли съ поименованными землями и сосѣдними съ ними странами по лѣвому берегу Каспійскаго моря и сухимъ путемъ съ Оренбургской стороны, при чемъ властямъ въ Астрахани и Кизлярѣ, также таможеннымъ управителямъ вмѣнено въ обязанность, чтобы отнюдь никого другаго не пропускать съ товарами въ тѣ страны, съ угрозою, что если окажутся пропускные, то съ нихъ самихъ будетъ взыскана въ пользу компаніи сумма, равная стоимости пропущенныхъ товаровъ (1). Томуже графу Воронцову и оберъ-прокурору Сената Глѣбову въ 1757 году дано право въ теченіе 8 лѣтъ вывести за границу для продажи 600,000 четвертей хлѣба съ запрещеніемъ отпуска туда хлѣба для другихъ, за исключеніемъ лишь рижскаго мѣщанства, которому въ 1758 году позволено отпускать за границу льняное и конопляное сѣмя (2). Было не мало и другихъ торговыхъ компаній такого характера. Императоръ Петръ III, уничтожившій всѣ, на такихъ основаніяхъ существовавшія, компаніи, «говоритъ, что въ обычай вошло, что кто промотается», то вмѣсто того, чтобы за нажитые имъ бездѣльнически долги справедливое возданіе получить на каторгѣ, почитаетъ надежнымъ способомъ къ своему вновь обогащенію имя компаніи себѣ выпросить, и чѣмъ множество народа пользовалось, то въ свои однѣ руки захватить и въ разореніи многихъ себѣ спасенія искать» (3).

Такимъ образомъ само правительство не только не давало и не указывало податному населенію лучшихъ средствъ и новыхъ способовъ къ болѣе, чѣмъ прежде, прибыльному для податныхъ занятію земледѣліемъ, промыслами, обра-

---

(1) П. С. З. № 11,046.

(2) Тамже № 10,879.

(3) Тамже № 11,489. п. 9.

ботывающею промышленностію и торговлею, къ чему обязано было потому, что не думало выпускать изъ своей опеки народъ; не только должнымъ образомъ не поддержало начинаній въ этомъ родѣ, сдѣланныхъ при Петрѣ Великомъ; но уступая духу кормленія, который, послѣ смерти Преобразователя, не находя достаточно сильной сдержки, охватилъ все общество, обставило промышленную дѣятельность въ странѣ такими узаконеніями, при которыхъ большинство рабочаго класса устранялось отъ свободнаго и прибыльнаго занятія всякимъ родомъ промышленной дѣятельности,—въ пользу несравненнаго меньшинства и отсюда къ очевидному вреду для государства. «Когда,—писалъ въ 1761 году въ іюнѣ мѣсяцѣ одинъ изъ членовъ коммиссіи о комерціи,—исключительныя привиллегіи даются на мануфактуры, уже усовершенствованныя или на такія, которыя и безъ всякихъ привиллегій могутъ притти въ совершенство; когда въ исключительное пользованіе раздаются торговые пути, уже всѣмъ извѣстные, чрезъ которые и прежде шла свободная торговая дѣятельность и которые можно довести до высшей степени торговаго процвѣтанія только свободною торговлею; когда привиллегіи раздаются одному или двумъ только лицамъ, не имѣющимъ опытности, которые дѣйствуютъ единственно чрезъ своихъ повѣренныхъ, обыкновенно отличающихся ненасытною жаждою пріобрѣтенія и жестокосердіемъ и отсюда совершенною безчувственностію къ бѣдствіямъ народа; когда эти привиллегіи наконецъ даютъ фаворитамъ по расчетамъ фаворитства (par faveur), или за оказанныя услуги, но такія, которыя конечно могли бы быть вознаграждены инымъ, болѣе выгоднымъ для государства, способомъ, даютъ безъ всякихъ условій, безъ ограниченія даже временемъ опредѣленнымъ: тогда можно сказать, что торговля убита, промышленность и соревнованіе подавлены, всякой гнетъ безнаказанъ и государство на пути къ погибели. Доказательство тому на лицо: наша имперія находится въ такомъ жалкомъ положеніи» (').

Но духъ кормленія не удовлетворялся ни крѣпостнымъ правомъ, чрезмѣрно расширеннымъ, ни промышленными и

(') Memoire sur le commerce de Russie.—Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. Th. XI, 449.

торговыми привиллегіями: онъ нашелъ также обильную для себя пищу въ администраціи. Преемники власти Петра Великаго не замѣдлили наложить руку на систему государственнаго управленія, созданную въ его время. Эта система, основанная на началахъ келлегіальнаго строя и строгаго разграниченія вѣдомствъ, подверглась совершенному послѣ Петра искаженію, или, вѣрнѣе, уничтоженію. Сенатъ, которому Петръ Великій усвоилъ такое высокое значеніе, долженъ былъ подчиняться Верховнымъ Тайнымъ Совѣтамъ, Кабинетамъ министровъ, Конференціямъ; а такъ какъ въ послѣднихъ, одно за другимъ съ нѣкоторыми перерывами слѣдовавшихъ, учрежденіяхъ обыкновенно находило пріютъ стремленіе временщиковъ къ господству, то и вышло, что вмѣсто управленія государствомъ посредствомъ собранія опытнѣйшихъ и достойнѣйшихъ государственныхъ людей, которое Петръ Великій почиталъ наиболѣе пригоднымъ для Россіи, явилось управленіе государствомъ посредствомъ одного лица. Это измѣненіе распространено и на областную администрацію. Основываясь на томъ, что Петровская система областнаго управленія повлекла за собою увеличеніе числа служащихъ и потому усилила народныя тягости (1), уничтожили многія отдѣльныя вѣдомства (2) и предметы ихъ вѣдѣнія отдали на попеченіе губернаторовъ и воеводъ, подчинивъ имъ и тѣ учрежденія, которыя не сочли возможнымъ уничтожить и которыя по Петровскимъ указамъ должны были быть независимы отъ губернаторской и воеводской власти, такъ что губернаторы и воеводы стали теперь, какъ и было встарину, заправлять всевозможными дѣлами въ ввѣренныхъ имъ областяхъ, завѣдывать не только полиціей, сборомъ податей, но и судомъ (3). Но вскорѣ оказалось, что цѣль, какую имѣли въ виду, возвращаясь къ московскимъ порядкамъ областнаго управленія, не можетъ быть достигнута; что Петръ Великій, вводя разнообразныя должности, разграничивая вѣдомства, зналъ хорошо, что дѣлалъ; что въ этомъ была настоятельная надобность, которая условливалась новыми потребностями, возникшими въ государственной жизни. Тѣже самые люди, которые уничто-

(1) П. С. З. № 4995. 5431.

(2) Тамже № 5017; 5494; 5017.

(3) Тамже № 5333; 5546.

жили петровскую систему областнаго управленія, подъ предлогомъ, что при ней народу приходится содержать много чиновниковъ, увидѣли скоро, что однимъ воеводамъ и губернаторамъ никакъ не справиться съ разнообразными, порученными имъ, дѣлами, и стали увеличивать число служащихъ, вводить новыя должности, учреждать особыя канцеляріи, конторы, коммиссіи (¹), не считая при этомъ однакожъ нужнымъ держаться началъ петровской системы управленія, не выдѣляя для губернаторской власти особаго, отдѣльнаго рода дѣлъ. Области потому всетаки имѣли двойной тройной комплектъ командировъ точно также, какъ было и при Петрѣ Великомъ, съ тою только разницею, что при системѣ послѣдняго правители, вѣдавшіе извѣстный только родъ дѣлъ, скорѣе и лучше могли исполнять свои спеціальныя обязанности, чѣмъ при возстановленной московской системѣ, гдѣ разнородныя дѣла поручались одному лицу, которое конечно не въ силахъ было отчетливо ознакомиться съ каждымъ изъ нихъ. Императрица Елизавета Петровна возстановила отцовскія учрежденія, но она не въ состояніи была усвоить имъ тотъ духъ, который желалъ видѣть въ нихъ ея отецъ, не въ силахъ была достичь того, чтобы люди, наполнявшіе эти учрежденія, заботились лишь о точномъ исполненіи законовъ, направляя свое служеніе къ утвержденію въ отечествѣ порядка, безопасности и справедливости, имѣя въ головѣ одну мысль, что они ближайшіе слуги и помощники верховной государственной власти, взявшей на себя миссію водворить въ странѣ благосостояніе. Устраненіемъ отъ государственной службы людей не шляхетской породы, усвоеніемъ права на службу исключительно дворянамъ нельзя было, какъ оказалось, поддержать въ учрежденіяхъ этотъ духъ; напротивъ дворянство, овладѣвшее службою, не видя подлѣ себя конкурентовъ изъ другихъ классовъ, не имѣло надобности должнымъ образомъ къ ней готовиться и проходить ее какъ слѣдуетъ. Такъ какъ дворяне служили по преимуществу въ войскѣ, то пришлось замѣщать гражданскія должности военными людьми. Отсюда произошли важныя послѣдствія. Этимъ путемъ очень удобно попадали на административныя и судебныя мѣста иностранцы, служившіе въ русскихъ полкахъ. Русскому населенію,

(¹) П. С. З № 5659; 6876; 6164; 6378; 6870.

которое прежде пользовалось услугами иностранцевъ только какъ извѣстнаго рода техниковъ, приходилось теперь относиться къ нимъ постоянно, какъ къ правителямъ и судьямъ. Едва ли нужно говорить, что эти наемники, покинувшіе свое отечество, или нѣмцы, пришедшіе къ намъ изъ завоеваннаго прибалтійскаго края, въ рѣдкихъ только случаяхъ приносили въ русскую администрацію и судъ добросовѣстность, стремленіе понять интересы государства и нравы народа, и что въ большинствѣ случаевъ они относились къ намъ презрительно, являлись исполнителями только формы, чтобы быть чистыми предъ высшею властію, вводили обычаи въ служебную практику, несвойственные русскимъ; въ особенности эта канцелярская процедура, эта многочисленность бумажныхъ тонкостей, въ которыхъ нельзя было добраться до дѣла, ими была покровительствуема. Независимо отъ этого отмѣченное обстоятельство сопровождалось другимъ неудобствомъ для службы. Военные люди, начавшіе занимать гражданскія мѣста, не могли не вносить въ нашу администрацію понятій и привычекъ военнаго званія. Чинопочитаніе и субординація, необходимыя въ военной службѣ, какъ средство къ поддержанію дисциплины, перенесенныя въ гражданскую сферу, не могли не ослабить коллегіальнаго начала. Вмѣсто безпристрастнаго и всесторонняго обсужденія, этого существеннаго назначенія, усвоеннаго Петромъ Великимъ коллегіямъ, сталъ въ нихъ дѣйствовать произволъ предсѣдателя. Послѣдній не могъ отрѣшиться отъ того, чтобы не смотрѣть на свой постъ, какъ на постъ командира полка или дивизіи, не могъ спокойно выслушивать противорѣчій своимъ мнѣніямъ со стороны другихъ членовъ. Кромѣ того въ большинствѣ случаевъ дворяне, служившіе въ полкахъ, были совершенно не подготовлены къ исправленію гражданскихъ должностей. Проведя большую часть жизни въ казармахъ и въ лагерѣ и наконецъ и тамъ оказавшіеся негодными, конечно, немногіе изъ нихъ могли приносить съ собою въ службу гражданскую плодотворныя для нея силы и начала.

Впрочемъ какъ бы то ни было, только служилые люди въ разсматриваемый періодъ нашей исторіи постоянно являли наклонности и свойства, совершенно противуположныя цѣлямъ, съ какими вездѣ существуетъ администрація и судъ и достигнуть которыхъ старался Петръ Великій, преобразовывая государственое управленіе. Промышленные, рабочіе люди не

находили въ министрахъ, губернаторахъ, воеводахъ, канцеляріяхъ, конторахъ надежной охраны спокойствія и безопасности; напротивъ чиновные люди представляли для нихъ обильный источникъ отягощеній и несправедливостей всякаго рода. Несомнѣнныя историческія свидѣтельства говорятъ о крайне небрежномъ исполненіи тогдашними чиновниками служебныхъ ихъ обязанностей. По цѣлымъ годамъ центральное правительство должно было дожидаться отъ областныхъ властей требуемыхъ вѣдомостей, или исполненія его распоряженій. Цѣлые годы также сидѣли колодники въ тюрмахъ, а за производство дѣла ихъ не принимались. Въ столичныхъ учрежденіяхъ было не лучше. Императорскіе указы обвиняютъ сенаторовъ, что они для дѣлъ въ Сенатъ съѣзжаются весьма поздно и, не дождавшись указнаго времени, выѣзжаютъ, а нѣкоторые рѣдко и ѣздятъ, отъ чего въ государственныхъ дѣлахъ чинится остановка, а челобитчикамъ волокита (1). «Нынѣ намъ извѣстно учинилось, говорится въ другомъ указѣ императрицы Анны, что какъ въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и конторахъ, такъ и въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ держатъ колодниковъ въ казенныхъ и партикулярныхъ небольшихъ долгахъ по году, по два и больше, между которыми такіе находятся, что на нихъ долгу только отъ 3-хъ рублей и ниже, а въ работу ихъ, гдѣ они могли долгъ заработывать, какъ указъ Петра Великаго 15 Генваря 1718 г. повелѣваетъ, не употребляютъ, только отпущаютъ по улицамъ скованныхъ и нескованныхъ для прошенія милостыни, которую пропиваютъ, а отъ судей въ томъ никакого смотрѣнія нѣтъ» (2). «Сенатъ,—говоритъ между прочимъ императрица Екатерина II въ своихъ запискахъ о первыхъ годахъ ея царствованія,—хотя посылалъ указы въ губерніи, но тамъ такъ худо ихъ исполняли, что въ пословицу почти вошло говорить: ждутъ третьяго указу, понеже по первому и второму не исполнили... Сенатъ опредѣлялъ воеводъ, но числа городовъ въ Имперіи не знали. Когда я потребовала реэстра городамъ, то признались въ невѣдѣніи оныхъ. Даже карты всей имперіи сенатъ отъ основанія своего не имѣлъ» (3). Но недостат-

(1) П. С. З. № 7818.

(2) Тамже № 7073.

(3) Русскій Архивъ 1865 г.

ки администраціи и суда не ограничивались одною небрежностію служащихъ въ исполненіи ихъ обязанностей. Никогда прежде чиновный людъ не показывалъ столько рвенія въ расхищеніи казенной собственности, какъ въ это время. Расхищали казну и открытымъ образомъ и разными уловками, успѣвая, напримѣръ, пріобрѣтать казенную собственность за ничтожную сумму. Биронъ, напримѣръ, деньги, которыя собиралъ съ такою жестокостію съ народа въ доимочный приказъ, клалъ въ свой карманъ. Въ царствованіе Елизаветы царедворцы наперерывъ одинъ передъ другимъ старались нажиться насчетъ казенной собственности. Графъ Петръ Шуваловъ, говоритъ князь Щербатовъ, «немогши скрыть свои желанія корыстолюбія, силою и властію своей и пользуясь узаконеніемъ Петра Великаго, чтобы заводы рудокопные отдавать въ приватныя руки, испросилъ себѣ знатные заводы и между прочими лучшій въ государствѣ Гороблагодатскій, и сіе съ такою безсовѣстностію, что когда заводъ сей, могущій приносить многія сты тысячь рублей, былъ оцѣненъ въ 90 т., то онъ не устыдился о дорогой оцѣнкѣ приносить жалобу сенату, и получилъ по новой перецѣнкѣ съ небольшимъ за 40 т. руб. заводъ, при которомъ было приписныхъ до 20 т. душъ, заводъ, приносящій ему послѣ до 200 т. руб. и который послѣ взятъ былъ обратно короною за долги его, за 750 т. р.» (1). Точно также гр. Чернышевъ, при содѣйствіи Ивана Шувалова, получилъ казенные мѣдные заводы за 90 т. рублей, тогда какъ на нихъ готовой мѣди было на большую сумму, и потомъ, въ нѣсколько лѣтъ разоривъ ихъ, продалъ обратно въ казну за 700 т. (2). Князь Шаховскій въ своемъ жизнеописаніи съ чрезвычайною наглядностію, въ разсказѣ о дѣлѣ Вульфа, представляетъ, какъ въ высшихъ сферахъ чиновнаго міра старались богатиться на счетъ казны (3). «По восшествіи моемъ на престолъ, разсказываетъ императрица Екатерина II, сенатъ подалъ мнѣ реэстръ доходамъ, по которому явствовало, что оныхъ считали 16 милліоновъ руб-

---

(1) О поврежденіи нравовъ въ Россіи, стр. 64—65.

(2) Тамже стр. 61.

(3) Записки кн. Я. П. Шаховскаго, писанныя имъ самимъ. М. 1810. ч. 1-я, стр. 187 и далѣе.

лей. По прошествіи двухъ лѣтъ я посадила кн. Вяземскаго и Д. Т. С. Мельгунова, тогдашняго президента камеръ-коллегіи, считать доходы. Они нѣсколько лѣтъ считали, переписывались разъ по семи съ воеводами, наконецъ сочли 28 мил., 12 милліонами больше, нежели Сенатъ видѣлъ». Болѣе чѣмъ треть доходовъ расходилась по карманамъ чиновныхъ людей, а между тѣмъ «Блаженной памяти, разсказываетъ далѣе Екатерина II, государыня императрица Елизавета Петровна во время Семилѣтней войны искала занять два милліона рублей въ Голландіи, и охотниковъ на тотъ заемъ не явилось». Но болѣе всего отъ тогдашняго чиновнаго люда терпѣли управляемые и по преимуществу податный народъ. Безъ взятки нельзя было явиться ни въ одно мѣсто, ни къ одному чиновнику по какому бы то ни было дѣлу. Чрезъ три недѣли по восшествіи своемъ на престолъ Екатерина II издала особый манифестъ, въ которомъ объ этой сторонѣ правителей и судей тогдашнихъ говоритъ такъ: «лихоимство до такой степени возросло въ Россіи, что едва ли есть малое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе (судъ) безъ зараженія сей язвы отправлялось. Ищетъ ли кто мѣста, платитъ; защищается ли кто отъ клеветъ, обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами... Мы содрогнулись, услышавъ отъ князя Дашкова, который проѣзжалъ чрезъ Новгородъ, что регистраторъ тамошней губернской канцеляріи бралъ и за присягу деньги» (1). Впрочемъ взяточничество такъ уже въѣлось въ русскую администрацію, что въ народѣ считали его чѣмъ то необходимо связаннымъ съ службой, обыкновеннымъ ея свойствомъ. Само правительство отчасти узаконяло это, не давая по нѣкоторымъ мѣстамъ никакого содержанія и предоставляя занимавшимъ ихъ кормиться отъ дѣлъ. Но взятками при производствѣ дѣлъ незаконное кормленіе насчетъ народа не ограничивалось. Чиновникъ смотрѣлъ на управляемый народъ, какъ на плательщиковъ, обязанныхъ доставлять ему хорошій кормъ и тогда, когда бы у этихъ плательщиковъ не было никакихъ дѣлъ въ тогдашнихъ административныхъ и судебныхъ мѣстахъ. Губернаторы и воеводы своею властію налагали на податныхъ поборы въ свою пользу. Знакомый Данилову во-

(1) П. С. З. № 11,616.

свода Данковскій отправлялъ, не стѣсняясь, по деревнямъ обозъ, который нагружался тамъ курами, хлѣбомъ и проч., собранными съ крестьянъ (1). Чиновники низшаго разбора поступали по примѣру начальниковъ. Каждый, облеченный въ чиновничій мундиръ, считалъ себя въ правѣ требовать съ податныхъ корма (2). Инородцы болѣе чѣмъ другіе податные подвергались подобнаго рода поборамъ и наѣздамъ чиновныхъ людей. «Малоязычные», то есть плохо знакомые съ русскимъ языкомъ и порядками службы, они легко могли быть обманываемы администраторами, желавшими получить отъ нихъ поживу: стоило только объявить какой нибудь небывалый указъ. На Волынскаго, бывшаго губернаторомъ Казанскимъ, жаловались Татары, что онъ сверхъ подушныхъ денегъ собиралъ съ нихъ въ свою пользу отъ 3—5 съ души. Черемисы Казанскаго уѣзда также подали десять прошеній, въ которыхъ жаловались, что въ ихъ сотни и волости по-

---

(2) Записки артиллеріи маіора Данилова, стр. 45.

(1) «Всѣ, говоритъ Бѣляевъ, или безпрекословно отплачивались каждому, называвшему себя начальствомъ или посланцомъ отъ начальства, или при первомъ слухѣ о путешествіи такой личности по уѣзду оставляли свои жилища и укрывались по лѣсамъ, оврагамъ и буеракамъ. Въ это время, какъ говаривали старики, слышавшіе это отъ отцовъ своихъ, въ народѣ сложилось особое техническое названіе бѣды, которое давалось безъ разбору каждому посланцу отъ начальства и проѣзжавшему по уѣзду начальнику или самозванцамъ, и бѣды сіи раздѣлялись на конныя и пѣшія. Проѣзжавшій въ повозкѣ начальникъ, или величавшій себя начальникомъ, назывался конною бѣдою, а пѣшій оборванецъ въ старомъ мундирѣ или въ какомъ нибудь кафтанишкѣ съ краснымъ воротникомъ, хотя бы изъ кумача, говорившій о себѣ, что онъ посланецъ отъ начальства, получалъ названіе пѣшей бѣды. И разумѣется, чѣмъ великолѣпнѣе былъ поѣздъ подобной бѣды, тѣмъ она была страшнѣе; объ иной бѣдѣ шелъ тревожный слухъ верстъ за 40, 50 и больше, а отъ иной бѣды и прятаться не смѣли, говорили: батюшка! бери, что угодно тебѣ, мы ни за чѣмъ не стоимъ;—и наѣхавшая бѣда обыкновенно нагружала себѣ подводы всякимъ добромъ, которое ей приглянется». Русское общество отъ кончины Петра Великаго до Екатерины II. Библ. для чтенія.

слѣ подушной переписи, посланные для слѣдствія о ненаписанныхъ въ подушный окладъ, брали взятки не малыя. Въ симбирскомъ уѣздѣ также былъ сборъ сверхъ подушныхъ денегъ. На слѣдствіи Волынскій признался самъ, что казанскіе и свіяжскіе сотники принесли ему тѣ деньги по обѣщанію за то, чтобы имъ не быть у корабельной работы, и за прочія его благодѣянія, которыя и принялъ предъ отъѣздомъ изъ Казани. Дальнѣйшее изслѣдованіе этого дѣла по всей вѣроятности открыло бы, что поборы, которые дѣлалъ съ иновѣрцевъ Волынскій, вовсе не имѣли характера добровольнаго съ ихъ стороны приношенія за его благодѣянія, какъ представлялъ тотъ (1). Но дѣло по этому вслѣдствіе того, что Волынскій вошелъ въ силу, отложено было въ долгій ящикъ, да притомъ, надо полагать, было и новыхъ не мало жалобъ со стороны инородцевъ на излишніе поборы со стороны администраціи. Императрица Екатерина II свидѣтельствуетъ, что такіе лишніе поборы были явленіемъ обыкновеннымъ, что приставленные командиры дѣлали «привязки по силѣ будто бы указовъ, въ самомъ же дѣлѣ во зло только ими истолкованныхъ» (2). Князь Вяземскій, котораго посылали на Востокъ усмирять взбунтовавшихся крестьянъ, отъ 3 марта 1763 года доносилъ императрицѣ: «выѣхавъ изъ Казани, я старался въ разнородныхъ деревняхъ развѣдать по данной мнѣ секретной о поведеніяхъ казанской канцеляріи: вездѣ я во всѣхъ донесенныхъ В. И. В. мздоимствахъ не только нашелъ дѣйствительное подтвержденіе, но и еще и то, по скольку съ души ясачныхъ крестьянъ для поднесенія приказнымъ служителямъ за поданныя въ предшедшемъ году къ будущей ревизіи сказки сбираемо было, а вальдмейстерами при всякомъ ихъ посѣщеніи собирается. Въ татарской деревнѣ, называемой Агрызы, два сотника увѣряли, что за поданныя сказки разошлось по 9 и 10 коп. съ души, а съ Вотяковъ, яко съ людей весьма простыхъ и добросовѣстныхъ, и болѣе. Вальдмейстеру въ каждый его пріѣздъ сбирается по 3 и 4 коп., а съ Вотяковъ по 4 и 5 коп.» (3). Тѣ чиновники, которые

---

(1) Дѣло Салникѣева, помѣщенное въ Чт. Моск. Общ. исторіи и древностей за 1868 г., кн. III, стр. 117 и далѣе.

(2) П. С. З, № 11,616.

(3) Документъ этотъ изд. проф. Соловьевымъ въ «Разсказахъ

завѣдывали судомъ, «освященное сіе мѣсто, говоритъ Екатерина II, въ торжище превращали, вмѣняя себѣ ввѣренное званіе судьи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто бы имъ доходъ на поправленіе дома своего, а не за службу, приносимую Богу, государю и отечеству». Выбирая кормъ, чиновные люди позволяли себѣ по отношенію къ управляемымъ всякаго рода насилія. Симбирскій воевода, напр., Назаровъ, воеводствовавшій въ 50 годахъ, «самъ старался заводить между дворянствомъ ссоры и послѣ безпримѣрными взятками пользовался, не оставляль и того, что по воровскимъ и разбойническимъ дѣламъ дѣлалъ разныя приметки и разоренія до самой крайности съ мучительствомъ» (1). Кромѣ того чиновные люди, и хотя бы и не занимали гражданскихъ должностей, дѣлали часто насилія людямъ податнымъ. «Плылъ, напримѣръ, по Волгѣ одинъ купецъ, соляной подрядчикъ: повстрѣчалось съ нимъ аммуничное судно. Начальникъ послѣдняго, поручикъ Базаргинъ призвалъ къ себѣ купца и подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ можетъ быть разбойникъ, началъ бить его палкою и въ заключеніе ограбилъ (2). Въ 1760 г. Новоторжскій магистратъ жаловался, что подпоручикъ Андреевъ, проходя чрезъ Новоторжекъ съ партіей рекрутъ, напалъ съ своею командой на Новоторжскихъ купцовъ; купцы были избиты и ограблены; одинъ изъ нихъ отъ побоевъ и померъ (3). Нужно было особымъ указомъ запрещать, чтобы ѣздящіе на богомолье не брали у обывателей по дорогамъ безденежно лошадей и съѣстные припасы (4). Указы, запрещавшіе подобный произволъ, дѣйствовали плохо. «Съ прискорбіемъ, писала императрица Елизавета Петровна въ указѣ 16 августа 1760 года, вызванная, надо полагать, къ тому страшными злоупотребленіями слѣдователя въ Сибири Крылова (5), должны мы видѣть, что уста-

---

изъ Русской исторіи XVIII ст. 1767 годъ». — Русскій Вѣсти. за 1861 годъ № 10; стр. 312.

(1) Тамже стр. 313.

(2) П. С. З. № 10,117.

(3) Тамже № 11,031.

(4) Тамже № 11,014.

(5) Подробности о Сибирскомъ слѣдователѣ Крыловѣ, доведшемъ чиновничій произволъ до послѣдней крайности, помѣщены

новленные многіе законы для блаженства и благосостоянія государства своего исполненія не имѣютъ отъ внутреннихъ общихъ непріятелей, которые свою беззаконную прибыль присягѣ, долгу и чести предпочитаютъ, и равнымъ образомъ чувствовать мы должны, что вкоренившееся зло пресѣченія не имѣетъ. Сенату нашему, какъ первому государственному мѣсту, по своей должности и по данной ему власти давно бы надлежало истребить многіе въ подчиненныхъ ему мѣстахъ непорядки, безъ всякаго помѣшательства умножающіеся къ великому вреду государства... Несытая алчба корысти дошла до того, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ, лихоимство и пристрастіе стали предводительствомъ судей, а потворство и упущенія—одобреніемъ беззаконникамъ... Многія вредныя обстоятельства у всѣхъ предъ глазами: продолженія судовъ (проволочка), во многихъ мѣстахъ разоренія, чрезъ мѣру богатящіеся судьи, безконечныя слѣдствія, похищеніе нашего интересу отъ тѣхъ, кои сохранять его опредѣлены, воровство въ продажѣ соли, при наборѣ рекрутъ и при всякомъ на народъ налогѣ въ необходимыхъ государству нуждахъ, все оное неоспоримыя доказательства, открывающія средства къ пресѣченію общаго вреда» (¹).

Обременительная система податей и повинностей, усиленное крѣпостное право, недостатки государственнаго хозяйства, крайне стѣснявшіе промышленный трудъ, злоупотребленія чиновныхъ людей необходимо должны были поддерживать и усиливать давнишнія явленія въ жизни податной массы, которыя, будучи гибельными для всякой правильной промышленной дѣятельности, въ свою очередь служили источникомъ многихъ бѣдъ для податнаго населенія. Въ сущности простонародье вовсе не выказывало расположенія безропотно подчиняться условіямъ, которыя назначались для его быта государствомъ и проистекали наиболѣе вслѣдствіе усиленія духа кормленія въ господствовавшемъ классѣ русскаго населенія. Напротивъ въ то время, какъ мы поражали нашихъ

въ «Бумагахъ изъ дѣла о Генералъ-Прокурорѣ А. И. Глѣбовѣ и Сибирскомъ слѣдователѣ Крыловѣ» Сборникъ Русскаго Историч. Общ. томъ 1-й Спб. 1867 г. стр. 215—252.

(¹) П. С. З. № 11,092.

внѣшнихъ враговъ, одерживали надъ ними болѣе или менѣе громкія побѣды, столь подробно описанныя во многихъ историческихъ сочиненіяхъ и столь краснорѣчиво воспѣтыя нашими тогдашними стихотворцами,—у насъ дома, внутри государства шла, не прерываясь, мало историковъ и поэтовъ занимавшая, братоубійственная борьба, шла, постоянно усиливаясь въ размѣрахъ своихъ и въ жестокости. Борьба эта засвидѣтельствована почти каждой страницей актовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ и разсѣянныхъ по другимъ изданіямъ. Навѣрное имѣется, кромѣ того, множество современныхъ извѣстій, относящихся къ этому важному явленію нашей прошедшей жизни и до сихъ поръ не изданныхъ, которыя, конечно, будущимъ историкамъ дадутъ возможность изучить это капитальное явленіе въ подробностяхъ. Впрочемъ и имѣющіяся на лицо данныя не оставляютъ читателя въ сомнѣніи и недоразумѣніи относительно характера этой внутренней борьбы, среди которой шло развитіе русской жизни съ самыхъ давнихъ поръ. Мы видимъ постоянно, что и правительство, и чиновники, и помѣщики, фабриканты и заводчики усердно гоняются за рабочей силой, стараясь употребить ее такъ или иначе въ свою пользу: и на границахъ имперіи и внутри ея—заставы, снабженныя вооруженными отрядами; партіи солдатъ разсылаются въ русскіе города, села и деревни, какъ бы въ непріятельскую землю, со всѣми военными снарядами,—это за тѣмъ, что нужно собрать недоимку съ податныхъ, забрать потребное количество рекрутъ, переловить бѣглыхъ, заставить рабочаго человѣка покориться безусловно волѣ господской. Съ своей стороны работные люди не хотятъ сразу подчиниться такого рода требованіямъ и выставляютъ противодѣйствіе. Но разъединенные между собою громадными пространствами, подавляемые невѣжествомъ и бѣдностію, они или выражаютъ это противодѣйствіе въ формахъ, приличныхъ слабымъ, или же каждую попытку открытаго противодѣйствія оплачиваютъ безмѣрно дорогою цѣною.

Главнѣйшія явленія въ жизни податныхъ, получившія начало и развившіяся вслѣдствіе этой борьбы и такъ вредно отзывавшіяся на ихъ экономическомъ и нравственномъ бытѣ, были, какъ замѣчалось еще въ старой Россіи: мятежныя дѣйствія противъ господскаго права, побѣги и разбои.

Люди закрепощенные никогда не могли мириться съ своимъ крѣпостнымъ положеніемъ, считая его временной бѣдой, устроенной помѣщиками помимо царской воли. Замѣчательно то, что почти въ каждомъ новомъ государѣ они видѣли мессію освободителя отъ неволи, и никакія суровыя опредѣленія относительно крѣпостныхъ, выходившія отъ имени императорской власти, не въ состояніи были заставить ихъ разстаться съ этимъ убѣжденіемъ. Это убѣжденіе, въ которомъ нельзя не признать глубокаго смысла, которое невольно наводитъ на мысль, что народъ, хотя инстинктивно, сознавалъ, что рано или поздно слово освобожденія выдетъ отъ престола,—выражено было крѣпостными и при Петрѣ Великомъ. Въ челобитной своей люди боярскіе писали: «просимъ и молимъ и умильно вопіемъ, да тя на милость приклонимъ о свободствѣ, дабы намъ изъ Содому и Гомору отраднѣе было. На семъ нашемъ приношеніи къ тебѣ, Великому Государю, сановники твои бояре и князи тебѣ Великому Государю станутъ возбранять, чтобы намъ у нихъ яко въ Содомѣ и Гоморѣ мучитися, яко львы зубы челюсти своими пожираютъ и якоже зміи ехидные, разсвирѣпся, напрасно попираютъ и якоже волцы свирѣпіи біютъ насъ яко не милостивые пилаты: Великій государь, смилуйся пожалуй» (1). Съ воцареніемъ Петра II «во многихъ уѣздахъ, говорится въ указѣ того времени (2), крестьянамъ и другимъ подлымъ людямъ воровски разглашено, будто такой Е. И. В. указъ состоялся, чтобы всякихъ чиновъ люди, которые похотятъ, тѣ бы селились около Царицынской линіи и близъ казацкихъ городковъ и въ самыхъ тѣхъ казацкихъ городкахъ, и по тому злому вымышленному разглашенію изъ многихъ мѣстъ крестьяне и однодворцы бѣгутъ въ тѣ мѣста». Выше сказано уже, что съ воцареніемъ Елизаветы Петровны между крѣпостными обнаружилось движеніе, имѣвшее цѣлію законнымъ путемъ, при помощи власти, освободиться отъ помѣщичьяго ига, что многіе крестьяне вслѣдствіе разнесшагося слуха, будто новая императрица даетъ свободу отъ помѣщичьей власти всѣмъ, кто захочетъ итти въ солдаты, оставили свои деревни, чтобы воспользоваться

---

(1) Изд. въ приложен. къ XVIII т. Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. Соловьева. М. 1868 стр. 356.

(2) П. С. З. № 5241.

этимъ мнимымъ правительственнымъ дозволеніемъ. Въ 1757 году движеніе въ этомъ родѣ среди крѣпостныхъ повторилось: разные помѣщики жаловались, что изъ Тамбовскаго и Козловскаго уѣздовъ крестьяне, забирая свои пожитки и лошадей, бѣгутъ, а другіе чинятъ разглашеніе, якобы оные бѣглые, собравшись въ Царицынѣ и переправясь чрезъ Волгу, порывъ землянки, живутъ и принимать будутъ впредь всякихъ прихожихъ людей, а нѣкоторые крестьяне и явнымъ образомъ бѣгутъ же, объявляя при томъ побѣгѣ, что они идутъ для поселенія въ Царицынъ и въ Камышенку къ шелковому казенному заводу, гдѣ для принятія де ихъ яко бы опредѣленъ маіоръ Парабучь» (1). Съ воцареніемъ императора Петра III опять сталъ между крѣпостными ходить слухъ, что царь даетъ крестьянамъ свободу отъ помѣщиковъ, и крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ, будучи прельщены и ослѣплены такими слухами, отложились отъ должнаго помѣщикамъ своимъ повиновенія (2). Всѣ эти движенія среди крѣпостныхъ, свидѣтельствующія о неудержимомъ ихъ стремленіи добыть свободу отъ помѣщичьей власти, о вѣрованіи ихъ, что правительство за нихъ, были безъ особаго затрудненія для правительства подавляемы большею частію суровыми мѣрами. Но глубокая ненависть и вражда крѣпостныхъ къ помѣщичьей власти чрезъ то конечно въ нихъ не уменьшалась. Если законные пути освободиться отъ нея были для нихъ пресѣчены, если отъ имени Верховной власти жестоко наказывали такія попытки къ освобожденію; то они находили другіе пути, которыми старались добиться своей цѣли или по крайней мѣрѣ излить на своихъ господахъ накипѣвшее въ нихъ чувство злобы и мстительности къ нимъ. Случаи насилія крестьянъ противъ личности и имущества помѣщиковъ были не рѣдки. Выведенные изъ терпѣнія угнѣтеніемъ и жестокимъ обращеніемъ помѣщиковъ, крестьяне поджигали ихъ дома, грабили ихъ имущество и самихъ убивали. Въ 1753 году нѣсколько дворянъ просили чистой отставки отъ службы и позволенія жить въ деревняхъ, потому что въ отсутствіе ихъ дворовые ихъ люди разграбили ихъ имущество (3). Екатерина II свидѣтельст-

---

(1) П. С. З. № 10791.

(2) Тамже № 11577.

(3) Тамже № 10,079.

вуетъ, что помѣщики бывали убиваемы «отчасти отъ своихъ» людей (1). Но не одними отдѣльными случаями насилія крестьянъ противъ помѣщиковъ выражалась вражда крѣпостныхъ къ власти господской. Поднимались крѣпостные цѣлыми селеніями и волостями; поднимались записимые разныхъ родовъ, помѣщичьи люди, монастырскіе и архіерейскіе крестьяне, приписанные къ фабрикамъ и заводамъ. Нужнымъ оказывалось посылать цѣлые полки для подавленія этихъ возстаній, давать сраженія непокорнымъ. Лѣтомъ 1749 года приписанные къ суконной фабрикѣ Болотина и Докучаева работные люди въ числѣ болѣе чѣмъ 800 человѣкъ отказались работать потому, какъ они объясняли въ поданномъ на Высочайшее имя прошеніи, что имъ отъ фабрикантовъ чинились постоянныя обиды и жестокія наказанія; потребовалась военная команда, чтобы заставить ихъ повиноваться фабрикантамъ; но и она ничего не могла сдѣлать; распорядились тогда: пущихъ заводчиковъ а изъ другихъ фабричныхъ людей, по показанію фабрикантовъ, десятаго бить кнутомъ и затѣмъ, заковавъ въ кандалы, сослать въ Рочервикъ на работу, а прочихъ наказавъ плетьми силою принудить работать на фабрикѣ. Въ день праздника Казанской Богородицы была произведена расправа, что огорчило императрицу, которая нашла это несовмѣстнымъ съ достоинствомъ праздника и потому указала впредь съ сего времени въ праздничные и викторіальные дни никакихъ экзекуцій никому не чинить (2). Въ 1752 году вспыхнуло въ Калужской губерніи возстаніе крестьянъ Демидова и фабричныхъ людей Гончарова, которое не замѣдлило принять такой характеръ и такіе размѣры, что только послѣ того, какъ отправлено было противъ мятежниковъ нѣсколько полковъ и

---

(1) Соловьевъ. Разсказы изъ Русской исторіи XVIII стол. 1767 годъ. Русск. Вѣсти 1861 г. № 10 стр. 321.—Такъ одинъ изъ главныхъ участниковъ въ переворотѣ, доставившей Елизаветѣ Петровнѣ престолъ, Шварцъ былъ заколотъ вилами одной крестьянкой, которую хотѣлъ изнасиловать. Это извѣстіе, сообщаемое въ Russische Günstlinge (Tübingen. 1809, стр. 206), подтверждается письмомъ вдовы Шварца къ императрицѣ, въ которомъ она между прочимъ извѣщаетъ, что мужъ ея умеръ насильственною смертію (Пекарскій. Маркизъ Шетарди стр. 412).

(2) П. С. З. № 9643. 9646.

произведено ими достаточное кровопролитіе и совершенное разореніе взбунтовавшихся селъ и деревень, оно утихло (1). Жестокая расправа, учиненная съ этими мятежниками съ цѣлію утвердить въ другихъ крѣпостныхъ духъ повиновенія и рабской покорности господамъ, не принесла ожидаемой пользы ни правительству, ни помѣщикамъ: волненія крестьянъ не только оттого не ослаблялись, но повторялись чаще и чаще и становились упорнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдственнѣе для нихъ самихъ. Въ 1753 году Синодъ, основываясь на жалобахъ архіереевъ и монастырскихъ властей, доносилъ, что «крестьяне такъ называемыхъ заопредѣленныхъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, крайнимъ безуміемъ мечтая о себѣ, аки бы они своимъ архіереямъ и монастырскимъ властямъ не подчинены и невѣдомы, и будто бы имъ до нихъ никакого дѣла нѣтъ, по воспріятому своему безстрашію, своевольству и дерзновенію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преосвященнымъ архіереямъ и монастырскимъ властямъ во всемъ чинятся явно непослушны и по нарядамъ отъ архіерейскихъ домовъ и монастырей надлежащихъ работъ и другихъ издѣлій исправлять не хотятъ и отрицаются. А ежели власти по должности своей къ пресѣченію таковыхъ ихъ противностей, и своевольствъ и непорядковъ, по справедливости, къ лучшему и порядочному ихъ же крестьянъ содержанію мало чѣмъ хотя до нихъ коснутся, то крайнею своею дерзостію на оныхъ своихъ властей и на подчиненныхъ ихъ затѣйно челобитствуютъ, и нѣкоторые изъ нихъ и самую Е. И. В. [вопрошеніями утруждаютъ весьма безстрашно и безсовѣстно» (2). Указъ 1757 отъ 13 августа свидѣтельствуетъ о многихъ случаяхъ неповиновенія крѣпостныхъ владѣльцамъ (3). Въ 1760 году крестьяне Спасскаго села и другихъ селеній Арзамасскаго уѣзда, принадлежавшіе гр. Воронцову, послѣ того, какъ этимъ владѣльцемъ проданы были Безсонову, объявили, что не хотятъ повиноваться новому помѣщику, и, когда для ввода послѣдняго во владѣніе явился туда подъячій съ воинской командой, то они, собравшись многолюдствомъ, съ ружьями и рогатинами, подъячаго и команду въ село не пустили и съ

(1) Чтенія Моск. Общ. истор. и древн. за 1863 г. № 2.

(2) П. С. З. № 10,168.

(3) Тамже № 10,870.

великимъ крикомъ всѣхъ до смерти побить угрожали. Въ томъ же году крестьяне села Егорьевскаго, Галицкаго уѣзда, отказали въ повиновеніи своему помѣщику Тараканову (1). Въ 1758 году приписанные къ работамъ къ Починковской конторѣ поташнаго правленія въ числѣ 333 человѣкъ учинились противны, бѣжали, съ тѣмъ, чтобы судью и земскаго старосту, перваго за нарядъ къ работѣ, втораго за послушаніе судьѣ, убить до смерти, и, пришедъ въ Починки, дѣйствительно старосту смертельно били (2). Въ 1761 году ясачные крестьяне Казанской губерніи, приписанные къ Овзянопетровскимъ, въ Оренбургской губерніи, желѣзнымъ заводамъ, учинились заводчику дворянину Евдокиму Демидову ослушны и начали состоять въ противности, и нѣсколько изъ нихъ, оставя заводскія работы, бѣжали (3). Императрица Екатерина II въ своемъ разсказѣ о первыхъ годахъ своего царствованія свидѣтельствуетъ, что при вступленіи ея на престолъ монастырскіе и заводскіе крестьяне были почти всѣ въ явномъ непослушаніи властямъ, и къ нимъ мѣстами присоединились и помѣщичьи (4). Всѣ такого рода противности крестьянъ укрощались самыми суровыми способами; не жалѣли ни палокъ, ни кнутовъ, ни пороха, ни пуль. Сенатъ самъ свидѣтельствуетъ о частыхъ посылкахъ военныхъ командъ для усмиренія мятежныхъ крестьянъ и о многихъ при семъ кровопролитіяхъ, которыя были тѣмъ ужаснѣе, что часто совершались безъ всякаго разбору, надъ правыми и виноватыми. «Отправлялась военная команда съ офицеромъ и съ пушками, сама путемъ не зная куда, въ которую деревню, начинала экзекуцію, не смотря ни на какія представленія отъ крестьянъ, что они вовсе не того помѣщика, что они послушны своему владѣльцу, и онъ на нихъ никогда не жаловался; мало этого: стрѣляли и рубили несчастныхъ крестьянъ и не слушали никакихъ убѣжденій; а послѣ оказывалось, что крестьяне дѣйствительно правы, что команда должна была итти въ другую деревню съ

---

(1) П. С. З. № 11,054.

(2) Также № 10,870.

(3) Чт. Моск. Общ. ист. и древн. 1863 г. № 2. Смѣсь. стр. 41 и далѣе.

(4) Русскій Арх. 1865 г.

тѣмъ же наименованіемъ, но въ другомъ уѣздѣ или на иной рѣкѣ, а не въ ту, которую она разорила и опустошила. Все это прямо засвидѣтельствовано указомъ отъ 13 августа 1760, которымъ наконецъ постановлено въ непремѣнное правило, чтобы офицеры, посылаемые для усмиренія крестьянъ, поступали осторожнѣе, и при всякомъ недоумѣніи и представленіи отъ крестьянъ спрашивали разрѣшенія отъ того присутственнаго мѣста, которое ихъ послало, а не приступали прямо къ экзекуціи» (1).

Побѣги податнаго населенія были также явленіемъ, глубоко вкоренившимся въ жизнь его. Мы видѣли уже, что правительство считало въ бѣгахъ предъ второй ревизіей около 200 т. ревизскихъ душъ. Послѣ этой ревизіи побѣги податныхъ не прекращались. Бѣгали и на окраины государства, въ области русскія, управлявшіяся на особыхъ положеніяхъ, въ Малороссію, Остзейскія провинціи, на Донъ, въ Башкирію и далѣе въ Сибирь, бѣгали за границу; но кромѣ того бѣглые укрывались и внутри Россіи (2). Податное населеніе области средней Волги и въ томъ числѣ инородцы также съ стороны выдѣляли изъ среды своей бѣглецовъ, которые направлялись по преимуществу, какъ далѣе увидимъ, въ Закамскія земли. Не смотря на всевозможныя средства (3), которыя

---

(1) Бѣляевъ. Крестьяне на Руси. Русская Бесѣда за 1859. VI, стр. 138.

(2) Одинъ указъ 1739 года свидѣтельствуетъ, что бѣглецы повсюду находили пріютъ и пристанище, что ихъ укрывали не только помѣщики, старосты и крестьяне, но и попы, чрезъ которыхъ въ церквахъ въ воскресные и праздничные дни производилась публикація разныхъ указовъ и въ томъ числѣ указовъ о недержаніи бѣглыхъ (П С. З. № 7903). Нѣкоторые заводы и фабрики поддерживались рабочею силою безпаспортныхъ. Демидовы, Осокины и другіе тогдашніе извѣстные заводчики почти открыто принимали на свои заводы бѣглыхъ. При устройствѣ Кронштадтскаго канала, оконченнаго въ царствованіе Елизаветы, генералъ Люберасъ, его строитель, пользовался наиболѣе силою безпатпортныхъ (П. С. З. № 7225).

(3) Думали прекратить побѣги за границу мѣрами строгаго взысканія за побѣгъ: назначался кнутъ пойманнымъ на границѣ и уличеннымъ въ намѣреніи бѣжать и смертная казнь проводни-

употреблялись правительствомъ съ цѣлію пресѣченія побѣговъ податнаго населенія, явленіе это въ быту народномъ оставалось крѣпкимъ во весь періодъ времени отъ кончины Петра

камъ. По всей западной границѣ разставлены были форпосты съ спеціальною цѣлію ловить перебѣщиковъ. Въ Остзейскомъ краѣ учреждена была особая коммиссія, которая должна была ловить русскихъ перебѣщиковъ и высылать въ Великороссійскія губерніи. Всѣ эти мѣры оказались безуспѣшными. Бѣглецы силою пробивались чрезъ караулы, или находили дороги за границу, караульнымъ неизвѣстныя. Наказаніе кнутомъ, которымъ правительство грозило за побѣгъ, не могло быть страшно для тѣхъ, которымъ дома приходилось подвергаться этому наказанію. Солдаты, составлявшіе пограничную стражу, случалось, не только не удерживали бѣглецовъ, но вмѣстѣ съ ними сами убѣгали. Коммиссіи, учрежденныя въ 1743 и 1744 годахъ для сыска въ прибалтійскихъ областяхъ бѣглыхъ и для возвращенія ихъ на прежнія жилища, дѣйствовали весьма неуспѣшно: въ теченіе 10 безъ малаго лѣтъ онѣ успѣли сыскать въ Лифляндіи и выслать въ Великороссійскія области только 1125 человѣкъ, а изъ Великороссіи выслать Остзейскихъ бѣглецовъ на прежнія мѣста всего 119 душъ, между тѣмъ какъ по донесенію самихъ же коммиссій бѣглыхъ въ Эстляндіи и Лифляндіи имѣлось не малое число (П. С. З. № 10,139); въ 1753 году эти коммиссіи, какъ безполезныя, были упразднены Дѣйствовали на бѣглыхъ обѣщаніемъ прощенія въ случаѣ добровольнаго ихъ возвращенія въ Россію въ опредѣленный срокъ.—и также безуспѣшно: бѣглецъ зналъ, что его возвратятъ въ прежнюю зависимость, и потому случаи, когда ушедшіе за границу прельщались такими манифестами, были чрезвычайно рѣдки. Къ концу царствованія Елизаветы Петровны догадались, что нужно по отношенію къ нимъ быть иначе милостивыми, чѣмъ прежде. Въ 1759 г. вышелъ манифестъ, которымъ не только объявлялось прощеніе перебѣщикамъ, если они вернутся домой, но и объяснялось, что они безъ всякаго опасенія и препятствія могутъ приходить въ Ригу и тамъ поступать на фортификаціонныя работы или въ дворцовые крестьяне (П. С. З. № 11,007). Въ 1761 году повторили тотъ же манифестъ. Но правительство, очевидно, само мало полагалось на доброе дѣйствіе обѣщаемыхъ бѣглецамъ милостей. Въ томъ же году оно отправило за границу особаго чиновника, который долженъ

Великаго до воцаренія Екатерины II. Побѣги податныхъ губительно дѣйствовали на экономическое положеніе этого класса въ двоякомъ отношеніи: подати и повинности, приходившіяся на бѣглыхъ, обыкновенно раскладывались на оставшееся на мѣстѣ населеніе. Кромѣ того бѣглые, преслѣдуемые часто, какъ звѣри, въ наймахъ на разныя работы, естественно, не могли слишкомъ дорожиться; отъ этого то частные люди охотно принимали къ себѣ бѣглецовъ, безпаспортныхъ, такъ какъ трудомъ ихъ могли пользоваться за гораздо меньшую плату, чѣмъ какую должны бы были давать свободному, съ узаконеннымъ видомъ, работнику. Нуждавшіеся въ рабочей силѣ часто шли на перебой, чтобы оттянуть къ себѣ бѣглеца, такъ что правительство сочло себя вынужденнымъ составить особое положеніе о бѣглыхъ (1). Все это приводило къ

былъ объявить жившимъ тамъ русскимъ, что если кто изъ нихъ захочетъ возвратиться въ отечество, тому будетъ дана земля для населенія при крѣпости Св. Елизаветы и дарована будетъ льгота отъ податей на 6-ть лѣтъ (П. С. З. № 11265). Какъ мало помогли и эти всѣ мѣры, можно заключить изъ того, что въ 1762 г. вышелъ новый манифестъ, приглашавшій бѣглецовъ къ возвращенію въ отечество и свидѣтельствовавшій, что по прежнимъ призывамъ возвращалось въ Россію изъ за границы бѣглыхъ лишь небольшое число (П. С. З. № 11,456).

(1) «Къ великому нашему неудовольствію, говорится въ Имп. указѣ отъ 13 мая 1754 года,—извѣстились мы, что по дѣламъ въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ о бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ и объ отысканіи тѣхъ бѣглыхъ оказались ябедническіе и вымышленные поступки», заключавшіеся, какъ далѣе разсказывается въ томъ же указѣ, въ слѣдующемъ: извѣстный помѣщикъ, желая удержать за собою на всегда какого нибудь бѣглаго, объявлялъ, гдѣ слѣдуетъ, что это сынъ или внукъ тогда то бѣжавшаго отъ него человѣка. Этого берутъ, ведутъ въ судъ, и онъ, «яко подлый человѣкъ, страха ради, не зная, кому достанется, показываетъ, какъ приводцу его надобно»; чрезъ нѣсколько времени является другой претендентъ на этого человѣка, утверждаетъ, что это его бѣглый человѣкъ, или потомокъ бѣглаго, и тотъ теперь показываетъ въ судѣ, какъ этому новому господину хочется. «И тако кто бы тѣхъ бѣглыхъ ни привелъ, показываютъ такъ, какъ ихъ приводцы научатъ. Настоящіе же тѣмъ бѣглымъ

тому, что цѣна труда осѣдлаго населенія не могла быть высока.

Но болѣе всего вредъ для экономическаго положенія податныхъ, происходившій отъ побѣговъ, обусловливался тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе бѣглые, оставивъ общество, избирали средствомъ къ своему существованію незаконное и большею частію насильственное присвоеніе чужой собственности, становились ворами и разбойниками, при чемъ всего болѣе доставалось отъ такихъ людей сельскимъ обывателямъ, какъ

владѣльцы чрезъ немало прошедшія отъ начала писцовыхъ и переписныхъ книгъ лѣта тѣхъ перемѣнныхъ рѣчей и подбору испровергнуть не могутъ; ибо въ тѣхъ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ крестьяне по большей части писаны полуименами и безъ прозваній, къ тому же нѣкоторые изъ отвѣтчиковъ послѣ дѣдовъ и отцовъ своихъ остались въ малыхъ лѣтахъ, а какія у нихъ крѣпости и сдѣлки на людей и крестьянъ были, тѣ въ случавшіеся пожары сгорѣли и разными случаями утратились; оттого настоящіе владѣльцы теряютъ своихъ крестьянъ и сверхъ того пожилыя деньги платятъ». Этимъ же путемъ, разсказываетъ далѣе указъ, нѣкоторые успѣли оттягать себѣ цѣлыя деревни и села. Въ отвращеніе этихъ непорядковъ постановлено было: только тѣхъ бѣглыхъ отдавать по требованію просителей, которые за ними написаны во вторую и первую перепись, а по бывшимъ до 1719 г. писцовымъ и переписнымъ книгамъ отдачи не чинить; которые изъ бѣглыхъ по ревизіи 1719 года написаны за однимъ, и потомъ отъ нихъ бѣжали и написаны за другимъ, тѣхъ отдавать первому. Неномнящіе родства и незаконнорожденные должны быть за тѣми, за кѣмъ написаны изъ подушнаго оклада: также которые люди и крестьяне по первой переписи написаны за людьми, не имѣющими права на владѣніе деревнями и которые отъ тѣхъ людей отобраны, тѣмъ быть за тѣми, за кѣмъ потомъ написаны. За держаніе всякаго рода бѣглыхъ пожилаго править за мужскую душу 100 р., за женскую 50 р., на годъ, если незаконные владѣльцы не отвезутъ къ законнымъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Ежели въ пожалованныхъ разнымъ владѣльцамъ вотчинахъ явятся бѣглые, пришедшіе сюда до пожалованія, то они остаются тутъ. За бѣглыхъ людей и крестьянъ, которые съ сего указу приняты будутъ, брать за каждый годъ за каждую крестьянскую душу по 5 р., за женскую половину,

не имѣвшимъ почти никакихъ средствъ обороны противъ вооруженнаго врага. Разбойничество, наслѣдованное новой Россіей вмѣстѣ съ другими темными явленіями русской жизни отъ старой, не только въ покое время не ослабѣвало, но постоянно, по мѣрѣ усиленія неблагопріятныхъ для жизни простаго народа условій, болѣе и болѣе росло. Лютыя казни, назначавшіяся при Петрѣ Великомъ пойманнымъ разбойникамъ, сыщики, разосланные по областямъ для поимки воровъ, и другія мѣры, принятыя государемъ для искорененія зла,

---

съ условіемъ впрочемъ, если помѣщикъ не зналъ о принятіи въ его село бѣглыхъ; если же они будутъ приняты съ его вѣдома, то онъ штрафуется 200 р. за каждый годъ за каждую душу муж. пола, за женскую половиной того. Тоже постановлено было относительно бѣглыхъ, которые будутъ найдены въ дворцовыхъ волостяхъ, иновѣрческихъ и государственныхъ селахъ и деревняхъ, въ посадахъ и ямскихъ слободахъ. Съ духовныхъ властей, которыя позволятъ принимать въ вотчины свои бѣглыхъ, положено брать сверхъ пожилыхъ штрафъ въ 500 р. Кто же, чужаго подговоря и принявъ завѣдомо бѣглаго, кому воровски продастъ, въ рекруты отдастъ, заложитъ, назвавъ своимъ крѣпостнымъ, то бѣглаго отдать, чей былъ, а продавца бить кнутомъ и сверхъ того взыскать штрафъ за каждый годъ 200 р. У кого изъ бѣглыхъ явятся воровскія отпускныя, или кто имя себѣ перемѣнитъ и прямаго владѣльца утаитъ, про то слѣдовать на крѣпко, и ежели дойдетъ до пытки, то и пытать; и виновнымъ чинить наказаніе, бить плетьми, писать въ службу, а имѣніе отобравъ отдать прежнимъ владѣльцамъ. Относительно бѣглыхъ лицъ женскаго пола было поставлено: ежели крестьянки и дворовыя дѣвки и вдовы отъ кого бѣжали и вышли замужъ, то имъ быть за тѣми, за кѣмъ написаны ихъ мужья по первой и по второй ревизіи, а владѣльцамъ, отъ кого бѣжали, выдавать по 100 р. за каждую; въ случаѣ же неуплаты этой суммы онѣ возвращаются и съ мужьями къ прежнимъ владѣльцамъ. Владѣлецъ, выдавшій бѣглую за своего человѣка, лишается послѣдняго въ пользу того, чья была бѣглая. Бѣглыми не считать тѣхъ, которые отпущены самими владѣльцами для прокормленія работою, хотя бы и безъ паспортовъ, но не далѣе отъ жительства 30 верстъ. Бѣглыхъ на заводахъ, мануфактурахъ, фабрикахъ, которые по указамъ оставлены за этими заводами, мануфактура-

далеко, какъ онъ самъ долженъ былъ сознаться въ 1714 году, не приводили къ цѣли; онъ долженъ былъ объявить, что разбойники и тати не унялись и повсюду великія озлобленія и мучительства людямъ чинятъ, ѣздя многолюдствомъ вооруженною рукою; что ни жестокія казни, ни прощеніе не дѣйствуетъ на это зло, что «дневныхъ и ночныхъ разбоевъ и смертныхъ убійствъ повсюду зѣло много». «Во всѣхъ государствахъ христіанскихъ и басурманскихъ, писалъ подъ конецъ царствованія Петра Посошковъ, разбоевъ нѣтъ такихъ, каковы у насъ въ Руси»; при этомъ онъ замѣчаетъ, что отъ разбойниковъ терпѣли наиболѣе крестьяне: «по старому вездѣ разбои чинятся, деревни разбиваютъ и сожигаютъ и крестьянъ жгутъ... Нынѣ дьяволъ такъ ихъ (разбойниковъ) умножилъ, аще кой крестьянинъ хотя десятковъ пять шесть наживетъ, а воры ближніе то увѣдавъ, пришедъ на дворъ, да и совсѣмъ его разорятъ, и допытываясь денегъ многихъ и до смерти замучиваютъ, а сосѣди все слышатъ и видятъ, а на выручку къ сосѣду своему нейдутъ и ворамъ даютъ волю» (1). Послѣ Петра Великаго видимъ постоянныя жалобы и частныхъ лицъ и правительства, что зло это все болѣе и болѣе усиливается. Оно проникало повсюду; но главный притонъ, гдѣ оно дѣйствовало съ наибольшею опустошительно-

---

ми и фабриками, чьи бы они ни были, не могутъ требовать прежніе владѣльцы: если же окажется, что бѣглые указами не отданы, возвращать прежнимъ владѣльцамъ съ уплатою штрафа за каждый годъ за каждаго бѣглаго. Заводы и фабрики, учрежденныя послѣ 1736 года, могли оставить при себѣ бѣглыхъ, обученныхъ мастерству, съ уплатою владѣльцамъ по 50 р. за мущину, и по 25 р. за женщину. На будущее время заводамъ и фабрикамъ запрещено совершенно принимать бѣглыхъ подъ страхомъ штрафа 200 р. за каждый годъ за каждую душу. Всѣмъ бѣглымъ людямъ и крестьянамъ за побѣгъ при отдачѣ владѣльцамъ чинить наказаніе по волѣ ихъ владѣльцевъ или ихъ повѣренныхъ, а дворцовымъ, государственнымъ, архіерейскимъ, монастырскимъ крестьянамъ чинить наказаніе плетьми, потому что оные не ихъ собственные и чтобы по волѣ ихъ въ наказаніи излишняго крестьянамъ истязанія не было (П. С. З. № 10,233).

(1) Сочин. Ив. Посошкова, изд. М. Погодинымъ. М. 1842 г. стр. 9; 154, 166.

стію, былъ приволжскій край, область средней Волги, гдѣ въ разбойничествѣ принимали участіе и инородцы (¹). «Нынѣ извѣстно учинилось, читаемъ въ указѣ отъ 21 іюня 1728 года, что въ Пензенской провинціи и въ другихъ тамошнихъ низовыхъ уѣздахъ явились воры и разбойники, которые, ѣздя многолюдствомъ съ огненнымъ оружіемъ, многія села и деревни жгутъ и разоряютъ, а помѣщиковъ и крестьянъ мучатъ и до смерти побиваютъ и пожитки ихъ и скотъ грабятъ, а особливо тѣ воры болѣе пристанище имѣютъ въ селѣ Труевѣ... Такожъ, продолжаетъ далѣе указъ, объясняя тѣмъ невольно одну изъ ближайшихъ причинъ этого явленія въ поименованной имъ области,—Намъ Имп. В-ву били челомъ Арзамазскіе, Алатырскіе, Саранскіе, Пензенскіе, Симбирскіе помѣщики, что въ тѣхъ уѣздахъ, во многихъ ясачныхъ селахъ и деревняхъ, и въ Самарскомъ уѣздѣ и въ низовыхъ вотчинахъ, что были Меньшикова, живутъ многіе всякіе бѣглецы, и на старыя жилищи не вывезены, да вновь поселились въ Пензенскомъ уѣздѣ въ ясачномъ селѣ Труевѣ, Нарышкино тожъ, года съ четыре всякаго многонароднаго народа съ пять тысячъ человѣкъ, и живутъ въ горахъ и въ земляныхъ избахъ и въ лачугахъ, а другіе поселились въ пустыхъ мѣстахъ на вершинѣ рѣки Хопра и по двумъ рѣчкамъ Сестрепицамъ и на рѣкѣ Терешкѣ и нынѣ вновь селятся на рѣчкѣ Печалайкѣ и по другимъ урочищамъ (²). «Указано было генералъ-фельдмаршалу кн. М. М. Голицину для поимки и искорененія всѣхъ воровъ и разбойниковъ разослать въ тѣ уѣзды генералъмаіоровъ или полковниковъ воровскіе и разбойническіе станы разорить до основанія; въ тоже самое время Казанскій губернаторъ Волынскій получилъ предписаніе разорить поселенія бѣглыхъ, самихъ бѣглыхъ, бивъ кнутомъ, разослать на преж-

---

(¹) Миллеръ, говоря о нравахъ инородцевъ, жившихъ въ области Волги, удостовѣряетъ, что «они склонны къ воровству, только не умѣютъ красть съ должною осторожностію, ибо очень часто ихъ въ татьбѣ ловятъ»; что «нѣкоторые изъ нихъ по дорогамъ чинятъ и разбои, къ чему иногда ихъ привлекаетъ крайнее ихъ убожество». (Описаніе языческихъ народовъ стр. 43. Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увесел. служащія за 1756 г.).

(²) П. С. З. № 5290.

нія жилища (1). Неизвѣстно, какъ дѣйствовали во исполненіе этихъ предписаній Голицынъ и Волынскій; извѣстно то, что жалобы, что отъ разбойниковъ нѣтъ житья, не прекращались послѣ этого, что и «понынѣ, какъ объявлялось въ указѣ отъ 6 іюня 1731 года, во многихъ уѣздахъ воровство и разбои не престаютъ и отъ времени до времени умножаются (2). Велѣно было самимъ жителямъ, воеводамъ, полкамъ, расположеннымъ по квартирамъ въ уѣздахъ, совокупными силами истреблять этихъ внутреннихъ враговъ; для усиленія полицейскаго надзора, чтобы нигдѣ не держали подозрительныхъ людей, указомъ 1733 года 23 апрѣля велѣно было почти по всѣмъ губернскимъ и провинціальнымъ городамъ поставить полицеймейстеровъ съ командами; пойманныхъ разбойниковъ наказывали безъ милосердія, вѣшали, сажали живыми на колъ и подвергали страшнымъ пыткамъ. Но разбои, утихавшіе вслѣдствіе такихъ мѣръ въ одномъ мѣстѣ, проявлялись въ другомъ; убавилось разбойниковъ на Волгѣ, за то умножилось около Москвы и въ Московской губерніи. Въ 1732 году приходилось учредить безпрестанные разъѣзды въ Московской губерніи для искорененія разбоевъ (3). Въ 1734 году дерзость разбойниковъ дошла до того, что они посылали къ тогдашнему Московскому главнокомандующему три письма съ требованіемъ высылки денегъ къ нимъ въ воровскую компанію съ великимъ устрашеніемъ (4). Въ 1735 году признано нужнымъ вырубить по Новгородской дорогѣ лѣса на 30 саженъ въ ту и другую сторону, потому что сдѣлалось извѣстно, что тутъ «умножились воровскія компаніи и чинятся многіе грабежи и разбои, а проѣзжающимъ по той дорогѣ людямъ отъ такого воровскаго ихъ нападенія остеречься не можно, ибо тѣ мѣста лѣсистыя и дороги узкія, и тѣ воры и разбойники отъ того случай имѣютъ къ уходу» (5). Въ 1737 году увидѣли надобность разставить гвардейскіе пикеты въ самомъ С. Петербургѣ, потому что Е. И. В-ву извѣстно учи-

---

(1) П. С. З. № 5290.

(2) Тамже № 5774.

(3) Тамже № 6212.

(4) Тамже № 6645.

(5) Тамже № 6822.

нилось, что по Невскому проспекту и также на погорѣлыхъ мѣстахъ бываютъ драки и грабежи (1). Лѣтъ черезъ шесть правительство узнало, что разбои опять умножились въ Приволжьи. «Извѣстно намъ учинилось, писала императрица Елизавета въ августѣ 1744 года, что въ низовыхъ городахъ во многихъ мѣстахъ немалыя компаніи разбойниковъ умножились, ходятъ человѣкъ по 50 и больше и не только плывущія по рѣкамъ суда, но и деревни разбиваютъ, людей мучительски жгутъ и побиваютъ, а поисковъ за такими злодѣями ни откуда не имѣется, а губернаторы и воеводы того не смотрятъ и никакихъ къ искорененію того способовъ по должности своей не употребляютъ». За тѣмъ въ указѣ приводятся факты въ подтвержденіе этого: на директора китайскаго каравана, отправленнаго изъ Москвы въ Сибирь, на пути до Казани въ разныхъ мѣстахъ дѣлались разбойническія нападенія, и онъ могъ спастись съ своимъ судномъ, только благодаря тому, что оно хорошо было вооружено; этотъ директоръ, донося обо всемъ этомъ, свидѣтельствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что съ нимъ повстрѣчалось болѣе 50 судовъ, разбитыхъ и ограбленныхъ, на которыхъ онъ видѣлъ много раненыхъ людей. Кромѣ того, прибавляется въ указѣ, «не безъизвѣстно есть, что и въ другихъ мѣстахъ, особливо около Вышняго Волочка, такіе злодѣи являются» (2), что, какъ свидѣтельствуетъ другой указъ, являлись многолюдныя вооруженныя ихъ станицы, которыя не боялись съ посланными противъ нихъ военными отрядами вступать въ бой (3). Въ виду такихъ фактовъ императрица приказала Сенату принять энергическія мѣры къ искорененію зла. Назначены были особые сыщики воровъ изъ штабъ-офицеровъ съ командами, которымъ обязаны были содѣйствовать въ поимкѣ разбойниковъ не только всѣ областные власти, но и частные люди; имъ предоставлено было останавливать и допрашивать, даже съ пыткою, всякаго безпаспортнаго и всякаго вообще, кто покажется подозрительнымъ; не смотря ни на какія персоны производить строгое изслѣдованіе, если будетъ дознано, что кто даетъ притонъ бѣглымъ и ворамъ; относительно разбой-

---

(1) П. С. З. № 7458.

(2) Тамже № 9020.

(3) Тамже № 9026.

ническихъ станицъ имъ вмѣнено въ обязанность тщательно ихъ изыскивать и, ежели гдѣ про такія станицы увѣдано будетъ, какъ можно стараться на оныя напасть и ихъ искоренить, а болѣе домогаться ихъ воровъ живыхъ получить, а особливо воровскихъ атамановъ и затѣмъ, произведя строгій розыскъ, тѣхъ злодѣевъ содержать подъ крѣпкимъ карауломъ скованныхъ, дабы никто изъ нихъ утечки учинить не могъ» (1). Вмѣстѣ съ этимъ сенатъ распорядился послать въ города особыхъ слѣдователей для изслѣдованія о прежнихъ сыщикахъ, а равно о воеводахъ и губернаторахъ, для чего дѣйствовали слабо и тѣмъ допустили умноженіе воровскихъ компаній, и почему вторые по должности своей не прилагали старанія къ искорененію этихъ компаній (2). Кажется, эти мѣры произвели должное дѣйствіе: воровъ и разбойниковъ ловилось много, такъ что въ С. Петербургѣ при полиціи потребовалось учредить особую экспедицію для розысковъ по дѣламъ о разбояхъ (3); но такое дѣйствіе указанныхъ мѣръ было только временное. Прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ не слышно было жалобъ на крупныя грабительства,—и разбойничество вновь принимаетъ широкіе размѣры, обозначившись, какъ и прежде, наиболѣе въ области Волги. Въ 1751 году полковникъ Чемодуровъ, приставленный смотрѣть за заготовленіемъ и транспортированіемъ Элтонской соли, доносилъ Сенату: «на судахъ, слѣдующихъ Волгою до разныхъ городовъ, чинятся отъ воровъ и разбойниковъ многія грабительства и смертныя убійства, а работные люди, коимъ бы по множеству ихъ противъ нападающихъ воровъ и разбойниковъ безсомнительно обороняться можно было, никакого храненія тѣмъ судамъ и хозяевамъ не чинятъ, а другіе тѣмъ злодѣямъ помощь подаютъ» (4). Далѣе слѣдуютъ извѣстія, что опредѣленныя къ сыску и искорененію воровъ и разбойниковъ команды были разбиваемы ими, что разбойническія шайки дѣлаютъ нападенія уже на города. Въ 1756 году появилась выше Нижняго шайка въ 80 человѣкъ, которая, плавая на

---

(1) П. С. З. № 9026.

(2) Тамже № 9020.

(3) Тамже № 9284.

(4) Тамже № 9851.

двухъ лодкахъ, вооруженныхъ пушками, производила не малые разбои. Свѣдавъ о томъ, премiеръ-маiоръ Бражниковъ, нижегородскiй сыщикъ, съ своею командою пошелъ на эту шайку, но былъ розбойниками разбитъ и, потерявъ 27 человѣкъ убитыми и потопленными и 5 ранеными, долженъ былъ ретироваться, не отважившись преслѣдовать злодѣевъ, которые между тѣмъ поплыли внизъ по Волгѣ. Нижегородскiя власти не приняли никакихъ мѣръ къ прегражденiю дороги разбойникамъ, и тѣ потому безпрепятственно прошли мимо Нижняго. У нихъ были дерзскiе замыслы, что объяснилось по слѣдующему случаю. Одинъ изъ разбойниковъ, появившiйся въ Чебоксарахъ, былъ тутъ схваченъ и на допросѣ съ пытки показалъ, что онъ де Оренбургской губернiи, Челябинской пристани, бѣглый съ завода Демидовыхъ, что разбойническая партiя, къ которой онъ принадлежалъ, остановилась ниже города Чебоксаръ въ числѣ 56 человѣкъ, что при нихъ двѣ лодки, вооруженныя 6 пушками, и онъ отъ той воровской партiи посланъ самъ-третей въ Чебоксары, чтобы въ ночь на 28 мая зажечь этотъ городъ, а товарищи его хотѣли быть для разбоя, какъ загорится городъ, сухимъ путемъ и водою, а двое его спутниковъ, не ходя въ Чебоксары, остались въ потаенномъ мѣстѣ, что кромѣ ихъ разбойнической партiи выше Нижняго стоитъ другая въ двухъ лодкахъ, также вооруженныхъ, въ числѣ 34 человѣкъ, и согласiе имѣли обѣ партiи соединиться въ Нижнемъ Услонѣ и ѣхать до Астрахани и дорогою чинить разбои». Эти извѣстiя заставили Сенатъ усилить на Волгѣ военныя средства: предписано было въ подкрѣпленiе маiору Бражникову присоединить потребное количество людей изъ сыскныхъ командъ губернiи Казанской и провинцiй: Рязанской, Арзамазской, Алаторской, Пензенской, Свiяжской и Симбирской; кромѣ того велѣно было командировать къ нему изъ расположенныхъ въ Казани полковъ 200 человѣкъ солдатъ съ полнымъ числомъ оберъ и унтеръ-офицеровъ. Между тѣмъ какъ правительство сосредоточивало все свое вниманiе на самой Волгѣ, въ убѣжденiи, что здѣсь гнѣздо разбойничества, изъ другихъ мѣстъ Поволжья получены были жалобы, что нѣтъ житья отъ грабителей, и нѣтъ средствъ бороться съ ними. Алаторская провинцiальная канцелярiя представляла: въ Алаторѣ при 96 человѣкъ военной команды нѣтъ ни одного годнаго ружья, и пороху и свинцу, шпагъ и аммуничныхъ вещей неимѣется; вслѣдствiе этого разбойническiя партiи по рѣкѣ Сурѣ безбоязненно чинили гра-

бительства, частныхъ лицъ и казенныя суда разбивали и многія смертныя убійства чинили; такъ въ мартѣ 1756 года почнымъ временемъ разбили въ городѣ Алаторѣ провинціальный магистратъ и взяли денежной казны 949 р. 57 к.. Кромѣ того поданными отъ людей разныхъ чиновъ явочными прошеніями въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ объявлены были чинимые разбои, пожегъ и смертное убивство воровскими людьми, и для поиску оныхъ злодѣевъ по необходимости были посыланы унтеръ-офицеры съ солдатами и обывателями только съ одними копьями и рогатинами» (1). Послѣ этого послѣдняго заявленія нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что, какъ значится въ именномъ указѣ, состоявшемся въ ноябрѣ того же года,—хотя изъ тѣхъ злодѣевъ нѣсколько человѣкъ и пойманы и затѣмъ пытаны, однакожъ тѣ воровскія станицы въ конецъ не искоренены, и оговоренные многіе не сысканы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ около Москвы, появились вновь таковыя же розбойническія станицы (2). «Правительство тогда приняло чрезвычайныя мѣры къ искорененію зла. Вся Европейская Россія была раздѣлена на четыре военно-полицейскихъ округа, изъ которыхъ въ каждомъ дѣло «преслѣдованія и искорененія воровъ и разбойниковъ, бѣглыхъ драгунъ, солдатъ и матросовъ и прочихъ непотребныхъ людей» возложено было на особливыхъ главныхъ сыщиковъ, назначенныхъ изъ лицъ высокихъ ранговъ. Нижегородская, Казанская вмѣстѣ съ губерніями Оренбургской и Астраханской поручены были вѣдѣнію въ этомъ отношеніи Д. С. С. Болотову. Этимъ сыщикамъ, снабженнымъ военными командами, подчинены были прежніе сыщики съ ихъ командами; губернаторы и воеводы, по дѣлу искорененія разбоевъ, поставлены были также въ подчиненное къ нимъ отношеніе, обязаны были немедленно и безпрекословно исполнять всѣ требованія ихъ; наконецъ, какъ было не разъ и прежде, все населеніе имперіи призвано было къ борьбѣ съ разбойниками: кромѣ того, что податные обязаны были исполнять немедленно каждое требованіе главныхъ сыщиковъ, города, села и деревни должны были сами, независимо отъ требованій сыщиковъ, высылать вооруженныя партіи для поимки разбойниковъ и переловленныхъ препро-

---

(1) П. С. З. № 10,612.

(2) Тамже № 10,650.

вождать подъ крѣпкимъ карауломъ къ сыщикамъ, или въ губернскія канцеляріи. При этомъ нашли нужнымъ прибавить и угрозу за неисполненіе этого предписанія. «Ежели, угрожалъ указъ, для поимки такихъ злодѣевъ кто ходить не будетъ и въ томъ изобличенъ будетъ, тѣмъ, кои не изъ дворянъ, чинить наказаніе плетьми, а кто изъ дворянъ или чиновниковъ, то о винахъ ихъ писать въ Сенатъ» (1). Года на два вслѣдствіе, надо полагать, этихъ мѣръ разбойничество поутихло; но мѣры эти были ослаблены, и оно опять поднялось. Въ 1759 году именный указъ возвѣщалъ, что «по Московской дорогѣ, да и по близости отъ С. Петербурга чинятся явные разбои и грабежи, что разбойники вооружены тесаками и пистолетами, и для искорененія воровъ и разбойниковъ существовало прежде при главной полиціи двѣ роты драгунъ, которыхъ теперь нѣтъ» (2). Чрезъ нѣсколько времени въ томъ же году императрица опять писала въ указѣ: «извѣстно намъ, что во многихъ провинціяхъ, а особливо Московской и около Новгорода Великаго великіе разбои завелись, и чинятся ужасныя грабительства и разоренія и мучительства какъ проѣзжающимъ, такъ и живущимъ по деревнямъ помѣщикамъ» (3). Такъ было зло крѣпко; оно было крѣпко вслѣдствіе крѣпости порождавшихся условіями общественной жизни причинъ; но не мало опустошительности, съ которой оно дѣйствовало, способствовало и свойство тогдашняго полицейскаго смотрѣнія въ государствѣ. Очевидно изъ изложенныхъ касательно разбойничества данныхъ, что и правительство и его органы, и общество принимались искоренять зло, когда оно дѣлалось чрезъ-чуръ опаснымъ, и затѣмъ обращались къ бездѣйствію по отношенію къ нему, или вели дѣло кое какъ, лишь бы исполнить форму. Выдержанной, послѣдовательной системы дѣйствій по отношенію вообще къ явленіямъ, которыя служатъ помѣхой для общественной безопасности и благоустройства, не явило ни общество, ни правительство въ періодъ времени отъ Петра Великаго до воцаренія Екатерины II. Въ тогдашнее время и долго потомъ спустя мы начинали заботиться о мѣрахъ къ предупрежденію пожаровъ,

---

(1) П. С. З. № 10,650.

(2) Тамже № 9959.

(3) Тамже № 11,001.

когда сгорало нѣсколько городовъ (¹), принимались заботиться о сбереженіи скота и объ удаленіи причинъ, порождавшихъ

(¹) Пожары были часты; они происходили прежде всего отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ. Въ 1742 году Е. И. В-во сама усмотрѣть изволила, что въ Москвѣ по улицамъ ночью близъ строенія кладены были огни, и при нихъ никого не было (П. С. З. № 8523). Но главную причину искали въ злонамѣренныхъ поджогахъ, что было не безъосновательно. Вслѣдствіе той или другой изъ этихъ причинъ были значительные пожары: въ 1736 году въ С. Петербургѣ,—который подалъ поводъ къ предписанію, чтобы обыватели рыли у себя на дворахъ колодцы, чтобы продавцы строительныхъ матеріаловъ и съѣстныхъ припасовъ не пользовались этимъ несчастіемъ для своего обогащенія, не возвышали цѣнъ за свой товаръ (Тамже № 7032; 7033; 7035) и чтобы погорѣвшіе строили дома такъ, чтобы улицы были шире (Тамже № 7061). Въ 1737 г. случился сильный пожаръ въ Москвѣ, на пожарищахъ которой появились грабежи (Тамже № 7270). Въ томъ же году въ Петербургѣ обозначились признаки, что сюда явились поджигатели (Тамже № 7272), а за тѣмъ вскорѣ случился сильный пожаръ, произведенный поджигателями, которыми явились два крестьянина, казненные за это, пожаръ — вызвавшій распоряженіе объ устройствѣ площади въ городѣ для безопасности отъ пожару и объ осматриваніи на обывательскихъ дворахъ трубъ и печей каждую четверть года (Тамже № 7304; 7343; 7390; 7405). Въ 1739 году въ Москвѣ опять повторились пожары; въ предупрежденіе поджоговъ велѣно содержать денно и ночно караулы (Тамже № 7803). Полиціи вмѣнено въ обязанность наблюдать, чтобы ни у кого огня лѣтомъ въ поварняхъ не было, а у подлыхъ людей и въ хоромахъ свѣчь позднѣе 9 часовъ отнюдь не было (Тамже № 7857). Нѣсколько указовъ 1748 года свидѣтельствуютъ, что въ Москвѣ были тогда частые пожары отъ поджоговъ, вслѣдствіе чего разставлены были пикеты, чтобы никакой злодѣй вкрасться и такое зло учинить не могъ (Тамже № 9503; 9505). Въ 1752 году горѣли отъ великихъ жаровъ, отъ запаленія и небреженія лѣса (Тамже № 10,014). Въ томъ же году начались пожары и въ Москвѣ, которые повторились и въ слѣдующемъ, при чемъ оказалось, что при полиціи не было парусныхъ щитовъ, хотя указы неоднократно требовали, чтобы при каждой полицейской командѣ было

падежъ его, когда это бѣдствіе постигало уже насъ (¹); мы выражали заботливость нашу о народномъ здравіи въ то время, когда слишкомъ намъ бросалась въ глаза смертность, происходившая въ народѣ отъ эпидемій или вслѣдствіе совершеннаго пренебреженія требованіями гигіены и медицинской полиціи (²), а дотого времени мы позволяли себѣ, какъ было и

ихъ не менѣе, какъ по 6-ти (Тамже 10,014; 10,139; 10,245). Въ 1761 году это бѣдствіе посѣтило Петербургъ (Тамже № 11258). Въ областяхъ пожары были не менѣе часты и опустошительны (Тамже № 9526), что заставило правительство предписать исполненіе мѣръ предупрежденія, указанныхъ Петромъ Великимъ (Тамже № 9510; 10324; 10134).

(¹) Особенно сильно было это бѣдствіе въ 1756 году, когда скотъ падалъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Тогда замѣтили, что до того времени мало обращали вниманіе на законы Петра Великаго относительно предупрежденія этой бѣды, что палыхъ лошадей и скотину бросали безъ разбору, гдѣ попало, не зарывая въ землю, что даже въ Петербургѣ бросали падаль по улицамъ (П. С. З. № 10,432; 10,581; 11,282).

(²) Въ мартѣ 1737 года изъ Пскова было получено извѣстіе, что тамъ заболѣло головною болью одновременно 355 человѣкъ, изъ которыхъ 8 человѣкъ умерло, и что болѣзнь часъ отъ часу все усиливается, а въ Псковѣ ни докторовъ, ни лѣкарей не имѣется. Просили медицинскую канцелярію прислать доктора; та отвѣчала, что у ней лишнихъ врачей нѣтъ. Задали вопросъ въ Петербургѣ: нельзя ли командировать врачей въ Псковъ изъ другихъ городовъ; но по справкѣ оказалось, что въ губерніяхъ и провинціяхъ кое-гдѣ имѣются пока только вольныя аптеки, но что тамъ и понынѣ особливыхъ докторовъ не содержано (П. С. З. № 7245). Тогда рѣшились назначить въ города врачей. Недостатокъ въ людяхъ, посвящавшихъ себя этой профессіи, побудилъ правительство въ царствованіе Елизаветы запретить сыновьямъ врачей поступать въ другія вѣдомства, кромѣ медицинскаго (П. С. З. № 10,872). Такъ какъ, понятно, такимъ способомъ нельзя было добыть довольное количество врачей, то для пополненія недостатка въ нихъ обратились къ семинаристамъ, которыхъ привлекали къ ученію медико-хирургіи и фармаціи въ госпиталяхъ и за границей разными привиллегіями (П. С. З.

встарину, бросать нечистоты, гдѣ попало, допускали продавать съѣстные припасы дурнаго качества, лѣчились у доморощенныхъ знахарей, или у шарлатановъ иностраннаго происхожденія (1), къ врачамъ, приготовленнымъ во время Петра Великаго относясь съ пренебреженіемъ, трактуя ихъ подъ часъ какъ лакеевъ (2); мы начинали заботиться о мѣрахъ къ народному продовольствію только тогда, когда уже голодъ производилъ свое опустошительное дѣйствіе (3), слѣдить за исправностію мос-

---

№ 10,521; 11,227; 11,250). — Особенно много умирало дѣтей отъ оспы, кори и лопухи (о мѣрахъ противъ нихъ см. П. С. З. № 10,387; 10,476).

(1) П. С. З. № 10,345. 10,586.

(2) Въ одномъ указѣ 1737 года говорится, что штабъ-офицеры не токмо ихъ, какъ лѣкарей, содержатъ, но многихъ, какъ камердинеровъ, употребляютъ, заставляютъ ихъ и парики исправлять, а которые лѣкари предъ своими штабами излишней услужливости не показываютъ, на такихъ нападаютъ и ихъ по своимъ изволамъ штрафуютъ и безчестятъ (П. С. З. № 7162). Врачи, опредѣленные вслѣдствіе указа 1737 г. по городамъ для пользованія обывателей, были не въ лучшемъ положеніи. Магистраты, которые должны были имъ платить жалованье (12 р въ мѣсяцъ и квартира), по своему упрямству сплошь да рядомъ не исполняли этой обязанности, такъ что тѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ и даже годамъ оставались безъ содержанія (П. С. З. № 11,086).

(3) Страшный голодъ былъ въ 1734 году (П. С. З. № 6569; 6653); въ 1741 году былъ плохой урожай (П. С. З. № 8430); въ 1748 году въ Малороссіи саранча поѣла всю растительность; въ слѣдующемъ году неурожай былъ почти вездѣ въ Россіи, такъ что въ иныхъ мѣстахъ люди съ голоду умирали (П. С. З. №9507. 9668. 9590. 9652. 9615. 9630. 9635). Въ 1751 году повторился голодъ. Дѣйствіе этихъ неурожаевъ на экономическій бытъ указъ 1761 г. 14 февраля изобразилъ такъ: «тогда многіе жители, а особливо крестьяне (не упоминая имъ другихъ отъ того злоключеній), на покупку себѣ для пропитанія хлѣба всего своего иждивенія, въ томъ числѣ лошадей и прочаго домоваго скота лишаясь, и въ послѣдующіе потомъ хлѣбородные годы пашенныя земли отъ изнеможенія оставляли не посѣянными». Въ предупрежденіе губительныхъ дѣйствій голода на будущее

товъ и дорогъ, когда гдѣ нибудь обрушивался мостъ и погибали десятки людей, или когда узнавали, что по извѣстной дорогѣ поѣдетъ важная персона (¹); въ это время мы страшно суетились, вспоминали указы Петра Великаго и, пожалуй, дѣйствовали энергически; но проходила бѣда, и мы бросали все сдѣланное нами къ ослабленію ея дѣйствія и къ предъупрежденію ея на будущее время, дожидаясь новыхъ уроковъ. Такъ было и съ разбойничествомъ: ополчались противъ него, заводили нужные порядки, чтобы это зло не распространялось сильно на будущее время, только тогда, когда до правительства доходили свѣдѣнія о необыкновенномъ усиленіи его, и затѣмъ, нѣсколько обуздавъ его, складывали руки. Тюрьмы

время Сенатъ въ этомъ году обязалъ владѣльцевъ имѣть въ запасѣ хлѣба на годичное продовольствіе и на будущій посѣвъ (П. С. З. № 11,203).

(¹) Относительно путей сообщенія послѣ Петра Великаго ничего не было сдѣлано новаго; напротивъ многія его великія начинанія и планы относительно этой части государственнаго управленія были оставлены безъ вниманія. Только посчастливилось Ладожскому и Кронштадтскому каналамъ. Сухопутныя дороги были также въ пренебреженіи. Заботились объ исправности только главной, соединявшей двѣ столицы, дороги, и то безъ особеннаго успѣха. Въ 1753 году Сенатъ въ указѣ своемъ писалъ, что ему извѣстно стало, что отъ Москвы до С. Петербурга чрезъ Новгородъ дорога и на ней мосты весьма плохи, и въ проѣздѣ людямъ чинится остановка, и предписалъ исправить ихъ (П. С. З. № 10,107). Тогда учреждена была особая канцелярія отъ строеній государственныхъ дорогъ, которая ввѣрена была генералу Фермору; отпущено изъ казны немало денегъ для дорожнаго дѣла; прикомандированъ для исправленія дороги цѣлый баталіонъ солдатъ (П. С. З. 11,163). Въ 1760 году велѣно было озаботиться, чтобы по всѣмъ большимъ дорогамъ въ селахъ и слободахъ мосты были исправлены насчетъ обывателей (П. С. З. № 11,161), при чемъ владѣльцы лѣсовъ не могли запрещать рубить въ ихъ дачахъ бревенчатый лѣсъ на мосты и мелкій на фашины (11,172). Въ этомъ же году по случаю проѣзда Грузинскаго владѣльца Теймураза догадались, что не мѣшаетъ по дорогѣ отъ Астрахани до Москвы на почтовыхъ станахъ построить дома для ночлеговъ (П. С. З. № 11,268).

представляли жалкій видъ; надъ ними смѣялись колодники, которые иногда разбрасывали ихъ по частямъ; въ конвои, сопровождавшіе колодниковъ, назначалось число солдатъ часто безъ всякаго соображенія съ количествомъ препровождаемыхъ преступниковъ; случалось, эту обязанность возлагали на старыхъ и дряхлыхъ солдатъ, и колодники на пути разбѣгались совершенно безпрепятственно (¹), возвращались въ прежнія свои воровскія станицы, или составляли новыя на бѣду народную. Но бѣда отъ разбойниковъ не ограничивалась тѣмъ, что они грабили имущество, жгли селенія и города, убивали людей: и схваченный, закованный въ кандалы, разбойникъ и воръ находилъ возможность быть страшнымъ врагомъ общественнаго спокойствія и благосостоянія; онъ находилъ эту возможность въ нравахъ общества, допускавшаго существованіе «*Слова* и *дѣла*», довольствовавшагося такимъ судебнымъ устройствомъ, при которомъ каждый негодяй могъ честнаго человѣка привлечь въ застѣнокъ: стоило только обвинить его въ какомъ либо тяжкомъ преступленіи. До какой степени усердія розбойники и воры пользовались этимъ недостаткомъ общественной жизни во вредъ же обществу, можно видѣть изъ слѣдующаго оффиціальнаго свидѣтельства. «Извѣстно Намъ учинилось, читаемъ въ Указѣ отъ 16 апрѣля 1730 г., что многіе колодники, которые сидятъ подъ карауломъ въ разбояхъ, смертныхъ убійствахъ, кражахъ и въ другихъ многихъ воровствахъ и злодѣйствахъ и каторжные невольники, которые за такія

(¹) Прапорщикъ Петровъ, препровождавшій въ 1761 году колодниковъ изъ Новгорода въ С. Петербургъ, на 48 человѣкъ имѣлъ конвой, состоявшій изъ 11 солдатъ; въ деревняхъ проводниковъ ему не давали; на дорогѣ 16 человѣкъ колодниковъ, изломавъ колодки, учинили побѣгъ; когда онъ за ними съ солдатами погнался, то они, увидя и схватя близъ дороги лежавшія колья, стали поимкѣ ихъ противиться, и тѣми кольями какъ его Петрова, такъ и солдатъ его команды били, и ушли въ лѣсъ. Въ томъ же году изъ другой партіи колодниковъ по тому же тракту изъ 17 человѣкъ приведено только 9, а 8 бѣжали. По изслѣдованіи этого обстоятельства, сдѣланному Военной коллегіей, оказалось, что конвойные, кромѣ того, что ихъ было мало, были «престарѣлы, увѣчны, по старости и дряхлости почти съ нуждою хожденіе имѣютъ» (П. С. З. № 11,385).

жъ тяжкія вины уже сосланы на работу, сказываютъ за собою Наше слово и дѣло по первымъ двумъ пунктамъ, для того изъ дальнихъ губерній и провинцій присылаются къ Москвѣ въ Сенатъ, и до подлиннаго дѣла окончанія многія чинятся розыски и пытки, гдѣ и невинные по оговорамъ ихъ напрасно претерпѣваютъ, и по окончаніи дѣлъ по тѣмъ ихъ доносамъ является, что все то сказывали, затѣвая умышленно, ложно, отбывая воры и разбойники пытокъ и смертной казни, продолжая тѣмъ животъ свой, а каторжные невольники избавляяся отъ каторжной работы. Такожъ и всякихъ чиновъ люди, которые хотя и не колодники, такія же великія дѣла ложно затѣваютъ по злобѣ и по ссорѣ, желая кого привести къ напрасному истязанію (1)».

Кромѣ разсмотрѣнныхъ условій, какъ особыхъ, такъ и общихъ съ податными русскаго происхожденія, въ которыя поставлена была въ занимающій насъ періодъ времени общественно-экономическая жизнь инородцевъ области Средней Волги, эта сторона ихъ быта въ весьма значительной степени опредѣлялась свойствомъ того просвѣтительнаго русскаго движенія, которое въ эту эпоху было направлено на нихъ и къ разсмотрѣнію котораго мы теперь должны обратиться.

---

(1) П. С. З. № 5528. См. также № 6325. 9989.

ГЛАВА II.

Просвѣтительная дѣятельность Русскихъ въ новое время по отношенію къ инородческому населенію области средней Волги.

Просвѣтительное русское движеніе въ Приволжскій край при Петрѣ Великомъ. Первоначальный характеръ его. Просвѣтительная дѣятельность митрополита Тихона и іеромонаха Алексѣя Раифскаго и ея результаты. Льготы новокрещенымъ. Мнѣнія современниковъ о необходимости, въ интересахъ православія, школьнаго обученія инородческихъ дѣтей. Дѣятельность на этомъ пути миссіонеровъ.

Причины медленности распространенія христіанства между иновѣрцами области средней Волги въ эпоху Петра В. и остановки просвѣтительнаго движенія при его ближайшихъ преемникахъ. Отношеніе преемниковъ преосв. Тихона къ просвѣтительному вопросу. Состояніе Русскаго духовенства въ первые сорокъ лѣтъ XVIII столѣтія: малообразованность его, тяжолое его общественно-экономическое положеніе; мѣры Петра В. къ улучшенію быта духовенства; разборъ духовенства и результаты его. Раздача льготъ новообращеннымъ на практикѣ.

Просвѣтительное движеніе сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія. Великій внѣшній успѣхъ этого движенія. Способы обращенія: миссіонеры и просвѣтительныя средства; вліяніе на успѣхи дѣла обращенія сожительства

иновѣрцевъ съ русскими; гражданскія мѣры къ обращенію; мѣры къ обращенію магометанъ и причины ихъ малоуспѣшности. Способы внутренняго просвѣщенія новообращенныхъ: проповѣдь миссіонеровъ; школьное ученіе новокрещенскихъ дѣтей; сближеніе новокрещенцевъ съ Русскими и отдѣленіе ихъ, посредствомъ переселенія, отъ невѣрныхъ. Малоуспѣшность этихъ мѣръ. Дѣйствіе просвѣтительнаго движенія на общественно-экономическій бытъ инородцевъ. Остановка въ 1755 году этого движенія и ближайшая причина того.

Петръ Великій вполнѣ сочувствовалъ стремленію своихъ предковъ,—не совсѣмъ впрочемъ удававшемуся,—распространить Православную вѣру среди языческаго и магометанскаго населенія государства. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что на Русскомъ обществѣ лежитъ обязанность христіанскаго воспитанія языческихъ и магометанскихъ народовъ, которые ходомъ историческихъ событій соединены съ нимъ въ одно государство. Но изъ всѣхъ способовъ, которымъ слѣдовали въ Московской Россіи въ дѣлѣ обращенія иновѣрцевъ ко Христу, онъ почиталъ наиболѣе вѣрнымъ и сообразнымъ съ достоинствомъ господствующей вѣры проповѣдь слова Божія чрезъ служителей церкви, добровольно и искренне принимаемую обращаемыми. Въ первые годы послѣ того, какъ въ его время открыто было наступательное движеніе противъ язычества и магометанства, правительство его усвояло этому принципу такое значеніе, что, кажется, отрицало всѣ другія вспомогательныя средства, которыми прежде, да и потомъ считали нужнымъ снабжать проповѣдниковъ Евангельскаго ученія инородческому населенію (1). Но чтобы въ великомъ дѣлѣ про-

---

(1) По крайней мѣрѣ Сибирскій митрополитъ Филоѳей, поставленный на Сибирскую архіерейскую каѳедру главнымъ образомъ за тѣмъ, чтобы «приводить иновѣрцевъ въ познаніе и служеніе и поклоненіе истиннаго живаго Бога», получилъ, между прочимъ, такую инструкцію изъ Сибирскаго приказа: «которые иноземцы хотятъ волею своею креститься, и ихъ крестить; а неволею никакихъ иноземцевъ не крестить, и ясакъ съ нихъ не складывать,

свѣщенія язычниковъ и магометанъ достигнуть замѣтныхъ результатовъ, слѣдуя исключительно этому способу ихъ обращенія, для этого, конечно, нужно было прежде всего имѣть достойныхъ и способныхъ миссіонеровъ.

Этой потребности удовлетворить до нѣкоторой степени нашли возможность: между великороссійскими и малороссійскими духовными нашли нѣсколько достойныхъ пастырей, понимавшихъ всю важность просвѣтительнаго вопроса и способныхъ съ безкорыстнымъ усердіемъ вести дѣло проповѣди Евангельскаго ученія среди инородческаго населенія государства. На долю главнаго центра иновѣрческаго населенія области средней Волги,—Казани достался одинъ изъ знаменитѣйшихъ архипастырей петровской эпохи. Преосвященный Тихонъ, назначенный на Казанскую митрополію въ мартѣ 1699 года и занимавшій ее почти въ теченіе всей первой четверти XVIII столѣтія до своей кончины (умеръ 24 марта 1724 г.), принадлежалъ къ разряду тѣхъ архіереевъ, которые сочувственно отнеслись къ преобразовательнымъ стремленіямъ Петра Великаго (1). Дѣло обращенія и просвѣщенія иновѣрцевъ во ввѣренной ему обширной епархіи онъ поставилъ одною изъ главнѣйшихъ задачъ своего служенія. На этомъ пути предстояли ему великія трудности. Несравненное большинство инородцевъ коснѣло въ вѣрѣ отцовъ; изъ 30 т. Татаръ, крещенныхъ еще въ эпоху Ивана Грознаго, одни

только ихъ спрашивать, какой ради причины приходятъ ко св. крещенію, и велѣть имъ учинить исповѣдь. Которые Татары и иные иноземцы пойманы въ смертныхъ винахъ и похотятъ креститься въ томъ, чтобы быть имъ живымъ, и такихъ, буде съ вѣрою совершенно приступаютъ, окрестя и давъ имъ время довольное на покаяніе, потомъ учинить по Уложенію и по градскимъ законамъ, да всякія беззаконія истребятся; и которые языки, ниже вѣры свѣдомы, и тѣхъ скоро не крестить, да не будетъ отъ нихъ вѣрѣ православной поруганія; дѣлать то со многимъ опасьствомъ и разсмотрѣніемъ, испытуя вины, чего ради который иноземецъ крещенія пожелаетъ; внимали бы словесы спасителевы, реченныя: аще кто вѣруетъ и крестится, сцасенъ будетъ». Чт. Моск. общ. ист. и древн. 1863. кн. 4.

(1) Сборникъ древностей Казанской епархіи. Платона Любарскаго. Правосл. Собес. 1868 г. Авг. стр. 82.

держались христіанской вѣры, а другіе отъ нея совсѣмъ отпали, «мерзцы суще,—какъ доносилъ преосв. Тихонъ Синоду въ генварѣ 1722 года,—и непокорливы, по прежнему своему обыкновенію въ мерзостяхъ закоснѣлы; иные изъ нихъ въ церковь не приходили и къ приключающимся домовымъ требамъ священниковъ не призывали и не исповѣдывались, и умершихъ своихъ безъ священниковъ погребали въ лѣсахъ и на поляхъ, а не у церквей» (1). Не смотря на то преосв. Тихонъ не отчаявался обратить невѣрныхъ ко Христу и съ первыхъ же годовъ своего архіерейскаго служенія началъ дѣло обращенія. Объ успѣхахъ проповѣди его среди иновѣрцевъ узнаемъ изъ донесенія его Петру Великому отъ 25 марта 1721 года (2). Изъ этого документа видно, что съ 1701 по 1705 годъ крещено 3683 иновѣрца, «а для призыванія и просвѣщенія св. крещеніемъ посыланъ былъ Тихономъ ключарь Ѳеодоръ», отецъ Алексѣя Раифскаго, также будущаго миссіонера, который впрочемъ сопровождалъ и своего отца въ его миссіонерскихъ поѣздкахъ. Въ 1719 году на имя преосв. Тихона послѣдовалъ высочайшій указъ, которымъ повелѣвалось ему отправить іеромонаха Алексѣя Раифскаго въ уѣзды Уржумскій, Яранскій, Царевосанчурскій и Царевококшайскій въ деревни новокрещенныхъ Черемисъ для надзиранія и утвержденія ихъ въ христіанской вѣрѣ и обученія христіанскому закону. Въ томъ же году іеромонамъ Алексѣй «чрезъ призываніе и увѣщаніе преосв. Тихона крестилъ Черемисянъ же, по ихъ волѣ, 379 человѣкъ»; въ слѣдующемъ году онъ былъ вновь отправленъ въ Черемисскія жилища для призыванія и крещенія Черемисъ. Въ 1721 году іеромонахъ Алексѣй крестилъ 438 человѣкъ. И въ другихъ епархіяхъ, гдѣ жили иновѣрцы области средней Волги, ведена была проповѣдь крещенія среди иновѣрцевъ. Въ Вятской

---

(1) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. Синода Спб. 1868. Прилож. № XXIX. Такое же даетъ свидѣтельство о крещенныхъ инородцахъ преемникъ преосв. Тихона, Сильвестръ въ своемъ донесеніи Синоду въ 1729 году (Изъ Сборника документовъ, собранныхъ г. Елисѣевымъ и изданныхъ г. Щаповымъ въ статьѣ «Лука Канашевичъ Еп. Казанскій», напечат. въ Правосл. Соб. за 1858 г. стр. 236).

(2) Описан. Синод. арх.

епархіи тамошній преосвящ. Алексѣй въ это время единственно своими наставленіями успѣлъ склонить ко крещенію 57 Вотяковъ (1). Нижегородскій епископъ Питиримъ, занятый преимущественно борьбою съ расколомъ, находилъ время и для обращенія иновѣрцевъ (2).

Но чѣмъ болѣе не многіе избранники трудились надъ принятымъ ими на себя дѣломъ обращенія и просвѣщенія иновѣрцевъ, тѣмъ болѣе убѣждались, что одной ихъ проповѣди недостаточно, чтобы достигнуть болѣе желанныхъ результатовъ: съ одной стороны они находили въ этомъ дѣлѣ мало себѣ помощниковъ; сельское духовенство, которое бы при извѣстныхъ условіяхъ могло оказать имъ въ томъ сильную поддержку, въ то время вслѣдствіе причинъ, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить (3) и къ которымъ опять возвратимся, далеко не обладало нужнымъ для этого качествами; преобразованія относительно этого класса, начатыя Петромъ Великимъ и расчитанныя на то, чтобы священники были не исполнителями только требъ, но и учителями народными въ дѣлѣ вѣры и руководителями въ разумѣніи обязанностей и правъ гражданскихъ, могли дать плодъ только въ будущемъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ; притомъ въ иныхъ мѣстахъ чувствовался недостатокъ въ служителяхъ церкви, такъ что священника рѣдко видали даже крещеные инородцы (4),

---

(1) Описан. Синод. арх. стр. 144.

(2) Арх. Макарія. Исторія Нижегородской іерархіи. Спб. 1857. стр 99.

(3) Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ. стр. 205—229.—Положеніе приходскаго духовенства разъяснено въ сочиненіи П. В. Знаменскаго «Приходское духовенство на Руси», М. 1867.

(4) Преосв. Сильвестръ въ своемъ донесеніи Синоду въ 1729 г. свидѣтельствуетъ, что многіе изъ инородцевъ, крещенныхъ еще въ царствованіе Ивана Грознаго, «жили отъ христіанскихъ церквей въ дальнемъ разстояніи, верстъ на 40 и болѣе, къ тому же за рѣками и лѣсами и за лѣтними и осенними многими распутицами и за великими грязьми.. а священники за такимъ дальнимъ разстояніемъ и за неудобными распутицами въ ихъ новокрещенныхъ деревняхъ въ годъ бываютъ рѣдко и маловременно». Изъ Сборн. г. Елисеева; изд. въ статьѣ г. Щапова: Лука Канашевичъ. Прав. Соб. 1858 г. стр. 235—236.

съ другой стороны и обращаемые ко крещенію, какъ бы, можетъ быть, проповѣдь миссіонеровъ и ни была ясна и убѣдительна, не всегда могли видѣть тѣ духовныя блага, которыя имъ сулили призывавшіе ихъ ко крещенію: живя доселѣ чувственною жизнію, они не всегда могли возвыситься до пониманія внутренней стороны христіанства, и тѣмъ болѣе могли колебаться принять его, что эта перемѣна, не принося имъ осязательныхъ выгодъ, ставила ихъ, естественно, въ непріязненное отношеніе съ тѣми ихъ прежними одновѣрцами, которые остались глухими къ Евангельской проповѣди и которые потому не могли относиться дружелюбно къ своей братьѣ, измѣнившей вѣрованіямъ отцовъ. Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ почти одновременно всѣ главнѣйшіе дѣятели по обращенію и просвѣщенію инородцевъ обратились къ Государю съ представленіемъ о необходимости обращаемымъ ко крещенію, въ интересахъ святаго дѣла, давать нѣкоторыя льготы. Преосв. Тихонъ входилъ съ особымъ донесеніемъ на этотъ счетъ. Іеромонахъ Алексѣй Раифскій съ своей стороны докладывалъ Казанскому вице-губернатору Кудрявцеву, что если новокрещенымъ предъ другими дана будетъ льгота въ податяхъ, то ихъ много обратится (1). Вслѣдствіе этого въ 1720 году состоялся сенатскій указъ, повелѣвавшій,—кромѣ льготъ новокрещенымъ, о которыхъ нами уже было говорено выше (2),—выдавать каждогодно Казанскому митрополиту на строеніе церквей для нихъ и на дачу вновь обращаемымъ по 1000 рублей, съ отнесеніемъ этихъ расходовъ на счетъ неокладныхъ доходовъ Казанской губерніи (3). Петръ Великій съ своей стороны долженъ былъ признать, что въ дѣлѣ обращенія иновѣрцевъ нельзя обойтись безъ этихъ дачъ и льготъ: по крайней мѣрѣ въ 1724 году, когда былъ поднятъ вопросъ о необходимости распространенія христіанства между Калмыками, онъ далъ такую инструкцію: «склонять владѣльцевъ и законниковъ ихъ въ христіанство ученіемъ и *дачею*, и книги нужныя перевесть на ихъ языкъ» (4). Однако эти дачи ни

---

(1) С. Соловьевъ. Ист. Россіи. с. XVI, стр. 347.

(2) См. стр. 22.

(3) П. С. З. № 3637.—Опис. Синод. арх. прил. № XXVIII.

(4) П. С. З. № 4,427.

самъ Государь, ни мыслящіе люди его времени не считали главнымъ средствомъ обращенія иновѣрцевъ къ христіанству: болѣе всего надѣялись привести ихъ ко Христу путемъ проповѣди и ученія (1). Въ особенности надѣялись съ успѣхомъ провести въ среду иновѣрцевъ христіанскія начала чрезъ воспитаніе молодаго ихъ поколѣнія. И люди свѣтскіе и духовные, которыхъ занималъ просвѣтительный вопросъ, настаивали на необходимости учрежденія для дѣтей инородцевъ школъ. Такъ Посошковъ въ своей книгѣ «о скудости и о богатствѣ» предлагалъ послать указъ и въ низовые города, «чтобы и у Мордвы дѣтей брать и грамотѣ учить отдавать, хотя бы и насильно». Какъ практическій человѣкъ, онъ надѣялся этою мѣрою доставить инородцамъ прежде всего практическія выгоды. «Егда,—разсуждаетъ онъ,—научатся, то и самимъ имъ слюбится, потому что къ нимъ паче русскихъ деревень пріѣзжая солдаты и пристава и подъячіи, овогда съ указомъ, овогдажъ и безъ указу, чинятъ, что хотятъ; потому что они люди безграмотные и беззаступные. И того ради всякой ихъ обижаетъ, и чего никогда въ указѣ не бывало, того на ихъ спрашиваютъ и правежемъ правятъ. А егда дѣти ихъ научатся грамотѣ, то грамотные у нихъ будутъ владѣтельми, и по прежнему въ обиду ихъ ужъ не дадутъ, и будутъ свою братью отъ всякихъ напрасныхъ нападокъ оберегать». Но распространеніе грамотности между инородцами чрезъ обученіе ихъ дѣтей Посошковъ находилъ весьма полезною мѣрою и въ интересахъ православія, для поддержанія и распространенія котораго среди инородцевъ онъ, между прочимъ, почиталъ необходимымъ, чтобы крестившихся Мордву, или Чувашъ, или Черемису воеводы и всякіе правители и приказные люди почитали, и всячески ихъ утѣшали и берегли ихъ болѣе чѣмъ некрещеныхъ, и во всемъ отъ некрещеныхъ чинили милостивую отмѣну, дабы некрещеные крещенымъ завидовали: «а

---

(1) Петръ Великій, рекомендовавшій по отношенію къ Калмыкамъ употреблять дачу, какъ одно изъ средствъ привлеченія ихъ къ христіанству, мѣсяца черезъ три однако нашелъ нужнымъ указать: «пріискать такихъ учителей, которые бы могли Калмыцкаго народа къ благочестію приводить, а какъ такіе учители пріисканы будутъ, доложить о нихъ Е. И. В-ву» (П. С. З. № 4492).

иные, говоритъ онъ, выучась грамотѣ, познаютъ святую христіанскую вѣру, возжелаютъ и креститься, то тіи грамотники мало по малу иныхъ свою братью къ христіанской вѣрѣ приводить будутъ (¹). «Мысль о необходимости обученія инородческихъ дѣтей грамотѣ въ интересахъ православія не только такимъ образомъ въ эпоху Петра Великаго ясно сознавали, но и старались осуществить ее на дѣлѣ, подобно тому, какъ это сознавалось еще въ XVI столѣтіи, въ эпоху перваго просвѣтительнаго движенія русскихъ противъ язычества и магометанства бывшаго Казанскаго царства. Въ 1723 году подканцеляристъ конторы поташныхъ дѣлъ, Починковской волости, Симоновъ подалъ въ св. Синодъ любопытный проектъ устройства школъ для дѣтей мордовскихъ. Въ этомъ проектѣ составитель его прежде всего обращаетъ вниманіе Синода на то, что Мордва не смотря на то, что живя между русскими, сдѣлалась извычайна славянскому языку и обычаямъ русскимъ, некрещена, а которые крещены, держатся древнихъ своихъ обычаевъ и въ вѣрѣ заблуждаютъ; за тѣмъ онъ доказываетъ, что такія явленія въ жизни Мордвы крѣпки не отъ чего инаго, какъ отъ незнакомства ихъ съ св. писаніемъ. Чтобы устранить это препятствіе къ распространенію и должному утвержденію среди нихъ христіанства, составитель проекта предлагаетъ ввести между ними книжное ученіе дѣтей ихъ, какъ крещеныхъ, такъ и некрещеныхъ, увѣряя, что, «егда познаютъ писаніе и въ немъ уразумѣютъ истиннаго Бога, тогда самоволью обратятся ко крещенію, обратятъ и прочихъ къ вѣрѣ христіанской, и будетъ неизглаголанная ангеломъ въ небесехъ радость и веселіе человѣкомъ на землѣ, а св. правительствующій Синодъ возвеличенъ будетъ отъ Бога». Послѣ этого, предложивъ свою готовность всѣми силами содѣйствовать распространенію между Мордвою книжнаго ученія, Симоновъ излагаетъ планъ устройства необходимыхъ для того школъ. Школы эти должны быть заведены, гдѣ пристойно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть крещеная или некрещеная Мордва; при учрежденіи школъ нужно наблюдать, чтобы онѣ были по близости Мордовскихъ деревень, для того, чтобы удобно было отцамъ видаться со взятыми къ ученію дѣтьми. Опустѣлые мордовскіе дворы предлагалось употребить какъ матеріалъ для постройки школь-

(¹) Сочиненія Ив. Посошкова. М. 1842. стр. 176—177.

ныхъ зданій, и гдѣ такихъ не имѣлось, то до времени предполагалось учить на постоялыхъ дворахъ. Въ учители въ этихъ школахъ Симоновъ предлагалъ брать вдовыхъ поповъ и дьяконовъ, которые у церквей не дѣйствительны. Необходимыя учебныя пособія, печатныя азбуки, часословы, псалтири признавалъ онъ нужнымъ раздавать ученикамъ безденежно; въ ученики брать изъ крещеныхъ и некрещеныхъ мордовскихъ дѣтей и изъ сиротъ 12-ти лѣтняго возраста и ниже съ 10 дворовъ одного, которые извычайнѣе славянороссійскому языку; хлѣбъ и харчь для учениковъ и учителей сбирать равномѣрно со всѣхъ мордовскихъ дворовъ. Въ случаѣ если бы оказалось, что какія дѣти, при наборѣ въ школу, ложно явятъ себя, по приказанію родителей, незнающими русскаго языка, то съ родителей тѣхъ дѣтей брать незначительный штрафъ, который долженъ итти на покупку учебныхъ книгъ. Ученики, которые окажутся неспособными къ ученію, отпускаются домой, чтобы имъ тягости не было, и замѣняются другими. Школы должны находиться въ вѣдомствѣ св. Синода, которому непосредственное начальство ихъ доноситъ каждую треть года о числѣ учениковъ какъ крещеныхъ, такъ и некрещеныхъ, съ показаніемъ, изъ какихъ они взяты уѣздовъ, селъ и деревень и какъ учатся, и который окончившимъ ученіе въ этихъ школахъ опредѣляетъ, съ утвержденія Императора, назначеніе. Непосредственное управленіе этими школами составитель проекта бралъ на себя, предоставляя высшій надзоръ надъ ними Нижегородскому Епископу Питириму (1). Между тѣмъ въ Казани преосвященный Тихонъ гораздо ранѣе озабочивался открытіемъ для инородческихъ дѣтей школъ. Въ 1707 году учредилъ онъ одну изъ такихъ школъ, въ которую было собрано 32 мальчика и въ которой учителями были одинъ архіерейскій пѣвчій и 8 малолѣтнихъ солдатъ. Школы эти существовали два года; успѣли совсѣмъ обучить 5 мальчиковъ, да 20 человѣкъ обучили часослову. Въ 1709 году по распоряженію гр. Апраксина ученики были распущены по домамъ, для того, что «оныя новокрещеныя дѣти, будучи въ Казани безъ отцовъ и матерей своихъ, зачали помирать (умерло 7 учениковъ), и другіе заболѣли». Но эти неудачи не поколебали въ основателѣ школы убѣжденія въ необходимости книж-

(1) Описан. Синод. арх. прилож. XVI.

наго обученія новокрещеныхъ дѣтей для успѣха просвѣтительной дѣятельности между иновѣрцами. Какъ видно изъ письма Тихона къ Петру Великому, въ которомъ онъ просилъ Государя о дарованіи новокрещенымъ Черемисамъ льготъ,—онъ продолжалъ отбирать новокрещеныхъ дѣтей для ученія славянской грамотѣ, и теперь просилъ правительство указать способы, какъ комплектовать школу, брать ли въ нее новокрещеныхъ дѣтей неволею, и какъ содержать ее (1). Въ 1722 году онъ между прочимъ писалъ Синоду: «надлежитъ ради истиннаго познанія христіанскаго закона и произведенія во священный чинъ съ увѣщаніемъ отобрать нѣсколько человѣкъ дѣтей ихъ и изучить словянской грамотѣ; но къ тому отцы и дѣти ихъ приступить не хотятъ; развѣ склонять ихъ къ тому какимъ довольнымъ награжденіемъ»,—и спрашивалъ Синодъ: «къ ученію по скольку человѣкъ каждаго рода должно отобрать? Отцовъ ихъ и ихъ самихъ какимъ награжденіемъ къ тому склонять и почему каждой персонѣ давать? Школы со всякими принадлежностями откуда будутъ довольствованы?» (2). Не извѣстно, какъ въ Синодѣ, который еще въ 1721 году Казанскому и Вятскому преосвященнымъ предложилъ устроить для новокрещенныхъ дѣтей училищные дома,—отнеслись къ этому представленію Тихона и къ проекту Симонова. Вѣрнымъ кажется впрочемъ то, что особыхъ школъ для инородческихъ дѣтей не было основано. Въ замѣнъ того въ открытую въ 1723 году митрополитомъ Тихономъ духовную школу, которая потомъ получила названіе Казанской семинаріи, стали брать для обученія и новокрещеныхъ дѣтей. При жизни Тихона ихъ было 13-ть, затѣмъ считалось до 10, при Лукѣ Канашевичѣ 18 человѣкъ. Обучаемы они были въ надежду священства (3). Извѣстно еще что, въ Вяткѣ преосв. Алексѣй учредилъ для новокрещенскихъ дѣтей школу, въ которую было собрано 35 человѣкъ, но которой дальнѣйшая судьба не извѣстна (4).—Свѣдѣнія о просвѣтительной дѣятельности русскихъ въ

---

(1) Описан. Синод. арх. прилож. № XXVIII.

(2) Тамже № XXIX.

(3) П. В. Знаменскаго. Казанская семинарія въ первое время ея существованія. Прав. Соб. 1868 г. Августъ.

(4) Е. Маловъ. О новокрещенскихъ школахъ въ XVIII столѣтіи изд. въ Прав. Обозр. за 1868 г. стр. 95.

эпоху Петра Великаго по отношенію къ инородческому населенію области средней Волги, которыя намъ удалось собрать и которыя здѣсь приведены, не смотря на ихъ краткость и отрывочность, даютъ однакожъ право сдѣлать о ней такое заключеніе: и правительство и нѣкоторые люди въ обществѣ въ тогдашнюю эпоху стремились языческое и магометанское населеніе государства, сравненное окончательно съ Русскими въ общественномъ отношеніи,—соединить съ ними и въ религіозномъ, склонивъ иновѣрцевъ къ крещенію и утвердивъ среди нихъ ученіе Евангельское. Для осуществленія этого стремленія признавалось нужнымъ дѣйствовать на иновѣрцевъ проповѣдью слова Божія чрезъ особыхъ миссіонеровъ, притомъ на языкѣ, на которомъ говорили иновѣрцы, школьнымъ ученіемъ дѣтей ихъ и льготами; эти льготы дѣлались насчетъ государственной казны и потому не могли быть, какъ было въ царствованіе Елизаветы Петровны, обременительны для иновѣрцевъ и не имѣли принудительнаго характера по отношенію къ упорствовавшимъ въ старинномъ язычествѣ или магометанствѣ. Результаты такой просвѣтительной дѣятельности какъ внѣшніе, такъ въ особенности внутренніе нельзя признать значительными, сравнивая количество обращенныхъ съ оставшимися въ вѣрѣ отцевъ, и то, что сдѣлано на этомъ пути слѣдуетъ приписать миссіонерской ревности отдѣльныхъ немногихъ лицъ. Но въ теченіе 15-ти лѣтъ послѣ кончины Преобразователя случаи обращенія ко Христу иновѣрцевъ области средней Волги были крайне уже рѣдки. Только о Нижегородской епархіи пишутъ, что въ эту пору, благодаря религіозной ревности тогдашняго Нижегородскаго архіерея, столь знаменитаго борьбою съ расколомъ, Питирима, дѣло обращенія иновѣрцевъ ко Христу продолжалось съ успѣхомъ, что «во время управленія его этой епархіей здѣсь и въ другихъ окрестныхъ епархіяхъ нѣсколько тысячъ иновѣрцевъ магометанскаго закона и идолопоклонниковъ, по увѣщанію св. Писанія, обращено и въ содержаніи христіанскаго Закона были наставлены» (1). Но такое сужденіе основано на указѣ 11 сентября 1740 года, въ которомъ говорится о крещеніи нѣсколькихъ тысячъ иновѣрцевъ во всей Россіи и притомъ,

(1) Исторія Нижегородской іерархіи. Соч. арх. Макарія. Спб. 1857. стр. 99.

въ эпоху Петра Великаго, и на основаніи этого историческаго свидѣтельства нельзя сдѣлать никакого заключенія относительно количества иновѣрцевъ, обращенныхъ и просвѣщенныхъ ревнотію Питирима въ эпоху, слѣдовавшую послѣ кончины Петра Великаго, хотя извѣстно, что этотъ доблестный архипастырь учредилъ нѣсколько общежительныхъ монастырей для проповѣдывавшихъ христіанскую вѣру магометанамъ и язычникамъ. Что касается до другихъ епархій, въ предѣлахъ которыхъ жили иновѣрцы, то положительныя извѣстія удостовѣряютъ, что тамъ просвѣтительное дѣло было въ крайнемъ упадкѣ. Въ Вятской епархіи, какъ доносилъ Синоду въ 1740 году преосвященный Веніаминъ, прибывшій въ эту епархію въ 1739 году, было крещено только 4 человѣка иновѣрца, 2 мужескаго и 2 женскаго пола (1). Въ главномъ пунктѣ иновѣрческаго населенія, въ Казанской епархіи, было не многимъ лучше въ этомъ отношеніи: здѣсь только до 1733 года продолжается, благодаря ревности Алексѣя Раифскаго, дѣло обращенія съ нѣкоторымъ успѣхомъ (2); а затѣмъ оно останавливается, и даже прежде обращенные отпадали отъ христіанства, или же, удерживая имя христіанъ, не покидали прежнихъ своихъ вѣрованій. Это положительно засвидѣтельствовано въ указѣ 1740 года 11 сентября (3).

Причины медленности распространенія христіанства между иновѣрцами въ царствованіе Петра Великаго и ослабленія просвѣтительной дѣятельности при его ближайшихъ преемникахъ весьма разнообразны. Прежде всего конечно это обусловливалось недостаткомъ чисто просвѣтительныхъ средствъ въ тогдашней Россіи. Преобразовательное движеніе въ Россіи времени Петра Великаго въ состояніи было поднять снова

---

(1) Описаніе Синод. Арх. Прилож. № XV.

(2) Съ 1724 года по 1733 крещено 1302 чел.

(3) «Чрезъ всеподданнѣйшее доношеніе бывшаго Свіяжскаго Богородицкаго монастыря архимандрита Алексѣя намъ извѣстно учинилось, что не все такъ исполняется, какъ надлежало съ такими иновѣрцами, изъ нихъ новокрещеными поступать, а иное и забвенію предано; особливо же многіе новокрещеные иновѣрцы живутъ съ некрещеными въ однихъ деревняхъ, и, видя отъ нихъ соблазны, паки къ нимъ пристаютъ и въ прежнемъ своемъ заблужденіи пребываютъ» (П. С. З. № 8236).

просвѣтительный вопросъ, вызвать къ просвѣтительной дѣятельности отдѣльныхъ ревнителей дѣла обращенія, указать способы, какими слѣдовало руководиться въ этомъ дѣлѣ. Но мы упомянули уже, что эти ревнители богоугоднаго дѣла должны были вести его единственно почти своими силами, мало находя поддержки въ остальномъ духовенствѣ, что наконецъ они принуждены были обратиться за содѣйствіемъ къ свѣтской власти, давая тѣмъ знать, что просвѣтительныя средства, которыми они располагали, недостаточны для болѣе успѣшнаго хода проповѣди. Они по крайней мѣрѣ недостатокъ просвѣтительнаго пособія до нѣкоторой степени восполняли личнымъ своимъ усердіемъ къ дѣлу обращенія, и поэтому это дѣло шло тогда хотя медленно, но безъ остановки. Преосвященные Казанскіе, слѣдовавшіе за митрополитомъ Тихономъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, также понимали всю важность просвѣтительнаго вопроса. Такъ извѣстно, что митрополитъ Сильвестръ объѣзжалъ селенія новокрещеныхъ (1), ходатайствовалъ предъ правительствомъ о дарованіи льготъ тѣмъ новокрещенымъ, которые въ числѣ 811 человѣкъ обращены въ теченіе времени съ 1724 по 1731 годъ (2). Въ 1731 году была учреждена въ Свіяжскѣ особая коммиссія по дѣламъ крещенія казанскихъ и нижегородскихъ мусульманъ и язычниковъ. Въ 1735 году, вслѣдствіе представленія казанскаго губернатора и архіепископа Иларіона, сенатскимъ указомъ отъ 26 февраля велѣно было «для обученія какъ некрещеныхъ Вотяковъ, Мордвы, Чувашъ, такъ разныхъ народовъ новокрещеныхъ дѣтей славянороссійскаго языка въ Казанской губерніи учредить школы, первую въ Казани въ Федоровскомъ монастырѣ, вторую въ Казанскомъ уѣздѣ по Зюрейской дорогѣ въ дворцовомъ селѣ Елабугѣ, третью въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ городѣ Цивильскѣ, четвертую въ Казанскомъ уѣздѣ въ Царевококшайскѣ, и въ тѣхъ школахъ ученикамъ быть въ каждой по 30 человѣкъ, и обучать въ Казанской некрещеныхъ дѣтей каждаго народа по 10 человѣкъ отъ 10 до 15 лѣтъ, а въ уѣздныхъ трехъ школахъ разныхъ же народовъ новокрещенныхъ же и иновѣрческихъ дѣтей, сколько

---

(1) Лука Канашевичъ, еп. Казанскій. А. Щапова. Прав. Собес. за 1858 г. стр. 233.

(2) П. С. З. № 5737.

по охотѣ для того ученія пожелаютъ», — при чемъ опредѣлено въ общихъ чертахъ и внѣшнее устройство этихъ школъ, довольно удовлетворительное для того времени (1). При такомъ заявленіи преемниками преосвященнаго Тихона сочувствія къ дѣлу религіознаго просвѣщенія иновѣрцевъ не видно однакоже, чтобы они преслѣдовали эту цѣль съ тѣми постоянствомъ и энергіею, которыя замѣтны въ просвѣтительной дѣятельности митрополита Тихона. Такъ положено было открыть школы для дѣтей иновѣрцевъ и новокрещеныхъ, но указъ объ этомъ остался безъ исполненія до 1740 года; по крайней мѣрѣ указъ 11 сентября этого года требуетъ заведенія школъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ велѣно ихъ основать еще въ 1735 году (2). Учреждена была въ 1731 году Новокрещенская контора съ цѣлію продолжать дѣло обращенія иновѣрцевъ, двинутое при Петрѣ Великомъ, и утверждать въ истинахъ православной вѣры крестившихся уже иновѣрцевъ, а высшая духовная власть въ краю не обращала вниманія на тѣ злоупотребленія, которыя позволяли себѣ дѣлать непосредственно завѣдывавшіе дѣлами этой конторы, или же не находили случаевъ замѣтить ихъ, такъ что уже Казанская губернская канцелярія въ 1737 году дала объ нихъ знать Сенату (3). Очень можетъ быть, что такая недѣятельность

---

(1) Положено для каждой школы построить по двѣ избы, одну для учениковъ, другую для учителей, при нихъ поварню, погребъ, сушильню, и при томъ огородить дворъ и огородъ; при каждой школѣ назначено было быть по два учителя; для управленія школами назначался особый коммиссаръ; кромѣ того каждая школа въ отдѣльности должна была имѣть особаго смотрителя. Назначался и лѣкарь. На устройство и на содержаніе школъ на первый годъ опредѣлено выдать изъ собираемыхъ въ Казанской губерніи денегъ съ вѣнечныхъ памятей до 2000 р., а впредь отпускать изъ тѣхъ же доходовъ каждогодно по 1378 р. 20 к. (П. С. З. № 6695).

(2) П. С. З. № 8236. Пункты 17 и 21.

(3) «Разныхъ народовъ,—доносили они между прочимъ.— новокрещены отъ новокрещенской конторы раздаются разнаго чина людямъ подъ видомъ яко бы ихъ воспріемникамъ и будто на нѣкоторое время для обученія христіанскому закону, а указы на оные даютъ владѣтельные, какъ то по допросамъ тѣхъ но-

архипастырей, управлявшихъ епархіей, гдѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ, было иновѣрцевъ,—недѣятельность по отношенію къ просвѣтительному вопросу условливалась не мало и личными ихъ наклонностями, которыя, если вѣрить лѣтописи Любарскаго и нѣкоторымъ другимъ извѣстіямъ о жизни этихъ іерарховъ, были далеко не таковы, чтобы могли служить ручательствомъ за ихъ искреннюю готовность и способность направлять просвѣтительное движеніе съ должнымъ благоразуміемъ и энергіею (1).

вокрещенъ и по извѣту черемисянина Кукурской волости деревни Кункурской мурзы Самѣева показалось». Оказалось, что эти злоупотребленія позволялъ себѣ дѣлать Свіяжскій успенскій протоіерей Александръ Косминъ. «И видно, говорится далѣе въ донесеніи Казанской губернской канцеляріи, — что онъ протопопъ чинилъ то собою, изъ страсти, въ чемъ онъ по другимъ дѣламъ не безприличенъ является..; понеже и нынѣ такіе же новокрещены съ такими же владѣнными указами въ губернскую канцелярію непрестанно являются, а помянутый протопопъ, признавъ свою неисправность, данные на нихъ владѣнные указы назадъ отбираетъ. И отъ такихъ раздачъ плода ожидать не можно, понеже оное не въ образъ сыновъ для обученія христіанскаго закона, но во обыкновенныхъ услугахъ и другихъ подлыхъ работахъ содержаны будутъ». Далѣе Казанская губернская канцелярія сообщала, что Новокрещенская контора не вела списковъ крещенымъ инородцамъ, вообще не знала даже числа тѣхъ, о духовномъ совершенствованіи которыхъ обязана была заботиться. Этимъ пользовались тѣ изъ новокрещеныхъ, которые не достаточно были утверждены въ вѣрѣ, за тѣмъ, чтобы, приходя ко крещенію по нѣскольку разъ, получить каждый разъ положенную за крещеніе дачу (Свѣдѣнія эти изданы г. Щаповымъ въ статьѣ его: Лука Капашевичъ. Прав. Соб. 1858 г стр. 238—240).

(1) Изъ «Дѣла Салникѣева» (Чт. Моск. Общ. ист. и древ. 1867 г. кн. III) видно, что первый преемникъ Тихона, Сильвестръ былъ самолюбивый, наклонный къ ссорамъ старикъ, который наконецъ вступилъ въ соблазнительную распрю съ губернаторомъ Волынскимъ. Заступившій его мѣсто Иларіонъ Рогалевскій, по свидѣтельству лѣтописи Любарскаго, имѣлъ совсѣмъ немонашескую склонность «къ великолѣпнымъ забавамъ, прохладамъ и другимъ неумѣреннымъ веселостямъ». Слѣдовавшій за тѣмъ

Но во всякомъ случаѣ эта недѣятельность, или малодѣятельность архипастырей по просвѣтительному вопросу не составляетъ еще существенной, главной причины оскудѣнія въ краю просвѣтительныхъ силъ. Недостатокъ въ нихъ, сначала замедлявшій успѣхи христіанства между иновѣрцами и потомъ бывшій одной изъ существенныхъ причинъ остановки дѣла обращенія иновѣрцевъ и утвержденія между ними ученія Евангельскаго, — обусловливался наиболѣе неудовлетворительнымъ состояніемъ массы духовенства и преимущественно приходскаго. Въ петровскую эпоху, точно также, какъ и въ московскій періодъ нашей исторіи, между приходскими священниками также и монахами было большинство необразованныхъ, даже малограмотныхъ. «Они наши пастыри, они и отцы, они и вожди,—писалъ подъ конецъ царствованія Петра Великаго Посошковъ, — а въ книжномъ ученіи и разумѣніи не весьма довольни» (1). «Не токмо отъ люторскія и отъ римскія ереси, но отъ самаго дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправити себя, а ихъ бы обличить, и научить, какъ жить, и отъ пропасти адскія какъ имъ избыть, но и запретить крѣпко не разумѣютъ, или не смѣютъ, или на пенязи склоняются и не брегутъ о семъ... Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кириловича Нарышкина, что и татаркѣ противъ ея заданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ; что же можетъ рещи сельской попъ, иже вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ?» (2). «Истинно таковыхъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что то есть реченіе вѣра;... есть таковые, что и церковныя службы, како прямо отправити, не знаютъ» (3). Стремленіе Петра Великаго образовать книжнымъ ученіемъ классъ духовенства не могло вдругъ осуществиться. На этомъ пути представлялись многочисленныя и важныя затрудненія, ко-

---

архіепископъ Гавріилъ одержимъ былъ духомъ ненависти ко всякаго рода новизнамъ, «вмѣнялъ себѣ въ добродѣтель все прежде въ Россіи небывалое истреблять безъ остатку» (Прав. Соб. 1868, августъ).

(1) Сочиненія Ив. Посошкова. Изд. 1842. стр. 3.

(2) Тамже стр. 10.

(3) Тамже стр. 13.

торыя могли быть устранены въ теченіе лишь долгаго времени. Изъ документовъ, изданныхъ академикомъ Пекарскимъ (1) и профессоромъ Казанской духовной академіи П. В. Знаменскимъ (2), мы узнаемъ, что въ Казанской епархіи, которая, заключая въ своихъ предѣлахъ населеніе, на половину иновѣрческое, потому наиболѣе нуждалась въ образованныхъ пастыряхъ, дѣло образованія духовенства при Петрѣ Великомъ и при его ближайшихъ преемникахъ шло такимъ порядкомъ, что нужно было постоянно опасаться, какъ бы оно не пресѣклось, не давъ никакихъ добрыхъ плодовъ. Въ открытой преосвященнымъ Тихономъ (1723 г. 18 марта) школѣ для обученія священно-и-церковнослужительскихъ дѣтей въ надежду священства былъ только одинъ учитель, нѣкто Свентицкій, «родомъ Польской породы», и обученіе потому въ этой школѣ состояло лишь въ томъ, что ученики вытверживали букварь, знакомились съ правилами грамматики, да получали нѣкоторое понятіе о догматахъ православной вѣры. Изъ 52 собранныхъ учениковъ 9-ть учениковъ вскорѣ должны были отпустить по домамъ, потому что отцы не имѣли средствъ содержать ихъ на свой коштъ: 11-ть возвращены домой по малолѣтству, 14-ть бѣжали изъ школы, 3 ученика отпущены изъ школы потому, что оказались записанными въ подушной окладъ, 2 уволены отъ ученія по причинѣ ихъ тупости, двоихъ, болѣе успѣвшихъ, преосвященный, нуждаясь въ грамотныхъ священникахъ, еще до окончанія ученія посвятилъ въ священническій санъ; 6 человѣкъ умерло. Вообще къ концу года оказалось на лицо только 5 учениковъ. Въ слѣдующемъ году сдѣланъ новый наборъ школьниковъ, при чемъ взято къ ученію въ надежду священства 13 человѣкъ изъ новокрещеныхъ татаръ и черемисъ. При преосвященныхъ Сильвестрѣ и Иларіонѣ дѣло пошло было лучше: найдены болѣе достаточныя средства къ содержанію школы, явились новые учители, расширенъ кругъ ученія, хотя ученики и не доходили еще до богословскихъ курсовъ, заканчивая ученіе піитикой и риторикой; число учениковъ возросло до 120 че-

---

(1) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣдов. П. Пекарскаго. Спб. т. 1-й, стр. 115.

(2) Казанская Семинарія въ первое время ея существованія. Прав. Соб. 1868 г. Августъ.

ловѣкъ, которые всѣ содержались на казенный счетъ. Но архіепископъ Гавріилъ, смѣнившій Иларіона въ 1735 году, большую часть учениковъ распустилъ; нѣкоторые изъ нихъ бѣжали сами, такъ что въ школѣ, которая уже носила названіе семинаріи, оставалось только 35 учениковъ; учители частію были уволены архіереемъ, частію сами спѣшили заблаговременно оставить школу, паденіе которой казалось близкимъ. Въ Вятской епархіи ученіе дѣтей приходскаго духовенства въ надежду священства шло на первыхъ порахъ еще хуже, чѣмъ въ Казанской: 35 учениковъ, собранныхъ въ архіерейскую школу въ 1723 году, учили только «славянской азбукѣ, часослову, букварю, псалтири, толкованію блаженствъ евангельскихъ и писать; а болѣе другимъ наукамъ учить было некому, для того, что такихъ учителей въ оной Вятской епархіи не обрѣталось». Въ Воронежской епархіи до 1727 года школы не учреждалось, такъ какъ учителей «не имѣлось, а потому отосланы были въ Новгородскую школу 3 человѣка для обученія грамматическаго художества» (1). Изъ всѣхъ епархій, въ предѣлахъ которыхъ жили иновѣрцы поколѣній, входившихъ въ составъ прежняго Казанскаго царства, только въ одной Нижегородской ученіе въ надежду священства ведено было въ отмѣченный промежутокъ времени съ постояннымъ усердіемъ и настойчивостію, благодаря заботливости объ этомъ дѣлѣ тогдашняго Нижегородскаго преосвященнаго Питирима. Уже въ 1721 году учреждены были при архіерейскомъ домѣ три школы: еллиногреческая, славенороссійская и букварная. Въ 1724 году было 132 человѣка, выучившихся букварю, и изъ нихъ нѣкоторые произведены во священство; кромѣ того оставались въ букварной школѣ на лицо 295 человѣкъ. Въ Славенороссійской школѣ было въ началѣ на лицо 110 человѣкъ, къ 1727 году—67. Въ Еллиногреческой изъ 48 учениковъ, поступившихъ въ эту школу при началѣ ея, 7 человѣкъ выучились греческой грамматикѣ, 11 уволено за тупостію, 2 умерло, 4 убѣжало, а 24 учили грамматику. Въ 1738 году учреждена высшая школа подъ именемъ Славянолатинской. Въ томъ же году преосв. Питиримъ сдѣлалъ распоряженіе объ учрежденіи въ разныхъ мѣстахъ епархіи 13-ти

(1) Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В. стр. 118 и 117.

подготовительныхъ школъ (1). Но все это было только что начинаніемъ въ важномъ дѣлѣ, плоды отъ котораго могли явиться лишь въ будущемъ. Въ описываемую же пору масса духовенства по прежнему была необразованной; немного добра могли приносить съ собою въ приходы для дѣла священническаго служенія и тѣ, которые были въ той или другой школѣ, будучи загоняемы туда большею частію силою: разныя піитики, риторики, деклинаціи, — высшая мудрость, до которой доходили тогдашніе кандидаты на священнослужительскія мѣста, едва ли въ состояніи были сдѣлать изъ нихъ дѣйствительно образованныхъ пастырей. Нравственное состояніе духовенства было также по прежнему весьма неудовлетворительнымъ: по прежнему слышатся жалобы, что священнослужители вымогаютъ у прихожанъ лишнія деньги за совершеніе требъ; что изъ корыстныхъ расчетовъ поддерживаютъ сознательно суевѣрія въ народѣ; что и при отправленіи службъ церковныхъ и въ домашнемъ быту ведутъ себя неприличнымъ, соблазнительнымъ для народа, образомъ; что чревоугодію своему послѣдуя, пьяные бродятъ по улицамъ, безчинно шумятъ, на обѣдахъ у своихъ прихожанъ ссорятся помужичьи, истязуютъ въ домахъ ихъ подчиванья, въ гостяхъ являются храбры и сильны къ питью, кощунствуютъ, корчемствуютъ, склонны къ ябедѣ и ложнымъ доносамъ и проч. Но конечно самая важнѣйшая причина того, почему ревнители религіознаго просвѣщенія язычниковъ и магометанъ не могли найти себѣ пособіе со стороны массы духовенства, заключалась въ крайне тяжеломъ общественно-экономическомъ его положеніи, которымъ, думаемъ, условливались и самая недостаточность образованія его и темныя стороны нравственной его жизни. Сила историческихъ событій привела къ тому, что наше приходское духовенство къ началу XVIII столѣтія является болѣе, чѣмъ другіе классы, замкнутыхъ сословіемъ; сынъ священника смотрѣлъ на мѣсто своего отца, какъ на свое наслѣдство; при сильномъ разможеніи духовенства доступъ въ духовное званіе для лицъ другихъ классовъ былъ весьма затрудненъ; по свидѣтельству Духовнаго Регламента попы и дьяконы нарочно старались захватить въ свое распо-

(1) Тамже стр. 119. — Истор. Нижегородской іерархіи арх. Макарія, стр. 100.

ряженіе причетническія мѣста при своихъ церквахъ и для того наполняли ихъ своею роднею иногда вяще потребы, лишь бы пристроить родственниковъ; по оффиціальнымъ табелямъ 1723 года, поданнымъ Синоду, при нѣкоторыхъ церквахъ, у которыхъ было не болѣе 200 дворовъ, числилось столько поповскихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ на причетническихъ мѣстахъ, что ихъ приходилась по 10 человѣкъ на одного священника; иногда при самыхъ бѣдныхъ церквахъ было по нѣскольку священниковъ, выжидавшихъ открытія ваканцій, чтобы сдѣлаться дѣйствительно служащими пастырями. Замкнувшись такимъ образомъ въ самомъ себѣ, стѣснивъ вступленіе въ свою среду для постороннихъ лицъ, духовный чинъ очутился въ весьма невыгодномъ положеніи относительно другихъ классовъ населенія: преслѣдуя свои сословные интересы, онъ потерялъ благорасположеніе крестьянскихъ общинъ, съ которыми въ былое время былъ такъ тѣсно связанъ, не пріобрѣтя въ тоже время расположенія другихъ, высшихъ классовъ населенія; онъ былъ предоставленъ самому себѣ; его не поддерживали ни свѣтскія, ни духовныя власти. Епархіальные начальники болѣе заботились о томъ, какъ бы лучше смирять подчиненныхъ имъ священниковъ, да брать съ нихъ разные поборы; права священнослужителей, какъ гражданъ, ничѣмъ не были охранены отъ произвола грубой силы; за тяжкую личную обиду священника назначался ничтожный штрафъ, такъ что въ этомъ отношеніи священнослужители были приравнены къ самымъ послѣднимъ людямъ. Унизительное положеніе духовенства въ обществѣ не выкупалось матеріальнымъ довольствомъ. Напротивъ оно постоянно нуждалось въ средствахъ для прокормленія себя и своихъ семействъ; во многихъ мѣстахъ священно-и-церковнослужители не имѣли въ своемъ владѣніи даже земли, обработка которой тамъ, гдѣ имѣлись у духовныхъ земляные участки въ владѣніи, составляла единственный, сколько нибудь вѣрный, источникъ содержанія ихъ и ихъ семействъ; въ другихъ мѣстахъ причты получали отъ прихожанъ опредѣленное содержаніе или ругу, но уплата этой руги производилась не всегда исправно, такъ что вообще имъ приходилось довольствоваться тѣмъ, что успѣвали они выручить за совершеніе разнаго рода требъ, или тѣмъ, что успѣвали пріобрѣтать земледѣльческимъ трудомъ. «Жалованья имъ государева нѣтъ, писалъ Посошковъ, отъ міру никакого подаянія имъ нѣтъ же, а чѣмъ имъ питатися, Богъ вѣсть.... у

насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою, и ничѣмъ они отъ пахотныхъ мужиковъ не отмѣнны: мужикъ за соху, и попъ за соху, мужикъ за косу, и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ, и отъ такого земледѣлія ихъ многіе христіяне помираютъ не токмо не сподобившися пріятія тѣла Христова, но и покаянія лишаются и умираютъ, яко скотъ» (¹). Правительство въ царствованіе Петра Великаго, поставивъ себѣ задачею образовать приходское духовенство, не могло не обратить вниманія на тяжелое его общественно-экономическое положеніе. Вообще оно стремилось создать такой классъ приходскаго духовенства, который бы, обладая достаточною образованностію и соотвѣтственными высокому его служенію нравственными качествами, вмѣстѣ съ тѣмъ пользовалось независимымъ, обезпеченнымъ положеніемъ въ обществѣ. Для достиженія этой цѣли почиталось тогда необходимымъ разбить замкнутость духовенства, уничтожить обычай, по которому духовныя должности переходили какъ бы по наслѣдству, замѣщать ихъ людьми достойными, изъ какого бы они состоянія ни происходили, а всѣхъ излишнихъ при церквахъ служителей, равно не учившихся въ школахъ дѣтей распредѣлить по другимъ классамъ населенія. Эти мѣры, въ особенности послѣдняя, т. е., разборъ духовенства, встрѣтили упорное сопротивленіе со стороны церковниковъ. Открывается борьба правительства съ оставшимися за опредѣленіемъ, которые, не желая быть записанными въ подушный окладъ, употребляли всѣ усилія, чтобы противодѣйствовать этой мѣрѣ, борьба далеко не кончившаяся въ царствованіе Петра Великаго, борьба, поглотившая все вниманіе тогдашняго приходскаго духовенства. Одни изъ церковниковъ успѣвали уклониться отъ записки въ подушный окладъ, другіе уже послѣ того, какъ внесены были въ списки ревизіи, опять успѣвали попасть на штатныя священническія мѣста, въ надеждѣ, что ихъ правительство выключитъ изъ подушнаго оклада. Надежда эта не исполнилась. Указомъ 12 ноября 1725 года было объявлено, что съ такихъ подуш-

---

(¹) Сочин. Посошкова. стр. 24. См. подробности о матеріальномъ бытѣ духовенства въ статьѣ: «О способахъ содержанія Русскаго духовенства въ XVII и XVIII столѣтіяхъ». Правосл. Соб. за 1865 г. Мартъ.

ныя деньги слѣдуетъ брать по прежнему, на ряду съ другими, а ежели у нихъ есть дѣти, которыя съ ними обще приписаны къ подушному окладу, то имъ быть за помѣщиками, кому приписаны; вмѣстѣ съ тѣмъ было запрещено архіереямъ посвящать въ духовныя званія положенныхъ въ подушный окладъ (1). Въ 1727 году это опредѣленіе нѣсколько было смягчено: позволено было посвящать во священники и діаконы, по желанію помѣщиковъ, положенныхъ за ними въ подушный окладъ людей духовнаго званія, съ тѣмъ, чтобы помѣщики платили за нихъ подушныя деньги, къ чему потомъ должны были обязываться особыми подписками (2). Но это мало удовлетворило оставшихся за опредѣленіемъ: въ февралѣ 1729 года явились у нѣкоторыхъ людей составные списки съ указа, который будто бы состоялся за собственнымъ подписаніемъ императора Петра II и будто бы напечатанъ въ Московской типографіи въ декабрѣ 1728 года, а въ нихъ было написано, что «Государь указалъ, для поминовенія сестры своей, съ церковниковъ и съ боярскихъ людей, съ кабальныхъ и некабальныхъ и съ другихъ, которые положены въ генеральство въ подушный окладъ на расположеніе арміи, впредь подати не имать, а брать ее только съ крестьянъ дворцовыхъ, синодальныхъ, помѣщиковыхъ и съ однодворцевъ». Оказалось по изслѣдованіи дѣла, что эти воровскіе списки составилъ поповичъ Иванъ Степановъ (3). Правительство послѣ этого усилило надзоръ за оставшимися за опредѣленіемъ церковниками, требовало настоятельно, чтобы они непремѣнно записывались, за кѣмъ хотятъ, въ подушный окладъ, а медлившихъ этою запискою закрѣпляло само, по своему усмотрѣнію. Дѣлать было нечего: они стали записываться, но преимущественно за штатныхъ священниковъ, въ надеждѣ, что закрѣпленіе за своимъ братомъ будетъ только номинальнымъ, не приметъ того характера, съ которымъ оно являлось у помѣщиковъ; но и здѣсь иногда постигало церковниковъ разочарованіе; случалось, что знакомый священникъ, за которымъ записались въ подушный окладъ лишніе церковники и ихъ дѣти, продавалъ ихъ насто-

(1) П. С. З. № 4802. 4996..

(2) Тамже № 5202. 5264.

(3) Тамже № 5374.

ящимъ помѣщикамъ, что вызвало въ 1732 году законъ, которымъ запрещалось попамъ и діаконамъ продавать и всякимъ образомъ уступать записанныхъ за ними въ подушный окладъ безмѣстныхъ причетниковъ, поповскихъ, діаконовскихъ и причетничьихъ дѣтей и другихъ родственниковъ (1). Такимъ образомъ оставшіеся за опредѣленіемъ должны были волею неволею изчезнуть въ массѣ другихъ классовъ населенія, преимущественно въ податномъ; цѣль, какую имѣло въ виду законодательство, дѣйствуя такъ по отношенію къ бѣлому духовенству, достигалась: классъ этотъ очистился отъ лишнихъ людей, и могъ теперь получить приличное содержаніе или отъ государства, или отъ прихожанъ. Все зависѣло теперь отъ того, какъ отнесется правительство къ этому, очищенному отъ лишнихъ элементовъ, классу, дастъ ли служителю алтаря, учителю народному соотвѣтствующее его званію положеніе въ ряду другихъ общественныхъ классовъ. Но правительство императрицы Анны, которому предстояло рѣшить эту задачу, упустило совершенно изъ виду въ вопросѣ о духовенствѣ общественно-экономическую сторону его быта: настойчиво требуя отъ священно-и-церковнослужителей, чтобы они учили и дома и въ школахъ своихъ дѣтей въ надежду священства, оно въ тоже самое время дѣлало относительно бѣлаго духовенства распоряженія, которыя губительно дѣйствовали на благосостояніе его; можно сказать, что время Анны было временемъ тягчайшаго испытанія для этого класса, эпохой глубочайшаго его униженія въ обществѣ и великихъ скорбей и страданій. Надо замѣтить, что въ кругу бѣлаго духовенства стало обозначаться мало по малу, вѣроятно, вслѣдствіе толчка, который ему данъ въ эпоху преобразованія,—знаменательное явленіе: стали тамъ думать, что сынъ священника можетъ и не оставаться въ званіи своего отца, и потому, какъ въ 1731 г. доносилъ и Синодъ, священно-и-церковнослужители не отдавали своихъ дѣтей въ духовныя школы, а записывали ихъ въ разныя коллегіи и канцеляріи въ подъячіе и прочили въ другіе чины (2). Какъ же отнеслось правительство къ этому явленію? Въ 1731 году Синодъ, а затѣмъ вскорѣ и Сенатъ постановили: не увольнять впредь священ-

(1) П. С. З. № 5944.

(2) Также № 6882. 6268.

но-служительскихъ дѣтей въ свѣтское званіе (1), при чемъ сослались на Петра Великаго, что будто онъ еще запретилъ переходить лицамъ духовнаго званія и ихъ дѣтямъ въ другія сословія. Правда этотъ законъ, утверждавшій кастическую особность бѣлаго духовенства, наносившій сильный ударъ какъ быту его, такъ и дѣлу священнослуженія, не устоялъ, потому что правительство, нуждавшееся въ людяхъ грамотныхъ, само въ 1737 году указало опредѣлять обучившихся въ школахъ дѣтей духовенства, однихъ въ духовную, другихъ въ гражданскую службу (2); но за то бѣда постигла приходское духовенство съ другой стороны. Правительство, провозглашавшее петровскій принципъ, что служители алтаря должны быть образованы, быть учителями народа въ вѣрѣ и доброй нравственности, всецѣло и добросовѣстно посвящать свою дѣятельность этому призванію, въ тоже время требовало отъ нихъ исполненія многихъ другихъ обязанностей и отправленія повинностей, наложенныхъ на податныхъ: только въ 1735 году, по настоятельному представленію Синода священно-и-церковнослужительскіе дворы освобождены отъ постоя, сами священнослужители уволены отъ дежурства на съѣзжихъ дворахъ и обязанности являться къ офицерамъ для работъ и посылокъ, но правительство не сочло возможнымъ освободить служителей церкви отъ исполненія пожарной повинности, хожденія на караулы къ рогаткамъ и на пожары (3). Исполненіе этихъ полицейскихъ обязанностей приводило духовенство въ постоянныя столкновенія съ свѣтскою администраціею, съ чиновниками и помѣщиками, оканчивавшіяся обыкновенно весьма плохо для духовныхъ. «Нѣкоторые въ губерніяхъ губернаторы и въ городахъ воеводы, читаемъ въ указѣ 1744 г. отъ 29 ноября, духовныхъ персонъ, т. е, священниковъ и діаконовъ въ противность указу 1721 года 15 марта и понынѣ подъ свой судъ привлекаютъ, и иные разныхъ чиновъ люди чинятъ духовнаго чина людямъ смертельные и ругательные побои и увѣчья» (4). Жалобы высшему правительству на та-

---

(1) П. С. З. № 6066.

(2) Тамже № 7169.

(3) Тамже № 6957.

(4) Тамже № 9079. 8566.

кія утѣсненія духовенства не могли быть дѣйствительными: правительство въ царствованіе Анны само подавало примѣръ неуваженія къ духовному чину. «Остерманъ, сказано въ манифестѣ объ его винахъ, будучи въ министерствѣ, жестокія и неслыханныя мученія и экзекуціи, не щадя и духовныхъ особъ, въ дѣйство приводить старался» (1). «Коликое гоненіе воздвигли на самыхъ святыхъ таинъ служителей, на духовный чинъ, — говоритъ о времени Анны Дмитрій Сѣченовъ въ своей проповѣди на 25 марта 1742 года, — архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали. Непрестанныя почты водою и сухимъ путемъ, куды? за чѣмъ? священниковъ и монаховъ и людей благочестивыхъ въ Охотскъ, въ Камчатку, въ Оренбургъ отвозятъ; священниковъ и монаховъ, какъ мушекъ, давили» (2). Эти общія сужденія о положеніи духовенства въ царствованіе Анны по отношенію къ правительству подтверждаются частными данными. Многіе подверглись жестокому преслѣдованію за знакомство или за сношенія съ опальными фамиліями. Плети, кнутъ и ссылка ожидали тѣхъ священниковъ, которые по забвенію или по лѣности не отправляли богослуженія въ высокоторжественные дни тезоименитства и восшествія на престолъ Е. И. В. и въ прочіе викторіальные дни, или въ дни, назначенные для поминовенія покойниковъ изъ царскаго дома. Какъ много возникало изъ этого дѣлъ, розысковъ, можно судить потому, что въ 1736 году (3) Тайная канцелярія, гдѣ эти дѣла и розыски производились и куда, помимо Синода, влачимы были съ разныхъ концевъ Россіи городовые и уѣздные священнаго чина служители для допросовъ, объявила, что не въ силахъ, за множествомъ такихъ дѣлъ, заниматься другими секретными дѣлами, вслѣдствіе чего велѣно было изслѣдовать такія дѣла на мѣстѣ, а въ Тайную канцелярію посылать только экстракты изъ дѣлъ. 28 сентября 1736 года послѣдовалъ страшный для духовенства указъ, которымъ повелѣ-

---

(1) П. С. З. № 8506.

(2) Изд. въ статьѣ «Объ отношеніи гражданской власти къ Русскому духовенству въ XVII и XVIII столѣтіяхъ». Прав. Соб. 1865. Апрѣль. стр. 297.

(3) П. С. З. № 6937.

валось съ синодальныхъ и архіерейскимъ дворянъ, монастырскихъ слугъ, и дѣтей боярскихъ и ихъ дѣтей, также протопопскихъ, поповскихъ и діаконовскихъ и прочаго церковнаго причта и самихъ не дѣйствительно служащихъ дьячковъ, не положенныхъ въ подушный окладъ, взять въ военную службу годныхъ 7000 человѣкъ, и для того, чтобы имѣть возможность произвести болѣе выгодный въ интересахъ арміи выборъ рекрутъ изъ этого класса,—во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ переписать духовенство до сущаго младенца, не причитая и не убавляя лѣтъ, безъ всякой утайки, подъ опасеніемъ смертной казни (1). Менѣе чѣмъ чрезъ годъ правительство вздумало оправдать эту мѣру своимъ желаніемъ, посредствомъ приведенія ея въ дѣйствіе, оказать вспоможеніе купечеству и крестьянству. Но не это, или по крайней мѣрѣ не одно это побужденіе было причиной, вызвавшей такую суровую мѣру относительно духовенства. Дѣло въ томъ: въ 1730 и 1731 годахъ велѣно было духовенству присягнуть на подданство самодержавной императрицѣ Аннѣ и на признаніе законнымъ ея наслѣдникомъ того, кого она соблаговолитъ назначить. Оказалось, что множество священниковъ и прочихъ духовныхъ не были у этихъ присягъ; въ 1736 году правительству было извѣстно, что такихъ было до 5000 человѣкъ, но оно предполагало, что не бывшихъ у присягъ гораздо болѣе. При настоящемъ состояніи изданнаго матеріала нельзя положительно рѣшить, нужно ли смотрѣть на это небытіе духовенства у присягъ, какъ на сознательное нежеланіе его признавать право за Анной курляндской на русскій престолъ и считать ея правительство законнымъ, или должно объяснить это вмѣстѣ съ тогдашнимъ Синодомъ тѣмъ, что духовные не были у присягъ не съ умысломъ какимъ и не по упорству, а только по несуществованію постановленій о томъ въ прежнее время; но несомнѣнно то, что тогдашнее правительство въ небытіи духовныхъ у присягъ видѣло преступную оппозицію существующей власти, заслуживающую строгой кары, и этому его убѣжденію и происходившей отсюда мстительности слѣдуетъ приписать тѣ жестокія распоряженія, которыя оно дѣлало по отношенію къ духовенству, и въ томъ числѣ рекрутчину, со времени объявленія кото-

(1) П. С. З. № 7070.

рой непріязнь правительства къ духовнымъ принимаетъ видъ открытаго гоненія, усиливавшагося со дня на день все болѣе въ своей жестокости. Однимъ и тѣмъ же указомъ, которымъ повелѣвалось произвести разборъ духовенства, предписывалось всѣхъ, не бывшихъ у присягъ, какъ священнослужителей, такъ и ихъ дѣтей, по наказаніи плетьми, завербовать въ солдаты, исключая тѣхъ изъ нихъ, которые коммиссіями, назначенными къ производству слѣдствія о небывшихъ у присягъ, приведены къ этимъ присягамъ и заняли духовныя должности,— «дабы видя то, другіе такъ безстрашно чинить не отваживались». Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжались розыски, кто не былъ у присягъ. Напрасно духовныя власти представляли, что если это распоряженіе привести въ исполненіе во всей его силѣ, то во многихъ мѣстахъ церкви будутъ пусты, потому что своевременно почти никто не присягалъ; напрасно просили онѣ не брать въ солдаты по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ небывшихъ своевременно у присягъ, которые въ 1732 году присягнули и за тѣмъ оставлены для занятія праздныхъ мѣстъ, но еще не произведены въ духовныя должности. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ 5 марта 1737 года новый указъ, которымъ повелѣвалось и этихъ всѣхъ брать въ солдаты. Набралось такимъ образомъ 6557 человѣкъ. Но правительство этимъ не удовлетворилось. Ему сдѣлалось извѣстно, что команды, опредѣленныя къ разбору духовенства, какъ свѣтскія, такъ и духовныя лучшихъ церковниковъ въ штатъ пишутъ и подъ другими разными предлогами отъ службы кроютъ и защищаютъ, и, чтобы устранить это на будущее время, указомъ отъ 7 сентября 1737 года наикрѣпчайше отъ имени императрицы было подтверждено, чтобы перепись духовенства была окончена къ половинѣ октября, и которые изъ духовныхъ во время переписи явятся отъ 15 до 40 лѣтъ, такихъ всѣхъ взять безъ разбору въ военную службу и отправить къ полкамъ. Исключеніе сдѣлано лишь въ пользу увѣчныхъ, которыхъ велѣно было оставить при церквахъ. Такимъ образомъ при церквахъ оставлялись старые, малые, да увѣчные; но и малыхъ ребятъ не оставили въ покоѣ: ихъ велѣно было учить, и, если кто изъ нихъ окажется непонятливымъ или лѣнивымъ, брать въ солдаты. Впрочемъ каждому, подлежавшему по силѣ этихъ указовъ отдачѣ въ рекруты, предоставлялось выставить вмѣсто себя наемщика, или внести въ казну 200 р., съ тѣмъ, чтобы послѣ того такой уходилъ все-

таки изъ духовнаго званія въ разрядъ податныхъ, буде былъ взрослымъ, или же непремѣнно шелъ въ школу, если былъ молодъ. Въ 1738 году постигла напасть и тѣхъ церковниковъ, которыхъ до сихъ поръ оставляли въ покоѣ, т. е., старыхъ и дряхлыхъ, которые признавались не только негодными для военной службы, но и неспособными, по безсилію, отправлять церковныя службы: отъ имени императрицы имъ было объявлено, чтобы они, поставя за себя рекрутъ или заплатя въ казну по 200 р., записывались въ посады и цехи, а ежели того учинить не похотятъ, то будутъ посланы въ Сибирь на поселеніе, «а въ праздности,—такъ заканчивается указъ объ этомъ, — жить позволено быть не можетъ; ибо по св. писанію праздность всему злу корень; однако впредь до полученія нашего указа въ Сибирь ихъ не высылать». Но и этимъ не удовольствовались. 2 Декабря 1738 года послѣдовалъ Синоду указъ, которымъ повелѣвалось взять въ солдаты всѣхъ, не бывшихъ у присягъ, хотя бы они состояли въ дѣйствительной службѣ при церквахъ и хотя бы инымъ изъ нихъ было и болѣе 40 лѣтъ, только бы способны были къ военной службѣ (1), «ибо,—дѣлалось такое внушеніе членамъ Синода,—было бы весьма предосудительно такихъ людей къ церквамъ опредѣлять, которые въ вѣрности своей Е. И. В-ву присяги не учинили и подлежатъ жесточайшаго истязанія, отъ котораго Е. И. В-во изъ высочайшей своей милости освободить и вмѣсто того въ военную службу, гдѣ бы они такую вину свою заслужить могли, опредѣлить повелѣла». Впрочемъ отъ истязанія все таки не были свободны эти люди: всякаго, кого изъ нихъ записывали въ солдаты, прежде отсылки къ полку, били плетьми: только малолѣтнія дѣти, ниже 12 лѣтъ, были избавлены отъ плетей, но за то съ отцовъ ихъ, что они не озаботились привести ихъ къ присягѣ, брали денежную пеню; въ случаѣ если тѣ не имѣли чѣмъ заплатить этой пени, то ихъ били плетьми. Многіе изъ небывшихъ у присягъ священниковъ и діаконовъ, чтобы избѣжать наказанія этого, стали подписываться подъ присяжными листами заднимъ числами: но эта хитрость была открыта; виновнымъ въ ней приходилось плохо: ихъ наказывали тѣлесно, брали денежные штрафы, исключали изъ духовнаго званія и нѣкоторыхъ

(1) П. С. З. № 7790.

отдавали въ солдаты (¹). Такіе же розыски и преслѣдованія распространялись, надо замѣтить, и на монастыри. Многіе монахи и особливо служители монастырскіе оказались также въ числѣ небывшихъ у присягъ. Всѣхъ, способныхъ къ военной службѣ, за это велѣно было въ 1739 году отдать въ солдаты; неспособныхъ же къ ней отправить въ работу на Сибирскіе заводы. Только духовенство областей, имѣвшихъ особое управленіе, Малороссіи и земли Донскихъ казаковъ избѣжало страшнаго разбора, хотя и были къ тому попытки со стороны правительства. Тамошніе мірскіе люди объявили, что ихъ духовенство нельзя приравнивать къ Великороссійскому, что служители церкви у нихъ, находясь въ духовномъ званіи, не перестаютъ обрѣтаться и въ казачьемъ званіи, что духовенство у нихъ выборное (²), и такимъ образомъ защитили своихъ выборныхъ священно-и-церковнослужителей отъ тяжолаго, опредѣленнаго правительствомъ испытанія, которое пало на одно Великороссійское духовенство. Преслѣдованія послѣдняго продолжались до 1740 года, когда по случаю празднованія мира съ Турціей объявлена была милость монахамъ и священникамъ и другимъ церковнымъ служителямъ, небывшимъ у присягъ: «ежели по подлинному свидѣтельству, — сказано въ Высочайшей резолюціи на докладъ Синода о прекращеніи разбора духовенства, — явится, что они подлинно не отъ злости и упрямства, или отъ какой другой злой причины, но токмо отъ одной простоты у тѣхъ присягъ не были, то такихъ священниковъ и діаконовъ, для дарованнаго отъ Бога мира, отъ тѣлеснаго наказанія и отъ штрафа освободить и быть имъ въ прежнихъ своихъ чинахъ». Впрочемъ едва ли изъ побужденій милосердія вышло это распоряженіе: скорѣе нужно предположить, что оно вызвано было тѣми ужасными результатами для церкви, которые порождены были разборомъ духовенства и другими суровыми узаконеніями относительно этого класса и на которые Синодъ отважился обратить вниманіе правительства. Бѣдствія, постигшія духовенство, не могли не отозваться дурно на нравственномъ его бытѣ. Во время разбора и слѣдствій по дѣлу о небывшихъ у присягъ, когда каждый хотѣлъ избѣжать грозы, или отда-

---

(¹) **П. С. З. № 8040.**

(²) **Также № 7141; 7331.**

лить на нѣкоторое время опредѣленное наказаніе, многіе духовные ухватились за обычное средство, обыкновенно употреблявшееся подсудимыми для этой цѣли, т. е., стали обвинять другихъ въ какомъ либо важномъ преступленіи, сказывать «слово и дѣло». Правительство, жестоко порицавшее духовенство за эту вредную наклонность къ ложнымъ доносамъ и обвиненіямъ, наказывавшее ложныхъ донощиковъ изъ духовенства лишеніемъ сана съ остриженіемъ головы и бороды, отдачею молодыхъ, по наказаніи плетьми, въ солдаты, ссылкою престарѣлыхъ, по наказаніи кнутомъ и урѣзаніи ноздрей, въ каторгу вѣчно (1), выражало удивленіе, что все уменьшается со дня на день въ монастыряхъ монаховъ, въ приходахъ священнослужителей хорошаго поведенія и основательно знающихъ законъ Божій; но скоро оно должно было узнать, что во многихъ мѣстахъ, въ приходахъ и монастыряхъ, и никакихъ нѣтъ священнослужителей. Въ 1740 году Синодъ, основываясь на доставленныхъ ему изъ разныхъ епархій вѣдомостяхъ, доносилъ Кабинету министровъ, что «во многихъ монастыряхъ и пустыняхъ, вслѣдствіе именно правительственныхъ мѣръ относительно духовенства, іеромонаховъ, іеродіаконовъ и монаховъ весьма недостаточно, а въ нѣкоторыхъ и никого нѣтъ; что въ числѣ наличныхъ «большею частію престарѣлы и увѣчны и къ употребленію къ священнослуженію и къ прочимъ монастырскимъ послушаніямъ неспособны, и таковое въ монашескомъ чинѣ настоитъ умаленіе, что въ разныхъ монастыряхъ церкви святыя, за неимѣніемъ кого опредѣлить къ священнослуженію, стоятъ безъ божественнаго священнослуженія» (2). Еще болѣе печальное явленіе представляли приходы. Случилось то, что предсказывали нѣкоторые архіереи, когда правительство выступило съ своими суровыми мѣрами противъ приходскаго духовенства (3): весьма многія церкви остались безъ священнослужителей. «Нынѣ,—поставлялось на видъ Синоду и чрезъ него епархіальнымъ на-

(1) П. С. З. № 6507.

(2) Тамже № 7303.

(3) Такъ, напримѣръ, Тобольскій митрополитъ Антоній указывалъ на то, что многія церкви остаются безъ священно-и-церковнослужителей, и нѣтъ надежды замѣстить порожнія мѣста. П. С. З. № 7646.

чальникамъ,—Е. И. В-ву извѣстно учинилось, что не токмо такихъ (т. е. доброй нравственности и достаточно знакомыхъ съ закономъ Божіимъ) священниковъ, но при многихъ церквахъ (всѣхъ церквей въ Великороссіи насчитывали до 16 тысячъ) и никакихъ нѣтъ, и многія церкви стоятъ праздны, понеже б вшіе при церквахъ священники померли, другіе за вины и за непорядочное житіе отлучены, вмѣсто которыхъ тогда же надлежало архіереямъ въ епархіяхъ своихъ, выбравъ достойныхъ, опредѣлить безъ продолженія; однако сіе столь важное и человѣческому спасенію потребное дѣло весьма забвенію предано, а между тѣмъ люди безъ покаянія и причастія св. таинъ помираютъ, и въ отдаленныхъ отъ церквей мѣстахъ, какъ и надлежало ожидать, принуждены жить безъ припятаго отъ церкви брака» (¹). Очевидно изъ этого, что правительство вину опустѣнія церквей старалось свалить на епархіальныя начальства, что тѣ своевременно не озаботились опредѣлить на праздныя мѣста достойныхъ людей. Епархіальныя власти въ отвѣтъ на это обвиненіе не замедлили возразить: да откуда же имъ было взять такихъ людей, когда при многихъ церквахъ, нуждавшихся въ священнослужителяхъ еще до разбора духовенства, послѣ разбора этого осталось всего по одному человѣку, а при нѣкоторыхъ не было и нѣтъ и ни по одному человѣку, кромѣ самыхъ малолѣтнихъ, потому что годные къ производству въ священническій и дьяконскій чинъ всѣ отданы за небытіе у присягъ въ службу. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ нѣкоторыхъ епархій присланы были вѣдомости о праздныхъ мѣстахъ; Синодъ всѣ такія данныя свелъ къ общему итогу, который оказался: въ четырехъ епархіяхъ—Тверской, Псковской, Архангелогородской и Вологодской церквей, совершенно не имѣющихъ священно-и церковнослужителей было 182; не представляя своего мнѣнія, сколько потребуется людей для укомплектованія причтовъ при этихъ церквахъ и восполненія недостатка въ многихъ другихъ, за неполученіемъ отъ епархіальныхъ властей на этотъ счетъ соображеній,—Синодъ дѣлаетъ такое заключеніе только относительно Новгородской и Тверской епархій и Московскихъ соборовъ, полагая, что для нихъ только потребны 1286 человѣкъ, въ томъ числѣ 611 человѣкъ для занятія священнослужительскихъ мѣстъ, и прибавляетъ: «а изъ про-

(¹) П. С. З. № 7734.

чихъ епархій, такожъ и изъ дикастерій, сколько есть въ тѣхъ епархіяхъ и въ синодальной области праздныхъ церквей, по посланнымъ указамъ вѣдомостей еще не прислано; а чаятельно, что въ тѣхъ епархіяхъ и въ синодальной области таковыхъ праздныхъ же церквей число не малое есть, и потому вездѣ въ церковномъ причтѣ находится крайній недостатокъ, а опредѣлить на тѣ праздныя мѣста некого» (¹).

Изложенныя свѣдѣнія о положеніи и судьбахъ духовенства въ первые 40 лѣтъ XVIII столѣтія достаточны, полагаю, для того, чтобы видѣть, что этотъ класъ не имѣлъ силъ и наконецъ лишенъ былъ возможности всякой поддерживать дѣло обращенія и просвѣщенія иновѣрцевъ, о важности котораго толковали и правительство, и высшія духовныя власти, и нѣкоторыя частныя лица въ обществѣ. Ревнителямъ религіознаго просвѣщенія иновѣрцевъ оставалась такимъ образомъ въ дѣлѣ обращенія ихъ ко Христу одна подмога: это тѣ льготы, которыя узаконены были гражданскою властію для новообращаемыхъ. Но надежность и этой помощи была весьма сомнительна. Раздача этихъ льготъ не могла не нарушать интересовъ казны и заведенныхъ финансовыхъ порядковъ; льготы эти даже совершенно противорѣчили финансовой тогдашней системѣ: извѣстно, что для содержанія каждаго полка опредѣлено было извѣстное количество душъ, съ которыхъ для того взималась опредѣленная подать; спрашивается, чѣмъ же должны бы были содержаться полки, расположеные на иновѣрческое населеніе, когда бы многіе иновѣрцы за принятіе крещенія освобождены были на три года отъ платежа податей. Петръ Великій, согласившись давать новообращаемымъ льготы, указалъ восполнять эту убыль въ подушныхъ деньгахъ неокладными сборами; но въ 1-хъ, послѣдніе имѣли уже назначеніе, во 2-хъ, во всякомъ случаѣ, воспользоваться ими для льготъ новообращаемымъ можно было не иначе, какъ послѣ сложной переписки, счетовъ и расчетовъ между разными финансовыми учрежденіями; а солдатъ между тѣмъ нельзя было оставить безъ хлѣба, стало быть, нельзя было тотчасъ же новообращаемыхъ дарить льготами. Кромѣ того мѣстная администрація знала очень хорошо изъ часто повторявшихся грозныхъ указовъ, что въ С. Петербургѣ весьма не любятъ, если по какой либо статьѣ, и тѣмъ болѣе по подуш-

(¹) П. С. З. № 7796.

ному сбору окажется недоборъ. Вслѣдствіе этого законъ о льготахъ новообращаемымъ, когда требовалось примѣнять его къ дѣлу, встрѣчалъ постоянныя и сильныя къ тому препятствія. Такъ еще митрополитъ Тихонъ жаловался, что дѣло обращенія иновѣрцевъ ко Христу подвигается медленно, что успѣху его препятствуетъ свѣтское начальство: «понеже льготы по указу, — писалъ онъ въ 1722 году вице-президенту Синода, архіепископу Новгородскому,—кромѣ Уржумскаго уѣзда, ни которымъ уѣздамъ ни въ чемъ не дано; а Свіяжскій комиссаръ Иванъ Телепневъ присланному изъ Казани отъ губернатора письму и съ указовъ копіямъ учинился ослушенъ и требуетъ изъ камеръ-коллегіи повелѣнія, и не точію прежнимъ, но и нынѣшнимъ новокрещенымъ льготы не учинилъ и всякія подати правитъ съ Черемисами въ рядъ, отъ чего иные новокрещеные совѣстію возмущаются и отъ истины развращаются, понеже при призываніи, по проповѣди слова Божія, обнадежены были Великаго Государя милостію и льготными годы» (1). Преосвященный Вятскій Веніаминъ въ 1740 году между прочимъ доносилъ также, что гражданскія власти Вятской провинціи не только не содѣйствуютъ обращенію Вотяковъ къ православію, но противодѣйствуютъ тому, грабятъ ихъ и дѣлаютъ имъ всякаго рода насилія; такъ, напримѣръ, Слободская воеводская канцелярія не объявила новокрещенымъ Вотякамъ Высочайшаго указа объ избавленіи ихъ отъ податей на три года, а также отъ подушнаго и всякаго сбора, и разосланные отъ нея для сбора этихъ податей солдаты чинили имъ притѣсненія и били на правежѣ безъ всякой милости (2).

Положеніе вещей въ Россіи въ теченіе первыхъ 40 годовъ XVIII столѣтія и въ особенности въ теченіе 15 лѣтъ, слѣдовавшихъ послѣ смерти Петра Великаго, такимъ образомъ было весьма неблагопріятно для дѣла обращенія и просвѣщенія иновѣрцевъ: и чисто просвѣтильныя силы и средства, которыми располагала тогдашняя Россія, вслѣдствіе неудовлетворительнаго положенія духовенства, были ничтожны, и пособіе дѣлу просвѣщенія иновѣрцевъ со стороны гражданской власти было на практикѣ незначительно. Но вотъ мы

---

(1) Описаніе Синод. Арх. Прилож. № XXVIII.

(2) Тамже стр. 145.

видимъ, что съ 1740 года иновѣрцы обращаются ко крещенію цѣлыми тысячами, что въ какія нибудъ пятнадцать, шестнадцать лѣтъ Православная Русская церковь пріобрѣла среди инородческаго населенія области средней Волги до 400,000 новыхъ членовъ (1). Спрашивается: какими путями въ столь короткое время успѣли привлечь ко крещенію такое великое число иновѣрцевъ? какихъ внутреннихъ результатовъ достигли при такомъ изумительномъ успѣхѣ внѣшнемъ?

Правительство императрицы Анны, вообще не выказывавшее особой ревности къ дѣлу обращенія и религіознаго просвѣщенія иновѣрцевъ, подъ конецъ ея царствованія горячо принялось за него. Не знаемъ, нужно ли это приписать личной настроенности Государыни, которая, страдая смертельною болѣзнію и предчувствуя близкую свою кончину, могла конечно сама, независимо отъ всякихъ посторонніхъ вліяній, въ видахъ умилостивленія Небесъ, заняться такимъ богоугоднымъ дѣломъ, или же это слѣдуетъ отнести насчетъ вліянія вступившаго въ 1738 году на Казанскую каѳедру епископа Луки и Вятскаго архіерея Веніамина, прибывшаго на Вятку въ 1739 году, не преминувшихъ тотчасъ же послѣ занятія епископскихъ каѳедръ въ инородческихъ земляхъ обратить

---

(1) Въ Сенатскомъ указѣ отъ 10 декабря 1756 года читаемъ, что «въ донесеніи Военной коллегіи показано по присланнымъ изъ губерній и провинцій рапортамъ новокрещеныхъ 269,213 душъ, а не крестившихся весьма менѣе число». Правда въ указѣ не говорится положительно, что слѣдуетъ эти души считать ревизскими, и что въ это число не вошли лѣти, незаписанныя въ ревизію, и женщины; но принимая во вниманіе цѣль, съ какою Военная коллегія и за нею Сенатъ собирали свѣденія о числѣ новокрещеныхъ, что эти свѣденія нужны имъ были для уравнительной раскладки на иновѣрческое населеніе рекрутской повинности, при разсужденіи о которой не брались въ расчетъ неревизскія души, нужно полагать, что подъ этими 269,213 душъ разумѣлись только ревизскія души. Это заключеніе подтверждается приведеннымъ у преосв. Филарета (Ист. Русской Церкви. Ч. V, стр. 24) свидѣтельствомъ Гюпеля (Kirchliche Statistik von Russland. s. 89. Riga. 1786), который пишетъ, что по свѣдѣніямъ конторы новокрещенцевъ число крестившихся съ 1740 до 1755 года простиралось до 391,550 лицъ.

вниманіе правительства на печальное положеніе, въ которое пришло это дѣло, и просить возможнаго съ его стороны содѣйствія, чтобы дать ему надлежащій ходъ(¹): только въ 1740 году правительство принимаетъ рѣшительныя мѣры къ обращенію и просвѣщенію иновѣрцевъ. Въ Генварѣ этого года состоялся именный указъ, которымъ, по заявленіи той мысли, что «для обученія православію и приведенія въ вѣру Греческаго исповѣданія Мордовскаго, Чувашескаго и Черемискаго, Лопарскаго и Самоядскаго народовъ надлежитъ употреблять людей, знающихъ ихъ языки,—повелѣвалось: «выбрать въ Казанской губерніи 30, да въ Архангелогородской 15 человѣкъ изъ живущихъ въ уѣздахъ поповскихъ, дьяконскихъ и церковныхъ причетниковъ, также изъ купечества, которые ѣздятъ по иновѣрческимъ деревнямъ и торгу своего имѣютъ не свыше 150 рублей, изъ убогаго шляхетства дѣтей, россійской грамотѣ и писать умѣющихъ и знающихъ вышеупомянутые иновѣрческіе языки, за тѣмъ, чтобы прислать ихъ въ С. Петербургъ въ св. Синодъ, гдѣ въ школахъ они должны были научиться истинамъ вѣры и потомъ быть опредѣленными на священническія и діяконскія мѣста въ тѣже губерніи», чтобы они помянутымъ народамъ, на ихъ языкахъ, могли проповѣдь чинить» (²). Въ Маѣ того же года это распоряженіе, согласно съ представленіемъ Синода, измѣнено только въ томъ отношеніи, что такіе миссіонерскіе институты положено было учредить не при Синодѣ, такъ какъ въ С. Петербургѣ подъ его

(¹) Преосвященный Лука въ своемъ донесеніи, поданномъ въ 1739 году въ Кабинетъ министровъ, между прочимъ пишетъ, что императрица «всемилостивѣйше соизволяетъ, дабы въ Казани заведенная семинарія не токмо съ добрымъ основаніемъ учреждена и содержима была, но чтобы оная отъ времени до времени въ наукахъ разомножалась, съ такимъ подкрѣпленіемъ, что въ Казани наипаче другихъ мѣстъ ученые священники потребны *ради обращенія иновѣрцевъ* (изд. г. Щаповымъ въ статьѣ «Лука Канашевичъ, Епископъ Казанскій». Прав. Соб. 1858 г. стр. 232). Преосвященный Веніаминъ, прибывши въ Вятку въ 1739 году, не замедлилъ съ своей стороны указать правительству на необходимость просвѣщенія Вотяковъ- (Опис. Син. арх. стр. 144. Прибавл. № XV).

(²) П. С. З. № 8004.

вѣдомствомъ не было школъ, а въ Казанской и Архангелогородской епархіяхъ подъ присмотромъ тамошнихъ епархіальныхъ архіереевъ, ибо тѣ архіереи ученые,—и въ томъ еще отношеніи, что «оныхъ учениковъ найдено нужнымъ обучать не краткимъ, но довольнымъ временемъ, пока они къ произведенію во священство, по св. отцевъ канонамъ, приспѣютъ въ возрастъ совершенный» (¹). Но не стали дожидаться, когда будутъ собраны и приготовлены къ проповѣди евангельскаго ученія эти будущіе просвѣтители иновѣрцевъ—(не видно впрочемъ, чтобы эта мѣра потомъ приведена была въ исполненіе): нашли возможнымъ при наличныхъ просвѣтительныхъ средствахъ немедленно взяться за продолженіе дѣла, начатаго при Грозномъ и возобновленнаго при Петрѣ Великомъ. Центромъ, откуда должно было итти просвѣтительное движеніе противъ магометанства и язычества, избрана была Казань, или вѣрнѣе, Свіяжскій Богородицкій монастырь. Здѣсь учреждена была особая миссія, во главѣ которой поставленъ былъ архимандритъ Димитрій Сѣченовъ, прошедшій полный курсъ богословія въ Московской академіи, который впрочемъ обязанъ былъ въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ поступать съ вѣдома и благословенія епархіальнаго своего архіерея. Указомъ 11 Сентября 1740 года, которымъ объявлялось объ учрежденіи этой миссіи и въ которомъ подробно раскрытъ планъ будущихъ ея дѣйствій (²), помощниками Сѣченова назначены протопопы Благовѣщенскаго и Казанскаго соборовъ въ Казани; въ ихъ распоряженіе велѣно дать пять человѣкъ изъ духовенства, знающихъ инородчестіе языки; если бы таковыхъ въ епархіальномъ Казанскомъ вѣдомствѣ не нашлось, то повелѣвалось вмѣсто нихъ взять изъ имѣвшихся въ Казанской семинаріи новокрещеныхъ дѣтей пять человѣкъ, къ тому способныхъ. Указанныя такимъ образомъ чисто просвѣтительныя средства миссіи не льзя признать достаточными, особенно если взять во вниманіе громадность задачи, которая на нее была возложена: дѣятельность миссіи должна была распространиться на тогдашнія губерніи: Казанскую, Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую; она должна была вести дѣло проповѣди среди сотней тысячъ невѣрующихъ во Христа, разбросанныхъ

(¹) П. С. З. № 8090.

(²) Тамже № 8236.

на огромномъ пространствѣ. Правда этотъ недостатокъ восполнялся весьма много усердіемъ къ дѣлу обращенія иновѣрцевъ главныхъ миссіонеровъ: самаго Сѣченова, который, сдѣлавшись въ 1742 году и Нижегородскимъ архіереемъ, не переставалъ вести дѣло проповѣди между иновѣрцами (1); его преемника въ званіи начальника миссіи, іеромонаха Сильвестра Головацкаго, бывшаго впослѣдствіи митрополитомъ Тобольскимъ; помощниковъ главныхъ миссіонеровъ, іеромонаха Веніамина Григоровича, протоіерея Георгія Давыдова и другихъ ревнителей просвѣтительнаго дѣла (2), которыхъ скорѣе можно было найти среди духовенства теперь, чѣмъ въ предшествовавшую эпоху, такъ какъ духовный чинъ въ царствованіе Елизаветы вздохнувъ свободнѣе (3), и въ особенно-

---

(1) «При самомъ избраніи Димитрія Сѣченова на каѳедру Нижегородскую написано было въ указѣ, что оный епископъ «и при дѣлахъ крещенія иновѣрныхъ народовъ трудиться имѣетъ»... «Преосвященный Димитрій самъ часто объѣзжалъ свою епархію; а въ случаѣ нужды посылалъ отъ лица своего близкихъ къ нему духовныхъ лицъ. Во время личнаго своего посѣщенія, онъ давалъ устныя наставленія всѣмъ пасомымъ. Его ясныя обличительныя рѣчи сильно дѣйствовали на сердце новообращенныхъ, приводя ихъ въ чувство умиленія и раскаянія. Нѣкоторые изъ иновѣрцевъ тотчасъ изъявляли желаніе креститься; а другіе послѣ убѣжденія приходили въ Нижній Новгородъ для крещенія» (Ист. Нижегородской іерархіи. арх. Макарія стр. 114).

(2) Нижегородскій архипастырь Димитрій имѣлъ у себя ревностныхъ проповѣдниковъ изъ архимандритовъ, игуменовъ, протоіереевъ и священниковъ (Тамже стр. 115).

(3) Императрица Елизавета благопріятствовала духовному классу сколько по своей набожности, столько и потому, что духовенство громко признало ея права на престолъ, добытый ею посредствомъ силы. Пріѣзжіе духовные свободно ходили по праздникамъ во дворецъ, такъ что Синодъ счелъ нужнымъ запретить это (П. С. З. № 8930). Въ 1744 году упразднено было свѣтское управленіе духовными вотчинами, и управленіе ихъ посредствомъ духовныхъ просуществовало до 1757 г., когда велѣно было опять отдать ихъ въ управленіе свѣтское (П. С. З. № 9993; 11765). Въ 1754 году велѣно было выбирать въ архіереи и архимандриты и изъ Великороссіянъ (П. С. З. № 10216). Подтверждено,

сти просвѣтительною ревностію Казанскаго преосвященнаго Луки, который, благодаря долговременному управленію одной и той же епархіей, имѣлъ возможность эту ревность примѣнять къ дѣлу систематически, строго слѣдуя одному просвѣтительному плану. Но какъ бы ни было велико усердіе этихъ миссіонеровъ къ дѣлу просвѣщенія иновѣрцевъ, какъ бы, можетъ быть, ни краснорѣчива была ихъ проповѣдь евангельскаго ученія невѣрнымъ, во всякомъ случаѣ они едва ли въ состояніи были бы обратить ко Христу въ такое короткое время столько иновѣрцевъ, если бы не являлись имъ на помощь тѣ вспомогательныя средства, которыя давало русское населеніе, жившее подлѣ иновѣрцевъ, и тѣ, которыя предоставляло имъ правительство. Большая часть иновѣрцевъ, Мордва, Вотяки, Черемисы, Чуваши, не имѣли выработаннаго религіознаго ученія, которое бы въ состояніи было бороться съ христіанствомъ; не имѣли и правильно организованнаго духовенства, которое бы могло охранять послѣдователей старинной языческой вѣры отъ вліянія на нихъ обрядовъ и ученій, признаваемыхъ Русскими. Многіе иновѣрцы, живя среди Русскихъ, вмѣстѣ съ языкомъ и обычаями послѣднихъ усвояли себѣ если не внутреннее содержаніе христіанства, которое не всегда было доступно большинству и коренпаго русскаго населенія, то обрядовую часть, забывая въ тоже время свои старинныя божества, или приравнивая празднества въ честь ихъ къ праздествамъ, установленнымъ Православною церковію (1). Особенно это нужно сказать о Мордвѣ и Вотя-

---

чтобы дома духовныхъ были свободны отъ постоя (П. С. З. № 8546). Запрещено свѣтскимъ судебнымъ мѣстамъ держать духовныхъ лицъ подъ арестомъ безъ сношенія съ архіереями, по всякимъ дѣламъ, кромѣ государственныхъ преступленій (П. С. З. № 8566). Разрѣшено ставленническія дѣла производить на простой бумагѣ (П. С. З. № 8622). Въ видахъ матеріальнаго обезпеченія духовенства позволено помѣщикамъ строить новыя церкви вмѣсто обветшалыхъ въ томъ лишь случаѣ, когда они, между прочимъ, обяжутся отвести священнослужителямъ достаточное количество земли и покосовъ (П. С. З. № 8695). Разборъ церковниковъ, произведенный въ ея время, на практикѣ не имѣлъ той суровости, которую испытали они въ царствованіе Анны.

(1) Миллеръ. Описаніе языческихъ народ. стр. 61. Онъ меж-

кахъ, которые, во многихъ мѣстахъ по образу жизни сдѣлавшись совершенно схожими съ Русскими, потому не обнаруживали ни малѣйшаго отвращенія къ принятію ихъ вѣры. Еще въ царствованіе Петра Великаго тогдашній Вятскій архіерей Алексѣй, прося позволенія у Государя обращать Вотяковъ ко Христу, увѣрялъ, что встрѣтилъ въ нихъ расположеніе къ принятію крещенія, и что единственно своими наставленіями склонилъ къ тому 57 душъ. Пресвященный Веніаминъ, донося въ 1740 году Синоду, что съ 1739 года, т. е. со времени его прибытія на Вятку, онъ крестилъ немалое число Вотяковъ, свидѣтельствовалъ, что едва ли не всѣ Вотяки желаютъ принять крещеніе, и что только вслѣдствіе препятствій, противупоставляемыхъ Татарами и мѣстными властями, это ихъ желаніе до сихъ поръ не исполняется (1). Имѣемъ свидѣтельства, что иногда сами иновѣрцы, помимо всякихъ внушеній со стороны духовенства, изъявляли желаніе принять крещеніе. Такъ въ 1740 году цѣлая Мордовская волость въ Арзамасскомъ уѣздѣ изъявила желаніе принять православную вѣру. Въ прошеніи, въ которомъ выражено это желаніе, высказывается между прочимъ, что нѣсколько человѣкъ уже прежде приняли крещеніе, будучи приведены къ тому управителями волости и живущими близь мордовскихъ деревень дворянами и крестьянами (2). Что касается до тѣхъ иновѣрцевъ, которые, не смотря на усвоеніе отъ Русскихъ ихъ обычаевъ, колебались принять и вѣру русскую, и до тѣхъ, которые, живя въ отдаленіи отъ русскаго населенія, въ большей чистотѣ и крѣпости, чѣмъ жившіе подлѣ Русскихъ, удержали старинные языческіе обычаи и вѣрованія, то въ дѣлѣ обращенія ихъ миссіонеры

ду прочимъ говоритъ: «Черемисы, живущіе около Казани, отдаютъ нѣкоторое почтеніе образу Нерукотвореннаго Спаса, стоящему въ кіотѣ на Спасскихъ воротахъ Казанской крѣпости. Дѣлаютъ то, послѣдуя Русскимъ» (стр. 62). «Изъ Чувашей и Вотяковъ нѣкоторые, оставивъ старое обыкновеніе, при рожденіи дѣтей, по примѣру Русскихъ, просятъ свою братью, а иногда и Русскихъ, нерѣдко въ гости яко бы въ кумовья, отъ чего и сдѣлалось, что нѣкоторые изъ сихъ народовъ русскія имена имѣютъ» (стр. 134).

(1) Опис. Синод. архива. стр. 144.

(2) П. С. З. № 8075.

пользовались сильною подмогою со стороны государства. Проповѣдникъ слова Божія, отправляясь въ иновѣрческія селенія, чтобы вести тамъ проповѣдь» по образу апостольской проповѣди, со всякимъ стараніемъ, тихостію и кротостію безъ всякаго киченія, угроженія и страха, «получалъ для охраны себя конвой изъ солдатъ; мѣстныя власти обязаны были ему, въ случаѣ нужды, оказывать содѣйствіе, на сколько было у нихъ въ распоряженіи средствъ; онъ приносилъ съ собою въ иновѣрческія селенія не одно ученіе о крещеніи, но являлся вмѣстѣ съ тѣмъ освободителемъ крѣпоснаго иновѣрца отъ власти помѣщика изъ иновѣрцевъ, если первый принималъ крещеніе, а послѣдній оставался въ старой своей вѣрѣ; всякому, кто только изъявлялъ желаніе креститься, онъ отъ имени Императрицы обѣщалъ свободу въ теченіе трехъ лѣтъ отъ всякихъ податей и повинностей, а отъ повинности рекрутской на неопредѣленное время (¹); кромѣ того онъ сулилъ, что, какъ на кого надѣнутъ крестъ, то тому будетъ даны рубашка, обувь и деньгами, буде онъ взрослый, 1 р. 50 к., а прочимъ по 50 к.; иновѣрецъ, совершившій убійство, или другое тяжкое преступленіе, освобождался отъ казни, если принималъ крещеніе (²). Большую часть этихъ льготъ могли обѣщать обращаемымъ и прежніе миссіонеры: но вслѣдствіе того, что, какъ мы уже видѣли, не были до того времени найдены достаточныя средства, которыми бы можно было возмѣстить издержки, потребныя при раздачѣ такихъ льготъ, на дѣлѣ онѣ раздавались чрезвычайно туго; теперь же правительство отыскало способъ безъ всякаго ущерба для казны освобождать новообращаемыхъ на три года отъ податей и повинностей: оно постановило, что подати и повинности, падавшія на новообращенныхъ, должны нести на себѣ по раскладкѣ остающіеся въ прежней вѣрѣ. Въ этомъ постановленіи миссіонеры нашли

(¹) Это видно изъ указа отъ 11 сентября 1760 года, которымъ повелѣвалось брать рекрутъ только съ тѣхъ крещеныхъ инородцевъ, которые крестились до второй ревизіи (II. С. З. № 11,099).

(²) Впрочемъ указъ 11 марта 1741 года, которымъ смертоубійцы и другіе тяжкіе преступники изъ иновѣрцевъ за воспріятіе крещенія освобождались отъ казни, въ декабрѣ (15) тогоже года былъ отмѣненъ (II. С. З. № 8482).

могущественное пособіе для дѣла обращенія; въ сущности эта мѣра была косвеннымъ принужденіемъ къ принятію крещенія: ибо могло случиться, и дѣйствительно случалось, что большая часть извѣстнаго селенія обращалась ко Христу, а другая часть его поставлялась въ необходимость разориться отъ удвоенныхъ, утроенныхъ тягостей, если не хотѣла послѣдовать примѣру первой. При такомъ правительственномъ содѣйствіи миссіи проповѣдники безъ особенныхъ усилій могли приводить ко крещенію цѣлыми массами языческое населеніе края, большинство котораго матеріальный интересъ ставило выше всего въ жизни, не имѣя, или имѣя смутное понятіе, что у людей должны быть и другіе, высшаго разряда, интересы и стремленія. Чуваши, Мордва, Черемисы и Вотяки шли по зову проповѣдниковъ къ крещенію цѣлыми селеніями и волостями. Начальникъ миссіи Димитрій Сѣченовъ въ теченіе двухъ лѣтъ, отъ 1740—1742 года, успѣлъ окрестить 17,362 человѣкъ. Назначенный въ 1742 архіереемъ въ Нижній Новгородъ, онъ въ тамошней епархіи въ продолженіе четырехъ лѣтъ обратилъ къ Христу свыше 30,000 душъ (1). Послѣ него въ Казанской епархіи миссіонеры съ неменьшимъ успѣхомъ продолжали дѣло обращенія. Достаточно было иногда одного появленія миссіонера въ извѣстной иновѣрческой волости, для того, чтобы склонить ко крещенію ея обитателей. Очень часто случалось, что иновѣрцы изъявляли желаніе креститься, и не видавъ миссіонеровъ и не слыхавъ ихъ проповѣди, будучи склоняемы къ тому свѣтскими людьми. Въ тогдашнемъ дворянскомъ обществѣ послѣ того, какъ высшая власть въ

---

(1) «Изъ табели, составленной по именному указу 16 января 1746 года и посланной Димитріемъ Сѣченовымъ въ св. Синодъ, видно что въ это время новокрещеныхъ въ Нижегородской епархіи считалось 50,430 человѣкъ, помѣщавшихся въ 4,981 дворѣ». До 1744 года, какъ доносилъ архимандритъ Авраамій, съ 1740 года въ трехъ станахъ Верхосурскомъ, Верхоалатырскомъ и Инсарскомъ, принадлежавшихъ тогда къ Нижегородской епархіи, обращено къ истинной вѣрѣ мужескаго и женскаго пола 17736 человѣкъ (Истор. Нижегород. іерархіи. Сочин. арх. Макарія, стр. 117).

государствѣ объявила себя въ пользу обращенія (1), нашлись люди, которые не преминули показать своею ревность къ этому дѣлу, одни побуждаемые къ тому искреннимъ желаніемъ содѣйствовать благому дѣлу (2), другіе, можетъ быть, въ на-

---

(1) Послѣ изданія въ царствованіе императрицы Анны знаменитаго указа 11 сентября 1740 года правительство въ теченіе 15-ти лѣтъ продолжаетъ усердно, всѣми средствами, отъ него зависѣвшими, содѣйствовать дѣлу обращенію. Безъ сомнѣнія много это условливалось личнымъ настроеніемъ императрицы Елизаветы Петровны, для которой интересы религіи были наиважнѣйшими, и которая потому дѣло обращенія иновѣрныхъ своихъ подданныхъ къ православію почитала одной изъ первыхъ своихъ обязанностей. Обращали вслѣдствіе того повсюду, гдѣ были въ имперіи иновѣрцы: между прочимъ, въ апрѣлѣ 1742 года состоялся именный указъ, которымъ полковые священники обязывались заботиться объ обращеніи въ православную вѣра «обрѣтающихся въ полкахъ Калмыковъ, Татаръ, Мордвы, Чувашъ, Черемисъ и другихъ иновѣрцевъ» (П. С. З. № 8540). Въ 1746 году Сенатъ объявилъ, что иноземцы, состоящіе въ военной службѣ, за принятіе вѣры Греческаго закона будутъ награждаемы слѣдующими чинами. (П. С. З. № 9305).

(2) Совѣтникъ конторы новокрещенскихъ дѣлъ, Ярцовъ, которому поручено завѣдываніе переселеніемъ инородцевъ, предпринятымъ въ видахъ отдѣлить крещеныхъ отъ некрещеныхъ, въ Шацкой и Тамбовской провинціи сталъ самъ обращать въ православіе тамошнихъ иновѣрцевъ, такъ какъ увидалъ, что «проповѣдникамъ по бываемымъ пріѣздамъ своимъ въ краткомъ времени тѣхъ иновѣрцевъ къ православной вѣрѣ приводить, такоже отъ обидъ и озлобленій невокрещеныхъ оборонять никакъ не возможно», и обратилъ ихъ до 10,000 душъ обоего пола. (П. С. З. № 8929). Этотъ же самый Ярцовъ, принимавшій весьма дѣятельное участіе въ обращеніи и просвѣщеніи иновѣрцевъ, въ 1749 году представилъ Синоду, что одинъ изъ его помощниковъ Цивильскій дворянинъ Андрей Дмитріевъ Завацкій «въ бытность свою при порученномъ ему дѣлѣ со всеусерднымъ и ревностнымъ раченіемъ въ правленіи своемъ находился и чрезъ разговоры (онъ зналъ чувашскій языкъ) увѣщаніемъ своимъ привелъ иновѣрцовъ и чувашъ въ православную христіанскую вѣру не малое число». Монахъ Сильвестръ, который былъ начальникомъ миссіи, а въ

деждѣ отличиться благочестивымъ образомъ мыслей и чрезъ то выслужиться при дворѣ набожной императрицы, третьи потому, что просто увлекались примѣромъ сильныхъ людей, поощрявшихъ такую ревность по вѣрѣ, не отдавая себѣ отчета, за чѣмъ они это дѣлаютъ (¹); во многія иновѣрческія, языческія селенія и не предстояло надобности и ѣздить кому бы то ни было съ цѣлію склонять ихъ ко крещенію: цѣлыми толпами инородцы сами являлись въ города съ просьбою о крещеніи и вознагражденіи за него. Если были какія либо затруднепія для миссіонеровъ при обращеніи язычниковъ, то они вызывались имснно тѣмъ, что ихъ въ одно и тоже время

этомъ году уже былъ митрополитомъ Тобольскимъ, на запросъ Синода о степени усердія Завацкаго къ дѣлу обращенія иновѣрцевъ, отозвался вообще одобреніемъ этой его дѣятельцости (II. С. З. № 9671).

(¹) Ревность свѣтскихъ людей къ дѣлу обращенія иногда переступала границы умѣренности и благоразумія, такъ что духовная власть въ государствѣ почитала необходимымъ сдерживать это, большею частію непрошенное никѣмъ, рвеніе, обличавшее въ ревнителяхъ совершенное непониманіе дѣла, которому они добровольно вызывались служить. Такъ въ 1746 году генералъ и лейбъ-гвардіи подполковникъ, графъ Ушаковъ, основываясь на указѣ, данномъ изъ Военной коллегіи, препроводилъ въ Синодъ нѣсколькихъ солдатъ русскихъ и иновѣрныхъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ опредѣлилъ ихъ въ монастыри, русскихъ для пропитанія, а иновѣрныхъ «по силѣ Военной коллегіи указа къ употребленію при оныхъ же монастыряхъ въ тяжкія работы, дабы они трезъ то могли превратиться въ вѣру Греческаго исповѣданія». Синодъ, отославъ этихъ солдатъ обратно, откуда они къ нему были присланы, потому что «въ архіерейскихъ де домахъ и монастыряхъ убылыхъ монашескихъ порцій не имѣлось и опредѣленныхъ на пропитаніе содержать было нечѣмъ», вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ себя вынужденнымъ дать такой урокъ военному вѣдомству по поводу предложеннаго имъ способа скорѣйшаго обращенія ко Христу отставныхъ солдатъ изъ иновѣрцевъ: «къ познанію и воспріятію Православно-Восточныя Грекороссійскія вѣры слѣдуетъ призывать надлежащею Евангелія проповѣдію, не токмо безъ всякаго угроженія и страха, но и безъ суетнаго и слову Божію неприличнаго киченія, со смиреніемъ, тихостію и

обращалось чрезвычайно много; ибо это вело къ тому, что миссіонеры находились нерѣдко въ затрудненіи удовольствовать одновременно всѣхъ обращенныхъ дачами, которыя опредѣлено было имъ давать по силѣ указа 11 Сентября 1740 года; это порождало, случалось неразъ, въ инородцахъ, которые не получали этихъ дачъ, неудовольствіе и даже мстительную злобу противъ проповѣдниковъ, не имѣвшихъ возможности удовлетворить ихъ желанію воспользоваться матеріальными выгодами, предоставлявшимися по закону новокрещеннымъ. Такъ «протопопу Георгію Давыдову, бывшему въ 1741 году для призыванія и увѣщанія невѣрныхъ въ вѣру Хрис-

---

кротостію. Ибо сердце человѣческое насильствуемо быть не можетъ, и человѣкъ, понужденіемъ обращаемый, аще и явитъ себя, аки бы обратившася, но точію по внѣшнему виду христіанинъ будетъ, а въ сердцѣ своемъ и вящше прежняго окаменѣнъ, что не токмо проповѣди евангельской не пристойно, но и весьма порочно и соблазненно» (П. С. З. № 9359). Въ 1755 году возникло дѣло о Башкирцѣ Елисеѣ, въ башкирствѣ носившемъ имя Бигилича (хранится въ Моск. арх. Иностр. дѣлъ; Башк. дѣла, св. 2), которое показываетъ, что въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ Русскомъ находились люди, которые проявляли свою просвѣтительную ревность страннымъ образомъ. Этотъ Башкирецъ, во время башкирскаго мятежа, на 15 году своей жизни взятъ былъ въ плѣнъ, и переходя изъ рукъ въ руки по разнымъ владѣльцамъ достался наконецъ кн. Урусову, управлявшему Оренбургской экспедиціей. Послѣ кончины князя онъ достался супругѣ его Прасковьѣ Петровнѣ, которая привезла его вмѣстѣ съ собой въ Москву. Проживъ тамъ три года, онъ вдругъ получилъ отъ княгини приказаніе итти къ исповѣди и причастью вмѣстѣ съ другими ея людьми. Увѣреніе его, оказавшееся справедливымъ потомъ, что онъ еще не крещенъ, что въ бытность свою въ Тобольскѣ онъ только нареченъ христіанскимъ именемъ, не было принято во вниманіе: онъ сталъ ходить съ тѣхъ поръ въ церковь, выучился молитвамъ, въ теченіе 12 лѣтъ причащался; хотѣлъ было выучиться и русской грамотѣ, но княгиня это запретила. Когда онъ рѣшился креститься, то возникъ вопросъ, какъ слѣдуетъ отнестись къ тому, что этотъ иновѣрецъ, не бывъ крещенымъ, по приказанію своей госпожи пріобщался св. таинъ,— который и пришлось рѣшать духовной власти.

тову въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, послѣдовало, когда онъ, будучи тамо, многое число святымъ крещеніемъ просвѣтилъ уже, и въ награжденіе имъ надлежащей дачи денегъ не достало, то тѣ новокрещеные, собравшись многолюдствомъ, пришли къ нему протопопу въ избу, обнесли соломою и хотѣли сжечь его съ командою; такожде и къ бывшему въ Вятской провинціи помощнику іеромонаху Веніамину Григоровичу новокрещеные, къ его квартирѣ съ дубьемъ многолюдственно пришедъ, и со всякимъ крикомъ и невѣжествомъ хотѣли его за то, что у него въ дачу же имъ денежной казны явилось недостаточно, взявъ, бить на смерть, что и учинили бы, если бы конвойными солдаты и служители не были воспрепятствованы. Еще же въ 1743 году въ Октябрѣ мѣсяцѣ на вышеупомянутаго же протопопа Давыдова, въ Цивильскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Кошкахъ, новокрещеные Чуваши въ многолюдственномъ же собраніи съ рогатками, съ дубьемъ, цѣпами ночною порою учинили разбойническое нападеніе, при коемъ его протопопа и цѣпами били и ограбили; и ежели бы онъ въ той деревнѣ жительствующими и добросовѣстными новокрещеными же изъ ихъ рукъ не былъ выученъ, то бы его и конвойныхъ съ нимъ солдатъ всекопечно побили бы до смерти» (¹). Такимъ образомъ проповѣдникамъ, при обращеніи ко Христу язычниковъ, приходилось вести съ ними борьбу уже послѣ того, какъ совершено было надъ ними таинство крещенія, и эта борьба со стороны инородцевъ, очевидно, вовсе не имѣетъ характера упорнаго противодѣйствія дѣлу внѣшняго обращенія ихъ ко Христу. Самое же это обращеніе, въ силу изложенныхъ причинъ, повсюду среди языческаго населенія края совершалось безпрепятственно и съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Имѣется извѣстіе только о некрещеной Мордвѣ Терюшевской волости (въ Нижегородской епархіи), что она отнеслась враждебно къ заправлявшему ходомъ миссіи въ этой епархіи епископу Димитрію Сѣченову; но изъ подробностей, которыми обставляютъ церковные историки этотъ фактъ (¹), еще нельзя вывести заключеніе, что

(¹) **Прав. Собесѣдн. 1858 г. въ статьѣ г. Щапова: «Лука Канашевичъ»; стр. 469.**

(¹) **Въ 1743 году св. Синодъ, основываясь на донесеніи Конторы новокрещенскихъ дѣлъ, довелъ до свѣдѣнія Сената, меж-**

непріязненное дѣйствіе Терюшевской Мордвы противъ Нижегородскаго архипастыря было вмѣстѣ съ тѣмъ противудѣйствіемъ дѣлу обращенія ко крещенію; вообще это дѣло представляется темнымъ и разъяснится лишь тогда, когда будетъ извѣстно содержаніе челобитной Мордвы на преосвященнаго Димитрія и отвѣтовъ послѣдняго по поводу этой челобитной (¹); съ другой стороны если даже признать, что Мордва злоумышляла на Сѣченова единственно потому, что подъ руководствомъ того проповѣдывалось язычникамъ крещеніе, то вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать и слабости отпора, который шелъ со стороны язычниковъ противъ дѣла внѣшняго

ду прочимъ, слѣдующее: «Да и самаго того преосвященнаго Димитрія, когда онъ въ 1743 году посѣщалъ епархію и ѣхалъ чрезъ Терюшевскую волость изъ села Сарлей, некрещеные идолъторы Мордва толь жестокое разбойническое нападеніе учинили, что онъ возвратнымъ отъ нихъ скорымъ убѣжаніемъ, первѣе сокрывся въ томъ селѣ Сарлей въ церкви, потомъ тайнымъ къ священнику въ погребъ уходомъ едва могъ себя отъ смерти спасти, и то уже присшѣніемъ въ то село изъ села Константинова и изъ прочихъ христіанскихъ окрестныхъ жилищъ русскихъ обывателей и отъ такого ихъ злодѣйскаго нападенія защищеніемъ». (Изд. въ статьѣ г. Щапова: «Лука Канашевичь». Прав. Собес. 1858 г. стр. 470).

(¹) Авторъ «Исторіи Нижегородской іерархіи», имѣвшій въ рукахъ своихъ нѣкоторыя подлинныя дѣла, относящіяся къ этому факту, весьма глухо говоритъ о немъ. Упомянувъ, что дѣло о покушеніи Мордвы на жизнь преосвященнаго передано было розыскныхъ дѣлъ чиновнику, и сообщивъ, что это свѣденіе имъ взято изъ дѣла о сожженіи кладбища у Терюшевской Мордвы (любопытно было бы знать: кто сжегъ это кладбище, и по какимъ побужденіямъ? Не это ли вызвало Мордву къ злоумышленію противъ Сѣченова?), авторъ затѣмъ говоритъ: «дѣло объ обращеніи Терюшевской Мордвы продолжалось немалое время. Явились недоброжелатели, вооружавшіе Мордву противъ епископа (какіе недоброжелатели?). Впрочемъ Димитрій Сѣченовъ не ослабѣлъ духомъ, а утѣшалъ себя плодами трудовъ своихъ. Онъ послалъ отъ себя донесеніе, оправдываясь (въ чемъ?) предъ начальствомъ (какимъ?). Оправданіе было принято». Исторія Нижегород. Іерарх. стр. 117.

ихъ обращенія къ Христіанству; потому что противудѣйствіе въ такой грубой формѣ обличаетъ только всю внутреннюю немощность противудѣйствующихъ.

Не такъ легко было, какъ язычниковъ, привести ко крещенію магометанъ-инородцевъ. Приволжское магометанство, и прежде всегда упорно противившееся просвѣтительному русскому движенію, и теперь сдѣланное на него нападеніе выдержало съ замѣчательною стойкостію. Это сколько условливалось сущностію ученія, изложеннаго въ Коранѣ, которое, будучи, какъ извѣстно, искусно припаровлено къ потребностямъ чувственной жизни, уже потому въ состояніи было противиться движенію на него христіанства, не всегда доступнаго пониманію народонаселенія, погруженнаго исключительно въ чувственную жизнь,—столько же, если не болѣе, зависѣло отъ строя быта магометанскаго духовенства и положенія его среди послѣдователей Магомета. Надо отдать справедливость приволжскимъ мусульманамъ: духовенство ихъ пользовалось устройствомъ и положеніемъ, несравненно успѣшнѣе могущими вести къ цѣли, для какой назначается всякое духовенство, чѣмъ какими пользовалось наше, православное тогдашнее духовенство. Въ то время, какъ русскій православный священникъ назначался въ приходъ помимо часто всякаго участія прихожанъ въ его выборѣ, мулла былъ всегда выборнымъ, а потому интересы его были тѣсно связаны съ интересами міра, его избравшаго; въ то время, какъ Русскіе православные люди въ иныхъ мѣстахъ, по отдаленности селеній ихъ отъ церквей, рѣдко видали священника, у мусульманъ каждая деревня имѣла мечеть, одного или нѣсколькихъ муллъ, которые были въ постоянномъ общеніи съ своими прихожанами; у насъ зачастую священниками были люди необразованные и малограмотные, у мусульманъ выбирались въ муллы только тѣ, которые пріобрѣли извѣстное образованіе, необходимое, по ихъ понятію, для отправленія обязанностей духовнаго званія; русскій пастырь былъ униженъ въ обществѣ, оскорбляемъ и презираемъ, и всю свою дѣятельность ограничивалъ отправленіемъ церковныхъ службъ и требъ; мулла пользовался высокимъ уваженіемъ среди своего міра, и дѣятельность его не ограничивалась механическимъ совершеніемъ религіозныхъ обрядовъ: онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и учитель подрастающаго поколѣнія своихъ единовѣрцевъ, судья

и даже лѣкарь (¹). У духовенства, организованнаго такимъ образомъ, пользовавшагося такимъ великимъ вліяніемъ среди міра, притомъ одушевленнаго тѣми стремленіями, которыя связывались съ самостоятельнымъ существованіемъ магометанскихъ государствъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, хранившаго преданія былаго времени и учившаго прихожанъ въ духѣ этихъ преданій и стремленій,—у такого духовенства нельзя было легко отвоевать враждебному ему движенію духовныхъ дѣтей его. Напротивъ оно само постоянно, и не безъ успѣха, заботилось объ увеличеніи своей паствы насчетъ

(¹) Всѣхъ этихъ особенностей быта и положенія магометанскаго духовенства не могли не замѣтить русскіе путешественники прошлаго столѣтія. Лепехинъ (ч. I стр. 178) свидѣтельствуетъ, что у Татаръ духовенство выборное, что для того, чтобы быть выбраннымъ въ муллы, нужно извѣстное богословское образованіе, что мулла есть учитель и судья въ его приходѣ. «Духовенство татарское, говоритъ онъ, разбираетъ всякіе свары между мірянами, разводитъ недовольныхъ браковъ и имѣетъ власть наказывать преступниковъ. Судъ свой оно производитъ по Алкорану и, смотря по винѣ, или, лучше сказать, по предписанію Корана, наказываетъ плетьми и палками» (Тамъ же стр. 179). Лепехинъ во время своего путешествія встрѣлалъ муллъ, занимавшихся врачеваніемъ — «Проѣзжая, пишетъ Рычковъ (Журналъ, или дневныя записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинц. Росс. Госуд. С.П Б. 1770 стр. 5), по большей части Татарскими деревнями, съ прилежаніемъ взиралъ я на воспитаніе ихъ дѣтей. Обряды, кои они употребляютъ при воспитаніи питомцевъ своихъ, достойны справедливой похвалы: ибо они съ самаго младенчества стараются ихъ воспитать въ познаніи ихъ закона и всѣхъ должностей человѣческихъ; а для того почти въ каждой татарской деревнѣ находится молитвенный храмъ и училище для дѣтей, которыхъ обучаетъ живущій тутъ мулла. При вступленіи младенца въ сіе похвальное училище, мулла сей начинаетъ ихъ учить словеснымъ наукамъ татарскаго и арабскаго языка, потомъ показываетъ имъ правила закона и толкуетъ имъ таинство ихъ священнаго Алкорана. Не изъяты отъ такого воспитанія и дѣти женскаго пола; а разность состоитъ только въ томъ, что дѣвицъ не всѣ учатъ по арабски, но только одни почетные и богатые отцы».

лыческаго и даже христіанскаго населенія государства (1), и притомъ не смотря на строгое наказаніе, которое опредѣлялось закономъ за совращеніе въ магометанство (2). Даже и теперь, когда положено было обратить инородческое населеніе ко Христу, магометанское духовенство не прекращало своей пропаганды. Строгія правительственныя преслѣдованія этой пропаганды, кажется, на нѣкоторое время ее ослабили (3); но за то никакими мѣрами не могли добиться сколько нибудь виднаго успѣха въ дѣлѣ обращенія мусульманъ

---

(1) Въ наказѣ губернаторамъ и воеводамъ (1728) года говорится между прочимъ: не безъизвѣстно есть, что магометане превращаютъ въ свою вѣру, обрѣзываютъ другихъ иновѣрцевъ (П. С. З. № 5333. п. 19.

(2) Уложеніе опредѣлило (XXII гл., 24.) смертную казнь сосженіемъ безъ всякаго милосердія тому бусурману, который какими нибудь мѣрами, насильствомъ, или обманомъ русскаго человѣка къ своей бусурманской вѣрѣ принудитъ и по своей бусурманской вѣрѣ обрѣжетъ. Наказъ губернаторамъ и воеводамъ опредѣляетъ тоже наказаніе за совращеніе въ магометанство и язычниковъ и вмѣняетъ губернаторамъ и воеводамъ накрѣпко смотрѣть за магометанскими учителями вѣры (П. С З. № 5,333.)

(3) Въ царствованіе Елизаветы Петровны, вслѣдствіе сообщенной изъ Конторы новокрещенскихъ дѣлъ въ Казанскую губернскую канцелярію промеморіи, начато было «слѣдствопроизвожденіе о сысканныхъ въ Свіяжской провинціи превращенныхъ и обрѣзанныхъ въ магометанскій законъ». Слѣдствіе производилось до 1749 года и дало такіе результаты: обрѣзанныхъ и превращенныхъ въ могометанскій законъ Чувашъ оказалось 33 человѣка; кромѣ того явилось еще 260 человѣкъ обрѣзанныхъ, но которые еще не перестали содержать старую чувашскую вѣру. Всѣхъ ихъ велѣно было возвратить къ прежней ихъ вѣрѣ, если они не захотятъ обратиться къ христіанству; обрѣзателей и совратителей въ магометанство, которыхъ нашли 16-ть человѣкъ, опредѣлено было сослать на поселеніе въ Сибирь. Относительно же наказанія совращенныхъ въ магометанство мнѣнія властей раздѣлились: однѣ требовали имъ, если не примутъ крещенія, наказанія; другія, какъ видно, считали это ненужною мѣрою. Сенатъ истребовалъ мнѣнія на этотъ счетъ отъ Казанскаго губернатора; въ чемъ оно состояло, неизвѣстно (П. С. З. № 9,631).

къ крещенію. Кромѣ общихъ мѣръ, принятыхъ тогда въ видахъ успѣшнаго веденія дѣла внѣшняго обращенія иновѣрцевъ, которыя примѣнялись въ одинаковой степени усердія ко всѣмъ безъ различія иновѣрцамъ,—по отношенію къ магометанамъ нашли нужнымъ дѣйствовать стѣсненіями свободы, которою они прежде пользовались при исповѣданіи своей вѣры. Понявъ, что магометанство наиболѣе сильно въ странѣ поддержкою со стороны мусульманскаго духовенства, что религія магометанская твердо держится въ народѣ вслѣдствіе вліянія на него муллъ, что послѣдніе удерживаютъ это вліяніе посредствомъ мечетей, служившихъ мѣстомъ не только молитвы, но и проповѣди и школьнаго ученія, почли необходимымъ ослабить эту опору Ислама въ государствѣ. Сенатскимъ указомъ отъ 19 ноября 1742 года всѣ находившіяся въ Казанской губерніи новопостроенныя мечети, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили принявшіе вѣру Греческаго исповѣданія, велѣно было сломать и впредь отнюдь строить не допускать (1). Въ силу этого распоряженія въ теченіе двухъ лѣтъ, до іюня 1744 года, въ одной Казанской губерніи сломали 418 мечетей, оставивъ только 118 (2). Особенную ревность въ этомъ дѣлѣ, равно какъ вообще въ борьбѣ съ магометанствомъ, оказалъ тогдашній Казанскій архіерей, Лука Канашевичъ. «Такъ какъ,—говоритъ Платонъ Любарскій въ своей исторіи Казанской іерархіи,—магометане не столько преклонны къ благочестію, то онъ иногда убѣждалъ ихъ къ тому и нѣкоторыми притѣсненіями: созидая насильно въ срединѣ ихъ селеній церкви и часовни, набирая противъ ихъ воли дѣтей ихъ въ заведенныя имъ новокрещенскія училища, учреждая мимо домовъ ихъ крестныя хожденія и другія многія причиняя имъ противности, что они нерѣдко отъ нестерпимости едва удерживались отъ всеобщаго смятенія» (3). Въ 1744 году эту ревность въ истребленіи мечетей и соединявшихся съ ними татарскихъ училищъ признали возможнымъ нѣсколько умѣрить: позволено было мусульманамъ строить мечети одну на 200 или 300 душъ, но

---

(1) Тамже же. № 8,664.

(2) Тамже же. № 8,978.

(3) Правосл. Собесѣдн. 1868. Авг. стр. 103.

тамъ только, гдѣ не было христіанъ (1). Но мусульмане, вслѣдствіе общаго прошенія которыхъ и вслѣдствіе опасенія правительства, что такая система дѣйствій по отношенію къ послѣдователямъ Магомета, очевидно носящая характеръ религіозной нетерпимости, можетъ вызвать подобный же образъ дѣйствій магометанскихъ правительствъ по отношенію къ ихъ подданнымъ—христіанамъ,—и сдѣлана была эта уступка въ пользу магометанства (2), не удовольствовались тѣмъ. Въ сущности это распоряженіе правительства не заключало въ себѣ ничего утѣшительнаго для ревностныхъ послѣдователей Магометова ученія: православному миссіонеру стоило только поселить въ данной мѣстности, занятой магометанами, нѣсколько христіанъ, или окрестить нѣсколькихъ изъ иновѣрныхъ ея обитателей, чтобы отнять у первыхъ право имѣть мечеть. И дѣйствительно было такъ, что не было ни одной почти деревни татарской, въ которой бы не было новокрещеныхъ по нѣскольку человѣкъ (3), вслѣдствіе чего иновѣрцамъ нель-

---

(1) П. С. З. № 8978.

(2) Распоряженіе правительства, которымъ полагалась граница усердію въ уничтоженіи татарскихъ мечетей, мотивируется такъ: «Понеже изъ присланной изъ Казанской губерніи о тѣхъ мечетяхъ вѣдомости показано, что въ Казани и въ Казанскомъ уѣздѣ мечетей татарскихъ было 536, изъ того числа сломано 418, да не сломано 118, и изъ тѣхъ всѣхъ объ однихъ объявлено, что построены еще до взятія подъ Россійское владѣніе Казани, а другія назадъ тому отъ 200 лѣтъ и ниже: того ради, въ разсужденіи того, ежели у нихъ Татаръ всѣ мечети ихъ сломать, то изъ того не иное что послѣдовать можетъ, токмо одно имъ Татарамъ оскорбленіе, и отъ того бъ не могло до разглашенія дойти въ такія мѣста, гдѣ между Магометанами въ другихъ государствахъ живутъ люди Греческаго исповѣданія, и построены церкви Божія, и не произошло бы тѣмъ церквамъ какого утѣсненія. Къ тому же живущіе въ Россіи Татары магометанскаго закона приводятся къ присягамъ по ихъ законамъ въ ихъ мечетяхъ» (тамже; стр. 158).

(3) Въ 1756 году повѣренный отъ всѣхъ служилыхъ Мурзъ и Татаръ служилый Татаринъ Якубъ Биметевъ въ своемъ прошеніи о дозволеніи строить татарамъ мечети просилъ вывести изъ деревень ихъ новокрещеныхъ, которые служили до того къ

зя было строить мечети. Только въ 1756 году, когда ревность правительства къ дѣлу обращенія значительно охладѣла, мусульмане добились болѣе точнаго правительственнаго опредѣленія относительно мечетей (¹), дававшаго имъ дѣйствительное право заводить ихъ; до тогоже времени имъ приходилось выдерживать борьбу съ обращенною и на нихъ православною пропагандою, не имѣя у себя этой прочной для нихъ опоры. Ревностнѣйшіе изъ нихъ прибѣгли было къ «всякообразнымъ вымысламъ», чтобы ослабить эту пропаганду: подъ вліяніемъ ихъ «нѣкоторые Казанской губерніи вновь крещеные Татары, кои прежде состояли въ магометанскомъ законѣ, Свят. Правительст. Синоду явясь, поданными своими прошеніями представляли (въ 1750 г.), что «они преосвященнымъ Лукою, епископомъ Казанскимъ въ православно-восточную Грекороссійскую вѣру крещены изъ подъ неволи, будучимъ имъ тогда въ безуміи, а ихъ къ тому православныя вѣры принятію самоизвольнаго желанія не было». Уловка эта имъ не удалась, не принесла ревностнымъ поборникамъ Ислама той пользы, на которую они, какъ видно, расчитывали: обвиненіе въ насильственномъ крещеніи, взведенное ими на преосвященнаго Луку и не лишенное основанія, обвиненіе, которымъ они надѣялись, вѣроятно, освободить край отъ такого ревнителя дѣла обращенія, какимъ былъ этотъ архіерей, было признано Синодомъ лживымъ; епископу Лукѣ и другимъ архіереямъ, въ предѣлахъ епархій которыхъ жили иновѣрцы, также Конторѣ новокрещенскихъ дѣлъ предло-

---

этоту препятствіемъ и «коихъ находится по малому числу, а именно: человѣкъ отъ двухъ до шести». Статскій Совѣтникъ Вячеславъ, обрѣтавшійся у новокрещенскихъ дѣлъ, свидѣтельствовалъ, что татарскихъ деревень, гдѣ не имѣлось новокрещеныхъ, было лишь самое малое число», П. С. З. № 10, 597.

(¹) Указомъ 23 августа 1756 года (Тамже) повелѣвалось, чтобы въ деревняхъ, гдѣ число крещеныхъ обитателей не превышаетъ 10-й доли числа некрещеныхъ, дозволяемо было татарамъ строить мечети, при чемъ крещеныхъ слѣдовало переводить въ другія мѣста; а въ которыхъ деревняхъ новокрещеныхъ состоитъ свыше десятой части противъ Татаръ, то тѣхъ некрещеныхъ отцевъ и дѣтей вывести въ другія мѣста и поселить съ некрещеными».

жено по прежнему продолжать дѣло обращенія, съ тѣмъ только, чтобы «въ предостереженіе, дабы впредь какъ отъ Патаръ, такъ и другихъ невѣрныхъ, приходящихъ ко крещенію, потомъ не могло произойти подобныхъ тому отъ вѣры Христовой отрицаній и на духовныхъ властей, какъ отъ вышеупомянутыхъ нѣкоихъ Казанскихъ Татаръ, нарѣканій,— крестить только тѣхъ, которые подадутъ «саможелательныя письменно заручныя о томъ прошенія» и въ нихъ выразятъ искреннее желаніе принять истинную вѣру и полное отреченіе отъ прежней своей вѣры, какъ самой лживой, богомерзской и богопротивной, какъ отъ душепагубной дьявольской прелести (1). Эта формальность конечно не могла сама по себѣ задержать дѣло обращенія иновѣрцевъ и въ томъ числѣ Татаръ, веденное до сихъ поръ съ такимъ усердіемъ, такъ какъ озаботились при установленіи ея устранить затрудненія, которыя могли встрѣтить, при выполненіи ея, желающіе креститься, установивъ опредѣлительныя для магометанъ и язычниковъ формы прошеній о крещеніи и дозволивъ писать ихъ на простой бумагѣ. И дѣло продолжали вести до 1755 года съ одинаковою настойчивостію, какъ и прежде, и по одному и тому же плану; но относительно татаръ-магометанъ такая пропаганда оказалась безсильною достигнуть результатовъ, сколько нибудь похожихъ на тѣ, которые достигнуты ею были въ средѣ языческаго населенія края. Ни убѣжденія миссіонеровъ, ни льготы, даруемыя правительствомъ за переходъ къ христіанству, ни то обстоятельство, что имъ приходилось разоряться отъ платежа за новокрещеныхъ податей, ни уничтоженіе ихъ мечетей, ни другія стѣсненія не дѣйствовали на нихъ; огромнѣйшее ихъ большинство осталось твердымъ въ вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ, между тѣмъ, какъ жившіе рядомъ съ ними язычники почти поголовно всѣ крещены. Изъ 103,175 татаръ муж. пола, которыхъ столько насчитывали въ 1755 году въ тогдашней Казанской губерніи, только 3,670 душъ оказались крещеными (2).

---

(1) П. С. З. № 9,825

(2) Эти, весьма важныя, данныя помѣщены въ указѣ, которымъ въ 1756 году рѣшилось дѣдо о мечетяхъ и объ отдѣленіи, посредствомъ переселенія, крещеныхъ инородцевъ отъ некрещеныхъ (П. С. З. 10, 597). Донесеніе о числѣ крещеныхъ

Но задача, возложенная на миссію, состояла не въ томъ только, чтобы крестить иновѣрцевъ, но и въ томъ, чтобы, окрестивъ ихъ, сдѣлать ихъ христіанами по образу мыслей и жизни. Дѣло внѣшняго обращенія самимъ указомъ 11 Сентября 1740 года, которымъ учрежденная миссія призывалась въ дѣятельности, не признается затруднительнымъ, и объ немъ говорится, какъ о такомъ предпріятіи, успѣхъ котораго, при извѣстной обстановкѣ его, при извѣстныхъ условіяхъ, несомнителенъ: только относительно татаръ-магометанъ въ указѣ выражено сомнѣніе, оказавшееся, какъ мы видѣли, на опытѣ справедливымъ,—чтобы ихъ легко можно было привести ко крещенію, «потому что они въ обычаяхъ своихъ бываютъ весьма замерзѣлы, и ко крещенію никто изъ нихъ по благоволенію не придетъ, развѣ кого къ тому привлечетъ нужда»; все вниманіе составителей этого знаменитаго указа устремлено было на изысканіе и указаніе миссіонерамъ средствъ и способовъ къ внутреннему просвѣщенію новообращенныхъ, что конечно составляло самую трудную и вмѣстѣ самую почтенную задачу, которую предстояло рѣшить миссіи. Этой цѣли думали достигнуть такими мѣрами и способами. Прежде

и некрещеныхъ татаръ, доставленное мѣстными властями въ Сенатъ, распредѣляетъ ихъ такъ: «въ Казанской провинціи ясачныхъ крещеныхъ 1616, некрещеныхъ 35,005; въ Казанской Адмиралтейской конторѣ состоящихъ въ корабельной работѣ крещеныхъ 1766, некрещеныхъ 63,908; въ Симбирской провинціи крещеныхъ 288, некрещеныхъ 592, итого: крещеныхъ 3,670, некрещеныхъ 99,505». — Впослѣдствіи Фалькъ, основываясь на спискахъ ревизіи 1763 года, насчитывалъ между 48,694 душами ясачныхъ татаръ въ Казанскомъ уѣздѣ 13,615 душъ крещеныхъ. Но очевидно, въ это число вошли старокрещенцы, которыхъ не имѣлъ въ виду указъ 23 Августа 1756 года. Что касается иновѣрцевъ язычниковъ, то по спискамъ ревизіи 1762 года значилось, что въ Казанскомъ уѣздѣ изъ 44,687 Черемисъ муж. пола, некрещеныхъ оставалось только 1673 души, изъ 23,652 чувашъ некрещеныхъ только 750 душъ, что Вотяки, коихъ сочтено было 26 209 душъ, оказались всѣ крещеными, за исключеніемъ лишь 502 душъ; что Мордва, коей было 4,960 душъ, крещена вся (Beiträge zur topograph. Kenntn. des Russ. Reichs. I, 155).

всего самимъ миссіонерамъ вмѣнено было въ обязанность, при самомъ призываніи иновѣрцевъ ко крещенію, преподавать имъ «ученіе со всякимъ благимъ усердіемъ о единомъ Тріипостасномъ Богѣ и о воплощеніи Сына Божія, о спасительномъ Его за насъ страданіи и живоносномъ воскресеніи и преславномъ на небеса вознесеніи, о святомъ крещеніи, евхаристіи и другихъ Христомъ Господомъ установленныхъ таинствахъ, о воскресеніи мертвыхъ, о будущемъ вѣкѣ и судѣ», говоря обо всѣхъ этихъ важнѣйшихъ христіанскихъ догматахъ кратко; также научить ихъ молитвамъ: Отче нашъ, Богородице Дѣво, Символу вѣры и Десятословію съ толкованіемъ содержанія ихъ, «чтобы каждый всему оному неотмѣнно былъ наставленъ, обученъ и въ томъ утвержденъ былъ», и это ученіе и всѣмъ «новокрещенымъ во время посѣщенія въ жилищахъ ихъ подтверждать безъ всякаго упущенія». Но миссіонеровъ было слишкомъ мало въ сравненіи съ количествомъ новообращенныхъ, чтобы возможно было на нихъ только возложить трудное дѣло христіанскаго просвѣщенія новообращенныхъ. Мы видѣли, что въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ иновѣрцы обратились ко крещенію, миссіонеры могли быть только на самое короткое время, а въ другихъ и вовсе не бывали, и обращеніе тамъ совершено было помимо всякаго ихъ въ томъ дѣлѣ участія, что многіе приняли крещеніе, бывъ склонены къ тому единственно правительственными возбужденіями, «льстясь, какъ говорится въ одномъ указѣ 1747 года, на едину точію денежную себѣ дачу». Это послѣднее обстоятельство еще болѣе усиливало трудность обязанности утверждать новообращенныхъ въ истинахъ вѣры, возложенной на миссіонеровъ. Впрочемъ какъ задолго прежде, такъ и теперь очень ясно понимали, что для религіозно-нравственнаго перевоспитанія цѣлыхъ сотенъ тысячъ людей, въ продолженіе многихъ вѣковъ коснѣвшихъ въ вѣрованіяхъ язычества или магометанства, не достаточно однихъ миссіонерскихъ проповѣдей и уроковъ въ православномъ катихизисѣ. Средства и способы къ вѣрнѣйшему достиженію этой цѣли найдены и указаны и даже практикованы въ прежнія времена, и теперь оставалось примѣнить ихъ къ дѣлу въ размѣрахъ, требуемыхъ обстоятельствами. Это: школьное ученіе дѣтей инородческихъ и отдѣленіе новокрещеныхъ отъ некрещеныхъ и сближеніе ихъ съ русскими. Что касается до инородческихъ школъ, то указомъ 11 Сентября 1740 го-

да предписано было привести въ исполненіе повелѣніе, изданное еще въ 1735 году, въ силу котораго должны были быть учреждены четыре тамъ школы, а именно: въ Казани въ Ѳедоровскомъ монастырѣ, въ Казанскомъ уѣздѣ по Зюрейской дорогѣ въ дворцовомъ селѣ Елабугѣ, въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ городѣ Цивильскѣ, въ Казанскомъ уѣздѣ въ городѣ Царевококшайскѣ, съ тѣмъ, чтобы въ этихъ школахъ учить «новокрещенскихъ дѣтей русской грамотѣ по алфавиту и слогамъ букваря съ десятословіемъ, часослову, псалтири и катихизису, и скорописному», наблюдая при этомъ, чтобы они и своихъ природныхъ языковъ не забыли». Подробности устройства этихъ школъ приказано сообразить на мѣстѣ и проектъ его, по разсмотрѣніи въ Синодѣ, представить въ Кабинетъ для утвержденія немедленно. Въ 1742 году этотъ проектъ подвергся пересмотру въ Сенатѣ, который его одобрилъ (въ этомъ проектѣ, вообще, кажется, согласномъ съ проектомъ 1735 г. вмѣсто Цивильска постановлено быть школѣ въ Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ), сдѣлавъ только то измѣненіе, что вмѣсто одного лѣкаря, который проектомъ назначался для пользованія учениковъ, постановилъ опредѣлить при школахъ двухъ «изъ достойныхъ въ томъ искуствѣ» съ порученіемъ каждому по двѣ школы, съ тѣмъ, что они не только должны были лечить, въ случаѣ болѣзни, школьниковъ, но и обязаны были наипаче, кои изъ тѣхъ иновѣрческихъ дѣтей совсѣмъ обучатся и изъ нихъ способные усмотрятся, обучить нѣсколькихъ хотя кровопусканію (1). Изъ донесенія управителя Новокрещенской конторы архимандрита Сильвестра Гловацкаго Синоду отъ 15 Мая 1745 года (2) видно, что въ это время уже существовали въ Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ двѣ школы на 50 человѣкъ, что для жительства ученикамъ, также учителямъ и смотрителямъ отведены каменные покои, что онѣ были снабжены всѣми необходимыми при житьѣ принадлежностями, баней, хлѣбней, поварней, погребомъ и лазаретомъ, что въ этихъ школахъ уже училось разныхъ народовъ новокрещеныхъ дѣтей 30 человѣкъ славянороссійской грамотѣ подъ руководствомъ учителя и смот-

---

(1) П. С. З. № 8,579.

(2) Изд. въ статьѣ г. Щапова. Луки Канашевичъ. Прав. Соб. 1858 г. стр. 472.

рителя; къ концу 1749 года всѣ четыре новокрещенскія школы, которыя велѣно было учредить, были наконецъ уже въ ходу; преосвященный Лука, въ полное вѣденіе котораго онѣ тогда были отданы, набралъ въ нихъ учениковъ изъ дѣтей крещеныхъ инородцевъ, назначилъ учителей, которые впрочемъ года черезъ два, вслѣдствіе предписанія изъ Синода, признавшаго ихъ недостаточно искусными и знающими иновѣрческіе языки, замѣнены другими, болѣе способными къ обученію тѣхъ новокрещенскихъ дѣтей. Около 1753 г. при устроенной имъ въ Татарской слободѣ въ Казани церкви во имя св. Захарія и Елизаветы онъ учредилъ также новокрещенскія школы, въ которыя собраны были ученики прежде открытыхъ 4 школъ (1). Во всѣхъ этихъ школахъ, въ которыхъ инородческія дѣти должны были обучаться главнымъ образомъ въ надежду священства; кромѣ русскаго языка, закона Божія и молитвъ, были классы и языковъ татарскаго, чувашскаго и черемисскаго (2).

Но болѣе, чѣмъ посредствомъ новокрещенскихъ школъ, надѣялись утвердить новообращенныхъ въ законѣ Христіанскомъ путемъ отдѣленія ихъ отъ некрещеныхъ инородцевъ и сближенія ихъ съ Русскими; по крайней мѣрѣ это дѣло вызвало несравненно болѣе, чѣмъ школы, разныхъ указовъ, правительственныхъ распоряженій и мѣропріятій. Въ началѣ описываемаго просвѣтительнаго движенія правительство, какъ видно изъ указа 11 Сентября 1740 года, положило переводить новокрещеныхъ въ русскія селенія, оставляя на прежнихъ мѣстахъ некрещеную ихъ братью, въ тѣхъ видахъ, что переселенные въ русскія селенія, живя среди русскихъ, скорѣе ут-

---

(1) Казанскія новокрещенскія школы, говоритъ г. Маловъ (О новокрещенскихъ школахъ въ XVIII столѣтіи), на берегу озера Кабана сдѣлались единственною центральною школою для Казанскаго края. Не зная достовѣрно причинъ, по которымъ такъ скоро были уничтожены школы въ разныхъ мѣстахъ, такъ недавно еще возникшія, мы можемъ только предполагать, что или не было дѣльныхъ учителей, которые бы могли съ успѣхомъ поддерживать существованіе школъ, или Еп. Лука, соединивъ ихъ всѣ вмѣстѣ, хотѣлъ тѣмъ самымъ усилить ихъ, особенно при своемъ личномъ непосредственномъ надзорѣ».

(2) Прав. Соб. 1858. стр. 474—477.

вердятся въ законѣ христіанскомъ; а такъ какъ было основаніе думать, что всѣ новокрещеные между русскими людьми въ однихъ съ ними деревняхъ умѣститься не могутъ, а иные изъ нихъ, можетъ быть, и сами пожелаютъ, чтобы имъ было отведены особыя мѣста для поселенія, то рѣшено было селить такихъ въ удобныхъ мѣстахъ между Саратовомъ и Царицынымъ; дозволять также положено новокрещенымъ, которые переселяться не пожелаютъ, жить, буде похотятъ, въ Казани и въ другихъ городахъ между русскими людьми своими домами, или у купечества и другихъ чиновъ въ работѣ изъ найма и безъ найма, съ тѣмъ только, чтобы такихъ новокрещеныхъ въ вѣчное услуженіе никому не отдавать, съ правомъ впрочемъ жить имъ, у кого похотятъ и сколько времени похотятъ, подъ условіемъ, чтобы урочные года, на которые кому дадутъ по своей воли записи, выживали, и по истеченіи тѣхъ урочныхъ лѣтъ жили въ томъ же городѣ, у кого пожелаютъ, и въ другіе города не переходили, для того, что ежели ихъ до такаго перехода изъ города въ города допустить, то они могутъ излыгаться, и никакого отъ нихъ плода быть не можетъ; къ тому же и по окончаніи увольнительныхъ лѣтъ податей за переходомъ ихъ изъ мѣста въ мѣсто брать съ нихъ будетъ не возможно». Русскимъ людямъ, среди которыхъ могли быть поселены новокрещеные, положено вмѣнить въ обязанность накрѣпко смотрѣть за поведеніемъ новыхъ ихъ сосѣдей, и, «ежели кто усмотритъ, что они держатся старыхъ языческихъ или магометанскихъ обычаевъ, увѣщевать, чтобы тѣ отъ того отстали, а буде не послушаются, объявлять священникамъ. Эти послѣдніе должны были наставить такихъ на истинный путь, налагая на непокорныхъ незначительные штрафы или эпитиміи, однакоже съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы при этомъ «по приказному обычаю опи ихъ не завязывали, но всякое снисхожденіе, сколько возможно, имъ показывали, дабы чрезъ такіе къ нимъ ласковые поступки и наставленіе праведному и безпорочному житію прочимъ иновѣрнымъ къ воспріятію Христіанскаго закона придать охоту». Въ видахъ болѣе тѣснаго сближенія новокрещеныхъ съ Русскими положено было стараться склонять ихъ, чтобы въ воспріемники и воспріемницы своихъ дѣтей брали Русскихъ, кто кому изъ нихъ пріятенъ, а такъ какъ извѣстно было, что послѣдніе сами часто не имѣли понятія объ обязанностяхъ, соединенныхъ съ званіемъ

воспріемника, то признано было нужнымъ сочинить и разослать по всему Государству особое о томъ поучительное слово, которое должно было быть изложено «въ самыхъ простыхъ терминахъ, дабы и крестьяне разсудить могли, что есть должность воспріемниковъ»; это слово священникъ, окрестивъ младенца, долженъ былъ прочитать воспріемникамъ, чтобы знали, какъ имъ съ духовными дѣтьми поступать и какъ учить ихъ твердому содержанію христіанскаго закона, и праведному житію и другимъ добрымъ поступкамъ. Кромѣ того признано нужнымъ стараться склонять Русскихъ и новообращенныхъ къ вступленію въ родственныя между ними посредствомъ браковъ связи; это для того, что «имѣя во своемъ домѣ зятя или сноху изъ Русскихъ, новокрещеные будутъ опасаться чинить дѣла, противныя христіанскому закону, и прежнее свое заблужденіе отъ времени до времени покидать и забывать станутъ». Но какъ это должно было встрѣтить препятствіе со стороны обычая, по которому инородцы брали за своихъ дочерей выходъ, между тѣмъ, какъ Русскіе обыкновенно давали за своими дочерьми приданое, то въ отвращеніе этого препятствія положено склонять Русскихъ, чтобы они выдавали своихъ дочерей за крещеныхъ инородцевъ, не требуя съ нихъ, по ихъ обычаю, выхода, но давая по прежнему русскому обычаю за невѣстами приданое, а также и новокрещеныхъ убѣждать, чтобы и тѣ такимъ же образомъ поступали. Что касается до новокрещеныхъ, которые бы пожелали селиться между Саратовомъ и Царицынымъ, то, за недостаткомъ тамъ русскихъ поселеній, положено дѣйствовать на нихъ наиболѣе посредствомъ священниковъ. На каждые 250 дворовъ рѣшено было построить церковь и къ каждой церкви опредѣлить по два священника, по одному діякону и по три церковника, людей ученыхъ, искусныхъ и трезвыхъ, обезпечивъ ихъ совершенно въ средствахъ къ жизни, дабы они о домашнихъ своихъ нуждахъ ни малѣйшаго попеченія не имѣли, но денно и ночно трудились, поучая новокрещеныхъ закону и страху Божію и добродѣльному и непорочному житію» (1).

Таковъ былъ составленъ планъ релегіозно-нравственнаго, внутренняго просвѣщенія новообращенныхъ инородцевъ. Ка-

(1) П. С. З. № 8236.

залось бы предъ совокупнымъ и дружнымъ дѣйствіемъ проповѣди и назиданій миссіонеровъ, школьнаго ученія дѣтей новокрещеныхъ, отеческой заботливости приходскаго духовенства объ интересахъ духовной жизни новыхъ членовъ Православной Церкви, вліянія на нихъ старинныхъ христіанъ, православныхъ Русскихъ людей должны были разсѣяться старинныя языческія или магометанскія вѣрованія ихъ, уступивъ мѣсто новымъ, неизмѣримо лучшимъ. Миссіонеры ѣздили по многимъ селеніямъ новокрещеныхъ, уча ихъ закону божію; дѣти новообращенныхъ обучаемы были въ школахъ; изъискивали ученыхъ священниковъ для опредѣленія въ приходы новокрещенскіе; старательно отдѣляли крещеныхъ отъ упорствовавшихъ въ прежнихъ заблужденіяхъ: и не смотря на все это, цѣль, для чего все это дѣлалось, достигалась весьма плохо; результаты всей этой дѣятельности, всего этого предпріятія были столь незначительны, что всѣ, кому только удавалось наблюдать жизнь новокрещеныхъ во второй половинѣ XVIII столѣтія, да и въ первыя два, три десятилѣтія настоящаго вѣка, согласно утверждаютъ, что христіанскія понятія и вѣрованія мало привились къ нимъ, что напротивъ эти по имени христіане усердно держались старинныхъ языческихъ, или магометанскихъ заблужденій. Лепехинъ, напримѣръ, изъ своего путешествія вынесъ такое заключеніе о степени дѣйствительнаго христіанскаго развитія новокрещеныхъ: «Чуваши и Мордва хотя и просвѣщены св. крещеніемъ, однако между ними попадаются семьи, которыя живутъ по старой вѣрѣ, и рѣдко можно встрѣтить деревню, при которой бы не было остатковъ ихъ богомолья» (1). «Обращая, доносилъ Синоду въ концѣ XVIII вѣка преосвященный Амвросій, архіепископъ Казанскій,—по долгу служенія своего вниманіе на епархію, мнѣ ввѣренную, нахожу, что живущія въ оной непросвѣщенныя племена Чувашъ и Черемисъ не имѣютъ не только достаточнаго, но и малаго понятія объ истинахъ вѣры, къ которой приведены они святымъ крещеніемъ безъ предварительнаго истолкованія имъ догматовъ оныя»; этотъ же архипастырь свидѣтельствуетъ, что эти крещеные инородцы къ богослуженію собираются болѣе по принужденію, нежели изъ внутренняго убѣжденія, и уклоняются отъ посѣщенія богослуженія,

(1) Дневныя Зап. ч. I, стр. 162.

котораго не понимаютъ, по незнанію не только славянскаго, но и русскаго языка,—думая, что ихъ принуждаютъ ходить въ церковь только для того, чтобы молиться за Русскихъ» (1). За 25 лѣтъ тому назадъ и болѣе, писалъ въ 1856 году В. А. Сбоевъ (2) о Чувашахъ, керемети существовали почти въ каждомъ селѣ, и въ нихъ открыто приносились языческія жертвы... Обращенные въ христіанство (около 106 лѣтъ тому назадъ не силою убѣжденія, но по принужденію), они не имѣли ни малѣйшаго понятія объ истинахъ нашей вѣры. Они крестились сами, крестили дѣтей своихъ, въ случаѣ болѣзни исповѣдывались и пріобщались св. Таинъ, вовсе не понимая, что дѣлаютъ. Обыкновенно они бывали въ церкви только три раза въ жизни, т. е. когда ихъ крестили, когда женили, когда отпѣвали. Они видѣли въ священникахъ доносчиковъ, враговъ, преслѣдователей своихъ и самыя законныя дѣйствія ихъ перетолковывали по своему, давали имъ другой смыслъ.

Впрочемъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что стремленіе правительства утвердить новообращенныхъ въ истинахъ вѣры далеко не достигало цѣли. Мы имѣли уже случай довольно подробно говорить, что чисто просвѣтительныя силы, которыми обладала Россія въ первыя сорокъ лѣтъ XVIII столѣтія, вслѣдствіе неудовлетворительности положенія духовенства, были крайне незначительны. Нельзя было въ короткое время воспитать образованныхъ и вполнѣ преданныхъ обязанностямъ своего званія священнослужителей, тѣмъ болѣе, что въ жизни духовенства, какъ общественнаго элемента, не было узаконено никакихъ перемѣнъ къ лучшему. Существенный интересъ, который занималъ духовныхъ и во вторую половину XVIII, не смотря на то, что теперь являлось болѣе учившихся въ семинаріи, былъ интересъ матеріальный, помышленіе о средствахъ къ жизни, въ которыхъ они по прежнему не были обезпечены. Дѣло духовнаго просвѣщенія прихожанъ и въ томъ числѣ новокрещеныхъ, если таковые у кого въ приходѣ были, въ ихъ глазахъ продолжало быть второстепеннымъ. Конечно были священники, которые отнюдь не походили на

---

(1) Изд. въ ст. г. Щапова. «Лука Канашевичъ». Прав. Собесѣдн. 1858. стр. 476—480.

(2) Изслѣдованія объ инородцахъ Казанской губерніи. Соч. В. А. Сбоева. Казань. 1855 г. стр. 12.

того Ильинскаго попа, котораго дѣянія по отношенію къ Зырянамъ, его прихожанамъ, описалъ Лепехинъ (1); но во всякомъ случаѣ количество истинно просвѣщенныхъ, добросовѣстныхъ и безкорыстныхъ дѣятелей въ кругу духовенства было незначительно. Между тѣмъ для тѣхъ священнослужителей, которымъ достались приходы изъ новокрещенцевъ и которые должны были восполнять по отношенію къ нимъ, что не успѣли, или не съумѣли сдѣлать миссіонеры, назначалась громадная работа, требовавшая для удачнаго ея исполненія людей сильныхъ духомъ и высокоразвитыхъ нравственно. Самый способъ обращенія иновѣрцевъ, размѣры, въ которыхъ совершалось это обращеніе, чрезмѣрно затрудняли дѣло внутренняго, религіознаго ихъ совершенствованія. Не такъ было трудно учить истинамъ вѣры тѣхъ иновѣрцевъ, которые прежде, чѣмъ были окрещены, вслѣдствіе долгаго и близкаго сожительства съ Русскими, знали языкъ послѣднихъ, переняли многіе ихъ обычаи, знакомы были по крайней мѣрѣ въ внѣшнею, обрядовою частію христіанства: тутъ почва была распахана, подготовлена, и оставалось только бросить своевременно и опытной рукой добрыя сѣмена. Но тамъ, гдѣ иновѣрцы цѣлыми тысячами приняли крещеніе, совершенно не понимая значенія этого дѣла, считая его простымъ актомъ омовенія (2), гдѣ приняли его потому, что за принятіе сулили имъ значительныя въ ихъ положеніи выгоды, а за непринятіе грозили увеличеніемъ податей и повинностей, тамъ, гдѣ приходы состояли исключительно изъ селеній такого рода новокрещеныхъ, которые не знали русскаго языка, чуждались русскихъ,— селеній, удаленныхъ иногда на значительныя разстоянія отъ

(1) «Ильинскій батька не только представлялъ у нихъ (Зырянъ) священнослужителя, но еще прорицателя. Отъ его предсказанія зависѣло время сѣнокоса, жатвы и прочихъ крестьянскихъ предпріятій; но сія довѣренность и поповское корыстолюбіе нерѣдко принуждали Зырянъ, какъ говорятъ, пропускать пору сѣять, косить и жать; а его благословенію въ такихъ случаяхъ молебное пѣніе нагрѣвало руки». (Дневныя Зап. ч. III, стр. 268).

(2) Кн. Щербатовъ въ своемъ сочиненіи «о статистикѣ въ разсужденіи Россіи» говоритъ: «также какъ въ баню, такъ и ко крещенію водили, и давали имъ крестъ, который они по грубости нѣкіимъ талисманомъ почитаютъ, и образъ, которой они чтятъ за идола» (Чт. М. О. И. 1859 г. № 3).

церквей, тамъ самые доблестные пастыри должны были встрѣтить великія препятствія дѣлу религіознаго просвѣщенія, безъ надежды побѣдить ихъ своими силами. Ухватились за счастливую, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, мысль—замѣстить священнослужительскія должности въ такихъ приходахъ новокрещеными же, предварительно подготовивъ ихъ къ полезному прохожденію этихъ должностей въ особыхъ, новокрещенскихъ школахъ, и вообще порѣшили въ школахъ обучать новокрещенскихъ дѣтей истинамъ вѣры, чтобы чрезъ нихъ проводить въ массу новокрещеныхъ христіанскія понятія; но во первыхъ, заведенныхъ съ этою цѣлію школъ было недостаточно, если взять въ вниманіе количество новообращенныхъ, и во вторыхъ, что важнѣе, эти школы послѣ удаленія съ Казанской архіерейской каѳедры преосв. Луки, который всѣми средствами поддерживалъ ихъ, насильно даже загоняя въ нихъ учениковъ, пришли вскорѣ въ совершенный упадокъ вслѣдствіе недостатка поддержки ихъ со стороны высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, не позаботившихся даже взять нужныя мѣры къ переводу самонужнѣйшихъ священныхъ книгъ на инородческіе языки, хотя необходимость этого въ интересахъ религіознаго просвѣщенія инородцевъ уже давно были сознана (1). Наиболѣе надѣялись привить къ новокрещеным христіанскія понятія и вѣрованія и научить христіанскому образу жизни, поставивъ ихъ въ близкое общеніе съ коренными Русскими людьми, и въ этихъ видахъ составили обширный планъ переселенія ихъ. Мысль въ основѣ вѣрная: всякое извѣстное новое направленіе утверждается въ жизни малоразвитыхъ обществъ между прочимъ и путемъ вліянія на нихъ обществъ высшаго развитія, и чѣмъ тѣ и другія стоятъ въ болѣе близкомъ общеніи между собою и чаще соприкасаются другъ къ другу, тѣмъ скорѣе достигается такой результатъ. Но дѣло въ томъ, что Русское населеніе, жившее въ селахъ и городахъ, хотя вообще стояло на высшей степени развитія, чѣмъ большинство иновѣрцевъ, но не въ такой мѣрѣ, чтобы

---

(1) Въ концѣ XVIII столѣтія преосв. Амвросій считалъ нужнымъ представить Синоду о необходимости перевода на Чувашскій и Черемесскій языки на первый разъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ самонужнѣйшихъ молитвословій. Прав. Соб. 1858 г. стр. 484—486.

оно способно было въ ту пору плодотворно подѣйствовать на религіозно-нравственую жизнь новокрещеныхъ. Мы видѣли, какъ тяжоло было въ ту пору общественно-экономичекое положеніе податнаго населенія, среди какихъ лишеній, скорбей, оскорбленій и униженія проходила жизнь рабочихъ людей Русской имперіи. При такомъ положеніи огромнаго большинства населенія не возможно было духовное его совершенствованіе. Рабъ, а также и тотъ, чьему имуществу, чести, жизни постоянно грозитъ опасность со стороны произвола, не могутъ имѣть ни охоты, ни времени учиться чему либо новому, лучшему, и отъ нихъ нельзя требовать жизни и поведенія, согласныхъ съ христіанскою нравственностію. Отсюда, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что тогда, да и долго потомъ, большинство русскаго населенія было безграмотнымъ, имѣло смутныя понятія о правахъ и обязанностяхъ человѣческихъ, заражено было суевѣріями и грубыми наклонностями, и въ религіи, имъ исповѣдуемой, знало только внѣшнюю сторону, не проникая въ смыслъ ученія Спасителя. Признавъ нужнымъ и чрезъ крестьянъ проводить въ среду новокрещеныхъ христіанскія понятія, правительство должно было сознаться, что Русскіе люди не всегда имѣютъ понятіе объ обязанностяхъ воспріемниковъ. Сознавая такимъ образомъ всю недостаточность религіозно-нравственнаго образованія коренныхъ Русскихъ людей, правительство, которое заводило школы для чужеродцевъ, горѣло желаніемъ во что бы то ни стало сдѣлать изъ нихъ истинныхъ христіанъ, которое позднѣе другимъ чужеродцамъ, ходомъ исторіи введеннымъ въ составъ Русской имперіи, разсыпало разныя щедроты;—это самое правительство для образованія коренныхъ русскихъ земледѣльцевъ сдѣлало лишь то, что приказало составить особую книжицу объ обязанностяхъ воспріемниковъ, въ видахъ, этимъ путемъ вкоренить въ ихъ невѣжественныхъ умахъ надлежащія христіанскія понятія, и то лишь потому, что безъ нихъ оказалось невозможнымъ совершить подвигъ религіознаго воспитанія инородцевъ. Понятно, что послѣдніе, приходя сами, или будучи приводимы правительствомъ въ связь съ Русскими, могли отъ нихъ перенимать разные обычаи домашней и общественной жизни, разныя ремесла и проч., но отнюдь не истинныя понятія о христіанскихъ догматахъ и

обязанностяхъ (¹). Въ дѣлѣ религіи русское простонародье, одна, значительная, часть котораго, уклонясь въ расколъ, не признавала ученій Православной Церкви, а для другой, считавшейся православною, нужнымъ оказывалось издавать понудительные указы о хожденіи по праздникамъ къ церковнымъ службамъ, о ежегодномъ говѣньи и проч. и налагать штрафы за несоблюденіе такихъ указовъ,— могло научить иновѣрцевъ и новокрещеныхъ лишь обыкновенной религіозной внѣшности и обрядности, и то тогда только, когда послѣдніе приходили въ общеніе съ первымъ вслѣдствіе обыкновеннаго, естественнаго, вызывавшагося экономическими условіями, разселенія и сближенія.

Что же касается до искусственнаго, вызваннаго правительственными соображеніями, сближенія, посредствомъ переселенія, инородцевъ съ Русскими, то оно рѣшительно не привело къ цѣлямъ, которыя надѣялись достичь этою мѣрою; напротивъ это предпріятіе, равно какъ и вообще усиленно двинутый просвѣтительный вопросъ вовлекли за собою разныя затрудненія для правительства и великую запутанность и неурядицу въ общественно-экономическомъ быту инородцевъ, какъ новообращенныхъ, такъ и тѣхъ, которые остались въ вѣрѣ отцовъ своихъ, затрудненія и замѣшательства, побудившія правительство сдѣлать значительныя измѣненія въ его первоначальномъ просвѣтительномъ планѣ и наконецъ даже пріостановить его дальнѣйшее выполненіе на неопредѣленное время.

Что касается до новообращенныхъ, то, задавшись намѣреніемъ утвердить ихъ въ христіанскомъ законѣ и, для осуществленія его, положивъ между прочимъ переселять ихъ въ другія мѣста, правительство съ своей стороны приняло

(¹) «Новообращенные, говоритъ Фалькъ, разсуждая о вліяніи Русскихъ на новообращенныхъ,— если не въ вѣрѣ, которую съ старыми суевѣріями смѣшиваютъ, то въ образѣ жизни держатся сколько русскихъ, столько и отеческихъ обычаевъ. Жилища ихъ, одежда, привычки, экономія, словомъ, все хотя на Русскій ладъ, но еще со многими отъ него уклоненіями. Новообращенные изъ магометанъ удержали многое отъ ихъ опрятнаго, язычники отъ грязнаго образа жизни (Beiträge zur topograph. Kenntn. des Russisch. Reichs. 1. 155).

всѣ мѣры къ тому, чтобы новокрещеные отъ этого переселенія не потерпѣли убытку и вообще не подверглись какимъ либо непріятностямъ въ новомъ ихъ положеніи. Переселяемымъ новокрещенымъ велѣно было на новыхъ мѣстахъ, безъ всякой волокиты, давать столько земли и угодьевъ, сколько они имѣли на прежнихъ жилищахъ; домами и прочимъ имуществомъ имъ предоставлялось при переселеніи распоряжаться, какъ найдутъ для себя выгоднѣе. «И понеже,—справедливо разсуждаетъ Указъ,—всего, что при переселеніи можетъ случиться, описать не возможно: того ради къ тому переселенію опредѣлить такую надежную персону, который бы въ томъ поступалъ по сущей справедливости, безпристрастно, и переселялъ бы по нѣскольку семей въ годъ, а не всѣхъ вдругъ, изыскивая къ тому потребные способы, какъ бы ихъ переселить безъ излишнихъ убытковъ; а чтобы онъ, будучи при такомъ богоугодномъ дѣлѣ, ко взяткамъ и подаркамъ не касался, для того опредѣлить ему жалованье противъ его ранга полное, не въ образецъ другимъ, изъ положенной на обращеніе иновѣрцовъ суммы». Назначенный на это мѣсто, которое не долгое время занималъ коллежскій совѣтникъ Жуковъ,—Свіяжскій воевода Борисъ Ярцовъ (въ 1742 г.) дѣйствительно съ замѣчательнымъ усердіемъ и добросовѣстностію исполнялъ это дѣло, которому, равно какъ вообще дѣлу обращенія и просвѣщенія иновѣрцевъ, содѣйствовалъ еще будучи воеводой (1). Но при всемъ томъ новокрещенымъ приходилось не мало терпѣть разнаго рода невзгодъ, именно вслѣдствіе того, что они приняли крещеніе. Тѣ изъ нихъ, которые переселялись въ русскія селенія, должны были испытывать притѣсненія отъ Русскихъ. Оказалось, что многіе Русскіе, съ которыми сближали новокрещеныхъ въ видахъ скорѣйшаго просвѣщенія послѣднихъ въ дѣлѣ религіи, рѣ-

(1) Представляя на эту должность Ярцова, архимандритъ Сѣченовъ писалъ о немъ между прочимъ: «во время бытія на воеводствѣ ассессоръ Борисъ Ярцовъ къ крещенію иновѣрцевъ оказывалъ всеревностныя вспоможенія и во всякихъ до новокрещенъ дѣлахъ показывалъ къ нимъ чрезъ ласковые къ нимъ поступки многія защищенія безпристрастно, чрезъ что въ оной иновѣрцевъ просвѣщено многое число». Донесеніе это изд. г. Щаповымъ. Прав. Собесѣдн. 1858 г. стр. 465.

шительно не думали объ этой цѣли. «Они, Русскіе, писалъ въ 1743 году совѣтникъ Новокрещенской конторы Ярцовъ, чинятъ новокрещенымъ великія обиды, а имянно: держатъ ихъ у себя на работѣ, берутъ съ нихъ крѣпостныя записи, и крѣпости партикулярныя, и вексельныя письма на многіе годы въ великихъ долгахъ и тѣмъ принуждаютъ ихъ жить у себя по нѣскольку лѣтъ въ тяжкой работѣ; а ежели кто изъ новокрещеныхъ пожелаетъ изъ такой неволи выти, то тѣ хозяева на тѣхъ новокрещеныхъ безгласныхъ, которые не только ябедническихъ дѣлъ, но и Русскаго языка не знаютъ, подаютъ въ городахъ челобитья, и воеводы нѣкоторые чрезъ происки тѣхъ хозяевъ поступаютъ съ ними немилостиво и держатъ по многому времени въ тюрьмахъ подъ карауломъ и принуждаютъ смиряться предъ хозяевами, и они, сидя въ неволѣ, принуждены бываютъ опять давать на себя крѣпости въ великихъ деньгахъ и на многіе годы и затѣмъ оставаться по прежнему въ работѣ». Другимъ новокрещенымъ приходилось терпѣть разныя утѣсненія отъ чиновной братіи. «У нихъ, писалъ тотъ же Ярцовъ, проѣзжающіе всякихъ чиновъ люди, а болѣе посылаемые изъ городовъ разсыльщики и обрѣтающіеся у подушнаго сбора солдаты берутъ подводы безъ подороженъ и безъ платежа прогоновъ и берутъ всякіе кормы и съѣстные припасы, отъ чего тѣ бѣдные новокрещены приходятъ во всекопечное разореніе, а особливо отъ некажущихъ милости къ ихъ защищенію городовыхъ и провинціальныхъ воеводъ». Тѣ изъ новообращенныхъ, которые не были еще переведены на другія мѣста, кромѣ того терпѣли многія обиды и утѣсненія отъ некрещеной ихъ братіи. «Къ тому же, доносилъ Ярцовъ, тѣмъ новокрещенымъ чинятъ некрещеные иновѣрцы великія жъ обиды, принуждаютъ нѣкоторыхъ новокрещенъ платить съ собою обще до прошествія трехлѣтней льготы подушныя деньги и другія подати, а въ другихъ мѣстахъ является и то, что иновѣрцы (въ рекруты) отдаютъ за некрещеныхъ новокрещеныхъ; къ тому же тѣ некрещеные, злобствуя на нихъ за воспріятіе Православной христіанской вѣры, наносятъ на нихъ великія клеветы, въ канцеляріяхъ подаютъ ложныя и вымышленныя прошенія и доношенія, по которымъ тѣхъ новокрещеныхъ забираютъ въ канцеляріи и держатъ подъ карауломъ многія времена, а въ другихъ мѣстахъ чинятся новокрещенымъ отъ тѣхъ некрещеныхъ и смертныя убійства;

о которыхъ ихъ обидахъ и разоренiяхъ во многiя городовыя и провинцiальныя канцелярiи сообщены промеморiи, по которымъ промеморiямъ не токмо, чтобы тѣхъ городовъ воеводы новокрещенъ отъ обидъ оборонили, но и къ нему Ярцову ни о чемъ не сообщаютъ и знать не даютъ» (1). Тѣмъ безпрепятственнѣе некрещеные могли обижать новокрещеныхъ, писалъ далѣе Ярцевъ, что «во многихъ уѣздахъ некрещеные выбираются въ сотники, въ старосты и выборные, и надъ новокрещеными имѣютъ команду и, за воспрiятiе святаго крещенiя злобствуя, чинятъ имъ несносныя обиды, и въ государственныхъ податяхъ противъ иновѣрцевъ весьма отягощаютъ, и бьютъ немилостиво и собираютъ всякiя подати и въ рекрутскiя складки деньги такъ, какъ и съ некрещеныхъ». Просьбы новокрещеныхъ объ обидахъ отъ некрещеныхъ въ канцелярiяхъ мало принимались, и если дѣло доходило до разбирательства, то новокрещеные оставались больше виновными, нежели некрещеные, успѣвавшiе подарками и взятками судей склонять на свою сторону (2). Все это такъ тяжело подѣйствовало на хозяйство новообращенныхъ, что, «ежели, — какъ писалъ Сенату въ 1744 году Ярцовъ, — они отъ сказанныхъ обидъ защищены не будутъ, то, чаятельно, они по прошествiи данной имъ трехлѣтней льготы, въ платежѣ государственныхъ податей будутъ весьма не въ состоянiи; ибо хотя нынѣ отъ него новокрещеные къ переселенiю опредѣляются, да за тѣми обидами и совершенною скудостiю нѣкоторымъ и построиться нечѣмъ, да и некрещеные, видя новокрещенымъ обиды и разоренiя, ко крещенiю намѣренiе свое весьма отлагаютъ, и какъ въ крещенiи, такъ и въ переселенiи учинилась великая остановка» (3). Самое переселенiе новокрещеныхъ въ другiя мѣста составляло для нихъ одинъ изъ источниковъ значительныхъ неудобствъ и лишенiй. Мѣры, принятыя правительствомъ къ тому, чтобы это переселенiе было для нихъ безъубыточнымъ, на дѣлѣ не всегда вели къ цѣли; кромѣ того, что новокрещенымъ безъ потерь при этомъ переселенiи нельзя было обойтись, приходилось имъ еще испытывать разныя

---

(1) П. С. З. № 8929 стр. 90.

(2) Тамже; стр. 93.

(3) Тамже; стр. 91.

проволочки прежде, чѣмъ опредѣлялись для нихъ новыя мѣста; «при поселеніи новокрещеныхъ, доносилъ Ярцовъ, великія въ дѣлахъ трудности находятся, а особливо въ сношеніяхъ съ губернскими, провинціальными и городовыми канцеляріями о разныхъ дѣлахъ промеморіями». Вслѣдствіе этого новокрещеные просили о переводѣ ихъ отъ иновѣрцевъ въ другія мѣста лишь только тогда, когда приходилось выносить отъ послѣднихъ уже нестерпимыя обиды; въ большинствѣ же случаевъ они смотрѣли на переселеніе, какъ на несчастіе, и всячески уклонялись отъ него. Такъ, что касается до предположеннаго правительствомъ поселенія иновѣрцевъ между Саратовомъ и Царицынымъ, то оно не состоялось, потому что, какъ доносилъ Сѣченовъ, въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ новоприходящіе ко святому крещенію иновѣрцы на оное поселеніе итти никто не пожелалъ (1). Тотъ же Сѣченовъ доносилъ, что «въ Казанской губерніи въ однихъ деревняхъ являются новокрещеныхъ двѣ, а иновѣрцевъ одна часть двороваго числа и меньше, и буде иновѣрцы съ малымъ числомъ дворовъ будутъ оставаться на прежнихъ своихъ жилищахъ, то отъ того переселенія новокрещенымъ воспослѣдуетъ убытокъ, отъ иновѣрцевъ же поруганіе, яко бы за воспріятіе св. крещенія они старинныхъ своихъ жительствъ лишаются, а ежели бы не крестились, то бы де на прежнихъ своихъ жилищахъ жили бы безъубыточно» (2).

Въ видахъ охраненія интересовъ новокрещеныхъ, согласно представленію Сѣченова и Ярцова и другихъ лицъ, вѣдавшихъ новокрещенскія дѣла, правительство приняло слѣдующія мѣры. Вслѣдствіе того, что переселеніе новокрещеныхъ оказалось для нихъ убыточнымъ и крайне затруднительнымъ для правительства,—потому что число новообращенныхъ увеличивалось со дня на день, и пришлось бы, слѣдуя первоначальному просвѣтительному плану, съ однихъ мѣстъ на другія передвинуть цѣлые десятки тысячъ людей,—постановлено было «новокрещеныхъ въ другія мѣста къ переселенію не высылать, а переселять иновѣрцевъ, которые съ крестившимися въ однихъ деревняхъ живутъ»; былъ расчетъ, между прочимъ, при этомъ и тотъ, что «иновѣрцы, не хотя прежнихъ своихъ

---

(1) П. С. З. № 8,792, п. 2-й.

(2) Тамже. п. 3-й.

домовъ и земель лишиться, придутъ всѣ ко св. крещенію самовольно» (1). Подтверждены были всѣ прежде обѣщанныя льготы; запрещено было брать съ новокрещеныхъ въ теченіе трехъ лѣтъ подати и рекрутъ, съ отнесеніемъ падающей на нихъ этой тягости на некрещеныхъ. Разъяснено, что «новокрещенымъ изъ Магометанскаго закона, за воспріятіе св. крещенія изъ холопства и крестьянства отъ помѣщиковъ иновѣрныхъ быть свободными вѣчно, и тѣмъ прежнимъ помѣщикамъ и мурзамъ до владѣнія ихъ новокрещенъ никакого дѣла не имѣть, а по крещеніи переводить ихъ и селить въ слободы съ прочими новокрещеными, развѣ что оные помѣщики сами, по желанію своему, воспріимутъ св. крещеніе, и и тогда оные имъ отданы будутъ во владѣніе по прежнему» (2). Защищая такимъ образомъ новокрещеныхъ отъ произвола сильныхъ иновѣрцевъ, правительство приняло мѣры противъ злоупотребленій, которыя позволяли себѣ дѣлать Русскіе по отношенію къ новокрещенымъ, пользуясь незнаніемъ ихъ русскихъ законовъ и неопредѣленностію въ законодательствѣ относительно разнаго рода обязательствъ частныхъ лицъ между собою. Указомъ же отъ 28 Сентября 1743 года, состоявшимся вслѣдствіе представленія Сѣченова и освобождавшимъ новокрещеныхъ отъ власти помѣщиковъ—иновѣрцевъ, постановлено было: «которые изъ иновѣрцевъ въ разныхъ городахъ живутъ у разныхъ чиновъ людей, аки бы по заемнымъ крѣпостямъ и заемнымъ же письмамъ, въ одной только ссудѣ подъ неволею, и воспріимутъ св. крещеніе, тѣмъ платежъ тѣхъ денегъ заимодавцамъ, которые служатъ по кабаламъ, взятымъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ, зачитать отъ того числа, какъ тѣ кабалы на нихъ взяты, женатымъ по 5 рублей, а холостымъ по 3 рубля на годъ, и по заживѣ тѣхъ денегъ, отъ заимодавцевъ, выдавъ имъ заемныя кабалы, чинить ихъ свободныхъ; а которые служатъ по заемнымъ же партикулярнымъ письмамъ, тѣхъ изъ домовъ и деревень отъ заимодавцевъ учинить свободныхъ же, безъ всякаго задержанія и платежа. А кѣмъ такія партикулярныя писанныя жилыя въ займахъ кабалы и письма взяты на новокрещеныхъ свободныхъ людей: такимъ кабаламъ и письмамъ быть не

(1) Тамже.

(2) П. С. З. № 8,793; ср. № 8,792.

дѣйствительнымъ, и тѣхъ новокрещеныхъ изъ холопства отъ тѣхъ людей взявъ, отпустить на волю, для того, что на подданныхъ свободныхъ людей никому никакихъ жилыхъ кабалъ брать не велѣно. И впредь такихъ въ займахъ и тому подобныхъ на новокрещеныхъ людей кабалъ на ни кого не давать, и никакими крѣпостями за собою отнюдь никому не укрѣплять, и у крѣпостныхъ дѣлъ такихъ кабалъ и крѣпостей ни на кого не писать» (1). Притѣсняли новокрещеныхъ чиновные люди, или не обращали должнаго вниманія на жалобы ихъ объ обидахъ отъ Русскихъ людей и отъ иновѣрцевъ и на представленія о томъ со стороны Ярцова. Велѣно было Сенатскимъ указомъ отъ 1 Мая 1744 года, состоявшимся вслѣдствіе ходатайства Ярцова, объ всемъ этомъ упущеніи «накрѣпко изслѣдовать, свидѣтелей допрашивать, а по слѣдствіи съ виновными учинить по указамъ безъ упущенія, а съ секретаря, у котораго то дѣло въ происвожденіи было, за то, что по промеморіи отъ него совѣтника Ярцова о тѣхъ иновѣрцовъ противностяхъ не токмо какое разсмотрѣніе учинилъ, но и на посланный изъ Правительствующаго Сената указъ ничего не отвѣтствовалъ, — взять штрафу 100 рублей. Также, сверхъ того, какія отъ него Ярцова показаны новокрещенымъ чинимыя обиды, о томъ для немедленнаго изслѣдованія послать въ губерніи и провинціи при указахъ копіи». Чтобы на будущее время имѣть болѣе возможности и средствъ вести дѣло защиты вовокрещенныхъ отъ обидъ съ разныхъ сторонъ, Ярцовъ выхлопоталъ такія постановленія: «для такого богоугоднаго дѣла, и чтобы все то съ добрымъ основаніемъ и порядкомъ происходило, велѣно было опредѣлить въ Казанскую и Нижегородскую губерніи, въ каждую по одному чиновнику изъ маіорскихъ, или изъ оберъ-офицерскихъ ранговъ, которые должны были находиться подъ командою Ярцова. Они, равно какъ самъ Ярцовъ, обязаны были накрѣпко смотрѣть, чтобы новокрещенымъ ни отъ кого никакихъ обидъ, разореній и озлобленій не происходило; а ежели отъ кого какія случатся обиды и разоренія, о томъ они должны были представлять губернскимъ и провинціальнымъ и городовымъ воеводамъ, которымъ обо всемъ томъ обще съ тѣми офицерами и съ Яр-

(1) Тамже.

цовымъ, буде онъ прилучится гдѣ, слѣдовать, и по слѣдствіи съ виновными чинить, какъ указы повелѣваютъ, безъ всякаго упущенія; а ежели кто изъ воеводъ будетъ въ томъ поступать несправедливо, или продолжительно, и самъ будетъ показывать обиды, и на такихъ писать губернаторамъ съ требованьемъ непродолжительной резолюціи; а ежели и губернаторы о томъ будутъ чинить продолженіе жъ, о томъ на тѣхъ губернаторовъ ему Ярцову писать въ Сенатъ съ яснымъ обо всемъ показаніемъ безъ всякаго замедленія. А такъ какъ новокрещеныхъ вымышленно разныхъ чиновъ люди крѣпятъ себѣ по заемнымъ кабаламъ и записямъ, держатъ въ тюрьмахъ, и чинятъ примѣтки и обиды, и разоренія, того ради въ Казанскую, Воронежскую и Нижегородскую губерніи и тѣхъ губерній въ провинціи подтвердить наикрѣпчайшими указами, чтобы того отнюдь не чинили, и никого бы до того не допускали, а поступали бы въ томъ, какъ Е. И. В. состоящійся 1743 года Сентября 28 дня и въ народъ публикованный указъ повелѣваетъ, во всемъ непремѣнно, и подводъ безъ подороженъ и безъ платежа прогоновъ, и конскихъ кормовъ, съѣстныхъ припасовъ, такожь и прочаго ничего ни подъ какимъ видомъ отнюдь никому не брать, и некрещенымъ, чтобы они никакихъ же обидъ новокрещеным не чинили и поборовъ съ нихъ не собирали, накрѣпко запретить, и до того не допускать. Буде же гдѣ новокрещеные будутъ въ чемъ бить челомъ на Русскихъ и на некрещеныхъ, то по тѣмъ ихъ прошеніямъ чинить скорое рѣшеніе безволокитно и безъ всякія страсти. Буде же кто изъ губернаторовъ и воеводъ станетъ чинить имъ какія обиды, то и они, по разсмотрѣніи въ Правительствующемъ Сенатѣ, будутъ шрафованы неотмѣнно. Для разбору между новокрещеными въ малыхъ дѣлахъ выбрать изъ нихъ же новокрещеныхъ, сколько надлежитъ, кои бы были посмысленѣе и знали Русскій языкъ довольно» (1). Впослѣдствіи указомъ 31 Мая 1760 года запрещено было требовать новокрещеныхъ въ судебныя мѣста по дѣламъ, до нихъ касающимся, безъ спошенія съ опредѣленными къ защитѣ ихъ чиновниками (2); указомъ 6 Ноября тогоже года повелѣно между новокрещеными, по случающимся малымъ претензіямъ, а именно отъ 1 до 10 рублей, дѣла производить на

(1) П. С. З. № 8,929.

(2) П. С. З. № 11,064.

простой, а не на гербовой бумагѣ, и не судомъ по формѣ, но слѣдствіемъ (1). Для безопасности главнаго защитника новокрещеныхъ и его помощниковъ во время ихъ разъѣздовъ по инородческимъ селеніямъ и для удобства въ исполненіи разныхъ дѣлъ, касающихся новокрещеныхъ, велѣно было опредѣлить къ первому команду изъ одного капрала и 12 солдатъ, а подчиненнымъ ему офицерамъ дать каждому по 6 человѣкъ рядовыхъ изъ Казанскаго и Воронежскаго гарнизоновъ, также снабдить ихъ достаточнымъ количествомъ подъячихъ (2).

Давали такимъ образомъ новокрещенымъ льготы, старались усердно, хотя и не особенно успѣшно (3), обезопасить

---

(1) Тамже. № 11,138.

(2) Тамже. № 8,929; стр. 93.

(3) Въ 1747 году императрица Елизавета Петровна вынужденной нашлась особымъ указомъ объявить слѣдующее: «Нашему Императорскому Величеству отъ Нашего св. Синода донесено, и съ великимъ неудовольствіемъ мы слышать принуждены, что нѣкоторые наши же вѣрноподданные, кои уже издревле христіане суть, вмѣсто еже бы онымъ новокрещенымъ по долгу христіанскому во всякихъ дѣлахъ и нуждахъ ихъ благосклонное призрѣніе и вспоможеніе и отъ обидъ защищеніе показывать надлежало, помогая магометанамъ и прочимъ невѣрнымъ, привлекаютъ оныхъ новокрещеныхъ не только по какимъ важнымъ, но и по самымъ малымъ партикулярнымъ дѣламъ на судилища, и, держа руку противниковъ св. церкви, различными образы, т. е., долговременнымъ держаніемъ подъ карауломъ и въ тюрьмахъ и другими томленіи ихъ новокрещеныхъ утѣсняютъ и разоряютъ; а наипаче посылаемые изъ губернскихъ и воеводскихъ канцелярій въ жилища ихъ разсыльщики чинятъ имъ великія и несносныя обиды и грабительства; также отъ нѣкоторыхъ драгунъ и солдатъ и офицеровъ, коимъ случается временно въ жилищахъ ихъ имѣть квартиры, притѣсненія и обиды къ нимъ происходятъ, а именно: (какъ въ нашъ св. Синодъ представляетъ опредѣленный къ переселенію иновѣрцевъ отъ новокрещеныхъ въ другія мѣста, коллежскій совѣтникъ Ярцовъ) истязываютъ съ нихъ насильно и сами изъ за побой берутъ всякую живность и прочіе харчевые себѣ припасы и лошадямъ овесъ и сѣно безденежно. Ихъ же забирая, въ противность указовъ, на различныя работы

ихъ положеніе отъ всякихъ притѣсненій и насилій. Но бытъ и другой половины инородческаго населенія, оставшейся некрещеною, къ которой принадлежали большею частію магометане, требовалъ серьезнаго правительственнаго вниманія. Возбужденный въ началѣ сороковыхъ годовъ просвѣтительный вопросъ, способы, принятые правительствомъ для его рѣшенія, затронули не одни религіозныя вѣрованія некрещеныхъ инородцевъ; просвѣтительное движеніе глубоко отозвалось и на другихъ сторонахъ ихъ быта. Мало того, что у нихъ была разорена большая часть мечетей и закрыты многія школы благодаря этому движенію, что въ ихъ обществѣ, между некрещеными и прежними ихъ единовѣрцами, теперь

употребляютъ. Сверхъ же того, какъ нѣкоторые новокрещеные показываютъ, что приготовленный на церковное строеніе лѣсъ, забравъ же, употребили на конюшни и лошадямъ на стойлы, что уже весьма есть безсовѣстно. А съ другой стороны отъ имѣющихся между ними новокрещеными, а мѣстами и между природными христіанами, изъ магометанъ и прочихъ невѣрныхъ сотниковъ и волостныхъ старостъ и выборныхъ немалое жъ разореніе имъ чинится, кои, злобствуя на нихъ новокрещеныхъ за пріятіе вѣры Христовой, въ разгонахъ подводъ противъ невѣрныхъ весьма ихъ отягощаютъ, и бьютъ нещадно, и собираютъ съ нихъ, не обождавъ трехлѣтней льготы, всякія подати, и раскладываютъ будто бы за новокрещеныхъ же нѣкоторыя подати и на природныхъ христіанъ, какъ то чинено было особливо въ Свіяжской провинціи, и всячески онымъ новокрещенымъ чинятъ разныя обиды, а своей братьѣ невѣрнымъ выгоду и защищеніе. И хотя нашими указами, дабы никто имъ новокрещенымъ обидъ чинить не дерзалъ, подъ немалымъ прещеніемъ подтверждено, но невѣрные нѣкоторые онымъ обиды причинять и донынѣ не престаютъ. И такъ, что Мы по нашему къ Господу Богу и Церкви Его святой усердію созидаемъ, то изъ нашихъ подданныхъ нѣкоторые своими наглыми продерзостями безсовѣстно разоряютъ» (изд. г. Щаповымъ въ статьѣ «Лука Канашевичъ»; Прав. Соб. 1858 г. стр. 492—494. Тутъ же далѣе изданъ, къ сожалѣнію съ пропусками, «краткій экстрактъ объ обидахъ новокрещенымъ», составленный въ 1746 году Новокрещенскою конторою стр. 494—497).

крестившимися, возникла глубочайшая вражда (¹): движеніе это, при другихъ неблагопріятныхъ общественныхъ и экономическихъ условіяхъ, потрясло ихъ матеріальное благосостояніе въ самомъ основаніи. Имъ нужно было оставить родныя мѣста и итти на другія; имъ приходилось льготы, которыя давались новокрещенымъ, выносить на своихъ плечахъ Они не безмолвно покорялись этимъ требованіямъ власти. Когда совѣтникъ Ярцовъ сталъ приводить во исполненіе указъ о переселеніи иновѣрцевъ, то во многихъ мѣстахъ некрещеные Татары отказались ему повиноваться. Такъ въ іюлѣ 1743 года «въ бытность его для переселенія иновѣрцевъ въ деревнѣ Рѣшетиной (Верхоломовскаго уѣзда въ Тамбовской провинціи Воронежской губерніи) также и другихъ окольныхъ деревенъ Татары, собравшись до 500 человѣкъ съ дубьемъ и пришедъ къ нему на квартиру, бранили его Ярцова, и солдатъ его команды били, и притомъ же говорили, что де побьютъ ихъ до смерти, и указу де они никакого не слушаютъ». Верхоломовская канцелярія, которой Ярцовъ сообщилъ о такихъ противностяхъ Татаръ, медлила изслѣдованіемъ этого дѣла; и только по третованію Сената приняласъ за него и донесла въ Сенатъ, что она успѣла изъ показанныхъ Ярцовымъ Татаръ сыскать 12 человѣкъ, которые были допрашиваны и показали, «что ихъ со всѣхъ деревень собралось въ деревню Рѣшетину человѣкъ съ полтараста, для того, что присланъ отъ него Совѣтника солдатъ, которому велѣно со всѣхъ татарскихъ деревень собрать со двора по одному человѣку, и пришли они къ нему

(¹) Лепехинъ пишетъ объ одной слободѣ: «въ Татарской слободѣ Макловкѣ живутъ крещеные и некрещеные Татары, и рѣчка Уранга полагаетъ между ними предѣлъ. Различіе вѣры дѣлаетъ между ними великое несогласіе, такъ что некрещеные крещеныхъ терпѣть не могутъ, и обратно, и другъ другу всякія пакости содѣваютъ» (ч. I. стр 93). Вражда изъ за различія вѣры иногда раздѣляла кровныхъ родственниковъ, подрывая спокойствіе семейное, такъ какъ «не токмо въ каждой деревнѣ, но и въ однихъ домахъ и семьяхъ жили при отцахъ некрещеныхъ дѣти новокрещеныя, а въ иныхъ дворахъ отцы новокрещеные, а дѣти иновѣрцы некрещенные, отъ чего происходили немалые соблазны». (Донесеніе 1756 г. совѣтника Новокрещенской конторы Вечеслава. П. С. З. № 10,597).

Ярцову на квартиру для слушанія именнаго указа, и по выслушаніи того указа онъ совѣтникъ говорилъ имъ: кто изъ васъ будетъ креститься? И на то всѣ Татары сказали, что креститься никто не будетъ; и требовалъ онъ совѣтникъ отъ нихъ незнаемо какую подписку, и по согласію всѣхъ Татаръ требовали отъ него совѣтника, есть ли дана отъ Татаръ другихъ городовъ подписка? И за то онъ Совѣтникъ хотѣлъ ихъ бить плетьми и батожьемъ, а матерно его совѣтника не бранили, и команды его солдатъ побить до смерти никогда не хотѣли, и противности никакой не чинили» (1). Другіе Татары, желая избѣжать принудительнаго переселенія, не стали подобно Рѣпетинскимъ дожидаться пріѣзда чиновника, завѣдывавшаго этимъ переселеніемъ, чтобы съ нимъ вступить въ прю и, потомъ закупивъ разныя власти мѣстныя, выжидать благопріятнаго для себя времени, а сами самовольно уходили на другія, облюбленныя ими, мѣста, на которыхъ и селились. Такъ зимой 1743 года Ярцовъ узналъ, что Татары изъ разныхъ деревень, въ количествѣ дворовъ 20-ти, поселились въ деревнѣ Шербень собою, безъ указа, что также собою селятся и въ другихъ деревняхъ, а откуда приходятъ, не извѣстно, что эти самовольные поселенцы чинятъ насилія сосѣднимъ новокрещеным. Донося объ этомъ въ Сенатъ, Ярцовъ свидѣтельствовалъ, что вообще некрещеные чинятся ослушны, и на мѣста, на которыя имъ итти по указамъ велѣно, не приходятъ; что, напримѣръ, когда посланы были имъ двое солдатъ въ деревню Шербень спросить некрещеныхъ, поселившихся самовольно тамъ Татаръ, по какому указу они здѣсь поселились и селятся, и тѣмъ посланнымъ учинились они противны и говорили: «Хотя бы прислано было по нихъ солдатъ 100 человѣкъ, не послушаютъ, и всѣ помрутъ, а взять себя не дадутъ, и ежели совѣтникъ самъ къ нимъ пріѣдетъ, и онъ у нихъ костей не соберетъ» (2). Такое противодѣйствіе некрещеныхъ иновѣрцевъ дѣлу переселенія и вообще мѣрамъ, вызваннымъ просвѣтительнымъ вопросомъ, еще можно было обуздывать строгимъ наказаніемъ, силою непокорныхъ склоняя къ покорности, хотя конечно сомнительно было, чтобы такой образъ дѣйствія начальства по отношенію къ некрещенымъ

(1) П. С. З. № 8929. стр. 94.

(2) Тамже.

могъ возбудить въ нихъ искреннюю готовность согласовать свои желанія съ правительственными предначертаніями и распоряженіями; опытъ показалъ, что Татары иновѣрцы, не смотря на существованіе закона о переселеніи иновѣрцевъ и не смотря на всю энергію, съ которою Ярцовъ, въ 1749 году впрочемъ оставившій, по болѣзни, должность совѣтника Новокрещенской конторы, приводилъ въ исполненіе этотъ законъ, во многихъ мѣстностяхъ успѣли разными и, надо полагать, не дешевыми для нихъ путями удержаться на прежнихъ своихъ жилищахъ до 1756 года, когда правительство признало болѣе выгоднымъ для себя оставить ихъ въ покоѣ, постановивъ только тѣхъ изъ нихъ переселять, среди которыхъ новокрещеные составляли не менѣе 10-й части (1). Но болѣе, чѣмъ вынужденное переселеніе, былъ для некрещеныхъ инородцевъ обременителенъ законъ, въ силу котораго «съ новокрещеныхъ и равно и съ тѣхъ, которые впредь Православную вѣру примутъ, въ теченіе трехъ лѣтъ подушныхъ денегъ и другихъ чрезвычайныхъ поборовъ и опредѣленнаго съ иновѣрцевъ провіанта не велѣло было спрашивать, и взыскивать вмѣсто ихъ оныя» приказано «па оставшихся въ тѣхъ мѣстахъ некрещеныхъ иновѣрцахъ» (2), и по которому также «какъ рекрутъ, такъ и въ рекрутскія складки денегъ отнюдь никому съ нихъ не велѣно спрашивать и къ тому ихъ не привлекать и не приневоливать, а указано ставить по расположеніямъ рекрутъ и въ рекрутскія складки деньги за нихъ платить оставшимъ некрещеным иновѣрцамъ» (3), — законъ, угрожавшій притомъ некрещеным, что «ежели они впредь съ новокрещеных будутъ сбирать рекрутъ, или въ рекрутскія складки деньги», то съ нихъ будетъ взыскано вдвое и отдано тѣмъ новокрещеным. Узаконеніе это могло быть выполнено лишь въ томъ случаѣ, когда бы процентъ новокрещеныхъ въ отношеніи къ иновѣрцамъ данной мѣстности оставался бы незначительнымъ. Но вскорѣ оказалось, какъ извѣщалъ Синодъ Димитрій Сѣченовъ, «въ однихъ деревняхъ въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ являются новокрещеных двѣ, и иновѣрцевъ одна часть дворового числа и меньше, что въ 1741

(1) П. С. З. № 10,697.

(2) Тамже № 8,236 п. 13-й.

(3) Тамже п. 14.

въ иныхъ мѣстахъ разныхъ народовъ иновѣрцы цѣлыми деревнями и всѣми уѣздами и сотнями какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ всѣ до единаго человѣка просвѣтились св. крещеніемъ» (1). Это обстоятельство повергло въ крайнее недоумѣніе мѣстную свѣтскую администрацію, которая съ одной стороны обязана была доставить казнѣ опредѣленный доходъ и извѣстное количество рекрутъ съ данной мѣстности, а съ другой въ силу закона о льготахъ новокрещенымъ не имѣла права со многихъ мѣстностей, обратившихся ко крещенію, брать подати въ теченіе извѣстнаго времени. Впрочемъ она рѣшилась до особаго указа сбирать съ новокрещеныхъ подати. Сенатъ и Синодъ, желая согласить фискальные интересы съ интересами пропаганды, дали въ 1743 году такое разъясненіе дѣлу: «если иновѣрцы крестились и крестятся цѣлыми деревнями, уѣздами и сотнями, то подати и разные поборы, на нихъ падавшіе, раскладывать въ льготные для нихъ годы не на однихъ некрещеныхъ тѣхъ уѣздовъ, изъ коихъ иновѣрцы обратились или обратятся ко крещенію, но на всѣхъ вообще иновѣрцевъ Казанской губерніи, остающихся въ невѣріи»; ибо,—разсуждалъ Сенатъ,—«ежели тѣ всѣ подати и сборы взыскивать только на оставшихъ въ тѣхъ мѣстахъ некрещеныхъ, то изъ того не иное что воспослѣдовать можетъ, какъ только то, что они заплатить того будутъ не въ состояніи, и вмѣсто чаемаго отъ нихъ платежа, не малая и безплатная докмка послѣдовать можетъ: потому, что ежели въ коемъ уѣздѣ, напримѣръ, нынѣ есть иновѣрцевъ 1000 душъ, а изъ оныхъ по увѣщанію св. крещеніе воспріимутъ двѣ или три части, то оставшіе того же уѣзда иновѣрцы за воспріявшихъ вѣру православную заплатить никакъ не могутъ» (2). Вопросъ о томъ, какъ поступать въ случаѣ, если въ извѣстномъ инородческомъ селеніи одна часть жителей обратится ко крещенію, а другая и притомъ меньшая будетъ держаться прежней вѣры, оставленъ въ такомъ же положеніи, какъ было и до сихъ поръ. Такимъ образомъ выходило, что все иновѣрческое населеніе должно было нести подати и сборы, падавшіе на ихъ братью крещеную, если послѣдніе цѣлыми деревнями приходили ко крещенію, и что, кромѣ того, въ от-

(1) П. С. З. № 8,792. п. 3 и 5.

(2) Тамже № 8792 п. 5.

дѣльныхъ мѣстностяхъ иновѣрческія общины и помѣщики иновѣрцы должны были расплачиваться за тѣхъ своихъ сочленовъ или крѣпостныхъ, которые приходили ко крещенію поодиночкѣ, или отдѣльными семействами. Это привело иновѣрческое населеніе во многихъ мѣстностяхъ въ крайнее истощеніе. Татары Свіяжскаго уѣзда разныхъ волостей въ своихъ челобитныхъ, поданныхъ правительству въ 1746 году, горько жаловались, что сборъ съ нихъ рекрутъ, которыхъ они принуждены поставлять за новокрещеныхъ въ ихъ волостяхъ, уплата за нихъ податей и всякихъ поборовъ привели ихъ, не принявшихъ крещенія, въ такое положеніе, что они испродали все имѣніе и скотъ, и уже не только за тѣхъ воспріявшихъ крещеніе, но и за себя къ платежу подушныхъ денегъ въ крайнемъ несостояніи, и многіе оставшіе иновѣрцы отъ такого взысканія принуждены, оставя домы свои, разбрестися». Вслѣдствіе этихъ челобитныхъ Сенатъ, которому поступали прошенія и отъ иновѣрцевъ Воронежской и Нижегородской губерній «о невозможностяхъ» за воспріявшихъ Православную вѣру платить подушныя деньги и который до указа съ нихъ не велѣлъ этихъ денегъ взыскивать, сдѣлалъ лишь то въ облегченіе иновѣрцевъ Казанской губерніи, что запретилъ брать съ нихъ новыхъ рекрутъ, если отданные ими рекруты, избѣгая солдатства, крестятся. Относительно же льготъ новокрещенымъ въ подушныхъ податяхъ и прочихъ сборахъ постановлено имъ было: отсслѣ взыскивать ихъ, расположа генерально на оставшихъ некрещеныхъ иновѣрцевъ во всей Казанской губерніи, не раздѣляя Могометанскаго закона Татаръ отъ Мордвы и прочихъ иновѣрцевъ» (1). Все теперь зависѣло отъ того, сколько въ Казанской губерніи иновѣрцевъ перейдетъ ко крещенію. Но число новокрещеныхъ, какъ мы уже видѣли, увеличивалось въ ужасающей иновѣрцевъ прогрессіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ конечно въ такой же степени увеличивалась и тяжесть положенія послѣднихъ. Все языческое населеніе почти поголовно приняло крещеніе, упорствовали въ томъ одни Татары—магометане, и преимущественно они, въ числѣ 100-т. душъ муж. пола, за то должны были за каждаго изъ новокрещеныхъ, которыхъ въ 1756 году было 269,213 душъ,

(1) П. С. З. № 9379.

уплачивать въ теченіе трехъ лѣтъ подати и всякіе сборы и, кромѣ того, постоянно ставить за себя и за нихъ рекрутъ.

Это продолжалось до 1755 года. Въ сенатскомъ указѣ 10 Декабря 1756 года читаемъ: «въ нынѣшній рекрутскій наборъ съ иновѣрцевъ за новокрещеныхъ, какъ тѣ иновѣрцы отъ взятья съ нихъ за новокрещеныхъ въ прошедшій послѣдній рекрутскій наборъ, по Всевысочайшему Е. И. В. Сентября 26 дня 1755 года указу, были освобождены, такъ и нынѣ въ настоящій рекрутскій наборъ за тѣхъ новокрещеныхъ съ иновѣрцевъ, оставшихся некрещеныхъ, рекрутъ не взыскивать, для того, что тѣхъ крестившихся состоитъ большое число, а именно, какъ въ доношеніи Военной коллегіи показано, по присланнымъ изъ губерній и провинцій рапортамъ числится 269,213 душъ, а не крестившихся, по справкѣ въ Сенатѣ, весьма менѣе число, которымъ за тѣхъ новокрещеныхъ оныхъ рекрутъ ставить не только тягостно, но и не возможно; также и съ новокрещеныхъ тѣхъ рекрутъ не взыскивать» (1). Одновременно съ этимъ, какъ мы уже знаемъ, позволено было магометанамъ строить мечети, запрещено приневоливать ихъ къ переселенію, если между ними въ данномъ селеніи найдется менѣе 10-й доли новообращенныхъ; наконецъ въ это же время главный ихъ противникъ, епископъ Лука Канашевичъ удаленъ былъ съ Казанской епископской каѳедры. Отмѣчая этотъ послѣдній фактъ, который ясно говоритъ, что правительство находило тогда неудобнымъ поддерживать православную пропаганду въ томъ видѣ, какъ она доселѣ была ведена подъ наблюденіемъ Казанскаго епископа въ Приволжьи, что оно рѣшилось пріостановить такую пропаганду,—Любарскій объясняетъ и причину его. «Епископъ Лука, говоритъ онъ, въ томъ году (1755) переведенъ былъ въ Бѣлогородскую епархію, гдѣ по немногихъ годахъ скончался,—въ предвареніе всеобщаго смятенія, а также въ прекращеніе часто случавшихся по тойже причинѣ съ свѣтскими правительствами несогласій» (2). Недовольство, которое выказывали иновѣрцы и преимущественно Татары по поводу мѣръ, противъ нихъ направлявшихся, не могло не озабочивать свѣтскаго правительства: это недовольство

---

(1) П. С. З. № 10,666.

(2) Правосл. Соб. 1868 г. августъ, стр. 103.

дѣйствительно угрожало принять характеръ общемагометанскаго смятенія въ государствѣ. Въ ту пору (въ 1755 г.) въ Закамскихъ земляхъ среди единовѣрныхъ Татарамъ Приволжскимъ Башкирцевъ вспыхнулъ сильный мятежъ противъ Русской власти, имѣвшій всѣ признаки борьбы за вѣру Магомета и стремившійся охватить и магоматанское населеніе Приволжья. Въ подробностяхъ это магометанское движеніе, заставившее правительство отступить отъ принятой имъ системы обращенія и просвѣщенія невѣрныхъ, сдѣлать уступки магометанамъ, будетъ описано при изложеніи судебъ Башкирцевъ въ новой Россіи, къ которымъ мы теперь и должны обратиться.

Б.

БАШКИРЦЫ ВЪ НОВОЙ РОССІИ И КОЛОНИЗАЦІЯ ЗАКАМСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

ГЛАВА I.

Башкирцы и Русское колонизаціонное движеніе въ Закамскія земли до 1741 года.

Башкирцы въ царствованіе Петра В. Ближайшій поводъ къ волненію ихъ въ 1705—1707 г. Разномысліе между фельдмаршаломъ Шереметевымъ и Казанскимъ вице-губернаторомъ Кудрявцевымъ относительно способовъ дѣйствія по усмиренію мятежа. Святый Башкирскій султанъ. Появленіе новаго хана въ Башкиріи; успѣхи мятежниковъ; безуспѣшность переговоровъ съ ними кн. Хованскаго; военныя противъ нихъ дѣйствія; покорность ихъ законной власти; выдача ими хана и казнь его. Возобновленіе мятежа; опустошеніе Башкиріи посредствомъ Калмыковъ. Графъ Головкинъ въ Башкиріи; выводъ оттуда плѣнныхъ и бѣглыхъ. Новые мятежные замыслы въ Башкиріи.

Смыслъ Башкирскаго вопроса и отношеніе къ нему Русскихъ отъ 1725—1730 г. Башкирская депутація въ Москвѣ въ 1728 г.; милости правительства Башкирскому народу. Представленія отдѣльныхъ лицъ правительству о непадежности покорности Башкирцевъ. Мнѣніе о томъ, «уповательно», Волынскаго. Связь Башкирскаго вопроса съ общеинородческимъ и преимущественно магометанскимъ.

Усложненіе Башкирскаго вопроса вслѣдствіе новаго Русскаго колонизаціоннаго движенія въ Закамскія земли. Намѣреніе Петра В. перенести горнозаводскую дѣятельность и въ Башкирскій край и проложить чрезъ него дорогу Русскому политическому и торгово-промышленному вліянію на Азію. Планъ военныхъ поселеній за Камой. Кириловъ и его колонизаціонный проектъ. Планъ внутренняго устройства новаго города на Ори. Образованіе Оренбургской экспедиціи, ея составъ и средства.

Борьба Башкирцевъ съ новымъ колонизаціоннымъ Русскимъ движеніемъ. Мѣры правительства къ предотвращенію противодѣйствія этому движенію со стороны Башкирцевъ. Кильмякъ абызъ. Походъ Кирилова къ устью р. Ори. Обнаруженіе мятежа. Основаніе крѣпости на Ори и усиленіе мятежа. Мѣры къ его подавленію и къ предотвращенію башкирскихъ волненій на будущее время, предложенныя Кириловымъ. Кириловская линія военныхъ поселеній за Камой. Колонизаторская дѣятельность Татищева. Ослабленіе мятежа. Новые порядки въ Башкиріи. Карасакаловъ бунтъ, исходъ его и результаты для быта Башкирцевъ и для дѣла колонизаціи отъ ихъ мятежей противъ Русскихъ.

«Башкирскій вашъ народъ изстари былъ одинъ съ Ногайцами, которые, отъ Сибирскихъ хановъ утѣсняемы будучи, принуждены были изъ своихъ мѣстъ съ нѣкоторымъ своимъ ханомъ, называемымъ Тюрей, удалиться и притти въ разсѣяніе. Вы же, называемые нынѣ Башкирцы, еще тогда владѣтелямъ своимъ непослушны будучи, умыслили въ прежнихъ мѣстахъ остаться, за которое ваше непокореніе тогда безъ остатку были ограблены и разорены, и пропитаніе свое съ нуждою имѣли звѣремъ и рыбою, а о хлѣбѣ и не вѣдали».

«Въ такомъ состояніи достались вами предки Казанскимъ и Сибирскимъ ханамъ. Но оные отъ сихъ хановъ еще въ большее разореніе пришли, и несносныя подати имъ платить и всякія нужды претерпѣвать принуждены были до тѣхъ поръ, пока вы во время Государя царя Іоанна Васильевича россійскими подданными учинились; ибо съ того времени пача-

лось ваше благополучіе, а именно: ясакъ положенъ былъ на васъ самый легкій, которой принимань отъ васъ былъ со всякою справедливостію; и чтобы въ платежѣ опаго вамъ затрудненія не было, то по указу Великихъ Государей нарочно построенъ городъ Уфа и учреждена Уфимская провинція; земли вамъ даны были почти всѣ тѣ, гдѣ Ногайскій народъ жилище свое имѣлъ. Сверхъ того учинены многіе изъ васъ тарханами; на тѣхъ же данныхъ вамъ пространныхъ вотчинныхъ земляхъ не запрещено было поселиться такъ называемымъ Тептерямъ изъ разныхъ уѣздовъ, которые всѣ платили вамъ съ земель оброки, отъ чего впервые воровской вашъ народъ получилъ скотъ, хлѣбъ и всякое изобиліе. Жили уже на жалованныхъ вамъ земляхъ съ великимъ удовольствіемъ, обогатились деньгами и всякимъ пожитками; однимъ словомъ сказать, ни одному изъ подданныхъ Е. И. В-ва народовъ такой величайшей милости и защищенія не показывано было, какъ вашимъ воровскимъ предкамъ. Но за оное все пресвѣтлѣйшихъ и всемилостивѣйшихъ Россійскихъ Государей оказанное къ вамъ милосердіе, вмѣсто ожидаемой отъ васъ подданнической вѣрности, напослѣдокъ, когда вы и ваши воровскіе отцы пришли уже къ наибольшему благополучію и богатству, учинили многіе противные поступки». Такъ охарактеризовалъ положеніе Башкирцевъ въ Русскомъ государствѣ до XVIII столѣтія и отношеніе этого народа къ Русской власти и Русскимъ начальникъ Оренбургской экспедиціи кн. Урусовъ въ своей рѣчи (1), прочитанной въ августѣ 1740 года толпѣ Башкирцевъ тысячь въ пять челеловѣкъ, которая была собрана около Оренбурга (Кириловскаго), чтобы свести съ нею расчетъ за послѣдній башкирскій мятежъ. Характеристика въ фактической ея основѣ совершенно вѣрная. Дѣйствительно ни одинъ изъ народовъ, подвластныхъ Русскимъ государямъ, не былъ въ матеріальномъ отношеніи такъ обезпеченъ въ Московскую эпоху, какъ Башкирцы, которые владѣли обширнымъ краемъ, надѣленнымъ разнобразными природными дарами; и никто изъ вѣчныхъ данниковъ Великихъ Государей не пользовался такими льготами, какъ этотъ народъ: обязательныя его отношенія къ государству ограничивались нѣкоторыми, не трудными, натуральными по-

(1) Рычковъ. Исторія Оренбургская. Ежемѣс. Сочин. 1859 г., 418.

винностями и незначительнымъ ясакомъ; имъ предоставлено было жить и управляться сообразно ихъ обычаямъ, и всѣ общественныя ихъ дѣла рѣшаемы были на съѣздахъ ихъ родовыхъ старшинъ, изъ которыхъ многіе владѣли тарханными граматами; и съ другой стороны новая Россія нашла въ этомъ народѣ злѣйшаго и упорнѣйшаго себѣ врага: вся исторія Башкирцевъ, успѣвшихъ заявить противленіе Русской власти и вражду къ Русскимъ еще въ Допетровскій періодъ (1), въ теченіе первыхъ 40 лѣтъ XVIII столѣтія составляетъ ничто иное, какъ исторію постоянныхъ ихъ измѣнъ Русской власти, открытыхъ мятежей противъ нея и вражды къ Русскимъ.

Въ первый разъ во время Петра Великаго волненіе между Башкирцами обнаружилось въ 1705 году. Причину его сами Башкирцы впослѣдствіи, въ своей челобитной къ Государю, объясняли такъ: «разореніе было не отъ насъ; мы ясаки платили, и подводы давали, и службы служили, а пріѣхали въ Уфу городъ Михайла Доховъ и Андрей Жихаревъ и наложили на насъ тягости, которыхъ на отцахъ и дѣдахъ нашихъ положено не было, 72 статьи прибыли наложили. Надѣясь на твою высокую милость, мы съ ними спорили. Да послѣ того пріѣхалъ къ намъ Александръ Савичъ Сергѣевъ со многими полками и бралъ много подводъ, многими бѣдами насъ изнурялъ: призвалъ нашихъ добрыхъ выборныхъ людей, поилъ ихъ зельемъ и виномъ и порохомъ жегъ навзлетъ, многихъ людей тѣмъ до смерти поморилъ, билъ, мучилъ и въ крѣпкія мѣста запиралъ, стращалъ, что повѣситъ и изрубитъ, и бралъ сказки, что Великому Государю дать бы 5000 лошадей да 100 человѣкъ людей, и выборные люди по неволѣ сказки дали. Послѣ того Хохловъ выѣхавъ со многими полками на Ногайскую дорогу для разоренія насъ, да за нимъ же выѣхалъ Сидоръ Аристовъ со многими полками, разорилъ деревни наши и пожегъ и въ полонъ людей бралъ» (2). Понятно, нѣтъ надобности принимать на вѣру каждое слово этого объясненія, и, по всей вѣроятности, Сергѣевъ не столь безразсудно поступалъ по отношенію къ Башкирцамъ, какъ это описывается въ приведенной челобитной отъ лица всего Баш-

(1) Мое сочиненіе: Положеніе инородцевъ Сѣверовосточной Россіи въ Московскомъ государствѣ, стр. 146—155.

(2) Исторія Россіи. Соловьева. т. XVI. М. 1866 г. стр. 386.

кирскаго народа; но вѣрнымъ признать нужно то, что правительство Петра Великаго, вынужденное тогдашними затруднительными для Россіи обстоятельствами, рѣшилось привлечь къ пожертвованію на государственныя нужды и Башкирцевъ, отъ которыхъ до сихъ поръ для государства было мало проку, и распоряженіе его въ этомъ смыслѣ въ соединеніи съ безцеремонностію, съ которою мѣстныя власти приводили его въ исполненіе, послужило ближайшимъ поводомъ къ этому башкирскому мятежу, условливавшемуся, какъ и всѣ остальныя возмущенія этого народа, кромѣ того, и другими, не менѣе важными обстоятельствами, раскрывшимися съ достаточною ясностію во время самыхъ мятежей. Въ началѣ мятежное настроеніе Башкирцевъ выразилось уже тѣмъ, что они отказались нести новыя, наложенныя на нихъ правительствомъ, тягости, стали «спорить» съ исполнителями правительственнаго распоряженія. Присланъ былъ на воеводство въ Уфу человѣкъ, не любившій, какъ видно, такихъ споровъ, повелъ дѣло круто, принудилъ мѣрами строгости Башкирцевъ исполнить требованіе правительства. Но извѣстная вещь, что у насъ въ центральномъ правительствѣ относительно украйнъ, пользовавшихся особыми правами, всегда существовали двѣ партіи, изъ которыхъ одна стояла за рѣшительныя мѣры къ слитію этихъ украйнъ съ Великороссійскими областями посредствомъ подведенія ихъ подъ одинаковые законы, управленіе и судъ, а другая надѣялась возбудить въ этихъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго государства, украинцахъ чувство пріязни и расположенія къ Русской власти и Русскому народу посредствомъ охраненія ихъ особенныхъ правъ и льготъ; по отношенію къ Башкирцамъ между сильными Русскими людьми также замѣтно было такое разномысліе. Нашли нужнымъ на мѣсто Сергѣева Уфимскимъ воеводою назначить, помимо Казанскихъ властей, которые имѣли высшій надзоръ надъ Уфимскимъ воеводствомъ и которыя, какъ увидимъ далѣе, не могли быть не заинтересованы всякими событіями, совершавшимися по ту сторону Камы,—человѣка, любезнаго Башкирцамъ, Александра Аничкова, Уфимскаго жителя. Борисъ Петровичъ Шереметевъ, сдѣлавшій это распоряженіе во время своего пребыванія въ Казани на пути въ Астрахань, кромѣ того отпустилъ на свободу тѣхъ Башкирцевъ, которые въ Казани сидѣли за карауломъ, и послалъ съ ними въ Башкирію парочнаго офицера для убѣжденія Башкирцевъ, «чтобы

они отъ своихъ шалостей отстали и были во всякомъ послушаніи и покорствѣ и прислали бы къ нему Башкирцевъ изъ лучшихъ людей; буде какія есть нужды, чтобы доносили, а во всякое своевольство не вступали.» И по тѣмъ посылкамъ Шереметева дѣйствительно пріѣзжали къ нему въ Казань депутаты отъ Башкирцевъ съ объясненіемъ, что «со всѣхъ дорогъ присланы будутъ къ нему лучшіе люди съ повинною своею и челобитьемъ». Шереметевъ вообще старался увѣрить правительство, что его эти распоряженія привели къ тому результату, что Уфимцы и Башкирцы начали быть во всякомъ послушаніи и покорности и всякія подати всѣ хотѣли платить по прежнему, что если бы онъ «не ускорилъ приходомъ въ Казань, то и въ Казани было бы не безопасно» (1). Иначе разсуждали и въ иномъ видѣ представляли состояніе дѣлъ Башкирскихъ тѣ, которые ближе были знакомы съ народомъ Башкирскимъ, которымъ велѣно было вѣдать его и отъ всякихъ его шалостей приводить въ покореніе и послушаніе. «Уфимцы, писали Шереметеву Никита Кудрявцевъ, Александръ Сергѣевъ и Степанъ Вараксинъ, признавъ нужнымъ объяснить ему настоящее положеніе башкирскихъ дѣлъ и указать достоинство мѣръ, принятыхъ имъ къ успокоенію Башкирцевъ,—положеннаго на нихъ стараго ясаку противъ прошлыхъ лѣтъ не платятъ, и посланнымъ отъ насъ изъ Казани чинятъ противенство, подводъ по указамъ противъ прежняго не даютъ. Посланнаго изъ Казани на Уфу воеводу Льва Аристова на дорогѣ остановили и не пущаютъ и говорятъ, что воевода де у насъ Александръ Аничковъ и онъ де имъ любъ, и говорятъ, что Аничкову приказалъ ты быть воеводой. Изъ верховыхъ городовъ бѣглецовъ иновѣрцевъ принимаютъ, и кои до сего числа къ нимъ пришли, не отдаютъ. А тотъ Аничковъ за нѣкоторыми причинами тамъ быть по малу негоденъ. Вѣдомость намъ есть, что посланные отъ твоей милости на Уфу, приказомъ твоимъ, Башкирцамъ быть къ тебѣ съ челобитьемъ велѣли; и по словамъ посланныхъ твоихъ поѣхали къ вашей милости съ Уфы челобитчики вѣдомый воръ и бунтовщикъ Башкирецъ Демейко съ товарищи, который

(1) Письмо Шереметева къ Головину изд. проф. Соловьевымъ въ приложеніяхъ къ XV тому его «Исторіи Россіи», стр. 417; № 6.

прошлаго лѣта въ Казанскомъ уѣздѣ села и деревни разорялъ, людей побивалъ и въ полонъ бралъ и стада отгонялъ. А ихъ Башкирцевъ по указу царскаго величества велѣно вѣдать намъ и отъ всякихъ ихъ шатостей приводить въ покореніе и во всякое послушаніе, а окромѣ насъ никому ни въ чемъ вѣдать не велѣно. А будетъ ваша милость изволитъ челобитія ихъ принимать и ослабу имъ чинить, то всеконечно добра нѣкакого ждать...; они иновѣрцы имѣютъ нравы всегда въ ослабѣ не постоянные, хотя малую себѣ какую ослабу увидятъ, то всѣ городы и уѣзды тогоже пожелаютъ; въ тѣ числа укротить ихъ будетъ не возможно» (¹). Не надѣясь, надо полагать, чтобы фельдмаршалъ Шереметевъ вслѣдствіе этого письма оставилъ систему ослабы по отношенію къ Башкирцамъ и вообще пересталъ бы вмѣшиваться не въ принадлежащія и малознакомыя ему дѣла, Казанскій вице-губернаторъ Кудрявцевъ одновременно обратился къ любимцу царскому Меньщикову, стараясь убѣдить его, что уступчивость Башкирцамъ до добра не доведетъ; что «если его милость (Шереметевъ) въ такія дѣла станетъ вступать и такому народу учинитъ, не освѣдомясь съ нимъ и его товарищами, хотя малую ослабу, то всеконечно въ доброе этотъ народъ установить и злое отъ нихъ отрѣшить будетъ невозможно»; что эта ослаба, вызванная не безкорыстнымъ желаніемъ успокоить взволнованный край, а «особыми намѣреніями» людей, допустившихъ ее, довольно извѣстными самому князю Александру Даниловичу, уже успѣла принести дурные плоды; ибо до фельдмаршаловой посылки на Уфу,— приводилъ Кудрявцевъ въ подтвержденіе своего взгляда на дѣла Башкирскія,—Башкирцы стали было быть смирны и полонное отдавали и впредь отдавать хотѣли, а послѣ того не такъ... Ѣздилъ я къ нимъ отъ Казани въ 300 верстахъ, а не доѣхалъ до Уфы 200 верстъ, и ихъ собравшись человѣкъ съ 400, ко мнѣ пріѣхали въ саадакахъ, въ нихъ отъ первыхъ три человѣка: Уразай Ногаевъ, Кемей Шишмаметевъ да мещерякъ Имай; сказавъ я имъ государеву милость, что царское величество пожаловалъ ихъ, указалъ имъ платить ясакъ противъ прошлыхъ лѣтъ, а новокладнаго ничего не имать. И, они выслушавъ, поклонились, а повидимому знатно, что не усердно то приняли. Имъ же говорилъ,

(¹) Изд. тамже. № 4.

чтобы бѣглыхъ къ себѣ Татаръ, Чувашу, Черемису и прочихъ иновѣрцевъ не принимали, а которые есть, тѣхъ бы отдали. И они того и слышать не хотѣли, и сказали, что они бѣглыхъ никого не знаютъ. Имъ же говорилъ: для чего они государевымъ посланнымъ по дорогамъ противъ прежнихъ лѣтъ никому по указамъ подводъ не даютъ. Сказали, что и впредь давать не будутъ никому, и изъ нихъ одинъ, Башкирецъ Уразай порусски говорилъ мнѣ: полно де намъ съ тобою говорить! Ты де ѣздилъ безъ государева позволенія, собою, чтобы де больше денегъ собралось. И по тѣмъ словамъ пошли отъ меня со двора всѣ, и, отшедъ отъ двора, стали кругомъ и прислали ко мнѣ мещеряка Сулмаметка, и онъ говорилъ: прислали де его начальники и всѣ мірскіе люди сказать: слышно де имъ, что идетъ на Уфу воевода Левъ Аристовъ, и они де его Льва не пустятъ, и у нихъ де хорошъ воевода Александръ Аничковъ». Далѣе Кудрявцевъ сообщаетъ, что Башкирцы дѣйствительно исполнили эту послѣднюю угрозу, остановили Аристова на дорогѣ верстъ за 200 до Уфы, что изъ верхнихъ городовъ и уѣздные люди бѣгутъ въ Уфимскій уѣздъ, а Башкирцы ихъ принимаютъ и заказу его не слушаютъ» (1).

Кудрявцевъ добился, чего желалъ: снисходительнаго къ Башкирцамъ фельдмаршала выпроводили изъ Казани; онъ получилъ отъ Государя собственноручное письмо отъ 10 Генваря 1706 года, которымъ между прочимъ повелѣвалось ему итти къ Саратову и Царицыну, а всѣ Казанскія дѣла оставить въ Казани и въ походѣ своемъ въ тамошнее дѣло, кромѣ военныхъ дѣлъ, что надлежитъ къ походу, не вступать ни во что, предоставивъ все это Никитѣ Кудрявцеву и его товарищамъ (2). Послѣдній могъ вѣдаться съ Башкирцами, какъ зналъ и какъ считалъ лучше, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему развитію ихъ волненія. Но это ему не удалось: въ Башкиріи задумано уже было отважное дѣло возстановленія въ предѣлахъ Россіи самостоятельнаго магометанскаго ханства. Въ 1707 году одинъ башкирецъ, назвавъ себя султаномъ, ѣздилъ въ Крымъ и Константинополь просить у тамошнихъ единовѣрцевъ пособія противъ Русскихъ для осу-

(1) Тамже. Прилож. № 5.

(2) Тамже. Прилож. № 6.

ществленія задуманнаго предпріятія; затѣмъ пробрался на Кубань и къ Горскимъ народамъ, Чеченцамъ, Мичкисамъ, Аксайцамъ, выдавая вездѣ себя за святаго султана. Многіе пристали къ нему, въ томъ числѣ Кумыки, Астраханскіе казаки-раскольники, Терскіе кочевые Окочены и Татары. Съ значительной толпой, составленной изъ этихъ украинцевъ, святый султанъ въ началѣ 1708 года двинулся къ Терской крѣпости, сжегъ слободы и острогъ и заставилъ Терскаго воеводу Вельяминова заключиться въ верхнемъ городѣ. Самозванный султанъ здѣсь осадилъ воеводу Русскаго государя. Но торжество его было не продолжительно. Астраханскій воевода Апраксинъ послалъ противъ него моремъ 1200 солдатъ; кромѣ того степью отправлено было противъ него же нѣсколько сотъ вѣрныхъ Татаръ и до 3000 Калмыковъ. 26 Февраля это войско подъ Теркомъ напало на Башкирскаго султана и разсѣяло его толпу, при чемъ самъ султанъ, раненый, попался въ плѣнъ (1).

Между тѣмъ, какъ св. султанъ работалъ вдалекѣ такимъ образомъ для общаго магометанскаго дѣла, въ Башкиріи, съ которою онъ успѣлъ переслаться, кипѣлъ бунтъ. Главными вождями возстанія явились на Осинской дорогѣ Кусюмъ, на Ногайской Алдаръ и на Казанской Измаилъ; общимъ для всѣхъ мятежниковъ главою былъ ханъ, котораго нашли нужнымъ выставить настоящіе заводчики воровскаго дѣла. Посланный противъ мятежниковъ изъ Уфы, подъ начальствомъ Хохлова, отрядъ въ 900 человѣкъ, былъ заведенъ сопровождавшими его Башкирцами, притворившимися вѣрными Русскимъ, въ засаду, гдѣ послѣ отчаянной 10-ти дневной обороны былъ разбитъ и, потерявъ 400 человѣкъ, долженъ заключиться въ Солеварномъ городкѣ, въ 30 верстахъ отъ котораго происходило это несчастное для Русскихъ дѣло. Отправленныя изъ Казани противъ мятежниковъ войска могли сдѣлать лишь то, что выручили Хохлова. Мятежники между тѣмъ пошли по направленію къ Казани, сожигая на пути русскія деревни и истребляя, или забирая въ плѣнъ жителей. «Башкирское воровство, доносилъ Государю отъ 7 Генваря 1808 года, Казанскій вице-губернаторъ Кудрявцевъ, умножается, и Татары Казанскаго уѣзда многіе пристали, и многіе пригородки Закамскіе, также на Казан-

(1) С. Соловьева. Исторія Россіи. т. XV, стр. 233.

ской сторонѣ Камы рѣки дворцовое село Елабугу осадили, и изъ тѣхъ пригородовъ Заинскъ, который отъ Казани разстояніемъ 200 верстъ, сожгли и людей порубили, а иныхъ въ полонъ побрали; а уѣздныхъ людей, Татаръ и Чувашу Казанскаго и Уфимскаго уѣздовъ наговариваютъ, будто ратныхъ людей посылаютъ прибыльщики безъ твоего указу, собою, и чтобъ вездѣ Русскихъ людей побивать, потому что они съ прибыльщиками одновѣрцы; и собрався великимъ собраніемъ, хотятъ итти подъ Казань» (¹). Дѣйствительно въ началѣ Февраля толпа мятежныхъ Башкирцевъ была только уже въ 80 верстахъ отъ Казани. Петръ Великій, занятый войною съ Шведскимъ королемъ, готовясь къ рѣшительной съ нимъ схваткѣ, не могъ отрядить значительныхъ силъ на помощь Русскому населенію на Волгѣ и Камѣ противъ Башкирцевъ и соединившихся съ ними многихъ другихъ иновѣрцевъ. Онъ не терялъ надежды миролюбивыми мѣрами прекратить мятежъ. Дѣло это онъ поручилъ боярину, князю Петру Ивановичу Хованскому. Но переговоры, въ которые тотъ вступилъ съ мятежниками чрезъ посланныхъ къ нимъ изъ Казани толмача и ясачныхъ Татаръ, оказались совершенно безполезными. На упреки посланныхъ въ измѣнѣ Великому Государю и на убѣжденія отстать отъ злодѣйствъ и покориться Русской власти они отвѣчали: «все они это дѣлаютъ для того, чтобъ Великому Государю учинилось подлинно извѣстно; потому что напередъ сего къ нему Государю къ Москвѣ на прибыльщиковъ о всякихъ своихъ нуждахъ посылали они свою братью ясачныхъ людей челобитчиковъ, и тѣ ихъ челобитчики были переиманы и биты кнутьемъ, а иные перевѣшаны, отповѣди имъ никакой не учинено: и чтобъ Великій Государь пожаловалъ, велѣлъ съ нихъ Башкирцевъ, Татаръ, Вотяковъ и Черемисы, для ихъ скудости, новокладную прибыль снять, и они отступятъ и пойдутъ въ домы свои» (²). Но дожидаться отвѣта на это свое заявленіе они не думали, а продолжали итти по направленію къ Казани, разоряя и сожигая деревни, побивая жителей, или уводя ихъ въ плѣнъ. Наконецъ шайка ихъ появилась въ 30 только верстахъ отъ Казани. Тогда по распоряженію вице-губерна-

(¹) Тамже, 234.

(²) Тамже, 235.

тора Кудрявцева выслапъ былъ противъ нихъ, подъ начальствомъ Осипа Бартенева, отрядъ, состоявшій преимущественно изъ Казанскихъ Татаръ, женъ и дѣтей которыхъ не забыли взять въ заложники. Бартеневъ прогналъ воровъ въ Уфимскій уѣздъ; въ тоже почти время станичный атаманъ Невѣжинъ изъ Сергіевска сдѣлалъ удачный поискъ надъ другой мятежнической шайкой, осаждавшей Билярскъ, поразивъ съ 200 Русскихъ и съ сотней Чувашъ лучшихъ батырей. Послѣ этого мятежники сами уже стали искать какъ бы переговорами покончить войну. Кудрявцевъ совѣтовалъ Хованскому не обращать вниманія на эти заискиванья ихъ, а усилить противъ нихъ наступательныя дѣйствія, утверждая, что ихъ обѣщаніямъ вѣрить нельзя, что ихъ можно смирить только военнымъ страхомъ. «Не учи меня», отвѣчалъ боярипъ и, въ концѣ Февраля вступивъ самъ въ походъ, не замедлилъ войти съ мятежниками въ переговоры. Имъ объявлено было отъ имени Государя прощеніе, если они положатъ оружіе и выдадутъ хана, во имя котораго бунтовали. Потерпѣвъ неудачу подъ Казанью, они смирились. Выданный ими ханъ былъ казненъ.

Но мятежъ этимъ не кончился. Смирившіяся теперь шайки составлены были, какъ видно, по преимуществу изъ ясачныхъ иновѣрцевъ Казанскаго и Уфимскаго уѣздовъ, приставшихъ къ Башкирцамъ. Внутри же Башкирскаго края воспользовались дарованнымъ мятежникамъ прощеніемъ лишь для того, чтобы усилить враждебныя дѣйствія противъ Русскихъ, и не предвидѣлось, когда будетъ конецъ этому мятежу, въ теченіе котораго до Февраля 1709 года, какъ доносилъ тогда Царю назначенный предъ тѣмъ Казанскимъ губернаторомъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, въ Казанскомъ и Уфимскомъ уѣздахъ позжено и разорено было селъ и деревень 303, людей погибло и въ плѣнъ отведено 12705 человѣкъ. Тамъ главные коноводы старались увѣрить толпу, что Русскіе хотятъ ихъ Башкирцевъ миромъ обмануть; изъ Каракалпакъ выписали новаго хана на мѣсто казненнаго. «О тѣхъ Башкирцахъ, писалъ въ Мартѣ Государю Апраксинъ, доношу тебѣ: народъ ихъ проклятый, многочисленный и военный, да безглавный, никакихъ надъ собою, хотя бъ такъ какъ на Дону подобно атаманы и такихъ не имѣютъ, приняться не закого, и чтобы особно послать, не къ кому» (1). Въ виду такихъ обстоятельствъ положено было дѣй-

(1) Тамже. 237.

ствовать противъ мятежниковъ силою; а такъ какъ въ это время Государь не видѣлъ возможности безъ ущерба дѣламъ на западѣ и югѣ отрядить на востокъ достаточное для того количество регулярнаго войска, то онъ позволилъ собираться вольницѣ и дѣлать поиски въ Башкирію, съ правомъ, что возметъ кто тамъ съ бою съ мятежниками, удерживать при себѣ, съ правомъ истреблять ихъ всячески, огнемъ и мечемъ. Это же самое объявлено было и Калмыкамъ. Въ то самое время, когда одна Калмыцкая партія въ 10,009 человѣкъ отряжена была противъ воровскихъ Донскихъ казаковъ, которые подъ предводительствомъ Некрасова и Хохлача хотѣли, какъ носились слухи, овладѣвъ Саратовомъ, соединиться съ мятежными Башкирцами,—другой, тоже 10-ти тысячный отрядъ Калмыковъ, подъ начальствомъ стольника Бахметева поспѣшно, чтобы не допустить Башкирскихъ мятежниковъ до этого воровскаго соединенія, шелъ по направленію въ ихъ край и, перейдя рѣку Икъ (вп. въ Сакмару), вступилъ въ жилища самыхъ воровскихъ заводчиковъ. Теперь въ свою очередь Башкирцамъ приходилось испытать то, что недавно отъ нихъ терпѣли Русскіе: Калмыки умѣли опустошать не хуже Башкирцевъ; они не давали никому пощады, жгли башкирскія селенія, грабили имущество, рѣзали взрослыхъ и уводили въ плѣнъ женъ и дѣтей. Пораженные въ нѣсколькихъ схваткахъ, Башкирцы увидѣли себя вынужденными смириться. Сначала одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей возстанія, мулла Измаилъ, сынъ котораго попался въ плѣнъ къ Русскимъ, и его приверженцы явились къ Бахметеву съ повинной, цѣловали Коранъ за всѣ четыре дороги, что Башкирцы впредь измѣнять не будутъ и полонъ весь отдадутъ, а за тѣмъ и другой предводитель мятежниковъ, Кусюмъ съ товарищами прислали выборныхъ, вины свои принесли и обѣщались служить и дани давать по прежнему (1). «Но и послѣ того, говоритъ Рычковъ, было отъ нихъ не безъ продерзостей» (2). И дѣйствительно, едва только Калмыки, опустошившіе Башкирію и принудившіе ея населеніе принести Государю повинную, ушли въ свои улусы, какъ опять вскорѣ оказалась надобность послать туда этихъ кочевниковъ. 5 сентября 1710 года Казанскій губер-

(1) Тамже 237.

(2) Исторія Оренбургская. Ежемѣс. сочиненія 1859. I, 12.

наторъ Апраксинъ на съѣздѣ съ Калмыцкимъ ханомъ Аюкою у рѣчки Даниловки говорилъ ему между прочимъ. «Е. Ц. В-во указалъ въ нынѣшнемъ 1710 году ему боярину и губернатору за великое воровство и за многую измѣну, согласясь съ ханомъ, управляться съ Башкирцами войною, что *и нынѣ* тѣ Башкирцы всякія пакости чинятъ и донынѣ даней не даютъ и Каракалпаками хвалятся, и чтобы онъ на тѣхъ Башкирцевъ послалъ воинскихъ людей своихъ многихъ и велѣлъ бы ихъ Башкирцевъ разорять и побивать и въ полонъ брать»; на это Аюка ханъ отвѣчалъ: «онъ ратныхъ людей нынѣ на Башкирцевъ послалъ Калмыковъ 5000 человѣкъ, и пошли тѣ Калмыки на Башкирцевъ въ тотъ походъ тому до сего числа недѣли съ три, и ожидаемъ оттуда вѣдомости», и обѣщалъ весною послать «туда неотложно еще больше съ Момутомъ тайшею, буде иной какой великой нужды не будетъ» (1). Прошло еще два года, а дѣла башкирскія мало подвигались къ лучшему для Русскихъ. Въ 1712 году Апраксинъ извѣщалъ Головкина: «со стороны пограничныхъ бусурманъ все благополучно; только всегдашніе намъ домашніе злодѣи Башкирцы: отъ нихъ никакого покоренія и добра не видимъ и живемъ во всегдашнемъ отъ нихъ опасеніи» (2). Такія продерзости Башкирцевъ, не перестававшія повторяться и послѣ того, заставили Петра Великаго наконецъ принять противъ нихъ рѣшительныя мѣры. Въ 1720 году отправленъ былъ стоявшій въ Мензелинскѣ съ войскомъ полковникъ графъ Головкинъ въ Уфу съ грамотою, въ которой послѣ вычисленія измѣнъ и злодѣйствъ, сдѣланныхъ Башкирцами, высказано было требованіе, чтобы они, какіе у нихъ живутъ взятые въ полонъ и бѣглые изъ городовъ и уѣздовъ, Русскіе люди и иновѣрцы, тѣхъ всѣхъ отдавали присланнымъ изъ Казанской губерніи отъ губернатора, и чтобы впредь такихъ бѣглыхъ не принимали; подъ этимъ условіемъ Государь обѣщалъ держать ихъ въ милости; въ противномъ же случаѣ Головкинъ долженъ былъ грозить имъ высокимъ гнѣвомъ Царя. Кромѣ того онъ долженъ былъ изслѣдовать причины, «по чему Башкирцы въ прошлыхъ годахъ произвели злодѣйскій мятежъ, почему до сихъ поръ не выдавали плѣнныхъ и при-

(1) П. С. З. № 2,291.

(2) Исторія Россіи. С, Соловьева. т. XVI, 385.

нимали къ себѣ бѣглецовъ, и по многимъ посылкамъ изъ Казани и Уфы не токмо, чтобы тѣхъ бѣглецовъ изъ Уфимскаго уѣзда выслать на прежнія жилища, но и противные въ томъ отвѣты чинили и посылаемымъ изъ Казани для переписи и высылки бѣглецовъ, ослушны чинились, а иныхъ посланныхъ били и за карауломъ держали»,—и взять о томъ у нихъ вѣдомость на письмѣ. Въ случаѣ, если бы графъ Головкинъ замѣтилъ въ Башкирцахъ непослушаніе, то для приведенія ихъ въ надлежащую покорность могъ располагать средствами, находившимися въ рукахъ Казанскаго губернатора и Уфимскаго воеводы, которые обязаны были оказывать ему во всемъ томъ дѣлѣ всякое вспоможеніе (1). Башкирцы теперь не стали противорѣчить требованіямъ, предъявленнымъ въ царской къ нимъ грамотѣ и выраженнымъ подробнѣе въ сенатской инструкціи, которою былъ снабженъ графъ Головкинъ. Собранные старшины ихъ принесли свои вины, обѣщали освободить всѣхъ взятыхъ ими въ плѣнъ и выслать всѣхъ бѣглыхъ, которые пришли къ нимъ въ послѣднія десять лѣтъ. Дѣйствительно съ 7 Іюня 1720 по 1 Марта 1722 года графу Головкину удалось выслать изъ Башкиріи бѣглыхъ 4965 семей, а людей обоего пола 19,815 (2).

Но такую покорность Русской власти оказывали недолго Башкирцы; въ 1724 году снова обнаружились въ ихъ краю всѣ признаки враждебнаго Россіи настроенія. Башкирцы перестали платить положенный на нихъ ясакъ (3); стали по прежнему принимать къ себѣ бѣглецовъ и противъ сыщиковъ выходили боемъ. Отправленъ былъ въ Башкирію одинъ новокрещеный тайно, будто бѣглый, развѣдать, что тамъ дѣлается. Башкирцы приняли его и сказали: «для чего тебѣ жить въ Казанскомъ уѣздѣ: будетъ скоро война съ Русью, и будетъ война не такая, что прежде была; съ нами будутъ Сибирскіе и Яикскіе казаки». Приходили извѣстія, что новокрещены чистятъ копья и стрѣлы точатъ; ясачные татары

---

(1) П. С. З. № 3565, 3566.

(2) С. Соловьева. Ист. Россіи. т. XVIII, 235.

(3) Въ росписи доходовъ, сдѣланной въ 1724 году, сказано: « да на Башкирцахъ положено 22,758 рублей 78 коп , а не платятъ» (П. С. З. № 4548).

отказывались платить подушное и давать рекрутъ. У Башкирцевъ было собраніе въ Уфимскомъ уѣздѣ на озерѣ Берсевенъ; пріѣхавъ батырь Алдарко съ 700 человѣкъ, пріѣхавъ сынъ измѣнника Сеитка, бѣжавшій въ 1707 году къ Киргизамъ, съ нимъ пріѣхало 500 человѣкъ Киргизъ; собирались Башкирцы и Татары отовсюду на это озеро, хотѣли осадить Уфу, потому что на Уфѣ было трое судей, а они требовали, чтобы былъ оставленъ одинъ, а двоихъ отдать имъ, прибыльщики имъ не надобны (1). По прежнему зачинщики волненія хотѣли привлечь къ участію въ предположенномъ возстаніи противъ Русскихъ, кромѣ Киргизовъ, и другихъ инородцевъ, посылали для этого нарочныхъ въ Калмыцкіе, Кубанскіе и Крымскіе улусы звать тѣхъ кочевниковъ, чтобы шли войною на Русь. Возстаніе на этотъ разъ не состоялось: нарочныхъ перехватили на Волгѣ; Симбирскъ, съ котораго злоумышленники думали начать опустошеніе и разграбленіе Русскихъ городовъ и селъ, поспѣшили укрѣпить; усилили въ немъ гарнизонъ и умножили военные снаряды (2).

Вмѣсто того, чтобы итти войною на Русскихъ, Башкирцы, убѣдившись, вѣроятно, что затѣвать имъ возстаніе не своевременно и не безопасно, порѣшили наконецъ путемъ миролюбивымъ добиться того, что между прочимъ хотѣли себѣ достать войною. Въ февралѣ 1728 года явилась въ Москвѣ ихъ депутація, во главѣ которой былъ Ярней Янчуринъ, съ челобитной отъ лица Башкирцевъ всѣхъ четырехъ дорогъ. Въ этой челобитной Башкирцы просили правительство защитить ихъ отъ разнаго рода притѣсненій, причиняемыхъ имъ поселившимися около нихъ Русскими, удостовѣряя, что ѣздятъ къ нимъ цѣловальники немалымъ числомъ, и каждый имѣетъ при себѣ человѣкъ пять, берутъ у нихъ подводы, и гусей, и утокъ и рыбу, пиво, медъ, а, если кто не даетъ, разоряютъ напрасными поклепами, что многими ихъ землями насильно завладѣли Русскіе, Уфимскіе, Саранульскіе и Буинскіе волостные люди, и откупщики Казанскіе и Московскіе и Мещеряки и другіе пришельцы; что аманатовъ ихъ употребляютъ

---

(1) С. Соловьевъ. Истр. Россіи т. XVIII, 235—236.

(2) Донесеніе Симбирскаго воеводы Хрущова. Башк. дѣла въ арх. Мин. Ин. Д.

на тяжолыя работы (1). Тогдашнее правительство милостиво приняло эту челобитную и согласно съ желаніемъ челобитчиковъ отдѣлило Уфимскую провинцію отъ Казанской губерніи, изъявъ ее изъ вѣдомства Казанскаго губернатора и подчинивъ ее непосредственно Сенату (2). Въ именномъ указѣ Башкирцамъ всѣхъ дорогъ и волостей, батырямъ и старшинамъ и всѣмъ ясачнымъ людямъ, въ которомъ объявлялось объ этомъ, было кромѣ того написано: «Бригадиру Бутурлину», назначенному воеводою на Уфу, вамъ Башкирцамъ и прочимъ иновѣрцамъ никакого озлобленія, обидъ и налоговъ отнюдь никому никакихъ не чинить, и нападками взятокъ ни съ кого никакими мѣрами не брать, и подчиненныхъ своихъ до того не допускать и во всемъ поступать по даннымъ вамъ отъ предковъ нашихъ, Великихъ Государей, жалованнымъ грамотамъ, и сверхъ положеннаго на васъ Башкирцевъ ясака никакихъ другихъ податей не спрашивать, и тотъ ясакъ собирать по срокамъ, какъ было прежде обыкновенно, и для того сбора выбрать вамъ самимъ межъ себя сборщиковъ добрыхъ и знающихъ людей, кому вы въ томъ вѣрите, и на тѣхъ людей брать у васъ выборы за руками, а служилыхъ людей для того въ уѣзды къ вамъ не посылать; а по прошествіи срока, ежели которые сборщики на срокъ не заплатятъ, посылать только къ тѣмъ выборнымъ сборщикамъ и спрашивать на нихъ. Судъ и расправу чинить ему нашему бригадиру и воеводѣ между вами Башкирцами такъ, какъ прежде такіе суды были чинены, по прежнимъ даннымъ воеводскимъ наказамъ, въ правду, не чиня никому ни малѣйшаго продолженія и волокиты. А когда вы пожелаете для челобитья и для всякихъ нуждъ ѣхать къ Москвѣ или въ Сенатъ, тогда для проѣзду давать ему вамъ проѣзжія письма за своею рукою и воспрещенія вамъ въ томъ не чинить... И повелѣли ему васъ отъ всякихъ обидъ и налоговъ охранять и оберегать». Въ заключеніе милостивый указъ требовалъ отъ Башкирцевъ, чтобы они, видя къ себѣ такую милость Государя, служили ему вѣрно и положенный ясакъ платили, и бѣглыхъ Русскихъ, Мордву, Чувашъ и Черемисъ и никакихъ народовъ людей, подданныхъ Е. И. В. не принимали и не держали, а которые бѣглецы есть, тѣхъ бы при-

(1) Тамже. Башк. дѣла за 1728 г.

(2) П. С. З. № 5316.

водили въ Уфу и отдавали воеводѣ немедленно (1). Чрезъ нѣсколько времени послѣдовалъ, также вслѣдствіе ходатайства башкирской депутаціи, указъ, которымъ запрещалось башкирскихъ аманатовъ употреблять на работы (2). Въ 1729 году явлена новая милость Башкирскому краю: Государь, согласно съ представленіемъ Сената, указалъ «съ ясачныхъ иновѣрцевъ Уфимской провинціи прежнихъ и новаго нарядовъ, также и впредь положенныхъ рекрутъ до указа не сбирать» (3). Вообще люди, заправлявшіе дѣлами государства въ царствованіе императора Петра II, выказали расположеніе слѣдовать по отношенію къ Башкирцамъ системѣ, основанной на охраненіи ихъ льготъ и особыхъ ихъ правъ; они, какъ видно, убѣждены были, что стоитъ только сдѣлать уступку требованіямъ этого народа, — и онъ всегда будетъ оказывать вѣрноподданическую покорность власти. По крайней мѣрѣ нашлись люди, которые, ближе, чѣмъ сановники, засѣдавшіе въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и въ Коллегіи Ин. Дѣлъ, зная положеніе Башкирскаго вопроса и настроенность Башкирцевъ по отношенію къ Россіи, почли своею обязанностію представить правительству, что принятый имъ образъ дѣйствій по отношенію къ этому народу ни мало не ведетъ къ цѣли, что покорность его обманчива и притворна, и что вовсе нельзя полагаться на увѣренія депутатовъ его въ готовности всѣхъ Башкирскихъ дорогъ и волостей вѣрою и правдою служить Государю и исполнять его требованія, — и предложить съ своей стороны иныя мѣры относительно этого народа. Изъ губерніи Казанской и провинцій Соликамской и Уфимской въ 1728 году доносили, что неспокойные Башкирцы соглашались съ Калмыками и съ прочими сосѣдними народами сдѣлать нападеніе на Русскіе города. Начальникъ Горныхъ Заводовъ, генералъ-маіоръ Геннинъ настаивалъ, въ виду этого, на необходимости построить около Соликамска укрѣпленія; Строгоновы для защищенія своихъ вотчинъ отъ набѣговъ этого врага просили изъ казны оружія полторы тысячи фузей, къ пальбѣ годныхъ, съ надлежащею аммуниціею, сто пудовъ пороху, сорокъ пудовъ свинцу, имѣя въ виду вооружить своихъ

(1) Тамже.

(2) Тамже. № 5318.

(3) Тамже. № 5428.

людей, между которыми, по ихъ увѣренію, могло найтись «человѣкъ 1500 или 2000, заобыкновенныхъ къ огненному ружью», и просили кромѣ того, чтобы въ подкрѣпленіе этой милиціи присланъ былъ изъ регулярныхъ войскъ одинъ полкъ, или баталіонъ, дабы «ихъ люди и крестьяне смѣлѣе могли поступать» (1). Въ 1730 году правительство получило весьма подробную записку о положеніи Башкирскаго вопроса и о средствахъ къ успѣшному и выгодному для Русскихъ его рѣшенію. Авторъ этой записки, или мнѣнія, по всей вѣроятности, А. П. Волынскій (2), и ужъ во всякомъ случаѣ человѣкъ, близко знакомый съ состояніемъ восточнаго края Россіи, не ограничивается заявленіемъ того, что Башкирцы опасны для Русскихъ вслѣдствіе привычки ихъ къ измѣнамъ и мятежамъ; онъ также указываетъ и причины, поддерживавшія въ нихъ мятежный духъ, старается вникнуть въ существо башкирскихъ волненій, опредѣлить значеніе Башкирскаго вопроса въ исторіи отношеній Русскихъ къ иновѣрцамъ. «Уповаю я, говоритъ онъ, что несовершенно извѣстно о состояніи Башкирскаго народа, который внутри государства, почитая себѣ подданными, имѣемъ; а по моему слабому мнѣнію надлежитъ оныхъ держать и къ нимъ осторожность имѣть паче всякаго внѣшняго непріятеля по многимъ доказательствамъ. Первое, что они имѣютъ Магометанскій законъ, и, по закону своему, конечно, должны быть христіанамъ непріятели, что уже Россійской имперіи неоднократно о нихъ чрезъ бунты извѣстно; а потомъ и самыми разореніями подданныхъ злоба ихъ явно показана, не токмо прямою войною, но и тиранскими поступками надъ престарѣлыми людьми и младенцами, которыхъ они, не хотя въ полонъ брать, сажали на кольяхъ при деревняхъ по изгородямъ, а иныхъ давили въ заборахъ такъ, что разберутъ звѣнья забора, оставя одно или два бревна исподнія, и покладутъ тѣхъ людей шеями на то бревно, а потомъ тѣмъ заборомъ паки сверхъ ихъ заберутъ и такъ всѣхъ подавятъ. Второе: видно изъ сего, что народъ сей такой жестокою злобою исполненъ, а время отъ времени непрестанно умножается и растетъ, такъ что чрезъ 20 прошедшихъ лѣтъ не было прямыхъ Башкирцевъ больше 35 т., или по крайней мѣрѣ 40 т., а

(1) П. С. З. № 5248.

(2) Башкирскія дѣла въ арх. М. И. Д. за 1730 годъ. Здѣсь не выставлено имени автора «Мнѣнія», а обозначено, что оно, «упованельно, Волынскаго».

нынѣ съ бѣглецами стало больше 100 т., а именно: Казанскіе, Сибирскіе и прочихъ уѣздовъ ясачные Татары большая половина въ Башкиры перешли. Къ тому же и прочіе иновѣрцы, Мордва, Чуваши, Черемисы и Вотяки цѣлыми селами и деревнями съ ясаковъ туда перешли. И понеже за 30 лѣтъ прошедшихъ не было нигдѣ ясачныхъ русскихъ селъ, но всѣ были иновѣрцы, и развѣ изъ ста одинъ или два въ которомъ селѣ крещены, а нынѣ мпожество такихъ селъ, въ которыхъ уже и ни одного не сыщется иновѣрца, кромѣ самихъ Русскихъ. И сіе сдѣлалось такимъ образомъ: тѣ выше помянутые иновѣрцы, одинъ за другимъ, перешли чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Башкиры, а на ихъ мѣстахъ въ ту ясачную подать набрались и поселились бѣглые Русскіе, какъ я о томъ отъ многихъ низовыхъ помѣщиковъ единогласно слышалъ (нарочные имѣя о томъ разговоры). А нынѣ и Русскихъ немалое число отъ подушныхъ податей бѣглецовъ въ Башкиры перешло, о которыхъ, надѣюсь, отъ полковъ съ квартиръ, которые туда близки, и въ Военной коллегіи, можетъ быть, есть рапорты. И хотя мы видимъ, что Башкирскій народъ является кротокъ, однакоже не возможно сказать, чтобы онъ былъ въ совершенномъ послушаніи: понеже бѣглыхъ принимаютъ, не смотря ни на какіе указы, и податей не платятъ, но живутъ по своей волѣ, какъ хотятъ; и такъ не надлежитъ ни на какіе и кроткіе поступки ихъ уповать и въ томъ имъ вѣрить; понеже пока руки наши свободны и не привязаны къ которой сторонѣ войною, до того времени они обнадеживаютъ, что они будутъ овцами. Когда же, отъ чего сохрани и не допусти Боже, съ кѣмъ либо начнется и будетъ продолжаться война, а паче,—не дай Всевышній,—если случится оборонительная, а не наступательная, да къ тому же если случится съ Турками, то оной народъ не токмо можетъ нанести государству вредъ, но и великое учинить разореніе». Въ предотвращеніе этого въ запискѣ предлагается принять такія мѣры по отношенію къ Башкирамъ. Послать къ нимъ кого либо изъ знатныхъ подъ предлогомъ защиты ихъ, а также поселившихся около нихъ Русскихъ отъ Киргизовъ и Калмыковъ, такъ какъ послѣдніе приблизились къ башкирскимъ границамъ. До поры обнадеживать милостію и ласкать. Снабдить знатную персону, которая будетъ отправлена въ Башкирію, достаточнымъ количествомъ войска. Усилить гарнизонъ въ Уфѣ и назначить въ воеводы или коменданты Уфимскіе благонадежнаго чело-

вѣка. Подъ предлогомъ покупки лошадей ѣздить по Уфимскому уѣзду, чтобы снять ландкарту края съ обозначеніемъ положенія мѣстъ поселенія, что дастъ, кромѣ извѣстныхъ выгодъ въ случаѣ войны съ Башкирцами, возможность увидѣть, кто тамъ—Башкирцы, кто—пришельц , какъ вооружены, сколько земледѣльцевъ и проч. Стараться поссорить Башкирцевъ съ Каракалпаками въ тѣхъ видахъ, что отъ того уменьшатся Магометане, и всѣми мѣрами ихъ искоренять и до умноженія не допускать, и для того изыскать какой либо политическій способъ, посредствамъ котораго можно бы было уменьшить Башкирскій народъ до половины, а на прочихъ наложить мало помалу подати, которыхъ будетъ не меньше 50-т. руб. Для успѣшнаго сбора податей содержать въ исправности крѣпости и построить новыя, снабдивъ ихъ гарнизонами изъ регулярныхъ войскъ, «отъ которыхъ та польза, что они (Башкирцы) будутъ имѣть страхъ и лучше будутъ платить подать».

Не входя въ разсмотрѣніе степени пригодности мѣръ относительно Башкирцевъ, предложенныхъ «Мнѣніемъ уповательно Волынскаго»,—мѣръ, которыя, надо замѣтить, потомъ всѣ примѣнены были къ дѣлу, нельзя, что касается до общаго взгляда на Башкирскій вопросъ, который въ немъ выраженъ и который, по всей вѣроятности, раздѣляли и другіе тогдашніе Русскіе мыслящіе люди,—не признать въ главныхъ его пунктахъ совершенно вѣрнымъ. Башкирскій край былъ тогда дѣйствительно однимъ изъ весьма опасно и упорно больныхъ мѣстъ въ государственномъ тѣлѣ. Надѣяться путемъ *нѣкоторыхъ* уступокъ Башкирцамъ сдѣлать ихъ мирными и вѣрными подданными русскими было не основательно. Башкирскій вопросъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія не мало въ этомъ отношеніи походитъ на Польскій въ концѣ этого столѣтія и въ текущемъ вѣкѣ: какъ уступки обитателямъ западной окраины Россіи, которыя дѣлало правительство, и особыя права и льготы, которыя оно имъ давало и которыхъ не имѣли коренные Русскіе, не приводили къ цѣли, напротивъ поддерживали среди нихъ непріязненныя Россіи стремленія и вражду къ Русскимъ; такъ и здѣсь, въ восточной окраинѣ государства, уступчивость правительства ея населенію не была имъ достойно оцѣниваема, возбуждала въ немъ лишь мысль о слабости Русскихъ и о возможности потому осуществить враждебные Россіи замыслы и мечты.

Стремленія, которыя лѣлѣялись въ Башкиріи, далеко не ограничивались льготами въ податяхъ, неприкосновенностію старинныхъ башкирскихъ обычаевъ и правъ, независимостію отъ вѣдомства Казанскаго губернатора, устраненіемъ произвола Уфимскихъ властей и правомъ представлять о своихъ нуждахъ, помимо послѣднихъ, непосредственно центральному Русскому правительству: тамъ мечтали о совершенной независимости отъ Русской власти, о возстановленіи независимаго магометанскаго ханства. Дѣло въ томъ: послѣ того, какъ пали мусульманскіе порты, Казанскій, Астраханскій и Сибирскій, какъ на мѣсто мечетей воздвигнуты были христіанскіе храмы, на мѣсто князей и мурзъ, управлявшихъ судьбами этихъ юртовъ, появились тамъ Русскіе воеводы и другіе служилые люди Русскаго царства,—еще далеко не уничтожились тѣ стремленія, которыя связаны были съ независимымъ существованіемъ ихъ. Не находя для себя простора въ земляхъ, входившихъ въ составъ прежнихъ мусульманскихъ ханствъ, поборники общественнаго строя, основаннаго на господствѣ князей и мурзъ, ревнители вѣры Магомета, обратили вниманіе на Башкирскій край, какъ на сподручный для себя притонъ. Туземное населеніе его, состоявшее изъ нѣсколькихъ тысячъ башкирскихъ семействъ, вслѣдствіе бѣдности и совершеннаго отсутствія какого либо образованія, скоро подчинилось вліянію этихъ выходцевъ, не находившему нигдѣ соперничества, тѣмъ болѣе, что они навсегда поселились въ краю этомъ, увеличивъ тѣмъ количество его населенія, дотолѣ ничтожнаго по численности и презираемаго за его грубость и невѣжество другими мусульманами. Башкирцы въ какія нибудь 50, 60 лѣтъ фанатизированы были на магометанскій ладъ и явились послушнымъ орудіемъ въ рукахъ разныхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ потомковъ прежнихъ татарскихъ хановъ и муллъ, не хотѣвшихъ примириться съ новымъ порядкомъ вещей, который былъ необходимымъ послѣдствіемъ завоеванія Русскими магометанскихъ восточныхъ ханствъ, и тѣмъ охотнѣе принимали ихъ сторону въ борьбѣ съ Россіей, что всякое враждебное дѣйствіе ихъ противъ Русскихъ обѣщало имъ поживу, до которой такъ падки полукочевые народы. Башкирскій край сдѣлался собственно колоніей Татаръ, не хотѣвшихъ подчиниться Русской власти и не терявшихъ вѣры въ возможность возврата стараго магометанскаго порядка вещей. Сюда они перенесли всю вражду къ Рус-

скимъ и здѣсь возобновили, опираясь на Башкирцевъ и на благопріятныя для себя условія мѣстности, лѣсистой и гористой, ту борьбу, въ которой на берегахъ Волги, Тобола и Иртыша мусульманскіе муллы, князья и мурзы должны были уступить побѣду народу, боровшемуся съ ними во имя христіанскаго Бога и Великаго Государя, представителя и главы христіанскаго общества. Открывшаяся тутъ, въ этомъ пунктѣ, борьба была такимъ образомъ борьбою Русскихъ не съ полукочевымъ только, отстаивавшимъ свою независимость и обычаи родоваго быта, Башкирскимъ народомъ, но и съ старымъ магометанствомъ, была продолженіемъ бореній ихъ съ магометанами, имѣвшихъ мѣсто въ XV и XVI вѣкахъ. Я уже имѣлъ случай изложить подробности этой борьбы въ теченіе XVII вѣка. Къ началу XVIII столѣтія противности Башкирцевъ Русской власти и вражда къ Русскому населенію не теряютъ характера борьбы, имѣющей цѣлію возстановить въ восточной Россіи независимое ханство, возвратить магометанству тотъ авторитетъ, которымъ оно пользовалось въ области Волги, Камы и въ Сибири до паденія ханствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. Напротивъ эта сторона вражды къ Россіи, шедшей изъ Башкиріи, теперь еще болѣе противъ прежняго усилилась. Изъ приведенныхъ подробностей о башкирскихъ мятежахъ, бывшихъ въ царствованіе Петра Великаго, видно, что мятежники дѣйствуютъ во имя хановъ, руководятся муллами, стараются придать своему возстанію значеніе общемагометанской брани противъ невѣрныхъ. Дальнѣйшіе башкирскіе мятежи имѣютъ, какъ увидимъ, тотъ же характеръ. Поэтому то авторъ вышеприведеннаго «мнѣнія» о башкирскихъ дѣлахъ совершенно правъ, когда говоритъ, что полагаться на вѣрность Башкирцевъ нельзя, такъ какъ они магометане, когда магометанствомъ ихъ объясняетъ тѣ звѣрскія жестокости, которыя они дѣлали во время мятежа надъ попадавшими къ нимъ Русскими, и когда вообще настаиваетъ на томъ, что они именно въ силу своего магометанства опасны для Россіи.

Конечно замыслы о возстановленіи независимаго магометанскаго ханства въ Восточной Россіи, для осуществленія которыхъ производились въ Башкиріи возстанія, были запоздалы, и едва ли кто изъ Русскихъ вѣрилъ, чтобы такія мечты могли сбыться; но тѣмъ не менѣе они сильно затрудняли для Россіи Башкирскій вопросъ. Замыслы эти существовали, и для приведенія ихъ въ исполненіе, для успѣха дѣла возстанія,

затѣваемаго съ этою цѣлію, принимались ревностными магометанами свои мѣры. Населеніе Башкирскаго края въ своихъ мятежахъ противъ Россіи дѣйствовало не одно. Въ сосѣдствѣ съ нимъ жили разныя кочующія племена, Киргизъ-Кайсаки, Каракалпаки, Калмыки, которыхъ мятежники всегда старались, и не безъуспѣшно, привлечь къ участію въ возстаніи. Враждуя между собою, эти племена, когда дѣло доходило до войны съ Русскими, до возможности грабежа Русскихъ селеній, соглашались между собою скоро. Башкирцы изъ ненависти къ Русскимъ охотно открывали своимъ сосѣдямъ дорогу чрезъ свои земли къ враждебнымъ вторженіямъ въ Русскія поселенія, даже въ то время, когда сами, повидимому, были спокойны. Такъ въ 1717 году одинъ Киргизъ-Кайсацкій владѣлецъ провелъ чрезъ Башкирію 10-ти тысячную толпу, подступилъ подъ закамскій городъ Новошешминскъ и, взявъ его, полонилъ многое число людей, и только отпоръ, который далъ ему полковникъ Сулзъ, заставили его съ немалымъ урономъ возвратиться въ степи (1). Много людей Русскихъ благодаря такимъ вторженіямъ уводимо было въ степи и потомъ продавалось на восточныхъ рынкахъ. Въ 1722 году Каракалпакскій владѣлецъ ханъ Ишимъ Магометъ, желая возвратить къ себѣ 5 человѣкъ своихъ рабовъ, попавшихъ къ Русскимъ въ плѣнъ, прислалъ пословъ для заключенія мира съ императоромъ. Въ одной изъ статей, предложенныхъ посланцами, говорится: «Купленныхъ русскихъ людей у насъ много, а сколько числомъ, и кто поименно, и какого кто чина, и что за нихъ выкупу дано, того подлинно сказать не знаютъ, и изъ Русскихъ есть нѣкоторые, которые уже поженились на каракалпачкахъ и на калмычкахъ» (2). Нельзя было быть равнодушнымъ при такомъ положеніи дѣлъ на восточной окраинѣ Россіи ни Русскому населенію, которое придвинулось туда, ни правительству. Необходимо было принять мѣры къ тому, чтобы кочевники эти не могли соединяться между собою противъ Русскихъ, чтобы не могли они безпокоить своими вторженіями русскія поселенія, а для того необходимо было усиленное русское движеніе въ Башкирскій край, необходимо было усиленіе правительственнаго надзора за его обитателями, что въ свою очередь неминуемо должно было повлечь за собою усиленіе вражды къ Русской власти въ Баш-

(1) Ежемѣсячн. Соч. 1759. I, 9.

(2) П. С. З. № 4,101.

кирскомъ населеніи. Еще болѣе Башкирскій край озабочивалъ правительство связію его населенія съ магометанскимъ, да и вообще съ инородческимъ населеніемъ, сидѣвшимъ по сю сторону Камы. Это населеніе, не довольное порядками, которые вводила къ нимъ Русская власть и тяжесть которыхъ увеличивали чиновные люди, мало по малу привыкло мотрѣть на Закамскія земли, какъ на мѣсто, гдѣ можно было освободиться отъ этихъ порядковъ. Послѣдователей Магомета привлекали эти земли еще потому, что тамъ исламизмъ рѣдко встрѣчалъ опаснаго своего противника, христіанство, что вообще тамошнія земли были болѣе магометанскими, чѣмъ христіанскими. Здѣсь по Черемшану находились священные для мусульманъ памятники ихъ былыхъ временъ, между которыми гробница древняго царя Балынъ-гози благоговѣйно охранялась особою стражею и посѣщалась магометанами даже самыхъ отдаленныхъ мѣстностей (1). Какъ бы то ни было, только еще въ

(1) Капитанъ Рычковъ сообщаетъ, что онъ во время своего путешествія досталъ копію съ челобитной мурзъ и ясачныхъ людей Петру Великому о возобновленіи этого памятника, въ которой значится, что «здѣсь до Казанскаго взятья и изстари построенъ былъ бусурманскій городъ Булымерской за Камою рѣкою, а въ немъ былъ царь Балынъ-Гозя, и онъ де Балынъ-Гозя умеръ, да въ тоже время былъ царь татарскій Сафаралей, и того де Балымерскаго царя похоронилъ и построилъ надъ нимъ палату каменну». Это мѣсто, говоритъ далѣе Рычковъ, составляетъ предметъ почитанія всѣхъ магометанъ. «Не только здѣсь живущіе, но и Башкирцы изъ отдаленныхъ мѣстъ съѣзжаются лѣтомъ къ симъ развалинамъ, признавая ихъ мѣстами священными. Они вѣруютъ, что внутри каменныхъ зданій погребены ихъ святые, которые не только при жизни своей, но и нынѣ еще дѣлаютъ разныя чудеса... Почтеніе къ симъ развалинамъ осталось между Татарами отъ временъ праотцевъ ихъ, бывшихъ обладателями сей страны Татарскіе цари приставляли безпрестанную стражу къ гробу Балынъ-Гози, и хранителями сего священнаго мѣста были шесть нарочно избранныхъ мужей. Когда Казань и всѣ области великой Татаріи были покорены подъ власть Россійскихъ царей, то въ тоже самое время (будучи безъ призрѣнія) разрушилась и сія священная палата. Спустя нѣсколько времени Татары, вспомнивъ древнюю свою набожность, просили новыхъ государей, дабы позволено было возобновить имъ упад-

Московскій періодъ иновѣрцы и преимущественно магометане стараются перейти за Каму, ближе къ Башкирцамъ: одни переходятъ съ позволенія правительства (1), другіе произвольно (2). Тяжести, наложенныя на тяглыхъ людей и въ томъ числѣ на иновѣрцевъ въ царствованіе Петра Великаго, въ особенности введеніе подушной подати, усилили, какъ мы уже видѣли, еще болѣе противъ прежняго произвольное переселеніе инородцевъ за Каму къ Башкирцамъ. Эти переселенцы, между которыми попадались и Русскіе податные люди, конечно уносили съ собою не доброе чувство къ Русской власти. Преслѣдуемые сыщиками, они безъ сомнѣнія готовы были пристать ко всякому возстанію противъ той власти, отъ которой спасались и которой нужно было страшиться, поселившись даже въ лѣсахъ и горахъ башкирскихъ Но и тѣ, которые оставались дома на своихъ прежнихъ мѣстахъ, чутко прислушивались къ тому, что говорилось за Камой, и всякое башкирское волненіе отзывалось броженіемъ умовъ между приволжскимъ инородческимъ населеніемъ, и малѣйшій успѣхъ мятежниковъ въ состояніи былъ привлечь къ возстанію цѣлыя селенія и волости. Вообще мятежное настроеніе въ Башкиріи противъ Русскихъ питалось и поддерживалось много иновѣрцами и въ особенности Татарами, жившими по сю сторону Камы. Вѣроятно даже и то, что и самыя вспышки башкирскихъ мятежей не мало условливались тѣми внушеніями, которыя передавались въ Башкирію изъ Казани и другихъ важныхъ пунктовъ прежняго Казанскаго царства; по край-

---

шій и разоренный храмъ. Сіе имъ было позволено, и они, немедленно построивъ новую палату, поселили тутъ нѣсколько домовъ изъ роду тѣхъ людей, которые были приставлены во времена Татарскихъ царей. Вскорѣ послѣ возобновленія каменной палаты пришли туда селиться предки нынѣшнихъ Билярскихъ жителей, кои, притѣсняя Татаръ, жившихъ у гробницы ихъ святаго, довели наконецъ ихъ до того, что они, оставя сіе мѣсто, избрали иное жилище; а палата, будучи безъ призрѣнія и притомъ разрушаема новыми жителями, пришла въ конечное опустошеніе» (Журналъ или дневныя зап. путеш. стр. 13—18. Ср. Акты, Собранные Ст. Мельниковымъ. Казань. 1859. № LXVI).

(1) Акты Мельникова. № XLVI.

(2) Тамже. № LXI. LXXI.

ней мѣрѣ вѣрно то, что большая часть мятежей этого народа совпадаютъ со временемъ изданія узаконеній и примѣненія къ дѣлу мѣръ, которыми имѣли причину быть недовольными Татары и прочіе иновѣрцы области средней Волги.

Такимъ образомъ улаживая Башкирскія дѣла, правительство должно было прежде всего хлопотать о томъ, чтобы обезопасить русскія поселенія на Волгѣ и Камѣ, не допускать иновѣрческое населеніе области средней Волги до столь невыгодныхъ для казны и противныхъ принятой системѣ финансоваго и общественнаго строя въ государствѣ побѣговъ въ Закамскія земли, держать его въ покорности установленнымъ властямъ. Оно объ этомъ и заботилось только въ Московскую эпоху, когда Башкирскій вопросъ выступалъ на очередь для рѣшенія: объ извлеченіи изъ Башкирцевъ положительныхъ какихъ либо выгодъ мало тогда думали. Въ царствованіе Петра Великаго забота правительства относительно башкирскихъ дѣлъ устремлена была также къ достиженію этихъ отрицательныхъ выгодъ. Намѣреніе его увеличить повинности Башкирцевъ относительно Государства скоро было оставлено; и не смотря на то Башкирія продолжала волноваться, что нужно приписать ничему иному, какъ именно тѣмъ, объясненнымъ сейчасъ, отношеніямъ, которыя такъ тѣсно связаны были съ башкирскими дѣлами.

Но со времени Петра Великаго вопросъ Башкирскій еще болѣе противъ прежняго усложнился: къ причинамъ, вызывавшимъ дотолѣ смуты въ Башкиріи, прибавилась новая сила, которая должна была раздуть вражду населенія этого края къ Россіи до послѣдней степени. Разумѣю новое Русское колонизаціонное движеніе въ Закамскія земли, захватившее и Башкирскій край, движеніе, толчокъ которому данъ въ эпоху преобразованія.

Петръ Великій, поставивъ главною задачею своей многообразной дѣятельности обогащеніе Россіи посредствомъ развитія промышленныхъ силъ страны, не могъ оставить безъ вниманія Закамскія земли, богатыя металлами, минералами и другими дарами природы. Въ послѣднемъ году XVII столѣтія начали тамъ строить Невьянскій заводъ, подаренный Петромъ въ 1702 году предпріимчивому Демидову; за тѣмъ явились заводы Уктусскій, Каменскій, Алапаевскій, Полевскій, Лялинскій, Ягошихинскій, Сысертскій, Синячихинскій, Пыскорскій, Елизаветинскій, Тагильскій, Быньговскій,

Шуралинскій, Исетскій, Выйскій; возникъ Екатеринбургъ— мѣсто главнаго управленія горными заводами. При однихъ казенныхъ заводахъ было въ 1725 году 5,422 души муж. пола (1). Всѣ эти заводы, возникшіе въ царствованіе Петра Великаго, лежали внѣ башкирскихъ земель, хотя нѣкоторые изъ нихъ находились не вдалекѣ отъ нихъ. Но Петръ Великій, согласившись не требовать съ Башкирцевъ новыхъ податей, не хотѣлъ допустить, чтобы обширный и богатый край, занятый ими, оставался безъ всякой пользы для государства. Онъ указалъ на него, какъ на пунктъ, гдѣ должны были найти себѣ новую и обильную пищу горнозаводская дѣятельность и новое вообще государственное хозяйство. Еще въ 1720 году (28 ноября) послѣдовалъ Сенатскій указъ, которымъ между прочимъ повелѣвалось графу Головкину, отправленному тогда въ Башкирію для вывода бѣглыхъ, объявить Башкирцамъ, «чтобы они въ Уфимскомъ округѣ и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ будетъ руда сыскана, хотя бы въ ихъ владѣніи, посланнымъ изъ Бергъ-коллегіи офицерамъ и прочимъ служителямъ въ исканіи и копаніи тѣхъ рудъ и въ строеніи заводовъ, служа Великому Государю, помѣшательства не чинили, а чинили бы всякое вспоможеніе; и ежели изъ ихъ народа кто такую годную руду сыщетъ: то имъ объявлять оную приставленнымъ отъ Бергъ-коллегіи, а имъ за то противъ печатной привиллегіи платить, какъ и Россійскому народу, опредѣлено безъ задержанія» (2). Въ 1724 году Башкирцы ограничены были въ правѣ владѣнія лѣсами. Сенатскимъ указомъ запрещено было имъ рубить заповѣдные лѣса, а приказано довольствоваться незаповѣдными; а въ случаѣ если бы имъ понадобилось на указныя нужды брать лѣсъ изъ заповѣдныхъ лѣсовъ, то они могли рубить только съ позволенія вальдмейстеровъ и лѣсныхъ надсмотрщиковъ, которые снабжены были на этотъ предметъ особою инструкціею, имѣвшею силу и въ другихъ областяхъ Россіи (3). Очевидно, что правительство Петра Великаго выказало намѣреніе распоряжаться землями башкирскими, съ которыхъ графъ Головкинъ въ бытность

(1) Историч. начертаніе горнаго производства въ Россійской имперіи. И. Германа. Екат. 1810. стр. 108.

(2) П. С. З. № 3,679.

(3) Тамже № 4,510.

свою въ Башкиріи снялъ чертежъ, точно также, какъ оно распоряжалось ими и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Кромѣ того: послѣ того, какъ экспедиціи Бухгольца и кн. Бековича Черкасскаго, предпринятыя съ цѣлію проложить Русскимъ торговые пути въ Среднюю Азію, найти новый источникъ обогащенія казны въ предполагавшихся около тамошнихъ рѣкъ золотыхъ розсыпяхъ, кончились неудачно, Петръ Великій обратилъ вниманіе на Башкирскій край, какъ на такой пунктъ, чрезъ который, по его расчетамъ, должны были завязаться оживленныя и прибыльныя для Россіи торговыя сношенія Русскихъ съ средне-азіатскими народами и, если будетъ возможно, съ Индіей. Всѣ эти распоряженія и виды правительства Петра Великаго относительно башкирскихъ земель означали то, что оно порѣшило сдѣлать этотъ край русскимъ, основавъ тамъ промышленныя и торговыя поселенія и примѣнивъ къ нему тѣже начала хозяйственнаго управленія, которыя дѣйствовали и въ Великороссіи. Но Петръ Великій очень хорошо зналъ, что эти его виды и намѣренія могутъ быть исполнимы лишь тогда, когда будутъ приведены къ совершенной покорности Башкирцы; было основаніе думать, что новое Русское движеніе въ ихъ край возбудитъ въ нихъ еще большую злобу противъ Русскихъ; потому что на заводскія поселенія, основанныя не на ихъ земляхъ, а только по сосѣдству съ ними, и то уже они, за исключеніемъ немногихъ, изъявившихъ готовность содѣйствовать распространенію горнаго дѣла (1), посмотрѣли съ подозрѣніемъ и ненавистію и

(1) Такъ въ 1721 году «Башкирецъ Чюбаръ Балагушевъ съ товарищи обыскалъ на Тушѣ рѣкѣ, которая называется Чусовая, близъ къ вершинѣ, мѣдную руду и объявилъ онъ Башкирецъ тое руду Уфимскаго и Коземскаго списку Ивану Гавреневу». (Указъ Татищеву и Блеэру. Историч. начерт. горнаго производства въ Росс. Имп. Германа. стр. 38). Это содѣйствіе горному дѣлу Башкирцы оказали вслѣдствіе сенатскаго указа 28 ноября 1720 года и, по всей вѣроятности, притворно чтобы загладить прежнія свои вины въ глазахъ стоявшаго тогда съ полками въ Уфимскомъ уѣздѣ графа Головкина: по крайней мѣрѣ за два года предъ тѣмъ, именно въ 1718 году 10 іюня, тотъ же самый батырь Чубаръ-Балагушевъ съ товарищи, собрався многолюдствомъ, разорили Полѣвскій мѣдный заводъ, все строеніе на

употребляли всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобы воспрепятствовать разможенію заводскихъ поселеній, нападали въ соединеніи съ Татарами и Киргизъ-Кайсаками на селенія, приписанныя къ заводамъ, жгли ихъ, грабили и убивали жителей, вслѣдствіе чего Императоръ, согласно представленію тогдашняго начальника горныхъ заводовъ де-Геннина, въ 1724 году повелѣлъ, въ видахъ обороны новыхъ поселеній отъ нападеній неспокойныхъ сосѣдей: построить по границѣ крѣпости, деревни пограничныя перевести въ одно мѣсто, укрѣпить ихъ пушками и палисадами, поселить по границѣ полкъ драгунъ (1), и, «ежели случится нападеніе на заводы и приписныя слободы отъ Казачей орды и воровскихъ Башкирцевъ, въ такомъ случаѣ Сибирскому губернатору тамошними гарнизонами и другими служилыми людьми вспомогать и отъ непріятелей охранять» (2). Не трудно было понять, что если промышленное русское движеніе перейдетъ за границы, раздѣлявшія Башкирцевъ отъ Русскихъ, то оно неминуемо встрѣтитъ со стороны этого населенія, и безъ того враждебно настроеннаго по отношенію къ Россіи, еще большее противодѣйствіе, которое будетъ тѣмъ затруднительнѣе, что не было еще приготовлено достаточно средствъ къ обузданію его. Край Башкирскій еще былъ крайне слабо колонизированъ. Русское населеніе жалось около Уфы, да такъ называемой Закамской линіи (3), и было не многочисленно. Событія послѣдняго Башкирскаго мятежа показали, что Закамская ли-

---

рудникахъ его выжгли, работныхъ людей согнали и впредь промышлять запретили. (Н. Поповъ. Татищевъ и его время. М. 1861. стр. 35).

(1) Историч. начертаніе горнаго произв. въ Росс. имп. Германа. стр 89.

(2) Тамже стр. 91.

(3) Эта линія проведена была отъ Волги по р. Черемшану; чрезъ степи сдѣланъ былъ валъ и засѣка. При царѣ Алексѣѣ по окончаніи Польской войны города, построенные по этой линіи, Ерыклинскъ, Тіинскъ, Билярскъ, Новошешминскъ, Заинскъ, Мензелинскъ населены вывезенными Поляками (Татищевъ. Лексиконъ Россійскій историч. и проч. ч. III. 11—12).

нія, устроенная для защиты русскихъ поселеній отъ набѣговъ Башкирцевъ, не въ состояніи была выполнить это назначеніе. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ Петръ Великій, какъ пишетъ Рычковъ, «неоднократно изволилъ имѣть разсужденіе, какимъ бы образомъ отъ сихъ непостоянныхъ народовъ единожды такую безопасность учредить, которая бы не только на вѣчныя времена прочна быть могла, но и къ дальнѣйшимъ Его Величества намѣреніямъ чрезъ то бы основаніе положить». Съ обычною своею проницательностію онъ наконецъ указалъ тотъ пунктъ, гдѣ должна была итти и гдѣ дѣйствительно потомъ Неплюевымъ проведена линія военныхъ поселеній, которая, охватывая со всѣхъ сторонъ Башкирцевъ и перерѣзывая ихъ край, вмѣстѣ съ тѣмъ долженствовала разъединить ихъ отъ другихъ иновѣрческихъ народовъ. «По побѣдоносномъ и торжественномъ окончаніи Шведской войны, свидѣтельствуетъ Рычковъ, между прочимъ изволилъ онъ особливое попеченіе имѣть о томъ, чтобы вышеписанную безопасность на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ съ помощію божіею новая Оренбургская линія строится, дѣйствительно основать и чрезъ то героическимъ своимъ намѣреніямъ путь во всю полуденную Азію отворить и своевольный Башкирскій народъ на вѣчное время обуздать... И къ тому важному и нужному предпріятію Его Величество нѣкоторыя основанія изволилъ назначивать» (1). Но едва такимъ образомъ Петръ Великій приступилъ къ выполненію этого предпріятія, какъ скончался. Однакоже планъ чрезъ Башкирію проложить путь торговому и политическому вліянію на Среднюю Азію, основать на башкирскихъ земляхъ торговыя и промышленныя поселенія и для безопасности ихъ отъ нападеній туземцевъ и ихъ сосѣдей, для обузданія мятежническаго духа Башкирцевъ предварительно устроить въ Башкирскомъ краѣ военныя поселенія, — этотъ планъ не былъ забытъ послѣ кончины величайшаго изъ русскихъ колонизаторовъ. Напротивъ изъ всѣхъ стремленій Петра Великаго, которыя онъ не успѣлъ осуществить при своей жизни, изъ всѣхъ начинаній его ни одно, можно сказать, не оцѣнено было послѣ него такимъ достойнымъ образомъ, не поддержано такъ ревностно, какъ это его намѣреніе, которое, по словамъ Рыч-

(1) Ист. Оренб. Ежемѣс. соч. 1759. I. 8; 13.

кова, было извѣстно многимъ знатнѣйшимъ особамъ. Это много, безъ сомнѣнія, зависѣло отъ того, что, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, приводить въ исполненіе этотъ замыселъ Преобразователя выпало на долю людей, воспитанныхъ въ его школѣ, бывшихъ его сотрудниками, глубоко проникнутыхъ его идеями и стремленіями, пріученныхъ къ труду и способныхъ начатое дѣло не покидать на полдорогѣ, а вести его, несмотря ни на какія препятствія до конца; тогда какъ многія другія великія задачи, заданныя эпохой реформы, послѣ смерти ея представителя попадали въ руки лицъ, не имѣвшихъ ни политическаго образованія, ни служебной опытности, ни честности, ни заслугъ, а выдвинувшихся впередъ путемъ придворныхъ интригъ, и которыя потому или вовсе не выполнялись, или, если и выполнялись, то въ направленіи, далеко уклонявшемся отъ видовъ великаго императора. Они были болѣе, чѣмъ кто изъ ихъ современниковъ, наслѣдниками духа и стремленій ихъ великаго учителя, и движеніе Русское, во главѣ котораго они стояли, движеніе, направленное въ Закамскія земли и Башкирскій край, болѣе, чѣмъ какая либо другая современная имъ дѣятельность, было продолженіемъ той безъустанной работы, которую представляетъ эпоха преобразованія; ибо это движеніе имѣло цѣлію обратить на пользу Россіи богатые дары, которые заключаются въ природныхъ условіяхъ страны и которые дотолѣ оставались безъ должнаго употребленія, или лежали совсѣмъ подъ спудомъ,—посредствомъ заселенія пустыхъ пространствъ, распространенія промышленности и торговли, устремлено было, стало быть, къ тому же, къ чему направлялись вся дѣятельность и работа эпохи преобразованія. И результаты этого движенія громадны. Правда замыселъ распространить чрезъ Башкирію русскую торговлю въ полуденную Азію, какъ слишкомъ отважный для того времени, не осуществился; не осуществились и нѣкоторыя другія, соединявшіяся съ этимъ движеніемъ, намѣренія относительно азіатскихъ земель: но за то, благодаря ему, этому движенію, обширный край, заключавшій въ себѣ нынѣшнія губерніи Оренбургскую, Уфимскую, Самарскую, часть Симбирской и Пермской, въ теченіе 30 лѣтъ, протекшихъ послѣ кончины Петра Великаго, сдѣлался русскимъ не по имени только, какъ было прежде, но по существу дѣла: русскія поселенія взяли тутъ верхъ надъ инородческими жилищами; возникло немало земледѣльческихъ слободъ,

проведены дороги, устроены заводы, явился новый городъ съ европейскимъ характеромъ; ряды крѣпостей сдерживаютъ неспокойное насесеніе края и его сосѣдей отъ нападеній на поселенія русскія.

Безъ сомнѣнія такое дѣло, законченное Неплюевымъ, составляетъ одинъ изъ важныхъ подвиговъ, когда либо совершенныхъ человѣческими обществами на пути развитія. Иначе разсуждали объ этомъ Башкирцы. Они поняли, что вмѣстѣ съ новымъ Русскимъ движеніемъ, которое захватывало и ихъ край, идетъ сила, враждебная ихъ быту; они смѣтили, что теперь пойдутъ къ нимъ не одни, какъ было дотолѣ, бѣглые русскіе мужики съ сохою да топоромъ, которые не заходили въ глубь ихъ края, селясь около его границъ, и селенія которыхъ ничего не стоило разорить, и не одни русскіе промышленники, которые пріѣзжали, чтобы что нибудь продать имъ и, закупивъ у нихъ мѣховъ, меду и соли, удалиться домой; они догадались, что придется теперь имъ имѣть дѣло не съ одними тѣми служилыми изъ Уфы, которые наѣзжали къ нимъ, чтобы объявить царскіе указы и чѣмъ нибудь отъ нихъ поживиться и потомъ опять уѣхать, или тѣми, которые жили по Закамской линіи и съ которыми безъ особаго затрудненія, въ случаѣ несогласія, можно было имъ управиться. Дѣйствительно теперь кромѣ земледѣльцевъ русскихъ появится въ странѣ ихъ промышленный человѣкъ за тѣмъ, чтобы, поселившись здѣсь навсегда, взрывать горы, расчищать лѣса, запруживать рѣки; его не выживешь; онъ даромъ не броситъ капиталъ и трудъ на это; онъ выстроитъ тутъ заводъ, обнесетъ его крѣпкою оградою, поставитъ подлѣ него пушки, поселитъ при немъ многихъ людей; появится впослѣдствіи русскій помѣщикъ съ немалымъ числомъ людей, заберетъ себѣ много земли, лѣсовъ и луговъ; прибудутъ сюда люди съ рваными ноздрями и займутъ также земли. Не будетъ Башкирцамъ того приволья, какое было у нихъ прежде: лѣса, гдѣ пчелы много давали меду, будутъ переводиться; на рѣкахъ, гдѣ прежде свободно они ловили рыбу, засядутъ заводчики съ своими заводами, плотинами. И всѣхъ этихъ пришельцевъ будетъ охранять Русское начальство. Это не прежнее начальство: оно засядетъ по всѣмъ важнѣйшимъ пунктамъ страны, разрѣжетъ ее укрѣпленіями и будетъ хозяйничать, какъ у себя дома; башкирскій старшина долженъ будетъ никнуть предъ нимъ. Не менѣе было больно правовѣрному сердцу Бакширца, да и всякому другому ревностному магометанину сознаніе, что Русскіе

хотятъ прочно утвердиться въ краю, составлявшемъ дотолѣ въ предѣлахъ Россіи единственное убѣжище, гдѣ можно было чтить Магомета, не оскверняясь близостію невѣрныхъ, что съ водвореніемъ ихъ на башкирскихъ земляхъ придется разстаться съ мечтами о возстановленіи независимаго магометанскаго ханства въ восточной Россіи. Понятно, что Башкирцы не могли равнодушно смотрѣть на новое Русское движеніе въ ихъ край, долженствовавшее привести къ такимъ результатамъ; напротивъ они выставили отчаянное ему сопротивленіе: въ лѣсахъ и горахъ башкирскихъ завязывается кровопролитнѣйшая между ними и Русскими борьба. Эта борьба, которой Башкирцы, какъ и прежнимъ своимъ противностямъ Россіи, усвоили значеніе религіозной брани съ невѣрными, общемагометанскаго дѣла, борьба, которой заключается длинный рядъ бореній въ восточной Россіи между инородческо-магометанскимъ и Русско-христіанскимъ населеніемъ, заняла здѣсь все вниманіе Русскихъ на нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ нельзя было предположенному колонизаціонному движенію въ Закамскія земли итти успѣшно.

Это движеніе открыто было въ началѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Указомъ сенатскимъ 18 марта 1731 года велѣно было произвести разборъ иновѣрческаго населенія Уфимскаго уѣзда на такихъ основаніяхъ: «о которыхъ иновѣрцахъ Уфимскаго уѣзда объявляютъ Башкирцы, что они сходцы изъ другихъ уѣздовъ, а кто откуда сошелъ, доказательствъ не показываютъ, а тѣ иновѣрцы допросами показываютъ, что дѣды и отцы ихъ и сами они родиной Уфимскаго уѣзда ясачные Татары и по справѣ въ ясачныхъ книгахъ написаны и ясакъ платятъ въ Уфу, такимъ жить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кто живетъ, по прежнему; а которыхъ иновѣрцевъ дѣдовъ и отцовъ въ ясачныхъ книгахъ не написано и ясакъ на Уфѣ не платятъ: такихъ о высылкѣ на прежнія мѣста чинить по прежнимъ указамъ» (1). Одновременно съ этимъ распоряженіемъ рѣшено было линію Закамскую перенести на другой пунктъ, такъ какъ прежнее ея направленіе найдено не достаточно отвѣчающимъ назначенію ея, а именно положено провести и отъ Самары до Алексѣевска по Самарѣ, отъ Алексѣевска до р. Сока, далѣе чрезъ степь по Осоку вверхъ до Сергіевска, оттуда чрезъ Ново-

(1) П. С. З. № 5,719.

шешминскъ и Заинскъ до Мензелинска по старой чертѣ (1). Въ слѣдующемъ году сенатскимъ указомъ повелѣно было, въ виду опасностей отъ Башкирцевъ, поспѣшить устройствомъ этой новой линіи, непремѣнно приступить къ началу этого дѣла, не упуская лѣтняго времени, употребивъ на работы служилыхъ людей закамскихъ пригородовъ и кромѣ того 3000 человѣкъ закамскихъ уѣздныхъ людей Казанскаго уѣзда съ выдачею послѣднимъ по 20 только алтынъ въ мѣсяцъ на кормъ, «для того,—объяснялось,—что строеніе крѣпостей и линіи чинится для защиты и предбудущего оныхъ закамскихъ жителей покоя отъ набѣговъ непріятельскихъ» (2). При устройствѣ этой линіи и крѣпостей еще предписывалось наблюдать, чтобы строители не захватывали земель, занятыхъ Башкирцами, или находившихся въ ихъ владѣніи.

Но вступленіе (3) въ подданство Россіи Киргизъ-Кайсаковъ Меньшей орды, затѣмъ Средней и Каракалпаковъ по-

---

(1) Татищевъ Лексиконъ. Россійск. историч. и проч. ч. III, 11—12.

(2) Подданство этихъ кочевниковъ Россіи вызвано было слѣдующими обстоятельствами: Киргизъ-Кайсаки, тѣснимые Зюнгарскимъ владѣльцемъ Галданъ-Черенемъ, отнявшимъ у нихъ въ 1723 году столицу хановъ ихъ, Туркестанъ Ташкентъ и Зайрамъ и наконецъ совсѣмъ покорившимъ нѣкоторыя отдѣленія Большой и Средней ордъ, принуждены были удалиться на югъ въ безплодныя мѣста, неудобныя для кочеваго народа. Отчаянное положеніе, въ которое они чрезъ то были поставлены, заставило ихъ прекратить внутреннія междуусобія и, избравъ общимъ предводителемъ, ханомъ Абулъ-Хаира, итти на врага ихъ, чтобы возвратить прежнія земли, изъ которыхъ они имъ были вытѣснены. Имъ удалось выиграть у Зюнгаръ нѣсколько сраженій, сѣсть на прежнихъ земляхъ своихъ. Но Галданъ-Черень былъ ихъ сильнѣй, и опасаясь его нападенія, Киргизъ-Кайсаки подвинулись частію на сѣверъ, частію на западъ. Одна только Большая орда осталась близъ Зюнгаръ, которыми скоро была покорена. Меньшая же орда перешла Эмбу, которая составляла дотолѣ границу ея кочевій, прогнала кочевавшихъ тутъ Волжскихъ Калмыковъ и, утвердившись тутъ, достигла Урала. Средняя орда подвинулась на сѣверъ до р. Ори и Уя, откуда вытѣснила многихъ Башкирцевъ. Новые сосѣди, Калмыки, Уральскіе казаки

служило поводомъ къ построенію русскаго города въ самой Башкиріи, на рѣкѣ Ори. Съ построеніемъ этого города связывали тогда обширные колонизаціонные замыслы и увѣренность, что къ выполненію ихъ не представится большихъ затрудненій. Выразителемъ ихъ явился сенатскій оберъ-секретарь Кириловъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, пока немногихъ, Русскихъ людей, которыхъ преобразовательное движеніе времени Петра Великаго коснулось не одною внѣшнею своею стороною. Какъ и многіе другіе замѣчательные люди той эпохи, Кириловъ выбрался на видъ изъ низкаго состоя-

---

и Башкирцы, которыхъ такимъ передвиженіемъ пріобрѣли себѣ Киргизъ-Кайсаки, не очень жаловали пришельцевъ и дѣлали на нихъ постоянные набѣги. Желая въ этомъ затруднительномъ положеніи найти народу своему какую либо опору, а болѣе заботясь объ усиленіи ханской своей власти, ханъ Абулъ-Хаиръ рѣшился въ 1730 году искать русскаго подданства. Письменное предложеніе этого подданства, представленное имъ Русскому правительству въ этомъ году чрезъ особыхъ посланцевъ, которыхъ сопровождалъ между прочимъ Алдаръ, извѣстный башкирскій старшина и вождь возстанія, бывшаго въ царствованіе Петра В., — принято было въ С. Петербургѣ весьма благосклонно: съ тѣми же посланцами отправлена была къ хану императорская грамота, въ которой выражено было согласіе Государыни на принятіе его съ его ордою въ русское подданство. Для приведенія новыхъ подданныхъ къ присягѣ отправленъ былъ съ ними въ орду переводчикъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ мурза Тевкелевъ, и вмѣстѣ съ нимъ поѣхали нѣсколько Уфимскихъ дворянъ, вѣрныхъ Башкирцевъ и русскихъ казаковъ, а также два геодезиста для топографической съемки мѣстъ, занятыхъ Киргизъ-Кайсаками. Хотя, какъ оказалось по пріѣздѣ Тевкелева въ орду, все дѣло о подданствѣ ея задумано было однимъ ханомъ съ немногими приверженными къ нему старшинами, а большинство Киргизъ-Кайсаковъ не имѣло ни малѣйшаго къ тому расположенія, однако благодаря ловкости Тевкелева, содѣйствію башкирскаго старшины батыря Таймаса, снискавшаго еще прежде въ казачьихъ ордахъ извѣстность подвигами храбрости, а также и вліянію самаго хана, дѣло о подданствѣ приняло наконецъ такой оборотъ, что въ 1733 году Киргизъ-Кайсаки на общемъ собраніи присягнули Русской государынѣ. Далъ присягу и ханъ средней

нія, благодаря тому, что онъ весь отдался тому движенію, во главѣ котораго стоялъ Петръ. Не получивъ въ молодыхъ лѣтахъ прочнаго образованія, онъ потомъ самъ сталъ учиться и учиться преимущественно, какъ и Петръ Великій, тому, изъ чего можно извлечь какую либо пользу для отечества. Будучи великимъ рачителемъ, какъ отзывается о немъ Рычковъ (¹), и любителемъ наукъ, а особливо механики, исторіи, экономіи и металлургіи, онъ въ географіи и статистикѣ Россіи самъ явился замѣчательнымъ для того времени мастеромъ. Его «Цвѣтущее состояніе Россіи» и атласъ Россійской имперіи, который впервые имъ составленъ, служатъ тому доказательствомъ. Географическіе его труды, прилежное и умное исполненіе служебныхъ обязанностей обратили на него вниманіе Петра Великаго: «при разныхъ случаяхъ имѣлъ онъ счастіе, говоритъ Рычковъ, достоинство свое со многимъ Его Императорскаго Величества удовольствіемъ засвидѣтельствовать». Императоръ имѣлъ съ нимъ бесѣды о дѣлахъ Русскихъ на Востокѣ и посвятилъ его такимъ образомъ во всѣ свои виды и планы относительно восточной окраины Россіи и смежныхъ съ нею азіатскихъ владѣній, и тотъ обо всемъ томъ сохранилъ у себя записки, дожидаясь благопріятнаго случая, чтобы сдѣлать изъ нихъ приличное употребленіе. Подданство Киргизъ-кайсаковъ Россіи дало ему этотъ

орды Шемяка. Послѣ этого Абулъ-Хаиръ отправилъ въ С. Петербургъ посольство въ лицѣ своего сына Эрали, впослѣдствіи бывшаго ханомъ, и нѣсколькихъ знатныхъ Киргизъ-Кайсаковъ для торжественнаго изъявленія покорности хана и всего киргизъ-кайсацкаго народа императрицѣ и для объявленія о нуждахъ хана Ханъ чрезъ это посольство, принятое въ С. Петербургѣ въ 1734 году съ большею торжественностію, надавалъ правительству много обѣщаній, изъ которыхъ ни одно не могъ исполнить, и взамѣнъ того просилъ утвержденія ханскаго достоинства въ его родѣ на вѣчныя времена, и чтобы построенъ былъ при впаденіи р. Ори въ Яикъ городъ съ крѣпостію, въ которой бы онъ могъ, въ случаѣ опасности и невзгоды, найти себѣ убѣжище.—Левшинъ. Опис. Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей, Спб. 1832. ч. II, 93 – 124. Рычковъ Оренб. Ист. Ежем. соч, 1859. I; 13—25.

(¹) Ежемѣс. соч. 1759. I, 225.

случай. Когда коллегія иностранныхъ дѣлъ стала заниматься разсмотрѣніемъ предложеній Абулъ-Хаира относительно построенія на р. Ори города и крѣпости, когда съ пріѣздомъ Киргизъ-Кайсацкаго посольства въ Петербургъ и правительство и общество заинтересованы были дѣлами на восточной границѣ государства, Кириловъ съ своей стороны выступилъ съ своимъ мнѣніемъ о тѣхъ же самыхъ дѣлахъ, въ которомъ весьма подробно разъяснилъ существо замысловъ относительно востока, возникшихъ во время Петра Великаго. Въ своемъ «изъясненіи о Киргизъ-кайсацкой и Каракалпакской ордахъ» (1) онъ на городъ при Ори, построенія котораго желалъ ханъ Киргизъ-Кайсацкій, указалъ какъ на исходный пунктъ, изъ котораго должно итти колонизаціонное Русское движеніе какъ въ Башкирскій край, такъ въ страны Средней Азіи. Онъ старался доказать, что изъ него Русскіе безъ особенныхъ затрудненій въ состояніи будутъ держать въ повиновеніи и покорности Русской власти кочевые народы, живущіе въ тамошнихъ мѣстахъ; что не нужно будетъ имѣть много войска, чтобы справляться съ ними и тѣмъ доставить безопасность русскимъ поселеніямъ на восточной окраинѣ государства, что можно будетъ обуздывать наклонныхъ къ грабежу и мятежамъ кочевниковъ другъ другомъ, ибо они находятся во враждебныхъ между собою отношеніяхъ; нужно только поддерживать эту вражду между ними: «ежели Калмыки какую противность покажутъ, то можно на нихъ Киргизцовъ обратить, а напротивъ того буде Киргизъ-Кайсаки что сдѣлаютъ, то на нихъ Калмыкъ и Башкирцевъ послать и такъ другъ другомъ смирять и къ лучшему послушанію приводить». Управляя ими такимъ образомъ изъ новаго города, можно,—далѣе разъясняетъ Кириловъ полезность устройства его, — будетъ употреблять ихъ какъ средство для достиженія положительныхъ выгодъ, для распространенія политическаго и торгово-промышленнаго вліянія Россіи на среднеазіатскія земли; что можно будетъ ими не только сдержать усилившееся могущество Галданъ-Череня, Джунгарскаго властителя, опасность отъ котораго для Россіи, еще сознанная при Петрѣ Великомъ, не миновалась (2), но

(1) П. С. З. № 6571.

(2) По мнѣнію Кирилова Россія должна была опасаться его по слѣдующимъ основаніямъ. Онъ имѣетъ власть надъ ордой по-

и овладѣть Бухарскими землями, богатою золотомъ и дорогими камнями Водокшанскою областію (¹). Но и независимо отъ этого можно пріобрѣсти великія выгоды, имѣя на Ори городъ и управляя изъ него кочевыми народами. Чрезъ него мы проложимъ дорогу «для товаровъ нашихъ въ Бухары, въ Водокшанъ, въ Балхъ и въ Индію, чего Петръ Великій весьма домогался и не жалѣлъ ни казны, ни людей, князя Александра Черкасскаго послалъ отъ Астрахани, но своею оплошкою въ Хивѣ пропалъ»; потому что «мѣсто оному городу самое удобное, около 52 сѣверной широты, во всемъ изобильное, откуда до Аральскаго моря сухимъ путемъ и рѣками только

добно самодержавной; у него войска до 80 т. человѣкъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ; такой сильный владѣлецъ ближній сосѣдъ Сибирскихъ городовъ и земель и претендуетъ на многія мѣста, принадлежащія Россіи; кромѣ того, какъ носился слухъ, онъ добирается взять себѣ во владѣніе самыя богатыя мѣста Водокшанскія, до чего также Россіи не слѣдуетъ его допускать, «дабы наипаче въ силу не пришелъ и большимъ непріятелемъ не сдѣлался». (Пунктъ изъясненія 3-й).

(¹) «Водокшанская провинція нужна въ Россійское владѣніе для многаго въ ней имѣющагося богатства, что золота, лаловъ, лапись-лазури въ ней довольно; та провинція принадлежала и всегда была во владѣніи Самаркандскихъ, а потомъ Бухарскихъ хановъ, а за нѣсколько лѣтъ, слабостію Бухарскихъ, отложилась и хана своего не имѣетъ, но на подобіе республики старшины народные содержатъ, которыхъ около 40 человѣкъ есть, и какъ говорятъ, что во время Бухарскаго владѣнія одного золота Бухарскому хану приходило пудъ по 500 и больше, опричь дорогихъ каменьевъ; а нынѣ народные старшины уставили межъ себя, чтобы имъ въ каждомъ году съѣзжаться съ своими людьми въ одно время и 10 дней въ тѣхъ горахъ золота и каменья доставать, и кому сколько по счастію достанется, тѣмъ во весь годъ и довольствуются, чего ради, не вѣря другъ другу, отъ каждой старшины крѣпкія караулы содержутъ и никого въ тѣ горы и мѣста не впускаютъ; однакожъ и по такому худому распорядку въ городахъ жители богатства много имѣютъ, продавая золото и каменья, къ тому же изобильны плодами земными и рукодѣльемъ, чего ради Зенгорскій владѣлецъ, яко ближній сосѣдъ, желаетъ добраться до нихъ» (пунктъ 7-й).

съ 500 верстъ и гораздо ближе и безопаснѣе, какъ ходить изъ Астрахани, а озеромъ Аральскимъ и рѣкою Аму до самой Бухаріи и Водокшана и почитай до границъ индѣйскихъ судами» (1). Имѣя въ подданствѣ Каракалпаковъ, мы легко можемъ обеспечить торговлю нашу по этому пути, построивъ на Аральскомъ морѣ, вблизи котораго на р. Сыръ-Дарьѣ живетъ этотъ народъ, пристань для россійскихъ купеческихъ каравановъ, «кои имѣютъ ходить отъ вышепомянутаго города до Бухаръ и до Водокшана и въ Индію» (2). Этотъ новый городъ на Ори и Аральская пристань привлекутъ къ себѣ азіатскихъ купцовъ, потому что «кои купеческіе караваны ходятъ изъ Ташкента, Туркестана и Ходжента для покупки русскихъ товаровъ въ Бухарію, тѣ обратятся въ помянутыя новыя мѣста, ибо имъ гораздо способнѣе сюда пріѣзжать, нежели въ Бухарію; да изъ купечества сами для того способа на житье пріѣдутъ изъ разныхъ городовъ и мѣстъ, лишь бы имъ пристойная привиллегія пожалована была, а именно: Бухарцы, Хивинцы, Индѣйцы, Армяне и другіе, а, можетъ быть, и европейскіе иноземцы поѣдутъ, а особливо Зальцбургскіе эмигранты, кои покрова себѣ вездѣ сыскиваютъ» (3). Кромѣ того имѣемъ возможность обогащаться насчетъ естественныхъ произведеній земель, занятыхъ кочевниками. У Киргизъ-Кайсаковъ и Каракалпаковъ есть во владѣніи горы подлѣ Сыръ-Дарьи, обильныя свинцомъ, котораго можно будетъ вывозить по нѣскольку сотъ тысячъ пудовъ во внутреннія русскія области; при содѣйствіи Абулъ-Хаира можно надѣяться найти и золотую руду, такъ какъ онъ самъ говорилъ Тевкелеву, что для оказанія своей вѣрной службы Е. И. В-ву объявитъ золотую руду. «У Аральскаго моря у горъ Какгаратъ, не далеко отъ башкирскаго владѣнія, есть самородные квасцы, кои берутъ Киргизцы же, а въ Россію на немалую сумму надобно же; также сѣры и селитры во всѣхъ мѣстахъ довольно, и Киргизцы сами у себя изрядный порохъ дѣлаютъ; можно усмотря и тѣмъ Россію удовольствовать» (4). «Славная Илецкая соль недалеко будетъ отъ нова-

(1) Пунктъ 4-й.
(2) Пунктъ 5-й.
(3) Пунктъ 10.
(4) Пунктъ 8.

го города; ею Башкирцы довольствуются, да и впредь отнимать у нихъ не надобно, а возить оттуда, сколько для Россіи потребно, сколько можно; въ башкирскомъ же владѣніи много богатыхъ мѣдныхъ и другихъ рудъ, да слюда лучшая, кою можно доставать и отпускать въ Россію и Персію, и нынѣшніе пріѣхавшіе Башкирцы ни за что за то не стоятъ и съ охотою, для показанія своей вѣрности, объявлять желаютъ. Лошадей отъ обоихъ ордъ на всю Россійскую кавалерію за дешевую цѣну, шерсть на сукна россійскихъ фабрикъ и другія бездѣлки получать можно, а лошади киргизъ-кайсацкія и башкирскія добрыя и крѣпкія» (1).

Всѣ такіе доводы въ пользу построенія города на Ори правительство признало основательными, раздѣляя, кажется, и самыя смѣлыя надежды и планы, которые Кириловъ считалъ удобоисполнимыми при существованіи этого города. Потому проектъ его 1 мая 1734 года былъ принятъ во всѣхъ его частяхъ, и приведеніе его въ исполненіе рѣшено было начать съ построенія города на устьи Ори. Это новое поселеніе русское, по мысли колонизатора, долженствовало въ значительной степени отличаться отъ прежде основанныхъ на восточной украйнѣ, за Камой, городовъ: тѣ имѣли значеніе исключительно административныхъ пунктовъ и крѣпостей; городъ же на Ори, который положено назвать Оренбургомъ, удерживая за собою это значеніе, т. е. значеніе центральнаго мѣста управленія украйною, снабженнаго всѣми необходимыми средствами противъ сомнительной вѣрности Русскому Государю со стороны инородческаго населенія, вмѣстѣ съ тѣмъ долженствовалъ быть и городомъ въ значеніи торговаго и промышленнаго пункта (2). Для того, чтобы новый городъ ус-

---

(1) Пунктъ 9.

(2) Въ привиллегіи, дарованной городу Оренбургу 7 іюня 1734 года, прямо указано это двоякое назначеніе новаго русскаго поселенія въ восточной окраинѣ государства. «И тако, говорится тутъ, мы въ разсужденіи о сихъ новыхъ нашихъ подданныхъ народахъ (Киргизъ-Кайсацкихъ и Каракалпакской ордъ), кои съ старыми нашими подданными жъ, Башкирцами и Калмыцкими ордами, въ близости живутъ и прежде всегда имѣли другъ на друга нападенія и тѣмъ себя сами разоряли, наипаче же отправляющейся полезной коммерціи въ Великую Татарію,

пѣшіе могъ выполнить это послѣднее назначеніе, данною ему привиллегіею предоставлена полная свобода какъ всѣмъ русскимъ свободныхъ состояній, такъ и иностранцамъ всякихъ вѣроисповѣданій и званій приходить туда селиться, жить, торговать и опять на прежнія мѣста отходить (1), съ льготою въ платежѣ пошлинъ съ товаровъ въ теченіе трехъ лѣтъ, а тѣмъ, кто захочетъ поселиться и жить тутъ, дано право не только пріобрѣтать безденежно земли подъ постройки, но и пользоваться ссудою отъ казны подъ условіемъ уплаты ссуды въ теченіе 10-ти лѣтъ безъ процентовъ (2). Будущимъ насельникамъ новаго города дано устройство, основанное на самоуправленіи. Всѣми въ немъ дѣлами, касающимися суда, финансоваго и полицейскаго (въ смыслѣ, усвоенномъ этому слову Петромъ Великимъ) управленія, завѣдуетъ магистратъ, состоящій изъ 9-ти выборныхъ членовъ, трехъ бургомистровъ и шести ратсгеровъ (3); всякой гражданинъ, какого бы вѣроисповѣданія ни былъ, могъ быть выбранъ въ члены магистрата; для гражданъ иновѣрныхъ сдѣлано въ этомъ отношеніи одно ограниченіе, что ихъ не могло быть болѣе половины Русскихъ и что они не могли «первенствовать у главныхъ дѣлъ», что предоставлялось исключительно природнымъ Русскимъ (4); во всѣхъ другихъ отношеніяхъ иновѣрцы сравнены съ Русскими: имъ предоставлялось «свободное содержаніе ихъ вѣръ и духовныхъ персонъ и строеніе по своимъ законамъ церквей», съ условіемъ только, чтобы при этомъ не примѣшивалось ничего такого, «отъ чего можетъ быть предосужденіе христіанской Восточной Каѳолической Всероссійской церкви и государственнымъ правамъ и уставамъ (5);

въ Хиву, въ Бухарію, въ Ташкентъ, въ Балхъ и въ другія мѣста многія въ пути разоренія наносили, за потребно изобрѣли вновь построить городъ на устьѣ Ори рѣки, впадающей въ Яикъ, дабы чрезъ то въ покоѣ какъ оныя орды содержать, такъ и коммерцію безопасную въ пользу нашего интереса и нашихъ подданныхъ имѣть». П. С. З. № 6584.

(1) Тамже; пунктъ 1-й.

(2) Тамже; пунктъ 2-й,

(3) Тамже; п. 4 и 5-й.

(4) Тамже; п. 6-й.

(5) Тамже; п. 11-й.

всякій иновѣрецъ, какъ и Русскій, имѣлъ право съ позволенія магистрата устроивать заводы и фабрики на порожнихъ мѣстахъ какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ его на разстояніи 100 верстъ, пріобрѣтать необходимыя для завода или фабрики земли въ вѣчную собственность безденежно, за исключеніемъ земель Башкирскаго народа, которыя можно было пріобрѣтать только по письменнымъ договорамъ съ владѣльцами ихъ (1). Никакого гражданина нельзя было брать невольно ни въ какія службы. Домы гражданъ объявлены свободными отъ постоя (2); имъ предоставлялось право свободно варить пиво, вино и медъ, строить водки про себя и на продажу и содержать вольные дома (3). «Кромѣ купечества и ремесленныхъ, и Башкирскаго и другихъ иновѣрческихъ народовъ, другимъ, какъ воинскимъ, такъ духовнымъ и штатскимъ чинамъ отнюдь торговъ не имѣть, а ремесленнымъ, не записався въ цехъ, на сторону и на продажу не работать, подъ потеряніемъ всѣхъ тѣхъ товаровъ, съ которыми поиманы будутъ» (4).

Для устройства этого новаго города и для осуществленія видовъ и плановъ, которые были связаны съ нимъ, образовано было особое вѣдомство подъ именемъ Оренбургской экспедиціи. Въ главѣ его поставленъ былъ Кириловъ, которому въ помощь дали Тевкелева; такъ какъ онъ, возведенный теперь въ чинъ полковника, весьма близко былъ знакомъ съ краемъ, подлежавшимъ вѣдомству новоучрежденной экспедиціи, и показалъ умѣнье вести дѣла съ кочевниками, съ пользою для Россіи, то поэтому назначался преимущественно для команды надъ башкирскимъ и надъ нерегулярнымъ войскомъ, хотя могъ командовать и регулярными полками, если бы нужда потребовала командировать ихъ къ нему. Новые колонизаторы снабжены были отъ правительства всѣми средствами, какія они считали нужными для успѣха порученнаго имъ дѣла. Имъ даны были рабочія руки для работъ при строеніи города, войско для охраненія, провіантъ, оружіе,

---

(1) П. С. З. п. 12-й.

(2) Тамже. п. 13 и 14.

(3) Тамже. п. 16.

(4) Тамже. п. 17.

деньги; къ нимъ прикомандированы были разные техники и спеціалисты (1). Всѣ должностныя лица и учрежденія въ

(1) Къ строенію города и работѣ велѣно было нарядить Тептерей и Бобылей, «сколько по разсмотрѣнію потребно будетъ; для перваго случая и содержанія города — перевесть изъ гарнизоновъ и изъ Уфимскаго полка половину, да изъ Казанскаго одинъ или два полка. Которые изъ Уфимскаго полка взяты въ армейскіе полки, тѣхъ для сей экспедиціи возвратить, и вмѣсто ихъ употребить рекрутъ, которыми надлежало было комплектовать гарнизонъ. Изъ Уфы половину дворянскихъ ротъ и казаковъ и недорослей Уфимскихъ и Мензелинскихъ взять туда же, а Яикскихъ и Сакмарскихъ казаковъ же нарядить сколько возможно. Башкирскихъ Тархановъ и Мещеряковъ нарядить столько, сколько нужда требовать будетъ. Пушки, мортиры и фальконеты съ принадлежностію и аммуниціею, также работникамъ инструменты, какіе потребно, сдѣлать въ Екатеринбургѣ, а порохъ и свинецъ отпускать изъ Уфы и изъ Казани. Уфимскихъ прибылыхъ доходовъ, кои собираются сверхъ прежняго оклада, ни куда не отсылать, а употреблять для сей экспедиціи» (Высочайшая резолюція на проектъ Кирилова. П. С. З. № 6,571 стр. 917. Тоже подтвердилось и инструкціей Кирилову, данной 18 Мая 1734 г. П. С. З. № 6 576, пункты 32—38). Сверхъ того вмѣстѣ съ Кириловымъ отправлены были для строенія города инженерныхъ чиновъ капитанъ одинъ, поручикъ одинъ, два кондуктора, для Аральскаго моря морской поручикъ, мичмамъ, штурманъ, ботсманъ, писарь, ботсманматъ, шесть матросовъ, два галерныхъ конопатчика, галерный мастеръ, галерный ученикъ, два десятника, четыре плотника; для экономическихъ и прочихъ городскихъ дѣлъ маіоръ, десять прапорщиковъ, въ томъ числѣ четверо изъ кадетъ, два унтеръ-офицера, тринадцать человѣкъ капраловъ и рядовыхъ; для описи мѣстностей и сочиненія линкартъ — изъ геодезистовъ два поручика, четыре подпоручика, въ томъ числѣ одинъ переводчикъ, два прапорщика. Взяты канцелярскіе и артиллерійскіе служители: бухгалтеръ, канцеларистъ, подканцеларистъ, копіистъ, два бомбардира, четыре канонира (Ист. Оренб. Ежем. Соч. I, 34). По прибытіи Кирилова въ Москву опредѣлены были въ его команду для пробы рудъ бергъ-пробиръ, для содержанія аптеки аптекарь, для ботаники и натуральной исторіи ботаникъ и исторіографъ, для малярнаго художества живо-

государствѣ, коллегіи, канцеляріи, губернаторы, вице-губернаторы, воеводы, коменданты, офицеры на штабныхъ дворахъ и всякаго званія воинскіе и штатскіе чины получили отъ 18 Мая того же 1734 года, подъ угрозою штрафа, высочайшее повелѣніе: «ежели гдѣ по случаю какой нужды къ исполненію интереса Е. И. В—ва и положенныхъ на него Кирилова дѣлъ станетъ о чемъ въ коллегіи доносить, а съ прочими командами списываться, въ томъ не точію скорѣйшее рѣшеніе, но и такожде всякое надлежащее вспоможеніе чинить, охраняя въ томъ интересъ Е. И. В—ва, для котораго онъ Кириловъ посланъ, не отлагая вышнія команды на нижнихъ, а нижнія на вышнихъ, и не дожидаясь отъ своихъ командъ на всякое требованіе особливыхъ указовъ, но по исполненіи репортовать со обстоятельствомъ представленныхъ отъ него Кирилова резоновъ, дабы будучи въ дальности между переписками ничто ко вреду и упущенію не произошло» (¹).

Въ Ноябрѣ 1734 года экспедиція прибыла въ Уфу. Тотчасъ по прибытіи Кириловъ приступилъ къ приготовленію всего необходимаго, чтобы первымъ весеннимъ временемъ 1735 года отправиться на мѣсто будущаго Оренбурга. Командированному къ нему Пензенскому полку, Уфимскому пѣхотному баталіону, также половинѣ Уфимскихъ дворянъ и казаковъ сказанъ былъ весенній походъ, чтобы къ нему всѣ приготовились заблаговременно; сформированъ былъ новый Оренбургскій эскадронъ, въ который были набраны по силѣ именнаго указа Уфимскіе, Бирскіе и Мензелинскіе недо-

---

писецъ, къ артилеріи штыкъ-юнкеръ, къ экономіи прапорщикъ, комиссаръ, семнадцать человѣкъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, для введенія бухгалтерскаго ученія одинъ канцеляристъ, двое подканцеляристовъ, четыре копіиста, для хирургіи одинъ лѣкарь и при немъ одинъ ученикъ; да по опредѣленію св. Синода ученый священникъ и нѣсколько студентовъ славяно-латинской школы. (Тамже, стр. 112). Въ Казани, куда Кириловъ со всею экспедиціею прибылъ въ первыхъ числахъ Октября 1734 года, онъ получилъ въ свое распоряженіе Пензенскій полкъ и нѣсколькихъ артилерійскихъ служителей и довольную артилерію (Тамже, стр. 113).

(¹) Тамже; стр. 32.

росли; для приготовленія разныхъ матеріаловъ и отправленія ихъ въ Оренбургъ устроены были пристани, одна на верховьяхъ Уфы, другая въ верхнемъ теченіи Яика. Куплено было достаточное количество лошадей. «Однимъ словомъ, говоритъ авторъ «Исторіи Оренбургской», что къ такому дальнему и новому предпріятію требовалось», сдѣлано было; «притомъ и о порядкахъ къ умноженію Уфимскихъ прибыльныхъ доходовъ, которые тогда для сей экспедиціи опредѣлены, онъ Кириловъ неусыпно простирался» (1).

И не смотря на все это, новое предпріятіе, при его выполненіи, встрѣтило такія сильныя препятствія, что виновнику его не пришлось видѣть осуществленія почти ни одной части своего обширнаго и смѣлаго проекта. Препятствія эти противупоставили Башкирцы, въ земляхъ которыхъ вздумали основать русскій городъ. Правительство отчасти предвидѣло затрудненія, которыя могли послѣдовать съ этой стороны для предпринятаго имъ дѣла. Оно не обольщалось содѣйствіемъ, оказаннымъ ему нѣкоторыми вліятельными башкирскими старшинами въ дѣлѣ приведенія въ русское подданство Киргизъ-Кайсаковъ, и предполагало возможность противодѣйствія со стороны Башкирскаго населенія означеннымъ выше планамъ. Чтобы не допустить этой возможности, оно усердно старалось разными милостями расположить это населеніе въ пользу Русской власти и новаго поселенія среди него и вообще устранить отъ его сознанія мысль, что изъ новаго русскаго города явится стѣсненіе ихъ прежнихъ вольностей. Въ особенности оно дѣйствовало такъ по отношенію къ настоящимъ башкирскимъ волостямъ и родамъ, владѣвшимъ землями и угодьями на правахъ полной собственности и составлявшимъ по отношенію къ пришлому инородческому населенію, извѣстному подъ именемъ Тептярей, Бобылей и Мещеряковъ, родъ аристократіи. Нарядъ на работы для строенія Оренбурга не касался ихъ, распространяясь только на Тептярей и Бобылей. Въ инструкціи Кирилову предписано ему было, между прочимъ, озаботиться ослабить непріятное впечатлѣніе, производимое на Башкирцевъ обычаемъ Русскихъ брать у нихъ, для удержанія ихъ въ покорности Русской власти,—аманатовъ; велѣно было отмѣнить этотъ обычай и по тѣмъ между прочимъ резонамъ, что, какъ пока-

(1) Тамже; стр. 116.

залъ опытъ, онъ не велъ къ цѣли, на которую былъ расчитанъ; ибо Башкирцы обыкновенно «давали въ аманаты самыхъ послѣднихъ людей, до которыхъ, хотя бы тѣ и вѣкъ свой окончили (въ аманатствѣ), имъ дѣла нѣтъ». Вслѣдствіе этого и перемѣнившихся на восточной окраинѣ Россіи обстоятельствъ, съ Башкирцами, равно какъ съ вновь приходящими въ подданство народами указано «поступать инымъ образомъ, а именно: аманатами ихъ не называть, а вмѣсто того отъ каждаго народа учредить особый судъ,—опричь того, что къ магистрату надлежитъ,—дабы не за аманатство, но за милость и правосудіе принимали, и въ тѣхъ судахъ быть первыми изъ Русскихъ людей по два или по три человѣка, а съ ихъ стороны толикое жъ число лучшихъ людей, ханскихъ дѣтей, изъ салтановъ и изъ старшинъ, и къ тому при судѣ другіе мелкіе чины, по обстоятельствамъ каждаго народа, вымыслить, яко писари, толмачи, разсыльщики, и такъ ихъ въ урядѣ имѣть и перемѣняться по ихъ желанію по году или по два, и при нихъ учредить караулъ честной, какъ для почтенія ихъ, такъ и для смотрѣнія ихъ, написавъ инструкціи, какъ долженъ съ ними караулъ поступать и чего смотрѣть (1). «Распорядокъ въ судѣ и правосудіи велѣно было учредить, сообразуясь съ обычаями иновѣрцевъ (2). Въ нарядѣ служилыхъ Тархановъ и Мещеряковъ на службу, Тептерей и Бобылей на работы предложено поступать со всякою умѣренностію, «чтобы въ томъ никакой обиды и неуравненія не послѣдовало», а для поощренія ихъ къ усердію служебному первымъ изъ нихъ за ихъ службы приказано давать жалованье деньгами, сукнами и саблями, смотря по роду заслугъ, а подлымъ, Тептерямъ и Бобылямъ, которые будутъ на работѣ, заработаныя деньги или хлѣбъ на пропитаніе (3),—«а Башкирцевъ отнюдь на работу не наряжать и тѣмъ ихъ отъ охоты къ службѣ не озлоблять» (4); при отыскиваніи металловъ и минераловъ въ башкирскихъ и киргизъ-кайсарскихъ владѣніяхъ—поступать надлежащимъ образомъ, «ища интересу Е. И. В—ва и приводя

---

(1) Инструкціи Кирилову (П. С. З. № 5,676) п. 10.

(2) Тамже; п. 11.

(3) Тамже; п. 12 и 38.

(4) Тамже; п. 39.

къ тому тамошній народъ ласкою и награжденіемъ, чтобы не точію извѣстное не скрывали и не таили, но и вновь сыскивая объявляли (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство обратило самое рачительное вниманіе на башкирскія челобитныя, поданныя какъ отъ лица всего Башкирскаго народа, такъ и отдѣльными волостями и лицами. Такъ Башкирцы жаловались, что многіе Русскіе люди завладѣли землями, рѣками, рыбными ловлями и другими угодьями, одни по фальшивымъ записямъ и письмамъ, другіе просто насильно, собою занявъ порожжія, принадлежащія башкирскимъ родамъ, мѣста; велѣно изслѣдовать это, и, если жалоба Башкирцевъ окажется справедливою, то незаконныхъ владѣльцевъ сослать съ занятыхъ ими башкирскихъ земель, и возвратить послѣднія тѣмъ, у кого они отняты были. Башкирцы просили, чтобы рыбныя ловли по рѣкамъ Бѣлой и Камѣ, которыя до того отдавались казною на откупъ, были имъ предоставлены въ пользованіе за умѣренный оброкъ; на это дано согласіе. Кромѣ того подтверждались старинныя ихъ права: предоставлялось имъ довольствоваться Илецкою солью, какъ было истари, и запрещено ту соль на заставахъ задерживать, наблюдать же болѣе только затѣмъ, чтобы они той соли никому Русскимъ и въ другіе уѣзды тайно и явно не продавали и не отпускали; дозволено было имъ въ ихъ между собою малыхъ дѣлахъ для суда не ѣздить въ Уфу, а судиться дома по старымъ ихъ обычаямъ. Просили Башкирцы, чтобы Русскихъ людей и иновѣрцевъ бѣглыхъ, поселившихся на ихъ земляхъ, насильно съ тѣхъ земель выслать на прежнія жилища; и конечно послѣдовало на то согласіе.

Въ отвращеніе на будущее время споровъ изъ за земель между Башкирцами и пришлыми людьми, а также между ними самими, въ огражденіе правъ ихъ на поземельную собственность указано было, согласно съ ихъ просьбою, послать въ Башкирію офицеровъ съ пристойнымъ конвоемъ, «чтобы земли каждаго владѣнья по грамотамъ и по старому владѣнью отписывать и грани ставить одною окружною межою и, сколько можно, въ той окружной грани означивать деревни, рѣки, рѣчки, поля, сѣнные покосы, лѣса, болота, горы и другія угодья, хотя безъ мѣры; а ежели такія угодья вла-

(1) Тамже; п. 17.

дѣльцы ихъ сами пожелаютъ мѣрить, то мѣрить при понятыхъ сторонихъ людяхъ, которыхъ они Башкирцы сами изберутъ, и каждому владѣнью дѣлать чертежи и дать имъ съ нихъ списки, а подлинные имѣть впредь въ Уфимской канцеляріи для спору». Тѣхъ Башкирцевъ, на земляхъ которыхъ построены заводы, велѣно было удовольствовать жалованьемъ, сбавкою ясака и другими способами. Нѣкоторые башкирскіе тарханы били челомъ, чтобы имъ на тарханство даны были грамоты, такъ какъ прежнія у нихъ утерялись; указано Уфимскому воеводѣ съ товарищи, «справясь съ прежними записными книгами, буде опые, или отцы и дѣды ихъ тарханами написаны и службы служили, то и нынѣ имъ на тарханство дать подтвердительные указы и записать ихъ въ новую тарханную книгу по именамъ. Тоже распоряженіе сдѣлано и относительно жившихъ въ Уфимскомъ уѣздѣ служилыхъ Татаръ, называвшихся Мещеряками. Жаловались Башкирцы, что Русскія власти мѣшаютъ имъ преслѣдовать и отыскивать воровъ, что какъ поѣдутъ они для сыску воровъ въ Сибирскій уѣздъ, то судьи и приказные тамошніе люди задерживаютъ и не пропускаютъ безъ паспортовъ; указано было вслѣдствіе этой жалобы: «когда они Башкирцы за ворами погонютъ, тогда являться имъ въ первомъ пограничномъ съ ними городѣ, или слободѣ, гдѣ случится по пути къ поимкѣ ближе, къ воеводамъ, или прикащикамъ, и тѣмъ воеводамъ, или прикащикамъ не точію ихъ удерживать, но, записавъ словесный ихъ извѣтъ о ворахъ, чинить въ поимкѣ ихъ всякое вспоможеніе и придавать къ нимъ въ помощь служилыхъ людей, а по поимкѣ, безъ всякаго удержанія и волокиты воровствомъ взятое возвращать, а съ ворами поступать по указамъ при нихъ же Башкирцахъ, дабы впредь никакого воровства не было. Подтверждено, чтобы Башкирцевъ, пойманныхъ въ какихъ либо винахъ, не отправлять въ ссылку въ Рогервикъ безъ суда. Но вся эта заботливость правительства объ интересахъ Башкирцевъ, выраженная въ Сенатскомъ указѣ отъ 31 Мая 1734 года (1), пропала даромъ. Башкирцы наружно дѣйствительно показывали себя благодарными правительству за его къ нимъ милости и выражали готовность служить ему: такъ, когда узнали въ Башкиріи о

(1) П. С. З. № 6581.

пріѣздѣ въ Уфу Кирилова, то множество Башкирцевъ явилось туда, одобрительно отзывались о намѣреніи правительства построить городъ на р. Ори; тарханы сами записывались въ походъ съ Кириловымъ; но это было со стороны большинства башкирскихъ старшинъ и народа только притворствомъ, скрывавшимъ совершенно другія чувства ихъ и намѣренія. Потому что едва они оставили Уфу, какъ начали совѣщаться между собою, какимъ бы образомъ воспрепятствовать Кирилову въ предположенномъ имъ походѣ на устье р. Ори и въ построеніи тамъ города. Они въ этомъ намѣреніи правительства видѣли не что иное, какъ мѣру, направленную противъ ихъ вольностей; ибо, — такъ разсуждали они, — когда Русскіе поселятся между ними и позади ихъ, то вольность ихъ отнимется. Еще прежде пріѣзда Кирилова въ Уфу они утвердились въ этомъ убѣжденіи и рѣшились противодѣйствовать всѣми мѣрами экспедиціи. Въ С. Петербургѣ въ числѣ провожатыхъ киргизъ-кайсацкаго посольства находился между прочими Телекой—Кубовской волости (Ногайской дороги) старшина Токчура. Узнавъ объ утвержденіи проекта Кирилова, онъ тайно отправилъ письмо къ Кильмяку абызу и другимъ вліятельнымъ Башкирцамъ; въ этомъ письмѣ подавался совѣтъ, чтобы во всей Башкиріи отдѣлили чистую пшеницу отъ куколя и хранили ее особо, а солому сожгли, и чтобы всѣ четыре лошади были на готовѣ. Это означало то, чтобы кровные Башкирцы держали осторожность относительно жившихъ на ихъ земляхъ разныхъ пришельцевъ, Татаръ, Чувашъ и другихъ имъ подобныхъ, отъ подозрительныхъ людей отдѣлались, и чтобы всѣ четыре башкирскія дороги приготовились къ борьбѣ съ Русскими; потому что, прибавлялъ къ тому Токчура, живя въ Петербургѣ, онъ узналъ, что Русскіе хотятъ овладѣть всѣми башкирскими землями и для того хотятъ построить городъ на р. Ори (1). Кильмякъ абызъ немедленно сталъ дѣйствовать въ смыслѣ этого посланія. Явилось не мало людей, раздѣлявшихъ выраженныя въ немъ опасенія и готовыхъ вооруженною рукою дѣйствовать противъ Русскихъ. Башкирскіе старшины Бепенъ Сюянгу-

---

(1) Истор. Оренб. Ежем. соч. 1759 I, стр. 116—117. Дальнѣйшій разсказъ о мятежѣ Башкирцевъ я основываю преимущественно на этомъ сочиненіи Рычкова.

ловъ, Сейтбай Ераткуловъ, Рысанбай Гимбетевъ, Кусанбай батырь и Аминь, бѣглецъ изъ Казанскаго уѣзда, явились первыми и главными сообщниками Кильмяка. Азіева мечеть на Ногайской горогѣ служила мѣстомъ, гдѣ составлялся первоначально планъ возстанія противъ Русскихъ. Здѣсь наконецъ положено было открыть это возстаніе въ 1735 году нападеніемъ на команду во время ея движенія къ р. Ори, чтобы чрезъ то не допустить Русскихъ до построенія тамъ города. Кирилову доносили нѣкоторые, что между Башкирцами затѣвается что-то неладное; но онъ на эти слухи не обращалъ вниманія, какъ не заслуживающіе вѣроятія. Покорность Русской власти и усердіе къ службѣ, выказанныя Башкирцами предъ нимъ, заставили его притти къ такому заключенію насчетъ этихъ слуховъ. Дѣйствительно башкирскіе коноводы такъ искусно умѣли скрыть свой замыселъ и съ такою осторожностію вербовали сообщниковъ къ задуманному ими злому дѣлу, что до Кирилова не дошло ни одно сколько нибудь положительное извѣстіе о мятежническомъ настроеніи Башкирцевъ. Никакимъ его распоряженіямъ по приготовленію къ походу на Орь они нимало не противодѣйствовали: такъ Зауральскіе Башкирцы безъ всякаго прекословія отвели на верховьяхъ Яика, при впаденіи въ эту рѣку рѣчки Уельяды, землю для устройства пристани, которая назначалась складочнымъ мѣстомъ провіанта, долженствовавшаго итти въ будущій Оренбургъ, и куда Екатеринбургское заводское управленіе должно было доставить артиллерію и артиллерійскіе снаряды, чтобы потомъ ихъ также препроводить въ Оренбургъ; нисколько также не мѣшали Русскимъ строить тутъ суда; значительный запасъ артиллеріи и артиллерійскихъ снарядовъ и провіанта дошелъ сюда также безъ всякой помѣхи со стороны Башкирцевъ. Между тѣмъ слухи о приготовленіи ихъ къ мятежу становились все громче и громче. Въ Мартѣ 1735 года Кириловъ получилъ изъ Казани уже оффиціальное извѣстіе о томъ, основанное на донесеніи начальника Екатеринбургскихъ заводовъ, Татищева, который писалъ Казанскимъ властямъ, что Башкирцы дѣлаютъ постоянно большіе съѣзды, что эти съѣзды весьма подозрительнаго характера, такъ какъ не даромъ многіе изъ небашкирцевъ, Черемисы и Русскіе, начали оставлять этотъ край. Кириловъ и этому извѣстію не повѣрилъ и въ своемъ донесеніи въ Кабинетъ-министровъ представлялъ его неосно-

вательнымъ, утверждая, что въ Башкиріи все обстоитъ благополучно; что съѣзды тутъ чинятся для того, что Башкирцамъ сказанъ нарядъ къ службѣ, который они на этихъ съѣздахъ между собою раскладываютъ; что слухъ о злыхъ ихъ замыслахъ противъ Русскихъ, вѣроятно, нарочно распускается бѣглыми ворами и конокрадами, — и приводилъ въ подтвержденіе своего мнѣнія то, что до сихъ поръ не было замѣчено имъ со стороны Башкирцевъ никакихъ дѣйствій, которыми бы оправдывались эти слухи, что отправленныя имъ въ Верхояицкую крѣпость и въ Сакмарскъ команды, провіантъ и артиллерія дошли совершенно благополучно до мѣста своего назначенія.

Утвердившись въ такихъ мысляхъ относительно Башкирцевъ, Кириловъ въ концѣ Марта открылъ походъ на р. Орь. 27 чила этого мѣсяца стали переправлять за рѣку Бѣлую артиллерію, артиллерійскіе и инженерные снаряды, а 11 Апрѣля самъ начальникъ экспедиціи, выступивъ въ походъ, сталъ лагеремъ на рѣчкѣ Чесноковкѣ (въ 10 верстахъ отъ Уфы), гдѣ впрочемъ долженъ былъ пробыть до половины Іюня, ожидая прибытія къ нему назначенныхъ съ нимъ въ походъ съ Закамской линіи пяти ротъ Вологодскаго драгунскаго полка. Но едва онъ тронулся изъ этого лагеря, какъ Кильмякъ абызъ и другіе главные зачинщики мятежа прислали ему объявить, что они не могутъ допустить его до предпринятаго имъ похода, что принуждены будутъ, если онъ не воротится назадъ, противиться ему въ томъ дѣлѣ всѣми своими силами. Не давая отвѣта на это заявленіе, Кириловъ приказалъ задержать въ обозѣ посланцевъ Кильмяка и произвести надъ ними розыскъ, при которомъ Тевкелевъ показалъ такую ревность, что одинъ изъ Башкирцевъ отъ пытокъ умеръ,—и продолжалъ итти впередъ. Силы, которыми онъ располагалъ, были, казалось, на столько значительны, что нечего было опасаться, чтобы Башкирцы свою угрозу привели въ исполненіе. За выдѣленіемъ нѣсколькихъ отрядовъ въ Верхояикскую пристань, Сакмарскъ и другія мѣста, подъ командою его было 15 ротъ регулярнаго войска, да нѣсколько сотенъ Уфимскихъ казаковъ, служилыхъ Татаръ, и Калмыковъ; однихъ служилыхъ Мещеряковъ подъ начальствомъ старшины Мозлюма было 600 человѣкъ (изъ 700, записавшихся въ походъ Башкирскихъ тархановъ, явилось только около 100 человѣкъ); кромѣ того съ нимъ должны были соединиться пять

ротъ Вологодскаго полка подъ начальствомъ подполковника Чирикова, которыхъ онъ дожидался въ Чесноковскомъ лагерѣ и не дождался, и которыя, прибывъ туда 20 Іюня, дѣйствительно пошли для соединенія съ главнымъ его корпусомъ.

До Іюля войско Кирилова двигалось, не встрѣчая нигдѣ враждебныхъ дѣйствій со стороны Башкирцевъ. Предводитель мятежниковъ между тѣмъ не упускалъ изъ виду движенія русскихъ полковъ. Кильмякъ удачно воспользовался тѣмъ, что арріергардъ, находившійся подъ командою подполковника Чирикова, шелъ, не соблюдая должныхъ предосторожностей, что обозъ, который долженъ былъ прикрываться этимъ отрядомъ, былъ слишкомъ растянутъ въ одну линію, и что наконецъ самъ начальникъ отряда, не подозрѣвая никакой опасности, ѣхалъ впереди въ далекомъ отъ обоза разстояніи; съ своею шайкою, состоявшею изъ тысячъ трехъ человѣкъ, онъ, на 160 верстѣ отъ Уфы, напалъ на первую колонну отряда, гдѣ находился самъ Чириковъ. Прежде, чѣмъ послѣдній могъ сдѣлать какое либо распоряженіе, его не стало: онъ, лѣкарь, священникъ, 18 человѣкъ драгунъ, да 42 человѣка неслужащихъ были убиты. Роты, слѣдовавшія позади, такъ какъ находились вдалекѣ отъ командира и притомъ раздѣлены были отъ него случившимся лѣсомъ, узнали объ этомъ только тогда, когда мятежники сдѣлали и на нихъ нападеніе. На этотъ разъ Башкирцамъ данъ былъ отпоръ: приведенныя было сначала въ замѣшательство смертію своего командира и неожиданностію нападенія, онѣ вскорѣ возвратились къ порядку и, построившись въ каре, подъ начальствомъ капитана Гебауера отбили всѣ приступы непріятелей съ немалымъ для послѣднихъ урономъ и съумѣли держаться до прибытія къ себѣ подкрѣпленія отъ Кирилова, послѣ чего безъ большихъ затрудненій 10 Іюля соединились съ главнымъ корпусомъ.

Нападеніе, сдѣланное Башкирцами на отрядъ Чирикова, должно бы было, какъ справедливо замѣчаетъ Рычковъ, разъубѣдить Кирилова насчетъ благонадежности настроенія этого народа относительно предпринятаго имъ дѣла и вообще относительно Русскихъ. Однакоже начальникъ экспедиціи въ своемъ донесеніи кабинету-министровъ объ этомъ несчастіи доказывалъ, что въ нападеніи, сдѣланномъ на Чирикова, участвовали только немногіе аймаки, что многіе этому воров-

скому дѣлу, удавшемуся вслѣдствіе оплошности командира, не причастны, что Сибирская и Осинская дороги къ воровству не приставали. Въ этой увѣренности Кириловъ, сдѣлавъ предварительно распоряженіе о розыскѣ участниковъ этого воровства и о примѣрномъ наказаніи ихъ,—продолжалъ итти по направленію къ устью Ори, куда 6 августа и прибылъ и гдѣ 15 тогоже мѣсяца заложилъ о четырехъ бастіонахъ крѣпость. Чрезъ 15 дней земляныя работы были кончены; въ крѣпость введены были солдаты и ввезена артиллерія; и за тѣмъ 31 августа послѣ молебствія, при пушечныхъ выстрѣлахъ, заложенъ Оренбургъ.

Но строеніе его пришлось отложить до слѣдующаго года, а тамъ на неопредѣленное время. Мятежное настроеніе въ Башкиріи ограничивалось не одною только, какъ думалъ Кириловъ, мѣстностію. Воровство, учиненное Кильмякомъ, послужило сигналомъ къ повсемѣстному и общему возстанію Башкирцевъ противъ Русскихъ. «Не только, говоритъ Рычковъ, на Ногайской дорогѣ Башкирцы разоренія чинить отваживались и многихъ людей, внезапно на нихъ нападая, побивали, но и на Сибирской дорогѣ въ такое же бунтовское намѣреніе уклонились и, собравшись многолюдствомъ, на отправленный изъ Сибирскихъ слободъ провіантскій обозъ, не допустя оный верстъ за 30 до Верхояикской пристани, учинилижъ незапное нападеніе, отъ котораго отбивъ телѣгъ съ 40 съ провіантомъ, разграбили», и держали этотъ обозъ въ осадѣ, пока не прибылъ для выручки его съ Сибирской дороги полковникъ Арсеньевъ (1). Близъ Казанской границы было не лучше. Воровскія партіи Башкирцевъ въ то самое время, какъ Кириловъ закладывалъ Оренбургъ, два раза дѣлали приступъ подъ Мензелинскъ, и всѣ окрестности его, равно какъ Русскія селенія, лежавшія около Закамскихъ пригородовъ, Заинска, Билярска, Старошешминска, разорили и пожгли (2).

Въ виду такихъ обстоятельствъ Кириловъ нашелъ невозможнымъ долѣе оставаться въ только что заложенномъ Оренбургѣ. Сдѣлавъ необходимыя распоряженія по дѣламъ

---

(1) Ист. Оренб. Ежем. соч. I, 130.

(2) Тамже 136.

Киргизъ-Кайсацкимъ (1) и оставивъ въ новой крѣности достаточный гарнизонъ подъ начальствомъ полковника Чемодурова, онъ самъ подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ ротъ Вологодскаго полка, Сакмарскихъ и Уфимскихъ казаковъ и другихъ нерегулярныхъ воинскихъ людей обратно отправился къ Уфѣ. Какъ видно, онъ не терялъ надежды въ короткое время разсѣять мятежныя шайки: по крайней мѣрѣ, отправляясь изъ Оренбурга, онъ расчитывалъ дѣйствовать не столько въ качествѣ вонтеля, сколько строгаго судьи измѣнниковъ, и примѣрнымъ наказаніемъ участниковъ бунта думалъ отъучить Башкирцевъ на будущее время отъ воровскихъ дѣлъ. Въ тоже время Тевкелеву было предписано дѣйствовать такимъ образомъ по отношенію къ Башкирцамъ Сибирской дороги, «должное отомщеніе учинить, кои на обозъ провіантскій учинили нападеніе», и затѣмъ отправить въ Оренбургъ изъ слободъ Сибирскихъ другой провіантскій обозъ.

Въ С. Петербургѣ о замѣшательствахъ въ Башкиріи думали иначе. Тамъ посмотрѣли на нападенія, которыя дѣлали Башкирцы на Русскихъ, какъ на дѣло, требовавшее всего вниманія мѣстныхъ властей. Поэтому на возвратномъ своемъ пути въ Уфу Кириловъ получилъ изъ Кабинета и Сената, еще не знавшихъ, что Оренбургъ заложенъ, указы, которыми повелѣвалось ему походъ къ р. Ори отложить до того времени, когда будетъ прекращенъ башкирскій мятежъ, а буде онъ уже выступилъ изъ Уфы, то остановиться въ Сакмарскѣ и все стараніе прилагать къ усмиренію края. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣщался, что главнымъ командиромъ надъ войсками, назначенными дѣйствовать противъ мятежниковъ, правительство сочло нужнымъ опредѣлить знатную и искусную персону, до прибытія которой въ Башкирію временно приметъ главное начальство на войсками тамъ Казанскій губернаторъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ.

---

(1) Онъ отпустилъ въ Киргизъ-Кайсацкія орды Абулъ-Хаирова брата Ніазъ-Салтана съ нѣкоторыми старшинами, также пріѣзжавшихъ сюда Ташкентскихъ купцовъ, наказавъ хану Абулъ-Хаиру, чтобы онъ слѣдующею вѣсною пріѣхалъ въ Оренбургъ для свиданія съ нимъ Кириловымъ. Сынъ хана, Эрали съ нѣсколькими старшинами былъ оставленъ въ крѣпости. Ежем. соч. 1759 г. I, 132.

Кириловъ долженъ былъ убѣдиться, что эти чрезвычайныя мѣры, принятыя правительствомъ и свидѣтельствовавшія о нѣкоторомъ недовѣріи къ начальнику экспедиціи, далеко нелишнія. Роль слѣдователя и карателя мятежниковъ, которую онъ готовилъ себѣ, отъѣзжая изъ Оренбурга, пришлось ему исполнить только надъ немногими Башкирцами, которыхъ привели къ нему въ Сакмарскъ нѣкоторые, оставшіеся вѣрными, служилые Башкирцы. Ихъ казнили тутъ, не добившись отъ нихъ на предварительныхъ розыскахъ вѣрныхъ показаній о состояніи мятежническаго дѣла, въ которыхъ нуждались: они съ пытки твердили одно, что Кильмякъ абызъ распустилъ свою шайку. Между тѣмъ предводитель шаекъ, образовавшихся на Ногайской дорогѣ, соединился съ партіей мятежниковъ, которые появились на Казанской дорогѣ и бунтовали подъ предводительствомъ старшины Акая Кусюма, сына того Кусюма, который былъ вождемъ во время прежняго башкирскаго возстанія, такъ что теперь непріятельская толпа возрасла до 5 или 6 тысячъ человѣкъ. Соединенныя такимъ образомъ шайки возставшихъ напали на Кирилова на дорогѣ къ Уфѣ, за 130 верстъ отъ этого города. Хотя попытки ихъ отрѣзать ему путь къ Уфѣ и не удались, и хотя сами они должны были отступить внутрь Башкиріи и при этомъ отступленіи понесли сильный уронъ отъ посланныхъ за нимъ Кириловымъ отрядовъ, которые, преслѣдуя ихъ, многихъ изъ нихъ побили, немало женъ и дѣтей полонили и разныя деревни и хлѣбъ на поляхъ на корнѣ выжгли: тѣмъ не менѣе нельзя было успокоиться на этомъ успѣхѣ. Толпы мятежниковъ какъ скоро разсѣявались, такъ же скоро опять соединялись.

Между тѣмъ прибыла для командованія войсками, дѣйствовавшими противъ мятежниковъ, знатная и искусная персона. То былъ генералъ-лейтенантъ А. Ив. Румянцевъ, которому по дѣлу успокоенія края подчиненъ былъ и Кириловъ. Румянцевъ началъ съ того, что разослалъ по всей Башкиріи листы, заключавшіе въ себѣ требованіе отъ Башкирцевъ покорности и обѣщаніе милости тѣмъ изъ нихъ, кто отстанетъ отъ мятежа. Одинъ изъ главныхъ вождей возстанія, Акай со многими башкирскими старшинами вслѣдствіе того дѣйствительно принесъ повинную. Не смотря на то Румянцевъ находилъ, что еще нельзя довѣрять этой покорности мятежниковъ и что для совершеннаго подавленія мя-

тежа и успокоенія края недостаточно тѣхъ средствъ, которыя находились у Оренбургской экспедиціи, получившей тогда названіе Оренбургской коммиссіи. Такого же мнѣнія на этотъ разъ былъ Кириловъ, который пріѣзжалъ въ концѣ 1735 года въ Мензелинскъ къ Румянцеву для совѣщанія съ нимъ обо всѣхъ обстоятельствахъ порученнаго ему дѣла. Непосредственнымъ результатомъ этого совѣщанія было то, что Кириловъ отправился въ С. Петербургъ, чтобы лично убѣдить Кабинетъ въ необходимости послать въ Башкирію подкрѣпленіе къ имѣвшимся тамъ войскамъ и принятія новыхъ, сообразно обстоятельствамъ, мѣръ относительно этого края.

Эти соображенія оказались вѣрными. Въ то время, какъ на Казанской дорогѣ мятежъ, по видимому, сталъ стихать, онъ возгорѣлся съ большею силою на Сибирской дорогѣ. Туда, какъ мы видѣли, былъ посланъ Тевкелевъ, чтобы, успокоивъ эту мѣстность, за тѣмъ доставить изъ Сибирскихъ слободъ провіантъ и другіе необходимые припасы въ новопостроенную Оренбургскую крѣпость. При благоразумномъ содѣйствіи начальника Екатеринбургскихъ заводовъ Татищева ему удалось возвратить къ повиновенію Русской власти многихъ старшинъ, собрать припасы, закупить нужную аммуницію. Но главная задача для него состояла въ томъ, чтобы все это переправить въ Оренбургскую крѣпость, дабы оставленный тамъ гарнизонъ не пострадалъ отъ голода и холода. Башкирцы очень хорошо понимали важность этого дѣла и потому положили, когда транспортъ со всѣмъ этимъ пойдетъ по направленію къ Оренбургу, напасть на него, или вообще не допустить его до мѣста назначенія. Когда обозы съ припасами появились на дорогѣ къ Верхояикской пристани, откуда большая часть должна была слѣдовать на устье Ори, толпы мятежныхъ Башкирцевъ преградили имъ путь и подошли къ этой пристани. Здѣшняя команда, за неимѣніемъ хлѣба переѣвшая уже лошадей, увидѣла надобность отсюда выти, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ старшинъ, предводительствовавшихъ мятежниками, увѣряли, что съ ней ничего дурнаго не сдѣлаютъ они; но чрезъ нѣсколько времени она вся была перерѣзана Башкирцами. Совершивъ такой подвигъ, мятежническая толпа отважилась окружить Тевкелева, который съ двухтысячнымъ отрядомъ шелъ съ запасами, съ цѣлію пробраться въ Оренбургъ. Путь ему лежалъ по р. Аю между ущеліями горъ, гдѣ солдатамъ иначе нельзя было дѣйство-

вать, какъ въ одну шеренгу, и притомъ, по причинѣ зимняго времени, только на лыжахъ, которыхъ было не болѣе, какъ на сто человѣкъ. Здѣсь-то мятежные Башкирцы, условившись предварительно съ жителями многолюднаго селенія Сеянтюсъ, рѣшили напасть на Тевкелева. Но тотъ отбился отъ ихъ нападеній и жестоко отомстилъ за эту ихъ неудавшуюся враждебную ему попытку. Месть его пала на жителей селенія Сеянтюсь. Въ глубокую ночь онъ явился туда для расправы. Жилища были зажжены. Всѣ жители этого селенія въ числѣ около тысячи человѣкъ съ женами и дѣтьми были частію перебиты и перестрѣлены русскими солдатами, частію же переколоты находившимися въ отрядѣ Тевкелева вѣрными Башкирцами и Мещеряками. Сверхъ того 105 человѣкъ были загнаны въ одинъ амбаръ и тамъ живыми сожжены. «Понеже, говоритъ историкъ, все сіе случилось ночною порою, а деревня вся зажжена была, то отъ великаго ихъ воиля и отъ ружейной стрѣльбы самое ужасное было тогда зрѣлище. При чемъ всего удивительнѣе, что многіе изъ тѣхъ воровъ, будучи въ огнѣ, имѣвшіяся въ амбарѣ копья со многими хульными и бранными словами на стоящихъ тутъ драгунъ выбрасывали и нѣсколько тѣхъ поранили. И такимъ образомъ всѣ оной деревни Сеянтюсь жители съ женами и дѣтьми отъ мала до велика чрезъ одну ночь огнемъ и оружіемъ погублены, и жилища ихъ обращены въ пепелъ». На другой день послѣ этой ночной рѣзни военный совѣтъ, созванный Тевкелевымъ, положилъ оставить путь, по которому доселѣ отрядъ слѣдовалъ, и, возвратясь назадъ, искать другаго, удобнѣйшаго пути къ Оренбургу, а между тѣмъ разорить всѣ башкирскія селенія въ той Балакчинской волости. Это послѣднее рѣшеніе приведено было въ исполненіе съ безпощадною жестокостію. Около 50 деревень разорено было въ конецъ; достояніе жителей или разграблено, или сожжено; до 2000 человѣкъ въ тѣхъ селеніяхъ было побито; попавшіеся въ плѣнъ были приводимы съ женами и дѣтьми къ Тевкелеву, который взрослыхъ изъ нихъ послѣ пытокъ казнилъ, а женъ и дѣтей раздавалъ въ рабство своимъ сподвижникамъ.

Однакожъ эти жестокости произвели на остальную Башкирію дѣйствіе, совершенно противное тому, какого ожидали. Вмѣсто того, чтобы въ виду этого разгрома смириться предъ Русскою властію, все остальное Башкирское населеніе теперь встало противъ нея почти поголовно. Отчаяніе, въ которое при-

велъ его слухъ объ ужасахъ, произведенныхъ Тевкелевымъ въ Сеянтюсѣ и окрестныхъ мѣстахъ, смѣнилось скоро рѣшимостію биться съ Русскими до послѣдней крайности, мстить имъ неумолимою местію. Мятежныя партіи, доселѣ дѣйствовавшія врозь, соединились. Онѣ сошлись въ Башкирской деревнѣ Кубовѣ и отсюда стали даже подъ Уфою чинить пакости и разоренія. Посланный противъ нихъ изъ Уфы отрядъ окруженъ былъ мятежниками и, подавленный многолюдствомъ, весь изрѣзанъ, при чемъ погибли лучшіе изъ Уфимскихъ дворянъ. Затѣмъ они избили отрядъ, командированный Тевкелевымъ для охраненія одной мещерякской деревни, въ которой содержались забранныя жены и дѣти бунтовавшихъ Башкирцевъ. Другой отрядъ, который послалъ Тевкелевъ для наказанія воровъ, тоже не имѣлъ успѣха: послѣ боя съ ними, продолжавшагося нѣсколько часовъ, начальникъ этого отряда капитанъ Ботовъ долженъ былъ отказаться отъ поиску мятежниковъ, ретировавшихся въ свои лѣса, куда за необыкновенно глубокими снѣгами онъ счелъ невозможнымъ проникнуть съ артиллеріею. Отправился было самъ Тевкелевъ налегкѣ въ тѣ мѣста, гдѣ засѣли воры, оставивъ артиллерію и другія тяжести въ своемъ лагерѣ въ мещерякской деревнѣ Кундешляхъ; но, на дорогѣ получивъ извѣстіе, что многочисленная толпа мятежниковъ направилась къ этой деревнѣ въ намѣреніи ее выжечь, отбить артиллерію и освободить содержавшихся тамъ плѣнныхъ, долженъ былъ воротиться назадъ. Получивъ вспомогательный отрядъ, присланный къ нему Румянцевымъ, Тевкелевъ нѣсколько поправился: могъ открыть наступательное движеніе противъ мятежниковъ, въ поискахъ своихъ за ихъ отдѣльными шайками немало ихъ побилъ, другихъ переловилъ и потомъ переказнилъ; но тѣмъ успѣхъ его и ограничился. Главнѣйшія силы возставшаго населенія нельзя было достать. Мало того: укрѣпившись внутри страны въ лѣсахъ и горныхъ ущеліяхъ, мятежные Башкирцы преградили Тевкелеву всякую возможность пробраться къ Оренбургу. Между тѣмъ этого требовала крайняя необходимость. Провіантъ, оставленный для тамошняго гарнизона, былъ расчитанъ только до половины Декабря 1735 года, въ надеждѣ, что къ тому времени прибудетъ транспортъ изъ Верхояикской пристани съ необходимыми всякаго рода запасами. Но мы видѣли, что Башкирцы обозъ съ провіантомъ, собраннымъ въ Сибирскихъ слободахъ, не допустили и до Верхояикской при-

тани, вслѣдъ за тѣмъ усилившійся мятежъ сдѣлалъ невозможнымъ провести въ Оренбургъ приготовленные запасы. Сидѣвшему въ Оренбурской крѣпости гарнизону не откуда было взять хлѣба и аммуниціи. Чтобы не поморить его голодомъ, порѣшили убавить этотъ гарнизонъ, отправивъ большую его часть въ Верхояикскую пристань. Но маіоръ Рагинскій, на котораго начальникъ гарнизона, полковникъ Чемадуровъ возложилъ это порученіе, отойдя отъ Оренбурга верстъ 30, воротился назадъ съ своей командой, состоявшей болѣе чѣмъ изъ 800 человѣкъ, объяснивъ: что никоимъ образомъ, по причинѣ сильныхъ морозовъ и глубокихъ снѣговъ, нельзя пройти къ мѣсту назначенія, что уже и теперь у него позноблено 150 человѣкъ, а пять человѣкъ отъ холода померло такъ какъ они были весьма безодежны. Чемадуровъ не могъ не признать всей основательности этого объясненія; но съ другой стороны крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и отсутствіе всякой возможности получить откуда либо провіантъ не позволяли ему держать въ Оренбургской крѣпости такое значительное количесто людей; кромѣ того онъ имѣлъ отъ Кирилова положительное предписаніе уменьшить гарнизонъ, которое обязанъ былъ исполнить. Вслѣдствіе этого онъ разсудилъ, оставивъ въ крѣпости озноблеиныхъ, затѣмъ излишекъ гарнизона вмѣсто Верхояикской пристани отвести въ Сакмарскій казачій городокъ, отстоявшій отъ Оренбурга въ 300 верстахъ. Расчитали, что эту партію можно провести туда въ 16 дней и на столько времени дали провіанту; но къ 23 декабря, когда по расчету, сдѣланному въ Оренбургѣ, маіоръ Рагинскій долженъ былъ привести въ Сакмарскъ ввѣренный ему отрядъ, онъ успѣлъ пройти лишь половину пути, потому что по причинѣ глубокихъ снѣговъ, сдѣлавшихъ путь едва проходимымъ, иначе и быть не могло: въ командѣ открылся голодъ, отъ котораго и также отъ бывшихъ тогда великихъ морозовъ во время пути погибло въ ней болѣе 500 человѣкъ, остальные 220 человѣкъ приведены въ Сакмарскъ едва живыми; изъ нихъ у 80 человѣкъ руки и ноги были позноблены.

Въ такомъ положеніи были въ Башкирскомъ краю дѣла, когда Кириловъ въ Февралѣ 1736 года оставилъ С. Петербургъ, чтобы обратно ѣхать къ своей экспедиціи. Правительство дало утвержденіе почти всѣмъ его соображеніямъ (1)

(1) Эти соображенія и правительственныя мѣры вслѣдствіе

какъ относительно способовъ и мѣръ, какія онъ считалъ необходимыми для подавленія мятежа, такъ и относительно устройства и заселенія Оренбурга. Согласно съ его представленіемъ усилены были военныя средства въ краю, отпущены для борьбы съ мятежниками значительная сумма денегъ и разнаго рода припасы. Русскія поселенія по рѣкамъ Бѣлой и Камѣ и въ другихъ мѣстахъ, «гдѣ усмотрится опасность отъ Башкирцевъ, велѣно было, сколько возможно, укрѣпить для защиты ихъ отъ вражескихъ нападеній палисадами, или, по мѣсту смотря, окопать рвами, и это сдѣлать самимъ жителямъ въ такое время, когда имъ свободно отъ домашнихъ работъ; а для обороны, ежели они надежные люди и никакихъ шатостей отъ нихъ произойти не можетъ, опредѣлить имъ ружья изъ отборнаго отъ полковъ, которыя имѣются въ Казанскомъ цейхаузѣ и въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ, и не раздавая ихъ въ руки, содержать въ особомъ амбарѣ». По отношенію къ населенію Башкирскаго края предписано было принять мѣры, имѣвшія цѣлію не только подавить мятежъ, но и поставить на будущее время это населеніе въ невозможность возставать противъ Русской власти. Онѣ заключались:

1. *Въ разъединеніи разныхъ элементовъ этого населенія.* Это населеніе, какъ выше было замѣчено, состояло изъ давнихъ обитателей этого края, *Башкирскихъ родовъ*, которымъ принадлежала большая часть земель тамъ, *Мещеряковъ*, т. е., всельниковъ инородческаго происхожденія, утвердившихся тутъ вскорѣ послѣ паденія Татарскихъ юртовъ, изъ которыхъ далеко не всѣ владѣли землями на правахъ полной собственности, а большая часть нанимала ихъ у природныхъ Башкирцевъ, *Тептерей и Бобылей*, позднѣйшихъ пришельцевъ, которые составляли родъ крѣностныхъ по отношеніи къ чистымъ Башкирцамъ. Правительство поняло, что безземельный классъ инородческаго населенія края и потому зависимый отъ землевладѣльцевъ не стоитъ большаго труда отвлечь отъ мятежниковъ, каковыми были по преимуществу землевладѣльцы: стоило только нарушить права поземельной собственности послѣднихъ и вообще потревожить доселѣ господствовавшія тутъ общественно-экономическія отношенія

нихъ относительно Башкирцевъ изложены въ П. С. З. № 6887; 6889; 6890.

въ пользу безземельныхъ. Оттого въ указѣ отъ 11 Февраля 1736 года, послѣдовавшемъ вслѣдствіе представленія Кирилова, въ первую голову было постановлено: «служилымъ Мещерякамъ отъ Башкирцевъ быть отдѣльнымъ и за ихъ вѣрность и службу, что они къ противностямъ Башкирцевъ не приставали и противъ ихъ служили, земли и угодья тѣ, коими они по найму отъ Башкирцевъ владѣли, а тѣ Башкирцы были въ воровствѣ и бунтѣ, тѣ дать имъ вѣчно и безоброчно, указныя дачи: старшинѣ по 200, ясауламъ, писарю, сотникамъ по 100, рядовымъ по 50 четвертей. Застарѣлыхъ Тептерей и Бобылей, по примѣру Мещеряковъ, отъ башкирскаго послушанія отрѣшить и за претерпѣнное ими разореніе отъ воровъ Башкирцевъ оброковъ имъ платить не велѣть, а оставить ихъ при одномъ ясачномъ платежѣ въ казну». Такъ же правительство отнеслось и къ движимой собственности мятежниковъ. «Съ бывшихъ аймаковъ въ нынѣшнемъ воровствѣ за казенный убытокъ и партикулярное разореніе, усмотря удобное время, развыть, взять лошадей, годныхъ въ службу: съ каждаго аймака по 500, и изъ тѣхъ лошадей учинить достойное награжденіе разореннымъ». Такъ какъ Башкирцы находились еще въ близкой связи съ магометанскимъ населеніемъ и по сю сторону Камы, скрѣплявшейся родственными союзами, то для ослабленія этой связи было постановлено: «съ Казанскими Татарами Башкирцамъ въ сватовство безъ челобитья и безъ позволенія Казанскаго губернатора не вступать, а кому по прошенію въ томъ будетъ дозволено, у тѣхъ брать съ каждой сватьбы по одной драгунской лошади; а кто безъ позволенія женится, съ такихъ брать по три лошади драгунскихъ, а за другую вину ссылать въ ссылку».

2. *Въ обезоруженіи инородческаго населенія края.* Башкирцамъ, Тептерямъ и Бобылямъ волостей, учавствовавшихъ въ воровствѣ, велѣно было запретить носить съ собою и имѣть въ домѣ оружіе подъ такимъ штрафомъ: кто въ томъ кого поймаетъ, тому лошадь пойманнаго, а оружіе въ казну, а тѣхъ пойманныхъ ссылать въ ссылку. «Въ Уфимскомъ уѣздѣ въ Башкирскихъ жилищахъ кузнецовъ и кузницъ не имѣть, а быть имъ только въ однихъ городахъ, и кому будутъ потребны сошники, косы, конская сбруя, тѣ могутъ покупать и дѣлать въ городахъ». Велѣно было также подтвердить прежнее запрещеніе относительно и продажи Башкирцамъ всякаго рода оружія.

3. *Въ устрашеніи посредствомъ строгаго наказанія участниковъ возстанія.* Всѣхъ, пойманныхъ во время бунта и оказавшихся виновными въ нападеніи на войска и въ другихъ воровствахъ, велѣно было «однихъ казнить смертію, а другихъ сослать въ ссылку, а не освобождать, а пущихъ заводчиковъ, хотя бы и отпущеніе получили, Акая, Кильмяка, Бепеня, Мясегута, Уміра, Ишалю, Салтанъ Мурата, по причинамъ партикулярныхъ дѣлъ, одного за другимъ забравъ, жестокою казнить смертію».

4. *Въ выселеніи изъ края всѣхъ Башкирцевъ сомнительной вѣрности.* «Ссылать всѣхъ, хотя кто въ одномъ маломъ воровствѣ явился, не пытавъ и не наказывая кнутомъ, годныхъ въ службу въ остзейскіе гарнизонные полки въ солдаты, а негодныхъ, учиня наказаніе кнутомъ, въ Рогервикъ на работу и въ здѣшнія мѣста на пашню».

5. *Въ измѣненіи и ограниченіи башкирскаго самоуправленія, въ подчиненіи ихъ мѣстныхъ властей, свѣтскихъ и духовныхъ, Русской администраціи.* «Въ жилищахъ башкирскихъ, отъ конхъ воровство было, въ каждой волости вмѣсто волостныхъ старость опредѣлить выборныхъ старшинъ по два, или по три человѣка, и быть имъ съ перемѣною погодно, на которыхъ всякое преступленіе и неисправу взыскивать; также запретить безъ позволенія городовыхъ командировъ сборища дѣлать, а оставить обыкновенный старинный мірской сборъ о Семикѣ, одинъ день съѣзжаться на рѣчкѣ Чесноковкѣ и тогда о нуждахъ мірскихъ совѣтовать и письменно доносить и бить челомъ». Ахунамъ въ Башкирахъ быть по одному на дорогѣ, итого четверымъ, и тѣмъ ахунамъ чинить особыя присяги, дабы имъ о всякихъ худыхъ поступкахъ объявлять и не таить, и никого изъ другихъ вѣръ въ свой законъ не приводить и не обрѣзывать, безъ указовъ мечетей и школъ вновь не строить; а который изъ нихъ ахунъ умретъ, то на его мѣсто съ челобитья, усматривая вѣрности, опредѣлять».

6) Но самымъ надежнымъ средствомъ къ предотвращенію на будущее время возстаній Башкирцевъ противъ Русской власти Кириловъ почиталъ *увеличеніе въ ихъ краю населенія Русскаго происхожденія.* На представленіе его въ этомъ смыслѣ правительство дало такое рѣшеніе: «Хотя по прежнимъ указамъ и по воеводскимъ наказамъ въ Уфимскомъ уѣздѣ земли и угодья у Башкирцевъ покупать и крѣ-

пить не велѣно, однакожъ нынѣ усмотрѣно, что то запрещеніе имъ Башкирцамъ весьма не полезно: того ради, для лучшей ихъ впредь пользы, указали мы то запрещеніе отмѣнить и впредь съ сего указа земли и угодья тамошнимъ жителямъ, дворянамъ и офицерамъ и Мещерякамъ у Башкирцевъ покупать и крѣпить за себя позволить, только въ закладчикахъ не держать ни ясачныхъ, ни свободныхъ Русскихъ и иновѣрцевъ подъ смертною казнію, или ссылкою. А Тептерямъ и Бобылямъ надлежитъ ли въ покупкѣ земель позволеніе дать, о томъ вамъ обще разсмотрѣть и писать со мнѣніемъ». Кромѣ того дозволено было въ тѣхъ мѣстахъ селиться торговымъ и мастеровымъ Рускимъ людямъ, разночинцамъ, отставнымъ солдатамъ, матросамъ и офицерамъ. Въ видахъ умноженія же населенія Закамскихъ земель отставныхъ солдатъ, какъ увидимъ далѣе, рѣшено было селить, и не спрашивая ихъ согласія; туда же для этой цѣли положено было пересылать преступниковъ, подлежавшихъ ссылкѣ въ Сибирь, съ тѣмъ, чтобы однихъ опредѣлять въ нерегулярную службу, другихъ на пашню, третьихъ, которые были осуждены за тяжкія вины, въ тяжкія работы. Въ особенности желали скорѣе заселить Оренбургъ. Для этого къ прежнимъ привиллегіямъ, которыя даны были этому городу, прибавлено еще то, что безпошлинный торгъ продолженъ здѣсь еще на шесть лѣтъ, и купеческимъ людямъ, которые будутъ пріѣзжать сюда, позволено давать подъ товары ссуду на три мѣсяца безъ процентовъ, а на большее время по полупроценту на мѣсяцъ. Колонизаціей при Аральскомъ морѣ указано было повременить, пока «Оренбургъ уфундуется».

Но прежде, чѣмъ можно было уфундовать его, нужно было «сократить» мятежныхъ Башкирцевъ. Кириловъ и Румянцовъ спѣшили воспользоваться данными имъ средствами и указаніями на этотъ счетъ. Безземельные иновѣрцы края явились, какъ и слѣдовало ожидать, къ нимъ съ своимъ содѣйствіемъ въ дѣлѣ укрощенія мятежниковъ. Выгоды, которыя они могли теперь получить за вѣрную службу Русскимъ, быстро привлекли на сторону послѣднихъ многихъ Мещеряковъ и Тептерей. Одинъ Мещерякскій сотникъ, собравъ партію изъ своихъ единоплеменниковъ, искоренилъ до 1000 человѣкъ воровъ и до 100 человѣкъ привелъ плѣнными. Въ концѣ Марта 1736 года самъ Кириловъ выступилъ изъ Уфы къ Табыску, откуда посланныя имъ партіи солдатъ, казаковъ и служилыхъ иновѣрцевъ разорили 148 непріятельскихъ деревень.

Болѣзнь заставила Кирилова оставить поле военныхъ дѣйствій и уѣхать въ Уфу; но и безъ него дѣло сокращенія мятежниковъ продолжалось безъостановочно. Войска, находившіяся подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Румянцева, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ успѣли искоренить до 1000 человѣкъ непріятелей, забрать у нихъ множество скота и другихъ воровскихъ пожитковъ, захватить нѣкоторыхъ предводителей мятежническихъ шаекъ, забрать многихъ другихъ Башкирцевъ въ плѣнъ, изъ коихъ до 500 человѣкъ казнено въ Мензелинскѣ. Императрица въ своемъ указѣ отъ 23 Мая 1736 года, милостиво похваляя за все это Румянцева (1), вмѣстѣ съ тѣмъ выражала желаніе, чтобы онъ, для скорѣйшаго прекращенія мятежа, постарался поймать всякими возможными способами главнаго вора, Кильмяка абыза. Салтанъ Муратъ, одинъ изъ вождей возстанія, незадолго предъ тѣмъ захваченный Русскими, вызвался уговорить Кильмяка принести повинную, если только генералъ отпуститъ его къ этому мятежнику. Румянцевъ на это согласился. Но вмѣсто того, чтобы исполнить свое обѣщаніе, Салтанъ Муратъ соединился съ Кильмякомъ, располагавшимъ тогда толпой тысячъ въ 8 человѣкъ. Въ то время, какъ Румянцевъ стоялъ лагеремъ на р. Нугужѣ, при деревнѣ Урменѣевой (во 120 в. отъ Уфы), Кильмякъ на разсвѣтѣ 29 Іюня съ этой шайкой напалъ на него, произвелъ замѣшательство въ Русскомъ войскѣ, во время котораго до 180 человѣкъ Русскихъ было убито, отогнать лошадей и безъ большихъ потерь удалиться въ глубь Башкиріи. Но это дѣло было единственной удачей, которую имѣли лѣтомъ 1736 г. мятежники, если не считать побѣдъ, одержанныхъ ими надъ своими же единовѣрцами, которымъ мстили за то, что тѣ держали сторону Русскихъ. Во всѣхъ остальныхъ пунктахъ они постоянно должны были уступать непріятелю. Стѣсненные регулярными и нерегулярными полками со всѣхъ сторонъ, выдаваемые своими же единовѣрцами (2) Русскимъ властямъ, отъ которыхъ нельзя было и ждать сни-

---

(1) П. С. З. № 6,972.

(2) «Оставшіеся въ вѣрности Башкирцы, ѣздя партіями по волостямъ и деревнямъ бунтовщиковъ, непрестанно губили ихъ; а главныхъ, также и бунтовщичьихъ женъ и дѣтей въ Мензелинскъ отвозили, гдѣ предводители воровъ были казнены, а жены

хожденія, жалости и состраданія (¹), Башкирцы пришли наконецъ въ великій страхъ и отчаяніе и стали сами приходить къ командамъ, моля о пощадѣ. Началась строгая расправа съ ними. За свои «противности» они должны были теперь платить своимъ достояніемъ: съ нихъ брали лошадей, деньги; у нихъ отбирали женъ и дѣтей для раздачи въ рабство русскимъ офицерамъ, и затѣмъ подвергали ихъ розыску. Бригадиръ Хрущовъ, назначенный на мѣсто Румянцева, который въ Августѣ этого года былъ отозванъ въ армію, отправленную противъ Турокъ, не хотѣлъ знать милосердія. Многіе были имъ казнены лютыми казнями; много умерло отъ пытокъ; до 5 т. человѣкъ отдано было въ солдаты, или сосланы въ каторгу въ Рогервикъ.

Между тѣмъ, какъ такимъ образомъ шло дѣло усмиренія Башкирцевъ, Кириловъ, не смотря на плохое состояніе своего здоровья, дѣятельно занимался выполненіемъ тѣхъ своихъ, одобренныхъ правительствомъ, предначертаній, которыя расчитаны были на предотвращеніе мятежей этого народа на будущее время. Прежде всего онъ почиталъ необходимымъ для этой цѣли основать прочныя русскія земледѣльческо-военныя поселенія въ Башкирскомъ краю. Въ Іюнѣ 1736 года флотскій поручикъ Бахметевъ получилъ отъ него инструкцію, которой ему предписывалось плыть съ командою по рѣкамъ Бѣлой, Камѣ и Волгѣ къ Самарѣ и оттуда, взявъ свѣдущихъ людей, слѣдовать вверхъ по рѣкѣ Самарѣ и по той рѣкѣ построить городки разстояніемъ одинъ отъ другаго на 20, 30, 40 верстъ и въ каждомъ изъ нихъ оставить изъ отправленной съ нимъ команды военныхъ людей, сколько гдѣ возможно. Бахметевъ въ Іюлѣ и Августѣ заложилъ двѣ крѣпости, именно: Красно-Самарскую и Красноборскую. Въ послѣдней онъ сошелся съ самимъ Кириловымъ, который

и дѣти розданы для поселенія во внутреннихъ Россійскихъ городахъ» (Ист. Оренб. Ежем. Соч. изд. I, 212).

(¹) Дѣйствовавшій противъ Башкирцевъ на Ногайской дорогѣ секундъ-маіоръ Останковъ въ горахъ между Яикомъ и Сакмарскомъ «побилъ съ 600 человѣкъ, и женскаго пола не малое число побилъ» (Тамже, стр. 215). «Онъ же на пути отъ Сакмарска къ Табынску отъ 3 по 8 Іюля побилъ 202 человѣка плѣнныхъ, казнилъ и растыкалъ въ деревняхъ ихъ на колья 30 человѣкъ, деревень выжегъ 12» (Тамже стр. 116).

между тѣмъ, по отправленіи изъ Уфы Бахметева, двинулся самъ съ Вологодскимъ полкомъ оттуда по другому направленію, вверхъ по Бѣлой. Въ этомъ своемъ движеніи онъ въ Табынскѣ заложилъ земляной городъ о пяти бастіонахъ и назначилъ тутъ быть мѣдноплавильному заводу, возложивъ устройство его на компанейщика соляныхъ промышленниковъ Осокиныхъ, Утятникова, получившаго извѣстность удачною защитою прежняго Табынскаго городка противъ мятежныхъ Башкирцевъ. Достигнувъ Сакмарскаго казачьяго городка, онъ отправилъ маіора Останкова для основанія казацкаго поселенія при урочищѣ Озерной, подлѣ Яика, которое и дѣйствительно скоро возникло, составившись изъ добровольно поселившихся тутъ Яикскихъ казаковъ. Отъ Сакмарска Кириловъ поворотилъ къ верховьямъ рѣки Самары и, слѣдуя затѣмъ по ея теченію, намѣчалъ мѣста для будущихъ военныхъ поселеній (1), и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ основалъ казацкія станицы. Въ Красносамарской крѣпости, застроенной Бахметевымъ, опредѣлилъ быть городу съ таможнею и магазинами для складки товаровъ, имѣющихъ слѣдовать въ Оренбургъ. Чтобы удобнѣе заняться приведеніемъ въ исполненіе своего колонизаціоннаго плана и въ особенности устройствомъ Оренбурга, онъ почелъ нужнымъ перевести главное управленіе Оренбургской экспедиціей изъ Уфы въ Самару. «Къ населенію въ новыхъ крѣпостяхъ онъ принималъ изъ разныхъ людей охотниковъ, а больше бродящихъ и объявляющихъ о себѣ, что прописные отъ подушнаго окладу, коихъ тогда немалое число имъ Кириловымъ записано и въ тѣ крѣпости съ падлежащею ссудою деньгами и провіантомъ на посе-

---

(1) Проектъ линіи военныхъ поселеній, составленный Кириловымъ, состоялъ въ слѣдующемъ: *По Яику*: Оренбургъ, Губерлинскъ, Озерной, Средней, Бердской, Крыловъ; по *Самарѣ*: Караульный, Верхній, Сорочій, Тоцкой, Бузулукскій, Боркъ, Красносамарскъ; въ эту же линію вошли старыя поселенія: Алексѣевскъ и Самара; *внутри Башкиріи*: Табынскъ, Красноуфинскъ, Елдяцкая, Кубовская; *въ Сибирскую сторону по Оренбургской дорогѣ*: Калмыцкій бродъ, Міясской, Кизылтажскій, Чебаркульской. (Истор. Оренб., прилож. къ 218 стр.).

ніе отправлено» (1). Кромѣ того, какъ уже мы видѣли, матеріалъ для заселенія края Кириловъ думалъ найти въ отставныхъ солдатахъ (2), преступникахъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ, въ служилыхъ людяхъ, оберегавшихъ прежнюю Закамскую линію. Но совершенное устройство линіи и заселеніе, подъ ея прикрытіемъ, башкирскихъ земель Русскими, равно какъ примѣненіе къ дѣлу другихъ мѣръ, направленныхъ къ усмиренію навсегда Башкирцевъ, также устроеніе Оренбурга,—все это выпало на долю другихъ. Въ отношеніи къ Оренбургу и связаннымъ съ его устройствомъ планамъ дальнѣйшей Русской колонизаціи на Востокѣ Кириловъ успѣлъ сдѣлать лишь то, что заготовлены были по его старанію для этого города разные припасы, да рѣшено было имъ отправить подъ видомъ купца, въ Пріаральскій край для его изслѣдованія морскаго капитана, англичанина Эльтона, служившаго при Оренбургской экспедиціи. Чахотка, сильно развившаяся въ немъ, вѣроятно, вслѣдствіе усиленной дѣятельности и непріятностей (3) по службѣ, свела его въ могилу: 16 Апрѣля 1737 года этотъ замѣчательный русскій дѣятель скончался въ Самарѣ, откуда онъ расчитывалъ весной этого года двинуться въ Оренбургъ. «Правду сію по истинѣ надлежитъ ему отдать,—такъ заключаетъ свое описаніе дѣятельности Кирилова и характеристику его какъ общественнаго дѣятеля и частнаго человѣка современный ему, знавшій его близко, историкъ (4), котораго никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ нему, — что онъ о пользѣ государственной, сколько знать могъ, прилежное имѣлъ попеченіе, и труды къ трудамъ до самой своей кончины прилагалъ, предпочитая интересъ государственный паче своего, и что онъ Оренбургской новой линіи, которою не только вся Башкирь нынѣ ограждена, но и вся Казанская губернія и немалая часть Си-

---

(1) Исторія Оренб. Ежемѣс. Соч. 1759 I, 222.

(2) П. С. З. № 7024.

(3) Рычковъ свидѣтельствуетъ, что онъ, «будучи при порученной ему комисіи, пострадалъ и тѣмъ разныя на себя нареканія навлекъ». Истор. Оренб. 225.

(4) Рычковъ служилъ при Кириловѣ бухгалтеромъ экспедиціи. (П. Пекарскаго. Жизнь и литературная переписка Петра Ив. Рычкова (С. П. Б. 1867. стр. 7).

бирской отъ степныхъ народовъ прикрыты, онъ первый дѣйствительное основаніе положилъ» (1).

Дѣло, надъ которымъ безъ отдыху работалъ И. К. Кириловъ, послѣ его смерти, къ счастію, не думали бросать. Въ именномъ указѣ отъ10 Мая 1737 года, которымъ на его мѣсто назначался начальникомъ Оренбургской экспедиціи В. Н. Татищевъ, напротивъ ясно выражено желаніе правительства, «чтобы всѣ исправленія, которыя были поручены Кирилову, безпрерывочное свое продолженіе имѣли», чтобы «въ тѣхъ дѣлахъ, что отъ него Ивана Кирилова предложено и зачато было, какъ въ Башкирскихъ и Оренбургскихъ дѣлахъ и во всякихъ тамошнихъ строеніяхъ и въ поселеніяхъ и въ умноженіи рудокопныхъ дѣлъ, такъ и во всемъ прочемъ, что въ тамошнихъ дѣлахъ ему Кирилову поручено было, никакого упущенія не происходило, но все оное съ наилучшею пользою произведено и исправлено было». Въ лицѣ новаго начальника колонизируемаго мятежнаго края явился достойный преемникъ Кирилова. Подобно ему Татищевъ вынесъ изъ общей для нихъ школы Петра Великаго любовь къ наукѣ (2) и способность къ труду. Если объ немъ нельзя сказать, какъ о Кириловѣ и о знаменитѣйшемъ изъ его преемниковъ по управленію Оренбургскимъ краемъ, Неплюевѣ, что онъ общее благо ставилъ выше всего, если не всегда онъ былъ чистъ на руку, т. е., слѣдуя укоренившемуся въ средѣ тогдашнихъ служилыхъ людей направленію, позволялъ себѣ принимать приношенія, или, что тоже, взятки и корыстоваться незаконно и произвольно насчетъ казны: то съ другой стороны нельзя не признать въ немъ замѣчательныхъ административныхъ способностей, умѣнья всякое дѣло, за какое только брался, вести къ концу надлежащими путями. Не даромъ императрица, поручая ему управленіе Оренбургской экспедиціей, вмѣстѣ съ тѣмъ писала ему, что «всемилостивѣйше полагается на его вѣрное радѣніе и доброе искусство».

Искусства требовалось не мало: нужно было въ одно и тоже время продолжать только что начатое дѣло колонизаціи Закамскаго края, отыскивать тамъ руды, устроивать заводы, завязывать политическія и торговыя сношенія съ среднеазіат-

(1) **Истор. Оренб. стр. 225.**

(2) **Біографическія подробности см. въ сочиненіи Н. Попова: «Татищевъ и его время».**

скими народами и улаживать башкирскія замѣшательства. Ни одно изъ предпріятій, надъ осуществленіемъ которыхъ трудился Кириловъ, не было приведено къ концу; всему былъ данъ только ходъ, для поддержки и успѣшнаго направленія котораго требовалась сильная и опытная рука.

Что касается до колонизаціи края, то Татищевъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія въ колонизаціонномъ планѣ Кирилова. Такъ Красносамарскій городокъ онъ перенесъ на нѣсколько верстъ выше прежняго его мѣста; нѣкоторыя укрѣпленія были возведены вновь; таковы: Тевкелевъ бродъ, впослѣдствіи, при Неплюевѣ, переименованное Новосергіевскою крѣпостію (1), Переволоцкая крѣпость (на верховьяхъ Самары), Татищева крѣпость (при усть ирѣки Камышъ Самары), начатая впрочемъ строеніемъ при Кириловѣ подъ именемъ Камышъ-Самары. Кромѣ того онъ предложилъ продлить линію вверхъ по Яику, который въ своихъ верховьяхъ по его порученію измѣренъ былъ капитаномъ Эльтономъ,—до Верхояикской пристани, и отселѣ по р. Ую до Царева городища, также по р. Сакмарѣ сдѣлать укрѣпленія; мѣсто, назначенное Кириловымъ для Оренбурга, онъ нашелъ неудобнымъ для города, которому усвоялось такое важное назначеніе, и потому предложилъ, оставивъ тутъ только крѣпость, которая потомъ названа Орскою, перенести этотъ городъ къ Красной горѣ ниже устья Ори на 180 верстъ. Но главная задача въ дѣлѣ колонизаціи края состояла не въ одномъ только составленіи удобнаго плана ея, но въ изысканіи матеріаловъ ея, въ отысканіи людей, которыми бы можно было заселить пункты, назначенные подъ русскія поселенія. Мы видѣли, что Кирилову разрѣшено было принимать на поселеніе въ Оренбургъ и прочія тамошнія мѣста свободныхъ людей всякаго званія и состоянія, но что колонизаціонный матеріалъ онъ бралъ наиболѣе въ классѣ людей гулящихъ, который по своей многочисленности и положенію въ государствѣ представлялъ дѣйствительно самый обильный источникъ для колонизаціи. Татищевъ послѣдовалъ примѣру своего предшественника. Онъ охотно сталъ принимать ня поселеніе по линіи этихъ вольныхъ, гулящихъ людей, не считая нужнымъ доис-

(1) Рычковъ. Топографія Оренбургская. Спб. 1762. ч. II, 128.

киваться, откуда и съ чьего дозволенія они пришли въ Закамскія земли, довольствуясь однимъ ихъ заявленіемъ, что они вольные и въ подушный окладъ не положенные люди, и снабжалъ ихъ паспортами для проѣзда на прежнія жилища, чтобы продать имъ тамъ домы и взять съ собою свои семейства. Набралось такимъ образомъ до 2 т. человѣкъ, которые изъявили желаніе поселиться съ своими семействами въ Оренбургскомъ краѣ. Донося объ этомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовалъ предъ правительствомъ, чтобы запрещено было воеводамъ, помѣщикамъ и управителямъ чинить этимъ переселенцамъ помѣхи въ ихъ переселеніи, такъ какъ сдѣлалось ему извѣстно, что они этимъ людямъ не даютъ продавать имущество и отбираютъ скотъ. Но на это донесеніе Татищевъ въ отвѣтъ получилъ отъ правительства строгій выговоръ съ объясненіемъ, что ему «не слѣдовало Великороссійскихъ людей собою принимать на поселеніе, особливо не освидѣтельствовавъ подлинно, какіе они люди, ибо явилось между такими переселенцами много бѣглыхъ, которые, пріѣзжая на свои прежнія жилища, разоряютъ своихъ помѣщиковъ, другихъ крестьянъ съ собою подговариваютъ итти на поселеніе и дѣйствительно уводятъ; отъ чего на прежнихъ ихъ жилищахъ многія деревни и дома запустѣли и въ сборахъ государственныхъ податей явилась недоимка». Пріемъ пришлыхъ людей изъ Великороссіи на поселеніе въ Оренбургскомъ краѣ вслѣдствіе того, что онъ нарушалъ такимъ образомъ интересы Великороссійскихъ помѣщиковъ и оказался противнымъ принятой правительствомъ финансовой системѣ, отселѣ былъ накрѣпко запрещенъ. «А обо всѣхъ тѣхъ, которые въ Казани записались на поселеніе за Камой, велѣно было немедленно и подлинно изслѣдовать и справиться обстоятельно съ тѣми мѣстами, откуда они сошли, и, буде они о себѣ правды, закрывая свое воровство, показать не похотятъ, то розыскивать, и по розыску ушедшихъ изъ Россійскихъ городовъ, какъ и другихъ, чьи бы они ни были, да положенные въ подушный окладъ, развесть, учиня наказаніе по разсмотрѣнію, на прежнія жилища» (1). Позволено принимать на поселеніе только Малороссіянъ, не положенныхъ въ подушный окладъ, при чемъ не требовалось о такихъ охотникахъ наводить справки въ мѣстахъ, откуда они выдутъ, а ве-

(1) П. С. З. № 7514. стр. 414.

лѣно было довольствоваться ихъ собственнымъ о себѣ показаніемъ; да указано было опять на отставныхъ солдатъ и ссыльныхъ, какъ на источникъ, изъ котораго колонизаторы могли черпать матеріалъ для колонизаціи. Но этотъ дозволенный матеріалъ былъ, какъ не замедлило оказаться, весьма непроченъ. Отсюда, между прочимъ, дѣло заселенія края Русскими Татищевъ не могъ вести успѣшно. Не посчастливилось Татищеву и въ его стараніи завязать торговыя сношенія Россіи съ Средней Азіей (¹).

Впрочемъ, кажется, главною задачею своей дѣятельности въ званіи начальника Оренбургской экспедиціи онъ поставилъ усмиреніе Башкирцевъ и совершенное успокоеніе ихъ края. Само правительство требовало отъ него болѣе всего этого. «Вамъ самимъ. извѣстно,—говорится въ указѣ къ нему отъ 9 Іюня 1737 года,—сколько потребно, чтобы башкирскія замѣшанія основательно на предбудущія времена, какъ возможно скорѣе, окончены были, почему для того и полки тамъ опредѣлены, которые бы иначе противъ Турокъ и въ другихъ мѣстахъ не безпотребно быть могли». Татищеву не впервые приходилось имѣть теперь дѣло съ мятежными Башкирцами: еще будучи начальникомъ Екатеринбургскихъ заводовъ, онъ принималъ весьма полезное участіе въ усмиреніи Зауральскихъ Башкирцевъ; вмѣстѣ съ Тевкелевымъ онъ достигъ тогда того, что всѣ Зауральскіе Башкирцы принесли повинную, а

(¹) Въ бытность свою въ Орской крѣпости Татищевъ, при личномъ свиданіи съ Киргизъ-Кайсацкимъ ханомъ Абулъ-Хаиромъ, убѣдилъ его содѣйствовать укрѣпленію торговыхъ связей Русскихъ съ азіатскими народами. Вслѣдствіе этого отправленъ былъ торговый караванъ съ товарами на сумму около 20 т. рублей, между которыми и казенныхъ было тысячи на три. При этомъ караванѣ, главное наблюденіе надъ которымъ поручено было цоручику Миллеру, находился и геодезистъ, долженствовавшій описать тотъ край. Не доѣзжая до Ташкента на два дня пути, этотъ караванъ былъ разграбленъ однимъ старшиной Большой орды; люди, бывшіе при немъ, были взяты въ плѣнъ, и только благодаря посредничеству одного знатнаго Киргиза Средней орды, получили свободу, не получивъ назадъ пограбленныхъ у нихъ товаровъ. (Истор. Оренб. Ежем. соч. 1759. I, 331—535.—П. С. З. № 7885).

предводители ихъ, батырь Юсупъ Арысковъ и Сабинъ Безрукій попалась въ руки русскихъ властей и отданы были подъ караулъ. Ко времени вступленія Татищева въ должность начальника Оренбургской экспедиціи башкирское волненіе вообще значительно поулеглось; всѣ почти предводители возстаній и въ томъ числѣ главнѣйшій изъ нихъ, Кильмякъ абызъ,—который въ февралѣ 1737 года (1) былъ пойманъ въ Табынскѣ коммиссаромъ Утятниковымъ и привезенъ былъ въ Мензелинскъ вѣрными старшинами Кедрясемъ и Мрясемъ,—были въ рукахъ Русскихъ. Кое гдѣ только бродили шайки, которыя подъ защитою мѣстныхъ условій продолжали упорствовать противъ Русскихъ, нападая впрочемъ преимущественно на тѣхъ своихъ единовѣрцевъ, которые по какимъ либо побужденіямъ выказали покорность Русской власти. Генералъ-маіору Соймонову, бывшему предъ тѣмъ Астраханскимъ вицегубернаторомъ, незадолго до смерти Кирилова назначенному на мѣсто Хрущова, поручена была Башкирская Коммиссія, т. е., главная команда въ поискахъ за мятежниками.

---

(1) Утятниковъ игралъ довольно важную роль во время Башкирскихъ мятежей. Онъ былъ родомъ Балохонскій купецъ и занимался вмѣстѣ съ своими земляками Винокуровымъ и Осокиными съ 1730 года соляннымъ промысломъ въ Башкиріи, въ Табынской волости, на рѣчкѣ Усолкѣ, гдѣ впрочемъ это товарищество только возобновило заводъ, заведенный еще гораздо ранѣе и созженный въ 1707 г. мятежными Башкирцами. Возобновленный ими въ 1735 году заводъ снова былъ разоренъ и разграбленъ Башкирцами. Тогда Утятниковъ съ своими людьми перешелъ на Бѣлую рѣку въ новопостроенный малый острожекъ, изъ котораго бился непрерывно съ Башкирцами, дѣлавшими неоднократно попытки овладѣть имъ (П. С. З. № 7318). Рычковъ добавляетъ, что этотъ промышленникъ, пожалованный за такую стойкость противъ непріятеля коммиссарскимъ чиномъ, успѣлъ поймать главнаго вождя возстанія Кильмяка абыза посредствомъ хитрости: онъ, притворно подружившись съ Кильмякомъ, залучилъ его хитрымъ образомъ къ себѣ въ крѣпость и, задержавъ тутъ, отправилъ подъ крѣпкимъ карауломъ въ Башкирскую коммиссію, т. е., къ Соймонову. «Но наконецъ онъ Утятниковъ впалъ въ явный расколъ, въ коемъ и жизнь несчастно окончилъ». (Топограф. Оренб. ч. II, стр. 209).

Вскорѣ послѣ того, какъ генеральный совѣтъ, составленный Татищевымъ въ Мензелинскѣ 14 іюля 1737 г., между прочимъ постановилъ, чтобы этотъ генералъ занялъ главную квартиру въ Табынскѣ,—для него нашлась работа: 27 іюля Соймоновъ получилъ извѣстіе, что батырь Кусяпъ, Сеитбай и Рыссабай, составивъ шайку человѣкъ въ 500, сдѣлали нападеніе на расположенную вблизи ихъ селеній команду, при чемъ убили 11 человѣкъ; немедленно онъ выступилъ съ своею командою противъ этихъ воровъ; разосланныя имъ партіи нѣсколько мятежниковъ побили и захватили въ плѣнъ. «Пойманные страшными казнями, какъ то отсѣченіемъ рукъ и ногъ и вырѣзаніемъ языковъ и посовъ у него Соймонова казнены» (²). За это звѣрство Кусяпъ, Сеитбай и Рыссабай отмстили Русскимъ тѣмъ, что съ своей шайкой неожиданно напали на самого Соймонова и убили изъ его отряда 15 человѣкъ. Этимъ впрочемъ успѣхъ мятежниковъ и ограничился. Когда Соймоновъ привелъ свой отрядъ въ порядокъ и открылъ противъ нихъ наступленіе, то они въ великомъ страхѣ разбѣжались въ находившіеся по близости лѣса, при чемъ одинъ изъ воровъ, наткнувшись на дерево, тутъ же повѣсился.

Однакоже этимъ башкирскія замѣшательства еще не кончились: примѣшалось обстоятельство, которое усложняло дѣло: «Киргисъ-кайсацкій ханъ, говоритъ Рычковъ, увѣдомясь о замѣшаніи башкирскомъ и что оные воры искореняются, пріѣхалъ съ нѣсколькими Киргизцами въ Башкирію подъ видомъ того, чтобы оной народъ отъ замѣшанія удержать и успокоить, а въ самой вещи, какъ то послѣ явно учинилось, искалъ сего, чтобы одного изъ своихъ дѣтей въ Башкиріи ханомъ учинить, обнадеживая Башкирскій народъ, что онъ одинъ въ состояніи у Е. И. В—ва упросить ему всемилостивѣйшее прощеніе, и за то обиралъ у нихъ многіе подарки и былъ чрезъ всю слѣдующую зиму въ Башкиріи». Это обстоятельство заставило Татищева принять непосредственное участіе въ дѣлѣ усмиренія края. Впрочемъ военный совѣтъ, собранный въ Декабрѣ 1737 года, не нашелъ возможнымъ, по случаю зимняго времени, предпринять противъ непокорныхъ какія либо рѣшительныя дѣйствія; на немъ только положено было: сдѣлавъ надлежащія приготовленія къ поискамъ за мятежниками, которые должны были открыться съ наступленіемъ весны, затѣмъ постараться выпроводить какъ нибудь изъ Башкиріи Киргизъ-Кайсацкаго хана, чтобы тѣмъ

ослабить связь между Башкирцами и Киргизъ-Кайсаками, которая вслѣдствіе пребыванія хана въ Башкирскомъ краѣ и замысловъ его получала опасный для Русскихъ характеръ; къ Башкирцамъ же положено было разослать грамоты за подписаніемъ и печатями главныхъ командировъ такого содержанія: «если предводители непокорныхъ Башкирцевъ хотятъ отъ Е. И. В—ва получить себѣ и своимъ родамъ милость, то бы сами явились съ повинной въ крѣпости къ командирамъ въ теченіе Генваря, куда кому ближе; если же они не захотятъ это сдѣлать, то другія волости и роды, буде не желаютъ съ ними погибать, этихъ главныхъ вождей поймавъ, въ крѣпости привели бы, или убивъ, головы ихъ привезли бы; ежели того не учинятъ, то никакая ихъ покорность за правильную принята не будетъ; но всѣ тѣ волости и роды безъ всякаго помилованія отъ войскъ Е. И. В—ва огнемъ и мечемъ сокрушены, а дѣти ихъ въ Русскіе города разселены будутъ». Съ трудомъ, но успѣли выпроводить изъ Башкиріи непрошеннаго помощника дѣла замиренія этого края; манифестъ же, разосланный командирами по башкирскимъ волостямъ, произвелъ лишь то дѣйствіе, что явилось только нѣсколько Башкирцевъ съ повинной; вліятельнѣйшіе воры не думали приходить въ русскія крѣпости, а присылали вмѣсто того отъ себя командирамъ письма, въ которыхъ просили объ освобожденіи пойманныхъ Кильмяка абыза и Юсупа, обѣщая за это покорность. Еще прежде на военномъ совѣтѣ, бывшемъ въ Декабрѣ, предлагалъ освободить захваченныхъ главныхъ мятежниковъ Уфимскій воевода Шемякинъ, представляя, что этою мѣрою скорѣе всего можно привести Башкирцевъ къ покорности. Совѣтъ отвергъ эту мѣру, какъ слишкомъ рисковую. Теперь опять, съ другой стороны, поднималась рѣчь о томъ же. Татищевъ представилъ это обстоятельство на разрѣшеніе въ С. Петербургъ. Въ отвѣтъ на это представленіе его послѣдовалъ 17 Марта 1738 года именный указъ, въ которомъ согласно съ мнѣніемъ самого Татищева объяснено было: «что касается до того, чтобы измѣнниковъ не казнить и взятыхъ Кильмяка, Юсупа и Акая съ сыномъ отпустить: то тѣхъ начальниковъ безъ совершеннаго усмиренія края отпустить весьма сомнительно, того ради мочно вамъ имъ Башкирцамъ подробно толковать, какія отъ тѣхъ воровъ имъ самимъ бѣды происходили, и что хотя за ихъ измѣну и великія преступленія надлежало ихъ жестокою

смертію казнить, однакоже изъ высочайшаго нашего милосердія и для прошенія ихъ вѣрныхъ то не учинено, и казнены не будутъ». Впрочемъ хотя этихъ главныхъ воровъ до окончательнаго успокоенія края такимъ образомъ не велѣно было отпускать на свободу, но за то позволялось, держа ихъ подъ карауломъ,, содержать «съ нѣкоторымъ довольствомъ», и объявить Башкирцамъ, «что, когда все успокоится, и всѣ, какъ вѣрнымъ подданнымъ надлежитъ, будутъ жить въ покоѣ и послушаніи, тогда и въ свободѣ ихъ милость воспослѣдовать можетъ». Что касается до другихъ воровскихъ старшинъ, то объ нихъ было указано: «которые сами явятся, не удерживая отпущать», лишая только ихъ должности старшинъ, а на ихъ мѣста опредѣляя «изъ тѣхъ, которые въ воровствѣ не были и въ вѣрности находились» (1). Впрочемъ межъ тѣмъ, какъ шла переписка относительно предводителей мятежа, Татищевъ призналъ нужнымъ одного изъ нихъ, именно Юсупа, освободить изъ подъ караула. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее обстоятельство: на Сибирской дорогѣ, гдѣ главнымъ двигателемъ возстанія былъ этотъ Юсупъ, собралась толпа тысячи въ двѣ человѣкъ и стала грабить свою же братью, тѣхъ Башкирцевъ, которые не принимали участія въ мятежѣ. Эти послѣдніе также обратились къ Татищеву съ прошеніемъ объ освобожденіи Юсупа, увѣряя, что только этимъ можно успокоить воровъ. Татищевъ согласился, и дѣйствительно съ прибытіемъ Юсупа на Сибирскую дорогу тамъ на нѣкоторое время волненіе стихло, но когда снова тамъ стали обнаруживаться признаки смуты, то Соймоновъ, заподозривъ участіе въ этомъ воровствѣ Юсупа, почелъ нужнымъ, снесясь предварительно съ Татищевымъ, опять прибрать къ рукамъ этого Башкирца, который вскорѣ послѣ того вмѣстѣ съ двумя другими мятежниками Кильмякомъ и Акаемъ вслѣдствіе указа, полученнаго изъ Кабинета, отправленъ былъ въ С. П. Б-гъ (2). Другіе вліятельные мятежники послѣ того частію вслѣдствіе обѣщанія правительства прощенія имъ, если они добровольно принесутъ вину свою, частію же вслѣдствіе того, что увидѣли невозможность держаться съ своими шайками противъ отрядовъ, разосланныхъ по разнымъ пунктамъ Сой-

(1) П. С. З. № 7,542 п. 5 и 6-й.

(2) Истор. Оренб. 304—305.

моповымъ, — одинъ за другимъ сами стали являться къ командирамъ съ повинною. Такую повинную принели предводители возстанія на Ногайской дорогѣ, Сейтбай, Рыссабай и Кусипъ батырь и вслѣдъ за нимъ заправлявшіе мятежомъ на Сибирской дорогѣ, послѣ того, какъ Юсупъ былъ схваченъ,—Елдашъ мулла, Чурашъ и Мандаръ (1).

Чтобы на будущее время предотвратить въ Башкиріи мятежъ, такимъ образомъ сокращавшійся, и не дать мятежному настроенію населенія этого края противъ Русскихъ, теперь въ значительной степени подавленному, проявиться съ новой силою, Татищевъ, подобно Кирилову, считалъ нужнымъ произвести измѣненія въ администраціи этого края. До сихъ поръ Башкирцы были управляемы изъ одной Уфы. Это было неудобнымъ въ томъ отношеніи, что Уфимскій воевода не имѣлъ достаточно средствъ усльдить за всѣмъ тѣмъ, что совершалось тутъ среди непріязненнаго Русской власти инородческаго населенія; съ другой стороны приписанные къ одной Уфѣ, сходясь по разнымъ дѣламъ къ одному и тому начальству, Башкирцы чрезъ то имѣли возможность поддерживать единеніе своихъ интересовъ; какъ бы то впрочемъ ни было, уже на генеральномъ совѣтѣ, который Татищевъ собралъ въ Іюлѣ 1737 года въ Мензелинскѣ и въ которомъ засѣдали кромѣ генерала Соймонова, Уфимскаго воеводы Шемякина, полковниковъ Тевкелева и Бердекеевича, и другіе штабъ-офицеры, было признано «весьма нужнымъ Башкирцевъ подъ разные суды и правленія раздѣлить». Вслѣдствіе того положено было: въ Осѣ быть особому, подъ вѣдомствомъ Уфимской провинціи, воеводѣ, и, приписать къ его округу «дворцовыхъ мужиковъ до Сарапуля, подчинивъ ему и Уфимскаго уѣзда Гайнинскую волость, да изъ Казанскаго по рѣкѣ Сивѣ ясачныхъ, гдѣ наиболѣе бѣглыми населено, и, за отдаленіемъ отъ Казани, въ безстрашіи великое воровство отъ нихъ происходитъ»; изъ Красноуфимской крѣпости также образовать особый пригородъ Уфы, приписавъ къ сему деревни и волости, которыя по близости къ нему; учредить Исетскую провинцію и въ ней быть особому провинціальному воеводѣ въ Чебаркулѣ, отнеся въ его вѣдомство Исетскій, Окуневскій и Шадринскій уѣзды и также всѣхъ Зауральи-

(1) Также; 391.

скихъ Башкирцевъ по р. Аю и вершинамъ Яика и подчинивъ его, какъ и Уфимскаго воеводу, непосредственно вѣдомству Оренбургской экспедиціи; Пермскаго провинціальнаго воеводу изъ Соликамска перевести въ Кунгуръ и приписать къ его управленію изъ вѣдомства Екатеринбургскаго три острога, Нижній и Верхній Бисертскіе, Кленовскій и живущихъ между ними Верхотурскихъ ясачныхъ Татаръ и Черемисъ. Кромѣ того признано было на этомъ совѣтѣ необходимымъ, чтобы воеводы не только провинціальныхъ городовъ, но и пригородовъ назначались непосредственно Сенатомъ, ибо «посылаемыхъ отъ губернаторовъ воеводъ Башкирцы не весьма слушаютъ, поставляя, яко бы оные безъ воли Е. И. В. отъ губернаторовъ ставятся, да въ губерніяхъ часто случается, что и послать на такое мѣсто способнаго не сыщется, и за недостаткомъ посылаютъ такихъ, отъ которыхъ болѣе вреда, нежели пользы происходитъ»; наконецъ постановлено «воеводамъ и приказнымъ служителямъ на первое время до разсмотрѣнья жалованье опредѣдить, а съ Башкирцевъ подарки и взятки брать жестоко запретить, дабы отъ того впредь какого вреда не произошло» (1). Всѣ эти постановленія совѣта удостоились высочайшаго утвержденія. Совѣтъ хотѣлъ и изъ Мензелинска сдѣлать провинціальный городъ, приписавъ къ нему особый уѣздъ, и даже расписано было, какія именно къ этой провинціи должны принадлежать поселенія и составлена была даже карта предположенной Мензелинской провинціи. Но это предложеніе совѣта не получило въ С. Петербургѣ утвержденія (2). Кабинетъ министровъ, признавая такимъ образомъ весьма полезнымъ описанное административное дробленіе земель, гдѣ жили Башкирцы, съ своей стороны сильно безпокоился обычаемъ этого народа на съѣздахъ рѣшать общія башкирскія дѣла. Мы видѣли уже, что еще въ то время, какъ Кириловъ управлялъ Оренбургской экспедиціей, положено было этотъ обычай Башкирцевъ поставить въ извѣстныя ограниченія. Но формами ограниченія, предложенными Кириловымъ, теперь не довольствовались. Еще прежде, чѣмъ состоялось утвержденіе выработаннаго генеральнымъ совѣтомъ проекта новаго административнаго дѣленія Башкирскаго края, Татищевъ

(1) П. С. З. № 7347.

(2) Истор. Оренб. 297. П. С. З. № 7914.

получилъ указъ, въ которомъ относительно Башкирскихъ съѣздовъ правительство сообщало ему такія свои соображенія. «Въ прошломъ 1737 году 11 Февраля въ нашемъ, отправленномъ къ генералу Румянцеву и ст. сов. Кирилову между прочими дѣлами въ 13 пунктѣ написано, чтобы Башкирцамъ запретить безъ позволенія городовыхъ командировъ сборища, а оставить обыкновенный старинный мірской сборъ, о Семикѣ, одинъ день съѣзжаться къ рѣчкѣ Чесноковкѣ, и тогда о нуждахъ мірскихъ совѣтовать и письменно доносить и бить челомъ. А понеже воры и зачинщики зла между Башкирцами всѣ шалости и возмущенія во время тѣхъ своихъ сборищевъ начинаютъ, внушая простому народу вымышленныя пользы, которыя народъ принявъ за истину, во всемъ по ихъ волѣ поступаетъ, и никакъ ихъ отъ того отвратить невозможно, какіе бы праведные резоны послѣ того ни объявлены имъ были, развѣ огнемъ и мечемъ, какъ то изъ нынѣшняго ихъ бунта видно, что, повѣря одному Кильмяку абызу, и донынѣ успокоиться не могутъ: того ради заблагоразсудили мы вамъ сообщить, чтобы вы искали потребнѣйшихъ способовъ, не возможно ли тотъ ихъ мірской сборъ вовсе отставить, а совѣтовать бы въ каждой волости особливо о дѣлахъ волостныхъ: а ежели за какими препятствіями отвратить ихъ отъ того невозможно, то хотя до времени поодинова въ году генеральному сбору и позволить быть, однакожъ бы о томъ давали они знать за нѣсколько времени по близости Уфимскому воеводѣ, о какихъ дѣлахъ имъ нужно совѣтовать, и требовать, чтобы при томъ былъ одинъ офицеръ съ нѣсколькими солдатами и съ тамошними казаками; а безъ того такіе генеральные сборы весьма имъ запретить; а съ котораго времени начать сіе въ дѣйство приводить, то полагается на ваше разсужденіе» (1). Не видно, чтобы Татищевъ исполнилъ это желаніе правительства. По самому впрочемъ положенію дѣлъ въ краю не предстояло еще пока въ томъ надобности: общіе башкирскіе съѣзды не могли составляться, когда страна не была еще совершенно замирена, когда само инородческое населеніе ея раздѣлено было на два враждебныя лагеря, когда между вѣрными и мятежными Башкирцами шла ожесточенная борьба. Прежде слѣдовало привести въ спокой-

(1) П. С. З. № 7278.

ствіе край, ослабить тяжелое дѣйствіе на его населеніе тѣхъ послѣдствій, которыми сопровождался мятежъ. Край этотъ былъ разоренъ. Множество деревень было вызжено, и народъ скрывался въ горахъ и лѣсахъ. Контрибуціи, которыя налагали на Башкирцевъ Русскіе и отъ которыхъ не освобождались и вѣрные, многочисленные аресты обвинявшихся въ измѣнѣ, злоупотребленія и жестокости, которыя позволяли себѣ Русскіе въ походахъ по башкирскимъ волостямъ, привели и инородческое населеніе края въ безпомощное состояніе, изъ котораго безъ содѣйствія сильной власти оно не могло выйти. Эта власть конечно не могла не протянуть руку помощи Русскому населенію этого края и смежныхъ областей, сильно пострадавшему вслѣдствіе мятежа: пришлось сборъ недоимокъ съ Русскихъ обитателей Уфимской провинціи, которыя въ другихъ областяхъ взыскивались съ безпощадною строгостію, отсрочить на неопредѣленное время (1); пришлось русскимъ соляным промышленникамъ балахонцамъ, Ефрему Винокурову, Василію и Петру Осокинымъ съ товарищи предоставить право безпошлинной торговли разными товарами по 1742 годъ, чтобы дать имъ возможность восполнить часть убытковъ (25,758 р.), понесенныхъ ими вслѣдствіе разоренія ихъ завода Башкирцами (2); но въ тоже время признали возможнымъ и по отношенію къ инородцамъ измѣнить образъ дѣйствій, которому слѣдовали съ начала мятежа и который носилъ характеръ мстительности и долженствовалъ привести это населеніе къ совершенному обѣднѣнію, общественному и нравственному разложенію. Не одно чувство милосердія и состраданія побуждало правителей ослабить прежнюю систему дѣйствія по отношенію къ Башкирцамъ: нашли, что послѣдняя невыгодна и Русскимъ; событія показали, что жестокости по отношенію къ участникамъ мятежа не всегда приводили къ цѣли, съ какою совершались, т. е., не въ состояніи были уничтожить въ Башкирскомъ населеніи мятежный духъ. Уже Кириловъ, предложившій самыя суровыя мѣры по отношенію къ Башкирскому населенію, наконецъ увидѣлъ надобность ослабить систему строгостей, экзекуцій и контрибуцій; не за долго до своей кончины онъ составилъ универсалъ, кото-

(1) П. С. З. № 7251.

(2) Тамже № 8318.

рый намѣренъ былъ разослать по башкирскимъ волостямъ и въ которомъ объявлялось Башкирцамъ, что болѣе не будутъ штрафа съ нихъ спрашивать и на службу наряжать ихъ, и что жито имъ на сѣмена продавать позволено (1). Татищевъ вскорѣ по вступленіи въ должность начальника Оренбургской экспедиціи отъ имени императрицы разослалъ по волостямъ манифестъ, въ которомъ написано: «Мы по челобитью вѣрныхъ Башкирцевъ повелѣли штрафныхъ лошадей съ вѣрныхъ половину сложить и для извѣстныхъ имъ разореній на службу ихъ не посылать; которые же доднесь къ присягѣ не явились и покамѣстъ не явятся и ружья и коней, взятыхъ ими, не отдадутъ, отъ штрафа не увольнять; а когда посланные на Ай старшины возвратятся, то ежели они достальныхъ воровъ усмирятъ, то съ нихъ и другая половина штрафа сложена будетъ». Въ тоже время изданъ былъ указъ, которымъ разрѣшалась продажа хлѣба Башкирцамъ на сѣмена (2). Такъ какъ Башкирцы терпѣли часто не мало убытковъ отъ русскихъ сборщиковъ, то, чтобы избавить ихъ отъ того на будущее время, онъ исходатайствовалъ высочайшее опредѣленіе, въ силу котораго не велѣно было посылать цѣловальниковъ и ясачниковъ въ башкирскія жилища для сбора ясака и пошлинъ, а велѣно было этотъ сборъ вѣдать старшинамъ (3). Онъ предложилъ также потомъ уравнять Башкирцевъ въ подводной повинности съ Мещеряками и Черемисами, получившими нѣкоторыя льготы въ ущербъ тѣмъ со времени ихъ возстанія (4). Наконецъ Татищевъ обратилъ вниманіе на чрезвычайно важное обстоятельство, касавшееся имущественныхъ отношеній въ краю. Дѣло въ томъ. Прежнія основанія владѣнія въ Башкиріи поземельною собственностію и утверждавшійся на нихъ мѣстный общественный строй потрясены были до глубины корней узаконеніями, вышедшими въ то время, какъ Кириловъ управлялъ экспедиціей. Исключительное право Башкирцевъ на владѣніе землями рушено было навсегда. Многими землями, принадлежавшими имъ, поспѣшили завладѣть дотолѣ безземельные Мещеряки, Чуваши,

---

(1) П. С. З. № 7278.

(2) Тамже.

(3) Тамже № 7542 п. 1-й.

(4) Тамже п. 2-й.

Черемисы, а также и Русскіе, иные на основаніи узаконенія, по которому земли мятежныхъ Башкирцевъ отходили къ вѣрнымъ Мещерякамъ, другіе лишь подъ этимъ предлогомъ, третьи въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ какомъ указано надѣлять вѣрныхъ землями башкирскими. Необходимо должны были возникнуть по окончаніи мятежа многіе споры изъ за земель между старыми ихъ владѣльцами и новыми. Татищевъ представилъ правительству о необходимости принять какія либо мѣры въ отвращеніе этихъ споровъ. Кабинетъ-министровъ отвѣчалъ ему на то: «что надлежитъ до разобранія Башкирцевъ съ Мещеряками, Чувашею и прочими въ земляхъ, то сіе дѣло весьма деликатное, отъ котораго вновь впредь легко новыя замѣшательства произойти могутъ: того ради надлежитъ вамъ объ оныхъ съ довольнымъ уваженіемъ о пристойныхъ средствахъ стараться, чтобы Мещеряки за ихъ нынѣшнюю вѣрность въ прежнее Башкирцамъ порабощеніе не пришли, а и Башкирцы вовсе обижены не были; однакожъ понеже здѣсь о тамошнихъ дѣлъ состояніи совершенное извѣстіе не имѣется: того ради сіе оставляется на общее ваше тамошнее разсужденіе» (1). При этомъ Кабинетъ предоставлялъ Татищеву привести въ исполненіе его намѣреніе размѣжевать пожалованныя Мещерякамъ земли; но переселеніемъ Мещеряковъ въ другія мѣста и особливыя деревни, которое Татищевъ думалъ произвести, вѣроятно, въ видахъ устраненія споровъ изъ за земель между ними и Башкирцами, велѣно было ему обождать, пока на основаніи описанія земель Башкирскихъ и Мещерякскихъ не будетъ сдѣлано основательное о томъ опредѣленіе. Что касается до Россійскихъ людей какъ пріѣзжихъ изъ другихъ уѣздовъ, такъ и тамошнихъ жителей, которые нанимали у Башкирцевъ земли и воды и теперь этими землями и водами стали владѣть своевольно, какъ полною собственностію, то правительство на этотъ счетъ не дало Татищеву положительнаго рѣшенія, предоставивъ ему составить о томъ зрѣлое разсужденіе, а до того времени рекомендовавъ ему руководиться въ этомъ дѣлѣ такимъ правиломъ: «которыя земли и воды у вѣрныхъ Башкирцевъ отъ Русскихъ наймованы, за оныя велѣть по договору заплатить безъ отговорки; а которыя земли и воды у бунтовщиковъ наймованы, за

(1) Тамже п. 3-й.

оныя платить нынѣ не велѣть до другаго впредь опредѣленія» (1). Чрезъ годъ правительство по этимъ вопросамъ дало наконецъ положительное рѣшеніе въ смыслѣ представленія Татищева, а именно: «землями, взятыми у Башкирцевъ и отданными Мещерякамъ за ихъ вѣрность владѣть имъ Мещерякамъ вѣчно безъ платежа ясака; Мещеряковъ, Татаръ и Чувашъ поселить особыми деревнями. А гдѣ Русскіе и другіе люди у Башкирцевъ отхожія угодья, рыбныя ловли, сѣнные покосы и прочее погодно нанимали, оными угодьи владѣть Башкирцамъ по прежнему; а ежели въ наймы кому отдавать будуть, и такія отдачи записывать въ ближнемъ городѣ, гдѣ способно» (2).

Указъ, между прочимъ заключавшій и это опредѣленіе, хотя состоялся и вслѣдствіе представленія Татищева, поступилъ на имя уже новаго начальника Оренбургской экспедиціи. Вскорѣ послѣ того, какъ онъ удаленъ былъ отъ этой должности и, вслѣдствіе разныхъ обвиненій его въ противозаконныхъ поступкахъ, взведенныхъ нѣкоторыми лицами, бывшими при экспедиціи (3), правительство возвратилось относи-

---

(1) Тамже; п. 4.

(2) Тамже; № 7876 п. 10. Ук. 20 Авг. 1739 г.

(3) Изъ сенатскаго доклада о винахъ Татищева видно, что одной изъ важныхъ причинъ его удаленія отъ дѣлъ и назначенія суда надъ нимъ послужило столкновеніе его съ помощниками его по управленію Оренбургскимъ краемъ, полковниками Тевкелевымъ и Бардекеевичемъ, которыхъ онъ хотѣлъ заставить служить, строго сообразуясь съ закономъ, самъ же позволяя себѣ сообразовать свою начальническую дѣятельность и съ собственными, не всегда оправдываемыми закономъ, соображеніями. Тѣ нашли средства и пути съ успѣхомъ для себя вести возникшую вслѣдствіе того борьбу между ними и Татищевымъ. Правда многія обвиненія, взведенныя на Татищева Тевкелевымъ и Казанскимъ купцомъ Иноземцевымъ, Сенатъ призналъ неосновательными; но нашлось помимо этого много фактовъ, послужившихъ къ обвиненію его въ непорядочныхъ поступкахъ, во взяткахъ и обидахъ. Такъ, ставилось ему въ вину то, что онъ самопроизвольно дѣлалъ на казенный счетъ постройки, при отправленномъ въ Ташкентъ караванѣ посылалъ свои товары, сѣкъ плетьми одного протоколиста безъ канцелярскаго опредѣленія, бралъ съ купцовъ въ Орен-

тельно Башкирцевъ къ системѣ суровыхъ мѣръ и безпощаднаго истребленія огнемъ и мечемъ всякаго проявленія непокорности среди этого народа. Мы не можемъ къ сожалѣнію объяснить, отъ чего такъ быстро произошла перемѣна во взглядахъ правительства на Башкирскій вопросъ. Впрочемъ

бургѣ взятки на 195 рублей; что въ Красносамарскѣ, Красноборскѣ и въ Бузулукѣ отдалъ одному купцу питейную продажу противъ прежняго платежа съ уменьшеніемъ на 50 р. 21 коп.; что въ 1737 г. купя себѣ шесть лошадей сѣрыхъ, за негодностію взялъ въ казенныя и свыше положенныхъ въ статьѣ лѣтъ; что тогда же подъ образомъ покупки перстня съ подполковника Бахметева взялъ денегъ 300 р. и въ то число отдалъ 200 р., а достальныхъ не заплатилъ; что пойманнаго съ отгонными краденными отъ Абулхаира хана лошадьми башкирца отпустилъ безъ слѣдствія и взялъ двѣ лошади; такожъ съ Киргизцовъ и ханскихъ дѣтей бралъ лошадьми, всего семь; съ двухъ казаковъ взялъ двѣ лошади; съ атамана Кабанки и есаула Бородина и отъ старшинъ взялъ 40 волковъ да двѣ лошади; съ купца Кубыликина взялъ за выдачу за поставочное подрядное вино денегъ во взятокъ 300 р.; купленныя ему красныхъ кожъ 50 юфтей, кои были привезены въ Оренбургъ на казенномъ коштѣ, продалъ въ казну и сверхъ покупной цѣны взялъ отъ каждой юфти по рублю; воровъ и бунтовщиковъ башкирцевъ двухъ человѣкъ, взявъ съ нихъ двухъ иноходцевъ, изъ подъ караула отпустилъ; главныхъ бунтовщиковъ-заводчиковъ, башкирскихъ старшинъ Аиш-бая, Юсупа Никаева, не отославъ въ Коммиссію башкирскихъ дѣлъ къ слѣдствію и розыску, по просьбѣ вѣрныхъ старшинъ, отпустилъ; по силѣ учиненнаго въ 1736 году консиліума—о выступленіи для скорѣйшаго прекращенія и искорененія башкирскаго бунта въ 1737 году весною ранѣе всѣмъ командамъ,—не исполнилъ и назначенныхъ къ тому консиліуму 3000 крестьянъ не собралъ и по границѣ къ опредѣленнымъ въ крѣпостяхъ заводамъ и деревнямъ офицерами не распредѣлилъ и отъ того учинилъ великую оплошность; неправильно арестовалъ, подвелъ подъ слѣдствіе и судъ полковника Бардекеевича, неосновательно обвинивъ его «въ нерадѣтельныхъ поступкахъ и въ удержаніи у себя взятыхъ башкирскихъ лошадей, скота и прочаго». См. приложеніе 1 къ книгѣ г. Пекарскаго. «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова». Спб. 1867 г.

подобные внезапные переходы его въ теченіи XVIII столѣтія отъ одного къ другому, совершенно противоположному направленію и относительно другихъ вопросовъ государственнаго управленія были явленіемъ обыкновеннымъ. Надо замѣтить и то, что сами Башкирцы подали поводъ правительству къ измѣненію образа дѣйствій по отношенію къ нимъ. Великодушіе, которое во время управленія Татищева Оренбургской экспедиціей оказалъ имъ сильный ихъ врагъ, пощадя жизнь предводителей мятежа, объявивъ полное прощеніе всѣмъ другимъ участникамъ его, взявъ на себя охрану поземельной ихъ собственности, не особенно, какъ видно, они цѣнили, справедливо находя, что онъ, этотъ врагъ, приноситъ къ нимъ учрежденія, подрывающія основы ихъ быта и долженствовавшія со временемъ поставить ихъ въ такое же положеніе, въ какомъ находились ихъ единовѣрцы въ Приволжьи. Они не думали мириться съ мыслію, что время прежнихъ ихъ вольностей, прежнихъ условій ихъ быта для нихъ прошло; ихъ не покидали мечты о возможности отстоять этотъ бытъ противъ Русскихъ и добиться независимости отъ Русской власти. Уроки, которые задали имъ Русскіе въ послѣдніе три года, мало подѣйствовали на этотъ народъ; они не трогались страшными, неопровержимыми доказательствами, которыя представилъ имъ ходъ послѣдней борьбы ихъ съ Русскими, что эта борьба имъ не по силамъ,—и открыли опять мятежъ. Первое проявленіе духа непокорности въ Башкирцахъ Русской власти на этотъ разъ обнаружилось вслѣдствіе попытки правительства переписать Башкирское населеніе. Генералъ Соймоновъ, на котораго возложено было это дѣло, отъ 11 апрѣля 1739 года доносилъ въ С. Петербургъ, что не надѣется, «чтобы Башкирцы въ перепись себя допустили, а паче Сибирская дорога», что Башкирцы Сибирской дороги «за великую противность себѣ то почитаютъ, и въ одной волости посланнаго для переписи офицера на нѣсколько дней удержали и, потомъ учиня между собою совѣтъ, возвратили обратно, прислав письменное объявленіе, что они желаютъ государыню слезно просить о разныхъ несносныхъ своихъ нуждахъ, и требуютъ для проѣзда паспорта». Соймоновъ прибавлялъ къ тому, что, какъ видно, Башкирцы затѣваютъ новое замѣшаніе и «уже простому народу толкуютъ», т. е., возбуждаютъ его къ тому. Чтобы предотвратить это новое замѣшаніе, въ Петербургѣ рѣшили сдѣлать уступку Башкирцамъ. Предпи-

сано было Соймонову перепись Башкирцевъ отложить до другаго времени, или вовсе ее оставить, но сдѣлать это съ великою осторожностію, секретно, не подавая ни малѣйшаго вида, что то дѣлается изъ опасенія сопротивленія переписи со стороны Башкирцевъ; предлагалось вызвать назадъ посланныхъ въ башкирскія волости для переписи офицеровъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они очень нужны въ полкахъ. Въ Петербургѣ также согласились припять и башкирскую депутацію, но только Соймоновъ получилъ такое оттуда наставленіе по предмету выбора и отсылки депутатовъ: «понеже когда они будутъ отправлять сюда челобитчиковъ, то предъ тѣмъ имѣютъ быть совѣты и собранія, то въ такихъ случаяхъ имѣть предосторожность, чтобы съѣздамъ ихъ быть въ разныхъ мѣстахъ», и притомъ внушать имъ, «чтобы челобидчиковъ отправляли сюда отъ каждой волости, или хотя по нѣскольку человѣкъ отъ каждой дороги, а не одного кого либо отъ всего народа» (1).

Но это было послѣдней со стороны Русской власти уступкой Башкирцамъ. Назначенный 17 іюня 1739 года на мѣсто Татищева главнымъ командиромъ Оренбургской экспедиціи, генералъ-лейтенантъ, князь Урусовъ началъ свое управленіе Башкирскимъ народомъ объявленіемъ именнаго указа отъ 20 августа, которымъ повелѣвалось казнить при собраніи башкирскомъ вліятельныхъ Башкирцевъ, Аладзянгула Уразая и Юлдаша муллу за ихъ многія воровства; тѣмъ же указомъ повелѣвалось ему приступить къ выполненію той части Кириловскаго проекта, которая касалась измѣненія волостнаго управленія въ башкирскихъ волостяхъ и въ силу которой положено было замѣнить родовыхъ старшинъ, управлявшихъ дотолѣ волостьми по праву рожденія, старшинами, есаулами, писарями, сотниками, выбираемыми подъ смотрѣніемъ администраціи (2). Но Урусову не пришлось привести въ исполненіе этотъ указъ. Приговоренные къ казни Башкирцы успѣли на этотъ разъ скрыться отъ глазъ Русской власти въ своемъ краю, а вслѣдъ за тѣмъ обнаружились всѣ признаки тамъ мятежа. Соймоновъ успѣлъ захватить нѣсколькихъ подозрительныхъ Башкирцевъ и казнилъ ихъ, такъ какъ

(1) П. С. З. № 7798.

(2) Тамже № 7876.

при розыскѣ они повинились въ своемъ воровствѣ и объявили, что ѣздили въ Киргизъ-кайсацкую орду съ цѣлію привлечь Киргизъ-Кайсаковъ къ своему дѣлу; Кабинетъ, получивъ отъ него о томъ донесеніе, одобрилъ эти его распоряженія и подтвердилъ, чтобы онъ и на будущее время прилагалъ такое же стараніе къ искорененію между Башкирцами воровъ и возмутителей и чтобы, ежели гдѣ такіе появятся, то ловилъ ихъ немедленно и поступалъ съ ними, какъ съ злодѣями (1). Но Соймоновъ и Урусовъ не могли предотвратить возстанія. Оно окончательно вспыхнуло въ мартѣ 1740 года. Въ Башкиріи появился человѣкъ, который называлъ себя Кубанскимъ владѣльцемъ, Карасакаломъ Салтанъ-Гиреемъ, говорилъ, что у него имѣется 82 тысячи войска, которое идетъ въ Башкирію, чтобы освободить Башкирцевъ отъ русскаго ига. Въ дѣйствительности, какъ потомъ оказалось, это былъ бѣдный, впрочемъ бывалый и хитрый Башкирецъ Миндигулъ. Онъ началъ играть роль Кубанскаго хана, будучи къ тому подученъ старшиной Аладзянгуломъ и другими вліятельными Башкирцами, которые надѣялись, при помощи этого самозванца, скорѣе и успѣшнѣе поднять все Башкирское населеніе противъ Русскихъ. Дѣйствительно въ короткое время въ надеждѣ на помощь противъ Россіи, обѣщанную мнимымъ Кубанскимъ ханомъ, взволновалась большая часть Башкиріи. Лже-Салтанъ Гирей провозглашенъ былъ Башкирскимъ ханомъ. Когда тамошнія русскія власти узнали объ этомъ движеніи, то немедленно, не смотря на раннее весеннее время, отправили партіи въ глубь страны, чтобы, захвативъ явившагося такимъ образомъ хана Башкирскаго и главныхъ его сообщниковъ, подавить мятежъ. Но всѣ поиски за этимъ ханомъ были безуспѣшны. Карасакалъ быстро переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто въ странѣ, хорошо ему знакомой; и всегда успѣвалъ уходить отъ русскихъ отрядовъ, «и возмутительными своими внушеніями и поступками во всей Башкиріи такое замѣшаніе причинилъ, какова прежде еще не было» (2). Прибѣгли къ убѣжденію: по всей Башкиріи разосланы были какъ къ вѣрнымъ и не пристававшимъ къ воровству башкирскимъ старшинамъ, такъ и къ тѣмъ, которые имѣли съ во-

---

(1) Тамже № 7977.

(2) Истор. Оренб. Ежемѣс. соч. 1759. I, 402.

рами сообщеніе, — «въ наижесточайшихъ изъясненіяхъ, чтобы вѣрные неотмѣнно, а противные подъ опасеніемъ крайней своей погибели означеннаго самозванца и возмутителя, хапомъ Карасакаломъ называемаго, поймали, и, гдѣ имъ способнѣе будетъ, командирамъ отдали, и всѣ къ тому злодѣю сообщившіеся немедленно отъ него бы отлучились, — съ объявленіемъ, что ежели того не учинятъ, то всѣ они съ женами и дѣтьми мечемъ и огнемъ будутъ погублены» (1). Карасакала однако не могли достать ни живаго, какъ того требовали изъ С. Петербурга, ни мертваго. Послѣ многихъ стычекъ (2)

---

(1) Тамже 403.

(2) Дѣйствія русскихъ войскъ противъ Карасакала и его сообщниковъ одинъ изъ главныхъ участниковъ въ подавленіи этого мятежа, подполковникъ Павлуцкій такъ въ 1748 году описывалъ въ своей вѣдомости относительно своей службы: «Въ 1740 году былъ онъ, Павлуцкій, съ 1519 человѣкъ командированъ былъ для прекращенія вновь начатаго тогда, по возмущенію вора Карасакала, Башкирскаго бунта. И ходили за Уралъ въ горы легкими партіями, и чинили надъ оными бунтующими немалые поиски, и были въ той зимней партіи съ 10 Марта по 21 Апрѣля. И за весеннимъ распутіемъ и за глубокими тогда снѣгами и за безкормицею лошадямъ имѣли немалой трудъ. Да вторично отъ Верхояицкой (пристани) ходилъ онъ Мая отъ 22 въ легкую партію для поиску и искорененія вора Карасакала и его сообщниковъ. А подполковникъ князь Путятинъ съ оставшею командою шелъ за ними. И во оной партіи имѣли съ ворами три сильныя сраженія, первое у озера Чебаркуля, гдѣ было больше 1000 кибитокъ (25 Мая); второе Мая 28 при рѣкѣ Яикѣ, и третье Іюня 4 за Тоболомъ рѣкою, на степи, близъ киргизскихъ кочевныхъ улусовъ. Также между Яикомъ и Тоболомъ сраженія съ ними были частыя, гдѣ ихъ воровъ побито и въ плѣнъ взято мужескаго и женскаго пола, а изъ пойманныхъ и казнено не малое число. А разстояніемъ до повороту шли за ворами въ степь денно и ночно, на примѣръ, близъ 1000 верстъ. Онъ же Павлуцкой, оставя при Тоболѣ съ секундъ-маіоромъ Беклемишевымъ команды на усталыхъ лошадяхъ съ 900 человѣкъ, а самъ по ревности своей, отважа себя, выбралъ людей на лучшихъ лошадяхъ до 800 человѣкъ и ходилъ за ворами самымъ скорымъ ходомъ за рѣку Тоболъ, напр., больше 100 верстъ; и чинили надъ ворами

съ посланными противъ него отрядами подъ начальствомъ подполковника Павлуцкаго, и полковника князя Путятина и маіора Языкова опъ правда, когда эти отряды соединились для совокупнаго противъ него дѣйствія, былъ окончательно разбитъ и раненъ, но все таки успѣлъ уйти отъ преслѣдававшихъ его побѣдителей и съ небольшимъ остаткомъ своей шайки убѣжалъ въ дальніе Киргизъ-Кайсацкіе улусы, гдѣ, распустивъ слухъ, что онъ Калмыцкій князь Шуна, братъ Зюнгарскаго хана Галданъ-Черепя (опъ зналъ Калмыцкій языкъ), нашелъ почетное и привольное убѣжище, между тѣмъ

сильные поиски, и имѣли съ ними сраженіе, и побили ихъ воровъ больше 300, а въ полонъ взято болѣе 200; и были близъ Киргизъ-Кайсацкихъ жилищъ, и оттоль онъ Павлуцкой поворотилъ къ оставшей командѣ при Тоболѣ, понеже зашли весьма далеко въ степь съ малымъ провіантомъ, и у команды лошади почти всѣ стали, и за неимѣніемъ провіанта принуждены были въ тогдашній Петровъ постъ ѣсть мясо. И обратно отъ Тобола до крѣпости Верхояицкой степью шли 10 дней, и въ Верхояицкой получа провіантъ на команду и исправясь надлежащимъ, по секретнымъ ордерамъ генералитетскимъ, ходилъ въ третичную, въ горы съ 22 Іюня по Іюля 10, партію; и шли чрезъ камни и горы и топи и лѣса непроходимые, по ихъ воровскимъ трактамъ, съ немалымъ трудомъ болѣе 600 верстъ. И съ полковникомъ княземъ Путятинымъ пошли отъ Яику на разные тракты, и надъ ворами, крыющимися тогда въ Уральскихъ горахъ, поиски чинили изрядные, и къ убѣгу въ степь оставшаго ихъ воровскаго собранія не допустили, которые, видя себѣ отъ Россійскихъ войскъ погубленіе, явились къ нему Павлуцкому въ горахъ, а потомъ при Верхояицкой крѣпости (немалое жъ число) съ повинною Е. И. В-ву, 5326 душъ, и ружье свое положили, какое у кого имѣлось, кои и посланы, по силѣ ордеровъ генералъ-лейтенанта кн. Урусова, отъ Верхояицкой крѣпости съ полковникомъ Пальчиковымъ съ женами и дѣтьми и со скотомъ, Іюля 18 числа, въ Оренбургъ. А сверхъ того побито командою Павлуцкаго въ помянутыхъ трехъ, также и въ другихъ легкихъ партіяхъ, 1630 человѣкъ, да въ полонъ взято 1445 человѣкъ, изъ того числа, на страхъ прочимъ ворамъ, повѣшено 183 человѣка, отбито лошадей, коровъ и овецъ довольное число, и немалое число деревень сожжено воровскихъ разныхъ волостей 82, въ нихъ 689

какъ его приверженцы, сопутствовавшіе ему, были ограблены Киргизъ-Кайсаками и обращены въ невольниковъ,—и откуда русскія власти никакими способами не могли его достать. Но другое желаніе правительства и русскихъ властей въ Башкирскомъ краю,—желаніе, чтобы приверженцы самозванца отстали отъ него и принесли повинную, скоро было исполнено. Башкирцы мужественно поддерживали своего хана, въ надеждѣ, что придетъ на помощь къ нимъ обѣщанное ихъ предводителемъ 80-ти тысячное войско. Но войско это не приходило, самъ ханъ бѣжалъ, а вмѣсто того двигались со всѣхъ сторонъ во внутрь ихъ края русскія войска, направляемыя самими главными командирами, кн. Урусовымъ и Соймановымъ, съ объявленіемъ, что только безусловною и добровольною покорностію законной власти Башкирцы могутъ спасти себя, свои семейства и имущество отъ конечнаго истребленія. Это было въ Іюнѣ. Дѣлать было нечего: надо было покориться. И вотъ многочисленныя толпы Башкирцевъ съ женами и дѣтьми потянулись по направленію къ Верхоляцкой пристани, къ Уфѣ и въ другія мѣста, гдѣ сидѣли русскіе командиры, просить помилованія, въ знакъ своего уничиженія неся съ собою орудія казни, топоры и плахи. Въ одну Верхоляцкую крѣпость пришло такимъ образомъ болѣе пяти тысячъ человѣкъ. Не спасло ихъ это уничиженіе. Ни мѣстныя власти, ни высшее правительство на этотъ разъ не были расположены къ милосердію (¹). Главный командиръ, кн. Урусовъ

дворовъ. Между тѣмъ же и другія легкія партіи были командированы отъ него Павлуцкаго. Въ 1740 году оставленъ онъ Павлуцкій былъ съ командой къ самой пограничной крѣпости Верхоляцкой для искорененія крыющихся въ горахъ воровъ Башкирцевъ и для охраненія отъ непріятельскихъ людей вѣрныхъ иновѣрцевъ; и ихъ посланными отъ него Павлуцкаго партіями выискано и переловлено немалое число» (Матеріалы для исторіи Сибир. изд. г. Потанинымъ въ Чт. Моск. Общ. Ист. за 1866 г. кн. 4 стр. 4—5).

(¹) Князь Урусовъ прежде, чѣмъ исполнить рѣшеніе, какое онъ постановилъ относительно приходившихъ съ повинною Башкирцевъ, послалъ копію съ него въ Кабинетъ. Тамъ апробовали кровавую расправу, которую имъ готовилъ этотъ командиръ, но прибавили, чтобы, вѣроятно, потомъ, въ случаѣ надобности, всю

стоялъ лагеремъ у озера Талхасъ, занимаясь многими розысками и экзекуціями надъ пойманными ворами и раздачею женъ и дѣтей ихъ въ рабство бывшимъ съ нимъ въ походѣ служилымъ людямъ, когда, въ Іюлѣ, сталъ получать извѣстія, что повсюду Башкирцы приходятъ съ повинной и безъ всякаго прекословія выдаютъ оружіе. Онъ приказалъ тогда всѣхъ тѣхъ Башкирцевъ, которые явились въ Верхояицкую крѣпость, препроводить оттуда съ женами и дѣтьми въ Оренбургъ, куда онъ уже давно намѣревался совершить походъ и куда теперь, 25 іюля, имѣлъ публичный и церемоніальный въѣздъ. Чрезъ нѣсколько времени пятитысячная толпа Башкирцевъ была пригнана туда же и расположена въ верстахъ 10 отъ крѣпости, гдѣ должна была ожидать рѣшенія своей участи. Ждать пришлось не долго: 10 августа прибылъ туда князь Урусовъ; всѣ взрослые Башкирцы согнаны были въ кучу и поставлены были посреди лагеря. Когда къ нимъ приближался главный командиръ, «то всѣ они пали на землю, а старшины ихъ, плача съ не малымъ воплемъ просили у Е. В. В-ва прощенія въ своихъ винахъ. Князь приказалъ имъ встать и молчать». Выступилъ переводчикъ и началъ на Татарскомъ языкѣ читать рѣчь начальника края къ Башкирскому народу. Эта рѣчь, отрывокъ изъ которой мы привели въ началѣ этой главы, въ сущности была обвинительнымъ актомъ; но адвоката у Башкирцевъ не нашлось; они, слушая эту рѣчь, только плакали и кланялись въ землю. Когда рѣчь была прочтена, то имъ было объявлено, чтобы они шли въ свой лагерь и тамъ ждали рѣшенія своей участи. Назначено было слѣдствіе объ этихъ Башкирцахъ, чтобы узнать, кто и какимъ образомъ принималъ участіе въ замыслахъ Карасакала. Слѣдствіе было произведено самымъ простымъ образомъ: спросили вѣрныхъ башкирскихъ старшинъ, кого они изъ приведенной толпы считаютъ главными участниками мятежа и кого ихъ сообщниками; тѣ указали на многихъ; за тѣмъ спросили о томъ же взятыхъ изъ этой толпы аманатовъ: тѣ подъ угрозою

отвѣтственность за могущія быть неудобныя послѣдствія этой мѣры: «чинить вамъ по прежнимъ указамъ и своему благоизобрѣтенію, усматривая по ихъ воровскимъ обращеніямъ; ибо отсюда объ всемъ подробно и точно въ резолюціи предписать вамъ не возможно» (П. С. З. Ук. 9 авг. 1740 г. № 8200).

смертной казни безъ всякаго помилованія; тѣ дали показанія, согласныя вообще съ показаніями вѣрныхъ Башкирцевъ. Этимъ удовольствовались и приступили къ суду надъ оговоренными. Совѣтъ ,собранный кн. Урусовымъ, рѣшилъ наказать ихъ примѣрнымъ образомъ. 15 Августа въ 6 верстахъ отъ Оренбурга, на одной горѣ за Яикомъ, при многочисленномъ собраніи народа и въ присутствіи вѣрныхъ Башкирцевъ и Мещеряковъ исполненъ былъ кровавый приговоръ. Пять человѣкъ, которые были признаны главными сообщниками Карасакала, посажены были на колья, утвержденные на нарочно сдѣланныхъ каменныхъ столбахъ; другихъ 11-ть Башкирцевъ, въ томъ числѣ 7-мь человѣкъ, бывшихъ есаулами Карасакала, повѣсили за ребра; далѣе 85 человѣкъ были повѣшены за шею; 21 человѣку были отрублены головы, которыя затѣмъ были воткнуты на колья. Всего дѣла Карасакалова заводчикъ Аландзіангулъ, который и вымыслилъ самозванца, понялъ, что ему пощады не будетъ, потому еще прежде, чѣмъ его привели въ Оренбургъ, положилъ самоубійствомъ избавиться отъ позорной казни: онъ уморилъ себя голодомъ, не ѣвши и не пивши въ теченіе болѣе 10 дней; однакожъ и мертваго его всетаки казнили, отсѣкли отъ трупа его голову и воткнули на колъ. Но этимъ казни не кончились. Не имѣя времени въ Оренбургѣ заниматься дальнѣйшимъ производствомъ слѣдствія надъ Башкирцами и казнями виновныхъ въ мятежѣ,—такъ какъ въ это время нужно было ему принять Киргизъ-Кайсацкихъ владѣльцевъ,—князь Урусовъ судимую Башкирскую толпу приказалъ отправить подъ командою подполковника Пальчикова въ Сакмарскъ и поручилъ этому офицеру продолжать слѣдствіе и окончить его ко времени прибытія его, князя, въ ту крѣпость. Пріѣхавъ въ половинѣ Сентября туда, онъ призналъ нужнымъ: 50 человѣкъ Башкирцевъ на одной горѣ повѣсить, 120 отсѣчь головы, а женъ и дѣтей ихъ раздать служилымъ людямъ, 300 Башкирцамъ, которые показали, что они пристали къ Карасакалу по неволѣ,—по наказаніи кнутомъ, отрѣзать носы и уши, чтобы затѣмъ въ такомъ видѣ отдать ихъ на содержаніе вѣрнымъ старшинамъ подъ росписки.

Еще ранѣе производились экзекуціи въ Мензелинскѣ по распоряженію генерала Соймонова, которыя замѣчательны наиболѣе тѣмъ, что тутъ сложилъ свою голову знаменитѣйшій изъ башкирскихъ старшинъ Алдаръ-Бай-Исекѣевъ. Этотъ

Алдаръ послѣ бунта 1707 года, котораго былъ зачинщикомъ и предводителемъ, получивъ отъ Петра Великаго прощеніе въ винахъ, мирно жилъ въ свой волости, пользуясь между Башкирцами почетомъ за свой умъ и богатство (онъ имѣлъ около 8 т. лучшихъ лошадей) и вниманіемъ со стороны Русскаго правительства, которому оказалъ услугу, усердно содѣйствуя приведенію въ русское подданство Киргизъ-Кайсаковъ. Во время башкирскихъ волненій, предшествовавшихъ дѣлу Карасакала, онъ держался въ сторонѣ, не приставая ни къ той, ни къ другой изъ боровшихся партій, что авторъ «исторіи Оренбурской» объясняетъ его коварствомъ, не приводя впрочемъ ни одного факта въ подтвержденіе этого объясненія При началѣ Карасакалова волненія Алдаръ, вѣроятно, предвидя, что дѣло, затѣянное во имя мнимаго хана, не приведетъ къ добру Башкирцевъ, и зная, что русскія власти положили дѣйствовать противъ участниковъ этого дѣла безпощаднымъ образомъ, въ послѣднихъ числахъ Апрѣля вмѣстѣ съ нѣсколькими другими старшинами явился въ Самару къ князю Урусову ходатайствовать о милостивомъ снисхожденіи къ Башкирскому народу. Но вслѣдъ за Алдаромъ генералъ Соймоновъ прислалъ къ Урусову донесеніе, въ которомъ прописавъ, что у него по дѣламъ явились многія подозрѣнія на этого старшину и его товарищей, просилъ препроводить ихъ къ нему для розысковъ въ Мензелинскъ. Князь Урусовъ исполнилъ это требованіе Соймонова, отослалъ къ нему Алдара и его товарищей, но вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ ему до указу не казнить ихъ, а держать только подъ карауломъ до дальнѣйшаго изслѣдованія дѣла. Но Соймоновъ не послушался кн. Урусова; немедленно по прибытіи Алдара и его товарищей въ Мензелинскъ онъ подвергъ ихъ розыску и затѣмъ приговорилъ ихъ къ смертной казни. Алдару и его шести товарищамъ, въ числѣ которыхъ находился Сеитбай, отсѣчены были головы. Кажется, не одно подозрительное поведеніе Алдара было причиною того, что Соймоновъ явилъ такую ревность въ преслѣдованіи его и друзей его; надо полагать, личныя отношенія между русскимъ генераломъ и знаменитымъ башкирскимъ старшиной играли не послѣднюю роль во всемъ этомъ дѣлѣ; по крайней мѣрѣ Рычковъ, ни слова не говоря, въ чемъ именно заключались подозрѣнія, какія имѣлъ Соймоновъ по отношенію къ Алдару и его товарищамъ, сообщаетъ только то, что онъ подвергся преслѣдованію этого генерала

особливо потому, что «въ Башкиріи о себѣ разглашалъ, что онъ самъ не хуже генералъ-маіора Соймонова, и весь народъ Башкирскій отъ погибели можетъ сохранить».

Всѣми такими «вышеписаными дѣйствами такъ—заключаетъ свой разсказъ о башкирскихъ волненіяхъ Рычковъ,—и экзекуціями, въ семъ году (1740 г.) чиненными, Башкирія въ прямое чувство и страхъ приведена была, и башкирскому замѣшанію, продолжавшемуся съ 1735 году, отъ котораго премногія затрудненія и убытки происходили, въ томъ 1740 году окончаніе воспослѣдовало». И нельзя было Башкирцамъ не притти въ прямое чувство и страхъ, нельзя было болѣе продолжать борьбу съ Русскими: попытка ихъ заградить путь новому Русскому движенію въ Закамскія земли обошлась имъ чрезвычайно дорого; дѣятельнѣйшіе вожди ихъ и сильнѣйшіе противники этого движенія пали въ борьбѣ съ Русскими; по однимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ Рычковымъ, Башкирское населеніе съ 1735 по 1741 годъ лишилось убитыми въ бояхъ, казненными, умершими подъ карауломъ, сосланными въ остзейскіе полки и въ работу въ Рогервикъ и розданными въ рабство 28491 человѣкъ; 696 жилыхъ деревень было разорено; но безъ сомнѣнія потери, понесенныя Башкирцами, были значительнѣе: «о числѣ показанномъ (въ оффиціальныхъ документахъ, рапортахъ, запискахъ и проч.), замѣчаетъ Рычковъ, утвердиться не можно; ибо много происходило, особливо отъ нерегулярныхъ людей, того, о чомъ никакихъ рапортовъ подано не было, но еще и нарочно убитыхъ злодѣевъ таили». Уцѣлѣвшіе отъ гибели Башкирцы были разорены: поля ихъ оставались незасѣянными; скотъ, составлявшій главное ихъ богатство, разграбленъ; нужно было пройти немалому времени, чтобы имъ возможно было собраться съ силами, освободиться отъ ужаса, наведеннаго на нихъ видомъ труповъ ихъ братьи, гнившихъ на висѣлицахъ и кольяхъ, чтобы возможно было начать снова борьбу съ Русскими. Край былъ замиренъ. Русскому колонизаціонному движенію въ Закамскія земли, вызвавшему послѣднія башкирскія волненія и задержанному ими, теперь очищена была дорога со стороны Башкирцевъ. Но не князю Урусову, и не генералу Соймонову, которые закончили усмиреніе Башкирцевъ, пришлось быть исполнителями тѣхъ колонизаціонныхъ плановъ, выразителемъ которыхъ явился Кириловъ: князь Урусовъ успѣлъ относительно этого предпріятія сдѣлать лишь то, что

въ его управленіе Оренбургской экспедиціей отправлены были далѣе на востокъ для изслѣдованія тамошнихъ странъ геодезистъ Муравинъ и инженеръ Назимовъ, изъ коихъ первый описалъ трактъ отъ Орской крѣпости до Хивы, составивъ и карту этого тракта, а другой снялъ планъ съ города Хивы,— и едва сдѣланы были имъ распоряженія къ заложенію и строенію Оренбурга на мѣстѣ, облюбованномъ Татищевымъ, какъ цынготная болѣзнь, которая приключалась съ нимъ еще въ началѣ 1740 года, свела его 22 іюля 1741 года въ могилу; генералъ Соймоновъ, которому временно, до указу, поручено было управлять Оренбургскою экспедиціей, вмѣсто того, чтобы, какъ ему было приказано, поступать во всемъ, какъ данныя ст. сов. Кирилову, и по немъ т. сов. Татищеву и князю Урусову инструкціи и указы повелѣвали, —продолжалъ жить въ Мензелинскѣ, гдѣ окончивъ надъ Башкирцами экзекуціи, къ чему безъ сомнѣнія онъ былъ способенъ, вступилъ въ ссору съ новоопредѣленнымъ тогда на Уфу вицегубернаторомъ, бригадиромъ Аксаковымъ, задержавшую его въ Мензелинскѣ до конца 1741 года и служившую, надо полагать, причиною, почему его отозвали въ С. Петербургъ: для выполненія предначертаній, изложенныхъ въ этихъ инструкціяхъ и указахъ, назначенъ былъ начальникомъ Оренбургской экспедиціи т. сов. Неплюевъ.

ГЛАВА II.

Русская колонизаціонная дѣятельность въ Закамскомъ краѣ и Башкирцы во время управленія ими Неплюева.

Неплюевъ до назначенія его начальникомъ Оренбургской экспедиціи и характеристика его, какъ общественнаго дѣятеля.

Военныя поселенія въ Закамскомъ краѣ. Оренбургъ на новомъ мѣстѣ и военное его устройство. Нижнеяикская линія и Яикскіе казаки: историческій очеркъ Яикскаго казачества до Неплюева; перемѣны въ его быту, произведенныя послѣднимъ. Другія линіи военныхъ поселеній и матеріалы военной колонизаціи края: ландмилицкіе полки; гарнизонные, Уфимскій и Оренбургскій, полки; образованіе Оренбургскаго казачьяго войска.

Промышленная колонизація Закамскихъ земель. Учрежденіе Оренбургской губерніи. Препятствія успѣхамъ промышленной колонизаціи. Матеріалы промышленной колонизаціи, указанные или дозволенные правительствомъ: переселенцы изъ азіатскихъ странъ; Кундровскіе Татары; Сеитова слобода; поселенія крещеныхъ Калмыковъ и устройство, данное имъ Неплюевымъ; причины незначительности притока въ Оренбургъ переселенцевъ изъ старыхъ русскихъ городовъ; ссыльные въ Оренбургскомъ краю; поселенцы изъ Малороссіи тамъ; поселенія отставныхъ солдатъ. Самовольные переселенцы и Неплюевъ по отношенію къ нимъ. Оренбургъ и Троицкая крѣпость, какъ торговые пункты; состояніе русской

торговли въ Оренбургскомъ краѣ при Неплюевѣ. Твердышевъ и развитіе горнозаводской промышленности въ краю.

Батыршинъ бунтъ. Мѣры Неплюева по отношенію къ туземнему инородческому населенію; наложеніе на Тептерей и Бобылей подушной подати; введеніе соляной регаліи въ Башкиріи; Неплюевъ въ отношеніи къ магометанству того края. Волненіе Тептерей и Бобылей. Батырша и характеръ задуманнаго имъ возстанія. Обнаруженіе и развитіе мятежа. Мѣры, принятыя Неплюевымъ къ его подавленію. Исходъ мятежа.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, сынъ бѣднаго дворянина Новгородскаго уѣзда, родился въ 1693 году. Въ своей, весьма любопытной во многихъ отношеніяхъ, автобіографіи (1) онъ мало говоритъ о первоначальномъ своемъ воспитаніи въ родительскомъ домѣ. Впрочемъ изъ нея видно, что онъ дома научился повиноваться родительской власти, что мать его, по волѣ которой онъ и женился, воспитывала его въ страхѣ божіемъ и что, вообще, изъ него хотѣли сдѣлать рачительнаго помѣщика, добраго семьянина и богобоязненнаго христіанина. Но тогда не такое было время, чтобы дворянину можно было замкнуться въ кругъ семейной жизни и изживать вѣкъ по старинѣ, занимаясь несложнымъ хозяйствомъ, разъѣзжая по сосѣдямъ и монастырямъ и являясь отъ времени до времени на службу: въ 1715 году 22-лѣтняго Неплюева, у котораго было уже двое дѣтей, взяли въ Новгородскую школу учиться начальнымъ основаніямъ математики. Съ этого времени для будущаго колонизатора Закамскихъ земель и усмирителя Башкирцевъ началась новая жизнь: постоянно нужно было учиться и работать на пользу общую. Изъ Новгородской школы Неплюевъ былъ переведенъ въ Нарвскую, затѣмъ въ С. Петербургскую, откуда вскорѣ онъ былъ отправленъ вмѣ-

---

(1) Эта автобіографія подъ названіемъ «Жизнь И. И. Неплюева, имъ самимъ описанная» напечатана въ Отечественныхъ Запискахъ 1823—1826 годовъ, въ № 43, 51, 52, 54, 59, 65, 67, 71.

стѣ съ другими 20 дворянами учиться мореплаванію; былъ онъ въ Венеціи, Франціи и Испаніи. Разсказъ Неплюева о времени его пребыванія за границей изобилуетъ любопытными подробностями относительно заграничнаго образованія молодыхъ дворянъ петровской эпохи. Не одному мореплаванію учился тамъ Неплюевъ: наблюдательный его умъ останавливался тамъ и на многомъ другомъ, что имѣло отношеніе къ практической жизни; но высшее, нравственно-гражданское, воспитаніе дано ему было въ Россіи, самимъ Петромъ Великимъ. Признательный воспитанникъ глубоко запомнилъ уроки, которые далъ ему царственный воспитатель. «Всему ли ты научился, для чего былъ посланъ», спросилъ его Петръ, когда тотъ по возвращеніи въ Россію, явился предъ нимъ на смотръ, или, точнѣе, на экзаменъ. «На что,—разсказываетъ Неплюевъ,—я отвѣтствовалъ: Всемилостивѣйшій Государь! прилежалъ я по своей всей возможности, но не могу похвастаться, что всему научился, а болѣе почитаю себя предъ Вами рабомъ недостойнымъ и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, Вашей ко мнѣ щедроты. И я сталъ на колѣни; а Государь, оборотивъ правую руку ладонью, далъ мнѣ поцѣловать и притомъ изволилъ молвить: видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству». Неплюеву затѣмъ говорили люди, близко знавшіе Петра, что если кто хочетъ заслужить милостивое вниманіе и благоволеніе Государя, то тотъ долженъ быть прилежнымъ къ своему дѣлу, говорить всегда правду и никогда не лгать». Ихъ слова и въ правду явились. «Однажды, разсказываетъ Неплюевъ, я пришелъ на работу (онъ былъ назначенъ смотрителемъ и командиромъ надъ строившимися галерами и другими судами), а Государь былъ уже тутъ; я испужался презѣльно и хотѣлъ бѣжать домой, больнымъ сказаться, но, вспомнивъ совѣтъ—не лгать, пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ Государь находился. Онъ, увидѣвъ меня, сказалъ: я уже, мой другъ, здѣсь. Я отвѣчалъ: виноватъ, Государь; вчера я былъ въ гостяхъ и долго засидѣлся и оттого опоздалъ. Онъ, взявъ меня за плечо, пожалъ; я вздрогнулъ; думалъ, что прогнѣвался.—Спасибо малой, что правду говоришь, Богъ проститъ; кто бабѣ не внукъ»? Вслѣдъ затѣмъ Неплюевъ былъ очевидцемъ, какъ могущественный монархъ съ работы отправился на родины въ домъ простаго

корабельнаго плотника, какъ не погнушался простымъ угощеніемъ простолюдина, честно занимавшагося своимъ ремесломъ. Въ 1721 году приготовляясь къ Персидской войнѣ, императоръ искалъ человѣка, чтобы замѣстить постъ русскаго резидента въ Константинополѣ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ чрезвычайно важный и трудный, и выборъ его палъ на Неплюева, не смотря на то, что ему не было еще 30 лѣтъ. Не задолго предъ своимъ отъѣздомъ въ Турцію Неплюевъ имѣлъ случай выслушать еще урокъ Государя. «Когда послѣ того, какъ Государь объявилъ мнѣ,—говоритъ Неплюевъ,—о новомъ назначеніи, я упалъ ему въ ноги и, охватя оныя, цѣловалъ и плакалъ, то онъ изволилъ самъ меня поднять и, взявъ за руку,—говорилъ: не кланяйся братецъ; я вамъ отъ Бога приставникъ, и должность моя смотрѣть того, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худъ, такъ я истецъ: ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобы злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать. Служи вѣрою и правдою. Въ началѣ Богъ, а по немъ и я долженъ буду не оставить тебя». Урокъ этотъ былъ послѣдній. Неплюевъ не видалъ болѣе учителя—Государя. Но этихъ уроковъ было достаточно для Неплюева. Идеи о безкорыстномъ и просвѣщенномъ служеніи отечеству, о нравственномъ долгѣ, о справедливости, гражданской честности, которыя Петръ Великій выражалъ словомъ и примѣромъ и притомъ съ такою доступною простотою, нашли въ немъ благодарную почву. Ученикъ понялъ учителя, понялъ его стремленія и планы, и они пришлись ему по сердцу. Съ глубокою и осмысленною скорбію онъ узналъ о кончинѣ великаго императора. «Я, пишетъ онъ, омочилъ ту бумагу слезами какъ по должности о моемъ государѣ, такъ и по многимъ его ко мнѣ милостямъ, и ей ей не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ; да иначе бы мнѣ и грѣшно бы было: *сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы—люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ.* А мнѣ собственно сверхъ вышеписаного былъ Государь и отецъ милосердый; да вчинитъ Господь *душу его, многопотрудившуюся о пользъ общей,* съ праведными». Петръ Великій, такимъ образомъ оцѣненный ученикомъ, сдѣлался для него идеаломъ,

общественнаго дѣятеля, къ которому онъ стремился приблизиться въ своей общественной дѣятельности. И не напрасно. Изъ того, что извѣстно до сихъ поръ о Неплюевѣ, не льзя не вывести заключенія, что онъ былъ одинъ изъ способнѣйшихъ и достойнѣйшихъ учениковъ Преобразователя, однимъ изъ тѣхъ почтенныхъ Русскихъ людей, которые великимъ стремленіямъ и начинаніямъ времени преобразованія не дали заглохнуть подъ гнетомъ наставшей послѣ Петра реакціи. Не даромъ Петръ Великій говорилъ о немъ, когда тотъ только что возвратился изъ за границы: «въ маломъ этомъ будетъ путь». Со здоровымъ практическимъ умомъ, съ способностію къ энергической дѣятельности Неплюевъ соединялъ рѣдкое между современными ему общественными дѣятелями качество—честность. Мы не знаемъ по крайней мѣрѣ ни одного свидѣтельства, чтобы онъ когда нибудь отступилъ отъ тѣхъ правилъ, которыя были ему преподаны Петромъ Великимъ. Руки его никогда не осквернялись взятками и казнокрадствомъ, языкъ—ложью .Онъ свободенъ отъ упрековъ въ низкопоклонничествѣ и барской заносчивости и спѣси. Ему чужды были интриги и обычаи, среди которыхъ шла тогдашняя придворная жизнь. Впрочемъ онъ всегда былъ въ сторонѣ отъ двора. Въ то время, какъ многіе современные ему, болѣе или менѣе вліятельные, люди жались ко двору, подставляли другъ другу ногу, сплетничали, ухаживали за фаворитами, роскошествовали, получали блистательныя награды за небывалыя часто услуги государству, обогащались всякими правдами и неправдами, Неплюева обыкновенно держали тамъ, гдѣ нужно было много работать, бороться съ разными невзгодами и препятствіями. 13 лѣтъ онъ безсмѣнно прожилъ въ Константинополѣ, исполняя добросовѣстно и съ выгодою для Россіи должность русскаго резидента. Приключившаяся съ нимъ тамъ въ 1734 году опасная болѣзнь заставила его просить правительство объ отозваніи его въ С. Петербургъ. Вслѣдъ почти за тѣмъ возгорѣлась война съ Турками. Неплюева, котораго между тѣмъ наградили чиномъ тайнаго совѣтника и сдѣлали членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, во время этой войны посылали въ 1736 г. на конгрессъ въ Немировъ въ качествѣ третьяго министра со стороны Россіи, за тѣмъ отправили начальствовать въ Кіевской губерніи, близкой къ театру войны, и, когда наконецъ эта дорого стоившая Россіи война кончилась въ 1739 году, поручили ему заняться разграниченіемъ

земель между Россіей и Турціей, предъувѣдомивъ его, что если онъ успѣшно кончитъ это дѣло, то будетъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и деревнями. Онъ исполнилъ это трудное порученіе съ полнымъ успѣхомъ. Графъ Остерманъ исходатайствовалъ у правительницы Анны Неплюеву награду: ему дали орденъ св. Александра Невскаго, пожаловали въ Малороссіи богатыя помѣстья, заключавшія въ себѣ болѣе 2 т. дворовъ, и сдѣлали Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Но Неплюеву пришлось не долго пользоваться этими наградами. Вскорѣ вступила на престолъ Елизавета Петровна; впередъ выдвинулись новые люди, большею частію виновники переворота, доставившаго дочери Петра Великаго престолъ. Люди, дотолѣ стоявшіе на верху, были оттуда свергнуты, и къ нимъ новое правительство отнеслось, какъ къ злодѣямъ. Неплюевъ также попалъ подъ бѣду: малороссійское генералъ-губернаторство и 2 т. крестьянскихъ дворовъ, которыя онъ недавно получилъ отъ павшаго правительства, представляли слишкомъ лакомый кусокъ, чтобы новымъ людямъ можно было оставить обладателя его въ покоѣ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ главою низверженнаго министерства, Остерманомъ, его лишили генералъ-губернаторской должности, Александровскаго ордена и пожалованныхъ деревень и посадили подъ строгій караулъ. Какъ ни усердно ухищрялась наряженная надъ опальными слѣдственная коммиссія во что бы то ни стало обвинить ихъ въ злодѣйствахъ, какъ ни пристрастно вообще веденъ былъ весь этотъ процессъ, все же въ общественномъ поведеніи Неплюева не могли найти ничего преступнаго; слѣдователи добились лишь только того, что узнали истинныя побужденія, которыя заставляли подсудимаго поддерживать близкія отношенія съ главнымъ арестантомъ, Остерманомъ; онъ самъ объяснилъ имъ эти побужденія; онъ не побоялся объявить имъ, что считаетъ Остермана своимъ благодѣтелемъ и человѣкомъ такихъ дарованій по управленію дѣлами, какихъ мало въ Европѣ. За такой его отзывъ о человѣкѣ, котораго выставляли великимъ злодѣемъ, не нашли однакожъ удобнымъ отправить его вмѣстѣ съ другими на эшафотъ и оттуда въ Сибирь, въ ссылку, или вообще подвергнуть какому либо гласному наказанію. Неплюева освободили изъ подъ ареста, представили новой императрицѣ, которая милостиво его приняла: возвратила ему орденъ; но она не возвратила ни

малороссійскаго губернаторства, ни деревень; вмѣсто того его послали начальствовать въ такой край, гдѣ двое изъ трехъ его предшественниковъ нашли себѣ могилу, а одинъ кончилъ тамъ свою службу тѣмъ, что попалъ подъ судъ,—т. е., назначили командиромъ Оренбургской экспедиціи, называвшейся въ то время Оренбургской коммиссіею. Это было почетной ссылкой. Такъ смотрѣлъ на свое это назначеніе и самъ Неплюевъ. Онъ пишетъ, что онъ «въ прискорбности» отправился къ мѣсту новаго назпаченія, хотя «и съ покойнымъ по невинности его духомъ»; мысль, что и здѣсь онъ можетъ быть отечеству полезенъ, мирила его съ новымъ положеніемъ. Впослѣдствіи, когда онъ «увидѣлъ успѣхъ дѣламъ своимъ тамъ въ пользу отечества, сталъ совершенно доволенъ и спокоенъ и забылъ ту прискорбность, съ коею въ сію экспедицію прибылъ».

Неплюевъ прибылъ въ Самару 26 Апрѣля 1742 года. Прежде всего бросилось ему въ глаза неудовлетворительное состояніе крѣпостей въ краю. Направленіе, въ которомъ тянулись военныя поселенія и которое принято было правительствомъ еще при Кириловѣ, и онъ призналъ соотвѣтствующимъ цѣли, съ какою учреждались эти поселенія; но онъ нашелъ, что, во первыхъ, крѣпостей было мало, особенно по Яикской линіи, что, во вторыхъ, отдѣльныя линіи недостаточно близко были соединены между собою, и потому въ случаѣ нечаянныхъ воровскихъ набѣговъ не могли одна другой «доставить скорый сикурсъ», и что наконецъ, въ третьихъ, имѣвшіяся уже на этихъ линіяхъ военныя поселенія недостаточно укрѣплены и недовольно снабжены гарнизонами, что даже главная изъ крѣпостей по Яику, Оренбургъ, «окружена была только заборомъ изъ плетня, осыпаннымъ земляным дерномъ, и снабжена малымъ числомъ гарнизона» (1). Получивъ въ Самарѣ такія свѣдѣнія, Неплюевъ,—какъ онъ самъ говоритъ, «первою должностію почелъ осмотрѣть всѣ мѣста и положенія той линіи; почему того же 1742 года по онымъ ѣздилъ и, сдѣлавъ примѣчанія, опредѣлилъ заведенныя селенія и вновь на пустыхъ и удобныхъ мѣстахъ имъ назначенныя укрѣпить по правиламъ фортификаціонпымъ и отъ степ-

(1) **Жизнь Ив. Ив. Неплюева, имъ самимъ напис.**

наго народа къ оборонѣ достаточнымъ» (1). Въ 1743 году Неплюевъ также продолжалъ дѣлать разъѣзды по краю съ цѣлію лучшаго устройства военныхъ поселеній. Въ этомъ году онъ ѣздилъ вверхъ отъ Орской крѣпости по рѣкамъ Яику и Ую и на этомъ протяженіи въ 700 слишкомъ верстъ назначилъ по удобнымъ мѣстамъ военныя поселенія, объѣздилъ Уфимскій уѣздъ, Исетскую провинцію, гдѣ съ областными начальниками, Уфимскимъ вице-губернаторомъ, бригадиромъ Аксаковымъ, и Сибирскимъ губернаторомъ, генералъ-маіоромъ Сухаревымъ условился относительно плана устройства военныхъ поселеній (2). Благодаря неутомимой его дѣятельности этотъ планъ не остался только планомъ, а мало по малу приведенъ былъ въ исполненіе, и военныя поселенія въ Закамскомъ краю получили такой видъ.

Главнымъ пунктомъ, къ которому должны были тянуть всѣ остальныя военныя поселенія, былъ Оренбургъ. Мѣсто при Красной горѣ, выбранное Татищевымъ для него, найдено было Неплюевымъ неудобнымъ для города съ такимъ назначеніемъ, которое усвоено было этому городу. Ибо, какъ онъ доносилъ Сенату, оно «отъ рѣки Яика удалено; оно же окружено горами и къ дефензѣ не удобно; къ полуденной его сторонѣ подошли всѣ поемныя мѣста и стоячія озера, отъ чего воздухъ огустѣваетъ и нездоровъ дѣлается; лѣсу такое недовольство, что ежели тутъ настоящій Оренбургъ строить, то по имѣющемуся въ немъ людству и на дрова пять лѣтъ такъ оскудѣетъ, что въ 50 верстахъ онаго не будетъ» Вмѣсто Красной горы Неплюевъ «по согласному съ находившимися при немъ штабъ-и оберъ-офицерами разсужденію» предложилъ построить Оренбургъ при Бердской крѣпости, представляя на то слѣдующія основанія: 1) «Все то, что по Яику есть, въ оную крѣпость также удобно получить, какъ и въ Красной горѣ; кромѣ того, такъ какъ Сакмара рѣка отъ этой крѣпости только въ 6 верстахъ, то оттуда какъ лѣсъ, такъ и все внизъ рѣкою получить будетъ способно. 2) Подъ крѣпостію мѣсто ровно и окружено съ двухъ сторонъ рѣкою Яикомъ, а къ третьей сторонѣ эту рѣку безъ большаго затрудненія провести можно; которое же селеніе отъ рѣки и поотдалится, то способно колодези вы-

(1) Жизнь Ив. Ив. Неплюева, имъ самимъ напис.

(2) Истор. Оренб. Ежем. соч. 1759 г. II, 32—36.

копать; также и крѣпость строить такого затрудненія, какъ бы при Краспой горѣ, не будетъ; ибо земля мягкая и хотя къ восточной сторонѣ и подошла не высокая гора съ камнемъ, но оная съ пользою занята будетъ въ крѣпость; въ ней же найдено довольно камня, который можно употребить также съ пользою. 3) Изо всѣхъ по Яику мѣстъ лучшее тутъ хлѣбопашество усмотрѣно, и пахотной земли, сѣнныхъ покосовъ, рыбныхъ озеръ, однимъ словомъ всего того довольно, что при великомъ городѣ къ довольству и жительству людскому нужно на всегдашнее время; тутъ же отъ Черемшана и другихъ мѣстъ въ Сакмарскій городокъ, который отъ того Бердска разстояніемъ всего 23 верстъ, на продажу хлѣба довольно привозятъ и недорогою цѣною продаютъ; отдачикамъ четвериковаго провіанта ставить его до сего мѣста никакой трудности не будетъ; сіеже ко всѣмъ новостроящимся крѣпостямъ по картѣ за самую средину почесть можно, и ковсюду способная коммуникація 4) Известковаго и дѣлового камня по Сакмарѣ рѣкѣ отъ Бердска, токмо въ 25 верстахъ, множество найдено, который все тою рѣкою внизъ въ близость крѣпости получать способно». Наконецъ это мѣсто, по мнѣнію Неплюева, сравнительно съ Красногорскимъ представляло насравненно болѣе удобствъ и въ торговомъ отношеніи, ибо «Россійскимъ купцамъ пріѣздъ будетъ ближаѣ, а Азіатскимъ, которые всегда ѣздятъ чрезъ кайсацкія владѣнія, не далѣе, такъ какъ Кайсаки лѣтомъ и осенью кочуютъ наиболѣе на вершинахъ р. Илека, куда ближе всѣхъ другихъ новостроенныхъ мѣстъ отъ того Бердска; зимою же обыкновенно кочуютъ они на низу той рѣки Илека и по Яику еще гораздо ниже той Бердской крѣпости за Татищеву пристань, а потому они къ сему мѣсту охотнѣе, нежели къ Орску (что былъ прежній Оренбургъ) или къ Красной горѣ пріѣзжать будутъ» (1). Эти соображенія Неплюева, основательность которыхъ не могли не признать люди, близко знакомые съ Пріякскимъ краемъ (2),

(1) П. С. З. № 8630.

(2) Рычковъ пищетъ: «на самой справедливости надлежитъ признаться, что послѣднее сіе мѣсто не только предъ обоими, вышеозначенными (Орскомъ и Красной горой), но и по всему Яикскому берегу находящимися есть самое наилучшее» (Топогр. Оренб. II, 11).

приняты были во вниманіе правительствомъ. Получивъ отъ 15 октября 1742 года его согласіе на сказанную перемѣну мѣста главнаго пункта въ Оренбурскомъ краѣ, Неплюевъ для сказанныхъ обстоятельствъ, а болѣе для «надзиранія ближайшаго за склоннымъ къ бунтамъ Башкирскимъ народомъ, внутри тѣхъ владѣній поселеннымъ» (1), не замедлилъ приступить къ основанію Оренбурга близъ Бердской крѣпости. Сообразно съ значеніемъ его, какъ центральнаго военнаго пункта въ краю, онъ былъ укрѣпленъ болѣе, чѣмъ какая либо другая изъ тамошнихъ крѣпостей. Неплюевъ распорядился «оградить его валомъ съ рвомъ съ каменною одеждою въ окружности безъ малаго 5 верстъ» (2), устроить десять цѣлыхъ бастіоновъ и два полубастіона (3). Строеніе это равно какъ и устройство другихъ крѣпостей обошлось не дешево. «Въ 1743 году, пишетъ Рычковъ, по Самарѣ рѣкѣ, также и по Яику, особливо въ новозаложенномъ городѣ Оренбургѣ и застроенныхъ по Сакмарѣ р. крѣпостяхъ цынготная болѣзнь надъ людьми столько умножилась, что по майскому рапорту въ гарнизонныхъ и ландмилицкихъ полкахъ считалось больныхъ 1357 человѣкъ, а умершихъ явилось 631 человѣкъ» (4). Осенью 1743 года эта болѣзнь, которая было утихла весною этого года, снова возвратилась и истребила также немалое число людей. И только благодаря благоразумнымъ и энергическимъ мѣрамъ, которыя принялъ Неплюевъ въ виду этого бѣдствія, это не остановило начатаго дѣла строенія Оренбургской и другихъ крѣпостей. Было ясно для всѣхъ, что болѣзнь эта и происходившая отъ нея сильная смертность людей была слѣдствіемъ недостатка удобныхъ помѣщеній для солдатъ и рабочихъ. Неплюевъ не жалѣлъ денегъ, чтобы устранить этотъ недостатокъ (5). Онъ выстроилъ пасчетъ казны для народа

---

(1) Жизнь И. И. Неплюева, имъ самимъ писанная.

(2) Тамже.

(3) Подробное описаніе устройства Оренбурга, какъ крѣпости см. у Рычкова: Истор. Оренб. Еж. соч. II, 122; Топогр. Оренб. I, 13.

(4) Истор. Оренб. Еж. соч. II, 103.

(5) «Всевозможные способы, говоритъ Рычковъ, не взирая ни на какія казенныя иждивенія, употреблены были къ отвращенію той болѣзни». Ист. Оренб. Еж. коч. II, 104.

публичныя строенія; всячески поддерживалъ бодрость въ людяхъ. «А какъ, пишетъ онъ, во всякомъ случаѣ примѣръ къ спесепію труда можетъ подать командующій, то я самъ на томъ мѣстѣ жилъ до Ноября мѣсяца, имѣя только для дочери моей кибитку и для себя обыкновенную землянку, каковыя и у послѣдняго жителя были, и не прежде въ построенный командирскій домъ вошелъ, какъ и всѣ города жители въ ихъ домы, а гарнизонъ въ казармы вошли, и болѣе уже по прежнему обычаю командировъ, въ Самару, т. е., въ Русь не возвращался» (1).

Оренбургская крѣпость, въ которой такимъ образомъ основался начальникъ колонизируемаго края, занимала центральное и первенствующее положеніе въ ряду другихъ военныхъ поселеній, какъ основанныхъ Неплюевымъ, такъ и тѣхъ, которыя устроены были при его предшественникахъ.

Находившаяся на югѣ отъ Оренбурга линія укрѣпленій доходила до устья р. Яика. На этомъ протяженіи было 9 крѣпостей и между ними 18 форпостовъ (2). До Неплюева эта

(1) Жизнь Неплюева, имъ самимъ написанная.

(2) Въ 1750 году эти крѣпости и форпосты шли въ такомъ порядкѣ:

№	Названіе крѣпостей и форпостовъ.	Разстоян отъ Орен.	Отъ' мѣста до мѣста	№	Названіе крѣпостей и форпостовъ.	Разстоян отъ Орен.	Отъ мѣста до мѣста
I	*Гурьевъ городокъ*	863	—	13	Каменные орѣшки.	491	27
1	Коровій яръ . . .	820	43	14	Сахарной.	474	17
2	Сарачикъ.	796	24	15	Мергеневъ	432	42
3	Сарачиковъ. . . .	786	10	16	Сундаевъ.	407	25
4	Баксаевъ.	761	25	17	Кожахаровъ . . .	383	24
5	Тополевой	735	26	18	Бударинъ.	359	24
6	Зеленой колокъ. .	715	20	IV	*Яицкой городокъ.*	274	85
II	*Кулагинъ городокъ.*	693	22	V	*Илецкой городокъ.*	124	150
7	Маринкинъ	673	20	VI	*Разсыпная крѣп.*	99	25
8	Бигирдинской. . .	655	18	VII	*Татищевская.*	58	41
9	Харкинъ	619	36	VIII	*Чернорѣченская.*	22	24
10	Черчухановъ . . .	599	20	IX	*Бердская слобода.*	7	15
III	*Калмыковъ городокъ.*	576	23	X	*Оренбургъ.* (Ист. Оренб. Еж. соч. II. 128—130)		
11	Романовъ.	548	28				
12	Антоновъ.	418	30				

Впослѣдствіи въ этой линіи произведены нѣкоторыя, незначитель-

линія страдала тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что пространство ниже Яикскаго города не имѣло никакихъ укрѣпленій, кромѣ Гурьева города, лежавшаго при устьи Яика и въ значительной степени обвѣтшавшаго (²), и что Яикскіе казаки не были прочно введены въ общую систему военныхъ поселеній за Камой и что вообще въ отношеніи этихъ поселенцевъ на Яикѣ къ мѣстной и центральной администраціи господствовала неопредѣленность, и среди нихъ самихъ шелъ сильный внутренній раздоръ, отвлекавшій эту общину отъ прямаго ея назначенія — охранять Пріякскія земли отъ вторженій кочевниковъ. Чтобы прикрыть пространство между Яикскимъ городомъ и Гурьевымъ и положить преграду къ своевольнымъ «перебѣгамъ и перелазамъ» кочевниковъ, Киргизъ-Кайсаковъ и Калмыковъ въ этомъ пунктѣ чрезъ Яикъ, Татищевъ во время своего управленія Оренбургской экспедиціей предложилъ правительству поселить тутъ Самарскихъ и Алексѣевскихъ дворянъ и казаковъ и драгунскій полкъ. Но этотъ проектъ, получившій въ Декабрѣ 1739 года утвержденіе отъ Кабинета министровъ, «за разными окрестностями и резонами» не былъ приведенъ въ исполненіе (³). Неплюеву приходилось заняться его осуществленіемъ. Признавая настоятельную надобность въ устройствѣ военныхъ поселеній ниже Яикскихъ казаковъ, онъ однакоже считалъ не удобнымъ въ интересахъ колонизаціи края и невыгоднымъ для Яикскихъ казаковъ переселеніе сюда Самарскихъ и Алексѣевскихъ дворянъ и казаковъ и содержаніе тутъ одного драгунскаго полка, потому что казнѣ стоило бы очень дорого такое передвиженіе воинскихъ людей и ихъ устройство на но-

---

ныя впрочемъ, измѣненія; нѣкоторые форпосты уничтожены, другіе вновь учреждены, такъ что списокъ крѣпостей и форпостовъ въ этой линіи, составленный Рычковымъ въ 1760 году (Топогр. Оренб. II, 84—86), разнится нѣсколько отъ представленнаго.

(¹) Капитанъ Залѣсскій, принимавшій въ 1753 году Гурьевъ городокъ въ вѣдомство Оренбургск. губ. отъ Астраханскихъ властей, такъ описалъ состояніе его укрѣпленій: «городъ каменной, весьма вѣтхой въ трехъ стѣнахъ и въ 8-ми башняхъ и бульверкахъ, кои до половины развалились, и вновь сдѣланы цѣлымъ и половянчатымъ кирпичемъ, а четвертая часть стѣны рушилась». (Топ. Оренб. II, 24).

(²) П. С. З. № 8720.

выхъ мѣстахъ», не упоминая о томъ, какія трудности въ довольствѣ ихъ въ тамошнихъ мѣстахъ провіантомъ быть могутъ». Кромѣ того,—писалъ онъ Сенату,—«ежели ниже Яикскихъ казаковъ такое поселеніе учинить, то тѣмъ оныхъ казаковъ весь корпусъ можетъ разориться, и рыбою промышлять (отъ чего они при извѣстномъ ихъ маломъ жалованьѣ все свое пропитаніе имѣютъ) будетъ имъ не возможно». По мнѣнію Неплюева и не было надобности переводить на поселеніе по этой линіи изъ Самары и Алексѣевска воинскихъ людей, равно Казанскій драгунскій полкъ, которыхъ «съ немалою интересамъ пользою» можно было употребить для водворенія въ другихъ пунктахъ Оренбургскаго края,—когда тутъ подъ рукою имѣлись силы Яикскихъ казаковъ (1). Эти казаки, на долю которыхъ выпала честь быть первыми колонизаторами нижняго Яика, хотя еще съ конца XVI столѣтія считались подданными Великихъ Государей (2), тѣмъ не менѣе, пользуясь отдаленностію своего мѣстопребыванія отъ центральной Русской власти, не всегда слушались царскихъ указовъ и часто оказывали противности распоряженіямъ и намѣреніямъ правительства (3). Въ своихъ отношеніяхъ къ нему эта община, образовавшаяся изъ вольныхъ, гулящихъ Русскихъ людей и отъ части изъ переселенцевъ инородческаго происхожденія, заботилась не столько о томъ, какъ бы лучше служить (4) Вели-

(1) П. С. З. № 8720.

(2) Въ первый разъ о службѣ казаковъ Яикскихъ упоминается въ актахъ подъ 1591 годомъ, когда Астраханскимъ воеводамъ князю Сицкому и Пушкину повелѣно было отправить войско противъ «царскаго непослушника» Шахмала; тогда велѣно было въ походъ взять 500 Яикскихъ казаковъ (Акты Истор. I, № 230).

(3) Во время «смутное» Яикскіе казаки были на сторонѣ воровскихъ людей (Акты арх. эксп. II, № 74. 170). Нѣкоторые казаки приставали къ сторонѣ Заруцкаго и Марины (Акты Ист. III, 257). Въ 1649 году они мѣшали строить при устьи Яика городокъ; «Атаманъ Кондыревъ съ товарищи городовые многіе запасы погромили и дровъ и всякихъ запасовъ на городовое дѣло припасать вверху по Яику рѣкѣ не дали» (Акты Истор. IV, № 40). Принимали участіе въ Разинскомъ возмущеніи.

(4) Относительно службы Яикскихъ казаковъ не было сдѣ-

кимъ Государямъ, сколько о сохраненіи и расширеніи своихъ вольностей и льготъ и о неприкосновенности своего казацкаго устройства. Казаки эти, основываясь на жалованной грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича, впрочемъ не сохраненной ими (1), почитали себя единственными обладателями *рѣки Яика съ сущими при ней рѣки и притоки и со всѣми угодьями отъ вершинъ той рѣки до устья*, хотя въ дѣйствительности никогда не владѣли Яикомъ отъ вершинъ до

лано точныхъ опредѣленій. Они призывались рѣдко, только въ крайнихъ случаяхъ. Такъ извѣстно, что они въ числѣ человѣкъ 400 участвовали въ походѣ Шеина подъ Смоленскъ (Акты арх. эксп. III, № 220, 239, 246), въ царствованіе Алексѣя Михайловича бились съ Поляками, принимали участіе въ подавленіи башкирскаго Сеитовскаго бунта (Истор. Оренб. I, 11).

(1) Неплюсву въ бытность его въ 1748 году въ Яикскомъ городкѣ казаки объявили насчетъ подлинныхъ жалованныхъ грамотъ, данныхъ имъ Московскими царями, что «онѣ въ пожарной случай погорѣли», и показали ему только грамоту царей Петра и Іоанна Алексѣевичей, гдѣ говорится о прежнихъ службахъ Яикскаго войска со временъ царя Михаила (Топогр. Оренб. II, 78). Впрочемъ очень вѣроятно, что дѣйствительно такая жалованная грамота правительствомъ царя Михаила дана была Яикскимъ казакамъ: будучи само не въ состояніи непосредственно владѣть Яикомъ и, по всей вѣроятности, не имѣвшее надлежащаго понятія о важности для государства и объ обширности Пріяикскихъ земель, оно не имѣло и поводу отказать имъ въ просимой грамотѣ на владѣніе всѣмъ Яикомъ. То обстоятельство, что верховьями Яика владѣли Башкирцы и, вѣроятно, имѣли отъ царя Ивана IV жалованную грамоту на это владѣніе (къ «матеріаламъ для географіи и статистики Россіи, собранными офицерами генеральнаго штаба»,—Уральское казачье войско, соч. А. Рябинина—приложена копія съ этой грамоты, по которой значится, что Башкирцамъ пожалованы многія изъ тѣхъ земель, на которыя предъявляли свои права Яикскіе казаки,—но подлинность которой авторъ, не объясняя почему, заподозриваетъ. Ч. II, прил. I; ч. I, стр. 17),—не могло составлять для правительства препятствія къ выдачѣ имъ этой грамоты: и позднѣе гораздо правительство селило на Пріяикскихъ земляхъ разныхъ людей, не справляясь, кому эти земли принадлежатъ по старымъ грамотамъ.

устья; на основаніи этой же грамоты они почитали себя въ правѣ набирать къ себѣ на житье вольныхъ людей и жить и управляться по казацкимъ обычаямъ. Они, какъ и другія казацкіе общины, не терпѣли ничьего вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла. Они признавали лишь тѣ законы, которые постановлялись въ казачьихъ кругахъ, большинствомъ голосовъ. Въ этихъ казачьихъ кругахъ, гдѣ каждый казакъ имѣлъ одинаковое съ другими право голоса, производились судъ и расправа. Судъ былъ короткій. Преступленіями считались лишь тѣ поступки, которыми наносился вредъ казацкой общинѣ, или одному изъ ея членовъ: измѣна, трусость, воровство, убійство наказывались смертію; — *въ кулъ да въ воду* было употребительнѣйшимъ способомъ казни. Въ общинѣ этихъ казаковъ господствовало полное равенство. Войсковой ихъ атаманъ былъ только исполнителемъ народной воли, есаулы— его помощниками. Эти выборные чины обязаны были строгою отчетностію предъ кругомъ въ расходованіи общественныхъ суммъ. Такъ жили Яикскіе казаки въ теченіе XVII столѣтія, проводя время въ борьбѣ съ непріязненными сосѣдями, Калмыками, Башкирцами, и занимаясь преимущественно рыболовствомъ, которое доставляло имъ большія выгоды и составляло главный источникъ ихъ богатства, и для котораго потому выработаны были ими сложныя, но безпристрастныя правила, расчитанныя на то, чтобы каждый казакъ имѣлъ одинаковую возможность обогащаться этимъ промысломъ (¹). Между тѣмъ обстоятельства незамѣтно складывались такъ, что положеніе этой казацкой общины въ Русскомъ государствѣ, въ составъ котораго она входила, должно было измѣниться, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не подвергнуться перемѣнамъ общественный и экономическій бытъ казаковъ. Центральная власть въ Россіи,

---

(¹) О способахъ и пріемахъ, которые употребляли Яикскіе при занятіи рыбнымъ промысломъ, и правилахъ, которымъ при ловлѣ рыбы всѣ обязаны были слѣдовать, см Топогр. Оренб. I, 306; также—у Левшина «Историческое и статистич. обозрѣніе казаковъ Спб. 1823 г. Этою книгою, которую мнѣ не удалось достать въ Казани, пользовался я въ извлеченіи, сдѣланномъ А. Пушкинымъ въ его «исторіи Пугачевскаго бунта». Разсказъ Левшина о рыболовномъ промыслѣ казаковъ выписанъ здѣсь вполнѣ. Соч. А. С. Пушкина. Томъ VI, изд. Исакова стр. 129—131.

не любившая, какъ извѣстно, такихъ подданныхъ, которые жили не по ея законамъ и указаніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наносили ущербъ ея интересамъ, пріобрѣтала все болѣе и болѣе силы и крѣпости. Царскіе воеводы и служилые люди начали утверждаться въ мѣстахъ, очень близкихъ къ владѣніямъ казаковъ, и предъявлять имъ требованія безусловнаго послушанія царской волѣ. Въ половинѣ XVII столѣтія построенъ былъ на устьи Яика Гурьевъ городокъ. Событіе это имѣетъ большую важность въ исторіи отношеній правительства къ Яикскимъ казакамъ. Они отрѣзывались отъ моря; на ихъ рѣкѣ утвердились Московскіе воинскіе люди, которые заграждали имъ дорогу къ своевольнымъ грабительскимъ нападеніямъ на прикаспійскія селенія и на промышленниковъ на Каспійскомъ морѣ. Кромѣ того подъ прикрытіемъ этого городка поставленъ былъ на устьи Яика учугъ или перебой, который долженъ былъ заграждать морской рыбѣ путь вверхъ по Яику, отъ чего не могъ не потерпѣть ущерба рыбный промыселъ казаковъ. Они поняли всѣ невыгоды для себя отъ существованія этого города. Но попытка ихъ воспрепятствовать его строенію не имѣла успѣха. Послѣ того, какъ правительству удалось сломить Разинское возмущеніе, въ которомъ Яицкіе казаки принимали участіе, авторитетъ его на нижнемъ Яикѣ получилъ еще болѣе противъ прежняго вѣсу и прочности. Въ 1670 году оно подчинило Яикскихъ казаковъ вѣденію Казанскаго приказа и вслѣдъ за тѣмъ начало постоянно наряжать ихъ на службу. Въ каждой почти войнѣ, какую только вели Русскіе, они должны были отселѣ принимать участіе. Въ 1681 и 1682 года триста казаковъ служили подъ Чигириномъ. Въ 1783 году послано было изъ нихъ 500 человѣкъ къ Мензелинску для усмиренія бунтовавшихъ Башкирцевъ, за что, сверхъ жалованья деньгами и сукномъ повелѣно было снабжать ихъ артиллерійскими снарядами. Во время царствованія Петра Великаго они были употребляемы въ большей части главныхъ военныхъ дѣйствій, какъ то: въ 1696 г. подъ Азовомъ; въ 1701, 1703, 1704, 1707 противъ Шведовъ; въ 1708 году 1225 человѣкъ были посыланы для усмиренія Башкирцевъ; въ 1711 году 1500 человѣкъ ходили на Кубань; въ 1717 году 1500 человѣкъ отправлены были съ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ въ Хиву (1). Въ 1720

(1) Тамже стр. 121.

году Петръ Великій, признавъ за нужное усилить правительственный надзоръ за Яикскими казаками, повелѣлъ для того отдать ихъ равно, какъ Донскихъ и Гребенскихъ казаковъ, въ вѣденіе Военной коллегіи (1). На Яикѣ посмотрѣли на это распоряженіе правительства, какъ на нарушеніе казацкихъ правъ. Казаки отказались повиноваться правительственнымъ распоряженіямъ, подняли мятежъ. Говорятъ, что не надѣясь на успѣшный исходъ возстанія, они подожгли въ 1722 г. свой городъ, въ намѣреніи переселиться въ Киргизскія степи и основаться тамъ независимымъ отъ Русской власти поселеніемъ. Узнавъ о казацкомъ волненіи, Петръ Великій отправилъ на Яикъ полковника Захарова съ регулярнымъ войскомъ. Казаки присмирѣли. Главные зачинщики волненія преданы были лютымъ казнямъ, менѣе виновные сосланы, или же послѣ нещаднаго наказанія плетьми оставлены на мѣстѣ. Послѣ этой расправы полковникъ Захаровъ произвелъ перепись казакамъ, которыхъ насчиталъ 3196 человѣкъ, раздѣлилъ ихъ на сотни и десятки, объявилъ имъ, что отселѣ они будутъ получать постоянное жалованье въ размѣрѣ по 1500 р. на все войско и по осминѣ на человѣка, и что Государь самъ будетъ утверждать выбраннаго войскомъ атамана. Яикскіе казаки такимъ образомъ обращены были въ людей служилыхъ, обязанныхъ нести службы подъ начальствомъ людей, выборъ которыхъ въ атаманы угодно будетъ утвердить Государю и смѣнять которыхъ по своей волѣ поэтому они не имѣли права (2). Этимъ подрывалась одна изъ главныхъ основъ ихъ первоначальнаго общественнаго устройства. Вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ отнято было старинное ихъ право, по которому она принимали къ себѣ вольныхъ пришлыхъ людей; послѣ переписи Захарова пришлыхъ людей принимать имъ къ себѣ запрещено было (3). Возникшія въ 30 годахъ XVIII столѣтія среди Яикскихъ казаковъ внутреннія несогласія послужили для правительства побужденіемъ и предлогомъ къ усиленію правительственнаго надзора за ними. Дѣло въ томъ: до сихъ поръ въ средѣ казацкой общины

---

(1) П. С. З. № 3750.

(2) А. Рябининъ. Уральское казачье войско. Спб. 1866 г. стр. 30.

(3) Топогр. Оренб. II, 81.

какъ уже сказано, господствовало полное равенство. Выборные казацкіе чины,—*войсковой атаманъ*, представлявшій высшую исполнительную власть, три или два *наказныхъ атамана*, вѣдавшіе вмѣстѣ съ войсковымъ сборъ и счетъ войсковыхъ денегъ, начальствовавшіе въ военное время отрядами и заступавшіе во время отсутствія войсковаго атамана его мѣсто, *войсковые есаулы*, бывшіе помощниками наказныхъ, завѣдывавшіе письменною частію въ войсковой избѣ, носившіе предъ атаманомъ жезлы и булаву во время народныхъ собраній, *сотники и пятидесятники* низшіе чины во время походовъ, въ мирное время не имѣвшіе особыхъ обязанностей,—были прямыми слугами казачества, отвѣтственными предъ нимъ, и только предъ нимъ. Прохожденіе этихъ должностей не влекло за собою для тѣхъ, кто отправлялъ ихъ, никакихъ особенныхъ правъ и преимуществъ: сегодня атаманъ, а завтра, когда выбирали на эту должность другаго, такой же казакъ, какъ и прочіе. Нѣкоторымъ изъ нихъ казачество, въ знакъ благодарности за особыя ихъ услуги войску, давало званіе *войсковыхъ старшинъ*, которымъ тѣ пользовались пожизненно; но съ этимъ званіемъ не соединялось никакихъ особыхъ преимуществъ. Оно было почетнымъ. Правда на дѣлѣ преимущественно изъ войсковыхъ старшинъ казаки выбирали на высшія должности въ войскѣ; но это не было закономъ: войсковой старшина, какъ бы ни былъ популяренъ въ войскѣ по своимъ и предковъ своихъ заслугамъ и по богатству,—могъ быть обойденъ при выборахъ, а если его выбирали на какую либо высшую должность, то долженъ былъ радѣть единственно объ интересахъ войска. Вообще всѣ эти вліятельные казаки, говоритъ г. Рябининъ (1), «сливались съ народомъ и отдѣляться отъ него не могли, не опасаясь потерять свое значеніе и вѣсъ: страхъ народнаго суда держалъ ихъ въ уздѣ. Когда же выборы стали производиться подъ опекою административныхъ учрежденій и лицъ; то богатые и вліятельные казаки тотчасъ же отстали отъ народа и старались заявить свой благонамѣренный образъ мыслей предъ правительствомъ, расчитывая, что тогда выборъ можетъ пасть на нихъ исключительно и дастъ имъ возможность наживаться

(1) Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Уральское казачье войско. Спб. 1866. стр. 31—32.

на войсковой счетъ, не рискуя почти ничѣмъ, и вмѣстѣ пользоваться привиллегіями правительственныхъ чиновниковъ. Расчетъ оказался вѣрнымъ, и хотя оффиціальнымъ путемъ сословіе яикскихъ чиновъ было признано гораздо позже, но званія старшинъ, есауловъ и сотниковъ мало по малу переходятъ въ ранги, и пріобрѣвшія ихъ лица сохраняютъ свои преимущества и по смѣнѣ. Начиная со второй четверти столѣтія, въ грамотахъ и указахъ о чиновникахъ упоминается уже какъ бы о сословіи». Какъ бы то ни было, только, начиная со второй четверти XVIII столѣтія, войсковые атаманы и старшины весьма усердно стали расхищать войсковую казну, и опираясь на цѣлыя толпы клевретовъ подъ названіемъ старшинъ, есауловъ и другихъ должностныхъ лицъ, стали вершить казацкія дѣла по своему произволу, не обращая вниманія на мнѣнія и желанія общества казаковъ. Такъ дѣйствовали утвержденный правительствомъ войсковой атаманъ Григорій Меркульевъ и еще болѣе заступившій его мѣсто сынъ его Илья (1). Такое стремленіе старшины къ господству надъ прочими казаками вызвало противодѣйствіе со стороны большинства казаковъ. Противъ партіи старшинъ явилась партія народная, или, какъ называлась она по имени своего вождя, Логиновская. Логиновъ убѣдилъ большинство составить кругъ и потребовать туда Меркульева для отчета въ сборѣ и расходованіи суммъ. Меркульевъ отказался итти въ кругъ по этому зову; его примѣру послѣдовали наказные атаманы. Логиновская партія лишила Меркульева должности атамана, выбравъ на его мѣсто Андрея Карпова большинствомъ 2996 противъ 155 человѣкъ. Меркульевъ обратился за подкрѣпленіемъ себѣ и своей партіи къ Татищеву,

---

(1) Атаманъ Меркульевъ впослѣдствіи признанъ былъ виновнымъ въ томъ, что отпущенное на войско жалованье 9000 р., да на 735 годъ за хлѣбъ 3355 рублей удержалъ у себя и въ томъ отчету не далъ, «а казаковъ большая часть показала, что они на тѣ годы жалованья не получали»; что «въ сборѣ и въ расходѣ войсковыхъ сборныхъ денегъ и въ удержаніи у казаковъ жалованья въ допросъ и въ счетъ не пошелъ и наказныхъ атамановъ не далъ»; что «изъ окладнаго на все войско вина употреблялъ съ старшинами на свои расходы» (И. С. З. Ук. 25 Августа 1740 г. 8215).

управлявшему въ то время Оренбургской экспедиціей. Этотъ послѣдній велѣлъ взять новоизбраннаго атамана подъ караулъ «по нѣкоторому дѣлу»; на мѣсто Карпова избранъ былъ подъ вліяніемъ Меркульева, «а не по общему совѣту» Василій Прытковъ, человѣкъ ему преданный, бывшій при немъ есауломъ у сбору денегъ», который началъ править войскомъ въ духѣ своего покровителя: такъ онъ отказался доставить войсковому общему собранію для провѣрки приходныя и расходныя книги (1). Теперь въ свою очередь Логиновская партія обратилась за содѣйствіемъ противъ Меркульева и его сторонниковъ къ правительству. Отъ нея отправлены были въ С. Петербургъ депутаты съ жалобою на злоупотребленія Меркульева и Прыткова и съ прошеніемъ о скоромъ произведеніи слѣдствія надъ ними (2). Военная коллегія и Кабинетъ-министровъ, разсмотрѣвъ челобитную депутатовъ Яикскаго войска, пришли къ заключенію, что это «войско (хотя напрежде сего казакамъ то жестоко запрещено), раздѣлясь на двѣ партіи, выбираетъ себѣ атамановъ не общимъ приговоромъ, и присылаютъ оттуда казаковъ въ С. Петербургъ сотники каждой партіи отъ себя, отъ чего Военной коллегіи чинятся разныя затрудненія и казнѣ убытокъ отъ выдачи присылаемымъ съ тѣми отписками казакамъ жалованья и прогоновъ» (3). Въ отвращеніе на будущее время такихъ безпорядковъ было указано: «Тайному Совѣтнику Татищеву разсматривать, кому нынѣ на Яикѣ наказнымъ атаманомъ быть надлежитъ, и кого онъ опредѣлитъ, того старшинамъ и казакамъ за наказнаго атамана признавать» съ надлежащимъ послушаніемъ ему «безъ всякой противности, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія и ссылки, а между тѣмъ временемъ быть наказнымъ атаманомъ Прыткову»; челобитчиковъ изъ С. Петербурга отправить назадъ, давъ имъ жалованье и прогоны, «а впредь за такими дѣлами нарочныхъ казаковъ отъ войска въ С. Петербургъ подъ штрафомъ не присылать, а дѣла бывшаго атамана Меркульева и старшины Логинова и казаковъ, что другъ на друга просятъ и доносятъ, слѣдстві-

---

(1) Указъ 22 Августа 1738 года. Изд. въ сочиненіи г. Рябинина «Уральское казачье войско»; прилож. № III.

(2) Тамже,

(3) Тамже.

емъ, какъ скоро возможно, кончить» (1). Очевидно, что это рѣшеніе, выгодное только для партіи старшинъ, не могло успокоить Яикскихъ казаковъ, тѣмъ болѣе, что эта партія, съумѣвъ снискать благорасположеніе мѣстной и центральной администраціи, стала дѣйствовать по отношенію къ своимъ противникамъ безъ всякой справедливости. Войсковой станичный атаманъ Прытковъ по злобѣ своей сковалъ бывшаго наказнаго атамана Карпова и старшину Семена Землюнучинова и отослалъ подъ карауломъ въ Самару къ Татищеву (2). Партія Логиновская тогда, не смотря на то, что недавно запрещено было правительствомъ посылать казакамъ челобитчиковъ въ С. Петербургъ, въ Ноябрѣ того же года (1738) снова отправила депутатовъ туда съ челобитной въ обидахъ на Меркульева, не перестававшаго быть коноводомъ враждебнаго ей меньшинства; «но оные, такожъ и писарь Ѳедоръ Алабинъ, который обще съ нимъ Логиновымъ на атамана Меркульева доносилъ, по приказу тайнаго совѣтника Татищева, въ Самарѣ задержаны были за карауломъ, а сотники въ желѣзы были закованы и въ С. Петербургъ не допущены, а возвращены по прежнему на Яикъ со взятьемъ порукъ, чтобы жить имъ въ Яикскомъ городкѣ и безъ указу до рѣшенія дѣла не съѣзжать» (3). Слѣдствіе тянулось до 1740 года и всетаки совсѣмъ не было кончено. Впрочемъ Логиновская партія, не смотря на то, что была въ загонѣ, съумѣла направить его въ свою пользу. Только немногіе казаки сдѣлали показанія въ пользу и о правданіе Меркульева и его сторонниковъ, а большая часть высказалась въ пользу и оправданіе Логинова, на котораго его противники не преминули съ своей стороны взвести обвиненія въ разныхъ злоупотребленіяхъ (4).

---

(1) Тамже,

(2) П. С. З. № 8215,

(3) Тамже.

(4) Логиновъ обвиненъ былъ въ несправедливости и недоказательности нѣкоторыхъ изъ своихъ доносовъ на Меркульева, еще въ томъ, что «у бывшихъ въ низовомъ походѣ казаковъ у 250 человѣкъ удержалъ жалованья съ 450 р. и о томъ въ войсковой судъ не пошелъ» и что у одного казака «жалованье и данныя на сбереженіе собственныя его деньги, 4 р., удержалъ» (Тамже).

Правительство, принявъ во вниманіе, что въ допосахъ обѣихъ сторонъ, одна на другую, «столько разности показано, что и разобрать не возможно», постановило, согласно мнѣнію Военной коллегіи, «по нѣкоторымъ пунктамъ впредь дослѣдовать, а другіе вовсе уничтожить», т. е., замять дѣло, а въ отвращеніе безпорядковъ на будущее время принять такія мѣры по отношенію къ враждебнымъ партіямъ и ко всему войску: 1, Вождей противныхъ партій, Меркульева и Логинова, перваго за учиненныя имъ казакамъ обиды лишить атаманства, но денегъ, удержанныхъ имъ въ свою пользу изъ суммы, принадлежащей казакамъ,—«за службы его отца, такожъ и за показанныя его извѣстныя вѣрности,» не взыскивать, а втораго, «хотя по слѣдствію въ иномъ и самъ виноватъ и подлежалъ штрафу,» но во вниманіе того, что имъ были обнаружены злоупотребленія Меркульева, отъ этого штрафа также освободить, и за тѣмъ обоихъ, въ предотвращеніе между ними дальнѣйшей вражды, съ Яика вывесть, послявъ старшинами въ другія станицы. 2, Назначеніе впредь атамана предоставить правительству. Старшины же и казаки имѣютъ право только, съ общаго согласія выбравъ трехъ кандитатовъ, представить о нихъ въ Военную коллегію, которая должна выборъ разсмотрѣть и съ приложеніемъ своего мнѣнія представить въ Кабинетъ для Высочайшей конфирмаціи. 3, Предоставить казакамъ право жаловаться на несправедливости и злоупотребленія атамановъ, подъ страхомъ, если чья жалоба окажется неосновательною, истязанія, опредѣленнаго указами за ябедническія челобитныя. 4, Для того, чтобы администрація имѣла возможность провѣрять могущія быть жалобы казаковъ на незаконныя дѣйствія ихъ войсковаго управленія, указано было «какъ опредѣленнымъ на жалованье тому войску деньгамъ, такъ и другимъ войсковымъ доходамъ имѣть приходныя и расходныя книги за шнуромъ и войсковой печатью (1), и въ тѣхъ деньгахъ сборщиковъ усчитывать при войскѣ погодно, а на войсковые домашніе расходы денегъ съ

(1) До того времени, какъ свидѣтельствуетъ указъ, которымъ узаконялись излагаемыя мѣры, «сборамъ и расходамъ обыкновенныхъ приходныхъ книгъ казаки не имѣли, а записывали на лоскуткахъ и суды производили на словахъ, отъ чего въ прошедшемъ слѣдствіи между Меркульевымъ и Логиновымъ ни единаго дѣла въ конецъ не изслѣдовано, а что имъ въ вину причтено, и то по однимъ казацкимъ сказкамъ» (П. С. З. № 8215).

казаковъ, кромѣ поведерныхъ и вѣсовыхъ, сбирать запретить, а службу отправлять всѣмъ на ряду, и командированія въ партіи на караулы и въ посылки чинить по нарядамъ, когда до кого очередь дойдетъ; также и между старшинами и казаками въ происходящихъ обидахъ суды производить, пока надлежащій порядокъ введенъ будетъ, хотя по прежнему ихъ казацкому обыкновенію, однакоже на письмѣ, дабы обиженные, если кто будетъ просить о неправомъ рѣшеніи, о своей правдѣ могли свидѣтельствоваться самыми тѣми дѣлами». Наконецъ 5, рѣшено было преобразовать устройство Яикскаго войска, ввести такой порядокъ управленія войсковыми дѣлами, при которомъ внутренній покой между казаками не могъ бы нарушаться. Военная коллегія обязана была, собравъ свѣдѣнія, «на какомъ основаніи эти казаки сперва тамъ поселены, какія вольности и жалованныя грамоты притомъ имъ даны, и генерально объ всемъ, что до нихъ касается», составить проектъ новаго устройства казацкаго быта.

Однакожъ эти постановленія не были приведены въ исполненіе. Прежнее устройство Яикской общины осталось въ полной силѣ. Раздоры и несогласія продолжали волновать ее еще съ большею противъ прежняго силою (1). Мѣстная администрація, занятая башкирскими дѣлами, а центральная—придворными смутами, не обращали на Яикскихъ казаковъ вниманія въ той мѣрѣ, въ какой оно требовалось въ дѣлѣ преобразованія казацкаго устройства.

Неплюевъ снова поднялъ вопросъ о казакахъ, когда пришлось ему устроивать военныя населенія по нижнему теченію Яика. Онъ нашелъ, что Яикское казачество, при многихъ недостаткахъ и непріятныхъ для правительства сторонахъ общественнаго его устройства, представляетъ отличный, незамѣнимый матеріалъ для военной колонизаціи этого края (2).

---

(1) Рябининъ. Уральское казачье войско. Ч. I, стр. 33.

(2) «Такой сильной, легкой и исправной корпусъ,—писалъ Неплюевъ Сенату, желая склонить его къ отмѣнѣ Татищевскаго проекта военной колонизаціи на нижнемъ Яикѣ,—разорить весьма не полезно; ибо по обстоятельствамъ тамошнихъ заграничныхъ народовъ ко всякимъ нужнымъ случаямъ другихъ, такъ способныхъ людей, тамъ нѣтъ, и на такомъ основаніи, какъ оные Яикскіе казаки, завести будетъ не можно». П. С. З. № 8720.

По его предложенію, охотно принятому самими казаками и утвержденному 11 апрѣля 1743 года Сенатомъ, Яикское войско должно было взять на себя защиту Нижнеяикской линіи и для этого на свой коштъ устроить два городка: «первый отъ Гурьева городка вверхъ по Яику во 120 верстахъ при урочищѣ Кулагина Ярка, другой выше Индерскихъ горъ при урочищѣ Калмыкова Яру, разстояніемъ отъ Кулагина въ 80 верстъ, а отъ Яикскаго городка въ 300 в., и въ этихъ городкахъ содержать, пока фундаментальнымъ житьемъ тамъ они не обселятся, съ перемѣною погодно въ каждомъ по 500 казаковъ, которые между тѣми крѣпостьми отъ Гурьева до Яикскаго городка непрестанные разъѣзды и расположеніе форпостовъ обязаны были взять на себя»; также въ Гурьевѣ городкѣ Яикское войско должно было содержать погодно съ перемѣною по 100 человѣкъ; кромѣ того въ случаѣ, еслибы появился непріятель въ большомъ числѣ, казаки и всѣмъ войскомъ должны были служить. Вслѣдствіе этого возникли новыя крѣпости, Калмыковская и Кулагинская, которыя въ свою очередь дали начало форпостамъ низовой линіи и образовали укрѣпленную цѣпь постовъ, передовые пикеты которыхъ содержались на лѣвой сторонѣ Яика. За такую службу казаковъ приказано было, согласно желанію Яикскаго войска, отворить для него казенные Гурьевскіе учуги отъ каждаго берега по восьми саженъ. Но такъ какъ потомъ оказалось, что полученіе выгоды, на которыя расчитывали казаки, прося, чтобы отворенъ былъ учугъ на такомъ разстояніи, въ значительной степени затруднялось вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ (1), то Неплюевъ исходатайствовалъ у правительства въ

(1) Никогда, свидѣтельствовалъ въ 1749 т. Неплюевъ, учуги не отворялись на предписанное число саженъ. «Къ тому же въ самыхъ тѣхъ отломахъ, гдѣ рыбному ходу быть надлежитъ, заставливаютъ купеческими судами въ оные же обломы, вверхъ Яикомъ рѣкою судами ходятъ дрова, камышъ и прочее возятъ, тѣмъ всегда рыбу пугаютъ и въ ходу ей препятствуютъ» (П. С. З. № 9689). Рычковъ говоритъ, что послѣ того, какъ для Яикскихъ казаковъ открыты были учуги на восемь саженъ отъ обоихъ береговъ, «изъ того между Яицкими казаками и Астраханскими рыбными промышленниками случались великіе споры и весьма затруднительныя разбирательства», что и побудило глав-

пособіе войску, для содержанія на низовой линіи доброконныхъ и оружейныхъ казаковъ, ежегодную выдачу, сверхъ жалованья, по 2 т. рублей; затѣмъ сталъ просить, чтобы Гурьевскіе учуги отданы были Яикскому войску въ вѣчное содержаніе безоброчно и безпошлинно, и, когда правительство на это не согласилось (1), то настоялъ по крайней мѣрѣ на томъ, что учуги при Гурьевѣ городкѣ съ рыбными ловлями, съ таможенными и питейными сборами въ 1752 году отданы были въ содержаніе этому войску изъ платежа въ казну по трехлѣтней сложности оброка, именно по 4692 р. 69 к. за учуги, и по 714 р. 10 к. за таможенные и питейные сборы, всего по 5446 р. 79 к. въ годъ (2). Мѣра эта, очень выгодная для казаковъ, оказалась выгодною и въ интересахъ рыболовнаго вообще промысла на Яикѣ: по свидѣтельству Рычкова, послѣ уничтоженія казенныхъ промысловъ въ Гурьевѣ, «оные весьма знатно умножились» (3).

Охраняя такимъ образомъ экономическіе интересы Яикскихъ казаковъ, Неплюевъ въ тоже самое время не находилъ полезнымъ поддерживать старинныя основы, на которыхъ утверждалось ихъ военное и общественное устройство. Напротивъ онъ стремился преобразовать ихъ бытъ, устроить его на новыхъ основаніяхъ, болѣе согласовавшихся съ потребностями колонизируемаго края и назначеніемъ, какое опредѣлено было имъ для этой общины. Измѣненія, произведенныя имъ въ ея быту, прежде всего коснулись военнаго ея устройства. Онъ раздѣлилъ всѣхъ дѣйствительно служащихъ казаковъ на семь станицъ или полковъ; для каждаго полка опредѣленъ былъ штатъ въ 500 человѣкъ рядовыхъ и 8 начальниковъ, такъ что весь корпусъ Яикскаго казацкаго войска вмѣстѣ съ войсковымъ атаманомъ и съ прочимъ войсковыми чинами составлялъ 3572 человѣка (4). За тѣмъ точно опредѣлены были служебныя обя-

---

нымъ образомъ Неплюева ходатайствовать предъ правительствомъ о предоставленіи учуговъ въ полное содержаніе казаковъ (Топ. Оренб. II, 24).

(1) П. С. З, № 9689.

(2) Тамже № 9988.

(3) Топ. Оренб. II, 252.

(4) Тамже 81.

занности этого войска: оно должно было нести *внутреннюю* постоянную службу, о которой говорено выше, *и внѣшнюю*; т. е., правительство, въ случаѣ надобности, могло потребовать казаковъ на службу и внѣ ихъ владѣній, потребовать или извѣстную часть ихъ, при чемъ тѣ казаки, которымъ выпадало итти въ походъ, могли нанимать вмѣсто себя другихъ казаковъ, или даже весь корпусъ, въ тѣхъ расчетахъ, что казацкія поселенія вслѣдствіе того не могутъ остаться безъ воинскихъ людей, потому что на Яикѣ сверхъ записанныхъ въ дѣйствительно служащіе казаки имѣлось немало не верстанныхъ въ службу и отставныхъ (1). Во время командировки въ отдаленныя мѣста (не ближе 100 верстъ отъ мѣста ихъ жительства) Яикскіе казаки, коихъ непосредственный начальникъ, войсковой атаманъ находился въ командѣ Оренбургскаго губернатора (2), получали, какъ и Донскіе казаки, денежное жалованье (простые казаки по 1 р. въ мѣсяцъ, начальники ихъ, старшины, есаулы, хорунжіе, сотники, войсковой писарь по 1 р. 50 к., походный атаманъ изъ 200 р., а полковникъ изъ 100 по расчету,) провіантъ, фуражъ (3). Ходатайство Неплюева предъ правительствомъ объ увеличеніи жалованья казаковъ за внутреннюю службу до 7901 р. на все войско, или до 1 р. 50 на каждаго рядоваго въ годъ оставлено было безъ отвѣта (4).—Къ вѣдомству Яикскаго войска отнесены были и Илекъ, или Илецкая станица, и Сакмарскій казачій городокъ. Начало поселенію Илецкой станицѣ (близъ впаденія Илека въ Яикъ) положили въ 1730 года выходцы изъ Яикскаго города; за тѣмъ это поселеніе увеличилось переселенцами изъ бѣглыхъ Татаръ и Русскихъ, преимущественно раскольниковъ. Правительство нашло полезнымъ признать оффиціаль носуществовавшіе этого поселенія. При Татищевѣ даны ему казацкія права, послѣ чего оно должно было находиться подъ вѣдомствомъ Яикскаго атамана. Неплюевъ, оставивъ зависимость Илека отъ Яикскаго войска въ полной силѣ, ввелъ тамъ правильную организацію, установилъ границы

---

(1) Топ. Оренб. II, 86.

(2) Рябининъ. Уральское войско. Прилож. № IV.

(3) Тамже. Прилож. № X.

(4) Топ. Оренб. II, 88.

поземельныхъ владѣній этого поселенія, учредилъ штатъ (1) и точно опредѣлилъ обязанности казаковъ по отношенію къ правительству, которыя состояли въ томъ, что они обще съ Яикскими казаками должны были содержать одинъ форпостъ, и кромѣ того обязаны были охранять и защищать свою линію отъ набѣговъ Киргизовъ, не получая за это жалованья (2), а довольствуясь содержаніемъ отъ хлѣбопашества, звѣриной и рыбной ловли, такъ какъ мѣстность, ими занятая, представляла къ занятію этими промыслами всѣ удобства (3). Онъ въ 1748 году установилъ и правила, которымъ эти казаки обязаны были слѣдовать при занятіи промыслами и при устроеніи своего хозяйства, правила, расчитанныя на то, чтобы хозяйство ихъ не терпѣло отъ внезапныхъ нападеній Киргизовъ (4) и отъ собственной ихъ небрежности и лѣни (5).

---

(1) Въ опредѣленіи Неплюева относительно Илека 23 ноября 1748 г. на этотъ счетъ сказано: «оной Илецкой станицы полагается комплектъ, а именно: безсмѣнно атаманъ одинъ, есаулъ одинъ, писарь одинъ, рядовыхъ 464, изъ котораго числа выбирать съ перемѣною погодно лучшихъ и надежныхъ людей хорунжихъ 5, да урядниковъ 9; а изъ сотниковъ одному всегда и у всѣхъ дѣлъ присутствовать поочередно при атаманѣ, и больше вышеписаннаго никакихъ старшинъ не имѣть»... «Всѣ должны имѣть лошадей добрыхъ и во всемъ надлежащую справку, яко то: исправное ружье, турку, сайдакъ и, по крайней нуждѣ, доброе длинное копье имѣть, и быть каждому во всякой осторожности и къ походамъ въ партіи, или куда бы ни востребовались» (Изд. въ книгѣ г. Рябинина. Уральское войско въ Прил. № VII).

(2) За исключеніемъ атамана, есаула и писаря, которымъ, такъ какъ имъ не было, по свойству ихъ должностей, времени заниматься промыслами, положено первому по 24 р., а послѣднимъ каждому по 12 р. въ годъ (Тамже пунктъ 7-й).

(3) Топогр. Оренб. II, 83.

(4) Неплюевъ думалъ въ этихъ видахъ Илецкой городъ съ лѣвой стороны Яика перенести на правую. Но казаки представили ему, что отъ этого послѣдуютъ для нихъ не только великіе убытки, но и разореніе. Неплюевъ согласился оставить ихъ городокъ на прежнемъ мѣстѣ, но подъ условіемъ исполненія слѣдующихъ правилъ: «только тѣмъ казакамъ, для опасности отъ воровскихъ киргизъ-кайсацкихъ нападеній, пашни и сѣнокосъ на этой сторонѣ нигдѣ не имѣть и на телѣги не косить, такожъ

Подобное же устройство дано и Сакмарской станицѣ, основанной въ 1725 году выходцами изъ Яикскаго города въ 30 верстахъ отъ устья Сакмары. Въ этой станицѣ было до 200 казаковъ русскихъ и до 50 изъ иновѣрцевъ, которые имѣли особаго станичнаго атамана, подчиненнаго Яикскому войсковому суду, но вмѣстѣ съ Яикскими казаками, по причинѣ отдаленности ихъ городка отъ Яикска (298 в.), не служили, будучи употребляемы къ разнымъ дѣламъ и нарядамъ

табуновъ тутъ не пасти, а пахать и косить всѣмъ и табуны содержать, какъ лошадиной, такъ и скотской, на здѣшней Яикѣ рѣки сторонѣ, яко тутъ луговъ весьма довольно, и пашня около рѣчки Заживной можетъ быть способная... Атаману и сотникамъ наблюдать, чтобы во время работное городокъ ихъ безлюденъ не оставался, и никогда бы меньше трети въ городѣ не было». Нарушителей этихъ правилъ предписано было «ловить и при собраніи казаковъ чинить имъ въ кругу жестокое наказаніе... Ежели же атаманъ и сотники пренебрегутъ сіе, и паче когда кто отъ своевольства и отъ несмотрѣнія ихъ пропадетъ, то имѣютъ взяты быть въ Оренбургскую губернскую канцелярію и жестоко будутъ за сіе истязаны» (Уральское каз. войско. Прилож. № VII). Гумны велѣно имѣть въ одномъ мѣстѣ, именно съ восточной стороны съ въѣзду въ городъ, такъ чтобы они могли быть подъ прикрытіемъ пушекъ (Тамже п. 2-й).

(5) «Атаманъ, есаулъ и сотники особенно должны попеченіе и смотрѣніе имѣть, чтобы каждый казакъ свою экономію, т. е., дому и скота содержаніе, хлѣбопашество и прочіе промыслы, въ чемъ всѣхъ ихъ, яко безжалованныхъ людей, пропитаніе состоитъ, порядочно производилъ, и никто тунеядцемъ и пьяницею не былъ, и никакихъ бы непотребствъ и воровства не чинилъ, которыхъ отъ такого безпутства всячески воздерживать и къ тому приводить, чтобы всѣ жили спокойно и добропорядочно, также бы бѣглыхъ и безпаспортныхъ не было у нихъ пристанища... Всячески понуждать ихъ, чтобы они избы свои и дворы хорошенько и порядочно устраивали и покрывали бы, а тѣ крыши, которыя сдѣланы изъ соломы, съ первымъ вешнимъ временемъ сбросить и велѣть покрыть лубьемъ или досками, и впредь изъ соломы оныхъ отнюдь не дѣлать; изъ опасности же отъ пожарныхъ случаевъ имѣть въ городкѣ особливое учрежденіе и надлежащіе пожарные инструменты» (Тамже пункть 6).

по Оренбургу. Содержаніе получали болѣе отъ пашенъ, такъ какъ къ ихъ городу прилегли мѣста, весьма удобныя для хлѣбопашества, отъ сплавки въ Оренбургъ лѣса, котораго по близости къ нимъ было много, отъ возки на заводы мѣдныхъ рудъ и т. п. (1).

Яикское казачество такимъ образомъ, благодаря Неплюеву, получило правильную военную организацію; различныя казацкія поселенія, не имѣвшія дотолѣ прочной между собою связи, соединены были подъ однимъ управленіемъ Яицкаго войсковаго атамана, отданнаго въ команду Оренбургскаго губернатора. Получивъ штатъ, каждая часть казачества вмѣстѣ съ тѣмъ должна была исполнять опредѣленныя обязанности по отношенію къ государству, назначенныя сообразно и съ географическимъ положеніемъ казацкихъ поселеній и съ видами правительства.

Желая развить и утвердить эти начала, Неплюевъ въ 1748 году, послѣ личнаго тщательнаго осмотра казацкихъ поселеній, составилъ подробный проектъ новаго устройства Яикскаго войска, касавшійся не одной его военной организаціи, но захватывавшій и другія стороны его быта. Но этому проекту, представленному имъ въ Ноябрѣ того года въ Военную коллегію, не дано было ходу.

Къ западу отъ Оренбурга шла линія укрѣпленій по р. Самарѣ и имѣла своимъ назначеніемъ связать Яикскую линію съ Волгою и раздѣлить Башкирцевъ отъ Калмыковъ, кочевавшихъ въ степяхъ между рѣками Волгою, Яикомъ и Самарою. На этой линіи находилось, кромѣ города Самары, который въ военномъ отношеніи подчиненъ былъ также Оренбургскому начальству, 9-ть крѣпостей, изъ коихъ Сорочинская была главною, центромъ управленія всей линіей Самарской (2), и кромѣ того три редута. Всѣ почти эти крѣпости, изъ которыхъ блажайшая къ Оренбургу, Переволочная, находилась только въ 22 отъ него верстахъ, основаны были

(1) Топогр. Оренб. II, 83.

(2) За исключеніемъ Самары и Алексѣевска, которыя, во время губернаторствованія Неплюева, составляли особый военный округъ подъ управленіемъ Ставропольскаго командира, подчиненный непосредственно Оренбургскому губернатору (Топ Оренб. II, 101 и далѣе).

еще при Кириловѣ: лишь двѣ крѣпости, Ольшанская и Новосергіевская, застроены были уже послѣ, первая въ 1741 году кн. Урусовымъ, вторая въ 1738 году Татищевымъ.

Къ сѣверу отъ Оренбурга, съ которымъ такимъ образомъ связаны были Нижнеяикская и Самарская линія, шелъ двойной рядъ военныхъ поселеній, одинъ вверхъ по Яику, другой по Сакмарѣ.

Верхнеяикская линія, принявъ сначала по изгибу Яика восточное направленіе, затѣмъ по тойже рѣкѣ потянулась прямо почти на сѣверъ и заканчивалась Верхояикской крѣпостію, имѣя на своемъ протяженіи въ 560 слишкомъ верстъ десять, раздѣленныхъ на двѣ дистанціи, Красногорскую и и Орскую, крѣпостей и между ними 16-ть редутовъ (¹). За исключеніемъ крѣпостей Красногорской, Озерной, Губерлинской, Орской и Верхояикской, основанныхъ предшественниками Неплюева, всѣ остальныя устроены послѣднимъ. Пройдя Верхояикскую крѣпость, эта линія вскорѣ развѣтлялась. Одна вѣтвь ея потянулась къ рѣкѣ Ую и чрезъ нее къ Тоболу, чтобы ввести въ связь съ военными поселеніями Оренбургскаго вѣдомства Сибирскіе форпосты, захватила Тоболъ и дошла до Звѣриноголовной крѣпости, которая въ 1753 году передана была отъ Сибирскаго губернатора также въ вѣдомство Оренбургской губерніи. Кромѣ послѣдней, да крѣ-

---

(¹) Укрѣпленія шли въ такомъ порядкѣ:

1) Оренбургъ
Редуты { Нѣженскій / Вязовый
2) Красногорская
Володимірскій
Гильярскій
3) Озерная
Никольскій
4) Ильинская
Подгорный
5) Губерлинская
Разбойный
6) Орская
Калпацкой
Тераклинскій
7) Таналыцкая
Березовскій
8) Урдасымская
Урдасымскій
Грязноминскій
9) Кызильская
Сыртенскій
Яйгельскій
10) Магнитная
Верхне-Кызильскій
Спасскій
11) Верхояикская

(Ист. Оренб. Еж. Соч. 1859 II, 129. Топ. Оренб. II, 135—140).

постей Уклыкарагайской и Верхне-Уйской, основанныхъ въ тридцатыхъ годахъ, всѣ остальныя военныя поселенія (1) на этой вѣтви, раздѣлявшейся на двѣ дистанціи, Верхне-Уйскую (главная крѣп.—Верхояикская) и Нижне-Уйскую (главная крѣп.—Троицкая), заведены были Неплюевымъ. Другая вѣтвь, также отправляясь отъ Верхояикской крѣпости и пройдя также Углыкарагайскую и Уйскую крѣпости, захватила съ одной стороны рѣчку Увелку (вп. въ Уй) и близъ лежащія озера (2), съ другой р. Міасъ (3) и чрезъ нее вошла въ связь съ укрѣпленными слободами и селами какъ по этой рѣкѣ, такъ и по Исети (4), а чрезъ послѣднюю и съ укрѣпленіями по Тоболу (Исеть вп. въ Тоболъ, принимаетъ Міасъ) и съ Екатеринбургскимъ вѣдомствомъ.

Сакмарская линія до Неплюева охранялась однимъ только Сакмарскимъ казачьимъ городкомъ, или, что точнѣе будетъ, ея не было. Вслѣдствіе этого укрѣпленія, еще при Ки-

---

(1) Эти укрѣпленія были слѣдующія: 1, *Верхояикская* кр. редутъ Сіяжскій, 2, крѣп. *Уклыкарагайская*, ред. Ерзединскій, 3, *Уйская* (такъ какъ она отъ Верхояицкой пристани не мало въ лѣвую сторону отдалилась, то впослѣдствіи ее отъ Уйской линіи отчислили Топ. Оренб. II, 189), Кадыжскій, 4, *Петропавловская*, 5, *Степная*, Подгорный, Санарскій, 6, *Троицкая*, Ключевской, 7, *Каракульская*, Березовскій 8, *Крутоярская*, Луговой, 9, *Усть-Уйская*, Качардынской, Озерной. 10, *Звѣриноголовская*. Топ. Оренб. II, 146—152.

(2) 1, крѣп. *Эткульская* при озерѣ Эткуль; 2, *Чебаркульская* при озерѣ Чебаркуль; 3, *Коельская* при впаденіи рѣки Коелги въ Увелку; 4, *Кичигина* на р. Увелкѣ.

(3) По Міасу: 5) *Челябинскъ*, главный пунктъ во всей Исетской провинціи; 6, *Міасская* крѣп. 7, *Окуневскій* острогъ, при впаденіи Окуневки въ Міасъ, съ приписными къ нему слободами и острогами: Карачевскимъ, Чумляцкой (на Міасѣ), Теченской (на р. Течѣ, вп. въ Исеть), Песчанской (на озерѣ Песчаномъ) Буткинской (на рѣчкѣ Будкѣ); 8, *Усть-Міасская*.

(4) Укрѣпленные пункты по Исети: 1, *Исетскій* острогъ, 2, *Мехонскій*, 3, *Красногорскій*, 4, *Бешкильская* слобода, 5, *Инаминская*, 6, *Терсюцкая*, 7, Рафаиловъ монастырь, 8, *Шадринскъ*, 9, *Масленской* остр. 10, *Барневская* слобода, 11. Долматовъ мон.

риловѣ основанныя внутри Башкиріи (1), и вообще весь Уфимскій уѣздъ съ старинными укрѣпленными мѣстами (2) не имѣли прочной связи съ Самарской и Яикской линіями. Чтобы устранить могущія происходить отъ того неудобства, Неплюевъ въ 1742 году заложилъ на Сакмарѣ двѣ крѣпости, Пречистенскую и Воздвиженскую, и кромѣ того два редута (3). Впослѣдствіи, въ 1755 году, по случаю вспыхнувшаго тогда башкирскаго мятежа, онъ долженъ былъ признать, что этихъ крѣпостей недостаточно для удержанія Башкирцевъ въ покорности, и потому при рѣчкѣ Зилаирѣ (вп. въ Сакмару) заложилъ новую крѣпость, названную по имени этой рѣчки Зилаирскою.

Матеріалы для заселенія укрѣпленныхъ пунктовъ въ странѣ указаны были еще прежде Неплюева, преимущественно Кириловымъ. Прежде всего назначались къ поселенію въ крѣпостяхъ по рѣкамъ Самарѣ, Яику и на другихъ линіяхъ 1) *ландмилицкіе полки*. Эти полки, которыхъ было четыре, образованы были въ силу указа 19 Февраля 1731 года. Два изъ нихъ, Шешминскій и Билярскій, сформированы были изъ служилыхъ людей Закамскихъ пригородовъ, Ерыклинска, Тинска, Билярска, Старошешминска, Новошешминска, Заинска (4) и Алексѣевска, которые прежде оберегали старую Закамскую линію и которыхъ насчитывали до 5-ти тысячъ душъ; всѣ годные изъ нихъ поверстаны въ эти полки поголовно, и на будущее время положено было ихъ комплектовать дѣтьми этихъ служилыхъ; другіе два полка, Сергіевскій и Алексѣевскій набраны тогда, — разсказывается въ сенатскомъ указѣ отъ 5 Мая 1747 года (5), — изъ прежнихъ службъ служилыхъ

---

(1) Эти крѣпости: 1, *Табынскъ* на р. Бѣлой; укрѣпленъ Кириловымъ; 2, *Елдятская*; 3, *Красноуфимская* на р. Уфѣ; 4, *Нагайбацкая* на Икѣ, вп. въ Каму.

(2) Эти старыя укрѣпленныя мѣста: *Уфа*, *Бирскъ*, *Оса*, *Мензелинскъ*.

(3) Никитинскій, Желтый.

(4) Служилымъ людямъ городовъ Мензелинска и Бирска, принадлежавшихъ къ разряду Закамскихъ пригородовъ, дано другое назначеніе.

(5) П. С. З. № 9399.

людей; оные прежде были прежнихъ служебъ городовые дворяне, драгуны, солдаты, копѣйщики и рейтары, а въ 1724 году названы государственными крестьяны и положены въ подушный окладъ, токмо въ 1731 году, какъ повелѣно изъ нихъ набрать тѣ ландмилицкіе два полка, указомъ Е. И. В. повелѣно государственными крестьянами ихъ не писать и не называть, а быть имъ по прежнему въ службѣ;.... и тогда изъ нихъ (всѣхъ ихъ въ Казанской губерніи въ разныхъ провинціяхъ, городахъ, пригородахъ, селахъ и деревняхъ было число довольное, болѣе 29,000 душъ) въ тѣ два полка взяты въ службу по расчисленію сперва по человѣку съ 30 душъ», и затѣмъ положено и впредь комплектовать эти два полка этого рода служилыми прежнихъ служебъ людьми. Всѣ четыре ландмилицкихъ полка первоначально назначались для охраненія новой Закамской, или Черемшанской линіи, которую начали строить съ 1730 года подъ смотрѣніемъ тайнаго совѣтника Наумова (¹). Но съ учрежденіемъ Оренбургской экспедиціи эта линія признана была ненужною; потому ландмилицкіе полки положено было перевести на Самарскую и Яикскую линіи, которыя тогда начали устраивать, водворивъ тамъ ихъ на постоянное жительство съ женами и дѣтьми, съ предоставленіемъ права возвращаться на прежнія жилища только отставнымъ изъ полковъ Алексѣевскаго и Сергіевскаго. 2) *Гарнизонные, Оренбургскій и Уфимскій, полки.* Они сформированы были по представленію Кирилова въ 1735 и 1736 годахъ изъ городовыхъ служилыхъ людей Уфимскихъ, Мензелинскихъ и Бирскихъ и изъ сибирскихъ недорослей и назначались также для поселенія и службы на новыхъ линіяхъ. Но предположенное Кириловымъ переселеніе ландмилицкихъ и гарнизонныхъ, такимъ образомъ сформированныхъ, полковъ совершалось, вслѣдствіе башкирскаго мятежа, чревычайно туго и медленно; притомъ же и подлежавшіе переселенію по понятнымъ причинамъ не охотно оставляли прежнія мѣста жительства и шли на новыя. При предмѣстникѣ Неплюева, согласно его представленію, высочайше повелѣно было въ теченіе трехъ лѣтъ поселить эти полки на новыхъ мѣстахъ «со всѣмъ совершеннымъ учрежденіемъ». Неплюеву пришлось

(¹) О направленіи этой линіи см. Топогр. Оренб. II, 110; Татищева. Лексиконъ Россійскій. III, 12.

исполнять это повелѣніе. Онъ занялся этимъ дѣломъ немедленно по прибытіи въ Оренбургскій край. Въ концѣ Іюня 1742 года собранный имъ въ крѣпости Переволочной военный совѣтъ опредѣлилъ въ построенныхъ по Сакмарѣ рѣкѣ крѣпостяхъ селить Шешминскій ландмилицкій полкъ. За тѣмъ и другимъ, ландмилицкимъ и гарнизоннымъ, полкамъ назначены мѣста для жительства; «всѣ годные къ службѣ поселены по линіи, а престарѣлые и увѣчные и отставные разселялись по другимъ мѣстамъ Оренбургской губерніи, а самые малолѣтніе опредѣлялись въ школы», учрежденныя въ Бирскѣ и Мензелинскѣ, въ которыхъ должны были обучаться на коштѣ отцовъ (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ для Исетской провинціи Неплюевъ призналъ нужнымъ сформировать на подобіе ландмиліціи особую роту пѣхотную изъ дѣтей отставныхъ драгунъ и прежнихъ служебъ служилыхъ людей, жившихъ въ предѣлахъ этой провинціи и не положенныхъ въ подушный окладъ. Эту роту, которой обязанности состояли въ держаніи карауловъ, въ конвоированіи денежной казны и въ отправленіи другихъ внутреннихъ дѣлъ, на будущее время положено пополнять дѣтьми записанныхъ въ нее служилыхъ людей, или охотниками изъ казачьихъ дѣтей (2). Но важнѣйшее затрудненіе относительно ландмилицкихъ и гарнизонныхъ полковъ заключалось въ пріисканіи средствъ ихъ содержанія. На содержаніе четырехъ ландмилицкихъ полковъ по штату 1736 года велѣно было отпускать по 46,196 рублей, а два драгунскіе полка по указу 1740 г. 31 Мая велѣно было содержать «изъ провіантской суммы на счетъ собираемаго съ ясачныхъ и черносошныхъ крестьянъ и иновѣрцевъ провіанта». Но во первыхъ, содержаніе, назначенное для ландмилицкихъ полковъ, оказывалось недостаточнымъ; кромѣ того высылалось изъ статсъ-конторы неаккуратно; во вторыхъ, что касается до драгунскихъ гарнизонныхъ полковъ, то вслѣдствіе того, что сборъ провіанта съ ясашныхъ и черносошныхъ крестьянъ указомъ 15 Октября 1742 года велѣно было «отставить», а другихъ источниковъ для содержанія ихъ не было указано правительствомъ,— они нѣкоторое время не получали никакого содержанія (3). Не-

---

(1) П. С. З. № 9399.

(2) Тамже. № 8783.

(3) Тамже. № 9447.

плюевъ вошелъ въ 1743 году съ представленіемъ въ Сенатъ о настоятельной надобности устраненія такихъ непорядковъ. Вслѣдствіе этого его представленія Сенатъ сдѣлалъ опредѣленіе, удостоившееся высочайшаго утвержденія: «понеже по Сакмарѣ и Ую крѣпости строются вновь и въ оныхъ гарнизонныя и ландмилицкія команды селиться имѣютъ, а по Яику хотя крѣпости и прежде начаты, но еще строются же, а селеніевъ для тѣхъ командъ фундаментальныхъ не быложъ, и все то производится на всегдашнее жительство со многою Высочайшихъ интересовъ пользою и ко охраненію древнихъ Россійскихъ жилищъ отъ бывшихъ непрестанныхъ впаденіевъ тамошнихъ заграничныхъ народовъ; того ради и для тамошней дороговизны производить имъ остзейское жалованье, кромѣ тѣхъ командъ, кои будутъ по Самарѣ внутрь Башкиріи, до тѣхъ поръ, пока оныя команды въ тѣхъ имъ назначенныхъ ко всегдашнему жительству крѣпостяхъ обселятся и прямыми гарнизонами быть станутъ и отъ тамошняго довольства земель и всякихъ угодій и прочаго къ содержанію своему удовольстіе получатъ» (1). Эту прибавку жалованья доставлять велѣно было къ Неплюеву изъ доходовъ Казанской губерніи вмѣстѣ съ ординарнымъ гарнизоннымъ жалованьемъ. Прошло три года со времени изданія этого указа, и въ теченіе ихъ Неплюевъ не получалъ ни прибавки къ обыкновенному гарнизонному жалованью, ассигнованному ландмилицкимъ полкамъ, и никакого содержанія для драгунскихъ, Уфимскаго и Оренбургскаго, полковъ; онъ убѣдился наконецъ, что надо ему самому изыскать источники содержанія этихъ послѣднихъ полковъ; и онъ дѣйствительно нашелъ средства содержать ихъ такъ по крайней мѣрѣ, какъ содержались гарнизоны въ другихъ мѣстахъ имперіи, обративъ на этотъ предметъ новоположенный на Тептерей и Бобылей осмигривенный сборъ, доставлявшій по тогдашнему расчету каждогодно по 22,909 р. 60 к., подушный сборъ съ найденныхъ въ Башкиріи и поселенныхъ по новой Московской дорогѣ сходцевъ изъ разныхъ уѣздовъ, которыхъ сосчитано было тогда до 1884 душъ и съ которыхъ приходилось брать въ казну каждогодно по 2072 р. 40 к., и часть пошлинныхъ, откупныхъ и другихъ доходовъ; но онъ не нашелъ возможности изъ мѣст-

(1) П. С. З. № 9,447.

ныхъ доходовъ производить ландмилицкимъ и гарнизоннымъ полкамъ додачу, которая бы могла ихъ сравнять въ отношеніи получаемаго содержанія съ остзейскими гарнизонами, и потому въ 1747 году снова обратился къ Сенату съ просьбою о высылкѣ къ нему этой додачи какъ за прежніе годы, такъ и на будущее время. Сенатъ въ отвѣтъ на эту просьбу потребовалъ отъ него соображеній относительно того, въ какихъ мѣстахъ команды наиболѣе нуждаются въ этой додачѣ и какимъ командамъ можно не давать ея, а довольствовать ихъ лишь обыковеннымъ гарнизоннымъ жалованьемъ. Неплюевъ не замедлилъ донести Сенату, что вообще, по его мнѣнію, необходимо дѣлать эту додачу всѣмъ полкамъ, находящимся въ Оренбургской губерніи, потому что хотя въ назначенныхъ мѣстахъ они и поселились, но, вслѣдствіе отдаленности отъ Россійскихъ жилищъ и вслѣдствіе отъ того происходящей дороговизны на хлѣбъ и другіе предметы необходимости, они, «находясь во всегдашнихъ трудахъ и осторожностяхъ, безъ этой додачи претерпѣваютъ крайнѣйшія нужды»; что только драгунскимъ, Оренбургскому и Уфимскому, полкамъ, да пѣхотнаго Уфимскаго полка баталіону, расположеннымъ и поселеннымъ по Уфимской линіи, можно не производить этой додачи, потому что «оные отъ хлѣбныхъ мѣстъ не въ дальности, и къ хлѣбопашеству на весьма добрыхъ мѣстахъ находятся». Сенатъ сдѣлалъ распоряженіе въ смыслѣ этого представленія Неплюева (1).

3) *Оренбургское казачье войско.* При увеличеніи числа крѣпостей четыре ландмилицкихъ и два драгунскихъ полка одни не могли удовлетворить всѣмъ потребностямъ военной колонизаціи края. Поэтому правительство принуждено было въ помощь имъ отряжать на житье въ крѣпостяхъ по нѣскольку регулярныхъ полковъ изъ внутреннихъ областей государства. Но эти полки имѣли временное пребываніе въ Оренбургскомъ краѣ. Оренбургское же казачество, которое несло службу на линіяхъ на ряду съ регулярными полками, водворено было на постоянное тамъ жительство. Начало этому казачеству положилъ Кириловъ, когда въ основанныя имъ крѣпости сталъ принимать на житье и на службу разнаго рода охотниковъ большею частію изъ сходцевъ, или бѣглыхъ какъ

(1) П. С. З. № 9,484.

русскаго, такъ и инородческаго происхожденія. Преемники Кирилова усердно увеличивали число такихъ служилыхъ, такъ какъ для содержанія ихъ не требовалось много денегъ. Неплюевъ далъ этому элементу правильную военную организацію на подобіе той, которая дана была имъ Яикскому войску. Во главѣ управленія всѣми находившимися въ Оренбургской губерніи иррегулярными людьми, которые всѣ названы были Оренбургскими казаками и которыхъ въ 1755 году было получавшихъ жалованье 1797 человѣкъ, не получавшихъ жалованья 3800 чел.,—поставленъ былъ войсковой атаманъ, имѣвшій тѣже права и обязанности, какъ и атаманъ Яикскаго войска, и подчиненный непосредственно Оренбургскому губернатору (1).

По исчисленію Рычкова всѣхъ вообще дѣйствительно служащихъ по линіямъ и внутри Оренбургской губерніи было около 1760 года 20,000 человѣкъ, не считая тѣхъ командъ, которыя въ лѣтнюю пору ежегодно командировались туда изъ внутреннихъ областей Россіи для содержанія форпостовъ (2).

Устроивая такимъ порядкомъ военныя поселенія въ Закамскомъ краю, разрѣзавъ посредствомъ нихъ инородческія племена, жившія на восточной окраинѣ государства и близъ нея, а Башкирцевъ поставивъ какъ бы въ западню, Неплюевъ не могъ ограничить тѣмъ своей административной тутъ дѣятельности. Подобно своимъ предшественникамъ по управленію краемъ, онъ имѣлъ своею обязанностію преслѣдовать и промышленныя цѣли, развить здѣсь земледѣліе, промысловую и заводскую дѣятельность и проложить чрезъ этотъ край дорогу къ торговому и политическому вліянію Россіи на Среднюю Азію. Горячій поклонникъ Петра Великаго, намѣтившаго такую задачу для Русской дѣятельности за Камой, онъ не нуждался въ правительственныхъ напоминаніяхъ на этотъ счетъ. Устроивая линіи укрѣпленій, приводя въ порядокъ имѣвшіяся до него военныя поселенія въ краю, основывая новыя, онъ смотрѣлъ на все это, какъ лишь на средства для выполненія указанныхъ предначертаній Преобразователя. Одна воен-

---

(1) Указъ 14 Апрѣля 1755 года изъ Военной коллегіи Неплюеву изд. въ приложеніяхъ (№ 5-й) къ сочиненію А. Рябинина. Уральское казачье войско.

(2) Топогр. Оренб. I, 70.

ная колонизація края не удовлетворяла его. Въ самой даже дѣятельности его, какъ устроителя военныхъ поселеній, видѣнъ не только военный командиръ, но и гражданскій организаторъ края: онъ переноситъ Оренбургъ на другое мѣсто потому между прочимъ, что прежде для этого города избранное, «по отдаленности и по опасности въ проѣздахъ купцамъ россійскимъ не способно»; въ выборѣ мѣстъ для другихъ военныхъ поселеній онъ руководствуется не только военными соображеніями, но и промышленными видами; подобно колонизаторамъ Московской эпохи онъ отыскивалъ такія мѣста для крѣпостей, которыя были бы ухожи для пашенъ, отъ которыхъ бы были не далеко скотинные выпуски и сѣнные покосы и рыбныя ловли; онъ желаетъ, чтобы люди, поселенные въ крѣпостяхъ, были не только воинами, но и воздѣлывателями земель, которыя даны имъ въ избыткѣ и которыя онъ старался тщательно описать и размежевать (1). Въ 1744 году 15 Марта состоялся въ Сенатѣ именный указъ объ учрежденіи Оренбургской губерніи (2). Въ составъ ея вошли, всѣ земли, которыя вѣдала Оренбургская экспедиція, и, кромѣ того, Исетская провинція съ Зауральскими Башкирцами, Уфимская» со всѣми башкирскими дѣлами; за тѣмъ въ силу сенатскаго указа отъ 18 Апрѣля тогоже года поступилъ въ вѣдомство Оренбургскаго губернатора Ставропольскій уѣздъ, такъ какъ коллегія иностр. дѣлъ, которая доселѣ вѣдала поселенныхъ тутъ крещеныхъ Калмыковъ, отъ тѣхъ калмыцкихъ дѣлъ отреклась (3). Губернаторомъ, въ рукахъ котораго по особеннымъ условіямъ края сосредоточена была военная и гражданская власть въ губерніи и который долженъ былъ вѣдать, кромѣ того, и Киргизскій народъ и всѣ пограничныя дѣла, назна-

---

(1) По случаю размежеванія между Сакмарскими казаками и жителями Сеитовой слободы и др. Неплюевъ писалъ, между прочимъ, въ своемъ циркулярѣ: «отнынѣ означенными угодьями чтобы всякъ своими по чертежу и описанію владѣли, а въ чужія отнюдь и ни подъ какимъ видомъ не вступали и тѣмъ другъ друга не изобижали» (изд. въ прилож. къ сочин. А. Рябинина «Уральское казачье войско» № IX),

(2) П. С. З. № 8901.

(3) Истор. Оренб. Ежем. соч. 1759. II, 299.

ченъ былъ Неплюевъ. Представленіе послѣдняго, вслѣдствіе котораго и состоялось опредѣленіе объ учрежденіи новой губерніи, всего болѣе показываетъ, что онъ не хотѣлъ ограничить своей дѣятельности въ отдаленномъ краю исполненіемъ обязанностей начальника Оренбургской экспедиціи, принявшей по обстоятельствамъ характеръ военнаго учрежденія, но что, удерживая за собою званіе главнаго тамъ воинскаго командира, желалъ быть гражданскимъ устроителемъ этого края въ смыслѣ петровскихъ стремленій.

Задача—чрезвычайно трудная: ибо, хотя благодаря дѣятельности въ краю Кирилова, Татищева, Урусова Башкирцы, своими мятежами мѣшавшіе осуществленію этихъ стремленій, были усмирены и обезсилены, но тѣмъ не менѣе далеко еще не всѣ устранены были препятствія къ тому. Для того чтобы привести край въ такое положеніе, чтобы земли были распахиваемы, чтобы въ рѣкахъ и озерахъ ловилось количество рыбы, соотвѣтственное ея обилію, чтобы взрывались горы для поисковъ рудъ и заводились заводы и фабрики, чтобы шла оживленная и прибыльная для народа и правительства торговля съ азіатскими народами, для этого нужно было прежде и главнѣе всего достаточно населить его земледѣльцами, промышленниками, купцами; потому что въ обширномъ Закамскомъ краѣ, наибольшая доля котораго (1), заключавшая въ себѣ пространство въ 5500 верстъ въ окружности (2), отмѣрена было подъ управленіе Оренбургскаго губернатора, по оффиціальнымъ спискамъ значилось весьма ничтожное количество этихъ элементовъ населенія, когда открыто было туда новое колонизаціонное движеніе. Этотъ то недостатокъ рабочаго, земледѣльческаго и промышленнаго населенія въ Закамскомъ краю и составлялъ главное препятствіе къ осуществленію промышленныхъ и политическихъ плановъ Петра Великаго, истолкователемъ и исполнителемъ которыхъ впервые явился Кириловъ и надъ которыми теперь приходилось работать Неплюеву. Устранить его было чрезмѣрно трудно. Съ одной стороны негостепріимный этотъ край требовалъ для надлежащей

---

(1) Закамскіе пригороды съ ихъ округами остались подъ вѣдѣніемъ Казанской губернской власти.

(2) Топогр. Оренб. I, 13.

его эксплуатаціи, вслѣдствіе его обширности, громаднаго притока рабочихъ людей и капитала, съ другой онъ нуждался въ такихъ поселенцахъ, которые съ навыкомъ къ труду соединяли бы значительный запасъ военной неустрашимости и нѣкотораго умѣнья защищаться отъ вражескихъ нападеній. Здѣсь поселенецъ, вслѣдствіе негостепріимности края, чѣмъ бы онъ ни занимался, по необходимости долженъ былъ быть и воиномъ, и потому всѣ поселенія промышленныя, были ли они земледѣльческія, заводскія, торговыя, которыя тутъ образовывались, сейчасъ же принимали и военный характеръ, точно также, какъ военныя поселенія, вслѣдствіе недостатка въ промышленныхъ людяхъ, усвоивали себѣ многое, что свойственно промышленнымъ. Такого рода поселенцевъ въ достаточномъ количествѣ не легко было находить правительственнымъ колонизаторамъ. Отъ чего? Или въ Россіи перевелись смѣлые, отважные люди въ родѣ тѣхъ, которые въ былое время не боялись селиться на украйнѣ, подверженной нападеніямъ Крымскихъ Татаръ,—которые безбоязненно, небольшими ватагами, проходили пустыни, лѣса и горы Сибирскія, плавали по тамошнимъ рѣкамъ и морямъ, выходили на бой съ чужеродцами одинъ противъ десяти? Или внутри государства жилось такъ хорошо, что только развѣ немногіе соглашались итти въ этотъ край на поселеніе? Не думаемъ. Затрудненіе колонизаторовъ въ пріисканія поселенцевъ въ Закамскій край обусловливалось строемъ общественно-экономическихъ отношеній въ тогдашней Русской имперіи. Мы видѣли, что все тогда направлено было къ тому, чтобы массу народа, лишивъ поземельной собственности, закрѣпостить за меньшинствомъ, владѣвшимъ землями, силою заставить ее обработывать господскія земли, къ тому наконецъ, чтобы ни одинъ изъ людей, не принадлежавшихъ къ дворянству, не остался безъ написанія, т. е., внѣ такой или другой крѣпостной зависимости. При такомъ направленіи общественно-экономической жизни правительство, его поддерживавшее и освящавшее, понятно, не могло предоставить колонизаторамъ полную свободу въ выборѣ поселенцевъ для Закамскаго края, равно какъ и для другихъ областей, а рабочему населенію имперіи дать волю селиться и работать, гдѣ кто хочетъ; ибо въ противномъ случаѣ оно стало бы въ рѣшительное себѣ противорѣчіе и ниспровергло бы ревностно имъ поддержи-

ваемый крѣпостной порядокъ и основанную на немъ финансовую систему. Но съ другой стороны оно не могло не понимать всей важности и необходимости дѣла заселенія Закамскихъ земель. И вотъ, чтобы удовлетворить этой надобности, не нарушая заведенныхъ общественно-экономическихъ порядковъ, оно беретъ подъ строгій свой контроль дѣло заселенія края, точно опредѣляетъ матеріалы, которыми начальники его могли пользоваться при его колонизаціи.—Остановимся на каждомъ дозволенномъ или указанномъ правительствомъ матеріалѣ промышленной колонизаціи Закамскихъ земель, прослѣдимъ мѣры, какія употреблялись, чтобы сдѣлать изъ нихъ полезныя поселенія въ краю тамошнемъ, и укажемъ по возможности результаты этихъ мѣръ.

Указанные и дозволенные правительствомъ матеріалы промышленной колонизаціи Закамскаго края можно раздѣлить на два разряда. Къ одному относятся тѣ, которые правительство находило между племенами не русскаго происхожденія, къ другому—тѣ, которые оно выискивало въ Русскомъ населеніи.

Что касается до чужеродцевъ, то прежде всего желали, какъ мы видѣли выше изъ привиллегіи, пожалованной Оренбургу, привлечь туда на поселеніе, въ видахъ развитія торга и ремеслъ, тѣхъ изъ нихъ, которые не были подданными русскими, и преимущественно выходцевъ изъ среднеазіатскихъ земель, какъ то, Каракалпаковъ, Грековъ, Армянъ, Индѣйцевъ, Персіанъ, Бухарцовъ, Хивинцевъ, Ташкентцевъ. Не смотря на то, что такимъ переселенцамъ обѣщано было, что они могутъ свободно сюда приходить, селиться и опять уходить на прежнія жилища, торговать всякими незапрещенными товарами и заниматься всякими ремеслами; не смотря на то, что обѣщано было учредить для нихъ судъ, сообразный съ обычаями и нравами національностей, къ которымъ принадлежатъ будущіе выходцы, и производить судъ на ихъ языкахъ; не смотря на то, что обѣщана была имъ полная свобода вѣроисповѣданія и отправленія богослуженія; не смотря на все это такихъ переселенцевъ въ теченіе 25 лѣтъ со времени изданія привиллегіи Оренбургу явилось лишь незначительное число. Добровольно явилось на поселеніе въ Оренбургскій край, какъ свидѣтельствуетъ Рычковъ, въ теченіе этого времени лишь 14 человѣкъ, а именно: Хивин-

цевъ 8, Кашкарцевъ 3, Ташкентцевъ 1, Бухарцевъ 1, изъ города Балха 1 (1). Всѣ они, какъ видно, на своей родинѣ принадлежали къ тому разряду людей, которыхъ у насъ зовутъ бобылями; по крайней мѣрѣ они явились одинокими, безсемейными, и обзавелись женами и хозяйствомъ, когда были поселены въ 18 верстахъ отъ Оренбурга въ Сеитовой слободѣ. Болѣе явилось изъ-завосточной границы выходцевъ, вынужденныхъ къ переселенію въ Оренбургскій край тяжолымъ, рабскимъ положеніемъ, которое они должны были переносить, какъ взятые въ плѣнъ Киргизъ-Кайсаками. Такихъ выбѣжало 212 человѣкъ, изъ которыхъ Персіанъ было 106, Аравитянъ 17, Турокъ 15, Армянъ 4, Каракалпакъ 21, Бухарцевъ 7, Хивинцевъ 7, Кубанцевъ 4 и нѣсколько человѣкъ изъ другихъ азіатскихъ земель. Всѣ они отосланы на поселеніе въ Башкирію, при чемъ 68 изъ нихъ человѣкъ, которые приняли крещеніе, поселены около Нагайбацкой крѣпости, гдѣ обыкновенно селили новокрещенцевъ тамошняго края. Съ 1752 года притокъ такихъ бѣглецовъ въ Оренбургскій край долженъ былъ нѣсколько уменьшиться; потому что въ этомъ году коллегія Иностр. дѣлъ сдѣлала распоряженіе, которымъ запрещалось впредь принимать на поселеніе выбѣгающихъ изъ киргизъ-кайсацкаго плѣна, за исключеніемъ русскихъ подданныхъ, и «въ удовольствіе Киргизъ-Кайсакамъ» повелѣвалось отдавать такихъ бѣглецовъ ихъ прежнимъ господамъ, оставляя только тѣхъ изъ нихъ, которые пожелаютъ креститься (2). Сколько явилось такихъ переселенцевъ съ 1752 года, Рычковъ не сообщаетъ, ограничиваясь показаніемъ, что большая часть бѣглецовъ, появлявшихся въ Оренбургскихъ предѣлахъ послѣ 1752 года, предпочитали принятіе крещенія возврату къ Киргизъ-Кайсакамъ. Не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній и относительно образа жизни и занятій этихъ переселенцевъ на назначенныхъ имъ мѣстахъ жительства. Есть однакожъ основаніе предполагать, что они плохо свыкались съ земледѣльческимъ русскимъ бытомъ и непереставали почитать своимъ отечествомъ азіатскія страны; по крайней мѣрѣ такъ смотрѣло на нихъ правительство; такъ оно не считало возможнымъ преступниковъ изъ Трухменцевъ и другихъ выходцевъ, равно какъ и изъ

(1) Топогр. Оренб. I, 190.

(2) Тамже 192.

старыхъ подданныхъ магометанскаго закона держать на работахъ на заводахъ Оренбургскихъ, и потому указомъ сенатскимъ 24 Сентября 1757 повелѣно было всѣхъ такихъ препроводить подъ строгимъ конвоемъ на работы въ Рогервикъ и, буде впредь таковые явятся, отсылать туда же за надлежащимъ и безопаснымъ конвоемъ (1); не полагалось на обязательства по отношеніи къ Россіи и тѣхъ изъ нихъ, которые крестились, почему сенатскимъ указомъ 4 Іюля 1757 года запрещено было комплектовать Астраханскій и Оренбургскіе гарнизоны новокрещеными изъ магометанъ и Калмыковъ, а отсылать вмѣсто того въ Остзейскіе или Архангельскій, «дабы оные не могли, будучи въ близости къ сосѣдственнымъ магометанамъ, уйти и христіанскій законъ оставить и злодѣйствовать» (2).

Въ 1745 году доставлены были на поселеніе въ Оренбургской губерніи такъ называемые *Кундровскіе Татары*. Эти Татары съ давнихъ поръ постоянно кочевали около Астрахани; но они разъ вздумали покочевать около Кубани; этимъ навлекли они на себя подозрѣніе правительства въ враждебныхъ Россіи сношеніяхъ съ Кубанскими племенами, потому, когда возвратились они къ Астрахани, правительство не нашло возможнымъ держать ихъ близъ этого города и сдѣлало распоряженіе о переводѣ ихъ въ Казань, чтобы оттуда препроводить въ какое нибудь отдаленное отъ Каспійскаго моря мѣсто для поселенія. Мѣстомъ этимъ были избраны земли по р. Сакмарѣ около редута, называвшагося Желтымъ, гдѣ и были они поселены особою слободою, названною по ихъ имени *Кундровскою*, и гдѣ имъ даны были многія угодья. Но они никакъ не могли привыкнуть къ осѣдлой земледѣльческой жизни. Въ 1747 году часть ихъ, въ числѣ 25 семей, самыхъ лучшихъ и пожиточныхъ, заключавшихъ въ себѣ 138 душъ обоего пола, побравъ съ собою всѣ пожитки и лошадей и оставивъ одинъ только скотъ, бѣжали къ Киргизъ-Кайсакамъ. Отправленный въ погоню за бѣглецами отрядъ казаковъ не могъ догнать ихъ. Этотъ побѣгъ Татаръ заставилъ Оренбургское начальство заподозрить въ томъ же намѣреніи и ту ихъ братью, которая осталась на мѣстѣ; поэтому вліятельнѣйшіе изъ нихъ

(1) П. С. З. № 10,764.

(2) Тамже № 10,749.

нѣкоторое время содержаны были подъ арестомъ, и было даже намѣреніе переселить ихъ куда нибудь во внутреннія области; но это подозрѣніе оказалось неосновательнымъ, и потому Кундровскіе Татары оставлены были на прежнемъ мѣстѣ. Впрочемъ особаго толку отъ нихъ для земледѣлія, или торговли не оказалось, такъ какъ они далѣе скотоводства не пошли, и потому этихъ переселенцевъ, которыхъ было до 60-ти дворовъ, стали употреблять въ лѣтнюю пору на службу по форпостамъ, которую они должны были нести безъ жалованья, такъ какъ никакихъ податей не платили (1).

Вообще всѣ поименованные переселенцы не принесли въ колонизируемый край качествъ и дѣятельности, которыя бы отвѣчали видамъ правительства. «По новости и отдаленности того мѣста, доносилъ въ 1744 году Неплюевъ Сенату, донынѣ такихъ охотниковъ (т. е., которые бы за собою имѣли знаніе какого либо ремесла, или капиталъ и навыкъ въ торговыхъ дѣлахъ) явилось самое малое число, да и тѣ всѣ убогіе, торги производить не въ состояніи». Между тѣмъ онъ признавалъ надобность, «чтобы для распространенія тамошнихъ торговъ имѣлись въ гражданствѣ достойные и пожиточные люди» (2). Не надѣясь скоро привлечь къ поселенію въ Оренбургѣ русскихъ купцовъ и капиталистовъ и почитая намѣреніе своего предшественника, кн. Урусова, перевести туда потребное количество послѣднихъ изъ разныхъ городовъ по распоряженію правительства, т. е., употребить принудительныя къ тому мѣры, неудобоисполнимымъ,—«такъ какъ сіе могло быть затруднительно»,—Неплюевъ, конечно, не могъ отвергнуть предложенія, съ которымъ отнеслись къ нему русскіе подданные инородческаго происхожденія, *Казанскіе Татары*, «люди торговые и пожиточные. Казанскій торговый татаринъ, Сеитъ-Хаялинъ, первый изъ Татаръ добровольно переселившійся съ своимъ семействомъ въ Оренбургъ, объявилъ ему, что онъ въ состояніи пріискать для поселенія много и другихъ охотниковъ изъ Татаръ Казанской губерніи, людей торговыхъ и пожиточныхъ, если только правительство уволитъ переселенцевъ отъ рекрутскихъ наборовъ, взамѣнъ

---

(1) Истор. Оренб. Ежемѣс. соч. 1759 г. II, 313; 332. Топогр. Оренб. II, 131.

(2) П. С. З. № 8893.

которыхъ они впрочемъ, въ случаѣ нужды, готовы отправлять службы около Оренбурга, и если предоставитъ имъ право свободнаго отправленія ихъ богослуженія. Неплюевъ нашелъ это предложеніе выгоднымъ въ интересахъ Оренбургской торговли. Представленіе его о переселеніи Казанскихъ Татаръ, сдѣланное имъ въ началѣ 1744 года, было уважено Сенатомъ, который, согласившись на всѣ условія, предложенныя Неплюеву Сеитомъ Хаялинымъ, въ своей резолюціи на это представленіе сдѣлалъ, впрочемъ согласно съ мнѣніемъ Неплюева, такое имъ ограниченіе: «Татаръ принять только 200 семей, а болѣе не принимать, и при пріемѣ накрѣпко наблюдать, чтобы приниманы были люди пожиточные и торги производить могущіе, отъ чего бы въ тамошнемъ, яко вновь заведенномъ, мѣстѣ коммерція распространялась...; мечеть имъ внѣ города, гдѣ ихъ особо селеніе будетъ, построить позволить, токмо всѣхъ ихъ обязать, чтобы они въ свой магометанскій законъ изъ подданныхъ Е. И. В-ва и изъ другихъ народовъ, которые туда пріѣзжать будутъ, никого не подговаривали и не превращали подъ опасеніемъ жесточайшаго по указамъ истязанія»..; объ этомъ (т. е., о предоставленіи имъ права, вопреки недавно состоявшемуся указу о нестроеніи вновь мечетей, — построить мечеть) «сообщить въ св. Синодъ и притомъ представить, что это позволеніе дано въ томъ разсужденіи, что по данной городу Оренбургу привиллегіи то позволено, да и тамошняго, яко новаго мѣста, безъ того умножить людьми невозможно» (1). Сеитъ-Хаялинъ не замедлилъ исполнить послѣ того свое обѣщаніе; въ короткое время набрано было имъ опредѣленное указомъ количество семействъ, изъявившихъ желаніе переселиться въ Оренбургъ. Надо полагать, что стѣсненія, которымъ тогда подвергались въ Россіи магометане, вызвали въ Казанскихъ Татарахъ такую охоту къ переселенію. Лѣтомъ 1744 года эти переселенцы были уже въ Оренбургѣ. Для поселенія имъ отведены были тѣ земли, которыя выбралъ самъ Сеитъ-Хаялинъ, именно по р. Сакмарѣ, гдѣ, въ 18-ти верстахъ отъ Оренбурга, при впаденіи въ эту рѣку рѣчки Каргалы они основали слободу, называвшуюся Сеитовой по имени ея основателя, или Каргалинской по мѣстоположенію при Каргалѣ. На новомъ мѣстѣ Татары

(1) П. С. З. № 8893.

переселенцы, которыхъ въ 1761 году было уже 1158 душъ муж. пола (1), не утратили ни одного изъ татаро-магометанскихъ обычаевъ и вѣрованій (2). Нельзя однакоже не признать того, что они принесли съ собою въ колонизируемый край дѣятельность, въ которой нуждалось правительство. Они явились главными факторами и посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи чрезъ Оренбургъ съ средней Азіей; Неплюевъ съ пользою употреблялъ ихъ и какъ политическихъ агентовъ; дѣятельно занимаясь торгомъ, они не меньшее раченіе прилагали къ обработкѣ данныхъ имъ во владѣніе пространныхъ земель и угодій (3). Они завели здѣсь водяныя мельницы, первые стали разводить хлопчатую бумагу и сѣять сорочинское пшено. Благодаря трудолюбію жителей эта колонія скоро разбогатѣла. «Двороваго числа, говоритъ Рычковъ, въ оной слободѣ имѣется до 300 дворовъ, которые всѣ построены по теченію рѣки Сакмары и по рѣчкѣ Каргалѣ

---

(1) П. С. З. № 11,186.

(2) «Здѣшніе Татары, говоритъ о нихъ Палласъ, посѣтившій Каргалинскую слободу въ 1769 году, – въ обычаяхъ и нравахъ ничѣмъ не отличаются отъ Казанскихъ, съ которыми они одного происхожденія» (P. S. Pallas. Reise durch verschied Prov. des Russ. Reichs. I, 444).

(3) По грамотѣ, данной Сеиту и приведеннымъ имъ на поселеніе Татарамъ, велѣно было: основаться имъ «особою слободою между Бердской слободы и Гребеней, при чемъ владѣть имъ какъ пашнею, такъ и сѣнными покосами и скотскими выгонами и лѣсомъ, рыбными ловлями; но на сторону Сакмары отъ того мѣста, гдѣ будетъ поселеніе, имѣть внизъ на 3, а вверхъ къ Гребенямъ на 9 верстъ, а по другую сторону Сакмары рѣки отъ того же мѣста, гдѣ снизу отъ Бердекской слободы тотъ ихъ отводъ начнется, вверхъ до самой рѣчки Каргалы и въ степь прямо, по которой рѣчкѣ и мельницы строить и содержать, въ ней и рыбу ловить позволить»... Предоставлено также право пользованія свободнымъ мѣстомъ, на 15 верстъ, между Сакмарскомъ и Пречистенскою крѣпостію, и кромѣ того нанимать и кортомить земли у Башкирцевъ по договорамъ (Указъ изъ Оренб. губ. канцеляріи о размежеваніи жителей Сеитовой слободы отъ Сакмарцевъ, 1755 г.; изд. въ прилож. къ книгѣ г. Рябинина «Уральское каз. войско» № IX).

гораздо не худо; а по срединѣ жила на каменномъ фундаментѣ сдѣлана такая мечеть, которой больше и лучше, какъ сказываютъ, во всей Казанской губерніи нѣтъ» (1). Паллась, которому вообще понравилась Сеитова слобода, также свидѣтельствуетъ о зажиточности ея жителей, говоритъ, что у нихъ у всѣхъ дома хорошо устроенные, на каменномъ фундаментѣ, что въ каждомъ изъ нихъ имѣется по двѣ или болѣе свѣтлыхъ комнатъ (2). Поэтому со стороны правительства было справедливымъ, когда оно въ 1761 году опредѣлило собирать съ Каргалинцевъ сверхъ платимыхъ ими до того подушныхъ по окладу, назначенному для купцовъ (1 р. 20 к. съ души), еще рублевой сборъ,—«для уравненія съ государственными крестьянами, на которыхъ этотъ окладъ былъ положенъ сверхъ семигривеннаго оклада въ уравненіе съ дворцовыми и синодальными и помѣщичьими крестьянами» (3).

Между инородческими поселеніями, образовавшимися въ Оренбургскомъ краю по распоряженію или соизволенію правительства, особаго вниманія заслуживаютъ *поселенія* тамъ *крещеныхъ Калмыковъ*, какъ по значительности числа этого рода поселенцевъ, такъ и по тѣмъ цѣлямъ, которыя стремилось правительство достигнуть, устраивая эти поселенія, и мѣрамъ и способамъ, которые были принимаемы для достиженія ихъ.

Уже въ шертныхъ своихъ записяхъ, которыя давали калмыцкіе владѣльцы Московскимъ Государямъ, они обязывались, «которые Калмыки по своимъ желательствамъ похотятъ въ Православную христіанскую вѣру креститься, и тѣхъ для Православныя христіанскія вѣры имъ тайдшамъ и улуснымъ людямъ не просить, и не бить челомъ». Правительство обѣщало съ своей стороны владѣльцамъ калмыцкимъ выдавать некрещеныхъ Калмыковъ, уходившихъ въ русскіе города; крещеные же Калмыки освобождались такимъ образомъ навсегда отъ власти некрещеныхъ владѣльцевъ. Это обстоятельство, надо полагать, послужило ближайшею причиною того, что еще въ XVII столѣтіи стали приходить нѣкоторые изъ

(1) Топогр. Оренб. II, 29.

(2) Reise durch verschied. Prov. des Russ. Reichs. I, 443—444.

(3) П. С. З. № 11,186.

калмыцкихъ улусовъ въ русскіе города и принимать христіанство. Очевидно, это было невыгодно для владѣльцевъ; чтобы устранить на будущее время жалобы владѣльцевъ на уходъ отъ нихъ подвластныхъ имъ людей и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не заградить для Калмыковъ доступа ко крещенію, Петръ В. договоромъ съ ханомъ Аюкою въ 1707 году обѣщалъ вознаграждать улусныхъ владѣльцевъ 30 рублями за каждаго крещенаго Калмыка (1). Впрочемъ число Калмыковъ, приходившихъ ко крещенію до 1722 года, было незначительно. Въ этомъ году изъ политическихъ расчетовъ (2) рѣшился креститься одинъ изъ родственниковъ Хана Аюки, владѣвшій 344 кибитками, при крещеніи названный Петромъ Тайшинымъ. Въ 1724 году Петръ Великій далъ между прочимъ такой указъ: «склонять владѣльцевъ и закопниковъ ихъ (калмыцкихъ) въ христіанство ученіемъ и дачею, и книги нужныя перевесть на ихъ языкъ» (3); это означало, что правительство положило вести систематически дѣло обращенія Калмыковъ къ христіанству. Къ новокрещеному князю Петру Тайшину приставили іеромонаха Никодима, знавшаго Калмыцкій языкъ, поручивъ ему, обучая того истинамъ вѣры, въ тоже время призывать ко крещенію и другихъ Калмыковъ. Тогдашній Астраханскій губернаторъ Волынскій, въ предѣлахъ губерніи котораго кочевали Калмыки, оказывалъ ревностное содѣйствіе миссіи, находя дѣло обращенія этого народа къ христіанству выгоднымъ для Россіи въ интересахъ не только церкви, но и политики, разсматривая его, какъ одну изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ къ приведенію его въ совершенную покорность Русской власти. Благодаря дѣятельности миссіи и также смутнымъ обстоятельствамъ, въ ко-

---

(1) Исторія Русской церкви. V, 28.

(2) Миссіонеръ Никодимъ доносилъ, что новообращенный князь «о подчиненныхъ своихъ крещеныхъ Калмыкахъ не точію старанія не имѣлъ, но и малыхъ ихъ дѣтей крестить отвращалъ, а самъ больше съ своими попами, нежели съ православными, сообщеніе имѣлъ; когда же получалъ жалованье, то изъ него роздавалъ некрещенымъ Калмыкамъ моленія ради идоламъ» (Н. Поповъ. «Татищевъ и его время» стр. 252).

(3) П. С. З. № 4,427.

торыхъ находился Калмыцкій народъ (1) послѣ смерти хана Аюки (1724 г.) и которыя заставляли многихъ Калмыковъ искать безопасности подъ защитой Русскихъ, въ теченіе времени съ 1724 по 1736 годъ вышло въ разные Русскіе города и приняло крещеніе 1446 кибитокъ, заключавшихъ въ себѣ 5282 души. Кромѣ того принято было казацкимъ атаманомъ Персидскимъ и затѣмъ крещено 50 кибитокъ (2). Въ 1732 году велѣно было сенатскимъ указомъ въ Астрахани учредить школу для обученія дѣтей новокрещеныхъ Калмыковъ русской и калмыцкой грамотѣ, чтобы чрезъ то утвердить ихъ въ законѣ христіанскомъ и чрезъ нихъ потомъ распространить истинныя вѣрованія и между другими новокрещеными, а «для лучшей къ тому ученію охоты тѣмъ ученикамъ жалованье давать противъ солдатскихъ дѣтей, которые учатся въ гарнизонныхъ школахъ», съ прибавкою для тѣхъ изъ нихъ, «кои будутъ въ наукѣ выходить къ совершенному знанію читать и переводить съ русскаго на калмыцкій, съ калмыцкаго на русскій» (3). Рядомъ съ этой мѣрой для достиженія этой цѣли дѣятельно пользовались отдѣленіемъ новокрещеныхъ отъ некрещеныхъ и сближеніемъ ихъ съ Русскими. Обыкновенно до 1736 года каждаго окрестившагося Калмыка поселяли въ какомъ нибудь изъ Русскихъ городовъ, гдѣ эти новокрещенцы поступали въ число служивыхъ людей и гдѣ они не всегда бывали обезпечены въ средствахъ жизни (4). Это послѣднее обстоятельство въ соединеніи

---

(1) О подробностяхъ относительно смутъ въ Калмыцкомъ народѣ, наставшихъ послѣ Аюки, см. въ книгѣ Н. А. Попова. «Татищевъ и его время» стр. 249—259, въ «Исторіи Россіи» проф. Соловьева, т. XVIII, стр. 18—25. 341—345.

(2) Топогр. Оренб. I, 107.

(3) П. С. З. № 5,960.

(4) Такъ поселенные въ Чугуевѣ били въ 1736 году челомъ, чтобы имъ давать хлѣбное жалованье противъ другихъ казаковъ натурой, или по настоящимъ цѣнамъ деньгами, объявивъ, что помѣстій и вотчинъ за собой и другихъ промысловъ не имѣютъ, а русской работы работать не умѣютъ, а за хлѣбъ они получаютъ малою цѣною, отъ чего они съ женами и дѣтьми, также Калмыцкія вдовы и сироты претерпѣваютъ немалую нужду. П. С. З. № 6,904.

съ непривычкою крещеныхъ кочевниковъ къ осѣдлой жизни и недостаткомъ правильнаго надзора за ними было причиною того, что мѣра эта не всегда вела къ цѣли, на которую была расчитана.

Въ 1729 году архимандритъ Никодимъ представилъ, что крещеные Калмыки лучше желаютъ, чтобы имъ отведено было особое мѣсто для поселенія, чѣмъ быть разсѣянными по разнымъ мѣстамъ и переносить непріятности переселенія и разлуки съ своими (1). Но этому представленію не дано было ходу до 1736 года. Другія обстоятельства заставили правительство принять мысль о поселеніи крещеныхъ Калмыковъ въ особомъ мѣстѣ. Увеличеніе числа уходившихъ ко крещенію Калмыковъ было крайне непріятно Калмыцкому хану. Съ одной стороны онъ чрезъ то лишался многихъ подвластныхъ ему людей, а съ другой, такъ какъ крещеныхъ Калмыковъ селили большею частію въ приволжскихъ городахъ и, стало быть, вблизи калмыцкихъ кочевій, то они могли увлекать къ христіанству и другихъ Калмыковъ. Вслѣдствіе того ханъ въ 1736 году отправилъ отъ себя въ С. Петербургъ посланца съ представленіемъ: «чтобы всѣхъ крещеныхъ Калмыкъ отдать въ его сторону, а впредь бы крестить запретить. Ежели же тѣ крещеные Калмыки въ его улусы не отдадутся, то ихъ бы всѣхъ отъ Волги отвести въ дальнія россійскія мѣста, и такъ какъ настоящихъ Россіянъ поселить и употребить бы въ службу; да и впредь ежели таковыхъ приходящихъ для крещенія принимать запрещенія учинено не будетъ: то таковыхъ бы въ волжскихъ городахъ жить не оставлять, а брать бы ихъ въ столичные города, въ С. Петербургъ и Москву, и гдѣ имѣется довольное число искусныхъ поповъ, которые могутъ ихъ въ христіанскомъ законѣ наставлять и утверждать» (2) Кабинетъ-министровъ отвѣчалъ отказомъ на первую половину этой просьбы хана Дондукъ-Омбо; что же касается до второй ея половины, то она была принята правительствомъ во вниманіе, хотя и не въ томъ видѣ, какъ просилъ ханъ. Въ томъ же, 1736 году, крещеный калмыцкій владѣлецъ Петръ Тайшинъ обратился къ правительству съ просьбою между прочимъ и о томъ, чтобы отданы были ему

---

(1) Исторія Русской Церкви. V, 28.

(2) Топогр. Оренб. I, 708.

во владѣніе крещеные Калмыки, которые находятся по разнымъ городамъ и при устьи р. Иловли, и чтобы для него въ способномъ мѣстѣ повелѣно было построить городъ. Планъ сведенія всѣхъ крещеныхъ Калмыковъ въ одно мѣсто тогда былъ подвергнутъ правительствомъ внимательному разсмотрѣнію, и эта мѣра признана была полезною не только въ интересахъ православія, и не только въ томъ отношеніи, что ею устранялся одинъ изъ важнѣйшихъ поводовъ къ неудовольствію Калмыцкаго хана на Русское правительство, но и въ интересахъ колонизаціи; т. е., надѣялись, что, сведя крещеныхъ Калмыковъ въ одинъ пунктъ, не только скорѣе и прочнѣе можно будетъ привить къ нимъ христіанскія понятія и научить ихъ христіанскому образу жизни,—такъ какъ теперь удобнѣе наблюдать за ихъ жизнію, чѣмъ когда они были разсѣяны по разнымъ мѣстамъ,—но и, пріучивъ къ земледѣлію на новыхъ мѣстахъ, распространить земледѣліе въ дотолѣ пустыхъ и безплодно лежавшихъ пространствахъ. Послѣ довольно продолжительныхъ колебаній (1) относительно выбора мѣста для поселенія ихъ, правительство наконецъ

---

(1) Сначала генералу Румянцову, командовавшему тогда въ восточномъ краѣ Россіи войсками противъ мятежныхъ Башкирцевъ, поручено было отыскать удобное мѣсто для поселенія крещеныхъ Калмыковъ. Тотъ указалъ на земли по верховьямъ р. Ика, какъ наиболѣе пригодныя для этой цѣли, потому что тутъ имѣлись и степи, необходимыя для кочевщиковъ, и было довольно рыбныхъ ловель и лѣсу. Правительство приказало Кириллову на мѣстѣ провѣрить мнѣніе Румянцова и вообще, отыскавъ удобное для поселенія Калмыковъ мѣсто, перевести ихъ туда, поставивъ управителемъ ихъ князя Петра Тайшина, построить для него въ пристойномъ мѣстѣ дворъ, а для зайсанговъ и людей двора его нѣсколько жилищъ; Калмыкамъ велѣно было дозволить кочевать на отведенныхъ земляхъ по ихъ старому обычаю, но по времени пріохочивать и приводить къ поселенію дворами и пашнѣ (Топ. Оренб. I, III). Кириловъ нашелъ, что всего удобнѣе селить Калмыковъ по р. Току (вп. въ Самару), а не по Ику, потому что, какъ онъ доносилъ, тутъ кругомъ верстъ на 150 степей, пригодныхъ для кочевой жизни. Относительно же пріученія Калмыковъ къ осѣдлой, земледѣльческой жизни онъ полагалъ, что «пашни можно ожидать развѣ отъ внучатъ, или

остановилось на томъ пунктѣ Волги, гдѣ она прежде, чѣмъ принять южное направленіе, образуетъ Самарскую луку. Здѣсь въ урочищѣ «Кунья Воложка», близъ самой Волги указано было построить крѣпость, которая должна была служить главнымъ пунктомъ поселеній крещеныхъ Калмыкъ. Къ лѣту 1738 года крѣпость эта, названная Ставрополемъ, была готова, и въ нее введена была княгиня Тайшина съ зайсан-

---

правнучатъ ихъ». Правительство одобрило выборъ Кирилова. Въ Апрѣлѣ 1737 года состоялся указъ, которомъ повелѣвалось: жену кн. Петра Тайшина, который незадолго предъ тѣмъ умеръ, княгиню Анну Тайшину съ крещеными зайсангами и простыми Калмыками, находившимися при ней, изъ С. Петербурга препроводить до Саратова; а Саратовскій воевода, полковникъ Беклемишевъ между тѣмъ долженъ былъ собрать всѣхъ Калмыковъ, жившихъ въ Астрахани, Царицынѣ и въ другихъ мѣстахъ, и передать ихъ полковнику Змѣеву, которому велѣно было препроводить ихъ всѣхъ на р. Токъ, куда должна была слѣдовать и княгиня Тайшина. Здѣсь Змѣевъ долженъ былъ съ утвержденія Кирилова, которому онъ отданъ былъ въ дирекцію, избрать мѣсто для построенія крѣпостцы и въ ней построить дворы для этой княгини и зайсанговъ. За тѣмъ онъ долженъ былъ принять званіе коменданта этой крѣпости и «съ княгиней Тайшиной обще управлять всѣми крещеными Калмыками и содержать добрый порядокъ чрезъ зайсанговъ и другими всякими способами, по наставленію Ив. Кирилова и своему искусству». Для утвержденія крещеныхъ Калмыковъ въ законѣ христіанскомъ туда же велѣно было Синоду послать искуснаго архимандрита и священниковъ съ пристойнымъ числомъ церковниковъ; завести школу для обученія новокрещенскихъ дѣтей; а для перевода на Калмыцкій языкъ Символа, Новаго Завѣта и прочаго опредѣлить бывшаго при умершемъ Петрѣ Тайшинѣ переводчикомъ Ивана Кондакова, которому быть въ послушаніи и наставленіи у опредѣленной къ тому духовной персоны, и, когда этой послѣдней не время будетъ сказывать поученія Калмыкамъ, заступать его мѣсто,—«ибо онъ былъ въ наукѣ» (П. С. З. № 7,228). Змѣевъ, прибывъ на избранныя Кириловымъ для поселенія Калмыковъ мѣста, нашелъ ихъ несовсѣмъ къ тому удобными и представилъ, что лучше селить ихъ внутри Закамской линіи, а крѣпость для княгини и зайсанговъ построить при Волгѣ, Сокѣ, или Кондур-

гами, а на близъ лежащія земли, — «отъ устья Черемшана внизъ по Волгѣ до деревни Царевщины и до дачь, принадлежавшихъ ландмилицкимъ солдатамъ Красноярской крѣпости, а поперегъ вверхъ по рѣкѣ Кондурчѣ до Чалинской дороги, по которой ѣздили изъ пригорода Сергіевска въ Казань», — посажены были остальные Калмыки, «и въ тѣхъ дачахъ велѣно было имъ кочевать, звѣрей ловить, лѣсъ и дрова рубить, и скотомъ траву травить, и въ озерахъ рыбу ловить свободно, и тѣми и другими способами казать имъ удовольствіе и всякими мѣрами пріохочивать, чтобы они сперва къ кошенію сѣна, а потомъ и къ пашнѣ хлѣба возымѣли охоту» (1). Въ началѣ число этихъ переселенцевъ простиралось до 700 кибитокъ, въ которыхъ было 2,104 души обоего пола. Но такъ какъ почти всѣхъ и другихъ Калмыковъ крещеныхъ стягивали сюда же, то въ 1754 году число Ставропольскихъ поселенцевъ этого рода возрасло до 8,695 душъ (2). Въ 1765 число ихъ доходило до 8000 душъ одного муж. пола (3). Увеличеніе же числа Калмыковъ, приходившихъ ко крещенію, условливалось наиболѣе выгодами, которыя предоставлялись новокрещенымъ, и недостатками общественнаго быта Калмыцкаго народа. Въ калмыцкихъ улусахъ многіе имѣли основаніе быть недовольными существовавшими тамъ порядками. Надъ большинствомъ Калмыковъ тяготѣла суровая власть людей бѣлой кости; кровавыя усобицы между самими владѣльцами заставляли и зайсанговъ покидать улусы и искать гдѣ либо болѣе обезпеченнаго положенія. Русскіе, призывая Калмыковъ ко крещенію, давали личную свободу отъ господской власти подначальнымъ и безопас-

---

чѣ. Татищевъ, который заступилъ мѣсто Кирилова, между тѣмъ скончавшагося, и которому Кабинетъ поручилъ разсмотръ проектъ какъ Кирилова, такъ и Змѣева и затѣмъ окончательно избрать мѣсто для поселенія крещеныхъ Калмыковъ, склонился въ пользу послѣдняго и опредѣлилъ строить крѣпость при самой Волгѣ, въ урочищѣ «Кунья Воложка», указанномъ ему однимъ изъ Самарскихъ казаковъ (Н. Поповъ. Татищевъ и его время; стр. 260).

(1) Топогр. Оренб. I, 116.

(2) Тамже.

(3) Истор. Русской Церкви. V, 30.

ное убѣжище разорившимся зайсангамъ. Кромѣ того каждый выходецъ изъ калмыцкихъ улусовъ снабжался по возможности необходимыми средствами для перваго обзаведенія на новомъ мѣстѣ жительства (1). Указомъ 29 Декабря 1743 года каждый Калмыкъ, являвшійся въ Ставрополь для принятія Христіанской вѣры, получалъ сверхъ того денежное вознагражденіе за крещеніе, если былъ зайсангомъ, 15 р., если—юртовый простой Калмыкъ, 2 р. 50 к. на семью, холостой, половину того (2). Были и такіе Калмыки, которые приходили ко крещенію, чтобы избѣжать наказанія за преступленія, совершенныя ими въ улусахъ; другіе, надѣлавъ долговъ, уходили креститься, имѣя въ виду уклониться отъ уплаты ихъ. Чтобы пресѣчь такія злоупотребленія, еще въ 1736 году постановлено было: «Калмыковъ, которые въ улусахъ учинятъ убійство, или какое явное злодѣйство, хотя для крещенія будутъ приходить въ россійскіе города, не принимать, а отдавать по прежнему въ калмыцкіе улусы» (3). Въ 1745 году Сенатъ опредѣлилъ: «Калмыкъ, которые заберутъ въ улусахъ долги и, не заплатя ихъ, будутъ приходить въ Россійскіе города для крещенія, принимать, лишь заплатя за нихъ долги изъ скота и пожитковъ ихъ, а ихъ для крещенія и поселенія отсылать въ Ставрополь; а ежели такихъ долговъ изъ пожитковъ ихъ заплатить будетъ нечѣмъ, таковыхъ Калмыкъ для крещенія не принимать, а отдавать возвратно владѣльцамъ ихъ, а которые калмыки, будучи въ улусахъ, заберутъ деньги, и послѣ ихъ забранія, по достовѣрному свидѣтельству, не меньше полугода спустя придутъ въ россійскіе города, и таковыхъ для крещенія принимать, и долговъ за нихъ не платить: ибо одолжители ихъ ко взысканію съ нихъ долговъ довольное время имѣть могутъ» (4).

Привлекая такими способами Калмыковъ въ Ставрополь для крещенія и поселенія въ его уѣздѣ, старательно заботились о внутреннемъ христіанскомъ просвѣщеніи этихъ переселенцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о пріученіи ихъ къ осѣдлой,

---

(1) П. С. З. № 7,733.

(2) Тамже. № 8,847.

(3) Топ. Оренб. I, I, 109.

(4) П. С. З. № 9,174.

земледѣльческой жизни. Въ Полномъ Собраніи Законовъ мы находимъ весьма подробныя свѣдѣнія о тѣхъ средствахъ и способахъ, которыми надѣялись достигнуть такихъ цѣлей относительно этой колоніи. Устроеніе быта ея, начатое Татищевымъ, когда онъ управлялъ Оренбургскою экспедиціею, продолжено и утверждено на прочныхъ основаніяхъ Оренбургскимъ губернаторомъ Неплюевымъ, къ вѣдомству котораго въ 1744 году, по силѣ указа отъ 16 Апрѣля, отошли Ставрополь и его уѣздъ (1). Основанія эти изложены въ обширномъ донесеніи Неплюева Сенату отъ 8 Ноября 1744 года, свидѣтельствующемъ о глубокомъ организаторскомъ умѣ его составителя (2). Здѣсь съ величайшею внимательностію опредѣлены всѣ стороны быта новаго поселенія.

Что касается до религіознаго быта этихъ поселенцевъ, то было поставлено въ обязанность градскому командиру (ком-

---

(1) Тамже № 8920.

(2) На важность этого доклада Неплюева указалъ покойный Ешевскій въ своихъ публичныхъ лекціяхъ «о Русской колонизаціи Сѣверовосточнаго края» (изд. въ Вѣстникѣ Европы за 1866 г., т. 1), впрочемъ въ общихъ выраженіяхъ и безъ означенія, къ которому году относится этотъ докладъ и подъ какимъ № помѣщенъ онъ въ П. С. З. Редакція «Вѣстника Европы», побуждаемая желаніемъ восполнить этотъ пробѣлъ въ изданномъ ею произведеніи С. В. Ешевскаго, заслуживающемъ полнаго вниманія, и «пояснить» отзывъ его объ упомянутомъ докладѣ, «просмотрѣла,—какъ она говоритъ,—все, что относится къ этому предмету въ царствованіе Елизаветы Петровны, и убѣдилась, что это именно тотъ самый докладъ, который помѣщенъ въ сенатскомъ указѣ отъ 28 Сентября 1747 г. (т. XII, № 9444, стр. 761)». Здѣсь кстати замѣтить, что это убѣжденіе почтенной редакціи не основательно. Докладъ Неплюева, на который намекаетъ Ешевскій, помѣщенъ въ сенатскомъ указѣ отъ 15 Февраля 1745 года (П. С. З. т. XII стр. 308—328 № 9110). Тотъ же докладъ, изъ котораго означенная редакція сдѣлала извлеченіе, частію составляетъ дополненіе къ этому, частію заключаетъ въ себѣ извѣстія о результатахъ, которыми сопровождалось устройство, данное Сенатомъ Ставропольской колоніи вслѣдствіе доклада, не замѣченнаго редакціей, частію наконецъ содержитъ въ себѣ свѣденія относительно строенія Оренбурга и другихъ крѣпостей.

менданту), «по согласію съ духовнымъ правленіемъ, всегда наблюдать, чтобы всѣ они прилежали церкви божіей, пріобщались св. Таинъ и чтобы особливо никакихъ прежнихъ ихъ идоляторскихъ забобонъ и всего того, что Православной христіанской вѣрѣ предосудительно, между ними не было. Ежели кто въ такомъ противномъ поступкѣ явится, таковыхъ къ надлежащему исправленію и сужденію онъ немедленно долженъ отсылать въ тамошнее духовное правленіе, а самому ему въ тѣ дѣла не вступать и не мѣшаться». Еще въ 1737 году опредѣленъ былъ составъ духовнаго правленія, на которомъ лежала обязанность заботиться о религіозномъ совершенствованіи крещеныхъ Калмыковъ. Положено было быть одному архимандриту съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ, тремъ священникамъ по 200 р., и семи церковникамъ по 100 р. каждому въ годъ. Послѣ архимандрита Никодима во главѣ этого правленія поставленъ былъ прежній его помощникъ, протоіерей Андрей Чубовскій. Онъ былъ единственымъ лицемъ изъ всего этого штата, сформированнаго Казанскимъ архіереемъ, которое заключало въ себѣ оба условія, необходимыя для успѣшнаго достиженія цѣли, съ которою эти духовныя особы были присланы въ Ставрополь, — т. е., способность и готовность учить новыхъ христіанъ истинамъ христіанской вѣры: вмѣстѣ съ двумя школьниками, Ляховымъ и Бестужевымъ, знавшими Калмыцкій языкъ, которые были присланы ему въ помощь изъ Астрахани, онъ, какъ доносилъ въ 1739 году Ставропольскій комендантъ, полковникъ Змѣевъ (1), «непрестанно бывалъ въ степяхъ въ улусахъ при крещеныхъ Калмыкахъ и производилъ имъ на калмыцкомъ діалектѣ наставленіе въ христіанскомъ законѣ и обучалъ молитвамъ и крестному знамени; онъ же одинъ и исповѣдывалъ ихъ и исправлялъ прочія требы, а прочіе священники и діаконъ, также и церковники, за незнаніемъ калмыцкаго языка въ посылки по степямъ къ Калмыкамъ не употреблялись и отправляли только одну службу въ крѣпостной церкви», вслѣдствіе чего, по представленію Змѣева, они указомъ Кабинета-министровъ отъ 6 іюня 1741 года лишены были половины жалованья, которая отнесена была на содержаніе калмыцкихъ школъ. Неплюевъ вполнѣ раздѣлялъ то убѣжде-

(1) П. С. З. № 8394.

ніе, что только при искреннемъ и благоразумномъ усердіи къ дѣлу своего служенія и при знаніи калмыцкаго языка Ставропольское духовенство можетъ плодотворно дѣйствовать на поселенцевъ,—равно какъ достойно оцѣнилъ дѣятельность отца Чубовскаго. «Имѣть надлежитъ всегда ученыхъ и добросостоятельныхъ священниковъ,—писалъ онъ въ своемъ докладѣ Сенату,—а особливо нужно, чтобы изъ нихъ были знающіе калмыцкій языкъ, какъ то нынѣшній протопопъ Андрей Чубовскій въ калмыцкомъ языкѣ довольно искусный и добросостоятельный человѣкъ къ немалой пользѣ при нихъ находится» (1). Вслѣдствіе этого убѣжденія оставивъ Чубовскаго по прежнему главнымъ лицемъ въ духовномъ Ставропольскомъ правленіи, онъ предложилъ ему объѣзжать всѣ улусы по крайней мѣрѣ дважды въ годъ, чтобы наблюдать, всѣ ли въ христіанской должности себя содержатъ, и внушать имъ исповѣданіе вѣры и все то, что до пользы душеспасительной касается. Прочіе священники должны были каждый завѣдывать однимъ изъ участковъ или приходовъ, на которые по мысли Неплюева были раздѣлены улусы, поступая по отношенію къ нимъ такъ, какъ дѣйствовалъ протоіерей Чубовскій по отношеніи ко всѣмъ улусамъ (2). Кромѣ непосредственныхъ назиданій со стороны пастырей, положено было для той же цѣли дѣйствовать на Калмыковъ и школьнымъ ученіемъ ихъ дѣтей. Открытую по силѣ указа отъ 6 Іюня 1741 года, состоявшагося вслѣдствіе представленія Змѣева, школу на 10-ть калмыцкихъ дѣтей Неплюевъ предложилъ распространить такъ, чтобы могло въ ней учиться отъ 20 до 30, а буде пожелаютъ, и больше дѣтей владѣльческихъ и зайсанговыхъ. Обучать въ этой школѣ положено было ихъ россійскому чтенію, письму и добрымъ обычаямъ; «ученіе калмыцкаго подъ рукою время отъ времени выводить изъ обычая». Школа эта должна была имѣть особаго достойнаго учителя, выборъ котораго, по сенатскому опредѣленію, долженъ былъ произвести или самъ Неплюевъ, или Ставропольскій командиръ обще съ протоіереемъ Чубовскимъ (3). Ученики, обучившіеся подъ его руководствомъ русскому языку,

---

(1) П. С. 3, № 9110. п. 2.

(2) Тамже.

(3) Тамже, см. резолюцію Сената на 2 и 3 п. стр. 325.

за тѣмъ чрезъ протопопа и священниковъ наставлялись въ догматахъ Православной вѣры, «что особливо было приписано къ должности и надзиранію протопопскому». Ежели которые ученики, выслушавъ курсъ закона божія, пожелали бы служить при церкви, тѣхъ «по разсмотрѣнію» велѣно было «опредѣлять и жалованьемъ снабдѣвать». Въ видахъ же прочнѣйшаго и скорѣйшаго утвержденія крещеныхъ Калмыковъ въ истинахъ вѣры положено было «ему протопопу съ опредѣленными въ помощь ему священниками и церковными служителями рекомендовать для перваго времени перевести на калмыцкій языкъ нужнѣйшія молитвы, десятословіе и другія св. писанія книги, кои св. Синодъ къ просвѣщенію и утвержденію оныхъ Калмыкъ въ Православной вѣрѣ наипаче потребными признаетъ» (1).

Устройство общественно-экономическаго быта этой колоніи составляло не менѣе, чѣмъ религіозное просвѣщеніе переселенцевъ, трудный и важный вопросъ. Крещеные Калмыки принесли съ собою и въ Ставрополь убѣжденіе, что одни изъ нихъ, какъ люди бѣлой кости, предназначены къ господству надъ другими, какъ людьми низкой породы, черной кости, и сообразно съ этимъ убѣжденіемъ старались устроить общественный бытъ свой и на новомъ мѣстѣ своего поселенія. Владѣльцы или князья стремились стать въ такое же положеніе по отношенію къ прочимъ поселенцамъ, въ какомъ находились некрещеные тайдши по отношенію къ подвластнымъ имъ улусамъ; зайсанги старались закрѣпить за собою какъ можно больше кибитокъ съ правомъ передавать ихъ своимъ наслѣдникамъ. «Сначала ихъ прибытія въ Ставрополь, говоритъ Неплюевъ своемъ докладѣ (2), чиновные ихъ люди и зайсанги, приласкавъ и подобравъ подъ власть свою, сколько кто могъ, кибитокъ, въ своемъ вѣдомствѣ ихъ и содержатъ и отъ нихъ корыстуются.... И зайсанги ихъ улусныхъ своихъ людей въ наслѣдство дѣтямъ своимъ присвояли» (3). Правительство, переводя въ Ставрополь первыхъ переселенцевъ изъ Калмыковъ, не приняло никакихъ опредѣлительныхъ мѣръ относительно этого пункта; «напредь сего никакимъ опредѣленіемъ предостережено не было», замѣчаетъ Неплюевъ. Съ точки зрѣнія

(1) Тамже, п. 3-й.

(2) Тамже, п. 7-й.

(3) Тамже, п. 13-й.

послѣдняго такой общественный порядокъ въ поселеніяхъ крещеныхъ Калмыковъ «допустить весьма невозможно было» (1). Допустить его, представлялъ онъ Сенату, значило бы допустить причины и поводы къ ссорамъ и смутамъ въ поселеніи, т. е., къ такимъ же неурядицамъ, которыя происходили въ некрещеныхъ улусахъ (2). Впрочемъ на этотъ разъ Неплюевъ не высказался вполнѣ предъ Сенатомъ относительно общественнаго строя, основаннаго на раздѣленіи на людей бѣлой и черной кости. Ученикъ Петра Великаго, противника кастической исключительности, онъ отвергалъ этотъ строй въ принципѣ, почитая его противнымъ человѣческой справедливости и вреднымъ для дѣла колонизаціи инородческаго востока. Но какъ практическій человѣкъ, онъ полагалъ, что быстрое и рѣшительное уничтоженіе въ новомъ поселеніи прежнихъ калмыцкихъ общественныхъ отношеній «легко можетъ возбудить въ чиновныхъ людяхъ неудовольствіе» и «опасно, ежели у владѣльцевъ сію власть отрѣшить, чтобы не развратились, по тому что всѣмъ тѣмъ чиновнымъ людямъ безъ такой корысти опредѣленнымъ жалованьемъ содержаться не возможно»; онъ думалъ, что лучше исподоволь преобразовывать общественный калмыцкій строй, хотя по силѣ указа изъ коллегіи Иностр. дѣлъ отъ 9 Генваря 1744 года могъ тотчасъ же уничтожить господство владѣльцевъ и зайсанговъ надъ простыми Калмыками, ибо этимъ указомъ повелѣвалось «до дѣйствительнаго владѣнія крещеными Калмыками и до взятья съ нихъ по древнимъ калмыцкимъ обычаямъ подати никого не допускать, съ объявленіемъ, что всѣхъ оныхъ крещеныхъ Калмыкъ надобно числить, какъ и Чугуевскихъ, казаками, и опредѣленнымъ въ чины зайсангамъ ими только командовать» (3).

Для избѣжанія могущихъ произойти затрудненій и замѣшательствъ со стороны владѣльцевъ и зайсанговъ, Неплюевъ въ дѣлѣ общественнаго устройства Ставропольской колоніи предложилъ слѣдовать такой, удостоившейся потомъ сенатскаго одобренія, системѣ. «Учинить въ Ставропольской канцеляріи перепись поимянно, у кого сколько кибитокъ въ вѣденіи на-

(1) Тамже.

(2) Тамже, п. 13-й.

(3) Тамже, п. 7-й.

ходится, и быть уже имъ за тѣми, у кого они нынѣ въ вѣденіи состоятъ; а о податяхъ, доколѣ на кого жалобъ и челобитья не будетъ, умолчать» (1). «Отнынѣ впредь, безъ особливаго указа, свыше ста кибитокъ имѣть никого не допущать, кромѣ владѣльцевъ и такихъ зайсанговъ, которые съ собою для воспріятія св. крещенія болѣе того приведутъ,» и при томъ «прилежно градскому командиру наблюдать, чтобы такія отдачи вновь приходящихъ Калмыкъ доставались самымъ достойнымъ зайсангамъ и за дѣйствительныя службы, а це напрасно, дабы сіе наипаче какъ за награжденіе вмѣняемо было» (2). Право наслѣдственнаго владѣнія простыми Калмыками отнять у зайсанговъ и владѣльцевъ теперь же: «когда который зайсангъ умретъ, то градскій командиръ долженъ спросить лучшихъ улусныхъ людей, хотятъ ли они въ вѣдомствѣ наслѣдника его быть? И буде объявятъ желаніе, то имъ того не возбранять, а буде у кого похотятъ другаго въ вѣденіи быть, то ихъ къ тому и приписывать» (3). Отношенія между зайсангомъ и его улусными людьми установлены были не такія, въ какихъ находятся господинъ и рабы, а такія какія существуютъ въ войскѣ между офицерами и простыми солдатами. Всѣ Калмыки раздѣлены были на роты, въ которыхъ высшія званія и должности предоставлены были владѣльцамъ и зайсангамъ; но и простые калмыки могли по достоинству и по заслугамъ получать чины хорунжихъ, ротмистровъ и прочіе обыкновенные; при этомъ положено «весьма наблюдать, дабы и зайсанги не по наслѣдству, но по заслугамъ и достоинствамъ въ тѣ чины вступали, какъ то во всей Россійской имперіи съ находящимися въ службѣ Е. И. В-ва поступается» (4). Обязанности и права зайсанговъ и владѣльцевъ относительно подвѣдомственныхъ имъ улусныхъ людей были вслѣдствіе того военно-полицейскія. Они смотрѣли за сохраненіемъ порядка и благочинія въ улусахъ, «чтобы улусные люди никакого воровства и противныхъ поступковъ не чинили, безъ ихъ вѣ-

---

(1) Тамже.

(2) Тамже, п. 10-й.

(3) Тамже, п. 13-й.

(4) Тамже.

дома изъ улусовъ ни куда не отлучались», а за предѣлы Ставропольскаго вѣдомства чтобы ни владѣльцы, ни зайсанги безъ разрѣшенія градскаго командира никого не отпускали (1), а «особливо» же они должны были заботиться «приводить улусныхъ людей въ такое состояніе, чтобы они, когда и куда ни востребуются, въ скоромъ времени собраться и во всякой исправности, т. е., чтобы оные люди на добрыхъ лошадяхъ и съ надлежащимъ по ихъ обыкновенію ружьемъ отправлены быть могли, наипаче же стараться имъ о заведеніи огненнаго ружья» (2). Обыкновенная служба Ставропольскихъ Калмыковъ состояла въ томъ, что каждое лѣто отправлялось ихъ въ Оренбургъ съ лучшими зайсангами по 300 человѣкъ. Во время службы они получали опредѣленное жалованье, именно рядовые по 50 к., да мѣсячный провіантъ, а зайсанги сообразно съ ихъ чинами (3).

Впрочемъ средства къ жизни Калмыки должны были главнымъ образомъ добывать не службою, а разными промышленными занятіями. Выше упомянуто, что правительство расчитывало этихъ поселенцевъ пріучить къ земледѣльческой жизни. Указомъ сенатскимъ отъ 26 февраля 1739 г. повелѣно было потому «для пребыванія оныхъ Калмыкъ и пріохочиванія ихъ къ пашнѣ, отвести имъ близъ крѣпости изъ порожжихъ земель подъ пашню, сѣнные покосы и подъ гумна противъ рядовыхъ лапдмилицкихъ конныхъ полковъ, княгинѣ Тайшиной вдесятеро, зайсангамъ вдвое, урядникамъ, разсыльщикамъ, толмачамъ и рядовымъ Калмыкамъ противъ рядоваго, т. е., подъ пашню по двадцати четвертей въ полѣ, а въ дву потомуже, сѣнныхъ покосовъ на 100 копенъ, подъ дворы и огороды земли въ длину по 30, поперегъ по 15 саженъ, подъ гумны же по толикому же числу, что подъ дворы и огороды каждому». Такой отводъ земель Калмыкамъ и дѣйствительно былъ произведенъ въ 1741 году. Но съ тѣхъ поръ по 1744 г. число переселенцевъ увеличилось болѣе чѣмъ въ двое, и надо было полагать, что оно будетъ и еще расти. Калмыкамъ, переселившимся въ Ставропольскій уѣздъ послѣ 1741 года, еще не было назначено и отмежевано земель. Неплюеву предстояло заняться этимъ. Но онъ нашелъ, что осно-

(1) Тамже, п. 8-й.

(2) Тамже, п. 9-й.

(3) Топ. Оренб. I, 118.

ванія, которыя установлены были вышеприведеннымъ указомъ для руководства при отводѣ крещенымъ Калмыкамъ земель, «не весьма нужны, ибо ежели по приходѣ ихъ на каждаго Калмыка землю въ свойство (въ собственность) отводить, то по умноженіи ихъ потребно будетъ земель такое великое пространство, что безъ утѣсненія старинныхъ жительствъ обойтись будетъ не возможно, а тѣ земли по большей части безплодно у нихъ пролежатъ, ибо хотя бы къ пашнѣ совершенную охоту возъимѣли, однако весьма нечаятельно, чтобы одинъ Калмыкъ на двадцать четвертей свою пашню распространилъ, что рѣдко и у старинныхъ россійскихъ крестьянъ бываетъ», тѣмъ болѣе, что земли раздавались не только взрослымъ, но и всѣмъ, кои были свыше только семи лѣтъ, и вмѣсто прежняго порядка при раздачѣ имъ земель предложилъ установить такой: не отмѣняя прежняго отвода, новымъ уже поселенцамъ отводить въ достаточномъ количествѣ земли округами, т. е., въ общинное владѣніе, въ отдѣльную же собственность и въ размѣрахъ, опредѣленныхъ указомъ 1739 г. 26 Февраля, давать только владѣльцамъ и настоящимъ зайсангамъ съ условіемъ, чтобы они не продавали отведенныхъ имъ участковъ Русскимъ людямъ, а чтобы всегда они состояли за Калмыками (1). Выдѣляя владѣльцевъ и зайсанговъ изъ общиннаго владѣнія землею, Неплюевъ, кромѣ желанія выказать чрезъ то предпочтеніе ихъ благородству, руководился тѣмъ соображеніемъ, что они, какъ люди болѣе достаточные и болѣе цивилизованные, скорѣе и успѣшнѣе будутъ обработывать выдѣленные имъ участки, чѣмъ простые Калмыки, которые были большею частію люди убогіе (2) и совершенно непривычные къ условіямъ земледѣльческаго быта и которые потому могли совладать съ пахотными землями подъ условіемъ обработки ихъ соединенными силами и руководства ихъ въ этомъ дѣлѣ со стороны власти Русской, условіемъ скорѣе и удобнѣе исполнимымъ при общинномъ владѣніи, чѣмъ если бы земля была раздроблена на множество от-

---

(1) П. С. З. № 9110. п. 11-й.

(2) Когда Тайшина пріѣхала на мѣсто поселенія, то оказалось, что изъ 2400 прибывшихъ съ нею Калмыкъ было не менѣе 400 кибитокъ убогихъ (Н. Поповъ. Татищевъ и его время стр. 261).

дѣльныхъ владѣній. Сенатъ не принялъ этого предложенія Неплюева, указавъ ему «пришедшимъ послѣ 1741 года и впредь приходящимъ для крещенія Калмыкамъ земли отводить и дачи чинить по указу 1739 года, дабы однимъ предъ другими обиды и въ томъ бы между ними ссоръ и ненависти не было», съ тѣмъ однакожъ измѣненіемъ противъ прежняго порядка раздачи, что «такія дачи повелѣлъ чинить цѣлымъ семьямъ, а не на каждаго Калмыка; а которые Калмыки будутъ малолѣтные безъ отцовъ и матерей, тѣмъ особыхъ дачт не чинить, и отдавать ихъ для воспитанія и содержанія родственникамъ, а буде родственниковъ не будетъ, то свойственникамъ, или къ кому они сами похотятъ» (1). Однако Калмыки въ отведенныхъ имъ земляхъ и дачахъ не могли считать себя полными хозяевами. По предложенію Неплюева, утвержденному Сенатомъ, они могли рубить лѣсъ только на нужды свои, а постороннимъ людямъ, кои къ Ставропольскому вѣдомству не принадлежали, не имѣли права продавать, дабы чрезъ то «уберегать лѣса на всегдашнее время»; къ казнѣ отошли прибыльнѣйшія угодья, какъ то: право строить на рѣкахъ мельницы и другіе заводы и рыбныя ловли. Относительно этихъ угодій постановлено было: «Калмыкамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они жительство будутъ имѣть, рыбу ловить и всѣмъ по силѣ данной княгинѣ Тайшиной грамоты пользоваться не запрещать, однако токмо озеръ и рыбныхъ ловель въ присвоеніе имъ не давать, кромѣ того, что владѣльцамъ и зайсангамъ, которыя внутрь ихъ земель будутъ и не на казенномъ прежнемъ откупу» (2). Впослѣдствіи въ пользу Калмыковъ относительно угодій сдѣлано было то измѣненіе, что рыбныя ловли отданы были имъ за положенный окладъ безъ перекупки, и они получили право строить за извѣстный оброкъ мельницы, но съ условіемъ, чтобы на нѣкоторое время принимали въ пайщики, «для обученія своего, Россійскихъ людей» (3).

При раздачѣ Калмыкамъ земель возникъ вопросъ объ Россійскихъ людяхъ, найденныхъ водворенными на тѣхъ земляхъ, которыя назначены были подъ калмыцкія поселенія:

---

(1) П. С. З. № 9110, стр. 325,

(2) Тамже, п. 27.

(3) Тамже, стр. 761.

что съ ними дѣлать, оставлять ли ихъ тутъ, или перевести на другія мѣста. Было мнѣніе въ пользу послѣдней мѣры, опиравшееся между прочимъ на томъ, что многіе изъ этихъ поселенцевъ заняли земли «собою», т. е., не испросивъ на то позволенія правительства. Ко времени, когда Ставропольскій уѣздъ подчиненъ былъ Оренбургскому губернатору, вопросъ этотъ не былъ еще рѣшенъ окончательно. Неплюевъ принялъ сторону тѣхъ, которые не находили надобности сводить этихъ поселенцевъ съ занятыхъ ими земель въ Ставропольскомъ округѣ. «Въ вышеозначенномъ округѣ, писалъ онъ въ своемъ докладѣ Сенату, имѣющіяся дворцовыя, ясачныя и помѣщиковы селенія и деревни на другія мѣста переносить признается къ немалому народному отягощенію, да и пользы въ томъ не предвидится; ибо сходнѣе, когда Калмыки будутъ между такими людьми пребывать, которые домами живутъ и пашни производятъ, къ чему и сами они время отъ времени иногда будутъ привыкать» (1). Чтобы чрезъ то не стѣснить Калмыковъ, онъ предложилъ присоединить къ Ставропольскому уѣзду земли между рѣками Сокомъ и Черемшаномъ, прежде находившіяся во владѣніи лапдмилиціи, потомъ, за переводомъ ея на Оренбургскую линію, назначенныя подъ поселенія отставныхъ солдатъ, но еще остававшіяся незаселенными, съ тѣмъ, чтобы селить на нихъ Калмыковъ послѣдняго переселенія и впредь имѣющихъ прибыть въ Ставрополь для крещенія. Правительство, стремившееся сдѣлать крещеныхъ Калмыковъ земледѣльцами и для того еще прежде признавшее полезнымъ сближать ихъ съ Русскими посредствомъ переселенія нѣкоторой части послѣднихъ въ Ставропольскій уѣздъ (2), не могло, конечно, отвергнуть это предложеніе Неплюева.

---

(1) П. С. З. № 9110 п. 5. Тоже повторяется имъ въ п. 25.

(2) Полковникъ Змѣевъ предлагалъ для этой цѣли на первый разъ «придать Калмыкамъ по нѣсколько гарнизонныхъ солдатъ, взятыхъ изъ крестьянства, а иногда и позволять имъ изъ тѣхъ же гарнизонныхъ солдатъ и изъ подобныхъ людей и изъ русскихъ мужиковъ и изъ другихъ иновѣрцевъ, россійскихъ подданныхъ, кромѣ Татаръ и Башкирцевъ, къ той работѣ наймовать съ паспортами». Татищевъ и Соймоновъ, которые разсматривали это предложеніе, сочли полезнѣйшимъ для этой цѣли пе-

Сближеніе Ставропольскихъ Калмыковъ съ Русскими было не единственною мѣрою, предпринятою въ видахъ научить ихъ хлѣбопашеству. Дѣло это поставлено было еще прежде Неплюева одной изъ главнѣйшихъ задачъ служебной дѣятельности Ставропольскаго коменданта. «Къ произведенію пашни и къ домовому житью градскій командиръ долженствовалъ ихъ пріохочивать и побуждать, сколько возможность допускала, и кто сколько изъ нихъ распашетъ земли, того у нихъ и у дѣтей ихъ не только не могъ отбирать, но и не

ревесть на поселеніе въ Ставропольскій уѣздъ до 300 дворовъ изъ прописныхъ Казанской губерніи (Н. Поповъ. Татищевъ и его время; прилож. № 5). Но не видно, чтобы это рѣшеніе было приведено въ исполненіе. Змѣевъ, между тѣмъ, продолжая искать поселенцевъ изъ Русскихъ для Ставропольскаго уѣзда, обратилъ вниманіе на разнаго рода сходцевъ, поселившихся въ Симбирскомъ уѣздѣ, на вотчинныхъ земляхъ Московскаго Новодѣвичьяго монастыря, которыхъ насчитано было до 282 душъ и которыхъ еще въ 1736 году рѣшено было перевесть, однихъ въ солдатскія слободы, другихъ на прежнія мѣста. Конечно они не желали этого перевода и обратились потому съ просьбою къ Змѣеву о дозволеніи имъ поселиться около Ставрополя между Калмыками, расчитывая на то, что это переселеніе для нихъ не будетъ особенно убыточно, такъ какъ Ставрополь находился лишь въ 20 верстахъ отъ того мѣста, съ котораго ихъ сгоняли. Змѣевъ не замедлилъ войти (въ 1739 г.) въ Сенатъ съ ходатайствомъ объ удовлетвореніи этой просьбы, представивъ при этомъ: «крещенымъ Калмыкамъ отъ нихъ разночинцевъ такая польза быть можетъ, что Калмыки, живучи между ними и смотря на нихъ, весьма охотно за кошеніе сѣна и за пашню и къ строенію дворовъ своихъ примутся... Къ тому же можно приводить, чтобы Калмыки женились на Русскихъ, а Русскіе брали Калмычекъ, и тѣмъ мѣшать ихъ съ Россійскою націею». Но на это представленіе Сенатъ не далъ отвѣта. Между тѣмъ изъ Казани прибылъ офицеръ для высылки сходцевъ съ земель вышеназваннаго монастыря. Тогда Змѣевъ обратился въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ прежнимъ ходатайствомъ. На этотъ разъ ходатайство было уважено, и доводы Змѣева признаны основательными. Жившіе въ Симбирскомъ уѣздѣ разночинцы получили позволеніе поселиться между Калмыками (П. С. З. № 8393).

долженъ былъ возбранять, ежели бы кто больше захотѣлъ распахать». Его было дѣло смотрѣть только, «чтобы распашная земля впустѣ у нихъ не лежала»; для этого онъ долженъ былъ толковать владѣльцамъ и зайсангамъ о пользѣ и пріемахъ хлѣбопашества, подтверждать имъ, чтобы каждый изъ нихъ въ своемъ вѣдомствѣ о поддержаніи его заботился; снабжать неимущихъ необходимыми при хлѣбопашествѣ инструментами и орудіями насчетъ казны, наблюдая, «чтобы тѣ инструменты содержимы были у Калмыкъ въ сбереженіи», и обязывая зайсанговъ и владѣльцевъ смотрѣть за тѣмъ; а также заботиться, чтобы улусные люди сами научились дѣлать тѣ инструменты; «на первый посѣвъ выдавать казенный хлѣбъ тѣмъ, кто къ произведенію пашенъ охотенъ и надеженъ явится, въ образъ ссуды, съ такимъ смотрѣніемъ, чтобы конечно тотъ данный изъ казны хлѣбъ посѣянъ былъ въ землю, а ежели кто не посѣетъ и употребитъ на другое, тѣхъ за то наказывать, а зайсангамъ за несмотрѣніе чинить выговоръ» (1). Чтобы лучше ознакомить Калмыковъ съ пріемами хлѣбопашества, Неплюевъ учредилъ общественную запашку; на особые участки въ новыхъ русскихъ слободахъ со всѣхъ улусовъ посылалось по нѣсколько человѣкъ съ лошадьми, и они должны были тамъ подъ руководствомъ жителей тѣхъ слободъ пахать землю, сѣять, снимать и убирать хлѣбъ; весь урожай дѣлился на двѣ части; одна откладывалась на сѣмена для будущаго посѣва, а другая раздавалась въ тѣ улусы, изъ которыхъ были работники на этой пашнѣ, въ размѣрахъ на каждый улусъ, опредѣлявшихся калмыцкимъ судомъ, и выдавалась въ каждомъ улусѣ преимущественно бѣднымъ и неимущимъ. Отъ работы на общественной пашнѣ освобождались лишь тѣ, которые сами или чрезъ наемныхъ работниковъ у себя въ улусахъ производили пашни (2).

Пріучая Калмыковъ къ земледѣлію, думали пріучить ихъ къ занятію ремеслами и торговлей. По силѣ указа, даннаго Змѣеву 26 февраля 1739 года, они могли безпошлинно продавать въ Ставрополѣ своихъ лошадей, скотъ и своей ловли звѣрей. Продажа вина въ самомъ Ставрополѣ отдана была въ ихъ распоряженіе; сначала сборомъ отъ питейной продажи пользовался важнѣй-

---

(1) П. С. З. № 9110, п. 16.

(2) Тамже п. 17.

шій изъ калмыцкихъ владѣльцевъ, наслѣдникъ княгини Тайшиной, которой и отдана была та продажа по указу 26 Февраля 1739 г. Но Неплюевъ настоялъ на томъ, чтобы она была отдана въ общую калмыцкую пользу, и прибыль отъ нея расходовалась частію на покупку разныхъ вещей, необходимыхъ для военныхъ людей, на пропитаніе и снабженіе бѣдныхъ, частію на канцелярскіе и прочіе расходы въ Калмыцкомъ судѣ, частію на дачи войсковымъ старшинамъ и простымъ ратнымъ людямъ, «кои изъ владѣльческихъ дѣтей, дабы они предъ прочими тѣмъ имѣли отмѣну и лучше себя содержать могли» (¹). Выше упомянутымъ же закономъ велѣно было «построить въ Ставрополѣ лавокъ до 20, а позади ихъ жилые малые покои и дать россійскимъ купцамъ охочимъ людямъ дозволеніе тамъ жить и торговать, чтобы крещеные Калмыки въ продажѣ своихъ и въ покупкѣ потребныхъ имъ вещей нужды не имѣли». Лавки построили скоро; но охотниковъ изъ купцовъ селиться въ Ставрополѣ не являлось. Татищевъ и Соймоновъ порѣшили: ежели охотниковъ не будетъ, то перевести изъ городовъ Казанской губерніи средней статьи купцовъ до 50 семей, «чтобы выборъ этотъ произведенъ былъ самимъ купечествомъ, а воеводы въ то дѣло не вступались, «дабы не было разоренія» (²). «Но по тому, писалъ Неплюевъ въ своемъ докладѣ отъ 7 Ноября 1744 г., дѣйствомъ ничего не воспослѣдовало, и нынѣ купцовъ при Ставрополѣ никого нѣтъ, ибо охотниковъ никого не изъискалось. А чтобы ихъ завести и умножить, то за немалую потребу признается; ибо чрезъ нихъ крещеные Калмыки къ торгамъ, промысламъ, слѣдовательно, и къ основательному селенію всегда и наилучше пріохочиваны быть могутъ». Но для достиженія этой цѣли онъ не считалъ нужнымъ и полезнымъ прибѣгать къ принудительному переселенію купцовъ и мастеровыхъ людей изъ другихъ городовъ. Согласно его предложенію, для пріохочиванія ихъ къ поселенію въ Ставрополѣ Сенатъ распространилъ на Ставропольскихъ купцовъ и мастеровыхъ тѣ привиллегіи, которыя даны были Оренбургскимъ купцамъ. Между тѣмъ онъ нашелъ въ лицѣ купчины Моисея Богданова человѣка, который, какъ свѣдомый въ

(¹) Тамже № 9444.

(²) П. С. З. № 9111, п. 23. Н. Поповъ, Татищевъ и его время. Прилож. № V.

торгахъ и купечествѣ, долженъ былъ орудовать дѣломъ привлеченія въ Ставрополь купцовъ изъ другихъ городовъ и поселенія ихъ тамъ въ добромъ гражданскомъ порядкѣ (1). Благодаря этимъ мѣрамъ, въ теченіе слѣдовавшихъ затѣмъ 15 лѣтъ записалось въ Ставропольское купечество 309 душъ изъ другихъ городовъ, преимущественно же изъ Симбирска (2).

Устраивая такимъ образомъ общественно-экономическій бытъ Ставропольскихъ Калмыковъ, Неплюевъ считалъ необходимымъ ввести и въ административную и судебную часть этой колоніи значительныя противъ прежняго перемѣны. До Неплюева, по силѣ грамоты, данной княгинѣ Тайшиной, высшая административная и судебная власть тутъ принадлежала главѣ фамиліи Тайшиныхъ. Отношеніе Ставропольскаго коменданта къ этому правителю и вообще кругъ его обязанностей по административной и судебной части не были точно опредѣлены. Неплюевъ свидѣтельствуетъ, что этотъ правительственный агентъ имѣлъ до него значеніе временнаго правителя, опредѣленнаго лишь для устройства поселеній калмыцкихъ и, стало быть, по исполненіи этого порученія, долженствовавшаго оставить Ставрополь, предоставивъ князю Тайшину управлять поселеніями по его разумѣнію. Такимъ временнымъ командиромъ въ Ставрополѣ послѣ Змѣева былъ подполковникъ ландмилицкаго Билярскаго драгунскаго полка Кошкаровъ. Неплюевъ находилъ, что «по состоянію тамошняго мѣста за полезнѣе признавается, чтобы не временнаго, но настоящаго командира и высшаго ранга имѣть (чтобы Калмыки почтеніе имѣли)» (3). Указавъ Сенату на полковника Останкова, какъ на человѣка способнаго отправлять должность постояннаго

---

(1) П. С. З. № 9110 п. 23.

(2) Топогр. Оренб. II, 102. Впрочемъ это купечество, по свидѣтельству Лепехина, было «не очень заживно и главный общій торгъ его состоялъ въ рыбѣ». Промышляли также Ставропольскіе купцы выгономъ овецъ и саломъ. «Въ самомъ городѣ,— говоритъ онъ,—почти никакихъ другихъ товаровъ кромѣ арбузовъ, которые въ Ставропольскихъ огородахъ нарочито урожаются, и съѣстныхъ вещей, не имѣется. Фабрикъ или другихъ какихъ заводовъ въ городѣ и по сіе время не разведено, и многіе изъ купечества питаются пашнею» (Дневныя зап. I, 233).

(3) П. С. З. № 9110, п. 4-й.

правителя Ставропольскихъ Калмыковъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обставилъ эту должность такими опредѣленіями, изъ которыхъ вытекало, что Ставропольскій комендантъ отселѣ—первое административное лице въ колоніи; ему принадлежала высшая полицейская власть тамъ; онъ былъ начальникомъ имѣвшихся тамъ войскъ и въ томъ числѣ ротъ, образовавшихся изъ самихъ Калмыковъ; онъ главный хозяинъ въ округѣ; онъ наконецъ первое лице въ Калмыцкомъ судѣ, который тогда же былъ открытъ Въ этомъ судѣ, учрежденномъ по представленію Неплюева, «въ образъ генеральной старшины, для наибольшаго имъ Калмыкамъ удовольствія», подъ предсѣдательствомъ коменданта засѣдали, какъ постоянные члены его, владѣлецъ Тайшинъ, полковникъ, войсковой судья и войсковой писарь и кромѣ того выборные изъ лучшихъ людей зайсанговъ три человѣка, смѣнявшіеся погодно. Этому учрежденію предоставлено было разбирать всѣ дѣла,—за исключеніемъ убійственныхъ и разбойныхъ дѣлъ,—и споры, которые возникали единственно между улусными людьми, или по челобитью Русскихъ людей на Калмыковъ. Недовольные рѣшеніемъ этого суда могли апеллировать въ Оренбургскую губернскую канцелярію; производство дѣлъ въ этомъ судѣ положено вести по прежнему обыкновенію Калмыковъ. Но городскому командиру вмѣнено въ обязанность стараться. чтобы мало по малу, «время отъ времени, вводить между ними русскія права и порядки и наблюдать, чтобы въ противность оныхъ ничего не могло происходить» (2). Въ особенности онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы Калмыки не дозволяли себѣ рѣшать взаимныя ссоры, несогласія и неудовольствія самоуправствомъ. «Весьма» не долженъ былъ онъ допускать, а обязанъ былъ искоренять обычай, по которому владѣльцы «не только рядовыхъ Калмыкъ, но и зайсанговъ какъ за ихъ продерзости, такъ и въ такомъ случаѣ, ежели бы они по какой либо причинѣ возъимѣли ненависть и злобу,—тайнымъ образомъ предавали смерти, какъ то: удушали или зарѣзывали, а иногда обирали ихъ скотъ». За такое самоуправство опредѣлено такое же наказаніе, какое по русскимъ законамъ положено для убійцъ. Собственныхъ своихъ улусныхъ людей за неповиновеніе и за безчестіе ихъ самихъ или ихъ родственниковъ владѣльцы могли сами на-

(1) П. С. З. № 9110, п. 6-й.

казывать только плетьми; «ежели же кто изъ нихъ захотѣлъ бы наказать за такую продерзость жесточае и публично», то долженъ былъ просить о томъ судъ, который, если находилъ жалобу справедливою, опредѣлялъ виновному въ неповиновеніи владѣльцу своему или въ оскорбленіи его наказаніе кнутомъ при собраніи прочихъ Калмыковъ. Что же касается до неподвластныхъ имъ улусныхъ людей, изъ другихъ вольныхъ улусовъ, то владѣльцы отнюдь не могли расправляться съ ними своимъ судомъ. Относительно же зайсанговъ Неплюевъ предлагалъ совершенно лишить ихъ права производить домашнюю расправу съ ихъ улусными людьми, запретить имъ «самимъ собою въ такихъ собственныхъ дѣлахъ управляться», предоставивъ имъ, какъ и прочимъ Калмыкамъ, «въ своихъ обидахъ суда просить», не запрещая только «по командѣ за непорядочные поступки и за малое междуусобное воровство подчиненныхъ своихъ наказывать плетьми, но не по злобѣ и не напрасно», и подъ условіемъ отвѣта предъ судомъ, если кто изъ наказанныхъ принесетъ жалобу суду на несправедливость наказанія (1); но Сенатъ призналъ нужнымъ оставить за зайсангами тоже право по отношенію къ ихъ улуснымъ людямъ, которое предоставлялъ Неплюевъ владѣльцамъ (2).

Таково въ главныхъ чертахъ устройство, которое дано было колоніи Ставропольскихъ Калмыковъ. Благіе результаты, которыми оно сопровождалось для внутренняго быта этихъ поселенцевъ, служатъ свидѣтельствомъ глубокой его обдуманности и цѣлесообразности. Они обозначилась еще во время управленія Неплюева, устроителя этой колоніи, Оренбургской губерніей. Отъ 17 Апрѣля 1746 года онъ, между прочимъ, доносилъ Сенату: «Тамъ (въ Ставропольскомъ уѣздѣ) за помощію божіей обстоитъ все благополучно, и какъ чиновные, такъ и всѣ Калмыки настоящимъ ихъ новымъ правленіемъ являются быть весьма довольны: ибо будучи нынѣ подъ особымъ своимъ судомъ съ присутствіемъ коменданта, *каждый пользу свою чувствуетъ и видитъ; особливо улусные рядовые Калмыки, узнавъ, что прежняя и нагло надъ ними бывшая владѣльцевъ и зайсанговъ ихъ власть воздержана,*

(1) П. С. З. № 9110, п. 20.

(2) Тамже, стр. 326.

весьма довольны, и уже ни мало обидѣть себя не допущаютъ, но приходя въ Калмыцкій судъ или къ Коменданту о нуждахъ всѣхъ своихъ доносятъ, и получаютъ всякую свою справедливость, *и уже многіе изъ Калмыкъ принимаются ремесломъ и торгомъ за разные промыслы*, изъ чего и фундаментальному ихъ житью предвидится добрая надежда, и *чиновные изъ нихъ люди нынѣ содержатъ и ведутъ себя* въ такомъ *порядкѣ и умѣренности*, какъ имъ быть надобно; и, какъ онъ (Неплюевъ), будучи въ ихъ домахъ видѣлъ, *они и жены ихъ и дѣти во всемъ россійскимъ обычаямъ подражаютъ* и благополучіе свое не такъ въ природѣ, какъ въ добромъ своемъ поведеніи и въ заслугахъ Е. И. В-ву признавать начали; о чемъ онъ (Неплюевъ) чрезъ всю бытность свою (въ Ставропол'ѣ) довольно внушалъ и толковалъ, и до того привелъ, что нѣкоторые изъ малолѣтнихъ своихъ дѣтей охотно отпущаютъ съ нимъ въ Оренбургъ, чтобы тамъ они могли удобнѣе научиться россійскимъ обыкновеніямъ, изъ которыхъ онъ знатнѣйшихъ нарочно будетъ при себѣ держать, а другихъ въ такія руки отдастъ, чтобы они къ честному обхожденію обыкли. Что же касается до содержанія ими Православныя христіянскія вѣры, то и въ семъ лучшихъ изъ нихъ людей нашелъ онъ (Неплюевъ) не неисправными; ибо какъ они сами, такъ и жены ихъ и дѣти *церкви Божіей по ихъ* состоянію *довольно прилежными себя оказываютъ, и дѣтей своихъ русской грамоть и письму охотно обучаютъ; и уже нѣсколько изъ оныхъ говорить, читать и писать нарочито обученныхъ есть*, въ чемъ Ставропольскіе комендантъ и протопопъ довольное имѣютъ стараніе, и онъ (Неплюевъ) то имъ особливо рекомендовалъ. И однимъ словомъ, *ежели въ содержаніи сихъ, св. крещеніемъ новопросвѣщенныхъ, людей установленный порядокъ будетъ всегда наблюдаемъ и ненарушимо содержанъ, то желаемая отъ нихъ польза не только время отъ времени умножаться, но и совершенно можетъ воспослѣдовать*» (1)

---

(1) П. С. З. № 9444. Надежда эта, выраженіемъ которой Неплюевъ заключаетъ свое донесеніе о дѣйствіи на крещеныхъ Калмыковъ принятыхъ по отношеніи къ нимъ мѣръ, не совсѣмъ исполнилась частію, конечно, вслѣдствіе сильной привычки этихъ поселенцевъ къ кочевой жизни, но болѣе отъ того, что установленный при

Неплюевъ думалъ было воспользоваться и некрещеными Калмыками, какъ матеріаломъ для Оренбургской колонизаціи. Въ 1745 году онъ входилъ въ коллегію иностр. дѣлъ, вѣдавшую калмыцкія дѣла, съ ходатайствомъ о дозволеніи поселить въ крѣпостяхъ по Яику двухъ калмыцкихъ зайсанговъ съ 70-ю кибитками. Тѣ сами изъявили на то желаніе и обязывались на новыхъ мѣстахъ отправлять «службу караулами, гоняніемъ подводъ за прогоны и воженіемъ писемъ»

Неплюевѣ порядокъ не былъ, какъ слѣдуетъ, поддержанъ. Путешественники второй половины XVIII столѣтія, посѣщавшіе Ставропольскій уѣздъ, свидѣтельствуютъ, что русско-православное вліяніе на крещеныхъ Калмыковъ сказалось лишь на чиновныхъ ихъ людяхъ, не распространившись на цѣлую ихъ массу. Лепехинъ пишетъ: «знатные ихъ начальники, живущіе въ Ставрополѣ, какъ порядкомъ житія, такъ и обхожденіемъ отъ Русскихъ не разнятся...; въ платьѣ содержатъ себя чисто... многіе отдаютъ сыновей своихъ въ заведенную въ Ставрополѣ школу,.. и изъ обученныхъ Калмыковъ удаются не худые писцы» (Дневныя Зап. I, 226; 230). Палласъ удостовѣряетъ, что нѣкоторые и изъ простыхъ Калмыковъ гораздо болѣе, чѣмъ некрещеные, начинали сознавать выгоды образа жизни, къ которому пріучали ихъ Русскіе (Reise durch verschied. Prov. des Russisch. Reichs. I, 114). Но большинство крещеныхъ и по преимуществу улусныхъ Калмыковъ продолжали крѣпко держаться обычаевъ кочеваго быта. «Съ начала поселенія въ Ставропольской провинціи старались пріучить ихъ къ хлѣбопашеству,—говоритъ Лепехинъ, къ чему имъ подѣланы были хлѣбопашныя орудія и раздаваны были сѣмяна на разводъ, но тщетно: ибо они по непривычкѣ своей къ пашнѣ принуждены были нанимать или Русскихъ, или Мордву и Чувашъ и чрезъ нихъ пахать свою пашню, сѣять и жать; а по недостатку наемщиковъ иногда отдавали жать свою пашню только изъ сѣмянъ, отъ чего чувствуя великій уронъ, совсѣмъ хлѣбопашество оставили. И изъ всего этого предпріятія вышло то, что они научилися сами косить сѣно, которую работу и нынѣ (1768 г.) отправляютъ, съ тѣмъ только различіемъ, что они сѣно свое косятъ въ глубокую осень, когда настанутъ уже заморозы, дабы сѣнокосъ не такъ имъ былъ тягостенъ» (Дневныя зап. I, 218). Палласъ также свидѣтельствуетъ, что любимымъ занятіемъ Ставропольскихъ Калмыковъ было скотовод-

подъ тѣмъ условіемъ, чтобы имъ тамъ позволено было про себя торговать, ходить партіями изъ городовъ для ловли рыбной и звѣриной. Основываясь на привиллегіи, данной Оренбургу, Неплюевъ полагалъ возможнымъ принять просителей на поселеніе въ верхояикскихъ городкахъ, находя предложенныя ими условія выгодными для края. Но коллегія иностр. дѣлъ смотрѣла на дѣло нѣсколько иначе: по старинным договорамъ съ калмыцкими владѣльцами Русское правительство не могло принимать некрещеныхъ Калмыковъ въ русскіе города. «Ежели, доносила она Сенату, нынѣ о принятіи некрещеныхъ Калмыкъ точное опредѣленіе учинить, то сіе не одному намѣстнику ханства и Лабанъ-Дондуку (владѣлецъ, которому принадлежали Калмыки, желавшіе поселиться въ Яикскихъ городахъ), но обще всѣмъ владѣльцамъ калмыцкимъ будетъ противно; ибо когда сіе въ калмыцкихъ улусахъ внушено будетъ, то и еще не одна тысяча Калмыкъ въ россійскія жилища прибѣгутъ, которыхъ всѣхъ обнять и поселить будетъ неудобно, а владѣльцы, то принявъ за крайнее себѣ огорченіе, толь наипаче, что тѣмъ вся ихъ власть въ наказаніи и штрафованіи подданныхъ имъ Калмыкъ отымится, не были ли бы принуждены съ оставшими улусы ихъ разойтись врознь». Не желая однакожъ лишить край поселенцевъ, коллегія придумала такую мѣру для соглашенія интересовъ калмыцкихъ владѣльцевъ съ интересами колонизаціи: губернаторъ Неплюевъ долженъ былъ, «призвавъ просителей, объявить имъ, что онъ можетъ по силѣ Оренбургской привиллегіи принять ихъ въ Оренбургскую губернію и допустить, по ихъ желанію, къ поселенію тамъ, также къ торгу, промыслу и службѣ; но ежели между тѣмъ калмыцкіе вла-

---

ство, что они предпочитали жизнь въ кибиткахъ жизни осѣдлой, что вели хлѣбопашество чрезъ наемныхъ работниковъ и то не по доброй волѣ. Онъ при этомъ выражаетъ сомнѣніе, чтобы когда нибудь Калмыки способны сдѣлались заниматься по доброй волѣ земледѣліемъ; по его мнѣнію, чтобы сдѣлать ихъ дѣйствительно полезными государству, слѣдовало бы на мѣсто худорунныхъ овецъ, годныхъ только на убой, развести въ ихъ поселеніи стада овецъ хорошей породы и научить этихъ кочевниковъ стричь шерсть, которую они срѣзывали косаремъ (Reise durch versch. Prov. I, 114—115).

дѣльцы будутъ усильно требовать ихъ возвратно къ себѣ, а они и тогда св. крещенія не примутъ, въ такомъ случаѣ онъ губернаторъ ихъ удержать не можетъ. И когда оные склонятся на то, ему ихъ принять, и въ Оренбургской губерніи, гдѣ за благо разсудитъ, поселить, токмо публичнаго идольскаго капища строить ихъ не допускать, и когда они захотятъ возвратиться въ калмыцкіе улусы, запрещенія въ томъ имъ не чинить, а въ случаѣ, если калмыцкіе владѣльцы ихъ будутъ требовать къ себѣ, не отказывать точно въ возвратѣ ихъ, а отговариваться въ томъ означенною привиллегіею» (1). Просители согласились и на этихъ условіяхъ переселиться въ Оренбургъ. «Они, говоритъ Рычковъ, перекочевали туда въ совершенной бѣдности, но отъ Оренбургскаго торгу, а паче скорняшнимъ ихъ мастерствомъ (въ чемъ они имѣютъ особливое искусство) вскорѣ исправились какъ лошадьми, такъ и скотомъ» (2). Узнавъ объ этомъ, намѣстникъ Калмыцкаго ханства прислалъ въ 1749 г. въ Оренбургъ одного зайсанга съ требованіемъ, чтобы всѣ эти переселенцы возвращены были съ нимъ въ орду. Неплюевъ велѣлъ объявить ему, что онъ можетъ ихъ всѣхъ забрать, исключая тѣхъ, которые пожелаютъ креститься. Тоже объявлено было и калмыцкимъ поселенцамъ. Не пожелали креститься и потому отосланы было въ орду 122 человѣка. Остальные предпочли крещеніе обратному путешествію въ улусы. Всѣхъ ихъ тогда было 112 душъ. Число ихъ впослѣдствіи было увеличено новыми выходцами изъ орды, такъ что въ 1754 году всѣхъ крещеныхъ Калмыковъ при Оренбургѣ счислялось 56 кибитокъ и въ нихъ 205 душъ обоего пола (3).

Переходимъ къ матеріаламъ промышленной колонизаціи Закамскихъ земель, которые правительство позволяло или указывало колонизаторамъ брать въ Русскомъ населеніи имперіи.

Выше было сказано, что правительство желало привлечь на поселеніе въ Оренбургъ прежде всего *русскихъ купцовъ и ремесленниковъ* и для того допустило свободное переселеніе туда на житье купечества, мастеровыхъ и разночинцевъ

---

(1) П. С. З. №. 9175.

(2) Топ. Оренб. II, 88.

(3) Тамже, 122.

и притомъ съ значительными привиллегіями (1). Но старые русскіе города, въ которыхъ надѣялись и желали найти колонистовъ для Оренбургскаго края, сами страдали недостаткомъ въ торговыхъ промышленныхъ и ремесленныхъ людяхъ; имѣвшіеся на лицо въ этихъ городахъ купцы и мастеровые были большею частію бѣдны и не имѣли чѣмъ взяться, чтобы перенести свою дѣятельность въ отдаленный новый городъ; притомъ городскія общества, будучи обязаны отправлять разныя повинности и службы, которыя они несли всѣмъ міромъ, потому всѣми мѣрами противились выходу изъ среды своей ихъ членовъ; ибо съ выходомъ однихъ неминуемо увеличивалась тягость положенія остальныхъ (2). Какъ

---

(1) См. выше, стр. 251.

(2) Вотъ въ какомъ положеніи былъ городскій промышленный классъ въ важнѣйшемъ изъ приволжскихъ городовъ, изъ которыхъ всего естественнѣе было ждать переселенцевъ въ Оренбургъ, въ Казани, по заявленію самого купечества этого города. По генеральной переписи въ Казани, — такъ разсказывается въ челобитной Казанскаго купечества, поданной Сенату въ 1743 году,—купечества мужеска пола душъ и причисленныхъ вновь по указамъ, какъ гостинной сотни, такъ и посадскихъ, только 1133 души, и изъ онаго числа въ прошлыхъ, также и въ нынѣшнемъ 743 годахъ волею божіею померли и въ рекруты отданы и другими случаями выбыли 576, затѣмъ имѣется только 557 душъ; и изъ онаго наличнаго числа у положенныхъ на Казанскую ратушу таможенныхъ, кабацкихъ и канцелярскихъ и соляной продажи сборовъ бурмистровъ, ларечныхъ и цѣловальниковъ, также и въ счетчикахъ по выборамъ Казанскаго купечества бываютъ повсягодно въ службахъ въ Казани и въ Казанскомъ уѣздѣ, въ пригородахъ и селахъ, которые отъ Казани отстоятъ по 200, по 500 и по 700 верстъ, по 273 человѣка и болѣе; и по прошествіи года изъ оныхъ выборныхъ ѣздятъ для отчета съ соляными книгами и съ денежною казною въ Москву въ Соляную контору; отъ чего претерпѣваютъ немалую нужду и разореніе и отстаютъ своего купечества, въ чемъ въ опредѣленіи къ тѣмъ сборамъ, такожъ въ ратушскія и полицейскія службы, оное купечество за малолюдствомъ едва и сбирается. Сверхъ того по особливымъ изъ Камеръ-коллегіи указамъ изъ онаго Казанскаго купечества бываютъ же у сборовъ на Макарьев-

бы то впрочемъ ни было, только добровольныхъ переселенцевъ изъ старыхъ русскихъ городовъ въ Оренбургъ было весьма мало; принуждено было правительство переселять изъ Уфы и Самары на житье въ Оренбургъ по собственному усмотрѣнію, чтобы было кому поручить общественныя службы. Всѣ усилія Неплюева привлечь туда купцовъ на житье имѣли лишь тотъ результатъ, что подъ конецъ его управленія Оренбургской губерніей было записаннаго купечества только 29 душъ (1) и что нѣкоторые купцы другихъ городовъ, сами и не бывавшіе въ Оренбургѣ, стали по крайней мѣрѣ присылать туда для торговли своихъ прикащиковъ (2).

Обильнѣе былъ матеріалъ для промышленной колонизаціи Оренбургскаго края, доставлявшійся людьми, *приговоренными къ ссылкѣ*, которыхъ, вслѣдствіе указа отъ 11 Февраля 1736 г. велѣно было «къ умноженію въ тѣхъ новыхъ мѣстахъ Русскихъ людей» посылать туда, употребляя однихъ изъ нихъ въ службу регулярную, другихъ на пашню, третьихъ, тяжкихъ преступниковъ, въ шарты; но обильнѣе оказался только въ количественномъ отношеніи. Князь Урусовъ въ бытность свою начальникомъ Оренбургской экспедиціи два раза

ской ярмаркѣ: надзиратель одинъ, ларечныхъ два, цѣловальниковъ по десяти человѣкъ; да по указу изъ Соляной конторы въ Уфимскомъ уѣздѣ въ селѣ Каракулинѣ у солянаго сбора опредѣленъ одинъ выборный, и у тѣхъ сборовъ много бываютъ въ службахъ, не токмо не счетши по указамъ, но и безпремѣнно года по два, потому, что за умаленіемъ купцовъ, а особливо достойныхъ въ таковыя службы, перемѣниться не съ кѣмъ; понеже многіе купцы за несостояніемъ въ таковыхъ службахъ у сборовъ быть не способны; къ тому же отъ учинившагося въ Казани въ 1742 году Августа противъ 3 числа волею божіею немалаго незаннаго пожара, Казанскаго купечества большая часть пришла во всеконечное убожество и разореніе, изъ которыхъ, за тѣмъ несчастіемъ, къ выше показаннымъ сборамъ и въ прочія службы опредѣлить ни по которому образу не возможно; ибо отъ такого приключившагося несчастія не токмо немало не въ состояніи, но и дневную пищу имѣютъ съ крайнимъ бѣдственнымъ неудовольствіемъ». П. С. З. №. 8795.

(1) Топ. Оренб. II, 19.

(2) Тамже.

доносилъ, что «между ссыльными, присылавшимися въ Оренбургъ, многіе престарѣлые такіе, кои ни въ какую службу и пользу употреблены быть не могли» (1). Неплюевъ, по представленію котораго сенатскимъ указомъ отъ 29 Марта 1744 года подтверждено было ссылать въ Оренбургъ какъ купеческихъ, такъ и мастеровыхъ и ремесленныхъ людей, подлежащихъ по указамъ за вины ссылкѣ на житье въ Сибирь и на заводы, для умноженія тамъ торгово-промышленнаго элемента (2), обратилъ вниманіе правительства на непригодность этого рода поселенцевъ для края, обусловливавшуюся нравственною ихъ испорченностію. Въ Апрѣлѣ 1747 года онъ доносилъ Сенату: «тѣ изъ ссыльныхъ, которые по всемилостивѣйшимъ Е. И. В-ва указамъ отъ казенныхъ работъ освобождены и находятся на поселеніи, живучи на волѣ и не платя никому никакихъ податей, отъ праздности впали только въ воровства и въ другія непотребства». Чтобы удержать ихъ отъ продерзостей и сдѣлать небезполезными для края, Сенатъ по его представленію повелѣлъ употреблять ихъ, въ помощь Тептерямъ и Бобылямъ на тамошнія городовыя работы съ платежемъ заработныхъ денегъ по Плакату. Взрослыхъ ссыльныхъ Неплюевъ такимъ образомъ думалъ исправить, заставивъ ихъ за извѣстное вознагражденіе работать. Но у многихъ ссыльныхъ были и дѣти: ибо указомъ отъ 26 Августа 1739 года велѣно было «ссыльныхъ, подлежащихъ ссылкѣ въ Оренбургъ, посылать туда съ женами и дѣтьми, и у которыхъ ссыльныхъ жены и дѣти остались на прежнихъ жилищахъ, оныхъ всѣхъ кромѣ тѣхъ, кои по подушному платежу помѣщикамъ принадлежатъ, туда же на житье выслать»; у однихъ только тѣхъ ссыльныхъ, которые поселены были въ Оренбургѣ, въ Бердской слободѣ и въ Чернорѣченской крѣпости, насчитано было въ 1747 году дѣтей мужескаго пола разныхъ лѣтъ 188 человѣкъ. Положеніе ихъ озабочивало Неплюева: «ибо, писалъ онъ Сенату, живучи безъ присмотра у таковыхъ отцовъ, отъ которыхъ ничего инаго, кромѣ худыхъ примѣровъ и продерзостныхъ поступковъ, видѣть не могутъ, по возрастѣ ихъ разбродиться и въ такія же непотребства будутъ впадать, каковыя отъ отцовъ ихъ происходятъ, и тако не инаго чего ожи-

(1) П. С. З. № 8,093.

(2) Тамже. № 8906.

дать, какъ умноженія воровства и всякихъ непотребствъ.» Чтобы не допустить ихъ до этого состоянія, чтобы «они были воспитаны такъ, какъ государственная польза требовала», Сенатъ, по его представленію, указомъ 18 Ноября 1748 года постановилъ: «для тѣхъ ребятъ, которые находятся въ Оренбургѣ и въ Бердской слободѣ, также и въ Шешминскихъ поселеніяхъ у своекоштныхъ и работныхъ ссылочныхъ отъ 7 до 15 лѣтъ, учредить тамъ подъ вѣдѣніемъ Оренбургской канцеляріи особливую школу, куда всѣхъ таковыхъ изъ показанныхъ мѣстъ собравъ, обучать россійской грамотѣ, чистому письму, нотному пѣнію, исповѣданію Православной вѣры и первой части ариѳметики;» всѣмъ имъ производить мѣсячный провіантъ и давать одежду подобно тому, какъ это велось въ гарнизонныхъ школахъ; понятливѣйшимъ и прилежнѣйшимъ изъ нихъ давать сверхъ того и жалованье; содержать эту школу на счетъ тамошнихъ доходовъ; для помѣщенія ея назначить казармы; «къ обученію ихъ на первый случай русской грамматикѣ (грамотѣ) опредѣлить учителя съ кормовыми деньгами; и къ тому опредѣлять изъ находящихся при татарской школѣ учениковъ, которые грамотѣ и письму довольны, а для варенія пищи и для мытья рубахъ на маловозрастныхъ опредѣлить изъ ссыльныхъ одну или двухъ женокъ»; по достиженіи ими 18 лѣтъ «опредѣлять ихъ въ разныя службы, по тамошнему губернскому штату положенныя, усматривая способность и понятіе ихъ» (1). Къ сожалѣнію намъ не извѣстна судьба этой школы, самая мысль о заведеніи которой заслуживаетъ глубочайшаго почтенія, какъ высоко нравственная и дотолѣ никому не приходившая въ голову. Не имѣемъ также опредѣлительныхъ свѣденій о числѣ сосланныхъ на поселеніе въ Оренбургскій край, равно о томъ, сколько и за какія вины сослано было туда изъ разныхъ классовъ населенія государства. Эти и подобныя статистическія свѣденія, которыхъ, по всей вѣроятности, надо искать въ Оренбургскомъ архивѣ, если бы были собраны, немало бы, думаемъ, послужили къ объясненію позднѣйшей исторіи Закамскаго края, въ особенности къ объясненію пугачевщины.

Болѣе нѣсколько имѣемъ точныхъ свѣдѣній о Малороссійскихъ поселеніяхъ тамъ и о поселеніяхъ отставныхъ солдатъ.

---

(1) П. С. З. № 9553.

Мысль о поселеніи Малороссіянъ въ Закамскихъ земляхъ возникла во время управленія Татищева Оренбургской экспедиціей, когда нашли неудобнымъ допускать къ поселенію тамъ великороссійскихъ выходцевъ изъ крестьянъ, которыхъ охотно принимали Кириловъ и Татищевъ, когда рѣшено было «для поселенія въ крѣпостяхъ тамошнихъ великороссійскихъ людей и крестьянъ впредь не принимать, и которые приняты и принадлежатъ помѣщикамъ, тѣхъ возвратить на прежнія мѣста» (1). 20 Августа 1739 года состоялся высочайшій указъ на имя Урусова, которымъ повелѣвалось ему принимать на поселеніе Черкасъ; въ тоже самое время сдѣлана была публикація о томъ, что ежели кто изъ нихъ пожелаетъ итти на поселеніе въ Оренбургскій край, то бы являлись въ генеральную войсковую канцелярію и тамъ записывались (2). Вслѣдъ затѣмъ отправленъ былъ Урусовымъ въ Малороссію особый чиновникъ, капитанъ Калачовъ, который долженъ былъ призывать тамъ народъ къ переселенію и потомъ набранныхъ переселенцевъ отвести въ Оренбургъ. Едва только появился Калачовъ въ Малороссіи, какъ явились охотники итти съ нимъ на поселеніе въ Оренбургъ. Въ одной Глуховской сотнѣ изъявили на то желаніе изъ казаковъ 15, да изъ мужиковъ 22 семьи, такъ что въ селеніи, изъ котораго явились эти охотники, рѣшились остаться на мѣстѣ только 4 семьи (3). Владѣльцамъ малороссійскимъ такой уходъ съ ихъ земель, конечно, былъ также непріятенъ, какъ и великороссійскимъ побѣги ихъ крестьянъ. Малороссійская генеральная войсковая канцелярія вошла въ Сенатъ съ представленіемъ, что «ежели и впредь изъ другихъ мѣстъ таковымъ многимъ числомъ съ однихъ владѣній въ Оренбургъ будутъ записываться, то у оныхъ владѣльцевъ будетъ не малая пустота,» и просила: «не повелѣно ли будетъ принимать капитану Калачову желающихъ изъ подъ одного владѣнія, гдѣ будетъ всѣхъ семей до 10, или во 20, не больше какъ десятую семью». Кабинетъ министровъ, на усмотрѣніе котораго Сенатъ препроводилъ эту просьбу, далъ такой отвѣтъ: «возможно выпускать позволить изъ казаковъ до четвертой доли одной сотни, а изъ

(1) Тамже, № 7876.

(2) Тамже, № 8011.

(3) Тамже, № 8111.

мужиковъ до четвертой доли одного села» (1). Отвѣтъ этотъ мало удовлетворилъ малороссійскихъ владѣльцевъ и старшину. Тогда они, какъ видно (2), сами всѣми зависѣвшими отъ нихъ средствами стали затруднять такое переселеніе ихъ единоземцевъ. Но капитанъ Калачовъ оказался сильнѣй ихъ; на его сторонѣ было содѣйствіе малороссійской администраціи, находившейся въ рукахъ великороссійскихъ чиновниковъ; кромѣ того онъ не скупился на обѣщаніе переселенцамъ разнаго рода льготъ и даже надавалъ имъ, какъ доносили изъ Малороссіи Сенату, такихъ обѣщаній, на заявленіе которыхъ едвали былъ уполномоченъ Урусовымъ; онъ «обпадеживалъ, что которые на то поселеніе пойдутъ, тѣмъ для прокормленія и прохода онъ будетъ давать жалованіе на всякую душу мужескаго пола по 2 рубля, и кто чѣмъ владѣлъ, дворами, грунтами и всякими движимыми пожитками, то вольно и свободно будетъ имъ продавать, кому кто пожелаетъ, *и ежели кто чѣмъ долженъ, то того платить не будетъ*» (3). Можетъ быть, это донесеніе и не вѣрно, и выдумано въ видахъ избавить край отъ усерднаго слишкомъ вербовщика переселенцевъ; но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію то, что пребываніе Калачова въ Малороссіи, указы о свободномъ переселеніи въ Оренбургъ произвели тамъ въ простомъ народѣ сильное броженіе. Въ 1741 году малороссіянинъ Сумскаго полка, города Лебедина, Ѳедоръ Милостивой подалъ временно послѣ смерти кн. Урусова управлявшему Оренбургской экспедиціей генералу Соймонову доношеніе, въ которомъ утверждалъ, «что онъ въ Слободскихъ полкахъ и въ Малой Россіи

---

(1) П. С. З. № 8111.

(2) По крайней мѣрѣ Сенатъ, по представленію Урусова, два раза долженъ былъ въ 1741 подтверждать Малороссійской старшинѣ и владѣльцамъ, чтобы они казакамъ и посполитымъ людямъ, записавшимся для поселенія въ Оренбургскія крѣпости, а равно и тѣмъ, кои впредь будутъ записываться, «никакихъ налогъ, обидъ, грабительствъ и разоренія и въ продажѣ собственныхъ ихъ грунтовъ, дворовъ, хлѣба, скота и прочихъ ихъ имѣній препятствія и запрещенія отнюдь не чинили и желающимъ къ тому переселенію не запрещали». П. С. З. № 8421.

(3) Тамже.

можетъ набрать изъ охотниковъ до 1000 семей такихъ, которые могутъ служить на собственномъ своемъ содержаніи, только бы имъ во всякихъ промыслахъ, какъ въ Малой Россіи обыкновеніе есть, дать позволеніе, и съ торговъ ихъ пошлинъ не брать, и отъ службы и отъ работъ дать бы имъ сроку на 10 лѣтъ и поселить ихъ, гдѣ они выберутъ пристойное мѣсто; а ежели такого позволенія дано имъ не будетъ, то бы обнадежить ихъ впредь денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ» (1). Переселеніе Малороссіянъ въ такихъ обширныхъ размѣрахъ не состоялось. Въ 1742 году, когда уже царствовала императрица Елизавета Петровна, извѣстная своимъ расположеніемъ въ пользу старинныхъ малороссійскихъ порядковъ, состоялся, вѣроятно, по ходатайству малороссійскихъ владѣльцевъ и старшины, указъ (17 Сентября), которымъ запрещено было «набирать Малороссійцевъ для поселенія въ Оренбургскія крѣпости», а вмѣсто нихъ повелѣвалось селить тамъ Грузинцевъ и Волоховъ (2). Поселенія послѣднихъ, равно какъ поселенія Черногорцевъ и Албанцевъ, которыя начали было заводить съ 1756 года, совершенно не удались (3). Но и отъ выходцевъ изъ Малороссіи явилось для Оренбургскаго края немного проку; опытъ заселенія ими Оренбургскихъ мѣстъ, теперь произведенный, показалъ, что Малороссіяне—плохіе колонисты, что они далеко не обладаютъ тѣми качествами, которыя нужны поселенцамъ при занятіи земель въ краѣ, гдѣ нужно было въ одно и тоже время пріобрѣтать себѣ хлѣбъ пашнею, промыслами, торговлею и быть всегда

---

(1) П. С. З. № 8616.

(2) Тамже.

(3) Рычковъ пишетъ: «На самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ Мочинская слобода имѣлась, съ 1746 году заводимо было новое селеніе Черногорцевъ и Албанцевъ, коимъ не только оныя угодья, которыя къ той слободѣ прежде были назначены, но и по Иргизу рѣкѣ и въ другихъ мѣстахъ пространныя дачи приписаны, въ томъ чаяніи, что изъ Европы въ Россію выдетъ на житье людство немалое; токмо первые оттоль выходцы, поживши здѣсь года съ три, пожелали служить въ арміи, а другіе просили, чтобы ихъ уволить на житье въ Новой Сербіи въ команду генералъ-маіора Хорвата, почему всѣ они въ 1759 году туда и отпущены» (Топ. Оренб. II, 105).

готовымъ встрѣтиться со врагомъ, т. е., способностію бороться съ препятствіями, умѣньемъ найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, способностію въ отдаленной и негостепріимной странѣ чувствовать себя какъ дома, качествами, которыми всегда отличалось Великороссійское племя. За навербованными Калачовымъ Малороссіянами, которыхъ было 209 семей и изъ которыхъ 849 человѣкъ (1) записаны были въ казаки, равно за тѣми, которые потомъ сами пришли на поселеніе, требовался постоянный уходъ, ибо въ противномъ случаѣ они бы совершенно потерялись. Изъ казны нужно было имъ выдавать хлѣбъ на содержаніе ихъ и ихъ семействъ; имъ выданы были и сѣмяна для посѣва; потому что они прибыли въ Оренбургъ въ крайней бѣдности. Думали, что они съ теченіемъ времени поправятся. Но Неплюевъ нашелъ, что «кромѣ казеннаго снабдѣнія ни откуда пропитанія получить не могли». И онъ впрочемъ на первыхъ порахъ знакомства съ этими переселенцами былъ того о нихъ мнѣнія, что ихъ со временемъ можно еще «привести въ прочное состояніе», что для этого стоитъ только продлить для нихъ отпускъ изъ казны корма, и въ этихъ видахъ исходатайствовалъ у Сената имъ, «для лучшаго ихъ поправленія» обѣщанное имъ Калачовымъ, но туго доселѣ выдававшееся, денежное жалованье по 4 рубля на человѣка въ годъ. Однакожъ оказалось вскорѣ, что это пособіе не могло привести ихъ въ лучшее состояніе. Казна, по расчету, сдѣланному Неплюевымъ, издержала на содержаніе ихъ и на жалованье имъ гораздо уже болѣе 30,000 рублей; «но за всѣмъ тѣмъ, доносилъ онъ Сенату, они въ такомъ состояніи, что и понынѣ отъ своей пашни и работы, также производимымъ имъ жалованьемъ никто содержаться не можетъ, и повсямѣсячно не только написанные въ казаки, но и всѣ на женъ и дѣтей своихъ требуютъ хлѣба казеннаго, а службы отъ нихъ не токмо никакой не происходитъ, но еще и жительства ихъ принуждены другими командированными регулярными и нерегулярными людьми съ особливымъ на то казеннымъ же расходомъ охранять; къ тому же довольно насмотрѣно и сіе, что оные Черкасы, получая толь немалыя изъ казны выдачи, такого старанія, чтобъ имъ чрезъ свое домостроительство

(1) П. С. З. № 8887.

работою или какимъ нибудь промысломъ въ лучшее состояніе себя приводить и чрезъ то женъ своихъ и дѣтей, не требуя казеннаго, содержать имъ, весьма не имѣютъ, паче же въ слабость приходятъ». Неплюевъ увидѣлъ надобность положить конецъ безплодной тратѣ казенныхъ денегъ на этихъ переселенцевъ. Онъ послалъ къ нимъ офицеровъ, которымъ тѣ должны были дать опредѣлительный отвѣтъ по слѣдующимъ вопросамъ: 1) Кто изъ нихъ пожелаетъ за четырехъ-рублевое жалованье быть въ дѣйствительныхъ казакахъ, не требуя провіанта и никакого казеннаго снабденія, а пріобрѣтая себѣ содержаніе работою подобно Русскимъ казакамъ? 2) Какою кто изъ нихъ хочетъ заниматься для своего прокормленія работою; кто казенною за вознагражденіе по 2 коп. въ день и за мѣсячный провіантъ, а въ Оренбургѣ по 3 коп. и за мѣсячный провіантъ, и кто работою у частныхъ лицъ? 3) Кто изъ нихъ хочетъ остаться на своемъ коштѣ и для того въ Оренбургъ перейти или пребывать на прежнемъ мѣстѣ? 4) Не пожелаетъ ли кто перейти на болѣе плодородныя мѣста, напримѣръ, въ Табынскъ, на новую дорогу на р. Кинельчакъ? Малороссіяне, находившіеся въ Нѣжинской слободѣ, рѣшительно отвергли каждое изъ этихъ предложеній и просили позволенія возвратиться на прежнія свои жилища въ Малороссію; тѣже малороссійскіе поселенцы, которые жили въ крѣпостяхъ Черноръченской и Татищевской и въ урочищѣ Разсыпномъ, хотя также не согласились принять ни одно изъ этихъ предложеній, но по крайней мѣрѣ выразили при этомъ желаніе, чтобы имъ давали жалованье по 12 р. въ годъ, если хотятъ въ нихъ видѣть исправныхъ казаковъ, или чтобы не отягощали ихъ никакими казенными работами и притомъ предоставили имъ свободу ѣздить для своихъ нуждъ, куда имъ понадобится; тогда они готовы содержаться на своемъ коштѣ. Неплюевъ рѣшился исполнить эти послѣднія желанія малороссійскихъ поселенцевъ, рѣшился продлить для нихъ льготы, давать имъ прежнее денежное жалованье и, не давая провіанта, взамѣнъ того ни въ какіе наряды ихъ не употреблять, подводъ у нихъ ни для кого не требовать и дать имъ полную свободу для промысловъ отъѣзжать въ россійскіе города, рѣшился продлить эти льготы, чтобы «смотрѣть, не могутъ ли они по тому своему желанію всегда содержаться». Надежда эта не исполнилась; Черкасы и при этихъ льготахъ ни мало не поправились, и нужнымъ оказалось «для сущей ихъ бѣдности употре-

бить имъ въ раздачу нѣсколько сотъ четвертей казенной ржи, дабы изъ нихъ нѣкоторые, въ особенности дѣти, престарѣлые и сироты не могли помереть отъ голоду». Не желая долѣе безплодно тратить казенныя деньги на нихъ, Неплюевъ въ 1744 году приказалъ,—испросивъ на то предварительно согласіе Сената (1),—объявить имъ, что, «которые изъ нихъ на своемъ пропитаніи впредь остаться и жить не пожелаютъ,» тѣ могуть итти въ Малороссію на прежнія мѣста. Большая часть ихъ рѣшились оставить Оренбургскій край (2); только немногіе изъявили согласіе остаться тутъ и содержаться на своемъ коштѣ, подъ условіемъ, если имъ позволено будетъ поселиться внутрь линіи на р. Кинели и въ другихъ мѣстахъ, которыя ближе къ россійскимъ жилищамъ. Неплюевъ охотно согласился на это ихъ переселеніе, «попеже, какъ онъ объяснялъ въ своемъ донесеніи Сенату, отъ жительства ихъ при самой границѣ никакой пользы не предвидится, но паче и опасно, чтобы ихъ, неосторожныхъ и слабыхъ людей, Киргизъ-Кайсаки незапными набѣгами не разтаскали, какъ то прошедшаго лѣта не въ одномъ мѣстѣ съ ними случалось» (3). Малороссіянъ, поселившихся на Кинели, было 46 семей (4); тамъ они образовали особую слободу, въ которой подъ конецъ губернаторствованія Неплюева было до 150 дворовъ (5).

На *отставныхъ солдатъ*, какъ на пригодный матеріалъ колонизаціи пустыхъ пространствъ и въ томъ числѣ Закам-

---

(1) П. С. З. № 8887.

(2) Рычковъ свидѣтельствуетъ, что отпущено въ Малороссію 986 душъ муж. и женскаго пола (Ист. Оренб. Ежем. соч. 1759 г. II, 299).

(3) Киргизъ-Кайсаки, разсказываетъ Рычковъ, собравшись въ партію до 1200, или, по другимъ извѣстіямъ, до 2000 человѣкъ, въ 1743 году подъ предводительствомъ салтана Дербешалея, сдѣлали нападеніе на линію, «и изъ поселенныхъ при урочищѣ Разсыпномъ Черкасъ, кои тогда при Илецкомъ городкѣ у жнитвы хлѣба находились, мужескаго и женскаго пола и съ ребятами, всего 82 человѣка, а съ захваченными въ другихъ мѣстахъ до 100 плѣнили (Тамже, стр. 117).

(4) Тамже, стр. 125.

(5) Топогр. Оренб. II, 117.

скихъ земель первый указалъ правительству Кириловъ. Указомъ 11 Февраля 1736 года ему *позволялось* отставныхъ драгунъ, солдатъ, матросовъ съ свободными паспортами, кто изъ нихъ пожелаетъ въ Оренбургѣ и въ другихъ тамошнихъ новыхъ мѣстахъ селиться, принимать и селить, опредѣляя имъ земляные участки отъ 20 до 30 четвертей на семью и давая имъ на проѣздъ и обселеніе ссуду деньгами и хлѣбомъ (1). Вскорѣ правительство, сначала такимъ образомъ только позволявшее селить солдатъ, признало полезнымъ дѣло заселенія ими пустыхъ пространствъ ввести въ разрядъ общихъ мѣръ государственнаго хозяйства и благоустройства и для успѣшнаго его выполненія указать различные способы и средства. Побужденія, которыми въ этомъ случаѣ оно руководилось и которыя въ общихъ выраженіяхъ высказаны уже въ первыхъ указахъ о солдатскихъ поселеніяхъ, подробно разъяснены потомъ въ указѣ отъ 1 Мая 1741 года. «Отъ этихъ посселеній, говорится тутъ, имѣетъ быть слѣдующая польза, что поселившіеся домами (солдаты) отъ времени во времени могутъ множиться, и дѣти ихъ въ возрастѣ употребляемы будутъ въ службу, отъ чего крестьянству въ рекрутахъ будетъ помощь, а служащіе въ полкахъ, увѣдавъ то, что по отставкѣ даны имъ будутъ земли и, яко помѣщики, владѣть и пользоваться ими будутъ, отъ побѣговъ удержатся, и бродящихъ отставныхъ солдатъ уже не будетъ, но, имѣя свои собственные домы и пашню, не токмо сами довольствоваться будутъ, но еще въ пользу и другихъ пашни и хлѣба умножать, и когда они селиться будутъ на границахъ, какъ и ландмилиція, то, во время непріятельскаго нападенія не токмо сами себя, но и другихъ охранять и оборонять могутъ» (2). Для достиженія этихъ цѣлей именнымъ указомъ отъ 27 Декабря 1736 года повелѣвалось: «отставныхъ отъ службы за ранами, болѣзнями и за старостію унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и нестроевыхъ, которые собственныхъ деревень и пропитанія не имѣютъ, по прежнимъ примѣрамъ (3), селить

---

(1) П. С. З. № 6887. 6889.

(2) Тамже № 8368.

(3) Здѣсь указывается на примѣръ Московскихъ Государей, раздававшихъ въ различныхъ пограничныхъ мѣстахъ служилымъ людямъ помѣстныя земли, за которыя они по нарядамъ служили конную и пѣшую службу и пограничныя мѣста охраняли безъ жалованья.

близъ границъ на пустыхъ земляхъ, а именно: по рѣкѣ Волгѣ и по впадающимъ въ нее рѣкамъ на оставшихъ отъ поселенія Волжскихъ казаковъ, и въ другихъ между Царицынымъ и Астраханью мѣстахъ, въ пригородахъ Казанской губерніи, Старомъ Шешминскѣ, Новомъ Шешминскѣ, Заинскѣ, Тіинскѣ, Ерыклинскѣ, Билярскѣ, изъ которыхъ служилые люди опредѣлены въ ландмилицію и переводятся на Закамскую линію; въ той же губерніи по рѣчкѣ Кондурчѣ, начавъ отъ Закамской линіи до города Краснаго Яра, и въ другихъ тамъ около Башкирцевъ мѣстахъ. И онымъ отставнымъ подъ поселеніе и пашню отводить землю, по примѣрамъ какъ давано было прежнимъ служилымъ людямъ и ландмилиціи дается, отъ 20 до 30 четвертей. И для того поселенія опредѣлить надежную персону, и давать тѣмъ отставнымъ награжденіе, какъ они въ тѣ мѣста для поселенія прибудутъ, ссуды каждой семьѣ отъ 5 до 10 рублей. А тѣми землями владѣть имъ и послѣ нихъ женамъ и дѣтямъ вѣчно, а въ приданое за дочерьми не отдавать, и продавать и закладывать не токмо постороннимъ, но и между собою запрещается, но всегда тѣмъ землямъ быть по наслѣдству за дѣтьми ихъ мужескаго пола». Въ слѣдующемъ году въ подтвердительномъ отъ 6 Іюля указѣ объ основаніи солдатскихъ поселеній къ этому было добавлено: «а послѣ кого останется сына два или три и больше, изъ оныхъ отеческую землю наслѣдовать одному; ему же кормить братьевъ малолѣтнихъ, а которые изъ нихъ возмужаютъ и поспѣютъ въ службу, тѣмъ отводить особые участки». А у кого дѣтей мужескаго пола не будетъ, а останутся дочери, одна или больше: оныя суть наслѣдницы; только съ тѣмъ недвижимымъ приданымъ должны въ супружество вступать за солдатскихъ же дѣтей, а не за другихъ чиновъ людей, дабы между ними ни чьего посторонняго владѣнія не было» (1). Въ этомъ же указѣ правительство обѣщало снабдить поселенцевъ изъ солдатъ учеными и искусными священно-и-церковнослужителями, построить въ ихъ поселеніяхъ церкви божіи, при церквахъ учредить школы для обученія солдатскихъ дѣтей грамотѣ и письму подъ руководствомъ священниковъ и церковниковъ; кромѣ того позволяло дѣтямъ будущихъ этихъ поселенцевъ, буде родители ихъ пожелаютъ, обучаться въ

(1) П. С. З. № 7136.

гарнизонныхъ школахъ «вышнимъ наукамъ, у кого къ которой приклонность будетъ, — съ дачею жалованья и провіанта во все время ученія». Приглашались къ поселенію и отставные офицеры, не имѣвшіе деревень, которымъ обѣщано отводить земли сообразно съ ихъ рангами, давать денежное жалованье противъ гарнизонныхъ офицеровъ и предоставить начальство надъ солдатами поселенцами. Въ слѣдующемъ году образовано было особое вѣдомство, которое должно было завѣдывать поселеніемъ солдатъ; велѣно было къ тому дѣлу опредѣлить бригадира Антона Дубасова, ст. сов. Чирикова, подполковника Стрѣлкова и къ нимъ для вспоможенія придать изъ маіоровъ людей достойныхъ трехъ человѣкъ, и кромѣ того дать имъ секретаря и потребное количество приказныхъ служителей, а для отвода земель подъ поселеніе и пашню четырехъ человѣкъ геодезистовъ. Это вѣдомство обязано было между прочимъ селить солдатъ большими слободами, въ дворовъ 100 и больше, «для безопасности отъ непріятелей и отъ внутреннихъ злодѣевъ» (1). Прошло со времени изданія перваго указа о солдатскихъ поселеніяхъ три года, а на вызовъ правительства, объявленный всѣмъ отставнымъ особыми печатными листами, изъ всѣхъ отставныхъ, которыхъ насчитавали въ разныхъ губерніяхъ до 4152 человѣкъ, выискалось только шесть человѣкъ, изъявившихъ желаніе итти на поселеніе. Причину, заставившую отставныхъ отказаться отъ предложенія правительства, надо, по всей вѣроятности, искать въ тѣхъ дополнительныхъ правилахъ, которыя были постановлены въ 1737 году относительно переселенцевъ солдатъ. По этимъ правиламъ многимъ изъ нихъ при отъѣздѣ на поселеніе проходилось разлучиться съ дѣтьми своими, потому что они не могли съ собою взять дѣтей, опредѣленныхъ до 1732 года къ штатскимъ дѣламъ, прижитыхъ за помѣщиками и на посадахъ до взятья ихъ въ службу, родившихся хотя во время службы ихъ, но воспитанныхъ въ деревняхъ у прежнихъ помѣщиковъ или другихъ владѣльцевъ, или въ слободахъ на посадахъ и тамъ записанныхъ въ подушный окладъ, также и тѣхъ, которые были записаны въ купечествѣ, въ цехахъ, или отданы на фабрики. Такихъ дѣтей запрещено было отправляющимся на поселеніе брать съ собою подъ жестокимъ наказаніемъ (2).

(1) П. С. З. № 7315, п. 2.

(2) Тамже, п. 4.

Правительство положило тогда принудить отставныхъ къ переселенію, при чемъ постановило правиломъ впредь посылать на поселеніе всѣхъ солдатъ, кои имѣютъ быть отставлены отъ полевой и гарнизонной службы; освобождались отъ поселенія только совершенно дряхлые, не подававшіе надежды, что «могутъ жениться и домы содержать» (1). Результатомъ этого постановленія было то, что къ концу 1740 году, какъ доносилъ тогда Сенату ст. сов. Оболдуевъ, завѣдывавшій солдатскими поселеніями, отставныхъ изъ разныхъ мѣстъ было поселено 967 человѣкъ (2). Но ихъ надо было водворить на извѣстныхъ мѣстахъ, устроить ихъ такъ, чтобы могли быть достигнуты цѣли, предположенныя правительствомъ при учрежденіи солдатскихъ поселеній. Прежде всего многіе изъ изъявившихъ желаніе итти на поселеніе «были безъ одежды, босы и наги и весьма претерпѣвали нужду». Оболдуевъ выхлопоталъ у казны достаточное количество денегъ на первоначальное устройство этого рода поселенцевъ (10 т. р.) (3). За тѣмъ оказалось, что многіе изъ присланныхъ на поселеніе солдатъ ни къ какой работѣ, по дряхлости и старости, не способны и для поселенія потому негодны; указано было въ 1742 году, чтобы такихъ на поселеніе не посылать, а размѣщать для прокормленія по монастырямъ и богадѣльнямъ (4), что подтверждено было еще въ 1746 году, такъ какъ, по донесенію Канцеляріи солдатскихъ поселеній, продолжали изъ разныхъ губерній присылать подобнаго рода поселенцевъ и даже такихъ, у которыхъ не было или рукъ, или ногъ (5). Затѣмъ немалая трудность представлялась при размѣщеніи поселенцевъ на житье на новыхъ мѣстахъ, при отводѣ имъ земель. Дѣло въ томъ. Во многихъ мѣстахъ за Камой, назначенныхъ подъ поселеніе отставныхъ солдатъ, прежде жили служилые люди, оберегавшіе старую Закамскую линію, изъ которыхъ потомъ, какъ мы уже видѣли, образованы были ландмилицкіе полки; когда начали строить новую Закамскую, или Черемшанскую линію, то ихъ рѣшено было переселить туда; за тѣмъ, когда

---

(1) П. С. З. № 7727.

(2) Тамже, № 8368.

(3) Тамже.

(4) Тамже, № 8561.

(5) Тамже, № 9338.

эта линія признана была ненужною, ихъ стали переселять на Оренбургскую линію. Земли, которыми они первоначально владѣли, оффиціально числились порожжими, и на нихъ теперь между прочимъ велѣно было селить солдатъ; на дѣлѣ было иное. Передвиженіе ландмилиціи не могло вдругъ совершиться; многія семейства ландмилицкихъ солдатъ и офицеровъ оставались еще на прежнихъ мѣстахъ, когда пригнали къ поселенію туда отставныхъ солдатъ. Въ отвращеніе столкновеній между старыми и вновь прибывшими поселенцами сенатскимъ указомъ отъ 27 Сентября 1742 года было постановлено: «Когда всѣ ландмилиціи въ новыхъ мѣстахъ поселятся, тогда къ нимъ и оставшихся въ прежнихъ жилищахъ отцовъ и братьевъ ихъ, которые съ ними въ однихъ домахъ жили, перевесть; а которые изъ нихъ отъ службы отставлены будутъ, тѣхъ въ старые пригородки, на прежнія жилища, не пускать, а жить имъ въ новыхъ крѣпостяхъ, гдѣ кто поселенъ будетъ; а пока всѣ ландмилиціи на новыхъ мѣстахъ дѣйствительно не поселятся, потамѣстъ прежнихъ службъ отставныхъ съ дѣтьми ихъ на линію сильно не высылать и земель у нихъ не отнимать» (1). Однако послѣднихъ мало удовлетворило это постановленіе. Потомки польскихъ переведенцевъ протестовали противъ распоряженій правительства, въ силу которыхъ они рано или поздно должны были уступить отцовскія и дѣдовскія земли отставнымъ солдатамъ. Они представили правительству, что владѣютъ этими землями на основаніи жалованныхъ грамотъ, данныхъ ихъ предкамъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, что они на этихъ мѣстахъ населили деревни, завели хозяйство, которое бросать для нихъ разорительно, и что наконецъ, оставаясь на этихъ мѣстахъ, они могутъ служить въ ландмилиціи по прежнему. Кромѣ этихъ служилыхъ нашлись тутъ и другіе поселенцы, интересы которыхъ также затрогивались поселеніями отставныхъ солдатъ: около нѣкоторыхъ пунктовъ, какъ то, около крѣпости Черемшанской, фельдшанцевъ Шешминскаго, Кичуйскаго, гдѣ съ 1744 года, по предложенію Неплюева (2), стали также

(1) П. С. З. № 8623.

(2) Эти мѣста были тѣ, чрезъ которыя проложена была новая Закамская линія. Еще Татищевъ, Урусовъ и Соймоновъ представляли правительству, что эту линію, хотя она съ устройствомъ

водворять солдатъ, оказались деревни татарскія и чувашскія, и присланнымъ сюда на поселеніе отъ этихъ деревень чинились утѣсненія и обиды. Сенатъ, чтобы устранить ссоры между отставными и старыми поселенцами, въ 1750 году постановилъ: у потомковъ смоленскихъ переведенцевъ, служившихъ въ ладмилиціи, не смотря на то, что они переведены на Оренбургскую дорогу, жалованныхъ имъ по указамъ и грамотамъ земель, на которыхъ они и поселеніе и людей своихъ имѣютъ, не отбирать; земель, состоящихъ подъ татарскими и чувашскими деревнями, не захватывать подъ солдатскія поселенія, а селить отставныхъ на порожжихъ земляхъ (1). Въ докладѣ полковника Мельгунова, завѣдывавшаго поселеніями отставныхъ, въ слѣдствіе котораго состоялось это рѣшеніе, приводятся кромѣ того нѣсколько данныхъ о состояніи солдатскихъ поселеній. Между поселенцами изъ отставныхъ, которыхъ въ 1750 году насчитывали до 2140 душъ мужескаго пола (2), находились

Оренбургской, и не нужна, не слѣдуетъ оставлять пустою; что иначе разныя постройки, которыя были тутъ сдѣланы не малымъ коштомъ и которыя въ 1739 г. велѣно было продать, за неимѣніемъ покупателей пропадутъ даромъ. Неплюевъ повторилъ тоже представленіе и предложилъ, «чтобы эту линію пусту не оставить, поручить ее въ вѣдомство опредѣленному для поселенія отставныхъ на мѣсто Обулдуева ст. сов. Ушакову и велѣть ему Ушакову присылаемыхъ впредь для поселенія отставныхъ селить вмѣсто пригородовъ Казанской губерніи въ построенныхъ по Закамской линіи крѣпостяхъ, которымъ и имѣющіяся въ нихъ казенныя строенія для житья отдавать безъ заплаты; также ежели изъ отставныхъ, которые уже поселились въ Казанскихъ пригородкахъ, пожелаютъ кто своею волею перейти сюда и селиться, то такимъ въ томъ дать волю, а неволею изъ тѣхъ пригородковъ отставныхъ, которые уже поселились, не высылать.» Сенатъ, принявъ это предложеніе, указалъ вмѣстѣ съ тѣмъ Ушакову въ дѣлѣ заселенія Закамской линіи отставными имѣть сношеніе съ т. сов. Неплюевымъ (П. С. З. №. 8892). По нѣскольку семей отставныхъ поселено было послѣднимъ въ крѣпостяхъ Верхоякикской, Уклыкарагайской и Петропавловской (Топ. Ор. II, 147-147).

(1) П. С. З. №. 9817.

(2) Объ этомъ упоминается въ сен. указѣ отъ 22 Ноября 1753 г. П. С. З. №. 10,153.

и отставные офицеры, числомъ 9 человѣкъ. Мелыгуновъ свидѣтельствовалъ, что поселенные въ Казанскихъ пригородкахъ, вели жительство добропорядочное, обзавелись домами и въ распашкѣ земли имѣли ревность, но что вмѣстѣ съ тѣмъ многое изъ того, что предписано было наблюдать и исполнять относительно такихъ поселеній по первымъ указамъ объ нихъ, не исполнено и пренебрежено. Такъ, напримѣръ, школы для дѣтей поселенныхъ солдатъ, которыя велѣно было учредить при городахъ Старошешминскѣ, Новошешминскѣ, Заинскѣ, Тіинскѣ, Ерыклинскѣ и Билярскѣ, до сихъ поръ не были заведены за невыдачею изъ казны и неуказаніемъ для заведенія и содержанія ихъ денежныхъ средствъ; такъ въ крѣпости Черемшанской, фельдшанцахъ Шешминскомъ и Кичуйскомъ не было построено церкви потому, что изъ Казани, не смотря на неоднократныя требованія, не присылали денегъ, опредѣленныхъ закономъ на утварь церквей въ солдатскихъ поселеніяхъ (по 50 р. на каждую церковь). Сенатъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія, чтобы по возможности устранить эти и подобныя упущенія. Деньги, потребныя для построенія церквей, приказалъ выдать, откуда слѣдовало по прежнимъ указамъ; относительно же школъ постановлено было имъ: «для обученія тѣхъ отставныхъ солдатскихъ дѣтей русской грамотѣ и писать, для излишняго казеннаго убытка, особливыхъ школъ не строить, а обучать ихъ тѣхъ церквей, гдѣ кто въ приходѣ живетъ, священникамъ и церковникамъ въ своихъ домахъ, и за то обученіе давать имъ за каждаго солдатскаго сына по 50 копѣекъ, кои къ тому поселенію отпускать изъ Казанской губернской канцеляріи изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ». Но Сенатъ болѣе заботился объ увеличевіи числа посесенцевъ изъ отставныхъ. Увѣдомившись въ 1753 году, что большая часть изъ 2140 душъ поселенныхъ отставныхъ солдатъ, показанныхъ въ вѣдомостяхъ 1750 года, утверждены на поселеніи въ первые годы послѣ выхода указовъ, которыми повелѣвалось учреждать такія поселенія, «а напослѣдокъ присылка на то поселеніе оныхъ отставныхъ весьма умалилась», и что наконецъ «болѣе онаго числа на то поселеніе не прибавлялось», онъ строжайше подтвердилъ губернаторамъ и воеводамъ, чтобы они безъ упущенія высылали отставныхъ, не обзаведшихся въ городахъ хозяйствомъ, на на-

значенныя для ихъ водворенія мѣста (1). Въ 1761 году въ видахъ «наисильнѣйшаго въ поселеніи отставныхъ и въ хлѣбопашествѣ размноженія, дѣтей поселенныхъ отставныхъ солдатъ, дабы за взятьемъ ихъ въ службу то поселеніе не опустѣло», онъ указалъ «оставить при отцахъ, а въ службу до указу не брать» (2). Мѣры эти имѣли успѣхъ: по крайней мѣрѣ, какъ свидѣтельствуетъ сенатскій указъ отъ 30 Мая 1762 года, прежняя Закамская или Черемшанская линія была заселена отставными въ достаточной мѣрѣ, что при Черемшанскѣ, Шешминскѣ и Кичуевскѣ земли къ поселенію болѣе не было (3). Капитанъ Рычковъ, во время своего путешествія въ 1769 и 1770 годахъ посѣтившій нѣкоторыя изъ поселеній отставныхъ солдатъ, свидѣтельствуетъ, что они представляли большія селенія въ 200 и болѣе дворовъ, что жители съ прилежаніемъ занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, а въ иныхъ мѣстахъ и пчеловодствомъ (4).

Въ то время, когда такимъ образомъ правительство для тѣхъ людей, которыхъ селить на пустыхъ земляхъ Закамскаго края почитало возможнымъ или полезнымъ и даже необходимымъ, отпускало деньги и хлѣбъ на переѣздъ и первое обзаведеніе «на новыхъ мѣстахъ»; давало имъ въ изобиліи земли, снабжало ихъ льготами, для приведенія ихъ въ лучшее состояніе учреждало особыя канцеляріи и вѣдомства; когда выражало свою заботливость не только о матеріальномъ, но и духовномъ ихъ благосостояніи, содѣйствуя къ построенію для нихъ церквей, заводя для дѣтей ихъ школы: въ это же самое время туда же, какъ мы уже видѣли, тянулись толпы людей, которые не только не получали отъ правительства никакого содѣйствія при этомъ передвиженіи, но еще за это переселеніе преслѣдовались; тянулись, вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ, *самовольные переселенцы*, или, какъ тогда ихъ по большей части называли, сходцы и тамъ водворялись; тянулись изъ разныхъ мѣстъ, люди и русскаго и инородческаго происхожденія. Мы видѣли также, что первые устроители Оренбургскаго края, Кириловъ и Татищевъ, не считали

---

(1) П. С. З. № 10,153.

(2) Тамже. № 11,375.

(3) Тамже. № 11,556.

(4) Журналъ, или дневн. зап. стр. 10; 27; 37; 146.

возможнымъ держаться строго по отношенію къ нимъ правительственнаго взгляда, т. е., не считали нужнымъ выбивать ихъ съ новыхъ мѣстъ и возвращать на прежнія ихъ жилища, а напротивъ посмотрѣли на нихъ, какъ на пригодный матеріалъ для колонизаціи края, и стали принимать ихъ на поселеніе. Это вызвало жалобы правительству со стороны помѣщиковъ, что отъ нихъ уходятъ ихъ люди на новыя мѣста, что отъ того страдаетъ ихъ хозяйство, и правительство, давъ нагоняй Татищеву за неразборчивый пріемъ великороссійскихъ людей на поселеніе, указало всѣхъ самовольныхъ пришлецовъ, поселившихся за Камой, выслать оттуда на прежнія жилища и впредь никакихъ крестьянъ, кромѣ Малороссіянъ, туда на поселеніе не принимать. Татищевъ промолчалъ. Не видно однакожъ, чтобы онъ, а также и его преемникъ, кн. Урусовъ, дѣятельно занялись выискиваніемъ въ подвѣдомственныхъ имъ земляхъ сходцевъ и высылкою ихъ на прежнія жилища. Да и времени у нихъ, занятыхъ усмиреніемъ Башкирцевъ, не было для такого дѣла. Начата была вторая ревизія, а вмѣстѣ съ тѣмъ правительство усилило погоню за бѣглыми. Въ 1743 году и Неплюевъ получилъ повелѣніе: всѣхъ бѣглыхъ, какіе найдутся въ ввѣренномъ ему краѣ, «выслать на прежнія жилища съ ихъ крестьянскими животы и съ хлѣбомъ на счетъ держателей, конечно чрезъ тотъ 1743 годъ, дабы къ 1 Генваря 1744 года ни одинъ нигдѣ не остался.» Неплюевъ не промолчалъ на это требованіе. Вмѣсто того, чтобы заняться исполненіемъ его, онъ послалъ въ Сенатъ доношеніе, въ которомъ доказывалъ, что эта мѣра неудобопримѣнима къ управляемому имъ краю. Что касается Исетской провинціи, писалъ онъ, дѣйствительно «крестьяне, что ни есть ихъ тутъ, не суть тамошніе природные, но сходцы изъ разныхъ мѣстъ...; ибо онъ самъ по дѣламъ видѣлъ, что за 50 лѣтъ назадъ въ дистриктахъ этой провинціи ни единыя души не было, слѣдовательно всѣ тѣ помѣщичьи, или монастырскіе, или государственные были.... а чаятельно и не безъизвѣстно, слободы тамошнія по большей части и едва ли не всѣ помѣщичьими населены»; но высылать ихъ всѣхъ на прежнія жилища нельзя, и онъ не смѣлъ это сдѣлать безъ особливаго указа: потому что, «ежели ихъ всѣхъ помѣщикамъ отдать, оныя слободы весьма запустѣютъ, и по положенію подушнаго оклада взять будетъ не съ кого, также казенныхъ, для Оренбургской губерніи столь нужныхъ, исправленій исполнить будетъ некѣмъ»,

потому что «только десятинным оброчным провіантом, который доставляют поселенцы эти, довольствуются гарнизоны въ новопостроенных съ Сибирской стороны по Оренбургской дорогѣ крѣпостях и употребляемыя для всякой предосторожности регулярныя команды; къ томуже эти крестьяне во время нужных случаевъ употребляются и къ военным дѣламъ вмѣсто казаковъ, чего довольно было при послѣднемъ башкирскомъ замѣшаніи. «Для такихъ резоновъ» Неплюевъ ходатайствовалъ теперь, чтобы всѣ эти поселенцы оставлены были въ ихъ слободахъ, за исключеніемъ тѣхъ бѣглых, которые селились тутъ послѣ первой ревизіи и о которых прежніе владѣльцы ихъ представятъ крѣпости на них и выписи изъ переписных книгъ, что они за ними положены въ подушный окладъ; поставляя это послѣднее условіе для выдачи поселенцевъ, долженствовавшее затруднить для владѣльцевъ эту выдачу, Неплюевъ просилъ также освободить наличных крестьянъ отъ взысканія и штрафа, если бы оказалось, что они отдали въ рекруты кого либо изъ сходцевъ, подлежащих высылкѣ къ прежнимъ ихъ владѣльцамъ. Что касается до Оренбургских крѣпостей, то и тамъ, доносилъ Неплюевъ, самовольных сходцевъ немало; но они еще Кириловым записаны «въ регулярныя и нерегулярныя и другія службы, а именно дворцовых, синодальных, помѣщичьих, разночинцевъ 5154 души, въ томъ числѣ дворцовых (по вѣдомости 1741 г.) 2779, синодальных и монастырских 591, помѣщиковых 308, купечества 54, итого 3732, а прочіе разночинцы.» Неплюевъ не находилъ возможным никого изъ них и даже изъ помѣщичьих возвратить на прежнія мѣста: «ибо ежели ихъ отдать помѣщикамъ, то въ оных крѣпостях останется самое малолюдство, издержанная на обзаведеніе ихъ денежная и провіантская сумма пропадетъ тогда, а тутъ неточію такіе нерегулярные люди нужны для всякихъ разъѣздовъ и предосторожностей, какъ въ пограничных и опасных отъ легкихъ воровскихъ набѣговъ мѣстахъ; но и нужны они какъ обыватели, кои бы пашни и прочее къ человѣческому содержанію нужное разводить могли». Онъ предложилъ помѣщикамъ и другимъ владѣтелямъ, за которыми тѣ сходцы въ подушный окладъ положены, зачесть ихъ въ рекрутскіе наборы, если они впрочемъ право свое на владѣніе ими« по надлежащему докажутъ» (1). Сенатъ и за тѣмъ императрица утвердили всѣ

(1) П. С. З. № 9006.

эти представленія Неплюева съ нѣкоторыми, впрочемъ весьма незначительными, измѣненіями и дополненіями, сдѣланными въ интересахъ владѣльцевъ (1). Неплюевъ такимъ образомъ настоялъ, чтобы Исетская провинція и Оренбургскія крѣпости не лишены были этого рода поселенцевъ, которые, по справедливому замѣчанію Ешевскаго, составляли самую предпріимчивую, самую энергическую часть сельскаго населенія (2). Не выдалъ Неплюевъ и тѣхъ бѣглыхъ, которые найдены были подъ именемъ непомнящихъ родства въ Уфимскомъ уѣздѣ и въ Казанскихъ пригородахъ. Указами о непомнящихъ родства онъ вообще воспользовался для увеличенія населенія Оренбургской губерніи; ибо указомъ отъ 13 Генваря 1746 года всѣхъ непомнящихъ родства и помѣщиковъ, которые явятся во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ, кромѣ Сибирской, провинцій Вятской, Соликамской и Исетской,—(найденныхъ тамъ велѣно было селить въ Сибири)—повелѣвалось отправлять для поселенія въ Оренбургъ, гдѣ отвесть имъ удобныя мѣста и гдѣ больше нужда того поселенія требуетъ, освободивъ ихъ на три года отъ подушныхъ денегъ, рекрутскихъ и прочихъ поборовъ и не опредѣляя ихъ ни къ какимъ (кромѣ самыхъ чрезвычайныхъ) работамъ, чтобы они въ тѣхъ мѣстахъ могли обселиться и обзаводиться (3). Непомнящіе родства, найденные въ Уфимскомъ уѣздѣ и Казанскихъ пригородахъ, между которыми было много иновѣрцевъ, равно и тѣ, которые были присланы изъ другихъ губерній, поселены были около новой Московской дороги (4), проложенной чрезъ Кичуйскій фельдшанецъ. Здѣсь такимъ образомъ возникло нѣсколько слободъ, въ которыхъ подъ конецъ управленія Оренбургскимъ краемъ

---

(1) Такъ Сенатъ умолчалъ о томъ, что помѣщики для того, чтобы получить изъ Оренбургской губерніи ихъ, туда убѣжавшихъ, людей, должны представить крѣпости на нихъ и выписи изъ переписныхъ книгъ; не уважилъ ходатайства Неплюева объ освобожденіи оставшихъ крестьянъ отъ взысканія и штрафа за отданныхъ ими въ рекруты сходцевъ, подлежавшихъ высылкѣ на прежнія жилища, «чтобы владѣльцы не были въ обидѣ».

(2) Русская колонизація Сѣверовосточнаго края. Вѣстн. Европы. 1866 г. т. I, стр. 253.

(3) П. С. З. № 9250.

(4) Истор. Оренб. Еж. Соч. 1759 г. II, 301.

Неплюева считалось поселенцевъ 3,720 душъ мужескаго пола, въ томъ числѣ Русскихъ 1,650, иновѣрцевъ 2001, помѣщичьихъ 69, и кромѣ того Тептерей и Бобылей до 1,000, всего до 4.720 душъ (1). Всѣ эти слободы тянули къ Бугульминской слободѣ, въ которой находилась Земская контора, вѣдавшая ихъ, и гдѣ въ 1748 году для дряхлыхъ и старыхъ поселенцевъ, по представленію Оренбургской губернской канцеляріи, учреждена была богадѣльня, содержавшаяся на суммы отъ сбора съ находившагося въ той слободѣ моста (2). Татары и другіе иновѣрцы, переведенные сюда изъ Уфимскаго уѣзда въ числѣ 2,001 души, обязаны были содержать по новой Московской дорогѣ почту безденежно. Впослѣдствіи, когда почтовая гоньба по этому тракту усилилась,—такъ какъ оказалось, что нужно было этимъ иновѣрцамъ возить кромѣ обыкновенной, разъ въ недѣлю изъ Казани и разъ изъ Оренбурга отправшейся почты, курьеровъ, эстафеты и чрезвычайныя посылки, чиновниковъ по подорожнымъ, колодниковъ и всякія казенныя тяжести,—Оренбургская губернская канцелярія исходатайствовала имъ (въ 1757 г.) увольненіе отъ рекрутской повинности (3). И относительно другихъ поселенцевъ въ этихъ мѣстахъ Неплюевъ показывалъ заботливость. Въ 1748 году по его ходатайству продолжены были льготные для нихъ годы по 1750 годъ, съ котораго уже начали брать съ нихъ подушныя деньги и прочія государственныя подати (4). Не меньше оказывалъ онъ вниманія къ интересамъ обитателей и Исетской провинціи. Всего населенія въ этой провинціи, раздѣлявшейся на дистрикты Исетскій, Шадринскій, Окуневскій,Куртамышскій и Увелькскій, кромѣ служилыхъ, было 32,879 податныхъ душъ, изъ которыхъ 3,867 были за монастырями, 1,116 принадлежали Тобольскому архіерею, отъ котораго по церковнымъ дѣламъ зависѣла вся провинція, 92 помѣщикамъ и 3,361 были приписаны къ заводамъ, а остальные были государственными. Кромѣ того, что, благодаря ходатайству Неплюева, это населеніе освободилось отъ разбора его, который совсѣмъ было палъ на него, онъ сдѣлалъ въ пользу

---

(1) Топогр. Оренб. II. 47. П. С. З. № 10,735.

(2) Тамже, № 9,501.

(3) Тамже, № 10,735.

(4) Тамже.

государственныхъ крестьянъ этой провинціи еще слѣдующее: до него повинности ихъ относительно государства состояли въ томъ, что они кромѣ 70 к. подушныхъ обязаны были такъ называемою десятинною пашнею, разлагавшеюся не по душамъ, а по дворамъ: каждый дворъ долженъ былъ каждогодно обработать въ пользу казны одну десятину ржи и одну—овса. «При такой казенной пашнѣ, говоритъ Рычковъ, въ нарядахъ и сборѣ хлѣба происходили имъ многія отъ управителей отягощенія, а казнѣ было безприбыльно». Вслѣдствіе этого крестьяне въ 1743 году, когда Неплюевъ осматривалъ Исетскую провинцію, обратились къ нему съ просьбою о совершенной отмѣнѣ казенной пашни и о замѣнѣ ея опредѣленнымъ оброчнымъ провіантомъ. Просьба ихъ была уважена. Положено было, что отселѣ каждый изъ крестьянскихъ дворовъ, значившихся въ прежнихъ переписныхъ книгахъ, долженъ доставить въ казенные магазины каждогодно по 3 четверти и 6 четвериковъ ржи и по стольку же овса. Такъ какъ число дворовъ, показанное въ старыхъ переписныхъ книгахъ, не соотвѣтствовало уже дѣйствительному, и такъ какъ дворы не были одинаковы по числу работниковъ, то для равномѣрнаго распредѣленія этой повинности крестьянамъ самимъ предоставлялось «чинить этотъ сборъ по животамъ и тягламъ, на кого сколько они сами расположатъ», лишь бы только всѣ вмѣстѣ они доставляли каждогодно по 13,707 четвертей ржи и постольку же овса (1). Въ 1746 году обитатели Исетской провинціи освобождены были отъ поставки рекрутъ и сбора лошадей (2). Чтобы доставить населенію этой провинціи болѣе средствъ къ жизни и къ успѣшному выполненію положенныхъ на него повинностей, Неплюевъ допускалъ въ предѣлахъ ея переселеніе крестьянъ съ старыхъ участковъ на новые, болѣе изобиловавшіе угодьями. Вслѣдствіе этого-то и образовались новые дистрикты Куртамышскій и Увельскій (3).

---

(1) Топогр. Оренб. II, 182.

(2) П. С. З. № 9,347.

(3) Топогр. Оренб. II, 179. Въ этомъ же сочиненіи находится и подробное описаніе поселеній въ Исетской провинціи въ разсматриваемое время.

Одновременно съ тѣмъ, какъ принимаемы были описанныя мѣры къ заселенію Закамскихъ земель, Неплюевъ дѣятельно заботился объ установленіи прочной и прибыльной для Россіи торговли чрезъ ввѣренный ему край съ азіатскими народами. Главнымъ торговымъ пунктомъ онъ избралъ Оренбургъ, куда указомъ отъ 26 Августа 1743 года, состоявшимся вслѣдствіе его представленія, велѣно было перевести торгъ изъ Орской крѣпости. Здѣсь для купечества Неплюевъ, которому Сенатъ въ дѣлѣ установленія торговли предоставилъ «поступать по своему усмотрѣнію, ища въ томъ лучшей казенной пользы, и смотря притомъ, дабы, по силѣ данной тому городу привиллегіи, купечество отъ времени до времени съ большею охотою къ тамошнимъ торгамъ обращеніе имѣло»—(1), онъ устроилъ внутри города, на большой улицѣ, каменный гостинный дворъ въ 104 сажени въ длину и 94 въ ширину; всѣхъ лавокъ и амбаровъ въ немъ было 150; они устроены были всѣ со сводами и съ навѣсами, такъ что никакая погода не могла безпокоить торговавшихъ. Для въѣзду въ этотъ дворъ, по срединѣ котораго построена была каменная таможня, и выѣзду изъ него сдѣланы были двое воротъ. Это зданіе назначалось для внутренней постоянной торговли города (2). Для торга же между русскими и азіатскими купцами построенъ на степной сторонѣ рѣки Яика въ двухъ верстахъ отъ города мѣновой дворъ, заключавшій въ себѣ 246 лавокъ и 140 амбаровъ, которые были всѣ внутри двора и со сводами; внутри этого двора, защищеннаго съ степной стороны двумя батареями, выстроено было особливое для азіатскихъ купцовъ помѣщеніе, называвшееся Азіатскимъ мѣновымъ дворомъ. «Въ разсужденіи пространства и хорошества, говоритъ Рычковъ въ заключеніе своего описанія этого сооруженія, можно объявить, что внутрь государства для купечества толь великое зданіе едва ли гдѣ имѣется» (3).

Другимъ важнымъ торговымъ пунктомъ въ краю была Троицкая крѣпость. Здѣсь для торга преимущественно съ Киргизъ-Кайсаками Средней орды, открытаго въ 1750 году, устроенъ былъ мѣновой деревянный дворъ, по образцу Оренбург-

---

(1) П. С. З. № 8,774.

(2) Топогр. Оренб. II, 17.

(3) Тамже, 18. П. С. З. № 9,444.

скаго, заключавшій въ себѣ до 600 лавокъ и амбаровъ, и учреждена таможня (1). Но главная относительно Оренбургскаго торга задача состояла, конечно, не въ устройствѣ необходимыхъ для него зданій, которыя при деньгахъ не трудно было выстроить, а въ привлеченіи къ этому торгу иностранныхъ купцовъ. Для этого «посылалъ я, разсказываетъ самъ Неплюевъ, за границу грамоты, приглашая какъ Киргизцевъ, такъ Хивинцевъ, Трухменцевъ и Бухарцевъ къ торговлѣ, обнадеживая ихъ пользою. Въ сію посылку употреблялъ я магометанъ, Татаръ слободы Сеитовой; а какъ сей народъ легко ослѣпленъ быть можетъ корыстію, то я сихъ Татаръ и наградилъ изобильно и обнадежилъ, по исполненіи ихъ коммиссіи съ успѣхомъ, наградить еще болѣе» (2). Посланцы, «получа первое и льстясь послѣднимъ», съ успѣхомъ выполнили возложенное на нихъ порученіе. Уже лѣтомъ 1745 года пріѣхало въ Оренбургъ значительное количество азіатскихъ купцовъ. Въ 1749 году Оренбургскій гостинный дворъ получилъ столько изъ Азіи товаровъ, что явилось опасеніе, какъ бы торговцы, которые ихъ привезли, не принуждены нашлись везти ихъ обратно, и чрезъ то не охладѣли бы къ Оренбургской торговлѣ (3). Опасеніе было основательное. По торговымъ русскимъ законамъ торговцы, не записавшіеся въ купечество извѣстнаго города, могли тамъ продавать привозимые ими товары только оптомъ; но торговцевъ, которые бы въ состояніи были, вести оптовую торговлю, въ Оренбургѣ пока не было, или такихъ было мало. Мы видѣли уже, что записное Оренбургское купечество было весьма незначительно по численности, что стараніе Неплюева привлечь къ постоянному житью въ Оренбургѣ купцовъ изъ другихъ русскихъ городовъ не имѣло успѣха; оставалось надѣяться, что Оренбургскій торгъ поддержатъ русскіе купцы иногородные, временно посѣщая Оренбургъ для торговыхъ дѣлъ; но на первыхъ порахъ послѣ того, какъ завелся тамъ торгъ, ѣздили туда, какъ видно, торговцы не особенно состоятельные и притомъ не сами, а прикащики ихъ, которые не всегда имѣли средства вести оптовую торговлю. Чтобы устранить это

---

(1) Топогр. Оренб. II, 150.

(2) Жизнь Неплюева, имъ самимъ описанная.

(3) П. С. З. № 9,639.

препятствіе къ успѣшному ходу торговли, чтобы восполнить недостатокъ въ Оренбургѣ купечества, Неплюевъ испросилъ у правительства дозволеніе заниматься торговлею и Оренбургскимъ казакамъ, изъ коихъ многіе были люди пожиточные и дѣйствительно потомъ торговали немало» (1); за тѣмъ въ 1752 году онъ вошелъ въ Сенатъ съ такимъ представленіемъ: «во всѣхъ россійскихъ городахъ, по торговому уставу и указамъ, пріѣзжіе купцы товары свои должны продавать гражданамъ оптомъ, а не въ розницу, ибо въ розницу и мелочная продажа есть право, однимъ гражданамъ принадлежащее, что и въ привиллегіи Оренбургской значится; но понеже тамъ записныхъ пожиточныхъ и торги производить могущихъ купцовъ, кромѣ записавшихся Казанскихъ Татаръ, еще нѣтъ, а хотя бы и были, то для новости и распространенія коммерціи оное тамъ имѣть не полезно, а болѣе, кое можетъ часто случиться, что у тамошнихъ купцовъ, какъ бы они пожиточны ни были, такого капитала не станетъ или не случится, чтобы у всѣхъ изъ Россіи пріѣзжихъ купцовъ товары оптомъ скупать или своихъ туда на такую сумму привозить, и у азіатскихъ купцовъ, чтобы они ни привезли, за наличныя деньги или товары по сходной имъ цѣнѣ снять, отъ чего съ обѣихъ сторонъ, т. е., россійскому и азіатскому купечеству можетъ происходить затрудненіе: и для пріохочиванія къ тамошнему торгу купцовъ за новость мѣста необходимо потребно не только нынѣ, но и впредь всему тамошнему торгу быть на такомъ основаніи, какъ ярманки содержатся, т. е., вольно всѣмъ какъ изъ россійскихъ городовъ и мѣстъ пріѣзжимъ всякаго званія купцамъ и европейскимъ иноземцамъ, такъ и изъ азіатскихъ странъ пріѣзжимъ же Бухарцамъ, Хивинцамъ, Кашкарцамъ и степнымъ всѣмъ народамъ, товары свои привозя, оптомъ и врознь продавать». Сенатъ призналъ эти доводы въ пользу свободнаго торга въ Оренбургѣ основательными и своимъ указомъ отъ 2 Іюня 1752 года дозволилъ, по недостатку знатныхъ купцовъ въ Оренбургѣ, пріѣзжимъ туда изъ Азіи и изъ другихъ мѣстъ продавать товары въ розницу (2). Еще ранѣе Неплюевъ исходатайствовалъ для купцовъ, которые вели торгъ въ Оренбургѣ и въ Троицкой

---

(1) Топогр. Оренб. II, 19.

(2) П. С. З. № 9,995.

крѣпости, другое важное преимущество: сенатскимъ указомъ отъ 29 Марта 1751 года позволено было «привозимое въ Оренбургъ и въ Троицкую крѣпость азіатскими купцами серебро и золото купцамъ свободно вымѣнивать на свои товары» подъ условіемъ отдачи его на монетные дворы или продажи его въ казну на самомъ мѣстѣ, въ Оренбургѣ и въ Троицкой крѣпости (1). Между тѣмъ Неплюевъ сдѣлалъ все возможное и къ тому, чтобы облегчить для русскихъ купцовъ проѣздъ въ Оренбургъ и Троицкую крѣпость и обратно и вообще доставить имъ возможныя удобства къ веденію торговыхъ дѣлъ. Еще въ 1743 году онъ обратилъ вниманіе правительства на неудобства для Оренбургской торговли отъ узаконенія, въ силу котораго всѣ купцы съ товарами и деньгами и прочихъ чиновъ люди, отправляясь въ Сибирь и изъ Сибири въ Европейскую Россію, непремѣнно должны были ѣхать чрезъ Верхотурье. Не видно, чтобы тогда въ Петербургѣ обратили на это представленіе вниманіе, какого оно заслуживало. Въ 1751 году, вслѣдствіе новаго представленія Неплюева и Тевкелева о томъ же предметѣ, Сенатъ призналъ за нужное, «для полезнаго съ Киргизъ-Кайсаками и съ другими Азіатами Россійскому купечеству торгу при Оренбургѣ, а особливо при Троицкой крѣпости, отворить между Сибирью и Оренбургской губерніей, окромѣ Верхотурской другую дорогу, для того наипаче, что Троицкая крѣпость къ Сибири весьма близкая, и чрезъ Верхотурье въ оную, а также и въ Оренбургъ изъ Сибири ѣздить весьма далеко и убыточно, торгъ же при оной крѣпости для россійскаго купечества также, какъ и въ Оренбургѣ, полезный зачинается еще вновь и тѣмъ надежда подается къ привлеченію и Средней Киргизъ-Касайцкой орды отъ Зюнгорцевъ къ здѣшней сторонѣ» (2). Въ 1752 году въ Оренбургской губерніи «въ пользу торгующихъ въ Оренбургѣ россійскихъ купцовъ», по его представленію, учреждено правильное почтовое сообщеніе между важнѣйшими пунктами этого края и другихъ мѣстъ съ Оренбургомъ; точно опредѣлены были правила относительно

---

(1) Тамже, № 9,842.

(2) Акты объ отвореніи новаго пути въ Сибирь мимо Верхотурья, изд. въ Чт. М. О. И. за 1860 г. кн. 3.

пересылки корреспонденцій и посылокъ (1). Въ 1749 году, по его же представленію, состоялся сенатскій указъ, которымъ повелѣвалось россійскимъ купцамъ и посылаемымъ отъ нихъ прикащикамъ для проѣзда въ Оренбургъ и обратно выдавать за двойные прогоны подорожныя на почтовыя подводы, которыхъ до того времени не давали имъ (2). Въ 1753 году 29 Ноября вышелъ регламентъ или уставъ о сборѣ пошлинъ при Оренбургѣ и въ Троицкой крѣпости, которымъ весьма точно опредѣлены правила относительно производства тамъ торга и которымъ составители желали оградить купцовъ отъ всякихъ притѣсненій со стороны людей служилыхъ. Учрежденъ былъ для купцовъ при таможнѣ, какъ было и при другихъ таможняхъ, словесный судъ, а «чтобы имъ отъ таможеннаго суда въ ихъ дѣлахъ и промыслахъ никакой отволочки не было, и чтобы они могли случающіеся между ними споры, также и по счетамъ, не ходя въ настоящій судъ, между собою разбираться и судимы быть», позволено было этимъ уставомъ имѣть имъ третейскій судъ, а для иновѣрцевъ шаригатъ. То обстоятельство, что «отъ купцовъ болѣе ихъ дѣти и прикащики для торга въ Оренбургъ съ товарами присылались, изъ которыхъ молодые и нетвердые люди, заѣхавъ въ отдаленіе и не имѣя надъ собою страха и добраго призрѣнія, легко могли отъ своевольства своего впадать въ продерзости и во всякое невоздержное житіе и ввѣренный имъ капиталъ тратить и проматывать»—послужило поводомъ къ внесенію въ уставъ такихъ, охранявшихъ интересы хозяевъ, правилъ: таможенному оберъ-инспектору вмѣнено въ обязанность имѣть постоянный надзоръ за поведеніемъ молодыхъ людей и прикащиковъ и, «ежели онъ усмотритъ, что кто либо изъ нихъ о дѣлѣ своемъ не рачитъ, пьянствуетъ, водится съ подозрительными людьми и имѣющійся у него товаръ безпутно тратитъ,—то призвавъ такого къ себѣ увѣщевать, чтобы воздержался, а буде такого увѣщанія не послушаетъ и будетъ свое мотовство продолжать, то призвавъ изъ купцовъ лучшихъ людей, совѣтовать, какимъ образомъ его унять, и ежели по совѣту съ ними къ воздержанію явится ненадеженъ, то за таковое видимое мотовство и неуемлемое пьян-

(1) П. С. З. № 9,929.

(2) Тамже, № 9,639.

ство имѣющіе у него товары, съ вѣдома губернской канцеляріи, съ описью отобрать и, отдавъ добрымъ людямъ, за достойную цѣну продать, или, если продать будетъ некому, то его и также вырученныя деньги положить для безопаснаго храненія въ пакхаузъ и хранить тамъ до возвращенія ихъ хозяину, котораго немедленно обо всемъ томъ увѣдомить» (1).

Отмѣченныя мѣры относительно Оренбургскаго торга имѣли въ своемъ результатѣ то, что онъ мало по малу сталъ оживляться и расширяться. Азіатскіе купцы стали охотно являться въ Оренбургъ и Троицкую крѣпость съ своими товарами для торговли съ русскими, которые также съ своей стороны перестали уклоняться отъ этого торга, тѣмъ скорѣе, что онъ былъ для нихъ весьма прибыленъ, давалъ имъ, по свидѣтельству Неплюева, часто барышъ копѣйка на копѣйку (2). Изъ азіатскихъ народовъ наиболѣе Бухарцы, Кашкарцы, Ташкентцы, Хивинцы и Киргизы пріѣзжали для торга въ Оренбургъ или въ Троицкую крѣпость; впрочемъ съ ними въ караванахъ нерѣдко пріѣзжали купцы и жители и другихъ, дальнѣйшихъ городовъ. Самымъ важнымъ предметомъ между привозимыми ими товарами было золото и серебро, заключавшееся по большой части въ индѣйскихъ, персидскихъ и бухарскихъ монетахъ. «По запискамъ и документамъ канцелярскимъ съ 1748 года, съ котораго вывозъ въ Оренбургъ ихъ начался, по 1755 годъ имѣлось въ привозѣ золота около 50, а серебра около 4600 пудовъ, не упоминая того, что изъ онаго и изъ каменьевъ въ мѣну не вошло и русскими купцами внутрь государства безъ всякой явки вывезено, чего за ними усматривать невозможно» (3). Затѣмъ предметами привоза были простыя бумажныя, полушелковыя разныхъ сортовъ парчи, занавѣсы и полотна, извѣстныя бухарскія сѣрыя и черныя овчинки, камень называемый лапись-лазури; чрезъ Бухарцевъ стали появляться и индѣйскіе товары, именно: хорошія и широкія кисеи и другія бумажныя полотна, шелковыя и полушелковыя парчи; Киргизъ-Кайсаки приводили на продажу лошадей, которыхъ русскіе купцы вымѣнивали у нихъ въ Оренбургѣ и Троицкой крѣпости отъ

---

(1) П. С. З. № 10,156.

(2) Тамже, № 9,639.

(3) Топогр. Оренб. I, 322.

10 до 15 т. головъ, барановъ и овецъ, которыхъ каждое лѣто въ пригонѣ было отъ 40 до 50 т.; кромѣ того они привозили овчинки съ молодыхъ ягнятъ, верблюжью шерсть, мѣха волчьи, лисьи и корсачьи. Русскіе купцы въ обмѣнъ на все это давали сукна разныхъ добротъ, въ особенности кармазинныя и мяснаго цвѣту, краски кокениль и индиго, олово въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ, котлы мѣдные и чугунные, мишуру, сахаръ, нѣмецкихъ бобровъ и выдръ, юфти черныя а больше красныя, лисицъ черныхъ и чернобурыхъ, бархатъ, преимущественно черный, бисеръ, иглы, наперстки, разныя издѣлія изъ стали, мѣди, желѣза, золота, серебра, свинца (въ отпускъ запрещены были: ружья, золото и серебро въ деньгахъ, свинецъ, сталь, мѣдь, желѣзо не въ дѣлѣ; запрещенъ къ привозу былъ одинъ ревень) и разную мелочь (1).

О размѣрахъ, въ которыхъ шелъ этотъ торгъ, можно судить по пошлинному сбору (до 1749 въ теченіе льготныхъ лѣтъ брали съ привозимыхъ товаровъ, исключая золота и серебра, съ которыхъ не бралось никакой пошлины,—по три копѣйки съ рубля, а съ этого года по торговому уставу, по пяти копѣекъ) (2), собиравшемуся въ Оренбургской и Троицкой таможняхъ. «Въ 1745 году, пишетъ Неплюевъ, знатный торгъ возъимѣлъ начало, такъ что я уже въ состояніи былъ вмѣсто получаемыхъ отъ начала той экспедиціи ежегодно до 30 т. р. изъ казны содержать оную отъ доходовъ пошлинныхъ..; пошлинный сборъ доходилъ до 50 т. рублей; прежде же меня отъ бывшей коммерціи никогда и 3 т. въ годъ не приходило» (3). Слова эти подтверждаются данными, извлечен-

---

(1) Тамже, 329.

(2) Въ 1754 году постановлено было: «азіатскіе купцы съ товаровъ, привозимыхъ ими въ Оренбургъ и Троицкую крѣпость, платятъ, какъ прежде, по 5-ти копѣекъ съ рубля рупіями, а 13-ти-копѣечную пошлину брать съ русскихъ купцовъ, которые у нихъ товары купятъ; также съ русскихъ купцовъ, которые сами изъ за границы товары вывезутъ, брать по 5 к. русскими деньгами, да внутреннюю пошлину по 13 коп. съ рубля. Если азіатскіе купцы похотятъ возить свои товары внутрь Россіи, то сверхъ портовой и внутренней пошлины, платятъ еще 10 к. съ рубля» (П. С. З. № 10,221).

(3) Жизнь Неплюева.

ными Рычковымъ изъ подлинныхъ дѣлъ, по которымъ значится, что пошлинный сборъ въ Оренбургѣ доходилъ въ нѣкоторые годы даже до 70 и 85 т. рублей (1). Неплюевъ думалъ даже приступить къ осуществленію мысли Петра Великаго относительно установленія торговыхъ связей Россіи съ Индіей. Въ 1750 году онъ ѣздилъ въ С. Петербургъ съ проектомъ о начатіи торга съ этой страной. Но тамъ нашли этотъ проектъ неудобоисполнимымъ, а въ награду за усердіе его составителю пожаловали чинъ дѣйствит. т. совѣтника (2).

За то при осуществленіи другаго стремленія Петра Великаго — обратить подземныя богатства Закамскаго края на пользу государственную и народную онъ не встрѣтилъ никакой помѣхи со стороны правительства; каждое представленіе его относительно этого пункта, всякая мѣра, какую только онъ признавалъ полезною для успѣшнаго хода горнозаводской промышленности въ краю, получали въ Петербургѣ утвержденіе и одобреніе. Результаты своей заботливости объ этой важной отрасли хозяйства онъ самъ опредѣляетъ такъ: «во многихъ мѣстахъ лежащіе отъ начала праздно въ нѣдрахъ земныхъ минераллы стараніемъ моимъ были открыты, а посему явились желающіе заводить разные заводы, коихъ польза какъ общая, такъ и частная заводчиковъ всѣмъ уже извѣстна» (3). Дѣйствительно горнозаводская промышленность въ его управленіе Закамскимъ краемъ достигла значительной степени развитія, сдѣлавшись вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ сильнѣйшихъ проводниковъ колонизаціи этого края. До Неплюева тамъ не было заводовъ. Правда еще Кириловъ прилагалъ стараніе къ отысканію рудъ и даже устроилъ въ 10 верстахъ отъ Табынска казенный мѣдный заводъ, названный имъ Воскресенскимъ. Но послѣ смерти его этотъ заводъ былъ заброшенъ. Неплюеву такимъ образомъ приходилось начинать съ начала дѣло, за которое было принялся Кириловъ. Ему предстояли три пути, которыми онъ могъ вести это дѣло: можно было отыскивать руды, строить заводы насчетъ казны и вести горнозаводское производство посредствомъ чиновниковъ и казенныхъ рабочихъ, и можно было предоставить всю эту дѣятельность частной пред-

(1) Топогр. Оренб. I, 321.

(2) Жизнь Неплюева, имъ самимъ описс.

(3) Тамже.

пріимчивости, оказывая ей только возможное правительственное содѣйствіе и наблюдая за точнымъ исполненіемъ заводчиками извѣстныхъ, постановленныхъ для нихъ, правилъ и условій, и можно было наконецъ одновременно вести дѣло тѣмъ и другимъ способомъ. За этотъ послѣдній стояла Бергъ-коллегія. Но Неплюевъ былъ того мнѣнія, что казенный способъ горнаго производства не пригоденъ для края, такъ какъ онъ убыточенъ для казны, такъ какъ онъ влечетъ за собою приписку къ заводамъ государственныхъ крестьянъ и отяготителенъ для Башкирцевъ. Бергъ-коллегія на эти доводы представила весьма дѣльныя возраженія; однако споръ, возникшій въ 1753 году между этой коллегіей и Оренбургской канцеляріей, конченъ былъ въ пользу мнѣнія Неплюева. Сенатскимъ указомъ отъ 13 Октября 1753 года постановлено было: во всей Оренбургской губерніи казенныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ Бергъ-коллегіи не заводить, а велѣть ихъ размножать однимъ партикулярнымъ людямъ (1). Первымъ между партикулярными людьми дѣятелемъ по части горнозаводской промышленности въ Оренбургскомъ краю явился симбирскій купецъ Иванъ Борисовичъ Твердышевъ. Небольшой сначала капиталистъ, Твердышевъ выдвинулся впередъ знаніемъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ, предпріимчивостію, и, что было особенно важно и рѣдко встрѣчалось среди тогдашняго купечества,—честностію, которою онъ пріобрѣлъ себѣ большое довѣріе повсюду. Въ 1743 году узнавъ о желаніи Неплюева положить начало горнозаводскому промыслу въ краю, онъ заявилъ ему о своей готовности посвятить весь свой трудъ и капиталъ этому дѣлу, съ тѣмъ, чтобы отданъ былъ ему казенный, построенный Кириловымъ, Воскресенскій заводъ за цѣну, въ которую обошлась казнѣ его постройка, за 565 р. 79 к. Явились и другіе охотники пріобрѣсти отъ казны этотъ заводъ. Соляный промышленникъ балохонецъ Петръ Осокинъ и заводчикъ Демидовъ и нѣкоторые другіе люди просили Неплюева объ отдачѣ имъ этого завода. Но тотъ предпочелъ имъ Твердышева съ одной стороны потому, что онъ сдѣлалъ предъ тѣмъ, какъ подрядчикъ, важныя уступки казнѣ, и съ другой потому, что качества, которыми отличался этотъ промышленникъ и кото-

(1) П. С. З. № 10,141. Здѣсь подробно выражены доводы обѣихъ споривших сторонъ.

рыя ему были извѣстны, казались вѣрнымъ ручательствомъ, что дѣло горнозаводское въ его рукахъ пойдетъ успѣшно (1). Представляя въ этомъ смыслѣ дѣло передачи Воскресенкаго завода въ частныя руки, Неплюевъ вмѣстѣ съ тѣмъ и изложилъ мѣры, какія онъ считалъ необходимыми для дальнѣйшаго и успѣшнаго хода горнозаводской промышленности въ ввѣренномъ ему краѣ, и которыя, надо замѣтить, были заимствованы большею частію изъ Петровскихъ узаконеній относительно частной горнозаводской промышленности. Предоставляя дѣло отыскиванія рудъ и устройства заводовъ исключительно частной предпріимчивости, онъ поставлялъ частныхъ промышленниковъ въ такія условія: каждому заводчику отводится для завода опредѣленное, соотвѣтственно силамъ завода, количество лѣса, необходимаго для топлива, и земли подъ заводскія строенія и поселеніе рабочихъ. Заводчикъ даже покупкою у Башкирцевъ не могъ пріобрѣсти лишнія земли въ свою собственность. Это ограниченіе сдѣлано потому, «что тѣ Башкирцы, по великой обширности, земли свои за малую цѣну продаютъ, и тако единый заводчикъ къ одному заводу множество и на великой обширности и излишней вдали можетъ накупить, а другихъ заводить заводовъ и вдаль въ ономъ простираться не будетъ, и тѣмъ только другимъ горнымъ промышленникамъ и охотникамъ пресѣкутъ руды добывать и заводы заводить и строить.» Въ случаѣ, если бы заводчикъ накупилъ у Башкирцевъ себѣ излишней земли, то «излишекъ отдавать другимъ заводчикамъ съ платежемъ и взятьемъ отъ нихъ по пропорціи того, за что куплено.» Если руды найдутся на земляхъ, принадлежащихъ Башкирцамъ, въ бунтѣ не учавствовавшимъ, то, «за неспособныя земли и за надлежа-

---

(1) Твердышевъ сдѣлалъ уступку казнѣ по подрядамъ на Оренбургскую коммиссію болѣе чѣмъ на 21,000 р. «За оную его Твердышева немалую и знатную услугу,—писалъ Неплюевъ,—тѣмъ позволеніемъ и надлежащею привиллегіею (слѣдуетъ) наградить, и предъ другими охотниками предпочтенъ будетъ въ томъ не напрасно... Надежда на него, по извѣстному его въ Оренбургской коммиссіи состоянію, не сумнительна; онъ же, яко торгующій при Оренбургѣ и близъ онаго въ Симбирскѣ живущій, по новости того мѣста, для разныхъ способовъ потребный человѣкъ» (П. С. З. № 8921).

шій къ заводскому строенію лѣсъ и дрова имѣетъ заводчикъ платить имъ по настоящай цѣнѣ; буде подъ заводъ понадобятся отхожія ихъ башкирскія угодья, какъ то, лѣса и тому подобное, которыми Башкирцы сами пользовались, или другимъ по обыкновенію своему изъ оброковъ отдавали, или продадутъ, въ томъ договариваться съ нимъ Башкирцами, какъ то по состоявшемуся въ 1739 году 20 Августа именному указу поступать съ ними велѣно». Заводчикъ обязанъ содержать заводы своими людьми, принимая и нанимая по договорамъ и по паспортамъ и покупая по указамъ. На первый же случай онъ можетъ быть вспомоществуемъ по возможности казенными мастеровыми. Для охраненія рудниковъ и заводовъ заводчикъ обязанъ содержать на свой счетъ потребное количество гарнизона, который командируется ближайшимъ начальствомъ изъ регулярныхъ и нерегулярныхъ людей; кромѣ того и для заводскихъ людей ему позволяется содержать собственное оружіе и имѣть пороху отъ 10 до 25 пудовъ. Для учета заводчика и для сбора съ него въ пользу казны десятины выдаются ему ежегодно шнурованныя запечатанныя книги, въ которыхъ онъ обязанъ записывать по присяжной должности во всякой вѣрности, сколько выплавится чистой мѣди. Каждогодно эти книги провѣряются въ Оренбургѣ. Десятинную мѣдь долженъ заводчикъ привозить туда на своихъ подводахъ. Если бы оказалось, что заводчикъ не прилагаетъ старанія объ улучшеніи заводскаго дѣла и содержитъ заводъ только за тѣмъ, «чтобы довольствоваться и владѣть землями съ угодьями и крестьянами, а прибытка отъ него государственнаго не будетъ, то все имѣетъ быть отъ него по указу конфисковано и другимъ въ содержаніе отдано» (1). Представленіе это во всѣхъ частяхъ его было утверждено Сенатомъ. Дѣло горнозаводское пошло съ большимъ успѣхомъ. Не напрасно починъ его Неплюевъ предоставилъ Твердышеву. Было важное препятствіе къ успѣшному его ходу, заключавшееся въ Башкирцахъ. Народъ этотъ, говоритъ Рычковъ, «ничего не бережетъ, какъ старинныя свои вотчинныя земли и отхожія, т. е., лѣсныя угодья» (2), такъ какъ только при сохранности и цѣлости ихъ онъ съ успѣхомъ

---

(1) П. С. З. № 8921.

(2) Топ. Оренб. II, 226. Тоже подтверждается донесеніемъ Неплюева Сенату въ 1753 году. П. С. З. № 10,141.

могъ заниматься скотоводствомъ и пчеловодствомъ. Горнозаводская промышленность въ большихъ размѣрахъ, требовавшая много земель и лѣсовъ, неминуемо должна была итти на счетъ этихъ башкирскихъ старинныхъ промысловъ. Потребна была потому при веденіи горнозаводскаго дѣла великая осмотрительность по отношенію къ Башкирцамъ, «дабы отъ нихъ, по ихъ дикости и легкомыслію, отъ новости на земляхъ ихъ такихъ заводовъ, затрудненій не было и вновь бы безпокойства не отрыгнуло.» Твердышевъ умѣлъ ладить съ этимъ народомъ. Онъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ по предпріятію, симбирскомъ же купцомъ Иваномъ Мясниковымъ и съ двумя родными своими братьями, не жалѣя ни труда, ни иждивенія на отыскиваніе рудъ и устройство заводовъ, по отношенію къ Башкирцамъ, говоритъ Рычковъ, «такъ искусно и честно поступали, что тѣ, полюбивъ ихъ, почитали всегда хозяевами и не только никакихъ помѣшательствъ и препятствій ни въ чемъ имъ не чинили, но и сами, узнавъ свойство рудъ, изъ награжденія имъ объявлять ихъ стали; а многіе изъ платы и возкою на заводъ руды возохотились» (¹). Благодаря такимъ благопріятнымъ отношеніямъ къ туземцамъ и своему трудолюбію, Твердышевъ почти въ одно лѣто успѣлъ устроить на р. Торѣ (вп. въ Бѣлую) и пустить въ ходъ первый свой мѣдеплавильный заводъ, названный по имени купленаго имъ у казны завода Воскресенскимъ. Но на этомъ дѣло не остановилось. Вслѣдъ за открытіемъ Воскресенскаго завода стали возникать другіе заводы, какъ мѣдные, такъ и желѣзные, и въ разныхъ мѣстахъ края стали производиться поиски рудъ, красокъ и каменьевъ, при чемъ узнано было, что еще въ отдаленную эпоху ведено было тутъ какимъ-то народомъ горнозаводское дѣло въ широкихъ размѣрахъ и съ замѣчательнымъ искусствомъ. Одною компаніею Твердышева основано было 5 мѣдныхъ и 4 желѣзныхъ завода, на которыхъ водворено было свыше 1300 крестьянскихъ, большею частію купленныхъ заводчиками, дворовъ. По слѣдамъ этого предпріимчиваго промышленника, которому, какъ и его компаньонамъ, горнозаводская дѣятельность доставила громадное богатство и дворянское званіе, пошли и другіе. Графы Сиверсъ, Шуваловы и Строгоновъ, генералъ прокуроръ Глѣбовъ, дворяне Демидовы, промышленники Ма-

(¹) Топ. Оренб. II, 226.

соловъ, Осокины и другіе явились учредителями заводовъ въ Оренбургскомъ краѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ колонизаторами его. Всѣхъ заводовъ до 1760 года основано было ими тутъ 19-ть, всего съ заводами Твердышева, стало быть, было 28, въ томъ числѣ 15 мѣдныхъ и 13 желѣзныхъ (1). Эти другіе 19 заводовъ точно также, какъ и Твердышевскіе, привлекли въ край цѣлыя тысячи русскихъ поселенцевъ. Одни изъ послѣднихъ были насильно сюда переселяемы заводчиками, которые сюда переводили своихъ и покупныхъ людей изъ внутреннихъ областей. Изъ «Описанія заводовъ» изданнаго въ 1708? Германомъ, видно, что на одни только тѣ заводы, которые возникли въ Оренбургскомъ краѣ во время управленія имъ Неплюева (нѣсколько, впрочемъ немного, заводовъ тутъ основано было послѣ него) содержатели ихъ перевели свыше 20 т. душъ муж. пола. Другіе шли на заводы по своей доброй волѣ; это большею частію были бѣглые. Изъ сенатскаго указа отъ 12 августа 1753 года видно, что на партикулярныхъ заводахъ Сибирской, Казанской и Оренбургской губерній сверхъ узаконеннаго количества рабочихъ (постановлено было въ царствованіе Анны: на каждую доменную печь по 100 дворовъ, да къ двумъ молотамъ по 30, полагая по 4 души муж. пола на дворъ, на каждую тысячу выплавляемой мѣди по 50 дворовъ) было 17,265 излишнихъ душъ, между которыми значительная часть приходилась на долю бѣглыхъ (2). Владѣльцы заводовъ съумѣли не только удержать при своихъ заводахъ этихъ пришлыхъ, но еще и обратить ихъ въ своихъ рабовъ: указомъ Сената отъ 30 Декабря 1755 года 4498 души бѣглыхъ, найденныхъ на заводахъ Демидовыхъ и Осокиныхъ не велѣно было высылать на прежнія жилища,—на томъ основаніи, что пересылка такого числа сходцевъ потребовала бы большихъ конвоевъ, что во время пути они могли разбѣжаться по лѣсамъ или за границу, что они нужны для заводовъ, которые безъ нихъ могли притти въ опустошеніе, что они на прежнихъ мѣстахъ не уживутся, такъ какъ уже отвыкли отъ пашни, и опять убѣгутъ отъ своихъ владѣльцевъ, да подговорятъ съ собою къ побѣгу и другихъ, — а велѣно было навсегда, «вѣчно» приписать ихъ къ тѣмъ заводамъ,

(1) Топ. Оренб. II, 232—240.

(2) П. С. З. №. 10,131.

обязавъ содержателей заводовъ на будущее время не принимать бѣглыхъ (1).

Когда такимъ образомъ въ Закамскомъ краѣ возникали крѣпости, слободы, и поселенцами распахивалась никогда прежде не тронутая сохой почва; когда прокладывались новыя дороги; велась оживленная торговля съ среднеазіатскими народами, взрывались горы, дѣлались поиски рудъ, красокъ, каменьевъ въ нѣдрахъ земли, и учреждались заводы; когда, словомъ, Русскіе,—которыхъ тамъ къ 1760 году приблизительно насчитывали уже до 200 т. душъ обоего пола (2), не включая сюда населенія Закамскихъ пригородовъ и Закамской линіи,—хозяйничали тутъ, какъ у себя дома: какъ же, спрашивается, они относились къ старымъ хозяевамъ колонизируемыхъ и обработываемыхъ земель, къ Башкирцамъ и поселившимся среди нихъ другимъ иновѣрцамъ? Какое тѣ положеніе заняли среди пришельцевъ?

Главный двигатель описанной русской дѣятельности въ Закамскомъ краю, Неплюевъ, по пріѣздѣ туда, нашелъ инородческое населеніе его въ весьма бѣдственномъ положеніи. Оно было подавлено крайнею бѣдностію и отчаяніемъ. Русскіе отряды еще разъѣзжали по башкирскимъ волостямъ, выискивая воровъ и отнимая иногда у волостныхъ людей послѣднее достояніе; въ Мензелинскѣ, въ Самарѣ и въ другихъ пунктахъ производились еще розыски и казни надъ мятежниками; въ походную канцелярію Неплюева сданъ былъ одинъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей послѣдняго башкирскаго мятежа, старшина и мулла Елдяшъ, который, будучи приговоренъ уже давно къ смертной казни, долгое время успѣвалъ уходить отъ русскихъ властей и не задолго до прибытія новаго начальника въ Самару былъ пойманъ. Неплюеву пришлось исполнить этотъ приговоръ: 6-го Сентября 1742 года Елдяшу въ Орской крѣпости отсѣкли голову (3). Но это была послѣдняя отплата Башкирцамъ за ихъ возмущеніе, послѣдняя казнь. Неплюевъ затѣмъ прекратилъ всякія слѣдствія и розыски по дѣламъ бывшаго мятежа. По отношенію къ инородческому населенію края онъ поставилъ задачею

(1) П. С. З. № 10,494.

(2) Топогр. Оренб. I, 70.

(3) Истор. Оренб. Ежем. Соч. 1759 г. II, 27.

своей дѣятельности возстановить спокойствіе, утвердить прочный порядокъ въ волостяхъ, потрясенные возстаніемъ. Прежде всего онъ почиталъ нужнымъ опредѣлить точными и умѣренными правилами повинности этого населенія по отношенію къ государству. По собраннымъ, вслѣдствіе его распоряженія, свѣдѣніямъ оказалось, что къ 1745 году Башкирцевъ было на лицо 8395 дворовъ; кромѣ того тархановъ найдено было 1431 дворъ. Всѣ они, за исключеніемъ тархановъ, обязаны были платить прежній ясакъ, всего на каждый годъ по 2054 р. 78 коп., стало быть, на каждый дворъ, обыкновенно состоявшій изъ нѣсколькихъ семействъ, не болѣе 25 копѣекъ (1). Кромѣ того, по опредѣленію Неплюева, состоявшемуся въ концѣ 1744 года и объявленному и разъясненному имъ самимъ нарочно для этой цѣли созваннымъ въ Уфу старшинамъ, Башкирцы должны были каждое лѣто наряжать на службу со всѣхъ ихъ дворовъ по 1049 человѣкъ, а тарханы по 280-ти (2); сверхъ того по старинному обычаю внутри Башкиріи проѣзжающимъ чиновникамъ они должны были давать по подорожнымъ подводы безъ прогоновъ (3). Мещеряковъ найдено было 1511 дворовъ. Такъ какъ во время мятежа они большею частію держались стороны Русскихъ и вслѣдствіе этого терпѣли отъ мятежныхъ Башкирцевъ разоренія, то Неплюевъ считалъ справедливымъ, утвердивъ за ними, въ силу прежнихъ указовъ, въ собственность башкирскія земли, которыми они прежде пользовались за оброкъ, освободить ихъ на нѣкоторое время отъ платежа ясака, каковою льготою они пользовались до 1747 года, когда были обложены одинаковымъ съ Башкирцами ясакомъ, т. е., по 25 коп. съ двора, а со всѣхъ нихъ по 463 р. 75 к. въ годъ (4). Наравнѣ съ Башкирцами они должны были отправлять службу, посылая на линіи въ форпосты каждое лѣто по 191 человѣку. Тептери и Бобыли, которыхъ по переписи, произведенной вслѣдствіе распоряженія Неплюева, оказалось 5655 дворовъ (5),

---

(1) Топ. Оренб. I, 92. II. С. 3. № 10,198.

(2) Ист. Оренб. Ежем. соч. 1759 г. II, 312.

(3) Топогр. Оренб. I, 92.

(4) Тамже, 103.

(5) Истор. Оренб, Ежем. соч. 1759 г. II, 312.

должны были платить прежній ясакъ, куничный и денежный именно: за куницу по 40 коп., подымныхъ по 4., да на выкупъ плѣнныхъ по 5 коп., всего по 49 к. съ двора, сколько бы во дворѣ душъ ни было, при чемъ съ бѣдныхъ собиралось и менѣе того, по 20 и 15 к. съ двора вмѣсто 40 (1); кромѣ того они каждое лѣто обязаны были паряжать къ крѣпостнымъ строеніямъ на работы по 707 человѣкъ, при чемъ духовные ихъ, абызы и ихъ помощники, не шли въ расчетъ, такъ какъ освобождены были отъ этихъ работъ (2). Всѣмъ этимъ иновѣрцамъ позволено было по прежнему брать безденежно соль для своего продовольствія изъ соляныхъ мѣсторожденій ихъ края. Для наблюденія за выполненіемъ всѣхъ этихъ повинностей и за порядкомъ и спокойствіемъ въ волостяхъ, согласно съ намѣреніями, выраженными еще Кириловымъ и принятыми тогда правительствомъ (3), введены въ каждой изъ волостей выборные старшины, безъ вѣдома которыхъ никто не могъ оставлять свои жилища: всякой, кто имѣлъ къ тому надобность, долженъ былъ получить предварительно отъ старшины своего паспортъ (4).

Но отмѣченныя опредѣленія относительно повинностей инородческаго населенія Закамскаго края, оставлявшія это населеніе по прежнему въ исключительномъ положеніи въ ряду другихъ податныхъ классовъ имперіи, не могли долго держаться. Съ одной стороны правительство не видѣло болѣе надобности охранять это исключительное положеніе Башкирцевъ, Мещеряковъ, Тептерей и Бобылей, которое прежде допускало потому лишь, что вынуждалось къ тому обстоятельствами: ибо оно теперь сознавало себя настолько сильнымъ, а самыхъ этихъ иновѣрцевъ настолько слабыми, что не могло опасаться противодѣйствія съ ихъ стороны его давнишнему стремленію поставить ихъ въ одинаковое съ приволжскими иновѣрцами положеніе въ государствѣ; съ другой стороны былъ

---

(1) Топогр. Оренб. I, 183.

(2) Истор. Оренб. 312.

(3) См. этого сочин. выше, стр. 272.

(4) П. С. З. № 10,097. Здѣсь находится прямое свидѣтельство, что институтъ выборныхъ старшинъ и паспортная система введены были въ среду инородческаго населенія Закамскаго края.

прямой для него перасчетъ оставлятъ ихъ при исключительномъ положеніи: потому что другіе русскіе подданные, которые принуждены были платить въ казну по 1. 70 к. съ души, ставить рекрутъ, покупать соль во много разъ дороже, чѣмъ она въ дѣйствительности стоила, особенно тѣ, которые поселились въ Закамскомъ краю или жили близъ него, не могли не желать стать въ подобное же положеніе и дѣйствительно находили къ тому средства и пути. Мы видѣли (1), что въ Казанской губерніи многіе не покупали изъ казны дорогой соли, предпочитая довольствоваться неуказною солью, воровски доставлявшеюся большею частію изъ за Камы. Во время второй ревизіи сосчитаны были между прочимъ Тептери и Бобыли, и оказалось ихъ 29,637 душъ мужескаго пола, тогда какъ по прежней переписи ихъ было только 11,294 души; оказалось и то, что такое громадное приращеніе этого рода обитателей Закамскаго края произошло не отъ чего инаго, какъ отъ произвольнаго переселенія сюда иновѣрцевъ Казанской губерніи, желавшихъ этимъ переселеніемъ избавиться отъ подушной подати, рекрутчины и отъ другихъ повинностей и тяжолыхъ условій быта, которымъ должны были подчиняться на прежнихъ своихъ жилищахъ (2). Правительство, согласившееся не переводить этихъ 17343 сходцевъ на прежнія жилища, въ тоже время находило нужнымъ изыскать средства, болѣе дѣйствительныя, чѣмъ какія доселѣ употреблялись имъ, къ пресѣченію на будущее время такихъ произвольныхъ переселеній приволжскихъ иновѣрцевъ въ Закамскій край; оно полагало, что, покамѣстъ Тептери и Бобыли будутъ платить незначительный ясакъ, будутъ пользоваться свободою отъ рекрутчины, земли, населенныя ими, не перестанутъ привлекать иновѣрцевъ, не пользовавшихся такими льготами. Точно также наконецъ пришло къ убѣжденію, что никакія заставы и наказанія не уничтожатъ воровской продажи соли въ Ка-

---

(1) См. этого сочиненія стр. 47.

(2) Истор. Оренб. Ежем. соч. 1759. II, 323. П. С. З. № 10,198. Здѣсь между прочимъ въ своемъ донесеніи Сенату Неплюевъ пишетъ: «всѣ они (Тептери и Бобыли) пришлецы въ Башкирію, то есть бѣглые изъ Казанской губерніи, изъ такого порядка людей, которые не только соль покупаютъ, но и подушный окладъ платятъ».

занской губерніи, пока иновѣрные обитатели смежной съ нею Оренбургской будутъ пользоваться правомъ брать ее даромъ.

Отсюда — законы: объ обложеніи Тептерей и Бобылей подушною податью и о покупкѣ всѣмъ иновѣрцамъ Оренбургской губерніи соли изъ казны по цѣнѣ, назначенной для Великороссіянъ. Исторія введенія этихъ законовъ въ силу—такова. Сенатъ, получивъ извѣстіе о чрезвычайномъ увеличеніи числа Тептерей и Болылей и узнавъ дѣйствительную причину того, 25 Іюня 1745 года постановилъ послать Оренбургскому губернатору указъ, которымъ повелѣвалось: «имѣть разсужденіе о положеніи ихъ въ подушный окладъ, или въ такой платежъ, который бы былъ не меньше подушнаго, чтобы тѣмъ иновѣрческіе побѣги изъ другихъ уѣздовъ въ Башкирію вовсе пресѣчь». Неплюевъ нашелъ возможнымъ положить на нихъ подать по 80 коп. на душу въ годъ; но рекрутскую повинность ввести между ними призналъ неудобнымъ, а вмѣсто рекрутскихъ наборовъ предложилъ наряжать по прежнему изъ нихъ въ Оренбургъ и въ прочія новыя крѣпости на работу къ городовымъ строеніямъ, съ 5 дворовъ по человѣку; вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы вознаградить ихъ за новыя пожертвованія казнѣ, онъ ходатайствовалъ предъ Сенатомъ объ освобожденіи ихъ «отъ подтвержденія Башкирскаго и оброковъ» и о томъ, чтобы «тѣ земли на которыхъ они жили, имъ отданы были въ свойство» (1), или, что тоже, о совершенномъ освобожденіи ихъ отъ Башкирцевъ землевладѣльцевъ, которымъ они дотолѣ за земли должны были платить оброкъ и которые, какъ свидѣтельствуетъ Рычковъ, «ихъ почти за своихъ крестьянъ почитали» (2).

Дѣло о соли шло нѣсколько долѣе. Надо замѣтить, что въ Оренбургскомъ краѣ этого продукта было неисчерпаемое количество. Не говоря уже о соленыхъ озерахъ, каковы Эбелейское, Грязное, Индерское и другія, которыхъ какъ въ Киргизскихъ степяхъ, такъ и въ Башкиріи «находится такое множество, что ихъ всѣхъ и исчислить не возможно» (Рычковъ), и которыя заключаютъ въ себѣ соляное богатство въ великомъ изобиліи, одна *Илецкая соль* (въ верстахъ 60 отъ Оренбурга) давала возможность тамошнему населенію не толь-

---

(1) Тамже.

(2) Истор. Оренб. II, 324.

ко себя продовольствовать, но и отпускать этотъ товаръ въ другія мѣста въ какомъ угодно количествѣ. Населеніе это тѣмъ охотнѣе занималось послѣднимъ, т. е., отпускомъ соли въ другія мѣста, что тамъ она находила прибыльный сбытъ; одни промышляли солью законнымъ образомъ, т. е., продавали ее въ казну. Этотъ промыселъ покровительствовалъ и Неплюевъ. Онъ представилъ въ 1748 году въ Сенатъ о томъ, чтобы дозволено было вывозить Илецкую соль въ Казанскую губернію какъ водой, такъ и сухимъ путемъ, и чтобы всѣ, пріѣзжающіе изъ этой губерніи въ Оренбургъ, до вывоза ея допускаемы были. Но Соляная контора, которой Сенатъ передалъ на разсмотрѣніе это представленіе, объявила, что если оно будетъ утверждено, то отъ этого неминуемо потаенный провозъ соли изъ Оренбурга въ Казанскую губернію умножится, и согласно съ ея мнѣніемъ Сенатъ 13 Февраля 1749 года постановилъ: «Илецкую соль въ Казанскую губернію и въ другіе той Казанской губерніи города и мѣста сухимъ и водянымъ путемъ до будущаго указа не возить, чтобъ подъ видомъ оной, вывозя воровски, продажи чинено не было» (¹). Однакожъ вывозъ воровской соли, не смотря на это запрещеніе, не прекращался. Сенатъ нашелъ, что это происходитъ не отъ чего инаго, какъ отъ того, что иновѣрцы Оренбургскаго края пользуются солью безденежно, и поручилъ Неплюеву вмѣстѣ съ Соляною конторою изыскать средства къ пресѣченію этого зла, не лишая однакожъ Башкирцевъ права продовольствовать себя солью безденежно по прежнему. Задача, которую Сенатъ задалъ Неплюеву,—согласить интересы казны и иновѣрцевъ, «какъ старыхъ жительствъ (кои по званію Башкиріи генерально именуются Башкирцами, въ числѣ коихъ находятся Мещеряки, Вотяки, Мордва, Чуваша и Черемиса), такъ и новопоселившихся въ Оренбургской губерніи»—была не легкая. Трудность въ рѣшеніи ея увеличивалась еще и главнымъ образомъ отъ того, что Сенатъ не хотѣлъ право этихъ иновѣрцевъ «пользоваться солью по своей волѣ и другъ другу продавать и ссужаться ею, доставая оную на Илекѣ или на озерѣ Эбсляѣ», распространить на поселенцевъ русскаго происхожденія, требуя, чтобы они покупали ее изъ казны по 35 к. за пудъ. Для осуществленія мысли

(¹) П. С. З. № 9,573.

Сената требовалось не только разъединить Оренбургскій край отъ другихъ губерній многочисленными заставами, но еще учредить самый бдительный и сложный (и вслѣдствіе этого самый безполезный) контроль надъ Башкирцами во время добыванія ими соли, провоза ея домой, во время расходованія ея; ибо иначе нельзя было быть увѣреннымъ, чтобы они не продали соли какъ нибудь Русскимъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ, которые жили подлѣ нихъ. Неплюевъ и посовѣтовалъ правительству принять для достиженія сказанной цѣли мѣры въ такомъ родѣ (1),

---

(1) Мѣры эти изложены въ донесеніи Неплюева, прописанномъ въ сенатскомъ указѣ отъ 7 Мая 1753 года (П. С. З. № 10,097) и состоятъ въ слѣдующемъ: 1) «объявить иновѣрческимъ старшинамъ и обязать ихъ подписками, «дабы они по соль посылали въ опредѣленное Оренбургской губернской канцеляріей время и предписанными дорогами отъ каждой волости съ письменнымъ свидѣтельствомъ или требованіемъ за руками старшинъ, сколько соли пудовъ въ которую волость будетъ потребно; а по возвращеніи ихъ съ тою солью по дорогѣ, коя отъ Илецка въ Оренбургъ, и коя отъ Эбеляя озера къ Троицкой крѣпости, особымъ чиновникамъ при себѣ перевѣшивать, и сколько пудовъ которой именно волости явится по перевѣсѣ, записывать въ особую книгу, и ежели по томъ перевѣсѣ явится сверхъ старшинскаго требованія излишняя соль, ту брать въ казенные магазины, заплативъ за нее привозчикамъ по подрядной цѣнѣ деньги, а прочую соль пропускать безъ задержанія и тою солью имъ довольствоваться; а чтобы изъ волости въ волость, кольми же паче пріѣзжимъ не только Великороссійскимъ, но ниже своей братьѣ соли не продавали и не ссужалися, и того старшинамъ каждому за своимъ вѣдомствомъ прилежно наблюдать и крѣпкое смотрѣніе имѣть». За несоблюденіе этихъ правилъ опредѣлить наказаніе, назначенное по состоявшемуся о соли 15 Декабря 1749 года указу. 2) Для продовольсвія лицъ, не имѣющихъ права пользоваться безденежно солью, въ Оренбургѣ и Троицкой крѣпости учредить казенную продажу соли. 3) Наличную соль у всѣхъ переписать и, оставивъ по 24 фунта на душу, излишекъ взять въ казну, заплатя, что она дѣйствительно стоитъ. 4) Усилить надзоръ на заставахъ, которыя учреждены со стороны Великороссійскихъ городовъ къ Башкиріи, сосредоточивъ главное управленіе ими въ Мензелинскѣ. 5) Въ Уфимскую провинцію не вы-

выразивъ однакожъ на словахъ сомнѣніе, чтобы этими мѣрами можно было вполнѣ достигнуть поставленной цѣли; «не безъ сомнѣнія есть, говорилъ онъ, чтобы чрезъ тотъ дозволенный иновѣрцамъ вывозъ соли не могли оною довольствоваться и тѣ, коимъ надлежитъ соль покупать изъ казны». Сенатъ, давъ утвержденіе предложеніямъ его, къ «отвращенію же и пресѣченію тѣхъ всѣхъ сомнительствъ и къ наблюденію высочайшаго Е. И. В-ва интереса», поручилъ ему по прибытіи въ Оренбургъ склонять иновѣрцевъ, чтобы они вмѣсто положеннаго на нихъ ясака и съ другихъ вмѣсто опредѣленныхъ по указамъ податей, соль покупали изъ казны указною цѣною», однакожъ предварительно разсмотрѣвъ: «ежели оные иновѣрцы вмѣсто положеннаго на нихъ ясака и опредѣленныхъ податей соль похотятъ покупать изъ казны указною цѣною, то не будетъ ли противъ платежа ясака и опредѣленныхъ податей какого уменьшенія», и результаты такого разсмотрѣнія представить ему, Сенату, немедленно. Въ слѣдующемъ году Неплюевъ донесъ Сенату, что, «*кажется*, Башкирцы и Мещеряки охотно къ тому приступили и за отягощеніе себѣ не вмѣняютъ (покупку соли изъ казны,) разсуждая изъ того пользу, что они безъ платежа ясака единственно служилыми будутъ такъ, какъ и казаки, и просятъ только, чтобы земли ихъ, изъ высочайшей Е. И. В. милости, указомъ были имъ подтвержены». Предлагая поэтому и на этихъ условіяхъ немедленно между Башкирцами и Мещеряками ввести казенную продажу соли, Неплюевъ въ отвѣтъ на второе требованіе Сената доносилъ, что казна этимъ путемъ, по его мнѣнію, получитъ съ нихъ несравненно болѣе прибыли, чѣмъ сколько получала, взимая со всѣхъ этихъ иновѣрцевъ, которыхъ приблизительно было 123122 души обоего пола, ясаку всего 4392 р. 65 коп.; даже, прибавлялъ онъ, ежели бы казна продажею соли имъ указной цѣной выручила и менѣе того, и тогда для нея будетъ неубыточно, но еще выгоднѣе для нея будетъ замѣна ясака казенной продажей соли въ томъ отношеніи, что «тайные провозы Илецкой соли въ Русскія жила пресѣкутся и впадшіе чрезъ эти прегрѣшенія въ бѣдствія, также военные люди, которыхъ нема-

возить Илецкой соли, а довольствоваться ей Пермскою солью, чтобы, такъ какъ между той и другой значительная разница, можно было изобличить въ случаѣ, еслибы кто пойманъ былъ тамъ съ воровской Илецкою солью.

лое число на заставахъ употреблено, свободятся, и соляное коммиссарство въ Мензелинскѣ будетъ непотребно». Что касается до Тептерей и Бобылей, то Неплюевъ, при введеніи въ Башкиріи казенной продажи соли, не считалъ нужнымъ спимать съ нихъ положенную на нихъ въ 1748 году осмигривенную подать, которой со всѣхъ нихъ каждогодно собиралось 23,105 р. 60 коп., потому: 1, «что покупка ими соли изъ казны столько не наградила бы (казну), сколько они ясака платятъ; 2, что всѣ они пришлецы, т. е., бѣглые изъ Казанской губерніи, изъ такого порядка людей, которые не только соль покупаютъ, но и подушный окладъ платятъ; 3, довольно имъ и того, что они до послѣдняго бунта башкирскаго были ихъ (Башкирцевъ), какъ крестьяне, и платили имъ оброки, а послѣ того бунта по именнымъ 1736 и 1739 г., а особливо по воспослѣдовавшему въ 1747 г. отъ 26 Мая отъ подтвержденія башкирскаго и оброковъ свобождены, и тѣ земли, на которыхъ они жили, имъ въ свойство отданы». Наконецъ снятіе съ нихъ этой подати, по мнѣнію Неплюева, было неудобно въ политическомъ отношеніи, ибо чрезъ то они сравнены были бы совершенно съ Башкирцами и Мещеряками, и между ними легко бы могло, вслѣдствіе одинаковости положенія ихъ, утвердиться единеніе интересовъ и стремленій, чего по мѣстнымъ обстоятельствамъ не слѣдовало допускать. Сенатъ всѣ эти соображенія Неплюева призналъ основательными и потому указомъ отъ 16 Марта 1754 года повелѣлъ во всей Башкиріи ввести казенную продажу соли, чтобы ни откуда въ жилища иновѣрцевъ подвоза неуказной соли отнюдь не было, и съ Башкирцевъ, Мещеряковъ и поселившихся между ними Татаръ ясакъ снять (1). Въ Оренбургѣ образовано было особое, соляное, правленіе, которое должно было завѣдывать продажей соли; въ разныхъ пунктахъ края учреждены были казенные соляные магазины, откуда и должны были всѣ и въ томъ числѣ иновѣрцы покупать Илецкую и Эбеляйскую соль. Но добываніе и поставку соли въ эти магазины Неплюевъ не почиталъ полезнымъ производить казеннымъ способомъ. Одинъ предпріимчивый казакъ, сотникъ Алексѣй Углицкій взялъ на себя это дѣло. Онъ обязался въ теченіе четырехъ лѣтъ заготовлять Илецкой соли и поставлять каждый годъ въ Оренбургъ по 50 т. пудовъ и болѣе, если встрѣтится въ томъ надобность,

(1) П. С. З. № 10,198.

съплатою изъ казны по 6 к. за пудъ, и сверхъ того построить на свой коштъ на мѣстѣ добыванія соли крѣпость, нѣсколько покоевъ и казармы для гарнизона. Вслѣдствіе этого возникло новое поселеніе, извѣстное подъ именемъ *Илецкой защиты* (1). Изъ Оренбурга Илецкая соль развозилась и по другимъ пунктамъ края, Для этой работы были употреблены Тептери и Бобыли, которымъ за этотъ трудъ выдавалось изъ казны по 6-ти и 7 ½ коп. съ пуда (2).

Такъ мало по малу вводились въ Башкиріи порядки, узаконенные для иновѣрцевъ приволжскихъ. Была даже сдѣлана попытка примѣнить къ этой области мѣры, принятыя правительствомъ въ видахъ ослабленія магометанства въ Приволжьи. Такъ въ 1744 году хотѣли было произвести ломку мечетей въ Башкиріи на такомъ же основаніи, на какомъ эта мѣра была примѣнена къ дѣлу въ Казанской губерніи. Но Уфимская провинціальная канцелярія представила, что эта мѣра не можетъ не быть тягостна для Башкирцевъ, и что она опасается, какъ бы «отъ того не воспослѣдовало какого замѣшательства», и что, наконецъ, она не видитъ разумнаго повода и законнаго основанія къ тому; потому что изъ новокрещеныхъ въ жилищахъ Башкирскихъ никто жительства не имѣетъ, и указомъ 1736 года запрещено только вновь тамъ безъ указовъ строить мечети и школы, а «чтобы старыя испразднить, того не изображено.» Сенатъ въ силу этого представленія запретилъ тамъ ломать мечети, повелѣвъ администраціи относительно этого пункта руководствоваться указомъ 1736 года (3). Въ 1751 году Тобольскій митрополитъ Сильвестръ приказалъ забрать по нѣкоторому дѣлу въ Тобольскую духовную консисторію 11-ть человѣкъ Башкирцевъ. Тѣ обратились къ Неплюеву съ просьбою о защитѣ ихъ. Губернаторъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что митрополитъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ произвольно и что кромѣ того приневоливаетъ Башкирцевъ къ св. крещенію, и особымъ доношеніемъ просилъ Сенатъ запретить Тобольскому преосвященному забирать Башкирцевъ въ консисторію и приневоливать ихъ ко крещенію. Сенатъ по

---

(1) Топогр. Оренб. II, 26.

(2) Журналъ, или дневныя записки путешествія капитана Рычкова. I, 132.

(3) П. С. З. № 8875.

этому дѣлу снесся съ Синодомъ, который далъ отвѣтъ, что никто Башкирцевъ не приневоливалъ ко крещенію, что митрополитъ Сильвестръ приказалъ было забрать въ консисторію тѣхъ 11 Башкирцевъ для лучшаго и яснѣйшаго изслѣдованія полученнаго имъ доноса, что отъ всѣхъ тѣхъ иновѣрцевъ происходили и происходятъ на Христа Спасителя нестерпимыя хуленія, и на православную христіанскую вѣру поруганія и злоковарныя и предосудительныя въ противность указамъ продерзости и на самого просвященнаго Тобольскаго ложная клевета. Для разбирательства этого и другихъ касающихся иновѣрцевъ духовныхъ дѣлъ Сенатъ указомъ отъ 12 Ноября 1751 года повелѣлъ учредить въ Оренбургѣ особую коммиссію, которая бы состояла изъ двухъ лицъ духовныхъ и двухъ свѣтскихъ (1).

Явившись такимъ образомъ защитникомъ Башкирцевъ отъ архіерейскаго произвола, не допустивъ просвѣтительную ревность дѣйствовать здѣсь, въ Башкиріи, по той, отяготительной для иновѣрцевъ, системѣ, какой слѣдовали по отношенію къ иновѣрцамъ области средней Волги, Неплюевъ былъ защитникомъ и всякихъ другихъ интересовъ инородческаго населенія ввѣреннаго ему края противъ всякаго произвола. Въ этомъ случаѣ онъ самъ подавалъ своимъ подчиненнымъ примѣръ справедливости и законности дѣйствій по отношенію къ Башкирцамъ. Никто изъ иновѣрцевъ не могъ сказать, чтобы онъ къ кому нибудь изъ нихъ былъ несправедливъ когда либо и пристрастенъ. Сами Башкирцы, когда ихъ спрашивали при слѣдствіи о мятежѣ ихъ 1755 году, не терпѣли ли они обидъ и притѣсненій отъ губернатора, что позволили себѣ поднять мятежъ, свидѣтельствовали, что ничего нельзя дурнаго сказать объ его управленіи краемъ (2). Дѣйствуя самъ по отношенію къ нимъ со всякою справедливостію, Неплюевъ не хотѣлъ допускать, чтобы кто либо и другой притѣснялъ ихъ. «Относительно Башкирцевъ, говоритъ онъ, я часто посылалъ довѣренныхъ людей и преимущественно сына моего развѣдывать: нѣтъ ли имъ отъ кого обидъ». Вообще, онъ думалъ, что справедливый и законный образъ дѣйствій администраціи составляетъ самое вѣрное средство къ ослабленію въ

(1) П. С. З. № 9904.

(2) Жизнь Неплюева, имъ самимъ описанная.

иновѣрческомъ населеніи края ненависти къ Русской власти, къ предовращенію среди него «замѣтательствъ». И обманулся. Главная причина, порождавшая эту ненависть и условливавшая собою возможность новыхъ башкирскихъ замѣшательствъ, заключалась не въ образѣ дѣйствій мѣстной администраціи по отношенію къ этому населенію, а въ направленіи вообще русской дѣятельности относительно Закамскаго края, и во время управленія имъ Неплюева до такой степени усилилась, что никакая администрація, какъ бы она гуманна ни была, не могла уничтожить въ иновѣрцахъ непріязнь къ Русскимъ и предотвратить волненіе ихъ. Все, чего боялись, что ненавидѣли эти иновѣрцы, что шло въ противорѣчіе образу ихъ жизни, привычкамъ, понятіямъ, преданіямъ, складу общественныхъ отношеній, все, противъ чего они прежде столько времени враждовали, не жалѣя ничего, все это теперь насаждено было въ ихъ краю опытной и твердой рукой. Край ихъ сдѣлался русскимъ краемъ; сами они введены были теперь въ составъ Русскаго государства, какъ прямые его слуги: оставалось немногое изъ стараго ихъ быта, что отдѣляло ихъ отъ коренныхъ русскихъ подданныхъ; оставалась цѣлою пока ихъ вѣра; но и надъ ней висѣлъ уже ударъ. Ударъ этотъ отведенъ былъ въ сторону осторожной мѣстной администраціей; но кто изъ нихъ могъ поручиться, что снова не будетъ сдѣлано нападеніе на эту особенность ихъ быта, когда отъ ихъ единовѣрцевъ съ Волги доходили постоянныя вѣсти, что Русскіе разоряютъ мечети, за непринятіе Русской вѣры увеличиваютъ подати и повинности, сгоняютъ съ отцовскихъ и дѣдовскихъ жилищъ, и мольбы о помощи и о дружномъ сопротивленіи противъ невѣрныхъ? Собравшись съ силами и средствами (1) послѣ бѣдствій, понесенныхъ ими въ тридцатыхъ годахъ, они не хотѣли оставаться безмолвными зрителями того, что дѣлалось Русскими въ ихъ краю и по отношенію къ нимъ.

Въ 1747 году обнаружилось волненіе среди той группы инородческаго населенія Закамскаго края, которая извѣстна была подъ именемъ Тептерей и Бобылей (2). Поводомъ къ это-

(1) «Конскіе заводы у нихъ (Башкирцевъ), свидѣтельствовалъ въ 1753 году Неплюевъ, послѣ послѣдняго ихъ замѣшанія нарочито у нихъ поправились» (П. С. З. № 10,141).

(2) Это волненіе описано Рычковымъ, который самъ участвовалъ въ его подавленіи, въ его «Исторіи Оренбургской» (Ежемѣс. соч. 1759 г. II, 325—332).

му волненію была новая, осмигривенная, подать, наложенная тогда на этихъ иновѣрцевъ. Когда стали собирать эту подать, то во многихъ мѣстахъ Тептери и Бобыли отказались ее платить, утверждая, что этотъ новый сборъ наложенъ на нихъ произвольно, безъ высочайшаго указа, мѣстными командирами, которыхъ они при этомъ называли прибыльщиками. Во главѣ недовольныхъ этимъ нововведеніемъ явился черемисянинъ Нурка Борисовъ, жившій на Осинской дорогѣ, гдѣ впервые и выказано было противодѣйствіе введенію подушной подати. Онъ убѣдилъ народъ послать выборныхъ въ С. Петербургъ съ прошеніемъ о сложеніи съ Тептерей и Бобылей этой подати и между тѣмъ никому ея не платить и въ случаѣ, если настоятельно будутъ требовать ея, противиться тому силою и всѣмъ быть заодно. Онъ самъ вызвался отправиться въ столицу депутатомъ отъ лица всѣхъ Тептерей и Бобылей, съ которыхъ для этой поѣздки собралъ деньги. Получивъ объ этомъ замѣшательствѣ донесеніе, Неплюевъ посмотрѣлъ на него, какъ на слѣдствіе недоразумѣнія со стороны Тептерей и Бобылей, происшедшаго отъ ихъ невѣжества и непониманія дѣла. Но съ другой стороны это волненіе, думалъ онъ, могло принять иной, болѣе опасный, характеръ, если его не прекратить въ самомъ его началѣ; потому что недовольствомъ, которое теперь выражали Тептери и Бобыли по поводу новой подати, могли воспользоваться Башкирцы. До сихъ поръ напрасно старавшіеся привлечь Тептерей и Бобылей на свою сторону, чтобы дѣйствовать за одно противъ Русскихъ, Башкирцы теперь находили прекрасный случай къ достиженію этой цѣли: стоило только имъ оказать содѣйствіе недовольнымъ, и тогда волненіе превратилось бы въ общій инородческій мятежъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній на военномъ совѣтѣ, собранномъ Неплюевымъ, постановлено было: немедленно отправить военную команду тысячи въ двѣ человѣкъ подъ начальствомъ генерала Штокмана въ Уфу для наблюденія за Башкирцами, «наипаче чтобы ихъ не допустить къ тѣмъ бездѣльникамъ въ сообщеніе», а на Осинскую дорогу, гдѣ замѣшательство Тептерей и Бобылей было наиболѣе замѣтно, отправить впередъ налегкѣ съ нерегулярной командой секундъ-маіора Кублицкаго; воинскимъ начальникамъ вмѣнить въ обязанность дѣйствовать противъ непокорныхъ оружіемъ лишь въ случаѣ крайней необходимости, послѣ того только, когда мѣры убѣжденія оставить упорство и исполнять указъ останутся безъуспѣшными. Неплю-

евъ полагалъ, что эти послѣднія наиболѣе удобны и умѣстны въ настоящемъ случаѣ и, если отправилъ войска въ волости недовольныхъ, то назначалъ онъ ихъ къ дѣйствію на случай, когда бы коренные обитатели края, Башкирцы приняли участіе въ дѣлѣ зависимыхъ отъ нихъ Тептерей и Бобылей. Въ этихъ видахъ онъ послалъ въ Уфу и на Осинскую дорогу особыхъ чиновниковъ, хорошо знакомыхъ съ бытомъ инородцевъ, ассетора Рычкова и маіора Исакова, которые, по прибытіи въ Уфу вмѣстѣ съ Уфимскимъ воеводой, полковникомъ Люткинымъ и подполковникомъ Тантыковымъ постановили, чтобы по отношенію къ Тептерямъ и Бобылямъ отнюдь не дѣйствовать мѣрами строгости и не допускать кровопролитія, а стараться утишить волненіе мирными средствами. За тѣмъ по волостямъ Тептерей и Бобылей разосланы были ими особые листы, въ которыхъ объяснялись причины, побудившія правительство наложить на нихъ новую подать, указывалось, что они, не неся рекрутчины и платя только по 80 к. съ души, въ сравненіи съ Русскими пользуются въ отношеніи повинностей и податей большими льготами, что наконецъ за эту подать они совершенно освобождаются отъ платежа оброковъ Башкирцамъ за земли, которыми пользовались и которыя отдаются имъ теперь въ собственность; въ заключеніе въ этихъ листахъ выражено было требованіе, чтобы они въ теченіе мѣсяца новую подать всѣ уплатили, если понимаютъ свои выгоды и если не хотятъ, чтобы съ ними было поступлено какъ съ злодѣями, безъ всякаго помилованія. Листы эти произвели желанное дѣйствіе, такъ что ко времени прибытія въ Уфу генерала Штокмана съ командою осталось въ Уфимской провинціи не много волостей, которыя не заплатили новой подати, а изъ прочихъ жители сами привезли ее въ Уфу, да и о тѣхъ волостяхъ, изъ которыхъ еще не была она доставлена, получены въ провинціальной канцеляріи извѣстія, что тамъ ее собираютъ и скоро привезутъ въ Уфу. Впрочемъ дѣло всетаки не обошлось безъ кровопролитія. Начальникъ отряда, посланнаго на Осинскую дорогу, маіоръ Кублицкій, произведшій тутъ это кровопролитіе, доносилъ: «узнавъ, что въ одной Черемисской деревнѣ собралась толпа съ 400 человѣкъ вооруженныхъ Тептерей, онъ посылалъ къ нимъ три раза съ приказаніемъ разойтись; но они того не послушались, говорили, что не пойдутъ и готовы всѣ умереть. И когда послѣ того самъ онъ

Кублицкій съ отрядомъ своимъ приблизился къ этому ихъ сборищу, то они побѣжали и изъ ружей палить стали, но не сдѣлали другаго вреда кромѣ того, что убили одну лошадь; видя то, онъ приказалъ своей командѣ ихъ ловить; и поймано было человѣкъ сто, а прочіе побѣжали въ луга за рѣку Танынъ, и при этомъ ихъ побѣгѣ побито было и потоплено въ той рѣкѣ человѣкъ до 70-ти». Въ Уфѣ остались недовольны этимъ дѣломъ, находя, что Кублицкій произвелъ рѣзню вопреки губернаторской инструкціи, не имѣя къ тому крайней надобности, и сейчасъ же на Осинскую дорогу командировали маіора Исакова, въ команду котораго долженъ былъ поступить Кублицкій, «съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, чтобы безъ крайней нужды и безъ явныхъ противностей никакой строгости не употреблять и кровопролитія не чинить». Впрочемъ этому новому командиру не чего уже тамъ было дѣлать, и онъ скоро былъ отозванъ къ другимъ дѣламъ: всѣ Тептери и Бобыли изъявили полную покорность закону о новой подати. Оставалось только произвести розыскъ надъ зачинщиками волненія и примѣрно наказать ихъ, что почиталось необходимымъ и что было вскорѣ исполнено: пущіе заводчики дѣла, по наказаніи кнутомъ, сосланы были въ Рогервикъ, одни на вѣчную работу, другіе на опредѣленный срокъ, а прочихъ, менѣе виновныхъ, по высѣченіи кнутомъ, отдали подъ надзоръ старшинъ. Всѣ тѣ старшины, которые содѣйствовали водворенію повиновенія власти и спокойствія между Тептерями и Бобылями, получили награды: однимъ были розданы сабли, а другимъ даны сукна на платье.

Съ другимъ характеромъ явилось и несравненно болѣе трудностей къ подавленію представляло волненіе, обнаружившееся въ 1755 году между Башкирцами. Волненіе Тептерей и Бобылей въ самомъ крайнемъ его развитіи не отрицало Русской власти; напротивъ они въ ней ищутъ защиты себѣ и охраненія своихъ интересовъ; самъ зачинщикъ замѣшательства снаряжается въ С. Петербургъ, чтобы подать общую просьбу Тептерей и Бобылей императрицѣ объ освобожденіи ихъ отъ новаго налога, который, по мнѣнію его, введенъ произвольно мѣстною администраціей. Когда заблужденіе ихъ раскрывается предъ ними, когда убѣждаются, они что новая подать введена у нихъ по распоряженію высшаго правительства, то сейчасъ же подчиняются новому закону. Такое волненіе похоже на подобныя же замѣшательства, которыя случались при введеніи новыхъ налоговъ и въ средѣ Русскаго крестьянства, и побуж-

деніемъ къ которымъ всегда было желаніе устранить только неблагопріятныя для экономическаго быта его мѣры, а поводомъ — убѣжденіе, что такія мѣры выдуманы произвольно чиновниками и дворянами, минуя Верховную власть. Тотъ же мятежъ, который вспыхнулъ въ Оренбургскомъ краѣ въ 1755 г., вызывался другими побужденіями и направлялся къ другимъ цѣлямъ.

Еще въ началѣ 1748 года до властей Казанской и Оренбургской губерній дошли извѣстія, что «Казанскіе Татары имѣютъ противъ Русскихъ какія-то злыя намѣренія, и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ оказалось, что въ томъ ихъ злоумышленіи принимали участіе Башкирцы и другіе магометане Оренбургской губерніи». Но разслѣдованія относительно цѣлей, какія имѣли въ виду злоумышленники, и принятаго ими плана дѣйствій, и относительно того, кто именно участвовалъ въ этомъ злоумышленіи, разслѣдованія, произведенныя Оренбургскою администраціей, не подтвердили этихъ извѣстій (1). На этотъ разъ, какъ видно, Башкирцы нашли несвоевременнымъ поднимать мятежъ противъ Русскихъ, провѣдавшихъ объ ихъ злоумышленіяхъ и принявшихъ всѣ мѣры предосторожности на случай открытія мятежа,— и позаботились скрыть концы задуманнаго ими злаго дѣла. Прошло съ тѣхъ поръ лѣтъ шесть. Введена была въ Башкиріи казенная продажа соли. Наружно съ охотою подчинившіеся этому закону, въ дѣйствительности же Башкирцы видѣли въ немъ новое доказательство несправедливости Русскихъ по отношенію къ нимъ. Они начали сходиться, толковать о мѣрахъ, какъ бы освободиться отъ власти Русскихъ, столь для нихъ тягостной. Муллы поощряли это недовольство, утверждая кромѣ того, что власть Русскихъ опасна для правовѣрія. Одинъ изъ нихъ, происхожденіемъ Мещерякъ, извѣстный по казеннымъ спискамъ подъ именемъ *Батырши Алѣева*, а у своихъ единовѣрцевъ называвшійся Абдуллъ Мязгильдинъ, сталъ во главѣ недовольныхъ. Это былъ — сообщаетъ Рычковъ, — человѣкъ лѣтъ 46-ти, средняго роста, смуглый и худощавый и безбородый отъ природы (2). Не смотря на незначительную такую наружность онъ пользовался въ Башкиріи, да и, кажется, между другими магометанами восточной

(1) Истор. Оренб. Ежем. соч. II, 394.

(2) Топогр. Оренб. II, 84.

Россіи высокимъ почетомъ за его обширную магометанскую ученость, которая доставила ему многочисленныхъ учениковъ и почитателей, и за его умъ. Онъ былъ «отъ природы хитръ и вымышленъ». Съ 1754 года онъ началъ дѣятельно готовить возстаніе въ Башкиріи противъ Русскихъ. Цѣли, какія имѣлъ Батырша и его сообщники, замышляя злое дѣло, планъ возстанія, средства мятежниковъ указаны въ возмутительномъ письмѣ, которое отъ имени Батырши потомъ разослано было по всѣмъ магометанскимъ пунктамъ въ восточной Россіи. Въ этомъ мятежническомъ манифестѣ, который попалъ въ руки русскихъ властей уже во время разгара мятежа и изъ котораго Рычковъ сдѣлалъ извлеченіе (1), Батырша прежде всего старается выяснить послѣдователямъ Магомета положеніе Башкирцевъ и вообще магометанъ въ Россіи и способы дѣйствій Русскихъ по отношенію къ нимъ. Онъ указываетъ, что послѣ того, какъ вслѣдствіе несоблюденія закона божія магометане ослабѣли и подпали власти Русскихъ, эти невѣрные разными нападками и коварствами постоянно старались приводить правовѣрныхъ въ изнуреніе и истощеніе; что послѣдній законъ о снятіи съ Башкирцевъ и Мещеряковъ ясака и о замѣнѣ его казенною продажею соли есть со стороны Русскихъ не что иное, какъ обманъ, расчитанный на то, чтобы увеличить народную тягость; что Русскіе, поработивъ Башкирцевъ и другихъ магометанъ, живущихъ по сю сторону Яика, обманули и Киргизъ-Кайсаковъ и имъ готовятъ туже участь, что, строя вблизи ихъ земель крѣпости, имѣютъ въ виду поработить и ближніе къ нимъ правовѣрные города, Ташкентъ, Бухару и проч; что ихъ политика направлена къ тому, чтобы ссорить Киргизовъ и Башкирцевъ и чрезъ то господствовать надъ правовѣрными и истреблять магометанство; что отъ насилія ихъ уже нѣкоторые правовѣрные приняли христіанскую вѣру, а многіе другіе, оставаясь еще по имени магометанами, вслѣдствіе сообщенія ихъ съ Русскими, заразились отъ нихъ суевѣріемъ и нечестіемъ, и что, наконецъ, вообще господство Русскихъ надъ правовѣрными, будучи тяжкимъ игомъ для послѣднихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ грозитъ великою опасностію магометанскому правовѣрію. Чтобы устранить эту опасность, освободиться отъ ига русскаго, Батырша приглашаетъ

(1) Тамже 35—36.

Башкирцевъ «отъ всякаго общенія съ Русскими отстать, Русскимъ никакихъ службъ не чинить, городовъ, крѣпостей и заводовъ на башкирскихъ земляхъ строить ихъ не допущать, правовѣрныхъ защищать, въ прегрѣшеніяхъ своихъ принести покаяніе, чтобы тѣмъ Бога умилостивить, опредѣленныхъ русскими командирами старшинъ низвергнуть»; за тѣмъ убѣждаетъ ихъ, «чтобы они приготовляли военныхъ лошадей и припасали сабли, копья, луки, стрѣлы и всякія къ тому принадлежности и, повинуясь божію повелѣнію, начали бы разорять невѣрныхъ Русскихъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы ихъ изъ земель своихъ выгнать, и въ жилищахъ своихъ построить мечети и училища, чтобы всѣ вѣрующіе и исповѣдующіе единаго Бога, молодые и старые, конные и пѣшіе собирались для того и выѣзжали на борьбу съ поспѣшеніемъ, не жалѣя своего имѣнія, не боясь и не страшась невѣрныхъ, но крѣпко уповали бы на Бога, ибо онъ поможетъ имъ противъ множества Русскихъ войскъ».

Не одною надеждою на помощь божію воодушевлялъ Башкирцевъ Батырша; призывая ихъ къ мятежу противъ Русскихъ, онъ увѣрялъ ихъ, что вмѣстѣ съ ними заодно будутъ дѣйствовать и Киргизъ-Кайсаки, что къ нимъ пристанутъ и Казанскіе мусульмане, что съ тѣми уже условлено начать это дѣло 10 іюля 1755 года, что наконецъ къ нимъ на помощь идутъ войска изъ Турціи, что изъ нихъ нѣкоторыя пришли уже къ Астрахани для борьбы съ Русскими и для истребленія ихъ, а за ними идутъ другія полчища.

Такимъ образомъ цѣль этого мятежа состояла въ совершенномъ изгнаніи Русскихъ изъ Башкиріи, въ уничтоженіи заведенныхъ ими въ Закамскомъ краѣ порядковъ и въ возстановленіи магометанской старины. Возстаніе затѣвалось во имя религіи Магомета. Предводители мятежа старались привлечь къ задуманному башкирскому дѣлу и другихъ магометанъ, жившихъ въ Россіи, связать съ нимъ общемагометанскіе интересы. Поднимая его, они вмѣстѣ съ тѣмъ поднимали старое магометанское знамя, съ которымъ ходили на бой когда-то съ Русскими Казанскіе, Сибирскіе ханы, мурзы и муллы и башкирскіе батыри.

Замыселъ этотъ, не смотря на всю его запоздалость, нашелъ повсюду среди магометанъ сочувствіе. Самъ Батырша ревностно старался настроить Башкирцевъ въ духѣ такихъ стремленій. Онъ разъѣзжалъ по разнымъ мѣстамъ подъ

предлогомъ, чтобы учить правовѣрныхъ закону магометову, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы вести возмутительную пропаганду (1). Всѣ почти другіе духовные въ этомъ дѣлѣ, говоритъ Неплюевъ, были его помощниками (2). Чрезъ нихъ распространялъ онъ свой возмутительный манифестъ въ народѣ. Его агенты ѣздили по татарскимъ деревнямъ Казанской губерніи и по степямъ Киргизскимъ, вездѣ вербуя сообщниковъ для задуманнаго предпріятія, приготовляя средства къ мятежу и условливаясь относительно плана дѣйствій противъ Русскихъ (3). Дѣло все ведено было съ необыкновенною осторожностію и скрытностію. «Всего удивительнѣе кажется, говоритъ Рычковъ, то, что чрезъ цѣлый почти годъ о такомъ важномъ къ бунту предпріятіи ни въ губернской, ни въ провинціальныхъ канцеляріяхъ никакого доносительства и извѣстія не было, но у всѣхъ содержано въ совершенной тайности» (4).

Русскіе узнали объ этихъ всѣхъ замыслахъ Батырши уже послѣ того, какъ онъ и сообщники его стали ихъ приводить въ исполненіе, когда враждебное по отношенію къ Россіи настроеніе Башкирцевъ выразилось уже въ дѣйствіи. Въ Маѣ 1755 года появилась въ Башкиріи, на Ногайской дорогѣ, въ Бурзинской волости партія Русскихъ, чтобы подъ начальствомъ посланнаго отъ Кабинета императорскаго каменотесца Брагина искать тутъ и разроботывать цвѣтные каменья; 15 Мая на эту партію неожиданно напала толпа Башкирцевъ человѣкъ во сто и перерѣзала ее; за тѣмъ убійцы сдѣлали нападеніе на почтовые станы, учрежденные въ поименованной волости по Исетскому тракту, драгунъ, охранявшихъ эти станы, убили и одинъ станъ совершенно разорили. Послѣ этого, забравъ женъ и дѣтей, они направились пустыми мѣстами къ Яику и при той рѣкѣ наѣхавшій на нихъ изъ ближнихъ редутовъ драгунскій отрядъ въ 45 человѣкъ разбили,—при чемъ 10 человѣкъ изъ него было убито и 30 ранено,—и забравъ лошадей, принадлежавшихъ этому отряду, бѣжали въ Киргизъ-Кайсацкую орду. Въ Оренбургѣ, по полученіи извѣстія объ этихъ злодѣйствахъ, нѣкоторое время думали, что они совер-

---

(1) Топогр. Оренб. II, 34.

(2) Жизнь Неплюева, имъ самимъ описанная.

(3) Топогр. Оренб. II, 34.

(4) Тамже, 39.

шены были изъ однихъ грабительскихъ побужденій какою нибудь воровской шайкой. Неплюевъ немедленно отправилъ къ хану Малой Киргизъ-Кайсацкой орды Нурали и къ султану Аблаю въ Среднюю требованіе, чтобы тѣ, если у нихъ объявятся бѣглецы, роздали ихъ своимъ подданымъ по одиночкѣ въ рабство. Онъ не надѣялся, чтобы Киргизъ-Кайсаки выдали ихъ. Изъ С. Петербурга въ отвѣтъ на донесеніе Неплюева обо всѣхъ этихъ происшествіяхъ пришелъ указъ, которымъ повелѣвалось ему настоятельно требовать у Киргизъ-Кайсаковъ выдачи этихъ бѣглецовъ. Странное поведеніе Киргизъ-Кайсацкаго хана и старшинъ по поводу требованія этой выдачи (1) и событія, которыя затѣмъ стали совершаться въ Башкиріи, убѣдили Неплюева, что на Бурзинскія убійства нельзя смотрѣть, какъ на обыкновенный разбой, что они составляютъ сигналъ къ всеобщему башкирскому мятежу. Въ первыхъ числахъ Августа сдѣлалось яснымъ для всѣхъ, что вся Башкирія взбунтовалась. Изъ разныхъ мѣстъ края стали приходить печальныя извѣстія. 9 Августа получено было въ Оренбургѣ донесеніе отъ бригадира Бахметева, который стоялъ

---

(1) Неплюевъ послалъ къ Киргизъ-Кайсакамъ съ требованіемъ выдачи бѣглецовъ капитана кн. Максутова съ переводчикомъ и подарками для вліятельныхъ Киргизовъ. Ханъ для обсужденія требованія губернатора собралъ совѣтъ султановъ и старшинъ, и на этомъ совѣтѣ сдѣлано было постановленіе, одобренное ходжею,—переловить Башкирскихъ бѣглецовъ и выслать ихъ въ Россію, поручивъ это дѣло султану Эрали. Вмѣстѣ съ объявленіемъ этого рѣшенія Максутову сообщено было, что Киргизъ-Кайсаки намѣрены воевать съ Хивой и потому и дѣлаютъ необходимыя къ войнѣ приготовленія, о чемъ де извѣщены уже Хивинцы, и что прежде выдачи бѣглыхъ Башкирцевъ намѣренъ побывать въ Оренбургѣ у губернатора султанъ Эрали. Неплюеву не могло не показаться страннымъ и подозрительнымъ такое рѣшеніе совѣта султановъ и старшинъ; потому что раждался самъ собою вопросъ: за чѣмъ хочетъ пріѣхать къ нему Эрали прежде поимки бѣглецовъ? И за чѣмъ, задумавъ походъ противъ Хивинцевъ, вмѣсто того, чтобы скрывать до времени это намѣреніе, Киргизы дали знать объ этомъ Хивинскому хану? Неплюевъ пришелъ къ мысли, что Киргизъ-Кайсаки готовятся къ борьбѣ съ Русскими (Башк. дѣла въ Москов. арх. Иностр. дѣлъ св. 2).

съ своимъ отрядомъ въ Бурзинской волости; онъ извѣщалъ: «Башкирцы этой волости, жившіе по р. Бѣлой, выше завода Масолова, убили новоопредѣленнаго къ нимъ старшину, писаря да двухъ Мещеряковъ и потомъ, собрався въ числѣ 50 или 60 человѣкъ, сдѣлали нападеніе на вѣрныхъ Башкирцевъ, жившихъ вблизи завода Масолова; тѣ отбили нападеніе, но лишились лошадей, которыхъ воры угнали съ собой; послѣ неудачной ихъ попытки убить знатнаго башкирскаго старшину Шарыпа Мрякова за его вѣрность Русскимъ (онъ спасся, укрывшись на заводѣ Масолова), эти мятежники съ женами и дѣтьми побѣжали къ вершинамъ Сакмары » Чрезъ два дня отъ того же Бахметева пришли такія вѣсти: «толпа мятежниковъ подступала подъ строящійся на р. Икѣ Вознесенскій заводъ барона Сиверса, изъ табуна у бывшихъ на покосѣ и гнавшихъ деготь рабочихъ людей угнала 134 лошади, надраную для дегтя бересту сожгла, во многихъ мѣстахъ подожгла лѣсныя угодья. Изъ Верхояикской крѣпости ѣхалъ къ бригадиру Бахметеву прапорщикъ Страдынъ и ни на одномъ яму не нашелъ ни ямщиковъ, ни драгунъ; въ одномъ мѣстѣ видѣлъ убитаго драгуна. По рѣкѣ Барнаулу косили сѣно для драгунъ нанятые Башкирцы; вдругъ изъ лѣсу выбѣжали какіе-то Башкирцы же и закричали, обращаясь къ работавшимъ Башкирцамъ: «что вы стоите? Вся Башкирія взбунтовалась; идите по домамъ». Вслѣдъ за тѣмъ выстрѣливъ въ драгуна, надзиравшаго за работой, и ранивъ его, скрылись въ лѣсу. Работники сейчасъ послѣ этого разбѣжались. Съ завода, принадлежавшаго Твердышеву, прикащикъ доносилъ Бахметеву, что 9 Августа шайки мятежниковъ около него дѣлали разныя грабительства и угрожали сжечь самый заводъ. Изъ Воздвиженской крѣпости секундъ-маіоръ Залѣсскій рапортовалъ, что 11 Августа воровскіе Башкирцы убили до 50 человѣкъ, бывшихъ на покосѣ. Изъ Озерной крѣпости капитанъ Коптевъ доносилъ, что въ Усергинской волости Башкирцы, собравшись подъ предводительствомъ старшины Кувата Инзянгулова, въ числѣ примѣрно человѣкъ 600, съ женами и съ дѣтьми, всею волостію побѣжали за Яикъ. Изъ Ильинской крѣпости капитанъ Ѳоминъ прислалъ рапортъ: къ нему писалъ капитанъ Моисеевъ, находившійся съ отрядомъ на верховьяхъ рѣчки Караганъ, между Сакмарою и Яикомъ, что имѣвшійся при немъ башкирскій табунъ невѣдомо какими людьми угнанъ, а бывшіе при отрядѣ Башкирцы вскорѣ пос-

лѣ того разбѣжались» (1). Далѣе слѣдовали извѣстія, что мятежники стали собираться въ большія шайки. Одна изъ такихъ шаекъ, предводимая старшинами Сатлыкомъ, Тляумбетемъ и Кучукбаемъ, сожгла построенный на верховьяхъ Ика мѣдный заводъ графа А. И. Шувалова, людей заводскихъ, которые не успѣли спастись бѣгствомъ, умертвила; послѣ этого она въ 30 верстахъ отъ Зилаирской крѣпости напала на драгунскую роту и отрядъ казаковъ, которые были посланы Бахметевымъ подъ командою капитана Шкапскаго для защиты отъ воровъ желѣзнаго завода графа П. И. Шувалова и, пользуясь своею многочисленностію (шайка состояла болѣе чѣмъ изъ 2 т. человѣкъ) и выгодною позиціею (команда Шкапскаго во время нападенія на нее мятежниковъ шла лѣсомъ въ узкомъ мѣстѣ) истребила ихъ, такъ что отъ всего отряда уцѣлѣли два лишь Калмыка и три вѣрныхъ Башкирца (2). Много и другихъ злодѣйствъ совершено было мятежниками и «притомъ съ такою свирѣпостію, что убивая Россіянина, тѣло его въ куски рѣзали» (3). Предстояли еще большія затрудненія и опасности для Русскихъ. Каждая мятежническая партія послѣ совершенныхъ ею злодѣйствъ надъ Русскими или надъ своею же братьею, не хотѣвшею принять участіе въ возстаніи, обыкновенно съ женами и дѣтьми удалялась за Яикъ въ Киргизъ-Кайсацкую орду, чтобы, тамъ соединясь съ Киргизъ-Кайсаками, возвратиться назадъ для окончательнаго истребленія или изгнанія изъ Башкиріи Русскихъ (4). Такимъ образомъ Русскимъ предстояло выдержать борьбу съ коалиціею изъ Башкирцевъ и Киргизовъ. Можно было предполагать и то, что въ случаѣ успѣха этихъ союзниковъ въ борьбѣ съ Русскими приметъ открытое участіе въ ихъ дѣлѣ и магометанское населеніе области средней Волги. Нужно, стало быть, было заботиться не только объ искорененіи мятежническихъ башкирскихъ шаекъ, но и о томъ, чтобы не допустить магометанъ до предположеннаго зачинщиками мятежа соединенія.

---

(1) Донесеніе Неплюева коллегіи Иностр. дѣлъ отъ 12 и 14 Августа 1755 г. Тамже.

(2) Топогр. Оренб. I, 321.

(3) Жизнь Неплюева, имъ самимъ опис.

(4) Топогр. Оренб. II, 40.

Неплюевъ нашелъ средства къ тому и другому. Въ своемъ жизнеописаніи онъ весьма подробно и точно разсказываетъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя были приняты имъ къ подавленію мятежа и къ уничтоженію возникшаго было враждебнаго Русскимъ союза между магометанами; изъ этого разсказа видно, что Неплюевъ явилъ въ тяжолое время мятежа необыкновенную энергію и изобрѣтательность и глубокое знаніе людей, съ которыми ему приходилось вести борьбу. Добрый отъ природы, доселѣ защищавшій интересы Башкирцевъ, онъ теперь явился безпощаднымъ ихъ врагомъ. Мысль, что башкирскій мятежъ, при дальнѣйшемъ его развитіи, можетъ быстро уничтожить плоды долголѣтней русской дѣятельности въ восточной Россіи, что въ случаѣ успѣха мятежники, воодушевленные фанатическою ненавистію къ Русскимъ, не пощадятъ никого изъ послѣднихъ, сдѣлала его неразборчивымъ въ средствахъ борьбы съ ними. Военная сила, подкупы, обманъ, милость и суровое преслѣдованіе — все было имъ пущено въ ходъ, чтобы задушить возстаніе прежде, чѣмъ оно перейдетъ въ общемагометанскій мятежъ противъ Русскихъ. Тяжело тогда больной, онъ всталъ съ постели, когда выяснился предъ нимъ настоящій характеръ башкирскаго замѣшательства. «Немедленно, говоритъ онъ, во всѣ крѣпости и редуты были посланы мною ордера о наблюденіи должной предосторожности къ защищенію, а въ случаѣ возможности о дѣланіи поисковъ надъ злодѣями. Къ Яикскимъ казакамъ отправленъ былъ приказъ о немедленной высылкѣ изъ Яикскаго города 1000 казаковъ. Находящимся команды моей тремъ армейскимъ драгунскимъ полкамъ, Московскому, Троицкому и Ревельскому сказанъ былъ приказъ, чтобы немедленно выступали вовнутрь Башкиріи и тамъ дѣлали поиски, не щадя не токмо жилищъ, но и самыхъ Башкирцевъ, къ вкорененію въ нихъ страха, къ недопущенію сему злу распространиться. Въ Казанской губерніи пребывающимъ четыремъ армейскимъ полкамъ писалъ я, что хотя они и не въ моей командѣ, но начинающееся зло такого рода, что каждый по должности и присягѣ обязанъ быть послушенъ мнѣ, какъ начальнику губерніи, въ которой оно открылось, и потому я Высочайшимъ Е. И. В-ва именемъ командирамъ тѣхъ полковъ опредѣляю поспѣшить приходомъ своимъ въ Оренбургскую губернію, и что въ случаѣ паче чаянія ихъ ослушанія они подвергнутъ себя тягчайшему по законамъ штрафу. Намѣстнику Калмыц-

каго ханства писалъ я, скрывъ однакоже отъ него башкирское возмущеніе, чтобы онъ прислалъ 1000 человѣкъ Калмыковъ по причинѣ умножающихся отъ Киргизовъ наглостей, которымъ Киргизамъ тѣ Калмыки были, есть и будутъ по ненависти, врожденной въ нихъ, непріятелями. На Донъ къ атаману писалъ я, чтобы прислалъ немедленно 1000 казаковъ. Оренбургскихъ около 1000 казаковъ и 500 Ставропольскихъ крещеныхъ Калмыковъ отправилъ я по линіи въ тѣ мѣста, гдѣ болѣе Киргизскихъ набѣговъ имѣлъ причину опасаться, куда отправилъ и пришедшихъ Яикскихъ казаковъ подъ командою ландмилицкаго Шешминскаго полка капитана Тимашева, человѣка весьма надежнаго, въ храбрости и въ знаніи, какъ поступать съ сими непріятелями, извѣданнаго».

Между тѣмъ, какъ съ разныхъ сторонъ двигались въ Башкирію военные отряды и начаты были поиски надъ мятежниками, приняты были мѣры и къ тому, чтобы послѣдніе не могли ни откуда получить себѣ помощи и содѣйствія. Чтобы не дать приволжскимъ Татарамъ поводу пристать къ мятежникамъ, правительство, одобрившее всѣ мѣры, принятыя Неплюевымъ къ подавленію мятежа, поспѣшило сдѣлать въ пользу ихъ нѣкоторыя уступки, о которыхъ въ своемъ мѣстѣ было нами сказано; 26 Сентября отъ имени императрицы изданъ былъ особый манифестъ, гдѣ эти Татары приглашались ловить и представлять къ начальству всякихъ злоумышленниковъ, которые покусятся «плутовскіе свои замыслы разсѣевать въ жилищахъ ихъ, Татаръ и Мурзъ». За тѣмъ въ манифестѣ выражена похвала имъ за ихъ всегдашнюю вѣрность престолу и надежда, что они и въ этомъ случаѣ останутся, какъ и прежде, вѣрными подданными; для испытанія же этой вѣрности, или, вѣрнѣе, для обезпеченія ея, тѣмъ же манифестомъ велѣно было набрать между Татарами и мурзами Казанской губерніи 5000 человѣкъ доброконныхъ и вооруженныхъ и отправить въ распоряженіе Неплюева, въ Оренбургскую губернію, для усмиренія и искорененія зладѣйствующихъ Башкирцевъ, предоставивъ имъ право все, отнятое у послѣднихъ, въ томъ числѣ женъ и дѣтей, брать въ свою пользу (1).

Неплюевъ пытался отвлечь и Киргизъ-Кайсаковъ отъ соучастія въ Башкирскомъ возмущеніи. «Писалъ я къ Нурали

(1) П. С. З. № 10,469.

хану, чтобы онъ народъ свой удерживалъ отъ вспоможенія бунтовщикамъ Башкирцамъ; а какъ оный ханъ надъ своими народами не самовластенъ, то я притомъ же велѣлъ писать и ко всѣмъ знатнымъ старшинамъ моему сыну съ обнадеживаніемъ за послушаніе Высочайшею Е. И. В. милостію, которую опытомъ предварительно подтвердилъ я нѣкоторыми имъ подарками, а въ случаѣ ослушанія пристращиваніемъ ихъ достойнымъ наказаніемъ; тому же посланному въ Киргизкую орду изъ магометанъ толмачу были даны отъ меня сокретно сдѣланные нарочно на татарскомъ языкѣ листы отъ имени пребывающаго въ Оренбурѣ магометанскаго, ими почитаемаго, знатнаго духовнаго, такого содержанія, что хотя онъ подвигу своихъ одновѣрцевъ радуется, но какъ Башкирскій народъ, о чемъ и имъ Киргизцамъ извѣстно, вѣроломный и непостоянный, то онъ опасается, чтобы оный, возъимѣлъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи съ помощію ихъ Киргизовъ, потомъ первою себѣ жертвою не назначилъ ихъ же Киргизовъ. Таковые листы посланникъ мой нарочно обранивалъ, а иногда по дружбѣ отдавалъ». Средство это, какъ сознается далѣе самъ Неплюевъ, не произвело большаго успѣха.

За то ему удалось какъ нельзя лучше поселить разъединеніе въ самомъ мятежномъ Башкирскомъ населеніи, отвлечь отъ нихъ и даже вооружить противъ нихъ Мещеряковъ, Тептерей и Бобылей. Для этого разосланы были имъ по Башкиріи грамоты, въ которыхъ объявлялось полное прощеніе всѣмъ бунтовщикамъ, исключая зачинщиковъ бунта,—если принесутъ повинную. За поимку Батырши въ этихъ грамотахъ обѣщана была награда въ 1000 р. деньгами, старшинскимъ достоинствомъ, буде тотъ, кто поймаетъ его и привезетъ въ Оренбургъ, окажется изъ простыхъ, и богато украшенною дорогими каменьями саблею; за поимку 10-ти ближайшихъ его соучастниковъ, «именитыхъ его учениковъ» назначена награда въ 500 р. «Будеже, заключались такъ грамоты, и за симъ милосердымъ объявленіемъ Башкирскій народъ останется въ возмущеніи, то съ онымъ и съ женами ихъ поступлено будутъ, какъ съ злодѣями, безъ пощады и малолѣтнихъ ихъ дѣтей». Вмѣстѣ съ этими грамотами разосланы были отъ имени Оренбургскаго ахуна листы, въ которыхъ доказывалось, что Батырша прелестникъ и нарушитель покоя Башкирскаго народа, что дѣло возстанія, затѣянное имъ, не получало никогда утвержденія со стороны духовенства и потому противно Алкорану.

«Живущимъ же въ Башкиріи Тептерямъ и Мещерякамъ, говоритъ Неплюевъ,—которыхъ Башкирцы до вступленія подъ Россійскую державу считали своими подданными, послалъ я тогда грамоты, поощряя ихъ противъ бунтовщиковъ Башкирцевъ къ вооруженію какъ по подданнической должности, такъ и для собственной своей безопасности, ибо ненависть и гордость противъ нихъ башкирская имъ довольно извѣстна; объяснялъ, что главнѣйшая причина возмущенія ихъ есть та, чтобы обратить ихъ въ прежнее рабство. Въ поимкѣ Батырши и его учениковъ, добавляетъ Неплюевъ, я на нихъ Мещеряковъ и Тептерей болѣе всѣхъ надѣялся». Надежда эта не обманула его.

«Тептери и Мещеряки, говоритъ онъ далѣе, съ такою ревностію вступили въ борьбу противъ Башкирцевъ, каковой только желать возможно было, а знатнѣйшіе ихъ старшины отправили отъ себя для сысканія тѣхъ возмутителей такихъ людей, которые знали ихъ въ лица». Мятежникамъ вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ противъ нихъ Неплюевымъ, приходилось плохо. На нихъ ополчились близкіе ихъ сосѣди; вытребованныя Неплюевымъ команды, вступивъ съ разныхъ сторонъ въ Башкирію, стали истреблять тѣ ихъ отряды, съ которыми не подъ силу было сладить Тептерямъ и Мещерякамъ. Взбунтовавшемуся населенію, предоставленному своимъ только силамъ, лишенному всякой возможности получить внѣшнюю, со стороны другихъ магометанъ, помощь, на которую оно расчитывало, постоянно ослабляемому тѣмъ, что многіе изъ принявшихъ участіе въ мятежѣ стали уходить къ Русскимъ съ повинной, ничего не оставалось теперь дѣлать, какъ искать спасенія отъ преслѣдованій враговъ гдѣ нибудь въ горахъ и лѣсахъ. Самъ главный двигатель возстанія, Батырша съ важнѣйшими своими сообщниками скитался тамъ, укрываясь отъ сыщиковъ. Это не помогло. Союзники Русскихъ, Тептери и Мещеряки, знали хорошо дороги даже къ самымъ глухимъ трущобамъ края, и мятежническія шайки были находимы военными отрядами тамъ, гдѣ считали себя безопасными. Одинъ Мещерякскій старшина, 80-ти лѣтній старикъ, Сулейманъ Дѣваевъ поймалъ и самого Батыршу, который послѣ того подъ крѣпкимъ конвоемъ отправленъ былъ въ С. Петербургъ. Не знаемъ, что сталось съ нимъ тамъ, точно также какъ не знаемъ, какая судьба постигла и тѣхъ вождей башкирскаго возстанія тридцатыхъ годовъ, которые

отправлены были тоже въ С. Петербургъ. Намъ извѣстенъ только исходъ возстанія, имъ возбужденнаго.

Мятежники еще надѣялись поправить свое дѣло при помощи Киргизъ-Кайсаковъ. Не имѣя силъ держаться внутри Башкиріи противъ Русскихъ отрядовъ, до тѣхъ поръ, пока придетъ къ нимъ эта помощь, они, когда еще Батырша былъ на свободѣ, стали перебираться за Яикъ, что было впрочемъ и условлено у нихъ съ Киргизъ-Кайсаками. Многимъ удалось туда бѣжать; болѣе 50 т. перебралось туда Башкирцевъ, считая въ томъ числѣ женъ и дѣтей. Но многіе за то при перелазахъ за Яикъ были побиты разставленными по этой рѣкѣ командами, или взяты въ плѣнъ и по наказаніи кнутомъ сосланы въ каторгу (1). Истребителями Башкирцевъ при перелазахъ чрезъ Яикъ были некрещеные Калмыки и Донскіе казаки. Чтобы усилить ревность этихъ ополченій въ дѣлѣ истребленія мятежниковъ, Неплюевъ позволилъ имъ обращать въ свою собственность отнятую у непріятеля добычу. Но и тѣ, которые успѣли пробраться чрезъ Яикъ къ Киргизъ-Кайсакамъ, не только не могли достигнуть цѣлей, предположенныхъ зачинщиками возстанія, но еще дорого должны были расплатиться за попытку при помощи Киргизъ-Кайсаковъ продолжать борьбу съ Русскими. Они бѣжали къ Киргизъ-Кайсакамъ, какъ уже сказано, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, соединившись съ этими кочевниками, воротиться назадъ домой и уничтожить въ своемъ краю господство Русскихъ. Потому многое изъ своего имѣнія оставили они въ прежнихъ своихъ владѣніяхъ, скрывъ въ бортевыхъ деревьяхъ и въ другихъ мѣстахъ (2). Но 1-го Сентября вышелъ отъ имени императрицы манифестъ, въ которомъ правительство, повторяя объявленное еще прежде Неплюевымъ обѣщаніе полнаго прощенія тѣмъ мятежникамъ, которые добровольно принесутъ свои вины, вмѣстѣ съ тѣмъ объявляло: «которые Башкирцы изъ своего края бѣжали и въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ «вины добровольно не принесутъ, и изъ бѣговъ не возвратятся и въ томъ злодѣйствѣ пребудутъ, то съ тѣми въ такомъ случаѣ не инако, какъ съ бунтовщиками, поступлено будетъ, отъ чего имъ не

---

(1) Рычковъ пишетъ, что въ разныхъ съ ними сраженіяхъ побито ихъ около 1000 человѣкъ (Топогр. Оренб. II, 41).

(2) Топогр. Оренб. II, 40.

иное что, кромѣ погибели послѣдней и разоренія приключиться можетъ, а жилища ихъ, земли и угодья и къ тому всякія принадлежности розданы будутъ вѣрнымъ Башкирцамъ, и ежели побѣги свои далѣе производить будутъ и что при томъ побѣгѣ вѣрными Башкирцами отобрано будетъ, то останется при нихъ безповоротно» (¹). Этотъ манифесть произвелъ желанное для правительства дѣйствіе на мятежниковъ. Угроза непокорнымъ, въ немъ выраженная и притомъ подкрѣпленная сильными военными отрядами, которые разставлены были по Яику и въ другихъ мѣстахъ Башкиріи, была причиною того, что перебѣги Башкирцевъ къ Киргизъ-Кайсакамъ прекратились, и внутри Башкиріи стало спокойно; являлось немало и такихъ Башкирцевъ, которые стали возвращаться изъ Киргизъ-Кайсацкихъ степей на прежнія жилища и приносить повинную. «Но я, говоритъ Неплюевъ, симъ покореніемъ не успокоился; потому что сіе отъ нихъ сдѣлано было по нуждѣ, а мнѣ толикаго войска содержать въ губерніи не всегда возможно; посему я обратилъ вниманіе на искорененіе той надежды, которую Башкирцы на Киргизовъ имѣли». Неплюевъ задумалъ поселить между этими двумя народами непримиримую вражду. Этой цѣли достигъ онъ такимъ образомъ. Съ разными Татарами Сеитовой слободы онъ отправилъ въ Киргизскую орду грамоты; въ этихъ грамотахъ выражалось его убѣжденіе, что вообще Киргизъ-Кайсаки всегда пребывали непоколебимо-вѣрными Россіи, и что если нѣкоторые изъ нихъ принимали участіе въ Башкирскомъ мятежѣ, то это онъ объясняетъ тѣмъ, что они были обмануты Башкирцами, и молодостію этихъ участниковъ возстанія. Выразивъ такимъ образомъ похвалу мнимой вѣрности Киргизъ-Кайсаковъ, Неплюевъ затѣмъ объявляетъ, что наказать участниковъ мятежа, какъ Киргизъ-Кайсаковъ, такъ и Башкирцевъ, которые убѣжали въ Киргизъ-Кайсацкія степи, предоставляетъ Киргизъ-Кайсацкому хану, съ тѣмъ, чтобы никто изъ Киргизъ Кайсаковъ, виновныхъ въ мятежѣ не былъ лишенъ жизни; что же касается до Башкирцевъ, то вѣрнымъ Киргизъ-Кайакамъ онъ позволялъ обратить въ свою собственность женъ, дочерей и имѣніе перебѣжавшихъ къ нимъ мятежниковъ, но съ тѣмъ, чтобы мущины отвезены были въ Россію, или выгнаны были изъ ихъ кочевій. За ис-

(¹) П. С. З. № 10,453.

полненіе этого сверхъ того обѣщана была награда. Не успѣли эти грамоты притти въ орду, «какъ склонные къ плотскому паденію магометане—Киргизъ-Кайсаки, разсказываетъ Неплюевъ, тою добычею пожелали воспользоваться; Башкирцы же, мужья и отцы, увидѣвъ въ своихъ защитникахъ и обнадеживателяхъ присвоителей ихъ женъ и дочерей, принуждены нашлись защищать ихъ съ потеряніемъ жизни, и симъ способомъ погибло не мало мятежныхъ Башкирцевъ и невѣрныхъ имъ Киргизцовъ. Выгнанные изъ орды принуждены были возвращаться на прежнія жилища, потерявъ женъ, дѣтей и имѣніе. На границѣ же отъ меня приказано было таковыхъ пропускать въ ихъ жилища, дабы слухомъ симъ отнять у всѣхъ Башкирцевъ ту надежду, которую они имѣли на Киргизовъ. Многіе, потерявъ матерей, женъ и дочерей, пріѣзжали ко мнѣ просить дозволенія переѣхать имъ за Яикъ для отмщенія и воздаянія за обиду обманувшимъ ихъ Киргизамъ». Неплюевъ не далъ на то формальнаго позволенія. «Но чтобы, говоритъ онъ далѣе, еще болѣе междуусобіемъ ослабить сихъ мятежныхъ народовъ, переводчики съ моего дозволенія отъ себя имъ толковали, что генералу де ѣхать вамъ позволить нельзя, а буде вы и поѣдете и Киргизцовъ разобьете, такъ де взыскивать на васъ не будетъ. Они тогда собрались многими партіями и поѣхали за Яикъ противъ Киргизовъ, которые, плавая въ сластолюбіи и надѣясь, что разоренные Башкирцы не осмѣлятся о женахъ и дѣтяхъ своихъ и помыслить, пребывали безпечными. Озлобленные Башкирцы обратили всю свою ярость на ближайшіе Киргизскіе улусы, многихъ побили, взяли женъ и дѣтей ихъ и скотъ». Ханъ немедленно послѣ этого обратился къ Неплюеву съ требованіемъ примѣрнаго наказанія Башкирцамъ, учавствовавшимъ въ разграбленіи его улусныхъ людей. «Я, говоритъ Неплюевъ, велѣлъ ему сказать, что если бы Киргизы тѣхъ злодѣевъ прежде не принимали къ себѣ, то и сего никогда не могло бы произойти, и что, сколько мнѣ извѣстно, весь Башкирскій народъ только о томъ и мыслитъ, какъ бы погублять Киргизовъ, и еслибы мною не были удерживаемы, то Киргизы скоро бы увидѣли истину моихъ словъ». Еще не успѣлъ уѣхать обратно въ орду посланецъ хана, какъ Башкирцы дѣломъ подтвердили истину послѣднихъ словъ Неплюева. Сами Киргизъ-Кайсаки подали къ тому поводъ. Во время пребыванія ханскаго посланца въ Оренбургѣ, толпа Кир-

гизъ-Кайсаковъ болѣе чѣмъ въ 2000 человѣкъ сдѣлала покушеніе перейти чрезъ Яикъ, но была разбита крещеными Калмыками и Донскими казаками, охранявшими линію, и должна была въ бѣгствѣ искать себѣ спасенія отъ конечной гибели. И не спаслась отъ нея: бѣжавшіе Киргизъ-Кайсаки натолкнулись на партію Башкирцевъ, ѣхавшихъ въ Киргизскіе улусы мстить похитителямъ ихъ женъ и дочерей. Произошла свалка. Всѣ почти Киргизы были переколоты Башкирцами, и уцѣлѣвшіе были преслѣдуемы ими до самыхъ улусовъ, ограбивъ которые, побѣдители возвратились въ домы свои.

«Осенью всѣми вышеписанными средствами, говоритъ Неплюевъ, заканчивая свой разсказъ о Батыршиномъ бунтѣ,— приведя ввѣренную мнѣ губернію въ прежнюю тишину, отпустилъ я какъ регулярныя, такъ и нерегулярныя команды... Сіе происшествіе (т. е., послѣднія отношенія между Башкирцами и Киргизъ-Кайсаками, возбужденныя Неплюевымъ) положило таковую вражду между тѣми мятежными народами, что Россія навсегда отъ согласія ихъ можетъ быть безопасна». Не одного этого результата по отношенію къ Башкирцамъ достигъ Неплюевъ «всѣми вышеписанными средствами». Многопотрудившійся по примѣру своего учителя на пользу общую, онъ своею дѣятельностію въ Закамскомъ краю достигъ и того, что послѣ него невозможны уже стали вооруженныя возстанія инородческаго его населенія противъ Русскихъ во имя магометанской вѣры и съ цѣлію воскресить старинные общественные татарскіе порядки. Отселѣ ревностные поклонники Магомета и приверженцы татарской старины, жившіе въ Приволжьи и за Камой, могли чуждаться Русскихъ и ихъ обычаевъ, упорно держаться старинныхъ вѣрованій и особенно житейскихъ правилъ, могли переселяться въ Турцію; но не могли ни здѣсь, ни тамъ выставить такого рода противодѣйствіе русской дѣятельности въ восточной Россіи, какое дотолѣ выставляли сначала Казанскіе мурзы и Татары, а потомъ и Башкирскіе старшины и муллы. Бунтъ Батыршинъ былъ послѣднею попыткою русскаго магометанства вооруженнымъ возстаніемъ вытѣснить Русскихъ съ Востока, воспрепятствовать колонизаціонному ихъ движенію туда. Башкирскій вопросъ утратилъ навсегда прежнее свое значеніе. Онъ былъ разрѣшенъ. Другой, болѣе страшный для Россіи, поднимался вопросъ въ Приволжьи и за Камой; это вопросъ

крѣпостный. Движеніе тутъ между разнаго рода крѣпостными, разразившееся потомъ пугачевщиной, движеніе, къ которому примкнули инородческіе интересы, начинало уже принимать такой характеръ и размѣры, что другіе вопросы отступали далеко на задній планъ. Другимъ администраторамъ пришлось распутывать этотъ вопросъ. Неплюевъ же послѣ увольненія своего въ 1760 году отъ должности Оренбургскаго губернатора не долго уже и вообще продолжалъ общественную свою дѣятельность. На приглашеніе императрицы Екатерины II не оставлять службы онъ, говорятъ, далъ отвѣтъ: «Нѣтъ, Осударыня! Мы Петра Великаго ученики; проведены имъ сквозь огонь и воду; инако воспитывались, инако мыслили и вели сябя, а нынѣ инако воспитываются и инако ведутъ себя» (1). Еще до 1773 года прожилъ этотъ честный русскій дѣятель, когда, на 81 году, скончался.

(1) Словарь достопамятн. людей Русской земли, состав. Бантышъ-Каменскимъ. Ч. II. стр. 499.

ОГЛАВЛЕНІЕ

УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ

ЗА 1870 ГОДЪ.

Стр.

Семейныя власти у древнихъ Славянъ и Германцевъ. *С. М. Шпилевскаго*. . . . . 1.

Удвоеніе куба съ какимъ угодно приближеніемъ. *А. Ѳ. Попова*. . . . . 233.

Значеніе интеграла $\int \frac{x^{2m}\,dx}{(1+x^{2n})\sqrt{1+x}}$. *А. Ѳ. Попова* . . . . . 236.

О функціяхъ Я. Бернулли и выраженіи разности между однопредѣльными суммою и интеграломъ. *В. Г. Имшенецкаго* . . . . . 244.

О миѳическомъ преданіи, какъ главномъ содержаніи народной поэзіи. *Н. Н. Булича*. . . . . 266.

О затмѣніяхъ спутниковъ планеты Урана. *А. Ѳ. Попова*. . . . . 309.

Граматы Надиръ-Шаха своему сыну Ридза-Кули-Мирзѣ, касающіяся индійскихъ походовъ Надира (съ персидскаго). . . . . 313.

Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. и колонизація закамскихъ земель. *Н. А. Ошрсова*. . . . . 321.

22